

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата

ҚАЗАҚТЫҢ

МЕМЛЕКЕТТІК

КӨРКЕМ ӘДЕБИЕТ

БАСПАСЫ

Алматы

Қазақ ССР Ғылым Академиясы

ШОҚАН УӘЛИХАНОВ

ТАҢДАМАЛЫ ШЫҒАРМАЛАРЫ

РЕДАКЦИЯСЫН БАСҚАРҒАН ҚАЗАҚ ССР
ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ
АКАДЕМИГІ ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАН

ҚАЗАҚТЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК
Көркем әдебиет
БАСПАСЫ
Алматы · 1952

Академия Наук Казахской ССР

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА
АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
А. Х. МАРГУЛАНА

Дюсенов
Серик Атыгаевич

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы
АЛМА-АТА · 1958

564341

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящее издание «Избранных произведений» включены наиболее интересные и законченные произведения Ч. Ч. Валиханова, содержащие материалы и исследования по истории, этнографии и литературе казахского и киргизского народов, а также произведения публицистического характера, отражающие взгляды автора на историческое развитие, политическую и культурную жизнь народов Средней Азии и Казахстана. Наряду с ранее издававшимися трудами в сборник вошли также новые, неизвестные работы Валиханова, его записки, дневники, критические заметки и письма, публикуемые впервые.

В настоящем издании избранных произведений Валиханова были использованы автографы и малоизвестные рукописные копии его трудов, хранящиеся в архивах Академии наук СССР (ф. 23). ЦГАЛИ (ф. 118, 159), Министерства Иностранных дел СССР (ф. IV, IV—3), Всесоюзного Географического Общества (разряд 64) и ЦГВИА (ф. 447, д. 235), а также издание его сочинений под ред. Н. И. Веселовского, «Записки Русского Геогр. О-ва», т. XXIX, 1904 г. Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

Рукописное наследие Валиханова долго не было предметом особого научного исследования, никогда

не составлялась полная опись его произведений, определяющая характер, объем и место хранения всего научного и литературного наследства. Поэтому ряд произведений этого замечательного ученого-просветителя до сих пор оставался неизвестным широким слоям научной общественности. Помимо отдельных, незначительных по объему статей и заметок Ч. Валиханова, публиковавшихся еще при жизни автора в различных газетах и журналах, первое издание его сочинений, упомянутое выше, давно стало библиографической редкостью.

Академия наук Казахской ССР предпринимает издание его научного и литературного наследства, запланировав его на ближайшие годы; при этом прежде всего обращается внимание на необходимость освоения всего рукописного наследства ученого, на выявление неизвестных автографов и рукописных копий трудов Валиханова. Поиски, проведенные в архивах и книгохранилищах Москвы, Ленинграда и Алма-Аты, дали новые автографы, рукописные списки и варианты основных произведений Чокана Валиханова. Выявление этих источников дает возможность установления основных текстов его произведений.

Автографы Валиханова имеют свою специфику, в них много условностей, затрудняющих правильное чтение текстов. Чокан часто пишет сокращенно; его система во многом отличается от норм современной русской графики и орфографии. Тексты его автографов местами не поддаются прочтению: в них вкралось много неисправностей, как орфографического и стилистического порядка, так и искажений самого существа текста, вызванных наспех сделанными им же самим исправлениями и редакционными изменениями. На полях рукописей и в корпусе текста автором сделаны многочисленные вставки и приписки на разных восточных языках.

Значительная трудность в освоении рукописного наследия Валиханова вызвана также тем, что большая часть его рукописей переписана другими лицами, которые, не разобрав смысла слов и выражений, особенно восточной терминологии, допускали произволь-

ное толкование не понятых ими мест. Тексты рукописных копий изобилуют пропусками и описками. Немало пропусков имеется и в рукописях самого Валиханова. Некоторые из его произведений оказались незаконченными из-за преждевременной смерти. Наконец, какая-то доля неисправностей текста вызвана повреждением рукописей от времени (выцветание) и условиями их хранения в дореволюционное время.

При подготовке к печати избранных произведений Валиханова составители стремились, по возможности, устранить указанные недочеты. Все тексты рукописей подвергнуты тщательной проверке с точки зрения их исправности; рукописные копии, часть которых проверена самим Валихановым, заново сверены с его автографами. Наличие нескольких рукописных копий (списков) одной и той же работы и печатного их текста потребовало установить их разночтения и варианты, чтобы в качестве основного текста выбрать наиболее полный и содержательный вариант, прошедший контроль автора; помимо этого, к соответствующим местам основного текста приводятся в сносках разночтения, содержащие оттенки мыслей Валиханова, не выраженные в основном тексте.

Принимая во внимание цель издаваемого «Сборника», а именно — ознакомление широкого читателя с лучшими, наиболее законченными и ценными в научном отношении произведениями Ч. Валиханова, составители позволили себе некоторые, как опубликованные ранее («Очерки Джунгарии»), так и впервые публикуемые работы («Кульджинский дневник», отдельные главы работы «киргизы») дать с купюрами спорных мест (узко личного и др. характера).

Большую помощь в устранении пропусков и неясных отрывков текста оказало привлечение новых материалов Ч. Валиханова. Теперь устранены прежде всего недочеты первого издания, осуществленного Русским географическим обществом в 1904 г. Сверка материалов этого издания с их подлинниками дала возможность установить редакторское вмешательство в основной авторский текст, а именно: ряд произведений Валиханова при подготовке к печати был подвергнут

значительному изменению и переработке. Многие высказывания автора, осуждающие политику царского самодержавия и монархический строй, в этом издании были смягчены, острые формулировки вычеркнуты. Несомненно, все это было вызвано условиями царской цензуры. Особенно значительному изменению подверглась «Записка о судебной реформе». Ряд положений и термины в этой работе («народ», «масса»), вызывавшие отрицательную реакцию со стороны царской цензуры, вычеркивались и заменялись самим Валихановым.

В нашем издании тексты переданы с полным сохранением особенностей языка автора, нисколько не нарушающих смысловой и стилистической их основ. Принятая для этого издания орфография приближена к современным нормам правописания. Пунктуация в основном сохраняется авторская, исключения сделаны только в тех случаях, когда она противоречит принципам современной публикации.

Явные описки и несогласованность родов, падежей и т. д., вызванные поспешными записями, правлены без оговорок.

Сокращенные слова, а также пропуски слов, вызывающие затруднение в понимании текста, раскрыты в квадратных скобках [ ].

Принятые нашим изданием отдельные правки издания проф. Н. И. Веселовского заключены в квадратные скобки со звездочкой [ ]*.

Авторские скобки сохранены в виде круглых скобок ( ).

Текст, зачеркнутый самим Ч. Валихановым или редактором первого издания (1904 года) по цензурным соображениям дореволюционного времени, дан в круглых скобках со звездочкой ( )*.

Вставки и приписки, сделанные в тексте и на полях рукописи самим автором, включены в контекст.

Пробелы (лакуны) рукописи и неразобранные места обозначены тремя точками и объяснены в сносках же. Лакуны заполнены частично в квадратных скобках.

Слова, подчеркнутые в рукописи Ч. Валихановым, печатаются курсивом.

Племенные, географические наименования и личные имена даются в транскрипции, близкой к современному их начертанию. Латинские зоологические и ботанические наименования сохраняются авторские, а их современная номенклатура указана в сносках или прямых скобках.

Иностранные (восточные, западно-европейские) изречения, поговорки и отдельные слова сохранены в тексте на языке оригинала, а перевод их дан в сносках.

Материалы расположены по тематическому принципу с соблюдением хронологической последовательности внутри каждого раздела.

В данном издании воспроизводятся некоторые зарисовки и автографы Валиханова, а также его портрет. Издание снабжено вступительной статьей, примечаниями, отмеченными в тексте сплошной единой нумерацией по всему «Сборнику», и краткими указателями.

* * *

Издание «Избранных произведений» Ч. Валиханова осуществлено научными работниками Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством академика АН Казахской ССР, доктора филологических наук А. Х. Маргулана.

Текстологическая работа над рукописями Ч. Ч. Валиханова проведена академиком АН КазССР А. Х. Маргуланом, научными сотрудниками А. Б. Никольской, М. С. Турсуновой, П. Г. Галузо, Л. М. Ауэзовой, Г. Валихановым. Указатели составлены Л. М. Ауэзовой.

В выявлении новых архивных материалов, кроме группы составителей, принимали участие кандидаты исторических наук Шоинбаев и Ф. Маликов.

В комментировании записки Валиханова о судебной реформе принимал участие проф. С. Я. Булатов. Латинские названия ботанических терминов просмотрены акад. Н. В. Павловым, зоологические — кандидатом биологических наук А. А. Слудским.

Составители выражают благодарность всем товарищам, оказавшим помощь в подготовке книги к печати.

СОКРАЩЕНИЯ,

ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИИ МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСИ ИЛИ ДОКУМЕНТА

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (Москва).

ФЦГИАЛ — Филиал центрального государственного исторического архива (Ленинград).

ФЦГВИА — Филиал центрального государственного военно-исторического архива (Ленинград).

РОБЛ — Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина.

РОПБЛ — Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ЗРГО — Записки Русского географического общества.

ВУА — Военно-ученый архив.

ЦГИА КазССР — Центральный государственный исторический Архив КазССР.

ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР.

ф. — фонд

оп. — опись

д. — дело.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

I

Тридцатые — сороковые годы XIX века были важным этапом в истории Казахстана, периодом сближения с великим русским народом и его передовой демократической культурой. Это братское сближение открывало перед казахским народом широкие перспективы экономического и культурного развития, способствовало ломке старых патриархально-феодальных устоев казахского общества.

Весьма существенное значение имела ликвидация ханской власти и введение нового административного устройства.

В северо-восточных районах Казахстана было организовано Пограничное управление сибирских казахов, которому было подчинено казахское население, жившее на территории нынешних Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской, Карагандинской, Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской и части Кустанайской областей. Административным центром всего этого обширного района стал город Омск. В 1854 году Пограничное Управление было упразднено, степные округа вошли в две обширные области — область Сибирских казахов с центром в Омске и Семипалатинская область с центром в Семипалатинске.

Предки Чокана Чингисовича Валиханова принад-

лежали к старинной султанской аристократии, его прадедом был известный хан Аблай. Дед Ч. Валиханова Вали, от которого он получил свою фамилию, был последним ханом Среднего жуза.

Родовая усадьба Валихановых находилась в Кокчетавском округе, в местности Сырымбет. Отец Ч. Валиханова Чингис Валиев родился в Сырымбете в 1811 году. Когда умер Вали, Чингису было всего семь лет. Отцовское наследство, по обычаям казахов, должно было перейти к старшему сыну Вали — Габайдулле. Однако по политическим причинам Габайдулла был сослан в Березов и кончил жизнь в ссылке. В силу этого руководящая роль в семье перешла вдове Вали — Айганым, бабушке Чокана Валиханова. Это была умная, образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел. Айганым стремилась укрепить дружественные отношения между казахским и русским народами, помогала русским ученым и инженерам, занимавшимся геологическими исследованиями в Северном Казахстане. «Айганым, родная его бабка по отцу,— пишет П. П. Семенов-Тян-Шанский,— вдова хана Валия со своими детьми осталась верной России, в то время, когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Валий принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся ко вдове хана Валия и велел выстроить ей в Киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов»*).

Айганым хорошо понимала значение русского образования, знания русского языка. В 1827 году она отдала своего сына Чингиса, отца Чокана, в Сибирское войсковое училище. Эта школа дала Чингису законченное среднее образование, он вышел из нее хорошо владеющим русской разговорной речью. Чин-

*) П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары, т. II, М., 1946, стр. 54.

гис был одним из первых казахов, хорошо знавшим русский язык.

По окончании войскового училища Чингис в возрасте 23 лет был назначен старшим султаном*) только что открывшегося Аманкарагайского округа, впоследствии переименованного в Кушмурунский, с присвоением ему чина майора, а затем полковника. В год окончания войскового училища (1834) Чингис женился на Зейнеп Чормановой.

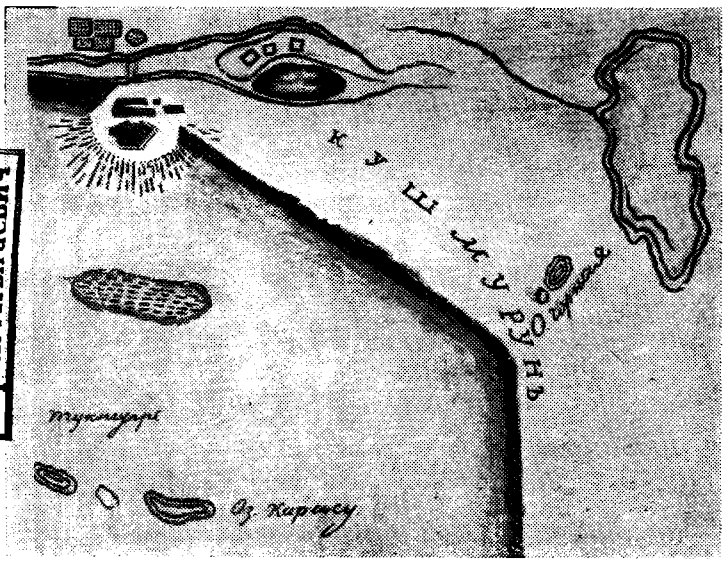

Рис. 1. План крепости Куш-Мурун.

Дюсенов Серик Атыгаевич
5.64341

Переселившись в Кушмурун, Чингис жил как чиновник царской службы. Кроме жалованья, получаемого ежегодно от казны, он имел небольшое хозяйство, выделенное бием Чорманом в качестве приданого для его дочери Зейнеп. В летний период Чингис делал небольшие переходы с принадлежавшим ему ско-

*) Старший султан — административная должность.

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА г. Петропавловск

том, зимой жил в крепости. Он поддерживал постоянные связи с родными. К Чингису часто приезжала мать Айганым, подолгу жившая у него. С семьей Чингиса жил и бий Ихлас из поколения уак, знающий, умудренный жизненным опытом человек. Он стал наставником и воспитателем детей Чингиса Валиханова.

К пятидесятым годам Чингис возвратился в Сырымбет, в усадьбу своей матери, где провел большую часть своего детства Чокан Валиханов. Сохранилось описание этой фамильной усадьбы Валихановых, данное офицером генерального штаба А. К. Гейнсом.

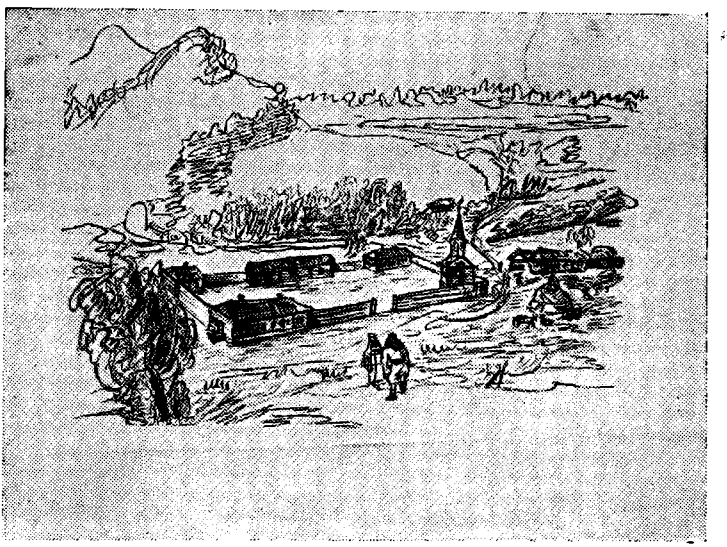

Рис. 2. Аул Сырымбет.

«Зимовка Чингиса лежит от настоящего места кочевки в 10 верстах. Две живописные горы, покрытые бором, закрывают его усадьбу; пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посредине мечеть. В середине дома, занимаемого Чин-

гисом с женою, убранство подходит к помещичьему*).

Чокан Валиханов (полное имя—Мухаммед-Ханафия, а Чокан — прозвище, данное матерью) родился не в 1837 году, как писали некоторые его биографы, а в ноябре 1835 года в крепости Кушмурун. Об этом свидетельствует формулярный список о службе Ч. Валиханова, хранящийся в архиве Министерства иностранных дел СССР**). Эта дата отмечается и другими официальными документами. Так, в анкетных данных, составленных при избрании Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества, указывается также 1835 год.

Чокан провел свои детские годы сначала в Кушмуруне, а потом в Сырымбете. Это — красивейшие местности в Северном Казахстане, овеянные историческими легендами.

Согласно воспоминаниям, маленький Чокан развивался очень быстро, был шустрым и умным мальчуганом. Его детство протекало в степи. Чуткий и одаренный мальчик всегда прислушивался к историческим преданиям народа, общался с людьми из народа, слушал песни и рассказы простых людей.

Значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым. В увлекательной форме она рассказывала Чокану старинные казахские легенды, предания и исторические события недавнего прошлого, в которых сама принимала живое участие.

По отзывам современников (Г. Н. Потанин, И. Ибрагимов, А. К. Гейнс), отец Чокана Валиханова — Чингис хорошо знал быт, обычаи, экономику и политическую жизнь казахского общества той эпохи.

Несмотря на ограниченность своего кругозора, он поддерживал многие культурные начинания, помогал научным учреждениям в устройстве выставок, собирал этнографические материалы для географического

---

*) А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов. СПБ, т. I, 1895, стр. 265.

**) Архив МИД, ф. личных дел, оп. 464/3, д. 318, л. 78—79.

и антропологического обществ и для музеев, оказывал энергичное содействие ученым, приезжавшим в Северный Казахстан для проведения научной работы. Много сделал Чингис для собирания и изучения казахской народной поэзии и казахского музыкального фольклора. Он сам был незаурядным музыкантом, играл на кобызе и домбре, устраивал музыкально-поэтические состязания, куда приглашал лучших певцов и музыкантов. Его аул часто служил местом конкурсов и испытаний молодых дарований, а также поэтических турниров акынов.

Чингис проявлял большую заботу о будущем своего сына. Он, как и его мать Айганым, хотели дать Чокану светское русское образование.

Первоначально Чокан Валиханов обучался в Кушмуруне в частной казахской школе. Здесь он овладевал основами арабского письма, изучал восточные языки; Чокан читал на чагатайском языке памятники средневековой литературы, упражнялся в разговорной арабской и персидской речи, декламации стихов восточных поэтов.

Султанские дети, по традиции, должны были изучить несколько восточных языков, или, как говорят, «жеті жұрттың тілін білу» — знать языки семи народов. Этот обычай тогда еще имел силу, и Чокан хорошо усвоил арабскую, позже и уйгурскую грамоту.

Одним из детских увлечений Чокана была его страсть к рисованию. Этому искусству он научился у русских художников-топографов и геодезистов, подолгу проживавших в Кушмурунской крепости в семье Валихановых. Кроме того, в ауле Валихановых часто гостили русские ученые, инженеры и образованные офицеры, которые прививали даровитому мальчику интерес к искусству и литературе.

Большое удовольствие доставляла юному Чокану соколиная охота. Увлекаясь ею, Чокан в летний период обычно делал большие экскурсии по степи. Его привлекали бескрайние просторы степей, зеленые рощи, туганы речных долин, высокие утесы. Так он знакомился с родной страной.

Еще в детстве он посетил Акмолинские и Баян-Аульские степи, часто бывал у родных своей матери, живших около Баян-Аульских гор. Эти поездки врезались в память Валиханова и воспоминания о них он, уже будучи воспитанником кадетского корпуса, передавал своему другу Г. Н. Потанину*).

С ранних лет Чокан Валиханов проявлял огромную любовь к казахской народной поэзии, записывая ее классические образцы, и читал их вслух перед своими родителями. Уже в детстве им было записано несколько вариантов народных поэм «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и «Еркокше», которые позже он передал своему учителю Н. Ф. Костылецкому.

Юный Чокан увлекается и поэзией других народов Востока. Еще в ауле он запоем читал стихи классиков литературы Востока. Как пишет сам Чокан, любовь к восточной поэзии он сохранил до конца дней своих.

Большое значение для Ч. Валиханова имели связи его отца с передовыми русскими людьми, питавшими интерес к казахскому народу и его культуре. В детстве Чокана в ауле его отца бывали многие образованные люди, как, например, Н. Ф. Костылецкий, Н. И. Дабшинский и Т. Сейфуллин, окончившие восточный факультет Казанского университета**). До нас дошло письмо полковника Ладыженского, работавшего в то время начальником Пограничной комиссии сибирских казахов. В этом письме Ладыженский просил Чингиса собирать образцы казахской народной поэзии, сказок, легенд и преданий. Письмо Ладыженского произвело сильное впечатление на отца Чокана. Он стал приглашать к себе лучших акынов и сказителей и при помощи своего уже грамотного сына записывал казахские песни и легенды, которые посылал в Омск***).

---

*) Г. Н. Потанин. Биогр. сведения о Чокане Валиханове. Сочинения Ч. Ч. Валиханова. ЗРГО, под редакцией Н. И. Веселовского, СПб, 1904, стр. XVI.

**) Аул султана Чингиса Валиханова. Одесский вестник, 1842, № 74; Г. Н. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 60—88.

***) Архив Ч. Валиханова, ф. 23, оп. I, д. 17, л. 1—2.

Такова была среда, в которой рос и воспитывался юный Валиханов.

II

Однако ни поэзия, ни увлекательная охота с обученными соколами, ни великолепие природы родного края не могли удовлетворить пылкие желания юного Чокана. Он стремился в большой город, где надеялся получить знания. Осенью 1847 года 11-летний Чокан, оставив родную степь, прибыл в Омск на учебу. Русские друзья Чингиса помогли ему устроить сына в Сибирский кадетский корпус, считавшийся тогда лучшим учебным заведением в Сибири.

Первое впечатление от большого города, центра обширного края, было очень сильно для восприимчивого мальчика, только что приехавшего из аула. С большим увлечением Чокан стал зарисовывать карандашом виды Омска. «Русский город поразил мальчика и он изображал карандашом из городских видов»,— вспоминает Г. Н. Потанин*).

Годы поступления Чокана в кадетский корпус — это годы николаевской реакции и усиления общественно-политической борьбы против феодально-крепостнического строя. Народы России в это время переживали канун важных революционных событий. До самых отдаленных окраин России доносились отзвуки освободительной борьбы, становилось известно о петрашевцах, письме Белинского к Гоголю, в котором так ясно звучал призыв к борьбе с самодержавием.

Замечательные революционно-демократические идеи Белинского и Герцена стали известны по всей России, произвели переворот в умах лучших представителей русского общества, оказали глубокое влияние на развитие освободительного движения в стране.

Освободительные идеи Белинского и Герцена проникли и в Сибирь и далекий Казахстан, в Сибирский кадетский корпус, где в это время учился Чокан Валиханов.

*) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. VI.

Кадетский корпус был создан в 1845 году на базе бывшего войскового училища Сибирского казачьего войска и считался одним из лучших учебных заведений того времени. По определению декабриста И. Завалишина это «был рассадник просвещения и патриотизма». Учебная программа включала, помимо военных дисциплин, всеобщую географию, географию России, всеобщую историю, историю России, русскую и западноевропейскую литературы, основы философии, физики, химии, арифметики, алгебры, геометрии, прямолинейной тригонометрии с применением ее к съемке; преподавались также черчение, рисование, языки — русский, французский. Кроме того, в корпусе был класс восточных языков. Здесь вместо французского преподавали тюркские языки*).

Состав преподавателей корпуса также был хороший, немало педагогов имело университетское образование.

Чокан пришел в кадетский корпус, не зная русского языка**). Однако, обладая незаурядными способностями, он быстро преодолевал трудности, учился отлично и превзошел своих сверстников. «Развивался Чокан быстро,— вспоминает его школьный товарищ и друг Г. Н. Потанин,— опережая своих русских товарищей... Им интересовались многие, он такой способный, уже рисует прежде чем поступил в заведение»***).

Глубокие познания и необыкновенная память Чокана, соединенные с трудолюбием, приводили в восторг учителей корпуса. Особенно проявил он себя в изучении восточных языков и этим обратил на себя внимание лучших преподавателей корпуса.

Глубокое влияние на развитие Ч. Валиханова оказывали Ф. Н. Костылецкий — литератор-ориенталист, окончивший восточный факультет Казанского универ-

---

*) Ф. Н. Усов. Очерки по истории Сиб. казач. войска. Омск, 1884, стр. 44—45.

**) Акад. В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. М.—Л., 1947, стр. 23.

***) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XII.

ситета, преподававший в корпусе русскую литературу; ссыльный ученый Гонсевский, преподававший курс истории, а также литератор В. П. Лободовский — друг молодости Н. Г. Чернышевского и последователь его идей*), пришедший в корпус несколько позднее. Это были люди, принадлежавшие к плеяде русской демократической интеллигенции, воспитанные на идеях Белинского и Герцена.

Н. Ф. Костылецкий был другом известного ориенталиста, тюрколога, проф. Петербургского университета И. Н. Березина. По свидетельству Г. Н. Потанина, Костылецкий передал И. Н. Березину материалы по казахской народной поэзии, в том числе и несколько вариантов известной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», которые он достал в степи через своего воспитанника Чокана Валиханова.

Судя по архивным материалам, Н. Ф. Костылецкий снабжал своих воспитанников инструкцией по собиранию казахского фольклора и описанию казахских народных игр. Сохранились многочисленные письма и записи казахского фольклора, адресованные на имя Н. Ф. Костылецкого. Эти записи, кроме Чокана Валиханова, ему посылали Халиулла Ускембаев, брат Абая, известный мелодист Мустафа Буркутбаев (из Баян-Аула), Садвокас Анаев (из Кокчетавского округа), Ханходжин (из Аягуза) и т. д. В своих письмах они выражали искреннюю благодарность своему учителю за то, что он не жалеет ни сил, ни энергии в просвещении казахской молодежи. Эти интересные материалы, составляющие яркие страницы народной дружбы, хранятся в архиве Института востоковедения Академии наук СССР, в фонде проф. И. Н. Березина.

Костылецкий разделял самые передовые идеи своего времени, пропагандировал Белинского. «Костылецкий,— пишет Г. Н. Потанин,— отличался независимым характером и был очень остроумен... Он был поклонник идей Белинского и почитатель Гоголя;

*) Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 26, 64, 70.

в своей истории словесности он руководствовался статьями Белинского, что потом одним из генерал-инспекторов, ревизовавших корпус, было поставлено ему в упрек»*). Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Н. Ф. Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и арестован.

Важное значение для развития Валиханова имело его близкое общение с преподавателем истории Гонсевским, человеком весьма образованным, готовившимся к научной деятельности. В корпусе он читал историю общественных движений и «...лекции его,— замечает Г. Н. Потанин,— имели для нас большое значение**).

Гонсевский, питавший к Чокану отцовскую любовь, часто приглашал его к себе на квартиру и чуть ли не был его опекуном. Постоянные беседы с этим глубоко образованным преподавателем оставили сильное впечатление в духовной жизни Ч. Валиханова. Гонсевский много рассказывал ему об истории различных стран и общественного освободительного движения в Европе и России, начиная с древнейших времен и до XIX в. «Беседа с Гонсевским,— пишет Г. Н. Потанин,— познакомила его (Ч. Валиханова) с политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей это была замкнутая еще книга»***).

Эти лучшие преподаватели корпуса пробудили в юном Чокане интерес к знаниям, к науке, помогли выработке его демократических взглядов, ненависти к произволу и насилию, любви к книге, к чтению научной и художественной литературы.

Уже во втором классе корпуса любимыми авторами Ч. Валиханова становятся Пушкин, Гоголь, Белинский и Герцен. В выборе этой литературы сказывается влияние того же Н. Ф. Костылецкого. Из ев-

---

*) Г. Н. Потанин. Биограф. сведения о Чокане Валиханове. Указ. изд. ЗРГО, стр. VII—VIII.

**) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. VIII.

***) Там же, стр. XIV.

ропейских авторов Чокан с большим интересом читал Руссо, Карлейля, Диккенса, Теккерея, позднее—труды философов-материалистов. Один из его приятелей — Н. М. Ядринцев в своих воспоминаниях о Валиханове писал: «В корпусе Чокан Валиханов обнаруживал любознательность и недюжинные способности, он много читал в корпусе, его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей. Эти авторы в особенности были по вкусу Валиханову, так как он сам обладал замечательным юмором»*).

В летние каникулы Чокан Валиханов уезжал в степь в свой аул в Сырымбет. Эти поездки представляли для него огромное удовольствие, давали ему возможность еще ближе присмотреться к жизни родного трудового народа, производить записи народных песен, легенд и сказок и зарисовывать бытовые картины.

Для наблюдательного Чокана искусство рисования уже в то время являлось одним из лучших средств воспроизведения жизни народа. Находясь в ауле в окружении своих родных и друзей, он увлекался зарисовками Сырымбета, кочевок аула и мест стоянок. Этим зарисовкам периода 1847—1852 годов Чокан дал общее название «Корпустен ельге, отпускеге барганда язмыш суреттер», т. е. «Зарисовки, сделанные во время каникул в ауле».

Большим удовольствием для Чокана во время каникул по-прежнему представляла охота с ловчими птицами. По возвращении в корпус Чокан обычно рассказывал Г. Н. Потанину обо всем им виденном. «На последних курсах кадетского корпуса,— пишет Г. Н. Потанин,— география и этнография киргизской степи сделались для меня любимым занятием, и Чокан помогал мне наполнять тетради своими рассказами. Мы занесли в тетрадь обстоятельное описание соколиной охоты у казахов. Чокан, должно быть, еще с раннего детства увлекался картинами этого

*) Н. М. Ядринцев. Воспоминания о Чокане Валиханове. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXXV.

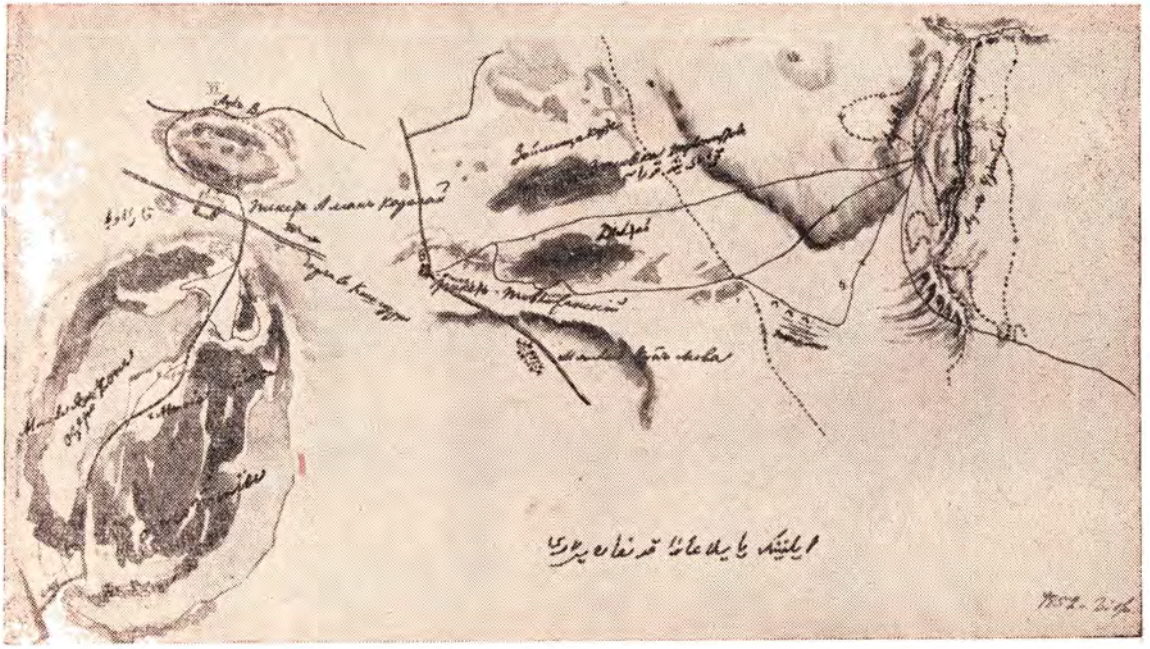

Рис. 3. План стоянки аула на Яйлаке.

киргизского удовольствия и отлично знал подробности ухода за соколами и вообще охоту у киргиз. Он рассказывал, я записывал, а он потом иллюстрировал мой текст рисунками натрусом соколиных наглазников (томага), соколиных постаментов (тугур), барабанов (даулпаз), пороховниц (куты), ружей и пр.»*).

Вспоминая совместно с Чоканом юношеские работы, сделанные по казахской этнографии, Г. Н. Потанин замечает: «С этой поры мы стали друзьями и наши умственные интересы более не разлучались, нас обоих интересовал один и тот же предмет, Киргизская степь и Средняя Азия»**).

Интерес к изучению родной страны и стран Востока у Чокана возник еще в стенах кадетского корпуса. Он мечтает о большой научно-исследовательской работе, которую он мог бы провести на полях «неизведанной Азии». «Чокану было только 14—15 лет,— говорит Г. Н. Потанин,— когда преподаватели корпуса на него смотрели, как на будущего исследователя и, может быть, ученого»***). Он зачитывается историко-географической литературой, которую в Омске достать было очень трудно. Не всегда удается Чокану достать нужные ему книги. Начальство корпуса запрещает кадетам читать литературу прогрессивного направления, особенно сочинения Белинского, Герцена и философские трактаты европейских материалистов. Корпусная же библиотека была бедна, она состояла, главным образом, из учебников и биографий генералов.

И все же Чокан Валиханов успел в корпусе много прочитать. С. Ф. Дуров, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев высоко оценивали эрудицию Валиханова, особенно по части восточной литературы.

Живя в провинциальном городе Омске, он уже тогда составил богатую специальную библиотеку по

---

*) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XV—XVI.
**) Там же, стр. XVI.
***) Там же, стр. XVII.

вопросам востоковедения, географии, истории и философии. Семенов-Тян-Шанский, посетивший квартиру Чокана в Омске (1856), считал, что подбор книг библиотеки делает честь молодому Валиханову.

Уже в кадетском корпусе у Ч. Валиханова зарождаются идеи просветительства и созревают его демократические взгляды. Он вышел из корпуса широко образованным человеком, головой выше своих современников-казахов. Он не верил принципам старого одряхлевшего общества и, отвернувшись от него, стал на путь борьбы за прогресс родного народа, на путь науки. «Чокан попал в совершенно плебейскую среду...— пишет тот же Г. Н. Потанин,— жизнь в плебейской среде, вероятно, не оставалась без влияния на образование демократических идей Чокана»*).

Чокан окончил кадетский корпус в 1853 году в возрасте 18 лет. Он был выпущен корнетом «по армейской кавалерии»**).

III

Общественная и литературная деятельность Чокана Валиханова началась сразу после окончания учения. Хотя формально он был определен офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского казачьего войска, но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерала Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана. Одновременно по линии Главного Управления края на Ч. Валиханова была возложена должность офицера особых поручений***).

---

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. X.

**) Об определении в корнеты Ч. Валиханова. ЦГВИА, ф. 395, оп. 45/529, д. 525, св. 514, л. 1-об.; формулярный список о службе штаб-ротмистра султана Чокана Валиханова. Архив МИД, ф. личн. дел, оп. 464/3, д. 318, л. 67.

***) Там же

Вступив на службу, молодой Ч. Валиханов сразу столкнулся с офицерской и чиновничьей средой, резко противоположной тем просвещенным и передовым людям, которых он знал в корпусе. Генерал фон Фридрихс, Кройерус, Кури и многие другие, в большей своей части обрусевшие остзейские немцы, нашедшие себе «теплое местечко» в Сибири, были типичными царскими чиновниками, казнокрадами, формалистами, карьеристами, ярыми проводниками царской колониальной политики, презиравшими казахский народ и его культуру, ограниченными и малокультурными людьми. Они интриговали против Ч. Валиханова и всячески старались его опорочить даже после смерти.

Вот что об этом рассказывает член Степной комиссии А. К. Гейнс: «17 июля 1865 г. члены комиссии обедали у Дюгамеля, у которого был Кройерус и адъютанты. Разговор вертелся около общих предметов. Кройерус, интриговавший против покойного Валиханова, этой честнейшей и чистейшей личности, за то только, что государь ему дал аудиенцию и поцеловал,— сказал про него несколько невыгодных слов. Я рассказал, что лучшие ориенталисты, в том числе Ковалевский, считают его замечательным ученым, лучшим другом киргизского народа и хранителем русских государственных интересов. Дюгамелю и его компании этот отзыв, как я и ждал, видимо, не понравился»*).

Что тянуло этих офицеров и чиновников в Западную Сибирь и Казахстан? Только легкая нажива, «...желание немного разбогатеть на обширных просторах независимой Татарии», «... обирать киргиз и на их деньги шить жене померанцевое платье на цитроновых лентах»,— так замечает Чокан в своем письме к Ф. М. Достоевскому.

Именно о них Ф. М. Достоевский, который хорошо знал чиновников Западной Сибири, работавших в Областном правлении Сибирских казахов, метко заме-

*) А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I. стр. 208—209.

тал, что «...хотя в Сибири холодно, но чиновникам живется тепло»*).

О преступных делах чиновников колониального аппарата писали все прогрессивные ученые, писатели и путешественники, побывавшие в Западной Сибири и Казахстане. С негодованием писал об их злодеяниях сам Чокан своим петербургским друзьям — Ф. М. Достоевскому, А. Н. Майкову, В. С. Курочкину, К. К. Гутковскому и другим. Он упорно разоблачал их преступные дела, страстно боролся с беззаконием, мародерством, лихоимством и всем тем злом, которое порождал царский колониальный аппарат. Завидуя успехам талантливого Ч. Валиханова, царские чиновники всячески мешали его научным начинаниям, пытались принизить результаты Кашгарской экспедиции, помешали избранию его старшим султаном Атбасарского окружного приказа. Чокан с трудом переносил эти оскорбления, они тяжело сказались на его здоровье. Современник Валиханова А. К. Гейнс в 1865 году прямо пишет, что ряд таких оскорблений и придирок «... уложили Чокана в настоящем году в гроб»**).

Чокан Валиханов ищет путей, чтобы избавиться от этой среды и заняться полезным трудом. В своем письме (1856) к Ф. М. Достоевскому он жалуется на ту затхлую атмосферу, в которой ему приходится жить и работать. Он пишет: «Омск так противен со своими сплетнями и интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович. Как это устроить лучше?».

Между тем, царская администрация, остро нуждавшаяся в высококвалифицированных кадрах из местного населения, не могла игнорировать просвещенную помощь Валиханова. Перед Валихановым открывались возможности для осуществления его давних планов — путешествия по родной стране, изуче-

*) И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, СПб, 1912, стр. 49.

**) А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 237.

ния ее географии, истории, юридических обычаев и народной поэзии.

Кипучая его деятельность начинается с 1854 года. Участвуя в поездке генерала Гасфорта, Чокан в 1855 году совершает свое первое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Это путешествие положило начало глубокому изучению Валихановым истории казахского народа и его быта. Чокан собирает материалы по статистике, юридическим обычаям и древней религии казахов. Даже генерал Гасфорт становится почитателем его таланта и высокой эрудиции.

По возвращении из поездки Гасфорт представил Чокана к награде, дав о нем самую лестную характеристику: «В числе представляемых,— пишет он,— заключается, между прочим, состоящий при мне корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершенном знании им киргизского языка, а также местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в степь, принес большую пользу... Он получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил в военную службу, а потом и в видах поощрения такого полезного начала и развития в киргизах желания в отдаче детей своих в нашу службу и через то большого сближения их с нами, я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более он пользуется особым между киргизами уважением»*).

В начале 1856 г. Валиханову присуждается**) следующий чин поручика***).

По возвращении в Омск Чокан приступает к обоб-

---

*) О награждении корнета Валиханова. Отзыв Гасфорта от 17 декабря 1855 г., № 144, ФЦГВИА (Ленинград), ф. 4, оп. 23, д. 24, л. 2—3; ЦГВИА, ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 2-об.

**) Там же, ф. 4, оп. 23, д 24, л. 10—15. См. именной список генералам, штаб и обер офицерам, состоявшим на службе в Отд. Сибир. корпусе. ЦГВИА, ф. 395, оп. 49/554, св. 612, л. 43—48.

***) Впоследствии в связи с успешным завершением экспедиционных работ в Киргизии и Восточном Туркестане ему присуждаются чины штаб-ротмистра, а затем ротмистра.

щению собранных им материалов, на основе которых составляет официальные записки по вопросам землепользования, родовых и семейных отношений и древней религии казахов.

Имея под рукой эти материалы*), Гасфорт вообразил, что теперь необходимо решить ряд вопросов по переустройству быта казахов. Он даже вздумал составить проект о введении переходной религии, которая была бы чем-то «средним» между христианством и исламом**). Эта «средняя религия» иронически была названа «гасфортовской». Гасфорт также придумал абсурдные проекты об устройстве «вооруженных гумен», о возведении «заградительной горной цепи» или, как язвительно отозвался о них Чокан Валиханов, «запроектированных начальством гор».

Широкое поле научной деятельности для Валиханова открылось в 1856 году. Он принял участие в крупной военно-ученой экспедиции, организованной под начальством образованного офицера Хоментовского. Целью экспедиции было ознакомление с киргизским народом и съемка бассейна Иссык-Куля. «Мы имели честь участвовать в этой экспедиции,— пишет Валиханов,— и, находясь два месяца среди дикокаменных киргизов, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык»***).

Будучи участником этой экспедиции, Валиханов совершил поездку по берегам Иссык-Куля и восхождение на вершины Тянь-Шаня. В ряде маршрутов он ездил вместе с выдающимся ученым-географом. П. П. Семеновым-Тян-Шанским****), с которым познакомился и установил дружеские связи еще весной в Омске.

Поездка П. П. Семенова-Тян-Шанского в Семиречье имела большое значение. Народы этой окраи-

---

*) См. его работы «Тенгри» и «Следы шаманства» в настоящем издании.

**) И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе, стр. 44—45.

***) Ч. Ч. Валиханов. Дневник поездки на Иссык-Куль. Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 47-об.

****) В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 51.

ны впервые встретились с представителями передовой демократической России, русского народа.

Проезжая из аула в аул, П. П. Семенов глубоко интересовался жизнью казахского народа и его культурой, заполнял свой дневник этнографическими сведениями, устанавливал тесный контакт с лучшими представителями казахского народа, особенно с семиреченскими казахами, среди которых он пробыл два года. Посещая казахские аулы, П. П. Семенов не раз принимал участие в разборе старых семейных и территориальных вопросов, выступая в качестве защитника обиженной стороны.

В 1857 году Петр Петрович, вновь проезжая через Омск, подал генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту записку, в которой горячо защищал интересы казахского народа, проявлял заботу о его судьбе и требовал улучшения порядка управления казахами. Он советовал Гасфорту установить такие отношения, которые способствовали бы улучшению жизни казахов, «упрочению лучших и справедливых отношений»*).

Знакомство с Семеновым-Тян-Шанским занимает видное место в жизни Валиханова; оно определило всю его научную деятельность. Первая встреча их произошла в доме К. К. Гутковского, где обычно собирались передовые и просвещенные люди, ученые, писатели и путешественники.

Живя в Омске, Чокан Валиханов установил дружеские узы с семьями Гутковского и Капустиных. Они принимали его как родного, еще когда он учился в старших классах кадетского корпуса. Обе эти семьи отличались своими передовыми взглядами, были связаны дружескими и семейными узами со многими великими учеными и писателями России. Капустины имели родственную связь с гениальным ученым Д. И. Менделеевым: жена Якова Федоровича Капустина Екатерина Ивановна была родной сестрой Дмит-

*) Л. С. Берг. Всесоюзное Геогр. Общество за сто лет. М. — Л., 1946, стр. 69.

рия Ивановича. Их дом «... был своеобразным клубом передовых людей. Здесь говорили о научных открытиях, литературе, искусстве, много, горячо спорили, болели душой о судьбе страны, народа*).

Познакомившись с Ч. Валихановым ближе, Петр Петрович обратил внимание на его выдающиеся способности и знания и одобрил стремление своего молодого друга ехать в Петербург, чтобы прослушать курс университетских лекций. Он горячо поддержал также идею Чокана совершить путешествие по Средней Азии и Западному Китаю.

Беседы с Семеновым произвели на Чокана Валиханова неизгладимое впечатление, окрылили молодого ученого, укрепили его веру в осуществление задуманных им исследовательских работ. «Я застал Чокана,—вспоминает Г. Н. Потанин,—с восторженными воспоминаниями о только что приехавшем путешественнике. И еще бы Чокану не обрадоваться этому знакомству. Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения к этой истории киргизского племени, среди которого являлись имена древних народов—усуней, киреев, найманов в качестве имен, поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа»**).

Спустя много лет П. П. Семенов-Тян-Шанский часто вспоминал о своем пребывании в городе Омске и встрече с Валихановым и Потаниным. Он писал: «Во время краткого моего пребывания в Омске я успел познакомиться, хоть еще довольно поверхностно, с лучшими деятелями города, о которых я уже упоминал выше. Но особенное внимание мое обратили на себя двое талантливых молодых офицеров, незадолго перед тем окончивших курс в Омском кадетском

*) М. К. Юрасов. Очерки истории Омска. Омск, 1954, стр. 54.
**) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXI.

корпусе, которые сами искали случая познакомиться со мною*).

Наряду с Потаниным, другим лицом, особенно меня интересовавшим в Омске, был Чокан Чингисович Валиханов... Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии уже в Петербурге, под моим влиянием, слушал лекции в Университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории востока и в особенности народов, соплеменных киргизам»**).

Путешествуя по Семиречью и Тянь-Шаню, П. П. Семенов постоянно поддерживал дружеские и научные связи с Ч. Валихановым, который был для него неисчерпаемым источником знаний по народному быту и этнографии казахов и киргизов. В 1856—1857 годах он часто встречался с Ч. Валихановым в Семиречье, вместе проводя с ним свои научно-исследовательские работы***). В осенний период 1856 года они оба совершили поездку в Кульджу.

О встречах с Ч. Валихановым и о его научных познаниях П. П. Семенов не раз упоминает в своем дневнике, об этом же он сообщает в письме от 2 октября 1857 года из Семипалатинска В. П. Безобразову, исполнявшему тогда должность секретаря Русского географического общества. «Частые пребывания между киргизами дикокаменными и Большой орды,— пишет он,— дали мне случай ознакомиться с жизнью этих народов, а в особенности полезны были для меня сведения, сообщаемые лучшими здесь знатоками киргизского быта поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком Бардашевым»****).

---

*) П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. Мемуары, т. II, М., 1946, стр. 53.

**) П. П. Семенов-Тян-Шанский Мемуары, стр. 53—54.

***) Акад. В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. М.—Л., 1947, стр. 40. В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 51.

****) П. П. Семенов-Тян-Шанский. Письма к исправляющему должность секретаря РГО. Известия РГО, 1858, ч. 21, кн. 6, стр. 126.

Участвуя в экспедиции Хоментовского, Ч. Валиханов начал свое путешествие во второй половине мая 1856 года. Его маршрут лежал от Ала-Куля к Центральному Тянь-Шаню и на озеро Иссык-Куль. В первой половине сезона он посетил Заилийский Алатау и через его перевалы прошел на Кунгей и затем на Терскей Алатау, побывал на северных и восточных побережьях Иссык-Куля, затем по долине р. Джиргалан поднялся на вершины Центрального Тянь-Шаня, откуда мог обозревать величественную панораму Хан-Тенгри. «Путешествие мое,— пишет Валиханов,— по свойству пройденной местности можно разделить на два периода. Первый период заключает путь мой по Джунгарии, т. е. в Семирецком и Заилийском крае и на озере Иссык-Куль... Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 году и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским на озеро Иссык-Куль. Потом 3 месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и успел осмотреть этот край вдоль и поперек от Ала-Куля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан»*). В этой поездке Чокан изучал флору и фауну Семиречья и Иссык-Куля, собирал орнитологическую и энтомологическую коллекцию, составил гербарий**).

Огромное впечатление на Ч. Валиханова произвели уникальные памятники древней культуры, которые он встретил в Семиречье и на Тянь-Шане. Его особенно интересовали остатки древней городской культуры на озере Иссык-Куль, остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, эпиграфики и каменные изваяния. Изучение совокупности этих памятников позволило Валиханову сделать попытку восстановить картину прошлых эпох жизни народов, населявших бассейн Иссык-Куля и всего Семиречья («Русская Джунгария***),—пишет Чокан,— при сильном господстве кочевого быта, однако, имела неболь-

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 45—46.

**) Там же, стр. 46.

***) Под этим термином Ч. В. имеет в виду Семиречье и Северный Тянь-Шань.

шую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории — именно известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского куньми. В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Илийской долине. Города Алмалык (ныне Туркестанское селение), Хонакай и Кайнак (существующий и теперь) и Алмату (где ныне укрепление Верное) были известны по своей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану. Замечательно еще, что в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куле сирийские якобиты, по свидетельству каталонской карты, имели монастырь... Христианство здесь так сильно распространилось, что возбудило против себя несколько гонений, в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Эти данные сильно меня заинтересовали, к несчастью я не мог сделать больших открытий, потому что киргизы успели уничтожить последние остатки уцелевших зданий, принимая все за ламайские капища. Один китаец, бывший в 1820 году на Иссык-Куле, говорил мне, что он видел там громадного идола, вытесанного из камня, но я не мог открыть ни малейших следов древностей этого рода, однако нашел следы оседлости почти по всей русской Джунгарии и собрал предания, ходящие о них в народе; мне удалось также приобрести несколько золотых вещей и монет, найденных на развалинах Алмалыка. Я намерен изложить этот предмет в особой статье»*).

Путешествуя по Иссык-Кулю и Центральному Тянь-Шаню, Чокан посещал киргизские аулы, интересовался жизнью и бытом племен бугу, сарыбагышей и солту. Подолгу живя среди них, он любил беседовать с знатоками киргизской старины, слушать песни и рассказы киргизских ырчи (сказителей) и не-

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 49—50.

устанно записывать народные легенды, исторические и генеалогические предания, сказки и эпические поэмы киргизского народа*).

В начале августа 1856 года Чокан Валиханов с официальным визитом направляется в г. Кульджу, по пути посетив ряд пограничных районов Западного Китая. Он был в Кульдже, несколько дней совещался с китайскими сановниками, налаживая торговые отношения с Китаем и устанавливая дружеские связи между обоими государствами. По свидетельству А. К. Гейнса, поездка Валиханова в Кульджу заложила основу «Тарбагайского договора и открытия консульства в Кульдже и Чугучаке»**).

Ч. Валиханов пробыл в Кульджинском крае около трех месяцев, затем с наступлением глубокой осени вернулся в Омск.

В 1857 году Чокан вновь совершил поездку к алатауским киргизам, возглавляя миссию с подарками к манапу племени бугу — Бурамбаю. Об этой поездке Валиханова генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт сообщал министерству Иностранных дел следующее: «Состоящий при мне поручик султан Валиханов отправлен уже в кочевья дикокаменных киргизов для ближайшего наблюдения за ходом дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе — о движении кашгарского восстания — о мерах китайского правительства к подавлению оного и о духе народонаселения возле городов Кульджи и Аксу, а именно: китайского племени киргизов и сартов, которые, как известно, все более или менее недовольны маньчжурской династией»***).

Поездка 1857 года являлась для Валиханова по существу пробным шагом перед его экспедицией в Кашгар. Чокан оказал большое содействие киргизскому народу в осуществлении его стремления к присоединению к России.

В этой поездке Чокан Валиханов еще ближе озна-

---

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 68—74.
**) А. К. Гейнс. Собр. литер. трудов, т. 1, стр. 353.
***) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, л. 114.

комился с жизнью и бытом киргизского народа, глубже изучил его историю, этнографию и народную поэзию. В результате неутомимой работы он мог накопить обширный историко-этнографический материал о киргизском народе. «Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсунов и дикокаменных киргиз, составляют несколько тетрадей в моих записках»,— вспоминает Чокан Валиханов.

Особенно важно, что в этой поездке молодой Чокан впервые обращает внимание на знаменитую поэму киргизского народа «Манас», делает ее первую научную запись и частичный перевод на русский язык. Он впервые подвергает поэму историко-литературному анализу, разбирает образ ее легендарного героя Манаса, также и других персонажей поэмы. «У дикокаменных киргиз,—пишет Валиханов,— к ногайской эпохе принадлежит единственный эпос— «Манас». «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее... «Манас» состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса» и это — бурутская (киргизская) Одиссея»*).

Из «Манаса» Чокан перевел интересный отрывок «Смерть Кукотай-хана и его поминки». Этот отрывок понравился Чокану своей реалистичностью, тем, что полон историко-этнографическими, хозяйственно-бытовыми и юридическими сведениями, данными об отношениях древних племен, населявших территорию Казахстана.

Научные результаты первых путешествий молодого Валиханова 1856—1857 годов отражены в его замечательных и талантливо написанных путевых очер-

*) Ч. Ч. Валиханов. Соч., стр. 72.

ках «Поездка на Иссык-Куль», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о киргизах». Это наиболее ранние работы Валиханова, написанные когда ему было немногим более 20 лет. Они дошли до нас в рукописях и до последнего времени не были опубликованы.

Уже в этих работах Чокан Валиханов показывает себя наблюдательным и эрудированным ученым, прекрасно знающим географию Тянь-Шаня и Семиречья, историю народов, населявших эти районы в древние времена. Очень занимательно его описание природы Тянь-Шаня и Семиречья, орография местности, растительного покрова и животного мира.

Особенно интересен его кульджинский дневник 1856 года, в котором увлекательно и красочно записаны подробности его путешествия в Кульджу, жизнь и быт народов, населявших пограничную Джунгарию (китайцы, сибо, солоны, калмыки и др.).

Природные дарования и проницательный ум позволили Чокану глубоко проникнуть в жизнь народа, подмечая в ней мельчайшие бытовые подробности. Все дневники и записки Валиханова свидетельствуют о его острой наблюдательности.

Чокан Валиханов интересуется древней историей киргизского народа. Особенно его волнует факт одновременного проживания киргизов на Енисее и в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Решение этого важного вопроса, выяснение истории кочевания киргизского народа между Саянским хребтом и Тянь-Шанем становится для молодого ученого актуальной научной проблемой. Он отдавал себе отчет в том, что эту проблему можно разработать только на основе письменных источников, генеалогических преданий и легенд. Валиханов обращается к архивным источникам в надежде найти в них сведения, проливающие свет на историю киргизов XVII—XVIII вв. Две зимы 1856—1857 годов он проводит исключительно в областном архиве Западной Сибири, разбирая дела Алтын-хана и джунгаров. Занятия в архивах дают свои результаты. Валиханов нашел ряд интересных материалов, свидетельствующих о переселении киргизов из Сиби-

ри в Семиречье. Интерес Чокана к архивным источникам все увеличивается.

В это время разбор областного архива был поручен Г. Н. Потанину. Оба друга, занимаясь вместе, усердно искали новые документы, которые помогли бы им пролить свет на волнующий их вопрос о переселении киргизов в Семиречье. «Чокан часто заезжал ко мне,— вспоминает Г. Н. Потанин,— чтобы узнать, не откопал ли я что-нибудь новое, интересное. Как мы рады были, собственно, как рад был Чокан, когда я наткнулся на известие о насильственном переселении народа киргизов из Енисейской губернии в долину р. Чу в Туркестане каким-то зенгорским генералом»*).

На основании собранных источников Ч. Валиханов впервые доказывал, что тяншанские киргизы являются автохтонами данной территории и жили здесь с незапамятных времен. Но в древности они имели связь с районом Енисея, как областью, составлявшей в то время единое географическое целое с Алтаем, Джунгарской степью и Тянь-Шанем, по которому проходили кочевые пути киргизских племен с юга на север. «Киргизы считают своей первой родиной Андижанские горы,— пишет Валиханов.— Предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранились, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи»**).

Валиханов прекрасно знал о киргизах все восточные источники, на которые он делал частые ссылки и данными которых он подкреплял свои доводы. Он приводит веские доказательства того, что перекочевка киргизов между Тянь-Шанем и Енисеем продолжалась вплоть до XVII в. и прекратилась только тогда, когда их древние кочевые пути были заняты джунгарами. «Мы полагаем,— пишет Валиханов,— что киргизы распространились на запад, до нынешних их кочевок в самые древние времена, ибо в маршруте

*) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXII.
**) Ч. Валиханов. Соч, стр. 66.

Гулагу 1253 года встречаются киргизы (киликицзы) на Тянь-Шане, и перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая и обратно продолжались и в последующие времена, что подтверждается и народными преданиями. Такие перекочевки остановились только тогда, когда между Алтаем и Тянь-Шанем образовалось сильное владение ойратов, или джунгаров»*).

Молодой ученый, прекрасно знавший источники, подвергает критике сочинения своих предшественников—географов К. Риттера, А. Гумбольдта, востоковедов Шотта и Клапрота, допускавших ошибки в освещении истории древних киргизов.

Географические и исторические исследования молодого Чокана через посредство П. П. Семенова-Тян-Шанского стали известны среди ученых Петербурга. 27 февраля 1857 года Чокана Валиханова избрали в состав действительных членов Русского географического общества. Устные отзывы и рекомендации о молодом ученом дали П. П. Семенов-Тян-Шанский и В. И. Ламанский. Они рекомендовали Валиханова, как талантливого исследователя, могущего быть полезным особенно в изучении неизведанных доселе стран Средней Азии и Казахстана. В отзыве П. П. Семенова, представленном в скупой протокольной записи, сказано, что «... Чокан Валиханов совершил путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о Киргизской степи, которые готов сообщить»**).

Избрание в действительные члены Русского географического общества означало признание выдающейся научной деятельности Чокана Валиханова.

IV

Расцвет научной и просветительской деятельности Валиханова относится к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов XIX столетия.

---

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 66—67.

**) Архив Всесоюзного геогр. общества, 1857, ф. I, д. 7.

В 1858—1859 годах он совершает свою знаменитую поездку в Кашгарию, создавшую ему славу отважного путешественника. После Марко Поло и иезуита Гоеса (1603) он первый проник в эту страну. Изучив географию, историю, политическое и культурное состояние этой почти неизвестной в Европе страны, Ч. Валиханов положил начало научному исследованию Восточного Туркестана. По сложившимся с давних времен порядкам Кашгария в то время была закрыта для европейских ученых. Известный географ Адольф Шлагинтвейт проник в Кашгарию годом раньше Чокана, но был обезглавлен ходжой Валиханом-тюре. Чокан привез первые достоверные сведения о трагической гибели ученого, печальная судьба которого взволновала ученый мир. Несчастной судьбой Шлагинтвейта интересовался и наш великий географ П. П. Семенов. «Чокан Валиханов успел собрать драгоценные материалы о состоянии всего Алтышара,— пишет П. П. Семенов,— и между прочим разведал впервые о причинах и обстоятельствах гибели Ад. Шлагинтвейта*).

Поездка в Кашгар в то время была очень опасна. Весь Восточный Туркестан был тогда охвачен восстанием местных народов (уйгуров, дунган, киргизов и др.), недовольных феодальным гнетом Цинской династии. Обремененные непомерными налогами, повинностями и многочисленными поборами, трудящиеся Восточного Туркестана были доведены до нищеты и больше не хотели нести эти тягости и терпеть произвол и насилия. Они поднялись на борьбу. В течение ряда лет здесь не было устойчивой власти, и в стране господствовали беспорядки.

Между тем, изучение Кашгарии, богатой страны с древней культурой, почти совершенно неизвестной науке, представляло большой интерес. Для такого пытливого ученого, как Чокан Валиханов, оно было очень заманчивым.

Главным инициатором поездки Ч. Валиханова в Кашгарию был великий географ Семенов-Тян-Шан-

*) См. ниже, примечание 11.

ский. Часто встречаясь с Валихановым в Омске и в Семиречье*), П. П. Семенов доказывал ему научное значение путешествия в Восточный Туркестан и осуществление этой задачи возлагал на него, как на вполне подготовленного и достойного такого поручения ученого.

Возвращаясь из экспедиции в Тянь-Шань, П. П. Семенов подал Гасфорту мысль о необходимости снаряжения экспедиции в Кашгар и выполнение этой задачи просил поручить Валиханову. «Само собой разумеется, — пишет Петр Петрович, — что я почел долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала Гасфорта и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировании Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом»**). Он указал Г. Х. Гасфорту на то, что Ч. Ч. Валиханов был единственным из состоявших в то время при генерал-губернаторе офицером, который, будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгар, мог бы по своему развитию и талантливости собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Китайском Туркестане»***). При этом Семенов совместно с Гутковским составил программу сбора материалов и изучения Восточного Туркестана****). Гасфорт, стремившийся создать себе репутацию покровителя науки, принял предложение Семенова с большой охотой, но просил его поддержки в правительственных кругах, без разрешения

*) В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927., стр. 51; В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин, М.—Л., 1927, стр. 40; Г. Е. Грум-Гржимайло. Валиханов. Энц. словарь «Брокгауз Ефрон», т. V, ч. 3, СПб, 1893.

**) П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары, т. II. 1946, стр. 54.

***) П. П. Семенов-Тян-Шанский. История полувековой деятельности РГО, стр. 275—276.

****) Там же, стр. 267.

которых такая экспедиция не могла быть организована.

Семенов-Тян-Шанский поставил этот вопрос и в Петербурге. Он нашел живой отклик со стороны ориенталиста и путешественника Е. П. Ковалевского, незадолго перед этим ставшего директором азиатского департамента Министерства Иностранных Дел.

По специальности горный инженер, ориенталист, путешественник, дипломат, писатель, публицист, активный деятель и член Русского географического общества Е. П. Ковалевский в 1851 году вместе с А. Е. Вламгали путешествовал по Семиреченскому краю, посетил Западный Китай и город Кульджу, разработал основы Кульджинского договора. Еще до этого (1849) он возглавил миссию в Китай, после чего им была написана книга «Путешествие в Китай» (СПб, 1853).

Семенов-Тян-Шанский, близко знавший Валиханова, представил его Ковалевскому, как «замечательного знатока жизни народов Средней Азии», человека способного выполнить любое научное задание. Ковалевский слышал также лестный и глубоко искренний отзыв Семенова о Валиханове на общем собрании членов Географического общества, когда последний избирался в действительные члены. Впоследствии Ковалевский ближе узнал Чокана Валиханова, читал его отчет о поездке в Кашгар, горячо защищал его интересы как в Петербурге, так и в Омске, называя его «гениальным молодым человеком»*), «замечательным ученым», «лучшим другом киргизского народа и хранителем русских государственных интересов»**).

После того, как вопрос о поездке Валиханова в Кашгар был разработан в кругу ученых, Е. П. Ковалевский составил докладную записку***) на имя ми-

---

*) А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. 1, стр. 237.
**) Там же, стр. 207.
***) Е. П. Ковалевский. О положении дел в Кашгаре и наши к нему отношения. См. Н. А. Халфин. Три русские миссии. Ташкент, 1956, стр. 65. И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, СПб, 1912, стр. 133—134.

нистра иностранных дел Горчакова, в которой развивал мысль о научном и политическом значении этой экспедиции. Пользуясь своим влиянием, Ковалевский и Семенов добились согласия правительства на посылку экспедиции Валиханова в Кашгар.

Посылка экспедиции соответствовала тенденциям внешней политики царского правительства в отношении Средней Азии.

Чокан Валиханов, давно мечтавший о путешествиях в далекие и неизвестные страны, какими были тогда Восточный Туркестан и прилегающие к нему области Тянь-Шаня и Памира, с большой радостью принял предложение участвовать в экспедиции в Кашгар.

Когда в Омске и Петербурге началась деятельная ее подготовка (вторая половина 1857 — начало 1858 года), Валиханов еще находился в горах Тянь-Шаня*). Из Верного он сообщал Гасфорту, что «... вследствие суровой зимы и чрезвычайно обильно выпавшего снега, все пути и проходы через Алатавские горы закрылись с ноября м-ца и едва ли откроются ранее конца февраля, а потому все сношения с дикокаменной ордою с самого начала зимы прекратились и неизвестно положительно, где именно в настоящее время стоит на кочевьях род бугу»**).

Чокан не выезжал из Семиречья до лета 1858 года и здесь ждал прибытия экспедиционного каравана. О ходе подготовки экспедиции он мог узнать только из переписки с Гутковским или личной встречи с ним в Семиречье.

Долго ждал Валиханов прибытия каравана — «...вот уже 8 дней, как я живу у Гирея,— писал Чокан Гутковскому,— аулы все ушли в горы, только его юрта торчит на берегу Аксу, о караване же нам ни слуху ни духу... Воля аллаха да будет! Да, Карл Казимирович, настали тяжкие дни скорбей и испытаний. Я должен буду день скрываться где-нибудь в

*) ЦГВИА СССР, фонд ВУА, 35—695; Госархив Омской области, ф. 360, оп. 1, д. 257, лл. 64—67.

**) Госархив Омской обл., ф. 360, оп. 1, д. 257, лл. 64—65.

камнях, подобно филину, а ночью рыскать, как барантач. Это все еще ничего: что я буду есть? Со мною нет ничего: ни огнива, ни кремня, ни хлеба. Вот Вы нападали на dandysme, а я на все это решаюсь; между тем, как Вы, поборник натуральной школы, не перенесли бы и половину подобных мучений»*).

Исходной точкой экспедиции был назначен аул Сарыбаса у подножия хребта Карамула, в 30 верстах от Капала. Чокан прибыл в Карамулу 28 июня 1858 года и присоединился к торговому каравану, пришедшему из Семипалатинска и состоявшему из 43 человек, 101 верблюда, 65 верховых и вьючных лошадей и 6 походных юрт (кошей). Чокан обрил голову, переоделся в узбекский национальный костюм и был объявлен родственником караван-баши Мусабая.

Первого июля караван выступил и через Алтын-Эмельский хребет направился в долину р. Или. Переход через р. Или в то время был очень сложен, моста на ней не было, а переправа каравана производилась при помощи старых плоскодонных каюков, обслуживаемых казахами рода албан.

Отдохнув несколько дней в долине р. Или, караван двинулся дальше и 25 июля достиг живописного горного джайляу Каркары. Здесь Чокан Валиханов бывал не раз. Заметив, что животные, пройдя длинный путь от Семипалатинска до Каркары, были уже сильно истощены, Валиханов принял решение стоять в Каркаре не менее двух недель.

В начале августа караван двинулся к киргизским улусам племени бугу, недавно принявшим российское подданство. В долинах Текеса, Каркары и Кокжара, где собралось много поколений рода бугу, Ч. Валиханов наблюдал годовые поминки по верховному манапу Бурамбаю, умершему в прошлом (1857) году, и прожил среди бугинцев весь август месяц. В это же время здесь торговали и приезжие кашгарцы. Чокан Валиханов и его спутники установили деловой контакт с кашгарскими купцами и договорились ехать вместе до Кашгара.

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 519—520.

Вскоре Ч. Валиханову стало известно, что между киргизами распространился слух о присутствии в караване ученого офицера, который живет в отдельной юрте, спит на железной кровати, имеет свой самовар и т. д. Этот слух его встревожил: нарушалось его инкогнито, ставилась под угрозу возможность его дальнейшего участия в экспедиции и даже, может быть, его жизнь. К этому слуху присоединились другие: дорога за Иссык-Кулем крайне трудна и опасна, на караванном пути в Кашгар нападения и грабежи — повседневное явление.

Однако, окрыленный желанием изучать неизвестные страны, отважный путешественник смело продолжал свой путь. На Текесе к каравану присоединились три коша татарских и кашгарских купцов. Объединившись с ними, караван пошел вперед. С верховьев Текеса и Каркары в два перехода они миновали проход Санташ, перевал Кызыл-Кия и вышли на дорогу у р. Джиргалан. Далее путь лежал по ровной плодородной долине Иссык-Куля. Валиханов обратил внимание на то, что вся эта обширная долина занята посевами киргизов.

Девятого сентября караван подошел к р. Зауке (Жууку).

Чокан Валиханов и его спутники двинулись на Кашгар по Аксайской дороге, по Сырту Центрального Тянь-Шаня. Это был большой караванный тракт, с давних времен служивший важным путем сообщения. В Заукинской долине подъем по ущелью был очень труден. В день восхождения на перевале шел мокрый снег. Вьючные лошади и верблюды скользили по мокрым камням. Караван потерял пять верблюдов и две лошади.

На юг от Заукинского перевала простиралось обширное нагорье, известное у киргизов под названием «Сырт». До Чокана эту горную страну не посещал ни один ученый. Петр Петрович Семенов, путешествовавший по Тянь-Шаню, дошел только до района верховьев реки Нарын и вернулся на Иссык-Куль. Проявляя огромный интерес к Сырту, Ч. Валиханов начал вести тщательное наблюдение местности, ста-

раясь отразить все свои впечатления в своем дневнике. «Сегодня мы перешли Зауку,—пишет Чокан,— и выступаем в страны неведомые и незнаемые. Неизвестность эта заставляет меня вести более подробный и правильный дневник. Караван наш только успел разбить коши и шатры... Кругом видны белые вершины гор, внизу черное ущелье, в глубине которого виднеется небольшое озеро. Идет снег, холодно. Я пишу эти строки в коше при свете походного костра»*).

Чокан впервые дал географическое описание и характеристику общего Сырта и охарактеризовал его природные и климатические особенности, орографию, флору и фауну.

От Заукинского перевала путь каравана лежал к верховьям р. Нарын. До самого выхода в долину р. Нарын было совершенно безлюдно, аулов на пути не было. Дул холодный пронзительный ветер.

Путешествие по Тянь-Шаню длилось двенадцать дней и кончилось на южном склоне, на перевале Теректы-Даван, которого караван достиг двадцать шестого сентября.

На южном склоне Тянь-Шаня Чокан Валиханов и его спутники были поражены резкой климатической переменой: к ним как будто вернулось лето, было еще очень тепло. Все чаще появлялись оазисы с поселениями, бахчами и пашнями. Из гущи туранги выступали глинобитные постройки иногда с высокими башнями.

Валиханов отмечал в своем дневнике, что, несмотря на пустынный характер местности, земля здесь хорошо обработана, вокруг проведено много оросительных каналов. Кишлаки окружены садами, огородами и утопают в зелени.

При приближении к первому китайскому пикету, где должен был состояться таможенный осмотр, Валиханов решил зарыть свой дневник в землю. Выбрав удобное место с ясными внешними ориенти-

*) Дневник во время поездки в Кашгар. Архив геогр. общества, разр. 64, оп. 1, д. 72.

рами, он оставил свои тетради в ущелье Теректы-Даван.

Двадцать седьмого сентября караван перешел границу Китайской империи и подошел к небольшой пограничной крепости, обнесенной глинобитной стеной с башнями. После осмотра и опроса пограничными властями караван был пропущен в город. Чокан Валиханов и караван-баши были торжественно приняты кокандским аксакалом, устроившим их в своем караван-сарае и взявшим их под свое покровительство.

Валиханов провел в Кашгаре почти полгода (с первого октября 1858 года до середины марта 1859 года). За это время он успел близко ознакомиться с городом и хорошо изучить страну Алтышара. Под именем Алтышара тогда были известны города, окаймленные на севере горами Тянь-Шаня и на юге Куэнь-Лунем, а именно: Аксу, Уч-Турфан, Кашгар, Янысар, Яркенд и Хотан. В то время города эти находились под политическим влиянием Кокандского ханства и были открыты для торговых и политических сношений с народами Средней Азии. Здесь имели свои торговые фактории андижанцы, бухарцы, таджики, персы, афганцы, индусы и армяне.

С первых же дней Ч. Валиханов заметил, что кокандцы здесь пользуются особым уважением. Китайское правительство, например, предоставило кокандцам право собирать в свою пользу пошлину с товаров, прибывающих из других стран. Кокандский хан имел в Кашгаре особого чиновника или так называемого аксакала, являвшегося одновременно торговым консулом и политическим резидентом. В бытность Валиханова в Кашгаре аксакалом был Насреддин, а затем Нурмагамет-датха. Оба они приняли Валиханова и его спутников очень радушно и взяли их под свое покровительство. Это имело большое значение; если бы не защита аксакалов, с Валихановым могла произойти та же трагедия, что и с Шлагинтвейтом. Кашгарский аксакал не раз и в дальнейшем выручал Валиханова и его спутников.

Чокан сумел всесторонне изучить Кашгарию, ознакомиться с ее политическим и экономическим устройством, собрать материалы по истории и этнографии народов, населявших эту страну с древних времен. Ему очень хотелось посетить города Яркенд и Хотан, однако политическая обстановка препятствовала этому, и он вернулся с пути, не доехав до Яркенда. Зато он посетил город Янысар и собрал много интересных данных о Яркенде и Хотанском оазисе.

Благодаря аксакалу и его сыну, Валиханов познакомился с купцами из разных стран, с политическими деятелями, учеными и поэтами Кашгара*). «Знакомства с купцами разных племен, — пишет Чокан,— и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах»**).

Исторические сведения он также почерпнул из письменных источников, местных официальных документов и книг, дополненных рассказами чиновников и купцов***).

Во время пребывания в Кашгаре Валиханов хорошо освоил уйгурский язык.

С помощью своих друзей Ч. Валиханов приобрел ряд уникальных восточных рукописей, составил нумизматическую коллекцию, гербарий, коллекцию горных пород****). Он собрал также разные реликвии, древние грамоты, памятники прикладного и народного декоративного искусства, образцы художественной керамики и т. д.

В конце февраля 1859 года в Кашгаре весна была уже в разгаре. Однако в связи с бегством Валихан-тюре в городе было объявлено тревожное положение. Ясно представляя себе сложившуюся обстановку и всю опасность нападения на Кашгар, одиннадцатого марта Ч. Валиханов покинул город.

---

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 396.
**) Там же, стр. 53.
***) Там же, стр. 54.
****) Там же, стр. 56.

Обратный путь лежал через перевал Тургарт, южнее Теректы. В середине марта теректинский перевал был еще непроходим, там лежал глубокий снег. Чокан Валиханов и его спутники нашли целесообразным двигаться через Южную Киргизию и по пути осмотреть новые места, прилегающие к Ферганскому хребту.

От Тургарта они направились на высокогорное озеро Чатыр-Куль, замечательное по своей красоте. В этом районе до Валиханова не бывал ни один ученый. Оттуда через долины рек Атбаша и Узгена Валиханов и его спутники вышли на кокандское укрепление Куртка, расположенное на правом берегу р. Нарын.

Чокана очень заинтересовали обширные долины Атбаша, Арпы и Нарына. Путешественник пришел к заключению, что эти долины имеют решающее значение в экономической жизни южных киргизов и являются центром этой горной страны. Его наблюдательность помогла ему уловить здесь следы жизни прошлых времен. «Надо полагать,— отмечал Валиханов,— что в древние времена места эти были населены оседлым и полуоседлым народом, ибо, как говорят киргизы, вниз по Атбашу есть развалины большого города, а на Нарыне мы сами видели следы древнего хлебопашества»*).

Далее Валиханов следовал в северо-восточном направлении и вверх по реке Нарын, и 6 апреля в районе Джетым-Чоку он пересек большую караванную дорогу, ведущую через Заукинский проход в Иссык-Кульскую долину.

Успешно окончив свое путешествие за десять месяцев и четырнадцать дней, 12 апреля 1859 года Чокан Валиханов прибыл в Верное (Алма-Ата). Отдохнув здесь около полутора месяцев, он вернулся в Омск, где занялся обработкой собранных материалов.

*) Ч. Валиханов. Соч., стр. 383.

V

Известие о возвращении Чокана Валиханова из Кашгара быстро долетело до Петербурга. Начальник края генерал Гасфорт 13 июля сообщил военному министру Сухозанету, что караван, «...посланный в мае месяце минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем, прибыл в город Омск и находившийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов»*).

Кашгарская поездка сильно расстроила здоровье Валиханова. В течение нескольких месяцев он недомогал. Из-за этого задержалось составление отчета экспедиции. По этому поводу Гасфорт сообщил военному министру, что возвратившийся с караваном Валиханов, «...вследствие испытанных в течение продолжительного путешествия лишений, физических трудов, неудобств и нравственных потрясений от опасностей, которым подвергался, рискуя жизнью, если бы настоящее звание его сделалось известным, о чем уже высказывалось некоторое подозрение, прибыв в Омск, сильно занемог, так что при его природной слабой организации нельзя было определить исход этой болезни, долго продолжавшейся»**).

Гасфорт также сообщил о подготовке отчета Валиханова и высказывал об этом отчете восторженное мнение, подчеркивая его значение, дающее полное и научно достоверное представление о Кашгарии. «...Это описание,— пишет Гасфорт,— по многим отношениям в высшей степени занимательное и полезное для правительства и для науки, ибо оно знакомит довольно отчетливо с военным, политическим и торговым состоянием малоизвестной страны и выказывает слабое и ошибочное знание оной темы немногими географами, сведениями которых мы доселе руководствовались***).

В Петербурге с нетерпением ожидали как приез-

*) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695. л. 258.
**) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, лл. 209—210.
***) Там же.

да Чокана Валиханова, так и отчета о результатах его экспедиции. Отчет еще только составлялся, а рассказы о поездке в Кашгар уже разлетались по стране.

Генерал Бабков, принимавший участие в организации экспедиции, пишет: «В министерстве иностранных дел с нетерпением и живым любопытством ожидали сообщения подробностей о поездке Валиханова в неведомый дотоле Кашгар... Более всех интересовался этим Е. П. Ковалевский, как инициатор этого дела и ориенталист по призванию». Слух о пребывании Валиханова «...в Кашгаре и собранных им любопытных сведениях в Восточном Туркестане, или Малой Бухаре, по близкому знакомству Е. П. Ковалевского с графом Блудовым, проник в высшие петербургские сферы. Произведенное впечатление усиливалось еще и тем обстоятельством, что в Министерстве иностранных дел было известно об отправлении также в Кашгар из Индии английского агента, известного Адольфа Шлагинтвейта, который впоследствии был убит в Кашгаре»*).

До конца августа 1859 года Чокан Валиханов находился в Омске, заканчивая свой отчет. Он стремился как можно скорее попасть в Петербург, чтобы обработать собранный им обширный материал, представлявший большую научную ценность. В это время его посетил Ф. М. Достоевский, возвращавшийся из Семипалатинска в Тверь.

Отчет был послан срочной почтой и прибыл в Петербург раньше самого Валиханова. Департамент генерального штаба сообщал, что «Ныне сведения эти, приведенные в порядок Валихановым, представлены командиром Отдельного Сибирского Корпуса»**). В докладе на имя царя Генеральный штаб указывает, что «...это в высшей степени любопытный и полезный труд»***).

*) И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Зап. Сибири. СПб, 1912, стр. 125.

**) Доклад по департаменту Генеральн. штаба. Госархив Омской обл., ф. 360, оп. 1, д. 257, лл. 14—15.

***) Там же.

Результаты кашгарской экспедиции Валиханова были чрезвычайно плодотворны. Они вызвали огромный интерес у ученых. Чокан привез из Кашгара ряд уникальных восточных рукописей «Тазкиряи Султан Сутук Бугра-хан» (История Сутук-Бугра-хана), «Тазкиряи Туглук-Тимурхан» (История Туглук-Тимура), «Тазкиряи Ходжагян» (История ходжей), «Абумуслим Маурузи » и др. Чокан привез также коллекции горных пород, образцы нефрита, гербарий, памятники нумизматики, керамики, предметы этнографии и многое другое.

Среди обширных материалов, привезенных Валихановым, значительное место занимают его карандашные зарисовки, воспроизводящие жизнь и типы людей Восточного Туркестана.

Главнейшим результатом поездки Валиханова в Кашгар явился его капитальный труд «О состоянии Алтышара или Шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это был первый солидный научный труд, посвященный истории, географии и социальному строю жизни народов Восточного Туркестана. По охвату новых материалов, а также широте и глубине их анализа труд Валиханова явился крупным вкладом в нашу отечественную науку и не потерял своего значения и поныне.

В этом замечательном труде проявилась огромная эрудиция молодого ученого, сила его таланта, его наблюдательный ум, способный глубоко проникать в народную жизнь, живой образный слог и тонкий юмор.

В период развития и укрепления экономических связей России со странами Востока этот труд Валиханова имел громадное практическое значение: он явился важным справочником для государственных и военных деятелей России. Из архивных документов явствует, что в течение двух лет рукопись Валиханова прошла через руки многих ученых, государственных и военных деятелей. Ее читали офицеры генерального штаба, руководители военного министерства, министерства иностранных дел. члены Государ-

ственного совета и Комитета министров. По просьбе наместников и генерал-губернаторов рукопись побывала и в провинции, например, в Оренбурге.

Для служебных целей из этой обширной рукописи были сделаны извлечения, сокращенные варианты. Один из них под названием «Краткое извлечение из описания Кашгарии и Алтышара» хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (Москва)*), другой—в архиве Всесоюзного географического общества СССР (Ленинград)**), третий был издан Ф. Р. Остен-Сакеном под общей редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского***).

Современники Валиханова — ученые, писатели и военные специалисты—высоко ценили труд о Кашгаре, считая его «...подлинным географическим открытием», трудом «...в высшей степени полезным для правительства и для науки», восполняющим «...пробелы европейских ученых-географов и востоковедов, сведениями которых мы доселе руководствовались»****). Отчет Валиханова помог устройству торговых факторий в Кашгаре и установлению торговых и культурных связей России с Западным Китаем*****).

Заслуги ученого-путешественника были отмечены переводом его в чин штаб-ротмистра, пожалованием орденом и денежной наградой******). По представлению Валиханова, были награждены его верные спутники по путешествию в Кашгар, всего 23 человека*******). Награды получили также караван-баши

---

*) Краткое извлечение из описания Кашгарии или Алтышара. ЦГВИА, ф. 447, д. 235, лл. 1—15-об.

**) Описание Алтышара или Кашгарии. Арх. Всесоюзного геогр. об-ва СССР, разр. 65, оп. 1, д. 19.

***) Поездка Валиханова в Кашгар. Известия РГО, т. 4, 1868, стр. 264—287. См. П. П. Семенов-Тян-Шанский. История полувековой деятельности РГО, ч. 1, стр. 276.

****) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, лл. 209—210.

*****) ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 9, лл. 22—23.

******) Там же.

*******) ЦГВИА, ф. 4, оп. 27, д. 84. лл. 1—2. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, л. 274-об.

Мусабай, семипалатинский купец Букаш, полковник Гутковский и другие*).

Валиханов прибыл в Петербург осенью 1859 года. Встреча его с русскими учеными, военными и государственными деятелями оставила у него неизгладимое впечатление. Русские ученые приняли его как отважного путешественника, замечательного исследователя и глубокого знатока жизни народов Средней Азии и Казахстана. В то время, когда шла подготовка присоединения Южного Казахстана и Средней Азии к России, Чокан Валиханов считался крупным авторитетом по вопросам Средней Азии.

П. П. Семенов-Тян-Шанский и Е. П. Ковалевский поставили перед правительством вопрос об оставлении Валиханова в Петербурге для научных занятий. Ковалевский в письме на имя военного министра просит причислить «...штаб-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту, с тем, однако, чтобы независимо от жалованья, которое он будет получать от Министерства иностранных дел, ему было сохранено жалование и содержание по чину из сумм военного ведомства»**).

Министр иностранных дел А. М. Горчаков, ходатайствуя перед Александром II о переводе Валиханова из Военного Министерства в Азиатский департамент, дает ему следующую характеристику: «Штаб-ротмистр Валиханов, совершивший в минувшем году поездку в Кашгар, изучивший на месте Восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка, может быть полезным Азиатскому департаменту своими специальными сведениями. А поэтому по предварительному соглашению с Военным Министром я полагал бы причислить Валиханова к сему департаменту...»***).

Приказ о переводе Валиханова в Азиатский де-

*) ФЦГВИА, ф. 4, оп. 27, д. 84, лл. 1—2. ЦГВИА, ф. ВУА. д. 35—695, л. 300-об.

**) Архив МИД, ф. П-344, л. 2.

***) ФЦГВИА, ф. 4. д. 225, л. 3.

л. 4.

партамент был утвержден 15 июня 1860 года. Там он числился почти 5 лет — по 10 февраля 1856 года*).

VI

Валиханов прибыл в Петербург с огромным запасом знаний. В его памяти хранились глубокие впечатления, вынесенные им из родной степи, Омска, гор Тянь-Шаня и из поездки в Восточный Туркестан. При частых встречах с выдающимися русскими учеными и писателями эти непосредственные впечатления являлись главной темой увлекательных рассказов, научных и философских бесед Валиханова с его петербургскими друзьями.

Из ранних воспоминаний молодого ученого самым дорогим и незабываемым была дружба его с поэтом-петрашевцем Дуровым.

С. Ф. Дуров сыграл выдающуюся роль в формировании мировоззрения Валиханова и его демократических убеждений.

Общественно-политические воззрения петрашевцев складывались под могучим воздействием освободительного движения в России, революционно-демократических идей В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Многие из петрашевцев оказали значительное влияние на развитие демократического движения в стране. О деятельности петрашевцев и о заседаниях их кружка, на которых читалось письмо Белинского к Гоголю, знал Чернышевский. К группе петрашевцев в молодости примыкал великий писатель Ф. М. Достоевский, видным деятелем группы был замечательный поэт Сергей Федорович Дуров (1816—1869).

С. Ф. Дуров был революционером-демократом, борцом против царского самодержавия. Он был арестован по делу петрашевцев 23 апреля 1849 года. После восьмимесячного заточения в Петропавловской крепости Дурова приговорили к смертной казни, замененной каторгой.

*) ФЦГВИА, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 33.

Закованный в кандалы Дуров вместе с Достоевским был отправлен этапом в Тобольск, а затем 23 января 1850 года помещен в Омскую каторжную тюрьму*). В этом «мертвом доме» условия жизни были невыносимы. Дуров вышел из него с совершенно подорванным здоровьем. По окончании срока каторжных работ 11 января 1854 года его перевели рядовым в дисциплинарную военную команду в третий Сибирский линейный батальон в г. Петропавловске. Однако разрушенное здоровье не позволило Дурову нести военную службу. Ему разрешили работать по гражданскому ведомству, определив в должности «...канцелярского служителя четвертого разряда в Областное правление Сибирских киргизов»**). Одновременно по указанию Николая I за Дуровым был учрежден «...строжайший секретный надзор и сверх того непосредственное наблюдение ближайшего начальства»***), в частности, военного губернатора фон Фридрихса.

Работая в областном правлении, Дуров своим гуманным отношением к народу, честностью, трудолюбием и деловитостью завоевал доверие большого круга людей. Вскоре его перевели из четвертого в третий разряд канцелярских служителей.

Работа в областном правлении позволяла Дурову бывать в степи, знакомиться с жизнью трудящихся казахов. В 1855 и 1856 году ему разрешили жить в Кокчетавском округе «для поправления здоровья»****). Но и здесь он находился под тайным полицейским надзором. По предписанию генерала Фридрихса Кокчетавский окружной приказ должен был ежемесячно доносить ему о поведении Дурова.

---

*) Дело о доставлении сведений и списков о политических преступниках—титулярном советнике Ивашкевиче и канцелярском служителе Сергее Дурове. ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, св. 18, лл. 27, 71—72, 87; Госархив Омской обл., ф. 14, д. 231, лл. 12—13.

**) Дело о приеме на службу в областное правление С. Дурова. ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541, св. 62, л. 1—2.

***) Там же.

****) Дело о приеме на службу в Областное правление С. Дурова. ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541, св. 62, лл. 8, 27—30.

Работавшие в приказе друзья Чокана Валиханова, будучи хорошо осведомлены о его дружеских связях с Дуровым, писали о Сергее Федоровиче только положительные отзывы. 26 августа 1856 года С. Ф. Дурову было разрешено «... возвратиться из Сибири и жить где пожелает в пределах Империи, за исключением С.-Петербурга и Москвы»*). Но его задержали в Западной Сибири еще на один год, он покинул Омск в конце августа 1857 года и переселился в Одессу.

Дружеские связи Ч. Валиханова с Дуровым установились сразу по освобождении последнего из Омской крепостной тюрьмы**). Раньше Ч. Валиханов знал о нем через Гутковского***), интересовался его судьбой, проявлял горячее сочувствие ему. С весны 1855 года между Дуровым и Валихановым завязались самые искренние дружеские отношения. Местом постоянных встреч друзей был дом Якова Федоровича и Екатерины Ивановны Капустиных. Личные беседы Дурова с Валихановым происходили затем как в доме Капустиных, так и на дому у Валиханова. В этих задушевных беседах обсуждались самые животрепещущие вопросы социально-политической жизни страны. Из мемуаров Г. Н. Потанина видно, что в своих беседах с Валихановым Дуров выступал как пламенный пропагандист революционно-просветительских идей. Он раскрывал перед юным Чоканом картину бесправной жизни народных масс, эксплуататорскую сущность крепостников, баев, грабительский характер царской колониальной политики. Дуров осуждал преступные дела царских чиновников, их самоуправство, беззаконие, беспощадно критиковал всю систему колониального аппара-

---

*) Сведения о поднадзорных чиновниках областного правления Ивашкевиче и Дурове. ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, св. 18, лл. 87—88.

**) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIV, стр. XXV.

***) Дело о приеме на службу в областное правление С. Дурова. ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541.

та, осуждал монархический строй, звал к борьбе против крепостничества и деспотизма. Эти беседы наложили глубокий отпечаток на всю последующую просветительскую деятельность Чокана Валиханова. Под непосредственным воздействием ссыльного поэта Чокан преодолевал провинциальную замкнутость, освобождался от предрассудков, становился на путь демократии и прогресса. Общение Валиханова с Дуровым произвело переворот в сознании молодого ученого, помогло ему воспринять передовые идеи своего времени и еще раз убедиться в великом идейном богатстве русской демократической культуры и общественной мысли.

В своих беседах Дуров внушал Валиханову, что коренными вопросами для всей России являются ликвидация крепостного строя и его оплота — самодержавия и освобождение народов России от гнета царизма.

Глубоко восприняв у своего наставника и друга передовые демократические идеи современной ему эпохи, Чокан Валиханов вступил на путь борьбы с самодержавием.

Вооруженный демократическими идеями, Валиханов стремился воздействовать на своего друга Потанина, чтобы, как говорит академик Обручев, «... пробудить в нем отрицательное отношение к Николаю и критическое отношение к царизму вообще»*). В своих воспоминаниях о Валиханове Г. Н. Потанин отмечал, что каждый раз после встречи с Чоканом «... я уходил от него разобиженный, потому что чувствовал себя всегда побитым на всех пунктах, но разубедить меня Чокан все-таки не мог. Я все-таки думал, что моя сторона правая, только я не имею ни тех знаний, ни того искусства, какие были у Чокана, чтобы спорить с ним»**). Чокан Валиханов желал «...расширить политический кругозор Потанина, познакомил его с сочинениями Гейне — «барабанщика

*) Акад. В. А. Обручев. Г. Н. Потанин, стр. 39.
**) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXIV.

революции 1848 года»*), свел его с Дуровым. «Я провел у Дурова целый вечер,— вспоминает Г. Н. Потанин.— Он произвел на меня сильное впечатление, настоящий переворот. Ни один человек так сильно не действовал на меня прежде. Уменье осторожно и гуманно обращаться с чувством другого человека сразу установило во мне доверие к этому человеку. Передо мною был человек более 45 лет, разрушенный болезнями, наполовину труп; только глаза блестели живым огнем. Более всего он произвел на меня впечатление своей верой в будущее России и в прогресс человечества... Я ушел от него единомышленником Чокана, и споры между нами прекратились»**).

Чокан Валиханов был другом русского писателя Ф. М. Достоевского (1821—1881), отбывавшего каторгу вместе с С. Ф. Дуровым в Омской крепости.

О Достоевском Чокан Валиханов много слышал в семьях Капустиных и Гутковских. По свидетельству Врангеля, первое знакомство Валиханова с Федором Михайловичем произошло в 1854 г. в Омске, в доме Ивановых***), к которым часто ходил Достоевский****). Находясь в Омской каторжной тюрьме, великий писатель еще не отказался от своих передовых взглядов, сложившихся у него в кружке петрашевцев. В беседах с Ч. Валихановым и в переписке с ним он проявил себя как большой прогрессивный мыслитель и обличитель пороков помещичьего строя.

Дружеское общение Чокана Чингисовича с Федором Михайловичем поддерживалось во время их совместного пребывания в Омске, Семипалатинске и в Петербурге и скреплялось шестилетней перепиской (1856—1862 гг).

Весной 1854 года царские власти сочли необходимым удалить Достоевского из областного центра и

*) Акад. В. А. Обручев. Указ, сочинение, стр. 38.

**) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXIV—XXV.

***) А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири (1854—1856). СПб, 1912, стр. 13.

****) А. Иванов. Встреча с Ф. М. Достоевским. «Туркестанские ведомости», 1894, № 72.

отправить в глушь. Он был переведен в Семипалатинск на бессрочную солдатскую службу в 7-й батальон Сибирского линейного казачьего войска. Ч. Валиханов, участвовавший в экспедиции полковника Хоментовского, заезжал к нему туда спустя два года после его перевода. Встреча Валиханова с Достоевским в Семипалатинске — одна из ярких страниц его биографии (сохранилось фото, на котором сняты Достоевский и Валиханов).

«Из немногих посещавших нас последнее время лиц,— вспоминает А. Е. Врангель,— помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса Мухамед-Ханафия Валиханов... Он познакомился с Ф. М. в Омске у Ивановых и очень полюбил его»*). До своего отъезда на Иссык-Куль Чокан Валиханов не раз встречался с Достоевским. Пользуясь преданностью своих друзей — Врангеля и Хоментовского, занимавших тогда видное положение, Достоевский смог вместе с Валихановым посетить казахские аулы, побывать на Аркате, в Чингисских и Тарбагатайских горах. Жизнь казахского народа явилась новой интересной темой бесед между Валихановым и Достоевским.

После встречи в Семипалатинске друзья расстались надолго, между ними началась переписка. Эти письма представляют большой общественно-исторический интерес. В них отражены общественные взгляды Валиханова, его любовь к русскому народу и русской культуре.

Уезжая из Семипалатинска, Валиханов писал Достоевскому: «После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем городе и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно тосклив. Расстаться с людьми, которых я так полюбил, и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипала-

*) А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском, стр. 95.

тинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему: Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

В выразительных и задушевных словах Ф. М. Достоевский отвечал Чокану: «Письмо Ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич*). Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам... Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А Вы, верно, и без доказательства верите моей искренности, дорогой Вали-хан, да если бы на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь. Чувство и влечение дело необъяснимое... Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно на душе целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас»**).

В своем письме Достоевский дает Чокану полезные советы, ободряет его, ставит перед ним большие и благородные задачи: «Не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о степи... Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело растолковать в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России... Вспомните, что Вы первый киргиз (казах), образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дала вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать». В этих горячих призывах Достоевский дает Чокану самые искренние и задушевные советы и побуждает его действовать активно и постоянно. Он пишет: «Я Вас так люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу. Но среди

*) Имеется в виду А. Н. Цуриков (см. ниже в «Примечаниях»).

**) Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1, 1928, стр. 200.

мечтаний была одна действительность: это то, что вы первый из вашего племени, достигший европейского образования. Уже один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности... Прощайте, дорогой мой, и позвольте вас обнять и поцеловать 10 раз»*).

Как искренний друг Ф. М. Достоевский и позднее следил за научными успехами Чокана Валиханова, живо интересовался его историческими изысканиями. В письме к А. Е. Врангелю из Твери Достоевский пишет: «Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я Вам об нем? Он член Географического Общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь»**).

Дружеские связи Валиханова с Достоевским продолжались на протяжении многих лет. Они поддерживались и в Петербурге. После реформы 1861 года у Валиханова появилось критическое отношение к деятельности и взглядам своего друга, перешедшего на позиции мистицизма и отхода от борьбы с самодержавием. В своем письме к А. Н. Майкову Чокан пишет: «Будем говорить теперь о Вас, о Петербурге, о друзьях моих петербургских. Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем, впрочем, я сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним. Примирения что-то не видать или не удастся им это примирение. По-моему, что-нибудь да одно, или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо использовать. Китайская середина не идет теперь к делу»***).

*) Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, 1928, стр. 200.

**) Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч., т. I. Биография, письма, стр. 134.

***) Письмо Ч. Валиханова к А. Н. Майкову. Архив Института русск. литературы АН СССР. Архив Майкова 16743/с VII бд.

Годы пребывания Валиханова в Петербурге (1859—1861) — годы революционной ситуации — наиболее яркие страницы его биографии. В стране поднималась широкая волна революционно-освободительного движения, направленная против самодержавия и крепостничества. С особой силой это движение проявилось в столице. Здесь были сосредоточены главные силы революционного подполья, действовали тайные кружки, в частности студенческие. Существовали также кружки прогрессивных ученых и офицеров. В середине 60-х годов образовался офицерский кружок «чернышевцев», куда входил офицер генерального штаба А. К. Гейнс,*) друг Чокана Валиханова, оставивший о нем воспоминания**).

Во главе всех сил революционного движения в стране стоял Н. Г. Чернышевский, великий мыслитель, революционер-демократ, выразивший подлинные чаяния и интересы эксплуатируемых народных масс, их ненависть к крепостническим порядкам. Н. Г. Чернышевский вел беспощадную борьбу против феодально-крепостнического строя и в своих трудах последовательно проводил идею крестьянской революции.

Обстановка, которую Валиханов застал в Петербурге, произвела на него огромное впечатление. Документальных данных об участии Валиханова в политических кружках в Петербурге пока нет. Учитывая то, что многие из его петербургских друзей были членами тайных кружков, Чокан, очевидно, знал о существовании этих кружков. По свидетельству Потанина, он устраивал для своих товарищей-студентов вечера. На этих вечерах собиралось человек до десяти***). Это была, главным образом, молодежь из Сибири, слушатели военных академий, студенты университета. В их числе были офицеры

*) Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 25.
**) А. К. Гейнс. Собр. литер. трудов, т. I, стр. 206—209, 237, 353, 495—499.
***) Г. Н. Потанин. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXVII—XXVIII.

Н. Ф. Анненский, А. Ф. Голубев, Ф. Н. Усов, Д. И. Романовский и др.

Пользуясь воспоминаниями Г. Н. Потанина, академик В. А. Обручев пишет: Чокан рассказывал студентам-сибирякам о бесправном положении народов Сибири и Казахстана*). Таковы были первые шаги Ч. Валиханова на революционном поприще.

Деятельность его в Петербурге была весьма разносторонней. Он работал в нескольких учреждениях: в Военно-ученом комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте, университете и Географическом обществе. По поручению ученого комитета генерального штаба он составлял карты Средней Азии и Восточного Туркестана**). Под его редакцией изготовилась «карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау»***), «рекогносцировка западной части Заилийского края» (1856)****), «План города Кульджи»*****), «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль» (1856)******), «Карта Западного края Китайской империи»*******) и т. д. Им кропотливо изучались старинные карты на разных языках********). В Географическом обществе он принимал участие в подготовке к изданию трудов Риттера, составлял материалы по географии и этнографии Казахстана и Средней Азии, читал лекции для членов общества о Восточном Туркестане, Тянь-Шане и Киргизии. Его лекции были очень интересны, некоторые из них иногда публиковались в газетах в кратком изложении*********).

В то же время Ч. Валиханов постоянно общался со многими выдающимися русскими учеными и литераторами, устанавливая с ними дружеские связи.

---

*) Академик В. А. Обручев. Г. Н. Потанин, стр. 51.
**) Ч. Ч. Валиханов. Соч., стр. 54.
***) ЦГВИА, ф. ВУА-492, оп. 1, д. 36, л. 75.
****) ЦГВИА, ф. ВУА-492, оп. 1, д. 36.
*****) Там же.
******) Там же, д. 48, л. 14.
*******) Там же, л. 48.
********) Там же, л. 63.
*********) «Русский инвалид», 4 мая 1860 г.

В бытность Валиханова в Петербурге большую заботу о нем проявлял Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. Стремление к университетскому образованию никогда не покидало Ч. Валиханова, особенно во время пребывания в Петербурге. Своими мечтами об университете он делился с П. П. Семеновым. «Самые юные, талантливые и честные душой, — пишет Семенов,— вновь развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов, глубоко проникнутые своим стремлением и жаждой знания, стремились закончить высшее образование в Петербургском Университете»*).

До приезда в Петербург Валиханов предполагал слушать лекции на восточном факультете. Но там не читались курсы истории, философии и истории общественного движения, которые в то время больше всего интересовали Валиханова. Поэтому он посещал лекции на историко-филологическом факультете университета**) и продолжал изучать иностранные языки.

Одновременно Валиханов готовил свои труды для публикации в изданиях Географического общества. Большую помощь в этом оказал ему тот же П. П. Семенов-Тян-Шанский. «Я просил Гасфорта,— пишет в своих мемуарах Петр Петрович,—дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, приехать в Петербург на продолжительное время для разработки превосходных, уже собранных им этнографических и исторических материалов о киргизской степи. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества»***).

Чокан познакомился с русскими учеными-востоковедами, в частности, с проф. А. Н. Бекетовым, редактором записок и известий Русского географиче-

---

*) П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань (в 1856—1857 гг.) Мемуары, т. II. М., 1956, стр. 248.

**) Н. М. Ядринцев. ЗРГО, т. XXIX, стр. XXXVII.

***) П. П. Семенов-Тян-Шанский. Указ. соч., стр. 249—250.

ского общества. В Азиатском департаменте он общался с Е. П. Ковалевским, Ф. Р. Остен-Сакеном, И. И. Захаровым и др. Вместе с Захаровым он работал в высшей школе для ученых занятий при Азиатском департаменте, где преподавал тюркские языки для лиц, едущих в Среднюю Азию.

Укреплялись связи Валиханова с русскими писателями; с поэтом А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, критиком Н. Н. Страховым и др. Для установления связей Валиханова с участниками освободительного движения в России огромное значение имеет его сближение с братьями В. и Н. Курочкиными, близкими Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову*).

Василий Степанович Курочкин (псевдоним Знаменский или Темный) был одним из известных поэтов-разночинцев 60-х годов. Брат В. С. Курочкина Николай Степанович, один из друзей Ч. Валиханова, поддерживал с ним связь до своей смерти. Он также был поэтом и журналистом (писал под псевдонимом Скорпионов и Преображенский). С 1861 года братья Курочкины состояли членами общества «Земля и воля», с 1862 года находились под надзором царской охранки в связи с делом «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. в связи с Герценом и Огаревым. После покушения на жизнь Александра II братья Курочкины были арестованы и некоторое время просидели в Петропавловской крепости.

В 1861—1862 годах Николай Степанович Курочкин редактировал художественный журнал «Иллюстрация», где поместил ряд картин из быта казахов, доставленных ему Валихановым.

Валиханов в это время сотрудничал в научных и литературных журналах, принимал участие в составлении энциклопедии, писал для нее статьи о древних поэтах и мыслителях.

Тесно общаясь с выдающимися русскими писателями и учеными, Валиханов возбуждал у них инте-

---

*) См. В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского. М. 1956, стр. 216.

рес к Средней Азии и Казахстану, укреплял их дружеское расположение к народам этих окраин. Он дал некоторым поэтам темы для стихотворений восточного характера. Под влиянием бесед с Валихановым увлекался восточными сюжетами поэт А. Н. Майков, написавший стихи «В степях», «Альпийские ледники», «Юмшан».

Ч. Валиханов помогал талантливым офицерам Генерального штаба А. Ф. Голубеву и Д. И. Романовскому, писавшим об Иссык-Куле, Средней Азии и Казахстане, снабжал материалами П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ф. Р. Остен-Сакена, Е. П. Ковалевского, А. А. Татаринова, П. И. Лерха и др.

Остроумие Ч. Валиханова, его умение зло высмеивать пороки, которые он находил в окружавшей его среде, вызывали восторг у его друзей — ученых и писателей.

VII

Весной 1861 года тяжелая болезнь заставила Чокана Валиханова оставить шумный Петербург. По совету врачей, он отправился в родную степь с надеждой поправить свое ослабевшее здоровье.

В Петербурге он пробыл немногим менее двух лет (1859—1861), и жизнь в столице, проведенная среди друзей, была для него самой отрадной и незабываемой. Петербургские впечатления для Чокана были так дороги, что они врезались в его память и оставили неизгладимые следы в его биографии.

Чокан жил в Петербурге в то время, когда, по выражению В. И. Ленина, «... Россия переживала буржуазно-демократическое преобразование, освобождение от крепостничества, раскрепощение»*). Здесь окончательно сложились мировоззрение, социально-политические взгляды Валиханова.

Чокан Валиханов возвратился в степь идейно обогащенным, имея большой жизненный опыт, глу-

*) В. И. Ленин. Соч., т., 20, стр. 282.

бокие знания. Восприятие передовых идей великих русских мыслителей помогло Ч. Валиханову стать выдающимся просветителем казахского народа, демократом, ученым.

Социально-политические взгляды Валиханова четко отразились в его критике казахского патриархально-феодального общества, в осуждении царского колониально-бюрократического аппарата, в разоблачении реакционной сущности ислама, в твердой уверенности в великой дружбе русского и казахского народов, в мыслях о «высшей форме жития».

Вернувшись в степь, ученый-просветитель вновь столкнулся с тяжкой картиной отсталости, средневековья, страданий бесправных народных масс, томившихся под двойным гнетом — произволом и насилием чиновников-колонизаторов и диким самоуправством казахских султанов и баев-феодалов. Он не мог примириться с современной ему казахской действительностью и начал борьбу с этим гнетом, направив ее против представителей правительственного аппарата и их приспешников из казахских феодальных верхов. Но, увлекшись утопическими идеями, он пошел по неправильному пути, думая о возможности сверху, «от власти» создавать «счастье народа». Об этом говорит атбасарский эпизод (1862) — выставление Валихановым своей кандидатуры на должность выборного старшего султана. «Я думал,— пишет Чокан в письме к Достоевскому,— как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель»*). Чокан, конечно, напрасно лелеял надежду о демократических свободах при царизме. Для этого нужно было уничтожить царский строй, а без этого ни Валиханов, ни кто-либо другой, конечно, не мог защитить угнетенных от

*) Ч. Ч. Валиханов. Письмо к Ф. М. Достоевскому. РОБЛ Архив Достоевского.

эксплуатации. Тем не менее, в своей борьбе против угнетателей Валиханов выражал коренные нужды и чаяния бесправного тогда казахского народа.

Прогрессивные демократические идеи Валиханова с большой ясностью прослеживаются в ряде его трудов и в письмах. В этом смысле особый интерес представляют «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «Очерки Джунгарии». В этих да и во многих других работах Чокан выступает как просветитель-демократ, как защитник своего народа, как борец с существующим социальным строем.

В «Записке о судебной реформе» Валиханов осуждает антинародный характер судебной реформы, проведенной царским правительством в интересах небольшой кучки баев, султанов и крупных биев, разоблачает ее как средство, облегчающее чиновникам возможность грабить бесправные казахские народные массы.

Валиханов подвергает суровой критике сущность самой судебной реформы, фальшивость ее основы и источников, отобранных чиновниками мошеннически и односторонне, фарисейски преподнесенных ими в качестве народного мнения. «Комитет при Областном правлении,— пишет Чокан,— принял без всякой критической оценки мнение султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ и только по укоренившейся невнимательности мог утвердить в своем проекте те ненужные и вредные для народа преобразования и изменения, которых добивался привилегированный класс киргизского народа и которых не хотел простой или, как выражаются степные аристократы, «черный» киргизский народ»*).

Разоблачая подделку документов, на которых был построен проект реформы, Валиханов пишет: «Как отбирались народные мнения и при каких условиях? Во-первых, показания давали волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е.

*) Ч. Валиханов. Записка о судебной реформе. ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 70—72.

ордынские чиновники... Народ, т. е. не богатые, не чиновники и не титулованные киргизы, в даче мнений и в совещаниях по этому предмету участвовали очень мало, можно сказать, вовсе не участвовали»*).

Доказывая сугубо классовый характер судебной реформы, Чокан высказывает мысль о противоположности интересов богатых и бедных. Не поднявшись до уровня признания классовой борьбы, как движущей силы общества, он все же ясно видел в казахском патриархально-феодальном обществе деление на классы: на привилегированные слои казахского общества — на султанов, биев, баев, ходжей — с одной стороны, и бедняков, по выражению Валиханова, «степного пролетариата» с другой. Интересы этих классов, утверждал Валиханов, совершенно не совпадают. Он пишет: «...на мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей большей частью враждебны интересам массы, большинства»**).

Он ищет такой формы организации власти, которая отвечала бы интересам народных масс, а не кучки казахских феодалов. «Мнения султанов и биев еще менее заслуживают уважения,— указывал он,— ибо интересы целой нации, по строгой справедливости, должны предпочитаться выгодам отдельного сословия»***).

В ряде своих работ и писем Валиханов выражает сочувствие угнетенным. «С местными султанами и богачами я не лажу,— писал он в письме к А. Н. Майкову,— потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и свободны, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались, как с человеком, в противном

*) Ч. Валиханов. Записка о судебной реформе. ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179. лл. 70—72.

**) Ч. Валиханов. Соч., 1904, стр. 152.

***) Ч. Валиханов. Соч., стр. 154.

случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся»*).

В записках о религии Валиханов выступает как просветитель-материалист. Следуя традициям великих русских мыслителей, Чокан Чингисович материалистически объясняет источники религии. Причины ее возникновения он видит в подавленности и беспомощности первобытного человека перед силами природы.

Материалистическое мировоззрение Чокана сложилось под влиянием учения русских мыслителей — Белинского, Герцена и Чернышевского. Разумеется, при этом нужно иметь в виду, что мировоззрение Ч. Валиханова было исторически ограниченно. Он не мог подняться до понимания законов развития природы и общества, до революционного демократизма Чернышевского. Из работ Валиханова, посвященных вопросам религии, наибольший интерес представляют его записки «О мусульманстве в степи» и «Следы шаманства». В последней работе он делает попытку объяснить происхождение древней религии казахов (шаманизм) на материалистической основе. «Необходимая потребность познать вселенную с ее чудесами... породила шаманство — обожание вселенной или природы и духа умерших людей. Так младенчествующий человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечно вечного и разнообразного, что мы называем природою или вселенной»**). По объяснению Валиханова, «Человек приписывал небу, солнцу и луне власть над собой»***).

Валиханов дошел до отрицания бога и основ религии и ясно проявил свои атеистические взгляды. Г. Н. Потанин пишет: «...в религиозном отношении он (Ч. Валиханов) был свободным мыслителем»****).

---

*) Ч. Ч. Валиханов. Письмо к А. Н. Майкову. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Архив А. Н. Майкова 16743/с VII бд.

**) Ч. Ч. Валиханов. Следы шаманства у киргиз. Соч., стр. 10.

***) Там же, стр. 12.

****) Г. Н. Потанин. Чокан Валиханов, ЦГАЛИ, ф. 159, д. 179.

Отношение Валиханова к религии довольно четко выражено и в письме к Ф. М. Достоевскому, в котором сказано: «...я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде»*). В записке «О мусульманстве в степи» он с большой убедительностью разоблачает реакционную сущность ислама, смело борется против мусульманского фанатизма и реакционного духовенства, в которых он видит главное зло, тормозящее развитие казахского общества.

Чокан Валиханов рассматривал ислам, как источник обмана, источник предрассудков и суеверий, как средство оглупления народных масс религиозным дурманом. Он видел, что мусульманская религия открыто отстаивает средневековье, защищает феодальные привилегии.

И в своих статьях он доказывал, что царское самодержавие нашло в мусульманском духовенстве опору для проведения своей колониальной политики; он с негодованием осуждал идеи преднамеренного поощрения реакционной роли ислама. Он писал: «Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа на будущее»**).

Энергичную борьбу вел он против мулл, ишанов и казиев, считая их угнетателями в рясах, изуверами и ханжами.

Передовые просветительские идеи Чокана Валиханова ярко отражены также в его высказываниях о положении в среднеазиатских ханствах. Прекрасно зная жизнь среднеазиатских народов, страдавших под гнетом ханов и беков, он в своих работах обличал феодальный застой и деспотизм, с сожалением говорил о запустении и отсталости у народов Средней Азии: «В Мавраннагре,— писал Ч. Валиханов,— в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока, теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы,

*) Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата. 1947, стр. 111.

**) Ч. Ч. Валиханов. Соч., стр. 194.

Хивы, Бухары и проч., обсерватории в Самарканде безвозвратно погибли под беспощадной рукою татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного»*).

Он разоблачал косность, фанатизм и тунеядство среднеазиатских феодалов: «Среднеазиатские владельцы теперь не пишут стихов и мемуаров, как это делали их предки, зато они каждый день торжественной процессией ходят в мечеть и там смиренно беседуют с муллами, а по возвращении домой забавляются с пажами или идут на арену и смотрят, как два свирепо дрессированные барана бьются лбами»**).

Литературное наследство Чокана Валиханова очень обширно и многогранно. Большая часть его научных трудов дошла до нас только в рукописях и не была опубликована. На протяжении почти целого столетия она оставалась неизвестной широким слоям нашей общественности. Ныне развернулась работа по подготовке к печати всех этих материалов. Осуществляется предвидение П. П. Семенова-Тян-Шанского, который в 1865 году в своей речи на общем собрании Русского Географического общества, посвященном памяти Валиханова, сказал: «Мы имеем повод надеяться, что эти драгоценные материалы не пропадут для науки»***).

При этом нужно сказать, что Ч. Валиханов был не только ученым-мыслителем, но и казахским писателем-прозаиком, оставившим памятники художественной прозы в виде дневника о поездке на Иссык-Куль и Кульджу—талантливые художественные произведения.

В 1864 году Ч. Валиханов был приглашен в военную экспедицию генерала Черняева, он принимал участие в военных действиях при взятии крепости Аулиэ-Ата.

Он считал, что присоединение южных районов Ка-

*) Ч. Ч. Валиханов. Соч., стр. 42.
**) Там же.
***) Отчет Русск. Геогр. общества за 1865 г. СПб, 1866, стр. 11.

захстана и Средней Азии должно произойти мирным путем, без кровопролития. Как отмечают документы, для участия в такого рода переговорах и командировался «...штаб-ротмистр Валиханов, весьма развитый азиатец, хорошо знающий русский и татарский язык»*). Однако генерал Черняев допустил ряд несправедливых действий, приведших в негодование не только Валиханова, но и всех передовых людей России того времени. Колонизаторские поступки Черняева осуждались всей демократической общественностью России, в частности М. Е. Салтыковым-Щедриным в очерке «Современные идиллии».

Ч. Валиханов не мог найти общего языка с Черняевым. В июле 1864 года он возвратился в г. Верный с группой офицеров, недовольных действиями Черняева. Многие из них впоследствии поплатились за это.

Затем Чокан Валиханов выехал из Верного в аул Тезека—старшего султана казахов рода албан. Здесь он женился на сестре Тезека.

Живя в ауле, он занимался изучением исторических преданий казахов Старшего жуза, глубоко интересовался ходом восстания дунган в Западном Китае, поддерживал связи с Петербургом (письма К. К. Гутковскому) и администрацией Западной Сибири.

Восстановить свое разрушенное здоровье Ч. Валиханов не смог. Он скончался в апреле 1865 года в ауле Тезека, на урочище Кочен-Тоган, недалеко от подножья Алтын-Эмельского хребта.

* * *

Чокан Чингисович Валиханов — первый казахский ученый, просветитель-демократ — занимает выдающееся место в истории казахского народа.

Подобно великому казахскому поэту Абаю, Чокан Валиханов также ставит вопрос: как должно идти развитие казахского народа, какими путями? Он ре-

---

*) Письмо А. О. Дюгамеля к Д. А. Милютину. РОБЛ, ф. 166, д. 6334.

шительно отвергает мусульманское просвещение и религиозный дурман.

Чокан Валиханов сделал своей каабой передовую русскую культуру, русское образование; он видел светлое будущее казахского народа только в дружеском общении с культурой великого русского народа, в укреплении братского единения с русским народом. Он доказывал, что казахи «...связаны с русскими исторически и даже кровно».

Великий сын казахского народа выразил заветные стремления и чаяния своего родного народа, ибо только дружба с русским народом, только передовая демократическая культура России могла открыть перед казахскими трудящимися широкие перспективы культурного развития. Вся история казахского народа подтвердила глубокую правоту, жизненность и силу предвидения Чокана Валиханова.

А. Маргулан.

СОЧИНЕНИЯ
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

КАЗАХИ И КИРГИЗЫ

ОЧЕРКИ ДЖУНГАРИИ

Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство двух могущественных европейских держав, России и Англии, большая часть ее все-таки остается для европейской науки во многих отношениях недоступной. Наш ученый товарищ по Обществу П. П. Семенов[1], издавая II том своего перевода Риттеровой[2] «Erdkunde von Asien»*), пришел к тому заключению, что Центральная Азия исследована никак не более внутренней Африки. Действительно, сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенной terra incognita**), как говорилось в старину, то по крайней мере трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем.

Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не более не менее, как одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами; пустыня, занесенная песком, заросшая уродливыми кустами колючего саксаула и обитаемая только стадами диких ослов и пугливых сайгаков. Среди этой

*) «Землеведение Азии», русский перевод П. Семенова, 1856—1879.

**) Земля неведомая (*лат.*).

сахары разбросаны по берегам рек небольшие оазисы, осененные тополевыми, тутовыми деревьями и вязами, там и сям попадаются рисовые поля, дурно возделанные, плантации травянистого хлопчатника, который снимают недозрелым, виноградники и фруктовые сады, предоставленные ленивым человеком исключительно попечению аллаха. На этих оазисах, на развалинах многовратных городов стоят жалкие мазанки и в них живет дикое, невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев с одной стороны и полицейской властью китайцев с другой.

В Мавраннагре[3] (нынешняя Бухара, Хива и Коканд)*), в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока (в XIV и XV веке), теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы (в Кокандском ханстве), Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самарканде[4] безвозвратно погибли под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного. Даже монументальные памятники прошедшей культуры подверглись гонению мулл, как подражание немвродовскому столпотворению[5], как греховная борьба человека с творчеством аллаха; только мечети, медресе (училища) и гробницы магометанских святых, только клопная яма (кенехане) и еще башня мунар, с которой бросают преступников, сохранились до наших дней благодаря своему благому назначению.

Среднеазиатские владельцы теперь не пишут стихов и мемуаров, не составляют астрономических таблиц, как это делали их предки, зато они каждый день торжественной процессией ходят в мечеть и там смиренно беседуют с муллами, а по возвращении домой забавляются с пажами[6] или идут на арену и смотрят, как два свирепо дрессированные барана бьются лбами; смотрят до тех пор, пока у одного из бойцов не разобьется череп, а потом в кровожадном волнении

*) В рукописной копии «Маврель-нагр».

бьют своих генералов сорок раз по спине и сорок раз по желудку. Другая часть Центральной Азии, Малая Бухария, находится в обстоятельствах не лучших. Страна, в которой, несмотря на господство ислама, развилась свобода женщин, веротерпимость, безразличие народностей и муниципальные начала, обнищала, одичала под гнетом китайской цензуры и военных мундиров, а мелкие владельцы в горах Болора, производящие род свой от Александра Македонского[7], продают своих подданных, как киргизы баранов. Всюду разрушение, невежество и безграничный произвол. При таком состоянии цивилизации, или, правильнее, при таком совершенном отсутствии цивилизации в Средней Азии, понятно, что попытки России и Англии поближе узнать свою дикую соседку были так мало удачны, а иногда и печальны.

В конце 1859*) года мне удалось с кокандским караваном, в качестве кокандского купца, проникнуть в Кашгар, в котором после знаменитого Марко Поло[8] (1272) и иезуита Гоеса[9] (1603) были только два европейца: немец, офицер ост-индской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записка[10] о его путешествии, и ученый пруссак Адольф Шлагинтвейт[11]. Первый из них был бит в Кашгаре бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же отсечена голова и поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов.

Кашгар принадлежит к числу окружных городов в китайской провинции Нан-лу (Южной линии) и пользуется, можно сказать, со времен Птоломея[12] большой караванной известностью, особенно по своей обширной торговле чаем. Кашгар для Азии имеет такое же значение, как Кяхта для нас, Шанхай и Кантон для других европейцев. Кроме того, город этот славится на востоке обаятельными прелестями своих «чаукенов», молодых женщин, на которых всякий приезжий может жениться, нисколько не стесняясь, на известный срок или на время своего пребывания. Кашгар

*) Точнее во втор. пол. 1858 и начале 1859 г г.

славится также своими музыкантами, танцовщиками и лучшим в мире янысарским хашишем*). Благодаря этой славе Кашгар служит местом, куда стекаются азиатские купцы со всех концов своего материка. Здесь можно видеть тибетца с персиянином, индуса с волжским татарином, авганов, армян, жидов, цыган (мультани и лулу) и одного нашего соотечественника, беглого сибирского казака.

В последнее время город этот начал приобретать известность совсем другого рода.

В нем появились башни из человеческих голов, начали резать людей так же обыденно, как режут только кур. «Трудно,— говорит народная песня,— содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит 12 пулов; но еще труднее сохранить голову, потому что вай! вай!» Это несколько странное окончание песни выражает то запуганное состояние, в каком находится здешний народ. Ходжи, потомки прежних кашгарских владельцев, в пользу которых происходили в последнее время несколько кровавых восстаний в Кашгаре, не столько режут китайцев, сколько своих клиентов кашгарцев, одного за то, например, что он служил чиновником при китайском правительстве, другого за то, что зевнул, третьего за то, что он черногорец**). Китайцы после изгнания ходжи, в чем они до сих пор успевали, несмотря на свою военную немощь, первым делом грабят город, топчут хлебные поля своими казенными табунами, хватают женщин, ломают мечети и гробницы, а потом принимаются за экзекуцию и тянут ее с церемониальной ужасной медлительностью.

Когда мы приехали в Кашгар, китайцы только что окончили свои разнообразные истязания, вход в городские ворота украшался длинной аллеей из тонких жердей, на которых висели в клетках желтые черепа казненных ими туземцев. Город начинал успокаиваться. Новые туземные власти, поставленные китайцами,

*) Хашиш — экстракт из конопляных цветов имеет одуряющее раздражительное свойство (*Ч. В.*).

**) О черногорцах и белогорцах, см. подробно ниже в «Описании Алтышара», гл. «Правительственная система».

разъезжали в мандаринских шапках и били всех, не успевавших скоро давать им дорогу. Сношения с Кокандом были возобновлены, кокандский консул жил более месяца в Кашгаре, бухарские и кокандские караваны с каждым днем все более и более наполняли пустые караван-сараи. Приезд нашего каравана произвел в городе большое волнение. Киргизы еще до нашего прихода успели распустить слух, что из России де идет караван на 500 верблюдах (у нас было только 60), навьюченный сундуками, в которых скрыты какие-то разрушительные снаряды; что начальник каравана, по имени «железная доска» (имя это киргизы изобрели, вероятно, потому, что караван-баши имел железную кровать), человек подозрительный и, должно быть, русский и проч. Нет нелепости, которой бы не поверил азиатец, чем нелепее слух, тем он более кажется для него вероятным. Китайцы, как известно, в этом отношении не отличаются от других азиатцев,— так и случилось. К счастию, кокандский консул лично знал нашего караван-баши и некоторых других наших товарищей; таким образом, только заступничеству кокандцев мы обязаны были тем, что нас пустили в город.

Я не буду теперь распространяться о тех допросах, судах, которым подвергся наш караван от китайского правительства и от туземных властей, чего не позволяет ни время, ни место, а намерен на этот раз изложить только основные результаты моего путешествия и пребывания в дикокаменной орде.

Северный склон Тянь-Шаня был в новейшее время исследован со стороны России, но сочлену нашему, П. П. Семенову, удалось пробраться только до источников реки Нарына, одного из притоков Яксарта, я же перешел Тянь-Шань по двум направлениям, осмотрел окрестности Кашгара и Яныcара до песчаной гряды, лежащей между этим последним городом и Яркендом. Политические события в Коканде, кончившиеся изгнанием прежнего хана и отразившиеся беспокойствами в Кашгаре, помешали мне видеть Яркенд, самый обширнейший и многолюдный город во всем Китайском Туркестане.

Путешествие мое по свойству пройденной местности можно разделить на два периода. Первый период заключает путь мой по Джунгарии, т. е. в Семирецком, Заилийском крае и на озеро Иссык-Куль. Физический характер этих местностей хорошо уже известен по прекрасным съемкам сибирского штаба и в научном отношении исследован г. Шренком[13], Вангали[14], Семеновым и Голубевым[15]. Впрочем, известия эти ограничивались только предметами физической географии и совершенно не касались этнографии. Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 году и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским[16] на озеро Иссык-Куль. Потом три месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и успел осмотреть этот край вдоль и поперек, от Алакуля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан.

Я буду говорить только о том, что было пропущено или не замечено предшествовавшими мне исследователями. Скажу несколько слов о джунгарской фауне, о древностях этой страны и, наконец, о ее жителях.

Флора джунгарская более или менее известна. Александр Шренк с ученой ревностью занимался этим предметом и представил общий очерк растительности этой страны в своей любопытной статье, напечатанной в немецком переводе в «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches», издававшемся гг. Гельмерсеном[17] и Бэром[18] за 1840 год.

Г. Семенов также обратил внимание на растительность Тянь-Шаня и, кажется, имеет довольно богатый гербарий. Доктор Татаринов[19] составил список растений, определенных им во время путешествия Е. П. Ковалевского[20] в Кульджу, и напечатал его при сочинении г. Вангали. Между тем, мы не знаем ни одной статьи о джунгарской фауне. Г. Карелин[21], кажется, обнародовал некоторые сведения о естественных произведениях Семирецкого края и, между прочим, о его фауне; в изданиях Московского общества испытателей природы были поме-

щены описания птиц, гадов и жуков на основании чучел и образцов, присланных в это общество г. Абакумовым.

Я собрал на озере Иссык-Куле небольшую орнитологическую и этнологическую*) коллекцию.

Собрание это во время моего отсутствия было отправлено в Дрезден одним из моих знакомых, но известия о нем я еще не получил.

Озера Алакуль и Балхаш, по всей вероятности, еще в весьма недавнее время составляли одно общее водохранилище, потому что и теперь, во время весенних разливов, Алакуль, по словам киргиз, непосредственно сообщается с Балхашом через солончаковую полосу. Эту-то полосу г. Семенов считает естественной границей, где оканчивается Киргизская степь и начинается Средняя Азия, другая почва, другая флора и фауна.

Но, сколько мне кажется, Джунгария не отличается большой своеобразностью растительности. Флора равнин та же, что в южных частях Киргизской степи, а горная — похожа с небольшими исключениями на алтайскую, но в зоологическом отношении действительно заметна некоторая особенность.

В отношении распределения животных Джунгарию можно разделить на три полосы: горную, полугорную (Zoha subalpina)**) и, наконец, равнинную.

В горной полосе Джунгарского Ала-тау и Тянь-Шаня водятся млекопитающие, свойственные горным странам южной Сибири и Киргизской степи, каковы: олень (Cervus elaphus [марал]), горный козел (Ibex sibiricus [Capra sibirica], архар или горный баран (Ovis argali) [Ovis ammon], волки, лисицы чернобурые и красные, куницы-белодушки и проч. Кроме того водится, по рассказам киргиз, какой-то рыжеватый волк, называемый «чи-бури»***), очень похожий на собаку. Эти признаки напоминают шакала, но киргизский чи-бури живет преимущественно на высоких пло-

*) Описка, нужно читать: «энтомологическую».

**) Субальпийская зона.

***) Речь идет, по-видимому, о красном волке (Cyon-alpinus).

скогорьях и, вероятно, это не шакал, а альпийский вид из рода собак (Canis). Из хищных птиц в Джунгарии всего более встречается ягнятник (Gypaetus barbatus), Vultur fulvus, Vultur meleagris [Gips fulvus — белоголовый сип], изредка: беркут (Aquila chrysaëtus), соколы (Falco peregrinus, Falco subbuteo), ястреб (Astur), а кречет (Falco candicans) [Falco gyrfalco] сюда вовсе не залетает; ночных хищников мне не удалось видеть, но по словам киргиз, они довольно редки. Из отряда соровых*) [куриных (Galliformes)] в горах водится улар [темнобрюхий (Tetraogallus himalayensis)], серый тетерев, совершенно похожий на Tetrao caucasicus [тетерев-косач (Lyrurus tetrix)], каменная куропатка (Perdix saxatilis) [кеклик (Alectoris graeca)] и перепелка.

В полугорной полосе мы встречаем тигров, барсов [снежных (Felis uncia)], кабанов, антилоп-джейранов [Gasella subgutturosa]**) дикобраза, фазанов (Phasianus colchicus), дрохву [дрофа] (Otis tarda), колендухов [клинтухов] и горлиц (Columba oenas et turtur) [Streptopelia turtur], некоторых лазунов. Все эти животные распространены одинаково и в равнинной полосе. Полугорные рощи особенно богаты породами***) пташек [воробьиных] (Passerini) [Passeres]. Вот известные мне виды: 1. Corvus dauricus; 2. Coracias garrulus; 3. Merops persica Pall. (4. вероятно, Corvus Panderi Fish.) 5. Tichodroma muraria; 6. Sitta uralensis; 7. Hirundo alpestris; 8. Hirundo lagopoda [Delichon urbica; 9. Parus sibiricus [Parus cinctus] 10. Parus cyanus 11. Fringilla orientalis [Carduelis caduelis]; 12. Fringilla arcticus; 13. Turdus sibiricus; 14. Turdus fuscatus [Turdus naumanni], 15. Pyrrhula rhodochlamys

*) В научной литературе принято название «сорные».

**) В рукописи — Antilopa gutturosa Pall. указана ошибочно.

***) Т. е. видами. 1. Даурская галка. 2. Сизоворонка. 3. Вероятно, речь идет не о M. persica — зеленой щурке, о а золотистой щурке M. apiaster. 4. Ошибка: саксаульная сойка (Podoces panderi) птица равнинных пустынь. 5. Краснокрылый стенолаз, зимой спускается в предгорья. 6. Правильно — Sitta europaea — поползень обыкновенный. 7. Рыжепоясная ласточка (Hi-

[Erythrina rhodochlamys]; 16. Pyrrhula rosea [Erythrina rosea]; 17. Pyrrhula pusilla [Pyrrhula pyrrhula] 18. Pyrrhula sibirica [Uragus sibiricus]; 19. Emberiza rustica; 20. Emberiza pithyornis [Emberiza leucocephala] 21. Emberiza bruniceps; 22. Coccothraustes speculigerus; 23. Accentor altaicus [Prunella himalayana]. 24. Accentor atro ularis [Prunella atrogularis]; 25. Accentor montanellus [Prunella montanella]; 26. Cinclus leucogaster [Cinclus cinclus].

Водяных птиц и голенастых, как в горной полосе Джунгарии, так и в пустынной, водится очень мало, чаще всего встречается казарка (Anas rutila [красная утка или атайка (Casarca ferruginea)].

Таким образом, джунгарская фауна в главных своих чертах сходна с южно-киргизской, отличается от нее только тем, что между млекопитающими мы не находим некоторых пород, так характеризующих киргизскую фауну, напр., сайги, кулана, а из птиц мы видим несколько новых видов между хищными, лазунами, соровыми и пташками.

Обширные пески, лежащие между Балхашом и горной полосой, суть не более не менее, как продолжение киргизских Барсуков (так называются пески), Кара-кума и Хан-тау, и ничем особым не отличаются; они усеяны такими же островами солонцеватых голышей, называемых в Киргизской степи «как»*, но тем не менее куланы и сайги, наполняющие Голодную степь и пески на реке Чу, никогда не переходят на восток от меридиана Ит-кечу. Несколько лет тому

---

rundo daurica). 8. Городская ласточка. 9. Сероголовая гаичка. 10. Белая лазоревка. 11. Щегол. 12. Сибирский вьюрок (Zeucosticte arctoa). 13. Сибирский дрозд, по-видимому, указан ошибочно. 14. Дрозд Наумана. Вероятно, указан ошибочно, гнездится в Восточной Сибири, если бывает, то на пролетах. 15. Розовая чечевица. 16. Сибирская чечевица. Указана, по-видимому, ошибочно, если бывает, то на пролетах. 17. Снегирь обыкновенный. 18. Длиннохвостый снегирь. 19. Овсянка-ремиз. 20. Белошапочная овсянка. 21. Желчная овсянка. 22. Арчевый дубонос [Mycerobas carnipes]. 23. Гималайская завирушка. 24. Черногорлая завирушка. 25. Горная завирушка. 26. Белобрюхая оляпка.

*) В научной литературе еще назыв. «такыр».

назад в Голодной степи сделалась гололедица, а потом, как и следует, «голод», когда куланы и сайги эмигрировали в Заилийский край и углубились далеко по Илийской долине; весной, однако, эти животные возвратились обратно. Мне, впрочем, на Илийской долине, около гор Калкан и Кату, удалось видеть одно семейство куланов, которое, по словам киргиз, осталось тут после нашествия. Стало быть, Джунгария есть естественная граница, разделяющая среднеазиатского кулана от джигитая монгольской Гоби, и предел распространения сайги-антилопы низменных пустынь от джейрана нагорных степей. Туземцы это давно заметили. Киргизы рассказывают, что следы глубоких окопов, заметные по подножию Джунгарского Алатау, остались от рвов, сделанных ханом Джанибеком для истребления куланов; животные эти будто бы сманили в свое стадо лошадь, на которой учился ездить маленький ханский сын, и мальчик погиб. Тогда хан сделал ров от Тарбагатая до Или и загнал в него всех джунгарских куланов, только один жеребец с кобылой спасся за Балхаш и завещал своему потомству не ходить в эту страну[22].

Русская Джунгария в исторической судьбе среднеазиатских народов имела классическое значение. Абулгази[23] говорит, что Абулджа-хан, сын Иафета, родоначальник тюркских племен, кочевал на реках Талас, Чу и на озере Иссык-Куле. Из китайских летописей мы знаем, что здесь задерживались и укоренялись все племена, эмигрировавшие с высокой Гоби, пока не были изгоняемы более сильными. Действительно, Русская Джунгария имеет все удобства для кочевого быта: горные долины служили прохладным кочевьем в летние жары, и скот, не беспокоемый оводом, привольно пасся на сытных пастбищах; под осень кочевники спускались в долины, собирали хлеб, а на зиму скрывались в береговых уремах рек или ложбинах между песчаными буграми прибалхашской степи, обильных прекрасным топливом, каков, например, саксаул. Это обстоятельство весьма важно для кочевников, потому что в монгольской Гоби кибитка самого великого хана отапливалась животным пометом.

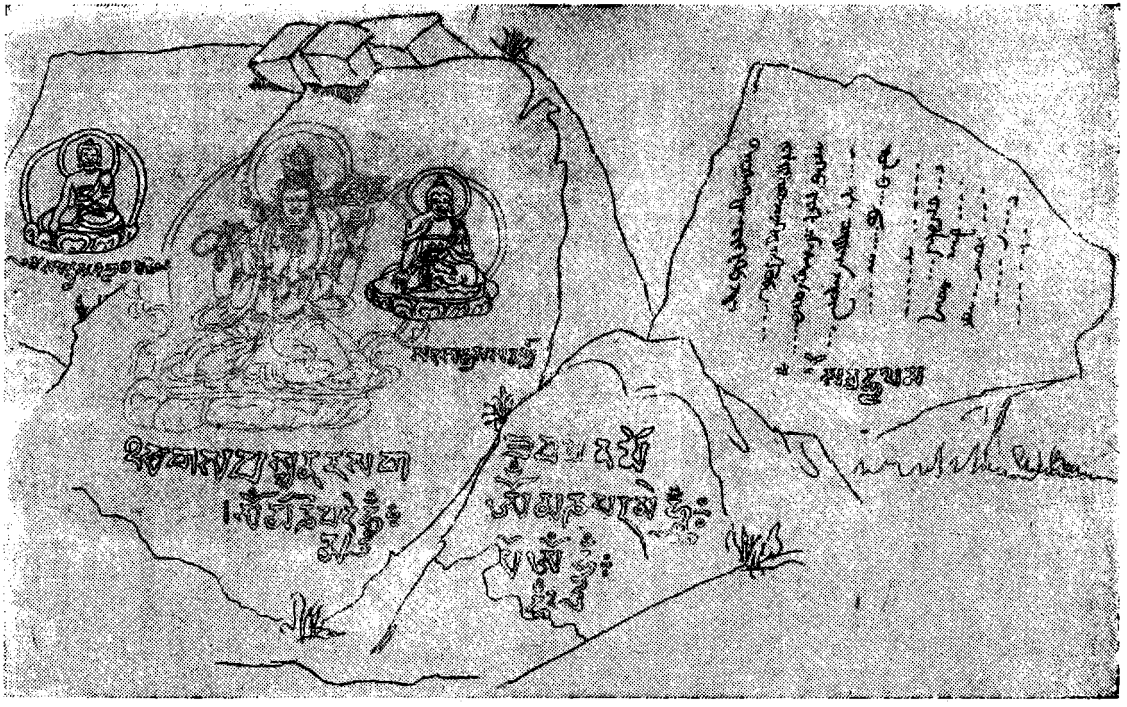

Рис. 4. Изображение Тамгалы-Тас на р. Или (XVIII в).

Русская Джунгария при сильном господстве кочевого быта, однако, имела небольшую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории—именно, известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского куньми[24]. В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Илийской долине. Города Алмалык[25] (а ныне Туркестанское селение), Хонакай и Кайнак (существующие и теперь) и Алмату (где ныне укрепление Верное) были известны по своей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану.

Замечательно еще, что в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций[26], а на озере Иссык-Куле — сирийские якобиты, по свидетельству каталонской карты, имели монастырь с мощами св. Матфия. Христианство здесь так сильно распространялось, что возбудило против себя несколько гонений, в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Эти данные сильно меня заинтересовали, к несчастию, я не мог сделать больших открытий, потому что киргизы успели уничтожить последние остатки уцелевших зданий, принимая все за ламайские капища. Один китаец, бывший в 1820 году на Иссык-Куле, говорил мне, что он видел там громадного идола, вытесанного из камня, но я не мог открыть ни малейших следов древностей этого рода, однако, нашел следы оседлости почти по всей русской Джунгарии и собрал предания, ходящие о них в народе; мне удалось также приобрести несколько золотых вещей и монет, найденных на развалинах древнего Алмалыка. Я намерен изложить этот предмет в особой статье. На этот раз ограничусь только замечанием, что следы чудских копей, найденных мною в глубине Средней Азии, дают повод думать, что горное дело не было исключительным достоянием финской расы. Исторические данные нам говорят, напротив, более в пользу тюрков, чем финнов, потому что тугю, по свидетельству китайцев, были

рудокопами жужуанского дома[27], а при покорении Сибири одно татарское поколение было названо кузнецким, потому что оно исключительно занималось сплавкой руд и снабжало металлическими изделиями соседних монголов и финнов.

В числе народов, живших в Средней Азии во времена династии Хань[28], китайские летописи заметили 6 племен, отличавшихся голубыми глазами и рыжим цветом волос, которых Клапрот[29] (Tableaux historiques de l'Asie, p. 82) и Абель Ремюза[30] (Recherches sur les langues tartares, т. 1, p. 306), считали народами индогерманского происхождения (по Клапроту — nations Alano-gothes, по Аб. Ремюза — nations Gothiques et Hindo-scythiques). К числу этих народов принадлежали, между прочим, хакасы, впоследствии киликицы*), т. е. киргизы и усунь, особенно поражавшие китайцев своим чуждым типом, своими лошадиными лицами, как говорят китайцы.

В настоящее время в Джунгарии обитают два народа: буруты, или настоящие киргизы, и киргиз-кайсаки Большой Орды, носящие собирательное название уйсунь, между которыми существует поколение, называемое рыжими уйсунями (сары уйсунь); это поколение, к довершению интереса, считает себя остатками большого и сильного народа.

Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд, я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян**).

Я сначала объяснял этот факт, следуя Аб. Ремюза, влиянием и смешением индогерманских племен с татарскими во времена их совместного жительства на плоскостях Средней Азии; теперь я надеялся в Большой орде и у дикокаменных киргиз найти ключ к разъяснению этого вопроса, найти богатые материалы для своего собрания, но ожидания мои не исполнились. Я, к крайнему сожалению, не нашел здесь ни одного

*) Китайское произношение слова «киргиз».

**) В собрании г. Афанасьева я нашел только 6 сказок, неизвестных мне по киргизской редакции (*Ч. В.*).

рапсода, ни одного хорошего кобзаря, даже песни поют здесь редко, и если поют, то непременно о белой козе или о вороном иноходце, и всегда на мотив «бойдай-талым»*).

Уйсуны**) сами сознаются, что поэзия им не далась, они говорят, что когда-то песня (мифическое олицетворение) летала над землей и учила «песне» род людской. Как женщина, капризна была эта песня: у одних она гостила подолгу, другие слышали только ее далекий голос, инде***) она летала молча, инде выла по волчьему. В Средней орде она гостила, а мы только слышали голос и не можем его припомнить. Но по тем сказкам и песням, которые здесь я мог услышать, и особенно по бурутской народной поэзии, я убедился, что индогерманские мотивы наших киргиз и ногайцев могли быть заимствованы только через сношения со славянским миром, с Русью.

Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсунов и Дикокаменной орды составляют несколько тетрадей в моих записках. В конце своей статьи я намерен познакомить вас, мм. гг., более подробно с бурутами, которые до сих пор вовсе почти неизвестны; на киргизах Большой орды я не буду останавливаться, потому что они во всем похожи на своих собратий сибирских и оренбургских кайсаков.

Оканчивая свои этнографические заметки о бурутах и уйсунах, я считаю нужным заметить, что не должно смешивать эти два совершенно различные народа. Об этом заботились в свое время гг. Левшин[31], Мейндорф[32] и особенно горячо отец Иакинф[33], но до сих пор им никто не внимал. Слова их были гласом вопиющего в пустыне, даже Гумбольдт[34] и

---

*) Песня о белой козе и о вороном иноходце принадлежит у киргиз к числу самых древних лирических песен и, как думают их рапсоды, были первые лирические опыты, появившиеся к концу прошедшего столетия. У киргиз теперь много голосов для песен, но в старые годы они довольствовались весьма немногими мотивами и, между прочим, этим бойдай-талым (*Ч. В.*).

**) Так называют их [сами] киргизы Большой Орды (*Ч. В.*).

***) Инде — кое-где, местами.

Риттер не могли понять хорошо, в чем дело: они думали, что буруты именно составляют Большую кайсацкую орду и что эту-то орду нужно отличать от Малой и Средней. Но это было большой ошибкой со стороны почтенных корифеев науки. Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ «казак» отличный от киргизов, называемых китайцами — бурутами, русскими — дикокаменными или черными. Эти два народа отличаются по языку, по происхождению, по обычаям. Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое (см. портрет манапа Бурамбая, рисованный мною в 1856 году, и другой портрет, снятый в Омске в 1848 году).

Вообще по устройству черепа и по типу лица среднеазиатские народы можно разделить на персиян, монголов и тюрков. Персияне разделяются на горных — галча и на низменных — таджик и относятся к кавказскому племени; таджики смуглы и черноволосы, а между галча встречаются блондины. Представителями монгольского типа в Средней Азии можно считать калмыков; они брюнеты, цвет лица у них оливковый, глаза узки, лицо плоское, скуловатое, нос сплюснутый (camus). Остальные народы Средней Азии как монголо-тюркского, так и тюрко-финского происхождения представляют странное смешение типов и красок. Вы встретите среди них блондинов с монгольским личным углом, с узкими голубыми глазами, встретите совершенно правильный нос римский и широкое, скуловатое лицо. Вообще в физическом виде этих народов заметна помесь, соединение черт кавказского племени с монгольским.

Второй период моего путешествия начинается в верховьях реки Нарына, главного притока реки Сыр-Дарьи, который служил пределом путешествия г. Семенова в этом меридиане. Далее передо мною простиралась совершенная terra incognita, никем еще не исследованная.

Несмотря на большую опасность, я вел во время пути и в самом Кашгаре постоянный дневник. Дружеские связи с туземцами, учеными и чиновниками, свободные разъезды по окрестностям дали мне воз-

можность обозреть вполне эту замечательную страну.

Знакомства с купцами разных племен и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах. Находясь постоянно в обществе купцов и живя в караван-сарае, я особенно хорошо познакомился с среднеазиатской торговлей, с предметами караванной торговли вообще и особенно в Кашгаре, с среднеазиатским купечеством, с их коммерческими понятиями и экономическими соображениями.

Таким образом, сведения, собранные во время путешествия, состоят, во-первых, из личных моих наблюдений; во-вторых, из сведений и материалов, полученных от людей достойных верояти и проверенных другими показаниями, и, наконец, из письменных источников, полученных от купцов, чиновников, из туземных официальных документов и книг.

В настоящее время я привожу в порядок свои записки и, по поручению его превосходительства г. генерал-квартирмейстера, занимаюсь составлением карты Средней Азии на основании новейших съемок и тех богатых материалов, которые хранятся в нашем Топографическом депо.

Я старался во время своего пребывания в Кашгаре изучить уйгурский язык (так называет его Аб. Ремюза), на котором говорят в Кашгаре; язык этот совершенно неизвестен европейским ученым, они знакомы лишь несколько с книжным языком, похожим на джагатайский. В Малой Бухарии образовался, под влиянием китайских форм, еще язык канцелярский, которого образчики вскоре будут мною напечатаны в Записках Восточного отделения Археологического общества. Я составил маленький словарь разговорного языка, примеры идиотизмов[35] и записал много народных песен.

История Малой Бухарии нам мало известна; мы знаем более или менее историю этой страны до времен Тамерлана из китайских летописей, далее из мусульманских источников, которые [о ней] говорят, впрочем, вскользь.

Между тем превосходная история этой страны, написанная в средине XVI столетия мирзой Мухаммед Хайдар куреканом[36], визирем кашгарского хана Абдул-Рашида и названная им в честь этого хана «Тарихи-Рашиди», до сих пор остается неизвестной.

В музее*) Академии наук находится турецкий перевод этого сочинения, а в библиотеке С.-Петербургского университета — персидский подлинник. К сожалению, академический экземпляр не полон, а университетский изобилует ошибками и, очевидно, скопирован человеком, не знавшим персидского языка. «Тарихи-Рашиди» разделяется на два отдела: первый отдел содержит в себе историю кашгарских ханов от Тоглук-Темира[37] до Рашида до 962 года геджры (1554); второй отдел имеет характер мемуаров.

Здесь автор описывает свои личные приключения, сообщает чрезвычайно много географических и этнографических сведений о Тянь-Шане, Болоре, Тибете и Куэнь-Луне. Сам автор принадлежал к знаменитой фамилии «Дуглат»; предки его под именем улус-беков играли в Могул-улусе**) такую же роль, как мажордомы при Меровингах у франков.

Я уже заметил выше, что история Хайдара оканчивается 1554 годом. Замечу также, что это единственное историческое сочинение, известное в Европе, и известное только по имени (академическая рукопись еще не описана). Но мне посчастливилось приобрести в Кашгаре рукопись под заглавием: «Тазкиряи Ходжагян», заключающую в себе историю династии Ходжей***), которые в конце XVI в., изгнав чингизовичей при помощи буддистов ойратов, управляли Малой

*) Имеется в виду Азиатский музей (ныне Институт востоковедения).

**) Могул-улусом или Чете называлась восточная половина Джагатаева удела; ханы этого удела лето кочевали в Джунгарии, а зимой жили в Аксу, в Кашгаре или в Яркенде. «Монголов Чете» не надо смешивать с монголами, потому что они были мусульмане и говорили тюркским языком (*Ч. В.*).

***) Ходжами в Средней Азии называют потомков Мухаммеда; они составляют наследственное духовенство и пользуются большим народным уважением *(Ч. В.)*.

Бухарией как вассалы джунгаров. Это замечательное сочинение оканчивается взятием города Яркенда китайцами в 1758 г. Таким образом, «История ходжей» служит продолжением «Тарихи — Рашиди».

Из книг, приобретенных мною в Кашгаре, еще заслуживают внимания:

1) «Тазкиряи султан Сутук-Бугра хан-газы» (жизнеописание хана Султан-Бугра из династии Илеков, который первый принял ислам и распространил его в Кашгаре).

2) «Тазкиряи Туглук Тимур-хан» (жизнь Туглук-Тимур-хана из Джагатаевичей, который первый из монгольских ханов Могул-улуса принял ислам).

3) «Ришахат» или известия о среднеазиатских законоучителях и чудотворцах.

4) «Абу-Муслим Марузи», героический роман, замечательный потому, что в него вошло много местных исторических преданий.

Сверх поименованных приобретений я собрал во время путешествия небольшую нумизматическую коллекцию, которая уже описана в бюллетенях Академии наук (см. Melanges asiatiques, IV livrasion), коллекцию горных пород, встречавшихся на пути; также куски нефрита, добываемого в горах Мирджай около Яркенда и реке Кара-Каш; болорские яшмы, мрамор, хрусталь, песочное золото из реки Керия; я привез с собою также произведения туземных мануфактур и образчики английских товаров, встречающихся на кашгарском рынке.

Вот вкратце самые общие результаты моего путешествия по Средней Азии.

* * *

Путешествие мое началось 28 мая 1858 года*).

29 мая караван снялся**). Прекрасная погода благоприятствовала нашему путешествию, мы шли сна-

*) В рукописной копии ошибочно проставлен 1856 год. Н. И. Веселовский в издании повторил ошибку.

**) Описание пути от Алтын-Эмельского хребта до Каркары здесь дано полнее, чем в «Описании пути в Кашгар», и темати-

чала пикетной дорогой до Алтын-Эмельского пикета по прекрасным долинам Алатавских предгорий. Поля пестрели оранжевыми тюльпанами, восточным маком, и на длинных стеблях белой мальвы качались желтые пташки [желчная овсянка (Emberiza bruniceps)]. После двадцатипятиверстного похода караван под вечернюю прохладу, обыкновенно, разбивал лагерь на берегу какой-нибудь звонкобегущей речки под тенью высоких тополей или серебролиственной джигды; весело и шумно болтали люди вокруг ярких костров, бухарцы курили кальян и декламировали Хафиза. Киргизы, стоявшие в этих местах, приходили к нам с баранами для покупок, а знатные их родоначальники для того, чтоб получить базарлык (подарок). Торжественно, в сопровождении большой свиты, являлись они в караван и спрашивали: кто всех богаче? Богачом назывался каждый владелец палатки по очереди; таким образом, очередной богач угощал ордынских чинов чаем, сухарями, сушеными фруктами; все это киргизы клали за пазуху и, выпросив подарок, быстро удалялись. Раз караван удостоился видеть султана Джангазы, правителя джалаирского племени, с помощником, который дан ему ради его скудоумия алатавским окружным начальством и потому называется киргизами заседателем. Султан поразил нас эксцентричностью. Он вошел в палатку походкой жирного гуся, которая у киргиз употребляется в крайне официальных случаях, сел на почетное место и принял созерцательный вид; все молчали. Султан вдруг поднял голову, обвел всех быстро глазами и произнес двустишие: «у джалаиров много баранов, у Джангазы много дум»*), — сказал и опять углубился в буддистическую недвижимость. Между тем заседатель и другие киргизы разговорились, они рассказывали, как приезжал генерал-губернатор в укрепление Верное, с мельчайшей подробностью передавали его слова, обращенные к киргизскому народу, и жесты, которые генерал употреблял при этом.

чески связано с «Очерками». Несмотря на частичное повторение, редакция сочла необходимым сохранить авторское построение записки. Полное текстовое повторение опускается.

*) Жалаирдың қойы көп, жанғазының ойы көп.

Киргизы все просили нас научить «закону», а то-де у нас берут на кордонные работы быков, лошадей и редко отдают назад. Вот казаки знают закон, ну и притесняют, воруют свободно, тягаться с ними, говорили они, не приходится: «царский человек» на счету состоит, за него как раз пойдешь через «сверленые горы»*) (так киргизы называют каторжную работу); у нас уж была кутерьма за трех казаков, которые погибли без вести; всю зиму помончих (помощник окружного) и Банушка (Ванюшка-толмач) пролежали на Каратале; «сознайтесь»,— говорят: «вы убили казаков». «Сохрани боже — не видали вовсе!» Нынче губернатор говорит: «Найдите вы мне виноватых, а то я всех вас в бараний рог согну; я, говорит, гром и молния». Султан в это время как-то странно поводил глазами и изредка выстреливал двустишиями. После пилава гости удалились, оставя в юрте какой-то миндальный запах.

Перейдя джунгарский Алатау проходом Джаксы—Алтын-Эмель, который известен тем, что под осень через него дуют сильные северо-восточные ветры, называемые «эбэ», вроде тех, что на южном берегу Алакуля,— караван вышел на голую кремнистую долину. Вдали виднелась Или; мы пошли на перевоз, содержимый киргизами, через эту реку, и ночевали у ключа в песках, между гор Калкан, где попали в какую-то ложбину, которая кишела змеями, тарантулами, скорпионами, фалангами, и долго не могли забыть этого проклятого ночлега. Ночь мы не спали и чуть свет поднялись в поход.

Караван два дня переправлялся через реку Или на ветхих плоскодонных судах. Судно тянули с помощью лошадей, пущенных вплавь, а лодочники выливали ведрами воду. Отпраздновав на берегах Или «курбан»[38], караван через проходы Сугуты, Торайгир и Ум-Мерке достиг Каркаринской долины, сделав всего семнадцать усиленных переходов. Здесь мы нашли адбановских киргиз поколения айтбузум и разъехались по разным аулам для меновой торговли. Но киргизы были

*) По-казахски «тескен-тау».

в волнении. Перед нашим приходом на берегах Каркары происходила у них кровавая схватка между коленами кизыл-бурк и айтбузум. Они ожидали русского чиновника, высланного на следствие по жалобе кизылбуркской стороны и в случае неудачи думали наутек. Так и случилось. 4 августа киргизы начали сниматься вдруг и к вечеру на берегах Кегена и Каркары не видно было ни одной живой души, не было слышно ни одного звука, только наши одинокие палатки с грустным выражением смотрели на мертвую окрестность. Нам было почему-то неловко. Караван-баши и некоторые наши старики находили 900 баранов, вымененных нами у киргиз, недостаточно, и потому решили идти в Дикокаменную орду. 6 августа караван достиг киргизских кочевок. Нас встретил родоначальник племени салмеке манап Карач, по прозванию Большой*), благорасположенный к русскому правительству и изнывающий желанием получить чин хорунжего. Большим он назывался потому, что был толст и жирен, как дургамский бык. Карач носил остроконечную белую войлочную шляпу с разрезанными на лбу и затылке полями, ваточный халат из крепкой полосатой бумажной материи вроде тика, с закругленным воротником, как у наших военных на кафтанах, и тремя зелеными шелковыми тесемками на груди. На ногах были неуклюжие сапоги из красной юфти с большими деревянными каблуками. Сын его был одет так же, как Карач, но халат его имел более яркий цвет и плисовый воротник и рукава. Свита Карача состояла из нескольких оборванцев, вооруженных дубьем и копьями. Один рыжий копьеносец имел на себе только нижнее белье, да войлочный плащ, а другой, несмотря на жаркое время, носил нагольный тулуп и меховую шапку. Киргизы говорили очень скоро и пискливо, беспрестанно сыпали в рот нюхательный табак.

Долина Верхнего Кегена имеет высокое положение и изобилует кормами, берега речки топки, местами образуют кочковатые болота, называемые «саз», вообще три смежные нагорные долины Кегена, Текеса и

*) Т. е. Чон-Карач.

Каркары — единственные места во всей Джунгарии, отличающиеся черноземным грунтом и густо заросшие травой. На большом «сазе» стояли кибитки калмыков IX дивизии, сидевших прежде около китайского рудника, но нынче упраздненного. Мы разбили лагерь на реке Чалкуду; ночью выпал снег, ветер завывал и крутил снежной пылью, как зимой. Было ужасно холодно, два дня продолжалась метель, и сношения наши с киргизами были прерваны. На третий день приехали в караван начальники киргизских поколений и разобрали нас по своим аулам. Я и Мамразык, мой товарищ, попали в аул бия Бурсука, родоначальника небольшого поколения кыдык...

В Дикокаменной орде мы жили почти месяц, перекочевывая с ней из одного места в другое, производя постоянно меновой торг на баранов.

Наш хозяин не принадлежал к числу манапов, киргизских аристократов, не участвовал в народных совещаниях и был очень беден. Однако же Бурсук хотел иметь родовое значение и, чтобы разбогатеть, вел баранту почти со всеми киргизскими аристократами. С этой целью он выбирал для своих аулов самые крепкие позиции, удаленные от общих кочевок. Все время моего пребывания он гнездился в неприступных ущельях Музарта (ледяных гор) или в топких болотах верхнего Текеса. Он не покидал своего убежища даже и тогда, когда другие племена, в полном сборе, раскинув свои аулы на широкой долине Кегена, готовились торжественной байгой праздновать тризну верховного манапа Бурамбая в 90 день его смерти. Мой хозяин и девять его хищных сыновей в это время занимались конокрадством.

Знакомство мое с киргизами, как было уже замечено выше, началось еще в 1856 г. В 1855 г. верховный манап бугу Бурамбай с подведомственными ему родами в числе 10.000 кибиток поступил в подданство России; весной следующего года отправлен, по просьбе самих киргизов, казачий отряд под начальством полковника Хоментовского для ближайшего знакомства с киргизами и для съемки земель, принадлежащих этому племени. Эта первая русская экспедиция

в течение двух месяцев успела обозреть северную часть озера Иссык-Куля и снять в двухверстном масштабе карту местности по его северному берегу до р. Аксу, по южному — до р. Зауку. Находясь при экспедиции, я посетил аул Бурамбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записку о дикокаменных киргизах. Впоследствии я имел столкновение с бурутами других племен: сарыбагишами, солту и, наконец, в настоящее путешествие познакомился с их кочевьями до самого Кашгара.

Происхождение и история дикокаменных киргиз*) до сих пор остается для ученых, занимающихся разработкой китайских и восточных историков, вопросом нерешенным, спорным. Большинство, впрочем, держится того мнения, что нынешние дикокаменные буруты не более, не менее как енисейские киргизы, переселенные в прошлом столетии джунгарами на новые кочевки, и потому их считают тождественными с хакасами династии Тан[39] и киликидцами династии Юань. Рашид-Эддин[40] в своей истории монголов относит киргизов к числу лесных народов южной Сибири, живших в стране Бархуджин-Тукум; название Кем-Кемджут, данное киргизам у него и у Абулгази, напоминает Кем (Енисей) и реку Кемчук, которые, вероятно, были тогда кочевками этого народа. При покорении Сибири русские казаки нашли киргиз на Абакане и Юсе и вели с ними упорную войну с XVII до начала XVIII века.

С тех пор внезапно исчезло имя этого народа в сибирских летописях. Фишер[41] полагает, что они были переселены джунгарскими хон-тайдзи и, основываясь на слухах, полагал, что новое жительство их должно быть около границ Тибета и гор Индукуш. Г. Левшин говорит, что шведские офицеры первые внесли событие это в историю, и утверждает, что переселение их было следствием особого договора между русским правительством и джунгарским хон-тайдзи. Но китайцы называют дикокаменных киргиз бурутами и говорят, что они переселились в настоящие места своих кочевок с Куэнь-Луня, где они жили при династии

*) Более подробно см. ниже, главу «Киргизы».

Тан под именем булу или пулу. О. Иакинф первый стал отличать киргизов южной Сибири от нынешних бурутов, принимая последних за племя тюркское и называя его, для отличия от первых, кэргизами. Риттер в своей Erdkunde von Asien смешивает несправедливо дикокаменных киргиз-бурутов с киргиз-кайсаками и считает всех их за миграцию енисейских киликицзей или хакасов, которых, в свою очередь, следуя Клапроту и Аб. Ремюза, принимает за племя индогерманское, отюречившееся вследствие племенных смешений. Относительно же исчезновения киргизов из русской Сибири в XVII веке Риттер говорит, что они, теснимые соседями, удалились к соплеменным бурутам в Восточный Туркестан и в степи на юго-востоке от Иртыша; следовательно, он считает бурутов за старожилов настоящих их кочевок. Вот в каком состоянии находится вопрос о происхождении нынешних дикокаменных киргиз. Для разъяснения этой путаницы мы обратились к народным преданиям и получили следующие данные: 1) народ, означаемый именем дикокаменных, черных киргиз, называет себя просто киргиз, или, как сами они произносят, кргыз. Название бурут, данное им калмыками и китайцами, совершенно им неизвестно; 2) киргизы считают своей первой родиной Андижанские горы; 3) предания о переселении из южной Сибири между ними не сохранилось, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток — до Урумчи.

На основании этих данных мы думаем, что дикокаменные киргизы тождественны с енисейскими хакасами или киргизами, по китайскому произношению ки-ли-ки-цзы, потому что китайский летописец, современник монголов, говорит, что ки-ли-ки-цзы на языке туземцев — значит 40 девиц, т. е. кырк — сорок, кыз — девушек. Этой этимологией пользуются и нынешние киргизы для объяснения своего имени. Далее мы полагаем, что киргизы распространились на восток*) до нынешних их кочевок в самые древние времена, ибо в

*) Описка, следует читать «запад».

маршруте Гулагу 1253 года встречаются киргизы (килики-цзы) на Тянь-Шане, и перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая и обратно продолжались и в следующие времена, что подтверждается и народными преданиями. Такие перекочевки остановились только тогда, когда между Алтаем и Тянь-Шанем образовалось сильное владение ойратов или джунгаров. Мнение, принятое всеми учеными, что переселение киргиз с Енисея на Тянь-Шань в начале XVIII века совершено джунгарами и притом по взаимному соглашению с русским правительством, оказывается не совсем верным на основании новых данных, которые нам удалось добыть. В кашгарской истории, называемой «Тарихи-Рашиди», я нашел свидетельство, что киргизы (буруты) уже кочевали в конце XV столетия в горах около Андижана, а во времена самого историка (около 1520 года) они распространяли свои кочевки до Иссык-Куля. В архиве Областного правления сибирских киргиз в Омске есть любопытный акт, относящийся к переселению киргиз из Сибири летом 1746 года; в акте этом сказано, что «прибыло в Усть-Каменогорск двенадцать человек с бабами и детьми, которые показали себя киргиз-калмыками и объявили, что они прежде жили в Сибири между томским и енисейским городами и против города Красноярска в степи, на реке, называемой Белым Юсом, под ведением Танбын-батыра датжи и платили ясак зверями в казну ее императорского величества. Тому назад лет пятьдесят или более, говорили они, при отце нынешнего хон-тайши Галдан-Черена[42] пришли три калмыцкие зайсана*): Дунар, Сандык и Чинбинь (по другому показанию: Зухар, Сандык и Бенбень) с 500 человек войска, напали на их кочевья и увезли их в числе 3.000 дымов вместе с сыном их прежнего хана Танбына батыра датжи, Чайнышем, насильно, но без боя, в Зюнгарскую землицу и послали в Ургу, где они и теперь живут и платят Галдан-Черену албан**). Между про-

*) Зайсан — титул джунгарских феодалов, собственно — цзайсан.

**) Албан — дань, подать.

чим, эти выходцы показали, что их родственники и прочие киргиз-калмыки живут в Сагайской степи и состоят в ясаке ее императорского величества. В следующем 1747 году пойманы еще два киргиз-калмыка, бежавшие из Джунгарии, которые показали то же самое и прибавили, что в Сагайской волости кочуют два родные дяди: Харта Идаш и брат его родной Емгень Мергень. Из этого видно, что сибирские киргизы по соседству джунгаров и урянхайцев сильно смешались с монголами и что переселен был джунгарами не весь народ, а только 3.000 кибиток, которые, как надо полагать, соединились с джунгарами. Они-то, может быть, составили калмыцкий нутук (поколение) — «киргиз», давший о. Иакинфу повод сделать заключение, что сибирские киргизы были монгольского племени. При этом положении возникает вопрос: куда же девались эти сибирские киргизы, народ сильный настолько, что в продолжение целого столетия тревожил своими набегами сибирские города и боролся с сильными соседями, каковы были джунгары и Алтын-хан[43] урянхайцев. На это мы отвечаем, что исчезновение их имени могло произойти по тому же закону, по которому знаменитое владение урянхайских «золотых» царей, которым киргизы платили дань, существует теперь в виде двух бедных волостей, известных под именем двоеданцев, потому что они платят дань русским и китайцам. Известно, что сибиряки всем инородцам дают особенные имена, и остатки сибирских киргиз, конечно, кочуют на старых местах, но под новыми именами. Мы читали где-то, что один из татарских народов Енисейской губернии, кажется сагайцы, считают себя потомками киргиз; г. Муравлев, офицер Генерального штаба, путешествовавший недавно по Алтаю, сообщил мне, что в верховьях Бухтармы кочуют две волости, которые называют себя киргизами, и говорят, что они переселились сюда с Кема (Енисея) и Кемчука.

Ученые уже давно заметили важность для этнографии изучения памятников народной словесности, в которых лучше всего выражается характер народного быта и нравов. Любовь к старине и богатство преда-

ний составляют особое достоинство кочевых народов северной и средней Азии. Предания эти сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний в памяти старейшин, как напр. юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особенным сословием певцов. Многие слова и обороты, неупотребительные в настоящее время, показывают их древность. Предание о царевне Гульмалике, как о родоначальнице Чингис-хана, распространено между всеми татарскими народами. Тьерри[44] (Histoire d'Attila et de ses successeurs) принимает за отдаленный миф о гуннах и Атилле. Предание дикокаменных киргиз о происхождении своем от красной борзой собаки (кызылтайган) и от какой-то царевны и сорок ее фрейлин имеет чрезвычайно древний характер. Одну из характеристических черт преданий древних среднеазиатских народов составляет миф о происхождении их от какого-нибудь животного. По свидетельству китайской истории народ гао-гюй (Kao-tsche), иначе называемый телэ или чилэ, происходит от волка и от прелестной хуннской[45] царевны. Один из хуннских шаньюев (царей) имел двух дочерей такой необыкновенной красоты, что не хотел выдать их замуж за обыкновенных смертных, и, построив высокую башню, оставил в необитаемой пустыне, сказав: «Молю небо принять их». Младшая царевна, соскучившись одиночеством, обратила свое внимание на старого волка, который в продолжение целого года день и ночь ходил около замка и, наконец, даже устроил у подножия башни свое логовище; несмотря на убеждение сестры, она вышла за него замуж*). Тюгю (дулгасцы у о. Иакинфа) почитали своей родительницей волчицу, а туфаны (тибетцы) — собаку. Китайцы говорят, что Батачи, родоначальник монгольских ханов, был сын голубого волка**) и белой дикой лани (Mém. relatifs à l'Asie, par Klaproth, p. 204). Некоторые племена краснокожих в Северной Америке производят свой род от бобров, черепах и проч. Из этих примеров очевидно, что этот род

*) См. Histoire générale des Huns, des Turcs etc. par. de Guignes, p. 2, t. III.

**) Борте-чене, у Абулгази Бурте-чино.

преданий в Средней Азии и даже в Америке был самый древний и, по-видимому, почетный. В пользу того, что киргизские предания очень мало подвергались изменениям и близки к первоначальной своей редакции, всего более говорит та наивная торжественность, с которой они повествуют о вещах крайне нескромных с точки зрения современного киргизского поколения. Происхождение 99 колен кипчакских сохранилось у узбеков и кайсаков в такой неприличной форме, что мы сомневаемся, будет ли оно когда-нибудь в печати.

Весьма важный отдел преданий составляют предания генеалогические. На этих преданиях основан родовой быт. Отношение родов между собой обуславливаются степенью родства родоначальников. Старшинство одного племени перед другим выражается правом физического первородства предка. Предания сего рода важны в том отношении, что они представляют состав и образование народа. Из генеалогических таблиц кайсаков, узбеков и ногайцев видно, что это союз разных тюркских и монгольских племен, образовавшийся после падения Золотой и Джагатайской орд. Из генеалогии же бурутов следует, что главную массу их народа составляет тюркское племя киргиз, к которому присоединились впоследствии два чуждых отдела. Один из этих чуждых отделов составляют роды кипчак, найман и кытай; права их на киргизскую народность в генеалогической форме выражены тем, что им дан общий родоначальник, который поставлен сыном Киргизбая. Другой чуждый отдел — ичкилик, хотя считает своего родоначальника также сыном Киргизбая, но не признается другими родами. Третий отдел составляют настоящие киргизы, разделенные на два крыла — «он» и «сол». Они в настоящем колене разветвляются на множество поколений, каждое из поколений еще на поколения и т. д.

Третий род преданий составляют, так называемые, ногайские былины (джир). Они существуют у кайсаков, узбеков, ногайцев и у киргиз. Надо полагать, что под ногаями первоначально разумелись в Средней Азии все кочевые племена тюркского и монгольского проис-

хождения, говорившие татарским языком, как калмыками назывались кочевники, говорившие по-монгольски. Ногайские предания относятся к концу XIV, к XV и XVI векам. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной устной литературы. Они замечательны, как выражения народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса. У кайсаков, узбеков и ногайцев, производящих себя от Золотой и Джагатайской орд, сохранилось несколько поэтических саг об ордынских героях: Эдигее, Ир-Кокче, Ураке, Чоре и проч. Лица эти исторические. Эдигей был один из генералов Тамерлана, был темником в Золотой орде при Тимур Кутлуке и известен в истории победой над Витовтом при Ворскле. Урак, по преданию, его потомок, был в русском плену и был женат на русской княжне (исторического свидетельства о нем мы не нашли). Об Ир-Кокче упоминается в Никоновской летопи-

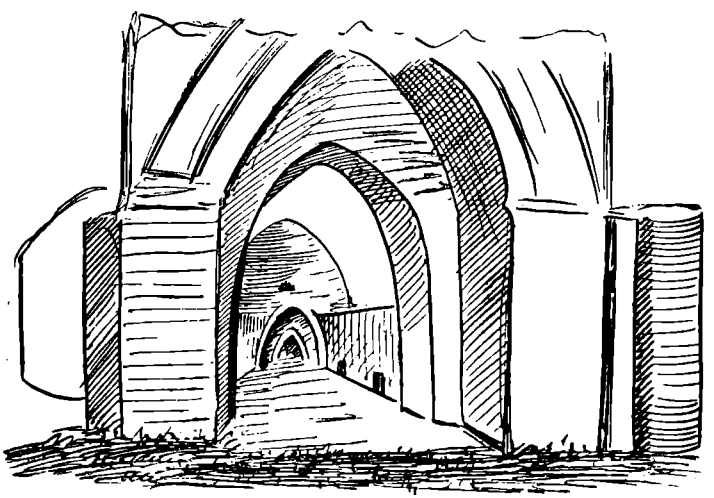

Рис. 5. Развалины мавзолея Айт-Булат (на р. Сары-Су) (XII—XIII вв.).

си под 1423 годом и по поводу нападения царя Куидадата*) на одоев. «Тогда же убили и Когчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою». Чора — татарский витязь, который идет на помощь осажденной Казани. В Казанской летописи сохранилось его имя. Эти саги показывают, в какой степени наши кочевники дорожат стариной и как умеют ее сохранять. Надо сказать, что поэтические предания, вследствие смежности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуются одним народом у другого, и потому нужно уметь их отличать. Г. Ходьзко слышал отрывки из Идиге от туркменцев, но туркменцы его заимствовали от кайсаков или от ногайцев, точно так же, как классический их разбойник Кор-Оглу известен кайсацким рапсодам. В Азии очень много странствующих преданий, легенд и саг. Академик Кастрен[46] слышал в Лапландии и у корелов миф о циклопе Полифеме из Одиссеи, конечно измененный сообразно их национальности. В киргизской степи также знают этот миф. Циклоп назван алпом, великаном-людоедом, а роль Одиссея играет киргизский богатырь Батурхан.

У дикокаменных киргиз к ногайской эпохе принадлежит единственный эпос — «Манас». «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица—богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Иллиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее. Поэма эта, по нашему мнению, очевидно, подвергалась новейшим добавлениям и изменениям. Может быть, самое сложение ее из прозаических джумуков (сказок) в одно целое есть дело позднейших времен. «Манас» состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса», и это — бурутская Одиссея. Киргизы говорят, что трех ночей недостаточно, чтобы выслушать

*) Т. е. Кудайдата.

«Манас», и что столько же нужно для «Самятея», но это, вероятно, преувеличено*). Герой первой поэмы богатырь Манас, сын Якуба, вначале называется владетелем ногайцев от Чу до Таласа, в других местах поэмы андижанским**), а иногда самаркандским сартом***). Манас по происхождению не принадлежит к белой кости (т. е. к чингизовичам), но силен не менее ханов. Отец его Якуб говорит: «... я отец юного Манаса, славного от Чу до Таласа, я не хан, но не хуже хана, хан Якуб я». Манас представлен в виде свирепого и чувственного степняка. Вот как характеризована его личность в самой поэме: «Он (Манас) в Андижане отжирел, кушая недопеченный хлеб и грызя зеленые андижанские яблоки. Двенадцати лет стрелял из лука, тринадцати лет с копьем в руках побеждал врагов, уносил детей из седла, похищал красных девиц и заставлял храбрых (богатырей) кричать «куки» («куки» кричат киргизы, когда им больно), четырнадцати лет разбивал аулы, стоявшие в ущельях, и через высокие горы угонял вражеские табуны, а 15 лет был владетелем бесчисленных народов. У высокорослого Манаса подняты брови и холодно лицо, кровь черна; но тело бело, живот пестрый, хребет синий. На кого похож храбрый Манас? Он подобен синегривому щетинистому волку». В гневе Манас еще более страшен. У него борода и усы поднимаются щетиной, из глаз сыплются искры, изо рта идет дым, и тонкий, подобно тополю, стан его раздувается, как алачуг (так называются у киргиз походные кибитки; у кайсаков джуламейки; отсюда русское слово «лачуга»).

---

*) Ч. Валиханов, совершенно очевидно, имел возможность ознакомиться лишь с небольшими отрывками поэмы «Манас». Он не представлял себе ни грандиозного объема поэмы, ни полного ее сюжета и тем более деталей. Отсюда — его мысль о «преувеличении» киргизами объема поэмы, отсюда же и ряд последующих недоумений, напр., об отношении юного Манаса к своему отцу, разъясняемое в детальном исполнении сюжетной картиной быта патриархальной семьи.

**) Андижан — город в Кокандском ханстве, в XII веке здесь была столица владения Ферганы (*Ч. В.*).

***) Сартами среднеазиатские кочевники называют таджиков, народ персидского происхождения (*Ч. В.*).

Поэма начинается тем, что юный Манас посылает своего отца сосватать ему Караханову дочь Ханкея, у которой «... лицо бело как снег и румянец ланит оттеняется, как кровь, упавшая на снег». Эта принцесса имеет пятнадцать лет от роду, волосы длинные до пят, запах подобный мускусу и зубы как жемчуг».

Якуб — отец Манаса долго странствует, отыскивая невесту сыну: «лошадь его стощала, по выражению поэмы, как иргаевая*) палка, и насекомые явились на его теле величиною с воробья. Наконец он достигает аулов, но получает отказ: «...моей дочери приличен ханский сын, твоему сыну — бийская плебейская дочь»,— сказал хан. Манас начинает войну и берет царевну силой. В этом эпизоде Манас ведет себя крайне беспорядочно, грабит своего отца и оставляет старика Якуба и старушку мать в крайней бедности. В последующих эпизодах мы видим в нем богатыря, который защищает слабых, воюет с калмыками и оставляет следы своих подвигов в глубине Джунгарии. Киргизы говорят, что город Манас около Урумчи и урочище того же имени на верхнем Иртыше получили свое название от этого героя.

Тризна по Кукотай-хану есть, конечно, самый замечательный эпизод в Манасе. В этом эпизоде рассказывается, как Бук Мурун, сын ногайского хана Кукотая, чтобы праздновать годовую тризну своего отца, перекочевал с окрестностей Иссык-Куля на Черный Иртыш, на Алтай и Хинган под покровительство монгольского хана Джулая. Манас и другие мусульманские кочевники, приехавшие на поминки, не могли вынести притеснений неверных и произвели драку. Началась война. Манас разбил хана Джулая и убил его. Хитайский богатырь Конурбай убит им же на поединке. Впоследствии сам Манас погиб от руки монгольского хана Наз-Коры. Мщение сына Манаса Самятея за смерть отца составляет предмет второй киргизской эпопеи.

Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай-хане, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, это первая киргизская речь, передан-

*) Иргай — дерево крепкое и плотное, как пальма (*Ч. В.*).

ная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным.

Язык дикокаменных киргиз есть наречие тюркское, более других близкое к разговорному языку, употребляемому в Малой Бухарии. В этом наречии чрезвычайно мало, можно сказать почти нет арабских и персидских слов, зато много монгольских и первообразных тюркских.

В заключение нашего рассказа о киргизах мы скажем несколько слов о настоящем распространении киргизской расы, о главных ее поколениях и о степени политической их самостоятельности.

Дикокаменная орда разделяется на два крыла: «он» и «сол», т. е. правое и левое, соответствующие монгольскому «борангар» и «джунгар». Правое крыло разделяется на два отдела: адгэне и тагай. Тагай есть самый обширный отдел. К нему принадлежат сродные, но ведущие постоянную вражду племена: сарыбагиш и бугу, солту, саяк, черик, чон-багиш и бассыз — всего семь родов. Бугу состоят с 1855 года в русском подданстве; у них считается 11 [т.] кибиток. Бугинцы имеют хлебопашество на южном берегу Иссык-Куля, а лето кочуют в верховьях Текеса и Кегена. Сарыбагишей до 10 [т.] кибиток, кочуют на реке Чу и на восточной оконечности Иссык-Куля. Солту, самый хищный род, до 15 [т.] кибиток, кочуют на Таласе и на реке Чу, около кокандского укрепления Пишпек. Саяки занимают верховья Нарына и Джумгала; черики — Тянь-Шанское нагорье на юг от озера Иссык-Куля; чон-багиши огибают горы на северо-запад от Кашгара. Последние два племени очень бедны. Остальные роды из колена тагай занимают горы на север от Намангана, в окрестностях Андижана и в верховьях реки Джумгал.

Киргизы адгэне имеют хлебопашество в Ферганской долине около городов Маргелана и Оша, а лето проводят в горах от Оша до Коканда. Киргизы эти пользуются одинаковыми правами с узбеками, служат в кокандском войске сипаями[47], и их родоначальники занимают важные должности при дворе и в войске. Ны-

нешний кокандский визирь Алим-Бек-датха есть киргизский бий этого племени; он с своими киргизами способствовал нынешнему хану Малля овладеть Кокандом.

Левое крыло состоит из трех маленьких племен, которые кочуют по Таласу. Родоначальники их состоят в родстве с кокандскими ханами, которые по женской линии — киргизского происхождения. Найманы, кипчаки и кытай, племена, присоединившиеся к киргизскому народу впоследствии, кочуют от Оша по Памирскому плоскогорию до Бадахшана и оттуда по Каракорумской цепи, с ними же кочуют ичкилики и некоторые роды из племени адгэне. Все киргизы, исключая бугу[48], русские подданные и рода турайгыр-кипчак, в окрестностях кашгарского города Ташмалыка, состоящих в непосредственной зависимости от Китая, признают власть кокандского хана, которому платят зекет со ста лошадей одну. Для управления киргизами кокандцы имеют в их кочевьях крепости: Пишпек, Токмак, Мерке на р. Чу, Авлие-Ата (древний Тараз) на Таласе, Куртка и Тогуз-Тарау на реке Нарыне, Кетмен-Тупе и Джумгал на реке Джумгале, Бустан-терек и Таш-Курган на Памире*)

Объем статьи, предназначенной для чтения, не позволяет мне перейти в настоящее время ко второй половине моего путешествия, но если рассказ мой удостоится внимания почтенных моих сочленов, то я поставлю себе приятным долгом передать Обществу дальнейшие впечатления моего путешествия в малоизвестной внутренности Азии в одно из последующих заседаний.

Работа написана в 1860 году. Публикуется по рукописной копии ЦГАЛИ СССР, фонд 118, оп. 1, д. 374, лл. 61—71, отсутствующие листы (в конце рукописи) дополнены по изданию проф. Н. И. Веселовского, в ЗРГО, т. XXIX, 1904 г.

*) Описание маршрутов от Каркары до Заукинского перевала дано более полно в специальной главе («Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ»). Во избежание повторения оно здесь снимается.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

Киргизы Большой орды производят себя от древнего монгольского рода уйсунов, родоначальником своим [считают] Майки-бия*), современника Чингис-хана.

О происхождении же народа киргизского *казак* и соединении своем в союз трех орд казачьих имеют весьма темное понятие. Одни из них говорят, что киргизы произошли от ногайцев, заблудившихся в степях Ишимских. [Другие] говорят, что предки их не имели ни рода, ни племени, долго скитались по степи, пока не похитили себе жен от какого-то неверного народа *чеген;* а так как ногайцы были мусульмане, а жены их неверные, то и народ киргизский, произошедши от их смешения... в себе и в своей религии смешение двух... элементов. Надо сказать вообще, что предания этой орды носят на себе следы тюркестанского влияния, и сами киргизы опираются на их сказания: так говорят узбеки, так мы слышали в Копале. Вот другое предание, очевидно происшедшее под религиозным влиянием среднеазиатских мусульман. Родоначальником Средней орды был товарищ, *сахаба*, Мухаммеда «избранного». Пророк, по откровению архангела Гавриила, узнав о скором своем оставлении правления сего тленного мира, чтобы там, в эдеме, на лоне гурии, отдыхать вечно

*) В литературе — Байки, Байку.

и вечно, призвал своих друзей и товарищей и сказал им об этом, прося прощения, если он сделал кому-нибудь из них обиду. Все плакали и говорили: «Ты друг аллаха, [как] же мог ты сделать обиду!». Только один сахаба, по имени Оксе*), объявил претензию, что пророк при осаде какого-то города безвинно ударил его в спину. Мухаммед действительно вспомнил свою ошибку и в возмездие предложил ему свою спину. Абубекр, Омар, Осман, Али и другие вельможи тщетно отговаривали Оксу оставить безрассудное свое намерение. Оксе ничего не хотел слушать и, при общем проклятии народа, подошел с плетью к священной спине любимца аллаха и просил его обнажить тело. Пророк снял свое верхнее платье. Оксе того и нужно было: он знал, что на спине «избранного» есть божия печать, приложившись к которой смертный делается недоступным адскому огню. Оксе вместо ожидаемого удара только наклонил голову, поцеловал и отошел прочь. Но за неудовольствие, причиненное им пророку, и по... общественного проклятия бог обрек его и его потомков бродяжничеству, благословив, впрочем, вместе с тем на довольство и безбедность. От него происходи[т]... родоначальник... и всего народа.

Родоначальником... поколения Большой орды уйсунов считают они какого-то Тобея**), жившего еще задолго до... Тобей имел, по преданию, четырех сыновей — Коелдера, Мекрена***), Майки и Когама. От Коелдера произошли катгомы****), что впоследствии... вошли в состав нового народа узбеков (... главный род...). От Мекрена произошли... от Майки — собственно — уйсуны. Когам был родоначальником канглов. Абак, сын Майки, от старшей жены имел сына Байдебека, от второй... и от рабыни... у Байдебека старший: сын был Сары... второй же Джоркчи, был сын второй жены, по-киргизскому — аулие, святая. От Джоркчиновых трех детей произошли, от первого Албана — адбаны, от 2-го Дулата — дулаты и Сувана — суваны.

*) Искаженное от арабского имени Гакаша

**) Тобей — сокращение от Тобе-бий, предок Майки-бия.

***) В литературе «Бекрен».

****) Собственно «катаган», искажено переписчиком.

Меркес родоначальник... имел двух сыновей: Чуманака и Сваманака[49]...*) Адбаг**) имел двух сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркул и Таубазар***), у Чебеля дети назывались..., а дети Майки носят собирательное имя — Абак. Название же... даваемое всей орде, употребляется по большинству... собственно уйсунов, но употребление в строгом смысле предание не допускает. Сказания орды говорят, что они были отдельным народом до..., что Майки бий уйсунов участвовал... при избрании...****) на ханство.

Что же касается до соединения их в состав народа...*****) они говорят так: Золотая и Джагатайская... внутренние беспокойства разъединили единство племен, некому было содержать властей и заботиться об общем, каждый род должен был думать о себе, тогда в степях Ишимских собравшийся народ...******).

Старики говорят, что ногай было общее название... кочевых татар, для отличия от полуоседлых. Ногайли, узбекли.... их называли ногаи.

Действительно... немудрено при этом делать гипотезу, что ногай «собака» дано было кочевникам их же собратьями, которые, приняв в Золотой Орде при Узбеке и в... при... хане мусульманство и... называли улусников за их пристрастие к древнейшим повериям и старым обычаям — *собаками*.

У киргизов, найманов и крымских ногайцев остатки магометанства...*******) все же касается последующей исторической судьбы этого народа, как орды... предание говорит так: до [Ишима] храброго (1636) все орды были...********) и управлялись одним ханом. Уй[суны]...*********) за чуйских находились в сосед-

---

*) Пропущены три строки.
**) Правильно Адбан или Албан. Искажено переписчиком.
***) Правильно Таубасар.
****) Чингиса.
*****) Казах.
******) Пропущено несколько строк.
*******) Должно быть, язычества *(Н. И. Веселовский)*.
********) Были вместе.
*********) Пропущена одна строка.

стве с резиденцией ханов*) непосредственно... самого хана. При хане [Турсуне] они брали с ним вместе Ташкент.

Рукопись принадлежит к числу ранних работ Ч. Ч. Валиханова. Сохранилась в виде двух рукописных копий (одна более ранняя), хранящихся в Ц. АЛИ СССР (ф. 118, оп. 1, ед. хр. 491, л. 48—49; ф. 159, оп. 1, ед. хр. 179, л. 1—2). Рукопись содержит большое количество пропусков и искажений. Опубликована ранее в ЗРГО по отделению этнографии, том XXIX, СПб, 1904, изд. под ред. Н. И. Веселовского.

*) Т. е. с г. Туркестаном.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVIII В.

1-е. Аблай-хан в одном набеге на джунгаров отправил вперед для разведывания тысячу человек, разделив на два отряда под начальством двух храбрых батыров: Кара-Бужур, канджигалинца Джанатая и из того же рода Букенбая — старшего*). Батыры долго не возвращались; Аблай начал беспокоиться не на шутку о судьбе этих батыров; спросил у *барда* (певца) своего Бухар-джирау: что сделалось с моими молодцами? и отчего они так долго не возвращаются? Бухар отвечал:

Джанатай пройдет через Талкын, Букембай пройдет Кульджаюм. А Хан-Баба назад прибежит. У Джанатаева Талкына проходы тесны и опасны; Джанатай мой в беду попался, думает Аблай. Джанатай пойдет, пройдет в улусы и возьмет, от края оторвет. Джанатаем взятую белолицую девицу хан, Аблай-султан, да возьмет. Сам Аблай говорит, что только однажды, именно тогда, когда сбылось это предсказание, ему казалось, что от радости макушка его задевает небо**).

2-е. Однажды Аблай должен был ретироваться от отряда китайцев и был ужасно печален и сердит, зная, какое может иметь влияние на легкомысленных киргиз эта маленькая неудача. Тогда один из *бардов* его, Татикара джирау, для одобрения бегущих кайсаков и для самого Аблая пел так:

*) В смысле старейшего в народе.

**) Задевать небо — «тубесы кокке жетер» выражение, означающее верх радости, чести и славы (*Ч. В.*).

«Бежавшие китайцы снова начали движение, натянулась тетива из *куланьева* хребта. Крепкореберный и широкожелудочный Аблай, перенеси это одно дельцо. У врага-китайца клячи как копчик изловчились; нет— хан Аблай не бежал, нехорошее слово «бежал» — он двигался только косо. Басентинец Серымбет, стрелы бросая, *бился*. Не ищи ума при бегстве! нет хладнокровия при торопливости! Баян уаковцев*), да мы и это видели! когда он, поворачиваясь назад, копьем работал».

3-е. Аблай собирал народ, чтобы предать на *разграбление* (чапу)**) аул одного *уйсунского* бия *Эрденэ*-батыра за какой-то относительно его проступок. Хан был на этот раз так недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виновного, тогда по просьбе народа Бухар-певец решился и затрубил так:

«О Аблай! Аблай! Подобно Ари и Гури***) возносится и соперничает с горами твоя слава; не помещаются в пяти воротах отпущенники рабы твои****). Перейдите за Ала-Тау — потушите гнев, если потушите, то не прийдет ли с 80 вьюками вещей*****) Арденэ называемый, твой *пестрохалаточный раб*».

4-е. По преданию, Аблай, выехавший из Туркестана в степь к Абул-Мамбет хану, как к самому близкому родственнику, приехал с дядькой своим Уразом на одной лошади, и обстоятельства заставили его жить несколько времени инкогнито у одного богатого киргиза караульского рода, отделения якшылык Даулетбая, где он, как говорят некоторые, был при табуне лошадей. Жена Даулетбая не без удивления заметила,

---

*) Это любимец Аблая и первый храбрец того времени. Родом был из рода уак-кирей и был убит в одном из набегов на калмыков с братом своим батыром Сары: отчего часто называют их вместе Сары-Баян (*Ч. В.*).

**) Ш а б у — нападение, атака.

***) А р и-Г у р и — *сфера абсолютного*—пространство, что за 7-м небом (*Ч. В.*).

****) О т п у щ е н н и к и-р а б ы. Отпущение рабов есть на Востоке одна из 1-х добродетелей и есть 1-й признак великодушия (*Ч. В.*).

*****) Штрафу (аиб) (*Ч. В.*).

что молодой иностранец никогда не просит пищи, пока не дадут, и что тогда берет очень неохотно; а из нечистых чашек совершенно не пьет. Это совершенно не киргизское поведение: эксцентричность обратила внимание хозяина, который тогда через расспросы у Ураза узнал о его происхождении, тотчас увез его к хану Абул-Мамбету, одарив его лучшею лошадью из табуна. Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чал-Куйрук, *(пламя-хвост)*, первый сподвижник похода молодого султана, Чал-Куйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз.

5-е. Плен Аблая у Галдан-Черена. В одном из нашествий джунгаров на киргиз Аблай убил на единоборстве сына Галданова Чарча. Галдан, узнав о смерти любимого сына своего, приказал виновника его, кто бы он ни был, где бы он ни находился, схватить.

Калмыки, посланные для сего, настигли его врасплох на охоте, схватили с несколькими биями, с знаменитым *батыром Худайберды атыгаевского* рода *Джанаком* и привели к Галдану.

На вопрос, где ты убил моего сына, Аблай отвечал: обвинение пало на меня, а был убит народом, через меня исполнилась воля народа над *сыном* твоим *Чарчем* Галдан был так доволен этим ответом, что не сколько раз повторил: мон, мон, остановил палачей и велел *запереть* в юрту и иметь строгий надзор. Тогдато начались мучения Аблая: мать *Чарча* каждый день ходила смотреть на убийцу, сына *казаков* (киргизов), каждый день исправно мучила их угрозами и проклятиями, отпускала изрядную порцию энергического проклятия, сопровождала их не менее энергическими жестами и приговаривала: «Как ты мог убить его! Разве можно было убить его?» Аблай не вытерпел и однажды, когда по обыкновению после предварительных сентенций, [она], скрежеща зубами, поднесла кулак свой к его лицу, сделала обычный свой вопрос, он отвечал: «Где не умирал такой блудный раб, как твой сын, старая калмычка!» Она бросилась к мужу, требуя смерти дерзкого казака, и Галдан, боясь, чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его и Джанака-батыра, взяв в аманаты (заложник) сына последнего,

который по ловкости своей на охоте и храбрости прослыл под именем Рыжего-*киргиза* (Сары-казака).

6-е. Когда спросили у Аблая, кого он из батыров более уважает из всех 3-х орд, он отвечал: из «Предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек*) *каракисековец*, который возвратил от Галдана 90 своих пленных, и Дерпсалы-уаковец, также возвративший своих пленных. Первый взял просьбой и был сам у Галдана, а последний устрашил врага, сидя в своем ауле. Из моих батыров басентинец Малай-Сары по богатству, храбрости и по характеру и уаковец Баян по уму и храбрости стоят выше всех».

7-е. Байгозы**) батыр тарактинец. Во время преследования торгоутов, бежавших из России, киргизы расположились на бивак, варили в своих походных котлах сушеное конское мясо, разводили в турсуках *курт* с водой; словом, завтракали и подкреплялись на целый день. В палатке сидел Аблай и в другой *Джаныбек-батыр чакчаковец* — аргын, известный по своей чрезвычайной гордости. Батыр сидел молча и курил табак, тогда молодой киргиз дерзко подъехал к его палатке и, с лошади протягивая руку, сказал: «Джаныбек-батыр, дай-ка трубку!» Джаныбек не обратил на него внимания и, чтобы показать совершенное презрение, с достоинством выколотил трубку о каблуки своих красных сапог, бережно и медленно положил в свою калту (карман). Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлеме с перьями, луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. *Так вели* совет: решено сделать нападение на неприятеля хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызывали охотников; первый вышел молодой человек, который просил трубку у Джаныбека. На вопрос Джаныбека-батыра у посланных после возвращения их с разъезда***) тут же молодой киргиз отвечал: «Не много и не мало». Бой начался, *калмыков* было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный *урон*, на-

*) В издании Веселовского ошибочно Козыбек.

**) То же Байгоза.

***) Очевидно — много ли врагов.

конец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади, с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла. Джаныбек находился при этой ретираде, кажется, в доброй среде бежавших, но говорил громко: «Жаль, что не родилось ни одного киргиза, который мог бы убить этого болвана». Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили, выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в шелку (?) и пошла *зигзагами*. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил: «Этот, кажется, был в шкуре самого аллаха». Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад, обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля. Тогда Байгозы (это было имя молодого человека), закурив трубку и подходя к Джаныбек-батыру, сказал: «Батыр, вот время, когда можно курить». Так начал свое батырство Байгозы тарактинец, и с этого времени все узнали его имя.

8-е. Балталинец Уразумбет-батыр славился удивительною ловкостью и быстротою действия. Баянбай батыр баганалинец рассказывал, что ему однажды случилось быть вместе с Уразумбетом: ночью поехали они на аул калмыков из восьми юрт; они решились напасть — сказано и сделано; пока он, Баянбай, успел перебить калмыков в двух юртах, как явился Уразумбет-батыр, объявил, что он доканал всех. Он получил двойную добычу.

9-е. В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок с знаменитым тогда корама— черным ружьем (калмык из него стрелял сайг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке *сыргелинец* Ильчибек-батыр и отправляется на калмыков мелкой рысцой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился, калмык приложил фитиль — осечка, и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром.

Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку. У киргиз вошло в пословицу—фитиль с нагаром курунова черного ружья*).

10-е. Валихан в молодости был известен за большого чудака и *«тентека»*. Он был причиной одной войны с калмыками, которые покорились Аблаю и пришли в степь, чтобы остаться при нем. Поспорив с молодым *нойоном* за девушку, Вали *пнул* его и изломал тяжелыми каблуками тогдашних античных сапогов ребра бедного калмыка.

11-е. Между башкирами известен во время Аблая Исет-батыр; рассказывают, будто он имел однажды встречу с Аблаем, схватил его под мышку и понес с такою же легкостью, как бы свою шапку.

12-е. Киргизы Средней орды сделали набег на дикокаменных киргиз, «киргизы» были предуведомлены и были готовы для встречи известных гостей. Кайсаки бежали. Неприятель преследовал их до реки *Или*. Казаки переправились вброд. Киргиз *Темирджан* батыр, увлекшись, *зашел* с малым числом удальцов, преследовал их на киргизский берег за Или. Тогда канджигалинец Томача-батыр, видя, что манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернул назад и воткнул копье под самую грудинку лошади с такой силой, что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сыргелинца Джаулубай-батыра: канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьем — манап повалился на землю: *Томача*-батыр, он был низкого росту, но с великой душой, он сел на него и распорол живот — это был сокол, затравивший лебедя. Белое обнаженное тело батыра осталось в поле, белея подобно белому савану**). (Манапами называли родоначальников дикокаменных киргиз). *Темир Джан* был красив в полном смысле: бел и дороден. Киргизы

*). Сравн. с корама — «черным ружьем» на предшествующей стр. 125.

**) Белый жир *(Ч. В.)*.

увидели смерть любимого *манапа*, начали преследовать с ожесточением. Сыргелинец Джаулубай был взят в плен, сошел с лошади чтоб стрелять, затем взяты киргиз Усен батыр и Алтай *Байгузы* батыр. Байгузы батыр был выбран по жребию, как жертва за смерть манапа. Его спросили: кто убил батыра? Он отвечал твердо: я не хочу быть доказчиком ни на кого.

Его посадили, обратив лицом к Востоку, отмерили сорок шагов, и бурут с длинным ружьем сел напротив и начал медленно наводить оружие.

Сам Байгузы рассказывал после, что он решительно ничего не думал и не боялся: «Завязав крепко на голове*, я сидел, ожидая выстрела, но не замечая того, когда брат покойника пришел ко мне и сказал: «Брат мой был шаит, я не хочу крови, ты, казак, свободен». Я не мог подняться, кровь в жилках совершенно остановилась и пот градом лил с лица». Он был выменен на одного из братьев Темирджана, бывшего в плену у Аблая, и Джаулубай вышел с обещанием доставить выкуп. За него жизнью поручился товарищ по плену киргиз Усен. Он пас баранов и через несколько месяцев при благоприятном случае бежал.

Вот плач сестры по *Темирджану*.

«В табуне сивая лошадь, у которой, если поворочу,— будет болеть шея. Подобный ханскому сыну братец, если не потяну, будет болеть у него сердце; братец — что же я сделаю? Боже как *бояк в бокше***), как саяк в табуне, как манат (китайская материя). Подобного ханскому сыну брата не помяну — будет болеть сердце, ох, братец, что я сделаю, боже!».

13-е. Последнее преследование бежавших торгоутов в преданиях народа известно под именем *«тыльного похода»*. В этом походе народу было более *сан* (без счета), хан стоял на сборном месте, не двигаясь; он дожидался храброго батыра Баяна, несмотря на ропот других батыров. Наконец явился с 540 человеками и он предстал перед ханом: «Куда, что прикажешь, я исполню». Хан обратился к народу и сказал: «Вот за-

*) Т. е. обвязав крепко голову.
**) Как бояк в бокше — как краска в суме.

чем я так долго ожидал Баяна». В это-то время канджигалинец Джанатай-батыр, державший передовой караул с отрядом в 500 человек в расстоянии суточной езды, был убит калмыками. Это случилось так: брат Джанатая Уйсунбай, делая разъезды, взял у калмыков трех верблюдов; когда по возвращении у него брат же его *Аркандар*-батыр попросил должную *саугу* (добычу), Уйсунбай-батыр отвечал: «У калмыков верблюдов много, есть у тебя руки — можешь сам взять: болезни у тебя нет». Аркандар, глубоко оскорбленный этими грубыми словами, чтобы в свою очередь доказать брату свое удальство, с семью товарищами, с знаменитым Конайем, сыном Куян Кузды (заячьи глаза), напали на стадо калмыков, взяли девять верблюдов. Аркандар отправил добычу с семью товарищами вперед, сам отстал, чтобы остановить или заманить в противную сторону направляющуюся погоню.

Сначала товарищи видели, как Аркандар искусно умел заманить их в противную сторону, потом видели как будто батыр окружен. Взошедши на гору, увидели наконец. Показалось — со всех сторон идут. Туй! Аркандар убит. Когда узнал Джанатай о смерти любимого своего брата, сделал *проклятие и поклялся* против убийц: «или умру, или напьюсь вашей кровью!» Велел подать лошадей, с 500 человек отряда ворвался в ставку калмыков, их было 10 тысяч, и утонул в битве— битва была страшная, киргизы шли на смерть. Уйсунбай с распоротым животом, держа внутренности в полах своего халата, дрался и спрашивал: «А что, Джанатай-батыр, с распоротым животом можно ли жить?» Все пали, остался Джанатай и восемь человек и сын его Токыш. Джанатай слез с лошади, подал ее сыну, говоря: «Отправляйся домой, пробейся, ибо не будет человека, который при случае мог бы за меня отомстить»,— и пал. Когда Аблай узнал о смерти Джанатая, плакал неутешно, говоря: «Не давший себя точить черный булат мой!».

Все войско (*ходом чабдул*) быстро устремилось на Или и до прихода калмык окружили все броды.

Калмыки остановились, послали семь человек послов, во главе которых высокий черный калмык в ог-

ромной, как котел, лисьей шапке, сошед с лошади за несколько сажень, подошел к хану и привегствовал: «Алла джар» (бог помощник)! Уса и *Серен*-хан послали меня: калмыки и казаки были братья, будем же и теперь ими, примите *белые юрты* — дань и будем *мирны!*» «Пошел!»,— сказал хан, собрал батыров и начал совещание: выразив свое мнение: «*Белые юрты* надо взять, обнадежить и потом уже разграбить».

Баян отвечал: «Нет! не берите белых юрт, не старайтесь обманывать: Уса и Серен обманули верхний и нижний Китай, обманут и тебя».

Хан два раза повторял свое, он два раза отвечал свое. Хан остался на своем.

Калмыки стали в расстоянии *коча* баранов (переход восемь и девять верст). Два дня ждали, нет калмыков, нет и белых юрт, узнали, что прошло два дня, как они снялись и ушли. Баян взялся преследовать с 1000 человек, догнал в то время, когда они вошли в Китай, и не успели захватить только 40 саженями; на возвратном [пути] от воды, испорченной трупами калмыков, они заболели болезнью кара тышкак (черные испражнения) и погибли, и погиб знаменитый Баян.

14-е. Галдан спрашивал Аблая, когда тот был у него в плену: «Какие государи выше других?» — «Кондакер, русский белый царь, Ижень-хан, Галдан, после я сам». — «Мен, мен!» — говорил Галдан.— «Управляешь малым народом, но достоин большого народа»,— сказал Аблай.

Написано не позднее 1857 г. Публикуется по отрывочной рукописной копии, хранящейся в ЦГАЛИ (ф. 118, оп. 1, ед. хр. № 491, л. 31—32), и опубликованному ранее тексту в ЗРГО, по отделению этнографии, том XXIX, СПб, 1904.

ШУНА-БАТЫР

(Авантюрист XVIII столетия)

Киргизская степь не только в прошлом столетии, но даже и теперь ещё служит убежищем среднеазиатских рефюжье*); в прошлом столетии здесь скрывались недовольные и обиженные со всех сторон света, из татарской Сибири, из Коканда, Джунгарии и с низовьев Волги; кроме множества дезертиров из простого народа, здесь укрывались нередко и люди аристократического происхождения, принимались с полным гостеприимством и даже всегда сохраняли свое высокое положение в этой кочевой орде. Так, Аблай-хан, туркестанский принц, бежавший в степь; в половине прошлого столетия два несчастных джунгарских принца *Дебачи* и *Амурсана*[50] бежали из своего отечества вследствие политических событий, были гостеприимно приняты в степи и получили тотчас целое киргизское поколение [найманов] в управление.

К числу таких знаменитых рефюжье принадлежит Карасакал, возмутивший башкирский народ в 1740 году и выдавший себя в степи за Шуну, брата тогдашнего джунгарского *контайши***) Галдан-*Черена****). В степи он нашел убежище у Кабанбая*****) батыра из

---

*) Беглец, скрывающийся от преследования *(франц.)*.

**) Против слова «контайши» на полях поставлен знак «нотабене», очевидно, для дополнения.

***) То же.

****) То же.

рода кара-кирей*), поколения найманов, и помощью его получил в управление небольшой удел из поколения найманов и принял новое название Карахана. Это был один из загадочных и счастливых степных авантюристов. Поселившись в степи, он сделался опасен как для России, так и для Джунгарии: первая боялась, чтобы он снова не возмутил башкирского народа, вторая была напугана его самозванством: какой-то Шуна, погибший претендент на джунгарский престол, был так любим джунгарским народом, что последний готов был во имя его восстать против тогдашнего хана Галдан-Черена. Джунгарские калмыки часто осведомлялись у русских, не знают ли они, где Шуна. Выбежавший из Джунгарии 1746 года калмык Монго Усюмов показал русскому начальству, что калмыки желают иметь своим владельцем Шуну-батыра, который будто бы командует русским войском; а если русское войско придет в Джунгарию без Шуны, то калмыки без боя не отдадутся**).

В 1748 году сержанта Камовщикова, бывшего в Джунгарии, один калмыцкий демичи Гендэн расспрашивал о бывшем брате Галдан-Черена Шуне-батыре, к которому будто бы желали идти в подданство нойоны — Дебачи и Эмак-уме***), из которых первый бежал из Джунгарии в киргизскую степь****).

Очевидно, что это был их мессия, и когда Карасакал, убежавший в степь, стал выдавать себя за Шуну, то Галдан-Черен стал сильно опасаться за свое спокойствие и даже подкупал одного значительного киргизского султана, Барака, убить этого самозванца. Впрочем, надо оговориться, что современники не могли определенно решить, действительно ли он самозванец или настоящий Шуна, и в преданиях настоящих жителей степи существует только один образ Шуны, а имя Ка-

---

*) В рукописи неточно — «кирей-найман». В казахских преданиях «кара-керей Кабанбай».

**) Архив при Областном правлении Сиб. кирг. Рапорт капитана Быкова, 30 октября 1746 года *(Ч. В.)*.

***) Можно читать: «Эмаккули».

****) Тот же архив, рапорт полковника Павлуцкого, 22 апреля 1748 года *(Ч. В.)*.

расакала утратилось. Преданий эти очень замечательны. Шуну знают на всем пространстве степей, которые принадлежат России; воспоминания об нем сохранились в поэтическом рассказе алтайских калмыков, и у *киргизов, и у волжских калмыков; киргизы говорят* только, что Сна-батыр натягивал очень тугой лук, который пробивал...*). У волжских калмыков также есть *предания о нем и между прочим о том, что он погиб в чернях, т. е. грязях устья Кумы. Самый большой рас*сказ о Шуне сохранился у алтайских калмыков. Мы заимствуем этот рассказ из «Томских Губ. Ведомостей**)

По этому преданию Шуна был калмыцкий богатырь и мудрец. Отец его конгдайч***) (т. е. джунгарский хан) имел еще сына Калдана. Шуна жил с наложницею Кара-Кыз, в которую влюбился брат его и женился на ней. Оскорбленный Шуна пригласил своих двенадцать друзей разгуляться по хребтам Алтая. Отъехав на одну версту от своего жилища, он рассказал им свое горе, натянул лук и пустил стрелу свою в юрту брата, стрела вонзилась в дверь; Калдан узнал по стреле ее хозяина и пожаловался отцу. Вечером Шуна возвратился с охоты; Конгдайч призвал его к себе и велел, вырезавши ему лопатки и связавши сыромятными ремнями руки и ноги, бросить в подземелье глубиной в 70 сажень. Это сделано было секретно, и никто не знал, куда девался любимец народа, только один старик, вхожий к хану, догадался об истине, сделал от своей юрты подкоп к темнице и в продолжение семи лет питал узника. Сильный сосед и данник конгдайча, черный калмык, узнавший, что не стало вещего богатыря Шуны, присылает к нему двух сорок, из которых одна была действительная, а другая превращенная волшебством из вороны, с условием — если конгдайч отличит настоящую сороку от мнимой, то он, черный калмык, будет платить ему дань по-прежнему, если же не стли-

*) Пропущено одно слово.

**) 1858, № 29, ст. Вербицкого под заглавием: «Народные легенды кузнецких телеутов» (*Ч. В.*). (В рукописи кульчинских татар).

***) По-казахски: «конгтажи», или «конгдайчи».

чит, то перестанет. Конгдайч запечалился. Но старик, принося Шуне пищу, рассказал ему о горе его отца; Шуна сказал: «Велика ли эта мудрость отличить сороку от вороны! Ты посоветуй моему отцу поставить шест, *а подле него навес и в ненастное время выпустить* птиц; сорока полетит под навес, а ворона сядет на шест и закаркает». Таким образом, птицы были разгаданы, *и черный калмык остался данником конгдайчу. Спустя два года после этого черный калмык* опять присылает к конгдайчу послов с таволожным *кустом*, чтобы отличить комель от вершины, опять конгдайч запечалился, и старик рассказал об этом Шуне; Шуна научил пустить куст на воду и тот конец, который пойдет вперед, будет вершина, а другой конец комель*. Черный калмык опять остался данником, но через год он уже не загадку задает, а присылает железный лук, чтобы натянуть его. Однако лук был такой тугой, что никто этого сделать [не мог], брались тридцать человек разом—и все безуспешно. Тогда Шуна научил своего старика заплакать перед ханом и сказать: «Своего батыра мы сами уничтожили, а теперь должны покориться даннику!» — «Да не жив ли он?» — спросил конгдайч.— Надо посмотреть». Шуну вытащили из подземелья, он весь оброс мохом, плечи его зажили; но он отучился видеть солнечный свет, упал ниц и пролежал так целых полдня. Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком и нарядить. Тогда Шуна спросил: «Для чего ты, родитель, меня, мертвеца, пошевелил?» Но отец вместо ответа подал ему огромную чару вина. Богатырь выпил ее одним духом; подали другую чару — и эту он выпил и закусил целым бараном. Тогда отец передал ему свое горе. «Неси, родитель, лук»,— сказал Шуна.

Тридцать человек принесли лук. Он заложил тетиву

* Миссионер Вербицкий, вероятно, записал предание неверно, по физическим законам должно было случиться наоборот. Эта же загадка встречается в другом калмыцком предании о девице Роокю. Ханские судьи, испытывая мудрость этой девицы, послали к ней дерево, со всех сторон обтесанное, чтоб узнала, где вершина, где корень. Роокю бросила его на воду, корень потонул, а вершина всплыла наверх. «Сын Отеч.» 1822 г., № 7, ст. Воейкова «Описание калмыцкого народа» (*Ч. В.*).

одним мизинцем, и лук погнулся. Тогда Шуна сказал отцу: «Ну, родимый батюшка, благословляй меня на путь: я тебе более не сын, ты мне не отец». С этими словами он оставил отечество. Далее рассказывается, что он был ханом Кокании, потом посадив на кокандский престол одного из своих друзей, он отправился в Москву к Алексею Михайловичу, который полюбил его, назвал краснощеким и подарил ему дворец. По другому преданию, также записанному миссионером Вербицким, это появление Шуны при дворе Алексея Михайловича объясняется бегством.

Конгдайч имел двух жен; от одной он имел сына Шуну и дочь Шюжды, от другой пятерых сыновей. По смерти конгдайча между детьми возгорелось несогласие, братья составили заговор против Шуны, но сестра его, узнав о нем, предупредила Шуну, и он бежал под покровительство Алексея Михайловича; сестра была убита заговорщиками за открытие их замысла.

Мы имеем документ прошлого столетия, в котором рассказывается почти тождественная история того же Шуны; именно: русское правительство, опасавшееся намерений Карасакала, отправило в 1745 году в киргизскую степь башкира Тюкана...*) Рассказ этого Тюкана свидетельствует, что приключения Шуны были тогда очень популярны и у киргизов. Вот, вероятно, рассказ Тюкана.

Карасакал, услыхавши, что Тюкан привез Бараксултану саблю и грамоту за его вступление в подданство России, пригласил Тюкана к себе для переговоров о том же. Тюкан прожил у него четыре дня. Карасакал — знатный старшина, Казбек-бий, Кабанбай-батыр**) после народного совета уполномочили Тюкана передать оренбургскому начальству свою просьбу о принятии их в подданство России, обещаясь оказать помощь в случае нападения джунгарского владельца Галдан-Черена. Тюкан говорит даже, что «...того ради утвердились, дабы им к тому во всякой готовности быть, и всем в улусах своих около их состоящим лю-

*) Пропущено одно слово, очевидно, фамилия Тюкана.

**) В рукописи это имя искажено переписчиком: Кабакбай.

дям приказ отдали, дабы они ездили и всякую потребность свою исправляли на жеребятах и к дальней нужде неспособных лошадях, а хороших и к войне надежных имели бы в бережении».

«Что касается до состояния оного Карасакала, то он, как и сперва, в киргизской орде...*) о себе упоминает,**) якобы он умершего зенгарского владельца контайши сын, именем Шуна, и благословит...***) и такой-де силы ныне уже не имеет». Чтобы он не убежал, контайша дал ему сорок слуг и приставил стражи тысячу человек; но Шуна вместе с этими сорока слугами отбился от стражи, бежал через каракалпакскую, и киргизскую степи к волжским калмыкам, к родной своей сестре, отданной в замужество за Аюкухана, и поселился у ней. Контайша, проведав об убежище Шуны, писал к Аюке, чтоб он выслал беглеца; калмыки, желая угодить контайше, поймали Шуну и хотели уже выдать, но, сведав то, означенная его сестра удавила одного калмыка и как Аюке, так и прочим калмыкам сделала такой вид, якобы тот мертвый Шуна и умер, между тем сам Шуна с шестью калмыками и одним киргизом Кабаком бежал к кубанцам, а от них к туркам и принял ислам со странным заветом никогда более не говорить по-калмыцки». А из турков же нечаянным случаем попал он к таким людям, которые имеют у себя песьи головы, а ноги скотские и едят людей, однако же и оттуда он ушел убегом и вышел в Россию и был в Санкт-Петербурге и Москве недолгое время; потом он пришел в Башкирию и жил двенадцать лет на Ногайской и Сибирской дорогах, в Ерматлинской и Каратюбинской волостях, наконец, в 1740 году сделался виновником народного восстания.

В Башкирии «...он сказал о себе башкирцу Аладжай Гулу, якобы он родом кубанец, имя ему Султан Гирей, и с ним согласились башкирцев в бунт привесть». Испытавши неудачу, он бежал в киргизскую орду; здесь он объявил себя Шуной, братом Галдан-

*) Пропущено одно слово.
**) «Употребляет» описка переписчика.
***) Пропущено одно слово.

Черена, что подтверждали находившиеся при нем калмык и киргиз Кабак, сопровождавшие его во время всех его странствований между кубанцами, турками и башкирцами. Киргизы и старшины их поверили этому и предоставили ему в управление две тысячи годных к войне людей из поколения найман, не считая жен и детей.

«Он же, Карасакал, разглашает о себе, якобы может снег и дождь напустить, а когда оное случится, то сказывает, якобы он напустил; также больных от разных болезней вылечивает, чем, понеже и другими своими... довольно одаривают». По «происшедшей об нем славе», что он, Шуна, из Джунгарии, выбежали к нему три года назад *Бак-кашка*, а в прошлом году одноматерный брат Шуны, Баргай, который был еще в детстве по приказанию контайши ослеплен и сослан в ссылку. Баргай спрашивал у Тюкана, признает ли он Карасакала за Шуну, «...размышляя по его карасакаловской природе, что он не только на Шуну, но и на калмыка не весьма схож, и состояние от калмыцкого весьма разнествует». Но Тюкан уклончиво отвечал ему, что он своего брата лучше знать должен; в самом же деле и Тюкан того мнения, что это не Шуна, и что он его «инакого» не может признать как башкирцем, потому что он по-калмыцки не говорит, «обхождений ни мало не знает», и речь его «самая башкирская сибирской дороги». От роду ему, по-видимому, лет сорок*).

Несмотря, однако ж, на эту очевидность самозванства, Галдан-Черен напугался этого авантюриста. Слухи, что Шуна жив и находится в степи, распространились до самой Джунгарии, что свидетельствуют и выбежавший Бак-кашка и Баргай, а также и приведенные нами выше расспросы калмыков у русских о достоверности слухов, что Шуна возвращается с русским войском. При таком неспокойствии умов в Джунгарии Карасакал легко становился опасным для Галдан-Черена, так что после стал искать смерти Карасакала и подговаривал к тому [Барак-солтана].

*) Архив при Областном правлении Сиб. киргизов, сообщения от Штокмана, 26 июня 1745 года *(Ч. В.)*.

Барак-солтан и Карасакал были «между собою согласны», но потом рассорились.

Когда Барак-солтан послал к Галдан-Черену в замену прежнего аманата своего сына Шигая, то Галдан-Черен обещал ему отпустить его сына Шигая, если он поймает мнимого Шуну, «...на что он, Барак, якобы и склонился, и, умыслив к поимке его, Карасакала, способ сговором за его, Карасакала, [сестру], его поймать». «Барак действительно успел сговорить свою сестру за Карасакала, но последний узнал его намерение, ездить к нему «стал опасен» и «за страхом» откочевал от Барака в отдаленную степь, в близость к поколению каракисек аргын, именно к кочевьям Казбек-бия. Этот бий вместе с Кабанбаем, у которого он прежде с «охранений» жил и через которого больше он и в «усильство» и в славу вошел, обещались защищать его от нападения Барак-солтана.

Нет сомнения, что Карасакал и Шуна—две личности различные, но тем еще загадочнее этот башкир, успевший своими смелыми замыслами привести в испуг Галдан-Черена. Предание волжских калмыков указывает на устье Кумы, как на место смерти Шуны; но в том же архиве мы нашли известие, что Карасакал умер спокойно в степи; именно выбежавший из киргизской степи [Каркаралинского округа] Акбай Сундуков показал, что он был взят в плен из Грачевской станицы киргизами ведения *Барина* (Баргая), брата Карасакала, «башкирского возмутителя», *умершего назад тому два месяца* (из бумаги к Неплюеву, 31 июля 1749 года). И то и другое известие могут быть верны, если они относятся к различным личностям.

Написано не позднее 1860 года. Публикуется по рукописной копии, хранящейся в ЦГАЛИ СССР, фонд 159, оп. 1, д. 179, листы 3—7. Рукопись написана на бумаге в лист, чернила; сохранность хорошая. Рукопись без особых поправок и вычеркиваний.

ВООРУЖЕНИЕ КИРГИЗ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА И ИХ ВОЕННЫЕ ДОСПЕХИ

Вооружение киргиз составляли исстари в обыкновенное время для охраны скота и домашних драк: *нагайки, укруки**) *и суилы***). Нагайка делалась из сырых ремешков заплетенных около стержня, также из сырого ремня, и имела длину до 7 захватов***) и один палец или два. Для ремней употребляли телячью кожу. Ремень укреплялся к деревянной ручке, которая была несколько короче ремня (от 4 до 5 захватов и несколько пальцев). Для ручки употребляли по преимуществу *иргай* или красную таволгу (spirea), последняя предпочиталась. Делали, впрочем, и из козлиного

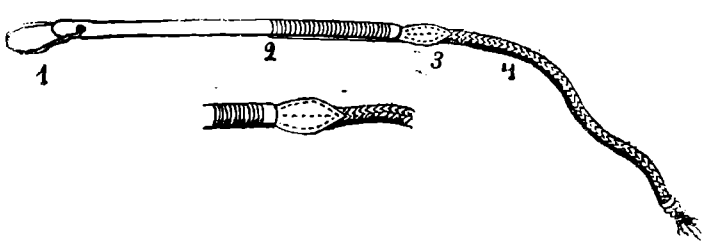

Рис. 6. Қамшы (нагайка). 1 — бұлдірге, 2 — саб (рукоять), 3 — алақан, 4 — өрүм.

---

*) Искаженная форма от казахского слова «құрық» — орудие для ловли лошадей.

**) С о й ы л — длинная березовая палка.

***) По-казахски «жеті тұтам», т. е. семь захватов ладони (около 65 см).

и архарового рогу или всю ручку обкладывали серебром; такие носили, впрочем, одни женщины. Для мужчин более приличествовал медный прибор*); большей же частью носили вовсе без оправы. Ремень с ручкой укреплялся посредством так называемого *алакана* — ладони.

Плетень на нагайках был разных родов, круглый или четырехгранный. Если нагайка имела металлическую оправу, то вне, под ручкой, делали острую железную пластинку, *буурдак* для того, чтобы не выронить из руки нагайку.

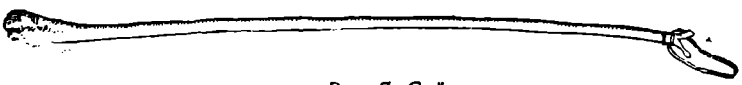

Рис. 7. Сойыл.

Укруки делаются из тонкой березовой жерди.

Суилами называются длинные березовые жерди с корнями в конце и одинаковой длины с укруками, они имеют у тонкого конца привязанную петлю, чтобы носить заброшенными через локоть.

Оружие, употребляемое во время войны:

Сабли кривые, персидской, турецкой, хивинской или бухарской работы. Персидские *«исфагани»* очень ценились под названием «нар кескен». Теперь киргизы носят и прямые, так называемые *сапы* или *шапы,* похожие на шашки, употребляемые в Средней Азии, но в старину это оружие мало употреблялось.

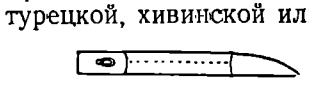

Рис. 8. Селебе или жекеауз (тип кинжала)

Сами киргизы делали длинные ножи или лучше полусабли, прямые и называли их *селебе* или *джекеауз;* джекеауз был несколько короче. Селебе и джекеауз имели только одну гайку или кольцо для ношения на поясе, которое прикреплялось к самому верху ножен. На рукоятке было тоже кольцо для темляка.

Носили и кинжалы самодельной работы и хивин-

*) Т. е. жез сапты камшы — нагайка в медной оправе.

ские ножики. Кинжалы носились, как селебе, а не криво, как на Кавказе, и не за поясом, как у других азиатцев.

*Нож, буйда печак**), был у каждого киргиза с ручкой из сайгачьего или козлиного рогу, или из иргаевого дерева, и был прикреплен на кольце.

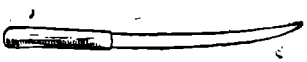

Рис. 9. Буйда пышак (нож).

Копье نايزه**) из соснового дерева длиною [150—195 см] и [3,5 см] толщины. Железный наконечник был трехгранный. В том месте, где вставлялся наконечник, делалась кисть из черного шелку или из конского волосу. В конце копье имело петлю для [ношения].

Рис. 9. Буйда пышак (нож).

Сайдак***)—*«джак»* киргизы делали сами, но предпочитали купленный из Бухары или от башкиров, впоследствии пошли и китайские.

Стрелы делали сами из березового дерева вроде башкирских, [древки] тонкие в...****) захватов, оперенные в четыре ряда; наконечник делали двухгранный для охоты или четырехгранный *саут бузар* для пробития панциря, или *кизу джаурун*,*****) вроде лопатки ягненка, чтобы сбивать с седла.

Перья употребляли: كوشكانلك قويلق جون. تاز قرازلك تابلق جون******) Орлиные не уважались.

Колчан для стрелы [құрамсақ] и для лука [садақ] носили на одном ремне, на поясе, колчан был с левой стороны, а садак — с правой[51]. Богатые люди делали

---

*) Т. е. пышак.

**) Найза — копье.

***) Или садак-жак — лук.

****) В рукописи размеры древка не указаны.

*****) Қозы-жауырын — разновидность ромбовидных наконечников, по форме напоминающих наконечники стрел монгольского времени.

******) Көшегеннің қойлық жүн, тазқараның тайлық жүн, т. е. перья снежного грифа, похожие на овечью шерсть, перья стервятника, похожие на жеребячью шерсть.

эти снаряды из русской красной юфти, белой стороной наружу и с медной оправой и разными тисненными узорами на коже; бедные делали из верблюжьей кожи домашней выделки.

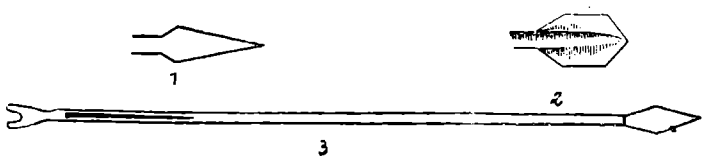

Рис. 11. Наконечники стрел: 1—сауыт-бұзар, 2—қозы-жауырын, 3 — стрела с наконечником.

Ружье, «мултук», было редкостью в степи и переходило из рода в род и имело собственные имена: *козкеч*, *кульдур-мамай*. Оно имело гладкий ствол, фитиль и маленькие сошки из сайгачьих рогов. Стреляли пу-

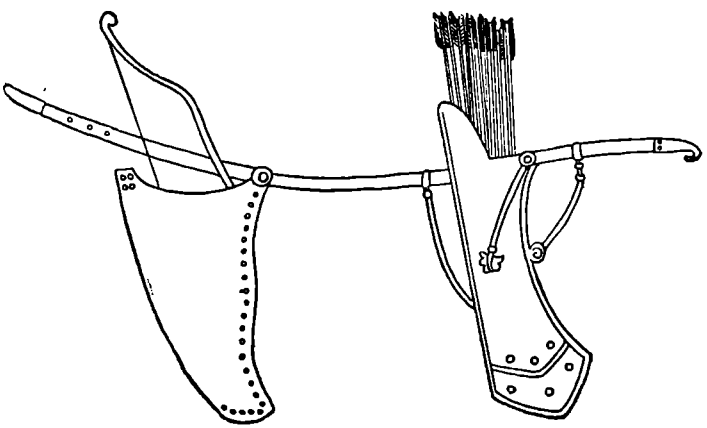

Рис. 12. Лук и колчан.

лями из свинца. Ружье делали сами киргизы, делали и калмыки и башкиры. Встречаются в степи еще ружья этой работы и большей частью бьют хорошо, все они имеют продольные полосы по стволу и медные мушки

и прицел. Штуцеров не знали, впрочем, у некоторых султанов были среднеазиатские шамгалы*), длинные и тяжелые ружья, которые бьют на 700 шагов.

Снаряды для ружейников

1. *Калта*, которую носили все киргизы без исключения. Калтой, или кесе**), называется ремень, пришитый из двойной русской юфти белой стороной, к которой с левой***) стороны прикреплен мешок в виде пирога, в котором хранятся огниво, кремень, запасный фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля, сзади — пороховница, а с правой стороны два мешочка для пуль и нож. Нынче делают мешочки только для виду. Калты оправлялись в медь, редко в серебро. Здесь изображена калта самой древней формы.

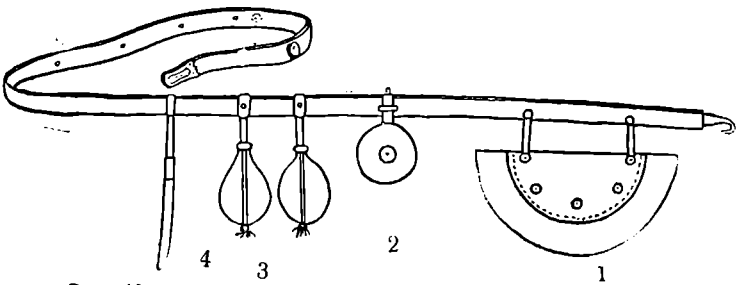
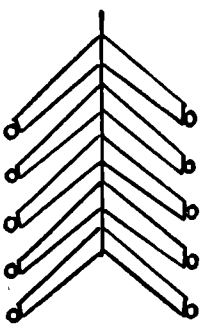

Рис. 13. Пояс. 1 — кісе, 2 — құты, 3 — оқшонтай, 4 — қын.

Рис 14. Патронташ из сайгачьих рогов.

Кроме того, киргизские ружейники имеют так называемый «*бир атар*», патронташ из сайгачьих рогов и носят его на шее. Вот вид этого снаряда.

*) Т. е. самкал.
**) Собственно кісе.
***) Описка, нужно «с правой».

Дата написания—не позже 1863 года. Публикуется по автографу Ч. Валиханова, хранящемуся в архиве Всесоюзного географического общества (Разряд 64, оп. 1, д. 15, лл. 2—4); опубликована в ЗРГО, т. XXIX, СПб, 1904, под редакцией профессора Н. И. Веселовского.

СЛЕДЫ ШАМАНСТВА У КИРГИЗОВ

Все писатели о киргизах говорят и почти во всех географических руководствах [пишется],*) что киргизы — магометане, но держатся шаманских обрядов, или, что они обряды мусульманские смешивают с шаманским суеверием. Это справедливо, но в чем состоит их шаманство? Об этом, к несчастью, до сих пор никто не писал обстоятельно, хотя статьи о киргизских шаманах, или баксы, появлялись нередко в разных периодических изданиях**).

Вообще, шаманство, как религия, составляет предмет еще не исследованный. Статьи покойного Банзарова[52] о Черной Вере есть единственное систематическое и лучшее ученое исследование об этой отдельной вере, господствовавшей когда-то у всех народов Передней Азии. Несмотря, однако же, на превосходные достоинства этого сочинения, мы думаем, что оно не полно; именно потому не полно, что оно есть, как гласит заглавие статьи, очерки шаманства у монголов-буддистов, которые, как говорит Банзаров, «...питают отвращение к старинным своим поверьям и не почитают их достойными грамотного человека». Это обстоятельство, по нашему мнению, весьма важно, тем более, что большую

*) В рукописи «говорится».

**) «Библиотека для чтения». Шаманство у народов Средней Азии: [Ястребов]. Киргизские шаманы. «Москвитянин», [1852 г., № 8] и статья Воронова, кажется, в «Библиотеке для чтения». *(Ч. В.)*.

часть данных для своей статьи Банзаров заимствовал из шаманских молитв, собранных ламами в особые книги и в измененном виде усвоенных буддизму*), как например: обряды и молитвы при сооружении обо, молитва огню, гадание на лампаде и проч. и, конечно, были изменены по понятиям нового учения, что [видно]* из следующих слов Варджрадарка Мэргэна, автора сочинения о построении обо: «...хотя составление таких книг само по себе не только стыдно (ибо время их прошло), даже неприятно для мудрых, однако же, невозможно противиться желающим устроить сбо и проч». Буддизм со своей обширной мифологией и обрядностями более торжественными должен был скоро вытеснить первоначальных шаманских [духов]* и большую часть шаманских обычаев. В этом отношении, т. е. в отношении обычаев шаманских и в отношении шаманской демонологии, киргизы, сколько мне кажется, богаче монголов. Я этим не хочу сказать, чтобы шаманство сохранилось у киргизов чище, чем у монголов; напротив, у киргизов оно смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, но [они] не знали Магомета, верили в аллаха и в то же время в онгонов, приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, верили в шамана и уважали магометанских ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вместе с онгонами мусульманских ангелов и восхваляли аллаха. Такие противоречия нисколько не мешали друг другу, и киргизы верили во все это вместе.

Такой порядок вещей продолжался до наших дней, когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь, и грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков и стали преследовать и запрещать их, где только замечали.

Из вышеприведенных примеров можно видеть, что основой этой смешанной веры служило шаманство.

Мусульманство среди народа неграмотного без мулл не могло укорениться, но оставалось звуком, фразой,

*) Так в рукописи. Следует «буддизмом».

под которыми скрывались прежние шаманские понятия. Оттого изменению подвергались имя, слова, а не мысль. Онгон стали называть арвахом, кук-тенгри — аллахом или худаем, духа земли — шайтаном, пери, див и джином, а идея осталась шаманская. Даже в представлениях она имела образ, олицетворение шаманское. Но тем не менее основания шаманской веры были поколеблены магометанским единобожием. Небо слилось с идеей аллаха, а второстепенные тенгри, почитаемые в олицетворениях, и особенно те, которые имели изображения, как например *истуканы богов земли* — дзаягачи,— совершенно были забыты, вероятно, потому, что более преследовались при введении ислама, как идолы, столь ненавистные мусульманам. Зато солнце, луна, звезды, которые не были олицетворены, пользуются до сих пор уважением, и в народе сохранились некоторые обряды их культа. Все шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целости и представляют богатый материал для исследования среднеазиатских древностей.

Банзаров в основных положениях о шаманстве, по нашему мнению, судит не совсем верно, или, лучше сказать, не обнимает всю идею шаманства.

Шаманство, с одной стороны, есть почитание природы вообще и в частности. Человек действует и живет под влиянием природы. В этом смысле шаманство представляет крайний материализм. С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством—это крайний спиритуализм. Идея недурна и замечательна особенно потому, что не имеет мифологических заблуждений и дает полный простор общественным условиям, общественным законом. «Поклонение есть высочайшее удивление»,—говорит Карлейль[53], которого понятия о происхождении язычества, по нашему мнению, вполне объясняют шаманство. Природа и человек, жизнь и смерть были предметами высочайшего удивления и были всегда преисполнены неисследимой тайны. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и

отношениях человека к природе породили шаманство— обожание вселенной или природы и духа умерших людей. Так младенчествующий человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой или вселенной. Вот ответ Карлейля, который так хорошо объясняет шаманское *небопочитание:*

«Вы, верно, помните приводимый Платоном пример человека, который, выросши и возмужавши в темной пещере, вдруг был выведен на свет, чтобы... Эта зеленая с цветами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба, летучие ветры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то град,— что это такое? А это другое таинство — время; вот высочайшее таинство... это вселенная... ах, боже мой! Это какая-то сила неисследимая. Корень всех сил — сила, которая не мы».

Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел луну — и ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой неизъяснимой силы, которую он назвал небом синим, кок-тэнгри, и вечной, как время.

Происхождение шаманства [это] — обожание природы вообще и в частности.

Другое чудо — человек. Эта душа, эти способности, этот дух мыслящий и пытливый, не есть ли очевидное присутствие божества, той неисследимой вечной силы? Он поклонялся живому [духу в лице шамана]* и мертвому духу онгону*). Но влияние природы в этой жизни на человека, особенно младенчествующего, слишком сильно, слишком деятельно, и он должен был создать правила, которыми он руководствовался в отношении к таинственной природе, что делать и чего не делать. Вот происхождение тех обычаев и обрядов, которые мы называем теперь шаманским суеверием, и которые тогда были *истинной верой*, верой несомненной, живой.

Таким образом, шаманство первоначально было почитанием природы вообще, в идее неба и в частности

*) В рукописи: «Он поклонялся духу как живому шаману, так и мертвому духу (онгону)».

солнца, луны, рек и проч. чудес природы и стихий, и поэтому отчасти походило на фетишизм, хотя по идее оно далеко не похоже на эту грубую и мелкую адорацию*). Олицетворения не было, и второстепенные *тенгри*, конечно, появились впоследствии, чему служит доказательством самое название *тенгри* — небо. Влияние зороастровой религии проникло, как справедливо замечает Банзаров, впоследствии и выразилось олицетворением неба в Хормузде и в поклонении огню, которое, по нашему мнению, могло существовать и в самом шаманстве, но религия магов придала поклонению этому божеству более обширные размеры и [обставила его большими обрядами**)]. Какое понятие имело шаманство о небе, как о божестве***), и его могуществ[е] в отношении человека? Человек мертвый был сам свободное божество, поэтому влияние неба простиралось только на человека живого. Поэтому же и идеи греха в смысле христианском не было; от божества зависело благо и худо, добро и зло, счастие и несчастие во время земной жизни, а благодать и кара следовали тотчас за грехом в шаманском смысле.

Арвахи или онгоны, духи умерших предков

«Внешний мир — природа, внутренний мир — дух человека, и явления того и другого — вот что было источником *черной веры*»,—говорит Банзаров. Внешний мир — солнце, луна, звезды и земля — вот первые божества; почитанье целого должно было [привести]* к почитанию частностей: гор, рек, холмов и проч. Таким образом, шаманство обоготворило природу. Небо [тенгри]*, хотя впоследствии и олицетворялось, но никогда не было богом. Человек приписывал небу, солнцу и луне власть над собой, влияния чего нельзя отрицать, но влияние это действовало на него только в этом мире от рождения до смерти. Он мог родиться под особен-

---

*) Поклонение, обожание *(лат.)*.

**) В рукописи: «...более обширные и более обрядные размеры».

***) В рукописи: «...какое было его могущество в отношении человека?».

ным покровительством природы — чудным образом и умереть от гнева, но по смерти власть природы на него прекращалась, он сам становился арвахом, божеством свободным. Благополучие его в том мире зависело от того, как родственники исполняли обряды *поминок.* Если поминки были исправны, он был спокоен и покровительствовал всем родным, не то он становился врагом и вредным. Таким образом, небо было беспристрастно, как божество, и неревниво. У шаманских народов не было грехов в смысле христианском; человек боялся кривить совестью, потому что оттого уменьшался его скот; наступить на огонь, потому что он получит болезнь. Одним словом, суеверия шаманские вели за собой *кеср* — несчастие, падеж скота, болезнь. Наказание следовало тотчас за нарушением обряда. Со смертью он освобождался от всех наказаний, и дух был свободен.

Люди великие, сильные были и всесильными, всемогущими онгонами, мелкие натуры становились и [по смерти]* ничтожными духами, которые не могли ни порядочно любить и не умели ненавидеть. Чингис-хан после смерти был почитаем, как бог. У киргизов почитание арвахов до сих пор во всей силе. Они в труд[ные минуты жизни*]*) призывают имя своих предков, как мусульмане своих святых. Всякую удачу приписывают покровительству арвахов (см. свид. Рычкова)[54]. В честь арвахов приносят в жертвы разных животных, а иногда нарочно ездят на поклонение к их могилам и приносят жертву, просят их о чем-нибудь, например, бездетные — сына. Во время приношения жертвы арваху киргизы говорят: ...**) В древности могилы, знатных и великих людей были скрыты или заповеданы...***), вероятно, дабы их не могли осквернить враги. (Аларих у готов, скифы...**** Дарий). У нынешних киргизов воздвигнуть знатный курган или памятник считается не-

*) В рукописи: «...в трудностях».

**) В рукописи пропущена одна строка для написания выражения: ата-анамның арвағы жебей көр — о, помилуйте, духи, моих предков [отцов и матерей].

***) Пропущено три слова.

****) Пропущено два слова.

пременной обязанностью детей, и могилы эти заменяют им *обо*. Это единственные свят[ыни*]*) киргизов.

Китайские писатели сохранили нам некоторые обычаи, соблюдавшиеся при погребении царей у хунну, киданей и других шаманских номадов. Европейские путешественники**), ездившие к монголам, говорят о подобных обычаях у команов и монголов. [Если]* сравним их с киргизскими, [то]* найдем в них замечательное единство идей и даже сходство обрядов***).

Шаманы [почитались]*, как люди покровительствуемые небом и духом. Шаман — человек, одаренный волшебством и знанием, выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач. Киргизы шамана называют бахши, что по-монгольски значит учитель, уйгуры бахшами называют своих грамотников, туркмены этим именем зовут своих певцов. Команы называли его [кам], так называют его и теперь сибирские татары.

Мы не будем говорить о происхождении этого слова, которое достаточно разъяснено Банзаровым, не станем также опровергать мнения о том, что шаман был и есть просто шарлатан. Мы только повторим здесь слова Карлейля: «...мне грустно даже предположить, чтобы шарлатанство, хотя в дикаре, могло породить веру». И у киргизов не всякий может быть шаманом, как не всякий из нас может быть поэтом.

Эм [лечение]. Болезни, [по мнению шамана]*, происходят [не от физических причин, но]* от [воли****)]* божеств и духов или вообще от непочитания — *киелы*, поэтому лечение болезней производилось шаманами, людьми близкими к духам и потому знакомыми с известными обрядами, или, как их называют сами киргизы, *эм*. Некоторые болезни имеют хозяина — *іше*, *иелы авру*, т. е. своего духа.

У киргизов все болезни более или менее разделяются на две категории:

1) *Учук******), учунмак, всякая незначительная бо-

*) В рукописи: «...единственная святость».
**) Имеются в виду Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло.
***) В рукописи: «... обрядное сходство».
****) В рукописи слово «от воли» искажено переписчиком.
*****) Учык — появление прыщей на лице.

лезнь, сопровождаемая головной болью, или тошнотой, или лихорадочным жаром. Учук бывает, по мнению киргиз, от пищи. Судя по тому, что они пишу и питье вне кибитки не едят и незакрытой не оставляют на ночь, надо думать, что дела[ют]* это, боя[сь*)]* порчи от злых духов. Учук лечится обрядом, называемым также учук (учуктамак — лечить от учука)**).

2. *Кагынды* — болезни, сопровождаемые более сильными симптомами, и лечатся обрядами, называемыми какмак. В том и другом случае имеют в виду испугать духа нечистого. В учуке прыскают три раза холодной водой и кипятком, а в кагынды бьют легкими, вынутыми от разных животных.

Киргизы ревматизм называют *тёз арвах,* он получается от неосторожного хождения по местам старых кочевок***). От ревматизма считают верным средством носить...****) на больном месте, которое должно быть непременно повязано *дикокаменным киргизом.*

Женские болезни, особенно маточные, приписывают действию духов, и женщин, одержимых духами, называют *зиандасты.*

Чтобы не рождать детей, женщине следует вымочиться на муравейнике.

Эм от водобоязни: [больного]* заставляют кусать ушки котлов в сорока кибитках, следовательно сорока котлов. У казанских татар собирают куски хлеба *из сорока изб.*

Огонь. Почитание огня, как справедливо думает Банзаров, заимствовано шаманскими народами от персов, как и Хормузда, бога неба. Мы совершенно согласны с ним в этом, но полагаем, что заимствование было в гораздо больших размерах, чем думает Банзаров. По нашему мнению, шаманство первоначально заключалось в грубом почитании мира вообще, в идее неба и всех его частностей, т. е. солнца, луны, земли также с частностями: горами, реками, замечательными

*) В рукописи: «...делая это, боятся».
**) Учуктамак — значит спрыскивать холодной водой.
***) Т. е. стоянок и могильных сооружений.
****) Пропущено в рукописи два слова.

камнями, деревьями и проч. Идея добрых и злых тенгриев, культ огня, может быть, самое искусство шаманов (но не шаманство) заимствовано от персов, даже дуализм неба, как материи — кок и как бога — вечный. Из всех шаманских поклонений у киргизов поклонение огню до сих пор имеет большую силу. Киргизы огонь называют авлие; этим же именем честят мусульманских угодников. Из почтения*), огонь киргизы, подобно монголам, называют мать. Огонь имеет качество очистительное**). У киргизов [обряд]* очищения называется аласта. Скочевывая с зимовок, они переходят кочевкой между двух огней. Человек, дающий публичную клятву, должен также очищаться огнем.

Огонь был покровителем жилищ, домашним святилищем; поэтому у киргизов невеста при вступлении в новое семейство должна была поклониться огню *в большом доме****). Обычай этот существует у монголов и заменяет венчание. У киргизов он, очевидно, утратил много подробностей, если его сравнить с монгольским. Невесту, вступившую в новое семейство, женщины вводят в юрту тестя. В дверях она делает обычное коленопреклонение*****); потом садят ее около очага на выделанную телячью кожу, чтобы она [невеста]* была мягка, как шкура...******); затем льют в огонь жир*******), и она падает несколько раз ниц, приговаривая: мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью!********). В это время женщины, нагрев ла-

---

*) В рукописи: «Также...».

**) В рукописи сделана выноска для вставки казахского выражения.

***) По-казахски «үлкен үй» или «кара шанрақ».

****) Коленопреклонение — [тәжім]. Киргизские невесты делают тәжім всякий раз, когда входят в юрту родственников, старших летами ее мужа, и когда видят их случайно (она должна от них скрываться). Она также не называет их по имени, не называет по имени и младших членов семейства, родившихся до ее вступления *(Ч. В.)*.

*****) Оставлено пустое место для написания казахского слова «баспақ».

******) По-казахски «отқа май құю».

*******) Оставлено пустое место для казахского «от ана, май ана, жарылға!».

дони на огне, водят по лицу невесты. Надо полагать, что молитва эта первоначально была не так кратка (см. эту молитву у монголов). Точно так же при рождении ребенка приносят огню жертву, говоря...*).

Киргизы оказывают вообще большое почтение огню; в огонь нельзя плевать, нельзя проходить через огонь, даже через место, где он был когда-то разведен...**). Киргизы самого взбалмошного человека называют...***). Почитая огонь, боялись гнева огня и потому клялись гневом огня...****). Многие болезни считались гневом огня, и потому очень многие болезни лечились огнем. К числу болезней, лечимых огнем, принадлежит ревматизм, боль в ногах, которая, по мнению киргизов, происходит от неосторожного хождения по местам старых стоянок. Монголы думали точно так же, потому что у них было предание, что племя хонкират страдало болью в ноге, потому что оно вышло из Ергене коң*****) и повергло благо других племен под ноги.

Для жертвы огню употребляется у киргизов жир. Жертвенные свечи, или светильники [чрак] делались белые из ваты или из белой дабы и синие — из китайки, пропитанной салом и обернутой около тонкого [стебля******)]* растения, называемого чий. *Чрак* должен быть длиной в локоть. Ваточные употребляются для сожигания по умершем в первые четыре дня, каждый день жгут по десять, всего сорок. Во время лечения шаманами употребляются от некоторых болезней чраки белые и синие вместе от трех до семи и девяти.

О животных, приносимых в жертву

В жертву приносили и приносят животных всех родов, по преимуществу верблюдов, лошадей, баранов и

*) В оригинале пропущено несколько слов.

**) Тоже для казах. эквивалента «от орны», «жерошақ».

***) Оставлено пустое место для казах. выражения «от сокқан».

****) Оставлено пустое место для казахской формулы «от соқсын».

*****) В рукописи: «Иргене хона».

******) В рукописи: «Стержня».

редко быков, но всегда самцов и с известными приметами. «Возьмем,—говорит в поэме Чора жена мужу,— от верблюдов — нара, от лошадей — жеребца, от коров — быка и от овец — барана и пойдем просить себе сына». Ислам допускает жертву от стад только в память курбана Авраамова, но киргизы при малейшем несчастии режут животное во имя божие...*) или во имя арвахов и приносят жертвы не при обо, а на могилах предков. Такие жертвы они называют *курбандык* и *садака* и этим некоторым образом смягчают их языческое значение.

Верблюд показывает крайнюю важность причины, побудившей сделать жертву. Верблюд должен быть белый. Поговорка «*распоролся желудок белого верблюда*»**) употребляется при крайне радостных случаях, например, при возвращении близких людей из опасного похода или из дальнего путешествия, при рождении наследника у людей, которые давно этого дожидались, и, очевидно, имеет жертвенное происхождение. При подобных радостях, чтобы показать всю их важность и искренность, надо полагать, распарывали желудок верблюда, хотя в настоящее время верблюд редко приносится в жертву.

Баран должен быть белый с желтой головой...***) или белый с лысиной...****). Обыкновенно, принося жертву, киргиз в молитве описывает приметы приносимого животного. «О арвах, для тебя именую лунорогого, раздельнокопытчатого с запахом мускуса, или с ушами..., подобными баурсакам*****), или с разрезными ушами, с двумя зубами...******) и проч. Приносят в жертву и первенцев в стаде, если они не имеют вышеприведенных примет. В молитве огню у монголов говорится также белый баран с желтой головой.

---

*) В рукописи оставлено пустое место для написания слова.

**) То же для выражения: ақ түйенің қарны жарылды.

***) То же — Ақсарбас.

****) То же — Бозқасқа.

*****) То же для написания выражения: ай мүйізді, аша түяқты, жұпар істі, бауырсақ құлақты.

******) То же для выражения: тілік құлақты, екі тісті.

Киргизы нередко в беде именуют лошадей или скот почему либо им дорогой, а приносят в жертву другой, менее любезный. Для этого слюной именованного животного мажут рот животного, которое хотят в самом деле убить[55].

Космологические понятия киргизов

Здесь трудно распознать, которая из [дошедших до нас]*легенд более древнего происхождения, и под влиянием какого культа они произошли, тем более, что об одном и том же предмете существуют в одно и то же время различные понятия.

Звезды, по мнению некоторых киргиз, [не что иное, как]* большие горы из драгоценных камней, лежащие от нашей планеты в таком расстоянии, что кажутся маленькими точками. Киргизы верят также во влияние звезды на человеческое счастье, как говорят в простом народе—в планиду[56]. По мнению других, каждая звезда соответствует душе какого-нибудь человека на земле, и когда умирает человек, то и звезда его падает на землю. Когда киргизы видят падающую звезду, то говорят...*) (моя звезда выше!) или несколько раз чмокают**) губами. Счастливого человека, покровительствуемого судьбой, называют «*человеком со звездой*».

Монголы приносят, по шаманскому преданию, жертвы звездам и дают, подобно киргизам, большое значение звездам в отношении власти доставлять человеку счастье, богатство, скот и проч.

Из звезд киргизы знают и отличают поименно***) очень немного.

1. Полярная звезда — *Темир казык* [железный кол]; по ней ориентируются киргизские путешественники во время ночи. Название *железный кол*, вероятно, дано вследствие видимой неподвижности, поэтому две звезды, близкие к ней и имеющие около нее движение ко-

*) В рукописи пустое место для казахского выражения «Менің жұлдызым жоғары».

**) Слово «чмокают» искажено переписчиком: «чалапают».

***) В рукописи: «номинадьно».

торое похоже на ход лошадей, привязанных на веревке к колу, называются *«двумя белыми лошадьми»**).

2. *Большая Медведица* называется киргизами «семь воров» — джеты-каракчи, это — души семи разбойников, которые днем воровали, а ночами каялись во грехах, за это они были обращены после смерти в семь звезд. У семи воров находится похищенная дочь Плеяд**).

3. *Плеяды*—Уркер. Киргизы заметили поступательное движение Плеяд к Большой Медведице и думают, что она преследует семь воров, чтобы выручить свою дочь. По Плеядам киргизы узнают часы ночи и времена года.

4. *Венера* — Пастушеская звезда. Во всходе этой планеты киргизские пастухи гонят баранов в аул, в загон.

5. Утренняя звезда — *Чулпан-Джулдуз.*

Знаки Зодиака и их созвездия известны киргизам под арабскими, но несколько исковерканными названиями. Впрочем, положение их никто не знает. Киргизы имеют свои названия месяцев.

Млечный Путь — куш-джол***) — «птичья дорога», потому, что по направлению млечного пути летают перелетные птицы.

Луна, вероятно, была божеством. Киргизы при виде новой луны делают земные поклоны и летом берут с того места, где делали поклоны, траву, которую, придя домой, бросают в огонь. Киргизы говорят, что на луне есть старуха (вероятно, вследствие округленности и пятен, которые кажутся частями лица). Киргизы не смотрят долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала ресниц, [если это случится, то ****)]* человек дол-

---

*) Ак боз ат, кек боз ат.

**) Надо полагать, что легенда эта древнего происхождения, ибо монголы называют Большую Медведицу созвездием семи старцев и приносили ей в жертву кумыс, молоко и посвящали животных. Банзаров рассказывает, что в рукописи «Книга о молитве и жертвоприношении звездам и богам» есть небольшая легенда о возможности созвездия *семи старцев*. Не имеет ли она сходства с киргизской? *(Ч. В.).*

***) По соврем. казах. орфографии: кус-жол.

****) В рукописи вместо слов, взятых в скобки, «тогда».

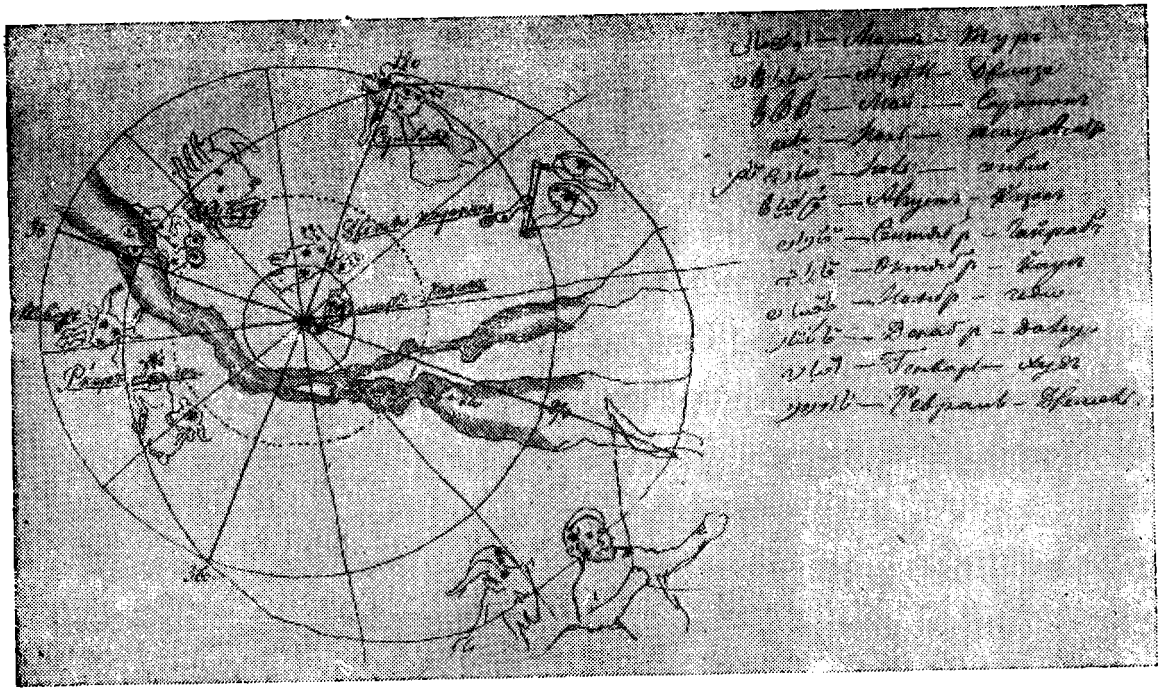

Рис. 15. Зодикальный круг.

жен умереть. При отправлении естественных нужд не обращают лица к луне. Вообще об луне говорят с уважением.

Солнце. Конечно, если луна была божеством, то солнце должно было быть тем же, между тем мы не видим у киргизов следов уважения к этому светилу. Банзаров то же говорит о монголах. Странно. Не могло ли быть, что младенчествующий человек отдал первенство луне по тому самому, как в анекдотах рассказывают про одного простака, который сказал: «Луна лучше солнца, потому что днем и без солнца светло». Киргизы не обращаются лицом к солнцу, когда отправляют естественные нужды — вот единственная дань уважения, которая до сих пор нам известна[57].

Небо — это высочайшее божество в шаманстве. Кок-тангри — «синее небо». У киргизов первое прилагательное [кок]* означает видимое, предметное, а существительное*) (тангри) обращено в синоним аллаха и кудая (худа). Впрочем, еще в отдаленных краях степей, [например,]* в Дикокаменной орде [еще живет]* выраженье «кукэ-тенгри», в виде набожного восклицания или призывания. Слово «тангри», еще при Чингисхане магометане переводили словом *алла*, а европейцы словом deus, так оно было в шаманстве близко к идее всемогущего существа, а в Малой Бухарии и теперь китайское *тянь* переводят персидским словом *худа* — бог.

Небо было свободно в своих поступках, оно награждало и карало. От его воли зависело благополучие людей и народов. Выражение «тангри—джарылкасын» (джарылкамак) да наградит тебя небо; «кок-суккан» — проклятый небом и «кук-суккыр» — чтобы не было неба[58], показывают их шаманское происхождение. Джарылкамак имеет очевидное сходство с джарлык[59] (монгольское дзарлик) — изъявление воли и с монгольским дзяги — воля неба, судьба.

На небе есть жители — люди. Они опоясываются под горлом; мы живем в середине на земле и носим пояс на

*) В тексте это слово искажено переписчиком: составительное.

середине тела, люди же подземные, у которых также свое солнце, луна и звезды*), носят пояс на ногах. Между небесными киргизами есть очень богатая старуха* (образ жизни небесных жителей киргизский, [иначе и быть не могло, так как эти элементы суть плод]* киргизской фантазии)**).

Радуга — кемпирдың косагы, т. е. старушкин косаг. Косагом называется привязь овец на две стороны петлями к натянутой по земле веревке[60]. Упоминаемая здесь старушка уже нам знакома. Радуга — ее косаг из разноцветных овец, которых старушка имеет привычку доить после дождя.

Явления в воздухе

Гром. Монголы, как говорит Рашиддин, ужасно боялись грома, считая его за гнев неба. Киргизы говорят действительно, что гром — гневный глас божий, а молния — стрелы, которыми он поражает шайтанов, но трудно распознать, аллах или небо этот гневный бог, и шайтаны, которых он поражает, мусульманского или шаманского происхождения. Мусульманские легенды в этом отношении сходятся довольно близко с киргизскими. Они говорят, что гром — крик одного страшного ангела, а молния — стрелы, коими он поражает шайтанов, но относить этот акт к самому богу по-мусульмански неприлично. Надо полагать, что здесь господствующая идея—шаманская, тем более, что буддисты—монголы, на которых не могла действовать мусульманская легенда, также считают молнию за стрелы небесные, направленные против злых духов.

Нам случалось также слышать относительно первого грома [известную формулу], что *«небесный жеребец ржет»*...***). При этом у киргизов соблюдается следующий обряд: хозяин юрты с ковшом выбегает из

---

*) Поверье о подземных людях сохранилось в некоторых сказках *(Ч. В.)*.

**) Это место несколько искажено переписчиком. Мы даем по ред. Н. И. Веселовского.

***) В рукописи оставлено пустое место для вставки этой формулы по-казахски: «Көк айғыры кісінеді».

юрты, бьет им, бегая кругом, свою кибитку снаружи, приговаривая: «молока много, а углей мало»*)... а потом, придя домой, втыкает ковш около дверей в керегу**). Говорят еще, что льют молоко у порога***). Кажется, все это делается не из страха, а есть доброе пожелание обилия молока, следовательно — и увеличения стад.

О драконе, как о производителе грома, мы не слышали. Вообще олицетворений ислам не терпит.

Вихрь, вероятно, был олицетворен, как один из тангриев стихийного происхождения, потому что киргизы, встречая вихрь, плюют три раза «тфу, тфу, тфу!». У г. Васильева[62] говорится о подобном же обыкновении у киданей.

О чарующих силах в природе

Абулгази говорит, что тюрки****) имели камень, называемый яда или джада, посредством которого могли производить дождь, гром и молнию. Киргизы этот камень называют джайтасы*****) и до сих пор верят в джада и возможность производить, когда нужно, дождь и непогоду, и многие между ними славятся в этом отношении. Киргизы всякое чародейство и колдовство называют джалу. Между киргизами прежде было много подверженных джаде, испорченных, т. е. околдованных. Болезнь эта считалась смертельной, и от нее можно было избавиться только через операцию шамана, который резал им желудок и извлекал оттуда какую-нибудь мерзость. К джаду прибегали обыкновенно ревнивые жены, и мы знаем, по преданию, много киргизов, умерших якобы от джаду. Чтобы обворожить, заставить кого-нибудь любить себя, или, как говорят киргизы, «вскружить голову», прибегают к разным заговорам. Замечательны между ними *чары на след,* о которых упоминается в русских

*) То же для написания выражения: «Сүт көп, көмір аз».
**) Кереге — решетчатое основание юрты.
***) По-казахски «босағаға ақ құю».
****) В рукописи: «турки».
*****) Т. е. громовой камень.

сказках (ведьма Марина Добрыне Никитичу). Большей частью заговоры делают на сахаре или изюме, который потом дают кому надо. Чародейство, колдовство у киргизов носит разные названия: во-первых, арбау (от него арбын у дикокаменных киргизов и арбаучи у кайсаков). В «Манасе», эпической саге дикокаменных киргизов, все герои и богатыри имеют это качество; даже их лошади, эти говорящие кони, имеют еще способность изменяться...*) в птиц и проч. Они называются арбын-кулун, лошадь-чародей. Заговоры, которыми дикокаменные киргизы ограждают себя от разных болезней, также называются арбын. Они имеют арбын даже от [удушливости**)]* на высоких горах, [которая***)]* происходит от малого давления воздуха. У кайсаков арбау называются по преимуществу заговоры, а арбаучи — люди, имеющие способности посредством заговора освобождать человека от чар, от болезней и проч. Для того, чтобы излечить человека от ужаления змеи, киргизы хватают живую змею и заговаривают ее. Если заговор был действителен, то змея должна тут же умереть. Вообще первоначальное значение этого слова — заговор.

Киргизы употребляют еще персидское слово сихр и от него сихрчы — колдовство.

О чарующих силах, заключающихся в самом человеке

Грозны были для младенчествующего человека стихии, но от них можно укрыться; хуже беда была в самом человеке — страх перед какой-то неведомой силой, которую он ощущал в себе. Человек был окружен страхом. Даже во сне он боялся, его страшил сон.

Язык человека через слово имел, по мнению киргизов, разрушительное влияние. «Слово человека мо-

---

*) В рукописи пропущено несколько слов.
**) В рукописи: «духоты».
***) В рукописи: «что».

жет раздробить камень, если не камень, то голову человека»...*).

Если у киргиза умрет красивый ребенок, пропадет хороший конь, улетит хороший сокол, испортится ружье — все приписывается человеческому языку.

Глаз — действует так же, как слово.

Ногти. Киргизы вместо клятвы лизали ногти на руках, смотря на небо. Приписывается ли чародейская сила ногтям *всех пальцев или одного* пальца по преимуществу, не знаем.

У Буслаева безымянный палец по преимуществу не терпит неправды.

Чарующая сила, приписываемая некоторым действиям

«Обвести», «окружить» употребляется в эпических сказаниях народов индо-германского племени в смысле приворожить, околдовать. При этом действии чарующую силу они по преимуществу приписывали мертвой руке: «как мертвой рукой обвести» (Снегирев, Русские в своих пословицах, т. II, стр. 35; Лионский рецепт, 1751, см. Буслаева).

У киргизов чарующая сила заключается собственно в кружении. Они избегают полного круга при осмотре чего бы то ни было. Обойти человека — значит принять на себя все его болезни, все чары, которые тяготят над ним. Поэтому самое нежное слово у киргизов и самое верное выражение любви заключается в словах *айналаин*, у среднеазиатских тюрков *ургулаин*, что значит «обхожу тебя». Мы слышали, что в старые годы часто чадолюбивые отцы бегали с поясом на шее вокруг юрты, где лежал больной их сын, предлагая якобы себя взамен больного, а родственники и одноаульцы старались удержать его от такого гибельного намерения. Так киргизы верили в кружение. Птицу, попавшую в руки, отпускают на волю не иначе, как обведя ею несколько раз около головы.

*) В рукописи оставлено пустое место для написания этих выражений по-казахски: «Адам тілі тас жарар, тас жармаса — бас жарар».

1) «Да побьет меня огонь мой».

2) «Да буду твоим синим ослом», [иногда]* они добавляют: «в двух мирах», т. е. «на этом и на том свете».

3) «Инк дечи» —скажи, инк! Это слово по Рашиддину значит *благословение*; он этим объясняет *онгон*.

У дикокаменных киргизов есть странная клятва: «Майнекен *булаин*»*). Надо полагать, что Майнеке — имя собственное какого-нибудь человека, особенно прославившегося своими дурными качествами, или какая-нибудь унизительная профессия. Клятва эта общеупотребительная.

Рым, т. е. обычаи, соблюдение которых в шаманстве избавляло от несчастий, а нарушение вело за собой какое-нибудь бедствие; одним словом, те простонародные обычаи, которые европейцы называют у себя суевериями или предрассудками, а в шаманстве они и составляют обрядную часть их веры. *Рым* называются также обряды, исполняемые в видах предзнаменования. Например, у кого нет сыновей, а родятся девочки, те дают последней из своих дочерей [имя]* Ул-Туган [сын родился]*, Майкет**), чтобы оно было предзнаменованием для рождения сына.

Мы ознакомимся с наиболее употребительными *рымами:*

1. При отчуждении из табуна лошади, берут клок волос от гривы и, помочив в слюне животного, кладут в карман; этот обычай называется «брать слюну». 2. Отдавая кому-нибудь платье, оставляют у себя одну пуговицу или завязку. 3. При продаже животных не отдают от лошади узды, от верблюда носовой веревки, от сокола путалищ, от собаки ошейника. В русских сказках чародей, который оборачивается в разных животных: в лошадь, собаку, сокола и проч., обыкновенно просит, [чтобы]* при продаже [его в этом виде]*

*) Майнеке — образ урода, страшилища. «Майнеке болайын», букв. «чтобы мне стать женой Майнеке; будь я трижды проклят, если...».

**) Мужское имя.

не отдавать узды, ошейника и путалищ. 4. Входить в юрту с пищей во рту нехорошо, выходить, напротив, хорошо, «к врагу входят*) жуя, а от друга выходят жуя». Если хозяин заметит, что кто-нибудь вошел к нему с жевачкой во рту, то непременно заставит его**) выплюнуть у порога все, что [есть]* во рту. При входе отворяют двери гостю сами хозяева; при выходе — ни за что***).

Некоторые киргизы имеют свой собственный рым, т. е., заметив, что известные действия всегда ведут за собой худо, а известные — благо, они избегают первых и не упускают делать последние и пр. Некоторые киргизы ни за что не дают своего головного убора, боясь худых последствий.

Особенно много *рымов* киргизы наблюдают во время *походов* и *баранты*. Слова: «тус» — сходи с лошади, «байла» — вяжи, дабы не послужили дурным предзнаменованием, заменяют благоприятными для них по смыслу словами: кон****), бекет*****), ійр******). Песен не поют, вместо сапты-аяк*******), говорят джулды-аяқ********); кобылу называют жеребцом, потому что ездить на баранту на кобылах считается неблагоприятным для успеха; назначение кобылиц*********), по мнению киргизов, есть расплод и кумыз, а не поход.

Талисманы от глазу, от нечистых духов и от разных болезней

Киргизы употребляют теперь магометанские, каббалистические молитвы и называют их «тумар»; в прежние же годы талисманы были большей частью

*) В рукописи: «ходят».

**) Принята редакция Н. И. Веселовского. В рукописи: «... все что выплюнуть, все, что во рту, у краю порога».

***) Здесь в основе лежат обычаи гостеприимства.

****) По современному правописанию казах. языка «қон».

*****) То же «бекіт».

******) То же «ійр».

*******) Сапты-аяқ — деревянная чашечка с ручкой, употребляется для кормления беркута мясом и гончих.

********) Джолды-аяк — букв. благополучная нога, в переносном смысле — «счастливого пути»; второе значение — «чаша счастья».

*********) В рукописи: «маток».

вещественные, а именно: разные части тела вещих животных или птиц, животные кости и иногда камни.

1. *Кости животных*, имеющие сверхъестественную силу. Локтевая кость, по мнению киргизов, могла заменить для скота пастуха, т. е. сберегать скот от волков и от воров, а не от падежа, как ошибочно думает г. Ильминский[63] (см. Известия Вост. отделения Археологического о-ва, 1860 г., вып. 5). Для этого ее ставят в юрту точно так же, как у монголов по рассказу Гомбоева[64], и, как у монголов, кладут между тонкой костью также траву—кипец. Кость в этом виде изображает пастуха с укруком. По поверью киргизов, локтевая кость в виде человека стережет скот от воров и глазам воров представляется в виде человека. *Киргизы эту кость называют* кары-джилик, т. е. старый...*). Кары не есть ли испорченное слово харитy?[65] Локтевую кость киргизы носят также привязанную к передней луке седла, как хранителя седельного прибора и лошади**).

---

*) Жілік — трубчатая кость вообще. Кәрі-жілік — локтевая кость — синоним силы, крепости. В основе ее лежит рука, без рук и сил нет. Далее — пропуск автора.

**) На этом поверье основывается, вероятно, следующая легенда. Несколько воров ходили несколько дней около стада одного киргизского бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночам вокруг стада ходило множество людей, вооруженных укруками. Зная, что у этого киргиза, кроме жены и дочери, не было других хранителей, не было ни сыновей, ни рабов, они решились узнать это чудо и пришли к нему на ночлег в виде кунаков, т. е. гостей. Бай зарезал им барана и накормил их досыта. Тогда они чистосердечно объяснили ему, что они воры, что давно стерегли его стадо, но не могли ничего взять, потому что ночью ходят вооруженные. «Скажите,— спросили воры,— что вы имеете такого и каким чудом вы владеете?». «Никаким чудом не владею,— отвечал бай,— у меня только одно правило, которому я следую неуклонно. Именно: *отец*, умирая, завещал мне один завет. Сын мой, сказал он, я тебе оставлю завет, следуй ему и будешь всегда богат. Сколько тебе ни придется резать баранов, не бросай локтевых костей и привязывай их к косякам дверей и к чагараку. Я всегда исполнял его волю и, слава богу, не помню, чтобы из стада моего потерялся или чтобы волк похитил хоть одного ягненка». Воры осмотрелись в юрте и увидели в ней столько локтевых костей, сколько видели они людей, оберегавших по ночам стадо (*Ч. В.*).

Волчья чашка предохраняет от ревматизма в поясе-нице и от «глазу».

2. Голова филина, ноги и перья сохраняют от злых духов; для этого их привязывают к юрте и к колыбелям детей. Нам случалось видеть в юртах дикокаменных киргиз голову улара (Tetraogallus himalayensis). По понятию дикокаменных киргизов, мясо этой птицы навсегда предохраняет от оспы. Зная, как опустошительна оспа, мы готовы верить легенде, что во время оспы дикокаменные киргизы тех стран, где не водится эта птица, ели [от стола] путешественников, которые приезжали с Алатавских гор, где во множестве водится улар.

3. От [«худого»]* глазу носят камень, называемый «ишектас»*). Камень этот, по поверью, должен находиться в желудке ослов, но торговцы продают под этим именем зеленую и муравленую глину.

Все болезни в шаманстве приписывали навождению злых духов или гневу онгонов, оттого лечение их производилось шаманами—людьми, покровительствуемыми духами. Кроме шаманов, злые духи боятся и некоторых живых, знатных, благородных или храбрых людей, которых в этом смысле называют живыми духами.

Есть и животные, которых боятся черти. Например, при родах—верблюда-самца и ежа. К колыбели детей привязывают [иглы ежа**)], а при родах кладут [их]* на страждущую. Замечательно, что волосы русского человека употребляют также в числе средств для изгнания болезни.

Киргизы приписывают особенную силу *кие* некоторым стихиям, например огню (которое было божество), некоторым животным, птицам и разным предметам, полезным в их кочевом быту, и воздают им известного рода почет, думая, что исполнение этих почетных обрядов утверждает за ними богатство и счастье: *құт* (это слово заключает в себе идею счастия, соединен-

*) Т. е. ослиный камень.

**) В рукописи: «ежевые иглы».

ного с богатством), а неисполнение—бедность и какое-нибудь зло. Предметы, имеющие такую силу *кие,* называются *киелы́*, а карательная сила их *кеср* [зло].

Известно, что монголы боялись проливать молоко; они в этом случае боялись *кеср*а.

Поэтому надо полагать, что шаманские народы добро и зло приписывали благоволению или гневу обоготворяемых ими предметов и стихий *кие.* Благочестие заключалось в известных обрядах уважения, а грех в *нарушении их;* они боялись *кеср*а.

Приводимая ниже легенда замечательна в высшей степени по своему чисто шаманскому происхождению. Вот понятие киргизов о будущей жизни, и оно совершенно согласно с свидетельством Плано Карпини, который говорит, что монголы с мертвым погребают кобылу с жеребенком, оседланную и взнузданную лошадь, чтобы ему было чем питаться на том свете и разводить лошадей для своего употребления. Киргизы кладут на могилу чашку, но животных, которые назначаются для замогильного употребления покойника, режут на его поминках со словами *«тие-берсын»* — да дойдет до тебя. Это очень важно; следовательно, шаманское небо было беспристрастно, как божество, не ревниво. Большее или меньшее благосостояние человека умершего зависело не от неба, а от той исправности, с которой должны были родные исполнить *обычаи.* Чем больше зарезано лошадей на могиле, тем благополучнее был покойник. Неотомщенный покойник, судя по этой же легенде, очевидно, должен был страдать. Влияния ислама в этой легенде, по нашему мнению, нет, кроме слов салем-алейкум. Азраила, Джебраила мы считаем не магометанскими архангелами, это, по нашему мнению, шаманская *смерть,* переименованная согласно духу времени. Монголы олицетворяют смерть (Эрлик-хан, бог смерти), как олицетворяют некоторые болезни, например оспу, в виде злой и отвратительной старухи. Мы не знаем из преданий, какой вид имела киргизская смерть, но знаем, что она имела *укрук,* чтобы схватить, и какое-то оружие, чтобы зарезать свою жертву. Плано Карпини говорит, что монголы очищали юрту и все вещи покойника огнем. Кирги-

зы также считают все, что было в юрте покойника, нечистым, потому что когда смерть режет невидимо горло человека, то кровь его, также невидимая, доходит до третьей клетки кереге в юрте, следовательно, потопляет все вещи, находящиеся в юрте.

Самое бегство от смерти, не допускаемое исламом, составляет один из постоянных мотивов легенд шаманских народов. У киргизских шаманов есть легенда о *Хорхуте*, первом шамане, который научил их играть на *кобзе* и петь сарн*). Даже у более омусульманившихся туркменов Коруглу убежал от смерти, хотя и ненадолго. Поэтому, надо полагать, что, хотя воля неба в отношении смерти была в шаманстве по понятию близка к судьбе, но все-таки люди старались избавиться, а не покорялись ей, как древние своему fatum и магометане перед ужасным тагдыр.

Легенда о мертвом и живом и о дружбе их

В старину было у одного бая три сына. Потерялся раз у этого бая один косяк кысраков**). Вот и говорит отцу старший сын: «Отец! Дай я поищу наш скот, кысраков!» «Ступай, сын мой, ищи!» — говорит отец. Сын садится на лошадь, берет провизию...***) и оружие...****). Видите, отец был чародей и хотел испытать детей; он отправляется через шесть степей и, обратившись в шесть волков, ждет сына. Увидевши шесть волков, сын испугался, убежал*****) домой и лег. Средний сын просится тоже у отца искать лошадей, и он также прибежал домой, испугавшись волков. Остается самый младший; он говорит: «Я буду искать». «Ладно!» — отвечал отец. Отец-то был испытатель...******). Обратился он в шесть тигров и

---

*) Сарн — напев, мотив, мелодия.

**) Лошадей *(Ч. В.)*.

***) Пропущено в рукописи два слова. Здесь должен быть казахский эквивалент провизии — азық-түлік.

****) То же казахское слово қару-жарақ.

*****) Принята редакция Н. И. Веселовского. В рукописи: «... убежал и лег, придя домой».

******) То же по-казахски сыншы (испытатель).

лег на дороге. Увидевши отца, обратившегося в шесть тигров, сын ударил несколько раз по лошади и бросился на тигров. Только что он хотел всадить копье. «Аа! — говорит отец,— это ведь я, [я]* знаю, что ты всадишь [копье]*. Да, я знал. Ну, подними руки, я благословлю». Тут [он]* дает благословение и говорит: «Дай тебе благополучный путь, перед собой да обрящешь искомое,— и еще говорит,— не забудь, сын, когда придется тебе быть в местах необитаемых...*) не оставляй могилы, если будут встречаться ночью — ночуй при них». По прошествии многих дней (однажды) на закате солнца [младший сын]* увидел группу могил, вокруг не было жилищ (кочевок). Видит — на западной стороне их стоит свежая черная могила. Приходит—говорит: «Суйлям!» Когда сказал суйлям, он услышал ответ: «Кого спрашиваешь?» И выходит молодой человек с прекрасно выведенными бровями. «Кого спрашиваю? Я божий странник, думаю на ночлег». «Сходите» (с лошади),— говорит, а сам поддерживает за узду, ссаживает, оказывает почесть. Взял за руку, и говорит мертвый живому: «Закрой глаза, и когда я скажу, тогда открой»,— и ведет. Когда сказал: «Открой»,— [младший сын]* видит: прекрасная юрта, войдешь — не выйдешь, пахнет...**) так хорошо (запах свежей травы). Как только сели, (у него был черный слуга): «Ступай,— говорит,— веди для гостя барана». Черный слуга вышел и привел, держа за шею...***) серого барашка. Зарезав, как следует, сварили, съели и легли, как следует. Настало утро; умыв лицо и руки, [мертвый]* дал гостю остатки вчерашнего ужина. Сидя таким образом, сказал [мертвый:]* «Давай...**) двое будем друзьями».—«Будем так будем!»—Тут же, открыв груди и обнявшись, сделались друзьями. «Теперь поеду,—говорит живой,—искать кысраков».—«Хорошо, друг, но наперед расскажем свои тайны. Я был единственный сын одного бая. Отец мой был богат. Раз наш

*) Пропуск в рукописи для вставки казахских слов жапантүз.

**) То же жұпар иісі аңқыған.

***) Пропущено два слова.

****) То же для казахской фразы «дос болайық».

народ повел войска на войну, я тоже оконился. Тогда один всадник в загнутой черной шапке, на черной с лысиной лошади, с длинной красной пикой в руках, с острой черной бородкой вышел, говоря: на единоборство! Я тоже вышел. Он от людей и жилищ, а я от набежников. Он поправил копье—и я тоже, у меня копье было короче, у него длиннее. Его удар достиг наперед, и я был убит. За то, что я умер от врага...*) на войне, бог сделал меня таким саидом (шаидом)**). В этот поход подо мною была худая лошадь. Отец был богат, у него были две лошади...***) полетит — птица не нагонит, погонится неприятель — не настигнет; я на одну было сел, да отец не позволил. Если, друг мой, хочешь быть со мной другом, то сегодня доедем до нашего аула, у нас будем ночевать, твои кысраки в нашем стаде ходят, размножившись до 90 лошадей. Если меня почитаешь другом, то распори двух лошадей айчубарых****), они ходят вместе (бир уюр)». «Ладно,—говорит живой,— распорол бы, друг, да жаль — нет у меня ножа». У мертвого джигита был маленький хорошенький ножик. «Возьми его,— говорит,— и распори. Я тебя прошу: когда будешь у наших, то не показывай ножика; моя сестра узнает, и тебе будет жутко». Живой молодец приехал и стал на ночлег у отца мертвого своего друга. Настало утро. Пришли с урусей*****) табуны. Сел он на лошадь и выехал навстречу табуну. Пастухи были все молодые, он не принял их за людей, а два айчубара играют в табуне, он [схватил]* их и разрезал им желудки. «Бай! Бай! Один человек распорол двух айчубаров»,— крича, прибежали мальчики до аула. Кто же станет смотреть,******) когда распороли айчубаров; со всех сторон погнались севшие на лошадей. Схватили живого друга и привели к баю. И этот бьет и другой бьет;

*) Пропуск в рукописи для вставки казах. слова «жаудан» (от врага).

**) Ш а и д [шахид] — мученик за правое дело.

***) В рукописи пропущено два слова.

****) А й ч у б а р — табун молодых чубарых (пестрых) лошадей.

*****) Т. е. с пастбища, с отгона.

******) Т. е. кто же останется равнодушным.

бьют [сначала]* связанного и [одетого]*, а потом стали раздевать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножик и выпал. Сестра мертвого друга стояла тут. Как увидела ножик, тотчас узнала. «Ой, бай!— крикнула она,— это ножик брата»,— и схватила его в руки. Прежде били — не били, а настоящее битье началось теперь. «Это он убийца!» — кричат кругом и хотят его убить. Но друг прежде сказал ему: «Если очень станут мучить, то скажи все, как было». Видя, что не избежать смерти, он сказал: «Джурт!*) Правду скажу — умру, не скажу — умру! Я прошу всего три слова — сказать или нет?» «Скажи,— говорят,— если имеешь, что». От начала рассказал все: «Я был сын одного бая» — и проч. Все рассказал. Теперь никто не поверил. «Ложь,— говорят,— убьем! говори правду, ты убийца». «Народ, вы мне не верите; если я вам покажу моего друга, то поверите?» «Джарайде!**) прекрасно, покажи только, поверим». Бай начал собирать народ свой, чтобы идти на могилу сына. Сели на лошадей, а нашему джигиту дали не корову, а около того. Да ведут его в середине толпы: все еще не доверяют. Доходят до кладбища. «Народ,— говорит джигит,— когда увидите, стойте вы здесь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народ остановился, но отец-бедняк не выдержал, пошел вслед за джигитом. Мертвый друг все это знает уже давно — арвахам все известно. Хотя отец его и оскорблял, но он думает дать ему *салем****) и выходит. С отцом поздоровался...*****) приходит потом мать, с ней тоже поздоровался. Затем сестра единственная и с нею невеста, которую он оставил у родителей на правой стороне (т. е. в девицах). Невеста было подошла наперед, он оттолкнул ее мизинцем правой руки. Побыл с сестрой. Бедняжка, увидя единственного брата, давно умершего, не выдержала, и одна слеза покатилась и упала на правое плечо мертвеца. Слеза капнула, и брат исчез неизвестно куда. Народ после поверил джигиту. «Хорошо! Молодец!»—

*) Т. е. народ.
**) Т. е. ладно.
***) В данном случае — поклон.
****) Пропущено в рукописи одно слово.

и стал не как прежде; стал почитать [джигита]*. «Ты,— сказал бай, — друг моего единственного светильника; ты мне теперь то же, что он; возьми половину моего скота и моих душ». «Ничего мне не нужно, отдай моих кысраков». Старик два раза повторил свое предложение; [джигит]* два раза отказал и, поклонившись, расстался с баем и погнал 90 своих кобыл. Поехал опять на кладбище, расположил в стороне около свой косяк, а сам подъехал к могиле и говорит: «Достум!» Друг не выходит. До трех раз кричал: «Друг!» В четвертый раз [друг] вышел, бледный, изнеможенный. «Я,— сказал мертвый,— давно слышал твой голос, да нельзя было мне скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сделалась морем и потопила меня. Когда ты звал меня в первый раз, я был на той стороне реки, в другой — я был в средине, в третий — я вышел из воды и переводил дух. Ох! Измучился я совсем в эти дни». Тут он повел друга в свое жилище, и они прожили вместе несколько дней, лошади паслись и ничто [плохое] не могло им сделаться. Стал живой друг собираться домой. «Ну, друг,— сказал тогда мертвец,— ты, друг, уедешь с лошадьми и подводами цел и невредим домой. Своих ты застанешь в приготовлениях на войну. Твой «дом»*) будет говорить: не ходи в поход, ты и так приехал измученный, истощенный! Но ты не слушай их и поезжай на другой же день в поезд». Приехал [джигит]* домой, все обрадовались. Отец, мать, родные стали уговаривать, чтобы он не ездил, но он, помня слова друга, переночевал день дома, да и в путь. Друг ему еще говорил на прощанье: «Когда достигнете вражьих аулов, все ударят в коней, ты скачи один по западной стороне; на тебя бросится из аульных людей один — в черной с загнутыми полями шапке, на черной с лысиной лошади, с длинным красным копьем и с черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи бога. Это тот самый, что убил меня. Ты зарежь его, говоря: «Дойди до моего друга». Заколи и лошадь, говоря: «Дойди до друга». Как было сказано, как только что они бросились на аул, он поскакал один

*) Т. е. родные.

по западной стороне и, как сказал друг, появился перед ним чернобородый. Он ссадил его и зарезал, говоря: «Дойди до друга». Заколол и черную лошадь с лысиной, говоря: «Дойди до друга». Друг-мертвец говорил ему еще: «Когда все бросятся на добычу, ты скачи на запад, там на краю аула увидишь только что поставленный белый отав*); привяжи на правой стороне дверей лошадь свою. В отаве увидишь молодую, только что взятую женщину и двух девиц, ястреба и черную борзую собаку в ошейнике. Всех их зарежь, говоря: «Дойди до друга». Джигит, зарезав чернобородого человека и его лошадь, поскакал на запад. Видит белый отав, перекинул повод в правый косяк дверей, вбежал в юрту и видит молодую женщину, двух девиц — сказал бы солнце есть глаз, сказал бы месяц есть рот. Зарезал молодую, говоря: «Дойди до друга»,— зарезал старшую девицу с теми же словами; другую же девицу стало ему жаль, он поцеловал ее, но, подумав, тоже зарезал. С ястребом и с собакой не стал думать. Друг говорил ему еще: «Все будут брать казну несчетную; ты ничего не бери. Перед отавом будет тополь, около него зеленый прут; сруби их; тут же увидишь верблюжий помет, собери его вместе и все это навьючь на черного нара, который ходит у дверей отава, и вези домой». Отряд возвращался, стали доходить до своих кочевок, вдруг сделалась буря; два дня, две ночи она продолжалась; весь скот награбленный разбежался и частью погиб, даже свои лошади погибли у войска. Джигит счугурил**) верблюда и лежал себе около него спокойно. Друг говорил ему еще: «Когда останется полдня езды до аула, тогда возьми зеленый прут и ударь им мешок с пометом, говоря: «Бисмилда алдракбан рахым!»***). Пойдут из него верблюды с криком, лошади с ржаньем, коровы с мычанием и овцы с блеянием. Потом ударь зеленым прутом тополь — дерево, говоря: «бисмилляхи» и проч., и дерево обратится в золото и серебро — одно колено золота, другое — сереб-

*) Отав [отау] — юрта молодых супругов.
**) От казахского слова «шөгермек» — уложить верблюда.
***) Казахское произношение молитвы из корана — бисмилла аррахман аррахим — «Во имя милостивого бога».

ро, одно колено золота, другое — серебра». Хозяин был чародей и, таким образом, спасал золото от воров, скот от падежа и волков. Приехали домой: все товарищи идут пешком, пальцы в ноздрях, а он не может управиться со своими стадами. Золота и серебра — богатства всего мира. Проживши дома дня два-три, поехал к другу на кладбище: «Салем алейкум, достум!» «Суйлем»,—говорит мертвый друг, выходит и вводит в могилу. Живой друг был изумлен: джигит в черной шапке, молодая келенчек*), две девицы, ястреб, собака — все сидят тут. Друг его посмотрел на младшую из девиц и засмеялся, посмотрел и он на нее и видит в том самом месте, куда он поцеловал, черное пятно на щеке. «Бедный ты человек,— сказал мертвый друг,— я доволен тобою, младшая тебе понравилась, ее ты возьми себе, с меня будет келенчек со старшей девицей». Погостил он тут, а джигит в черной шапке прислуживает им. «Пора,— говорит он,— возвратиться домой». «Хорошо,— говорит ему мертвый друг,— когда ты приедешь домой, в аулах ваших будут разъезжать торговцы с товарами на двух телегах; у них есть две лошади: одна гнедая, другая рыжая; лошади тощие, но ты их купи, сколько бы ни стали просить владельцы. Сначала купи гнедую, потом рыжую, три года не клади на них укрука, ни узды, ни седла с потником, не клади раздвоенных лядвей...**). Через три года зарежь гнедую, разбей все косточки, даже пальцев, и смотри на можжечок: если он не будет весь белый и хоть капля черноты, то отпусти рыжую лошадь еще на год в табун. По прошествии четырех лет на пятый привяжи ее к веревке у юрты, давай один только раз сорвать траву и один глоток воды, но все не езди; лошадь будет, как нагайка. Через несколько времени ты почувствуешь боль в голове; пройдет — хорошо; если же станет все увеличиваться, садись на рыжую лошадь и скачи ко мне. Не забывай». Друзья простились. Джигит приехал в свой аул, видит: татары торгуют, у них две лошади, как говорил друг его,— гнедая и рыжая. Он стал про-

*) Келíншек — молодуха *(Ч. В.)*.

**) В рукописи оставлено пустое место для казахского слова.

сить продать ему гнедую, дает за нее две лошади, *караванчи* просит три. Дал. Стал торговать рыжую. Караванчи сам был испытатель...*), потребовал пять лошадей. Купил. На три года пустил в табун, как говорил друг; на четвертый год убил гнедого и в пальцах нашел черноту в ноготь большого пальца. Еще год держал в табуне. На пятый год рыжую лошадь стал держать у юрты на веревке. Однажды заболела голова и не поправляется. Джигит тайну свою никому не говорил — ни отцу, ни матери, ни друзьям и сверстникам: знал [ее]* бог, мертвый друг и он сам, только трое. «Оседлайте-ка рыжку,— сказал он, видя, что болезнь увеличивается,— я порассеюсь... Стал ездить [по аулу]*; взор и силы начали быстро падать, не устоял...**) «Қош, қош***), аман бул»,— сказал он народу и ударил лошадь. Скачет к другу. Друг все это знает, хотя не видит. «Плохо моему другу,— думает он,—рыжая лошадь, «тулпар»****), когда разгорятся бока, пожалуй унесет мимо и не остановишь». Приказал бабам крутить шелковый аркан в сорок маховых саженей, чтобы им захватить друга. Видит — друг скачет; бросил аркан и захватил им друга, а рыжий тулпар пронесся далее; так разгорячился. Поднял друга и внес в свою могилу. Азраил-Джебраил — душеберущий [ангел], между тем, гнался и был готов бросить укрук, но рыжего тулпара не мог все-таки догнать. Вслед за друзьями пришел в могилу и Азраил-Джебраил, говоря: «Давай беглеца моего! Здесь он, беглец мой». «Не дам,— сказал мертвый друг,— я божий саид, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Азраил-Джебраил пришел к богу и сказал: «Твой приказанный от нас убежал, и один человек не дал: «Не дам — сказал,— я саид божий, и бог обязался до трех раз исполнять [мою]* просьбу — что нам теперь делать!» Всевышний бог сказал: «Правда, правда!

---

*) В рукописи пропуск для слова «сыншы» — испытатель.

**) Пропущено одно слово.

***) В тексте искажено переписчиком (кой как). Восстанавливается по смыслу казахской фразы: «қош, қош аман бол!» т. е. «прощайте, будьте здоровы!».

****) Боевой конь, скакун.

он мой саид! взял так взял, пусть будет по его просьбе». Таким образом, они стали с другом жить вместе и достигли всех надежд своих.

Работа написана в 1862 году. Публикуется по рукописной копии архива Всесоюзного Географического Общества (Разряд 64, оп. 1, д. 15, лл. 5—32); Опубликована: 1) в ЗРГО, т. XXIX, СПб, 1904 г., под редакцией профессора Н. И. Веселовского. 2) Ч. Валиханов. Статьи, переписка, Алма-Ата, 1947 г., под настоящими названиями.

ТЕНГРИ (БОГ)

Огонь почитается за аулие (святой)... Проклятие... В огонь нельзя плевать, нельзя наступать на очаг.

Невеста, поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца, принести в жертву огня ложку масла, делает салем (преклонение колена) и бьет головой (падает навзничь), приговаривая: «аруах, разы болсын»— аруах (дух предков), будь доволен! Во время горения жертвы мать или кто-нибудь из женщин, нагревая ладонь на огне, водит по лицу новобрачной, и новобрачная отдает в честь огня халат, который берет хозяин (отец мужа) юрты, как владелец очага, и заставляет ее сесть на баранью шкуру, говоря при этом: будь мягка, как кожа. Для того, чтобы дать джан (присягу)*), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек.[66]

Лечат огнем так: из семи частей тела скота вырезывают куски, бросают в огонь и греют больное место (преимущественно в ревматизмах). Очищают от болезни в этом жертвенном огне, бросают в огонь жестяной ковш, раскаляют его докрасна, потом кладут в него масло и синюю тряпку; когда это загорит, то подносят его под самый нос больного и наливают холодную воду — выходит ужасный пар. Способ лечения называется джел ушук**).

Когда увидят новую луну, то три раза прискаки-

*) Т. е. принять присягу — «клянусь душой».

**) Т. е. заклинание ветром. В рукописи «джелушун» — искажено переписчиком.

вают и три раза делают поклон, потом срывают траву и, принеся домой, *бросают* в огонь.

Арвах — дух предков, во всех трудных житейских случаях обращаются к ним, говоря: «Аруахи, держите меня за руку и поддерживайте под мышки»*), — и приносят жертву; из коров, такую корову: с рогами наподобие луны**) и копытами наподобие аша (юрту поддерживает); из баранов—белого с полоской на лбу***), и белого с желтой головой****), синего барана с ушами, наподобие баурсаков — с раздвоенными ушами и двумя зубами и совершенно белого, как снег с полоской на лбу — и также первенца в стаде. Если пожалеют первенца*****), то вымазывают слюной обещанного животного голову другого барана и приносят в жертву. Когда умирает человек, то его аруаху (духу) зажигают по одной свечке каждый день до сорокового дня, или только четыре дня******). Свечи ставят у право[й] [стороны] порога. Потому [что] полагают, что до сорока дней дух умершего посещает свою юрту и узнает о расположении своих детей; для того каждый день до зажжения свечи в сумерках отворяют дверь, наполняют одну чашку кумысом и в дверях постилают белую кошму, готовят прием для покойника. Все присутствующие в юрте, прочитав коран, выставляют чашку аруаху и зажигают свечку.

При выносе покойника говорят: «От бога целым телом далек» и обводят около его домашнюю утварь, съестное.[67]

Земля не имеет почтения, только не рвут первую траву. Не ходят по месту, где была стоянка аула, почитая его местом сбирания духов, боясь арвахов, и вообще болезни ревматизма, которую приписывают неосторожному похождению.

---

*) Аруақ қолдай гөр, қолтығымнан жебей гөр.

**) Ай мүйізді, аша тұяқты. В рукописи слово «аша» искажено переписчиком.

***) Боз қасқа.

****) Ақсарбас.

*****) Тумса мал.

******) В рукописи «или только четыре дня» зачеркнуты, вписаны карандашом «только 10 дней, четыре дня».

Звезды почитают душами людей, если видят падение звезд, то говорят: «Моя звездочка стоит еще!» — и делают два раза воздушное [движение]*)... думая, что одна душа...**) и, следовательно, индивидуум должен умереть. Часто приходится слышать отца при входе его вечером в юрту: «Сегодня двое должны умереть.— Как? — Две звезды пали».

Все необыкновенные явления природы считают за места священные, освященные пребыванием аулии (мух[амеданского святого]); все курганы называются *оба*, что значит *куча*. Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и [местом] ночевок. Каждый проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносят [в] жертву животных или же навязывают гриву лошадей.

Соленое озеро тоже называется *кен*, место, куда брошен взгляд аруахов или аулие.

Вообще скот, как единственное средство народа, ведет к разным поклонениям ему: не наступают на кости животных; если прольется молоко, киргиз все [очищает], чтобы не оставить их [под ногами] и чтобы умилостивить... делая крест и поклон...***) правую руку... к лбу, подбородку правому плечу, потом левому. То же делают, когда переходят через скотские джели****), говоря, что джели имеют кие и делают таут... Если увидят кузнечную наковальню, то тотчас подходят и делают крест. Не переходят через укрюк, топор и бакан*****), говоря: переступивший через бакан не разбогатеет******), переступивший через топор никогда не будет довольствоваться... лошади*******),

---

*) Пропущено одно слово.

**) В рукописи оставлено пустое место для казахского выражения «жан біреу ақ».

***) Тәу ету, жәут.

****) Привязь жеребят. В рукописи «джеили» — искажено переписчиком.

*****) Бакан подпирает чангарак — круглый свод [юрты] *(Ч. В.)*.

******) Бакан аттаған байымайды (народная поговорка).

*******) На полях карандашная пометка «джилки аулие» (лошади святые).

верблюды, бараны, коровы. Последнее животное, если попадается ночью, то киргиз должен ударить плетью, ибо это есть седалище злых духов. Козы также не уважаются. Если животное имеет какую-нибудь особенность, то его называют аулие*) и почитают выражениями счастья; лошади с гнездами на гривах и хвостах, которые делают, по понятиям киргиз, злые духи— шайтаны, почитаются также за предмет счастья [кут], таких животных никому не отдают: «счастье уйдет»,**) если отдают — только берут так называемый слекей — слюну. Например, у лошадей вырывают клочок гривы, ослюнивают в слюне животного и кладут в калту***). Не стреляют лебедей, боясь кие, и называют его царем птиц. Не бьют сову, филина, дятла, коккаргу (синяя ворона) и кукушку. Последняя была человек. Приехал жених, у него потерялась лошадь, сестра невесты отправилась в поиски и второпях надела один сапог жениха, другой свой; это было весной, вот отчего у кукушки одна нога красная, другая синяя, и вот почему кричит ат-жок-кокок (нет лошади, ку-ку). Кукушка имеет хасиет (священное). Берут ветку, на которой сидела кукушка, и бросают в сабу с молоком,****) говорят, что даст обильное масло.

Мухамеданская вера...*****). единобожием веру в танкриев и, допуская существование бесплотных душ, джин, периев и шайтанов, не могла уничтожить злых духов шаманских. Пери бывают мусульмане и кафиры; неверные пери всегда делают зло и бывают в образе коршунов, орлов; вторые делают зло тогда, когда человек сам [провинится], они кочуют, как киргизы, делают так и [они]******)... бывших в их аулах.

Джин — это дух, к которому обращаются баксы, это — бес, который имеет свои имена; они бывают мужчины и женщины, молодые и старые и, по увере-

*) Собственно «құт» — счастье.
**) Құт кетеді.
***) Т. е. в карман.
****) Предназначенное для масла и сырников. Это молоко называется эркыт (*Ч. В.*).
*****) Пропущено два слова.
******) Пропущено два слова.

нию баксов и народа, они имеют образ человеческий, об них скажем в статье о баксах.

Албасты — дух, вредящий при родах. Их называют также джезтернак — с медными когтями*). Их глава — сорель, вышины три сажени, небольшая грудь, а остальное все ноги, копыта очень тонкие. Болезни у мусульман называются джин. Он имеет вид рослой девки с распущенными волосами, с грудями такой величины, что всегда бросает на плечи.

Сорель — это леший. По некоторым сказкам — муж албасты; по некоторым сказкам, он принимает всевозможные формы; говорят, что он живет в дремучих лесах, имеет вид человека; обыкновенное человеческое туловище его так длинно, что он бывает равен с лесом. Убивает человека, измучив его щекотанием, это — русский леший.

Кон-аяк — это человек. Вместо ног имеет ремни, живет в лесах и [на] островах. Призвав неосторожного путешественника, садится на него, обвязывает его ремнями и ездит на нем до тех пор, пока [тот], выбившись из сил, не падет.

Джез-тернак — медные когти. Это дух в образе женщины, живет также в лесах. Предание о джез-тернаках.

В сказках существуют людоеды: предание о Батырхане.

При рождении дитяти бросают жертву в огонь, бросают сало, говоря: «У белого верблюда брюхо распоролось».

Если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая к аулу с криком ой баурум (о, мой родственник, баур — печень), устремляется на юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубить дерево юрты, босаги — косяки[68].

Есть жертва круговая — айналмак, жертва три раза обходит существо**), для которого люди [это] делают. Так, схватывают птицу, окружают три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все мое несчастие

*) Джезтернак — букв. «медные когти».
**) В частности, тяжело больного.

и болезни на себя. Человек, делая то же, принимает и предлагает себя духам. Для выражения любви они говорят *айналаин* — обойду вокруг. Нежная мать говорит любимому сыну: *айналаин* карагым (зрачок), шырагым (светильник), т. е. обойду вокруг зрачок, светильник [мой].

Все предсказатели у киргиз называются баксы...*) и все предсказания свои они говорят от лица своих духов, которых они, применяясь к настоящему мусульманству, называют перстe — ангелами, а народ, как правоверные, хотя и не верует в священность их**)... и хотя называет их джинами, но верует в их могущество, в могущество творить зло,—следовательно, все болезни и напасти суть влияние и порча духов; а баксы, их любимцы, могут упросить своих патронов оставить особу, которую он берет под свое покровительство. Впрочем, много еще таких, которые безусловно верят в сверхъестественность и божественность баксыев. Духи эти бывают великие, средние и мелкие, отчего баксы...***) и их силы бывают разные. Великие лечат всех больных...****), режут животы, помогают при родах, заставляя своего духа угнать албасты, гадают, призывая духа своего *игрою*. Признаки большого баксы суть следующие: во время игры кладет саблю в живот, впускает до эфеса в горло, лижет раскаленное железо, бьет из всей силы себя в грудь топором, и все это сопровождается игрою на кобызе, название инструмента, принадлежавшего аулие Коркоту, и пением, которое называется *сарн*. Игра — это призывание духов, кличка*****) их; во время игры [баксы] все более дуреет, делается неистовее и падает. Через несколько времени он встает и говорит то, что сказал ему во время этого обморока его дух. Это — пророчество. У некоторых [баксы] еще во время игры являются на лбу, на щеках железные иглы и на руках вместо ногтей —

---

*) В отдельных случаях в рукописи встречается «бакши». Оставлен «баксы», как более употребительный.

**) Пропуск в рукописи.

***) Пропуск в рукописи.

****) Пропуск в рукописи.

*****) Т. е. выкликание.

ножи. Духи эти имеют имена, как отдельные индивидуумы повсюду, и представляются своим баксыям в виде бабы, стариков, ходжей и девок — сары-кыз — желтая девка.

Гадатели. Все баксы суть гадатели на собственном их способе гадания — игрой с плетью, держа ее между двух пальцев...*) равновесия.

Женщины, имеющие духов, называются ильты**). Это тоже баксы.

Гадатели: джаурунчи — по бараньей лопатке, кумалакчи — раскладывают известным образом круглые шарики. Число шариков — сорок один. Это два рода общеупотребительные. Шарики, говорят, употреблял пророк Даниил (Данияр). Первое основывается на наблюдениях линий, которые образуются от линий при ее обжигании. Баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу *семи* народов: смерть царей этих народов, смерть людей, басбаки и судьбу путешественников.

Сильные те, которые гадают по необожженной лопатке. Для гадания употребляется лопатка; выварив, мясо съедают, но до кости не должно касаться зубами; когда бросают в огонь, то около не должно быть железа. Анекдот о предсказании одного кумалакчи об объяснении джаурунчи.

Ильты гадают обыкновенно по цвету пламени, бросая в огонь жир: если горит светло — значит предзнаменование хорошее, темно и красно — нехорошо. При этом джин требует какой-нибудь эксцентричности от баксы. Он все время пьет воду — ведро, или целый рог табаку.

Предсказатели и метеорологи называются *исебчи*— числитель. По их мнению, и погода имеет известный оборот, смотря по созвездию: так, берут всегда за *алфу* саратан, апрель, и созвездие *джауза* (рак), его первое число соответствует первому числу месяца карача(октябрь) и созвездию *каус* (август).

Из баксыев прославились баганалинец *Койлубай,*

*) Пропуск в рукописи.

**) Ильты — состояние полного опьянения или экстаза.

это патрон всех баксы. Еще *Балакай*, баганалинец, и в настоящее время в Кокчетавском округе баксы Чумен. Кокаман и Ир-Чайлан — это его духи. Ир-Чайлан главный Надыр-Чулак. Рассказывают, что он [Койлубай] на одну байгу поставил свой кобуз, предварительно с места приказал его привязать. Когда показалась далекая пыль байги, Койлубай с саблею в руках начал свою *игру* и пение *сарн*; вдруг со стороны байги показался страшный ураган и подул порывистый красный ветер, наконец, в хаосе пыли и тьмы показались первые лошади, и впереди саксауловое дерево с огромным корнем, задевая то одним концом, то другим землю и волоча за собой длинный аркан*). Это был кобыз Койлубая. Ветер и ураган это были силы его духа — Кокамана. Приз был получен.

Ни один дух баксыя из албасты, давителя при родах, не (имел власти при присутствии)* Койлубая: для албасты следовало Койлубаю послать только плеть или шапку, тотчас [албасты] оставлял. В народе до сих пор есть сказание об одном случае, когда *на лбу* [Койлубая] появились морщины...**) Глава духов его из периев был Надыр-Чулак, из джинов — *Кокаман* и из шайтанов — храбрый *Чайлан*. Духов своих он держал в строгом порядке: они составляли три куряна***) и по его требованию обязаны были выставить хорошо вооруженный отряд.

Все это сказание из уст народа.

Однажды во сне, по обыкновению — с докладом будущего, [Койлубаю] явился Надыр-Чулак, глава перов, и объявил ему, что через несколько дней при родах одной женщины будет сам царь албастыев и советовал ему туда не ездить, говоря, что уже довольно мы восстановили на себя собрание духов ради прихотей человека. Вставший наутро, Койлубай при разговоре сообщил поверхностное замечание, что на днях будут страшные роды. Действительно, через два дня явился гонец от такого-то бия, прося помощи Койлубая. Все

*) Аркан — длинная волосяная веревка.

**) В рукописи пропуск для вставки казахских слов: «Мандайы жиырылып».

***) Собственно «курен» — войско, дружина.

киргизы были уверены, что пока есть Койлубай, они защищены от всех напастей, кроме смерти, тагдыря (судьбы), и гонец явился очень веселый, в полной надежде на могущество Койлубая. Не ехать — значит потерять авторитет и показать свое бессилие против таких ничтожных чертей, каковы албасты, ехать — значит не уважать просьбы и советов Надыра и рисковать собой. Но честолюбие, великий двигатель народа киргизского, взяло верх, Койлубай отправился в путь, отпустил гонца вперед и приказал ему собрать двести человек около юрты больной, отворить в юрте двери и тюндук (верх юрты). Два вторых куряна в полном вооружении под начальством Кокамана и Чайлана...*) при нем Надыра не было: он был оскорблен и не поехал. Подъезжая к юрте, поднял гвалт и, размахивая саблей, въехал в юрту**) и устремил глаза, полные гнева и бесстрашия, на чанграк юрты, размахнул саблей. сабля ударилась обо что-то, звон был металлический... Койлубай крикнул и упал бездыханный с лошади, терзаемый ужасными конвульсиями. Изо рта и ушей струилась черная запекшаяся кровь. Больная, лежавшая прежде в самоунынии, упала в обморок. Когда Койлубай увидел на чанграке царя албастиев на черной, как черный бархат, лошади, закованного с головы до ног в синее железо, [с] одним глазом огромным, как чашка для кумысу, торчавшим на средине широкого лба,— он злобно улыбался на Койлубая и говорит: «Тебя мы уважали и дали много, но дай же хоть раз нам»,— и в руках держал огромное красное знамя — атрибут своей победы. Металлический звон был звоном его панцыря, он победил Койлубая.

Народ был в ужасе: Койлубай лежал, как издохшая лошадь среди степи, в юрте; какой-то туман покрывал юрты, и страшный сверхъестественный шум и гул смущал души людей. Это была ужасная битва между курянами духов койлубаевских и одноглазым царем албастиев. Черный скакун игриво вертелся под духом,

---

*) В рукописи несколько слов пропущено.

**) В рукописи первоначально «вбежал». Исправлено карандашом на «въехал».

и он твердо стоял на своем месте. Вдруг вдали подул страшный ветер, огромная черная туча с страшным громом, с ужасной быстротой неслась по воздуху и над юртой вдруг опустилась: мрак покрыл воздух, шум усилился, раздался треск, туча быстро направилась на запад. Это был Надыр-Чулак, он не мог перенести беду своего любимца, с отборной дружиной, с коротким сосновым копьем, груда-ломом, явился и вонзил копье в самую грудь одноглазого шайтана. Албасты бежал. Лишь только прояснилась туча, Койлубай вскочил с места, крича: «Айналаин (буду кружиться), Надыр-Чулак, я твоя жертва!». Схватил кобыз, начал играть, крича во все горло: «Схвати его живого и приведи его ко мне». Больная тоже вошла в себя: «Иншаллах, тауба» (слава богу, прости, боже!). Албасты были разбиты наголову, царь их полонен и, связанный, представлен к Койлубаю: его приняли в службу, назначив начальником албасты.

Одна из ранних работ Ч. Валиханова. Сохранилась в виде двух с незначительными расхождениями рукописных копий (одна более ранняя), содержащих много пропусков и искажений. Хранится в ЦГАЛИ СССР (ф. № 118, оп. 1, д. 491, лл. 1—7; ф. № 159, оп. 1, д. 179, лл. 199—204). Ранее опубликован в ЗРГО по отделению этнографии, XXIX, СПб, 1904 г.

О МУСУЛЬМАНСТВЕ В СТЕПИ*)

Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами еще много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши шаманы во многих местах степи еще не утратили своего значения. У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники так же энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину. (Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеймили позорным именем «войлочной книги»**), а наши языческие обряды, игры и торжества они называют не иначе, как бесовскими. Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и своих прозелитов нового учения, народность наша все более и более принимает общемусульманский тип. Некоторые султаны и богатые киргизы запирают жен своих в отдельные юрты, как в гаремы. Набожные киргизы начинают ездить в Мекку; а баяны наши вместо народных былин поют мусульманские апокрифы, переложенные в народные стихи. Вообще киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской

*) Заглавие работы установлено по Записке К. К. Гутковского и А. К. Гейнса, которые делают ссылку на эту работу Валиханова. «Дело Кирг. Степной Комиссии по составлению проекта Положения об управлении в Кирг. степях и Турк. крае». ЦГВИА, ф. 400, оп. Аз. ч., д. 6-а, л. 70.

**) По-казахски «киргиз-кітап».

цивилизации*) не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский.

Как ни гадка**) византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, и правительство должно нам в этом помочь. Для него это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские. Затем реакция обнаружится сама собою. Было время, когда русское правительство считало распространение европейского просвещения между некоторыми иноплеменными народами своими почему-то невыгодным для себя. По крайней мере такой политики держалось оно и в отношении кавказских мусульман и киргиз. Горцы и киргизы не допускались в кадетских корпусах на специальные классы, где преподаются военные науки. Закон этот теперь отменен, следовательно, признан ложным. По нашему мнению, Шамили и Абделькадеры могут являться только в странах мусульманского образования. Только истинное знание дает спасительный дух сомнения — и только оно научает его ценить жизнь и материальное благосостояние. С того времени, как правительство Соединенных Штатов стало цивилизовать ирокезов, гриков, шактоусов и других краснокожих, индейские войны почти в этой стране прекратились. В Соединенных Штатах с 1858 года основано 162 школы для ин-

*) В цитате Гутковского и Гейнса этот тезис читается так: «В мусульманстве мы видим свою гибель. Мы... народы монгольского типа, к числу которых принадлежим и мы, способны к полному восприятию европейской культуры».

«Дело Кирг. Степной Комиссии», ЦГВИА, ф. 400, оп. Аз. ч., 6-а, л. 70.

**) Вместо зачеркнутого «непривлекательна».

дейцев и образован индейский фонд для вспомоществования диким, желающим принять оседлость.

Ислам не может помогать русскому и всякому другому христианскому правительству, на преданность татарского продажного*) духовенства рассчитывать нельзя. Факт этот становится соблазнительно ясным, если принять во внимание отложение крымских татар во время кампании**) 1854 года. Казанские татары расположены к России столько же, сколько и крымские. Распространению в Средней Азии и в Китае нелепой басни о том, что султан раздает короны европейским государям, что русские платили Блистательной***) Порте дань и проч., мы обязаны казанским татарам. Эти несчастные фанатики смотрят на султана так же глупо, как католики на папу, и не понимают, что нынешние наместники халифов столько же похожи на Солеймана и Амурата, как святейший отец Пий на Григория VII и Инокентия IV. Татары в старое время, когда ислам на берегах Волги не был в такой силе, как теперь, служили России и на ратном поле и в земском деле. Царь Шигалей командовал русскими войсками во время Ливонской войны, а царь Петр Казанский был земским царем во время опричнины. По мере распространения ультрамусульманского направления участие татар в государственном деле Русского царства заметно слабеет. При Петре татары пристают к партии недовольных. В наше время татарские князья и мурзы служат приказчиками у своих единоверцев, а если и вступают в государственную службу, то не иначе как в земскую полицию и, вероятно, потому, что здесь можно некоторым образом подвизаться за веру. Словом, со времени присоединения Казани и Астрахани к царству русскому, значит в продолжение трехсот с лишним лет, [они] не дали своему отечеству хоть сколько-нибудь известного деятеля.

Нет никакого сомнения, что причиною отчуждения татар от русских и причиною всех плачевных явлений

---

*) Написано над строкой.
**) Тоже.
***) Тоже.

был магометанский пуританизм, другой причины не могло быть.

И у нас в степи все благодетельные меры правительства, все выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов именно вследствие того, что они парализуются возрастающим религиозным изуверством. Киргизы наши теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде. О вреде мусульманского изуверства и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов, после всего сказанного нами выше, мы считаем излишним распространяться. Известно, что и в Европе преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

В последнее время сибирское начальство, кажется, начало сознавать ошибочность прежней покровительственной системы в отношении ислама. В этом также утверждает нас одна важная мера, принятая в 1862 году областным начальством в отношении киргиз, принявших христианство. В учреждениях об управлении Сибирскими киргизами было узаконено, чтобы крещеных киргиз записывать в мещанское и казачье сословие, если они того пожелают, или не оставлять их в степи на прежних инородческих правах. Но до 1861 года всех крещеных киргиз записывали в мещане и в казаки, вероятно, для того, чтобы удалить от прежней среды и тем самым дать им возможность укрепиться на лоне новой веры. Мера эта, похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была величайшей ошибкой, ибо пример крестившихся киргиз с удалением из степи делался для киргизского народа беспоследственным. Мы не имеем никаких данных о числе киргиз, принявших православие со времени основания внешних округов, но, надо думать, что число это было не незначительно. В некоторых казачьих станицах почти половина населения состоит из крещеных киргиз, например: в Ямышевской, Чистой и в некоторых других. В 1861 году или в 62 году, хорошо не помним, областное начальство в первый раз дозволило некоторым крещеным киргизам оставаться в степи на прежних инородческих правах. Мера эта, по наше-

му мнению, должна в будущем принести немаловажную пользу киргизскому народу. Киргизы до сих пор думали, что сделаться христианином — значит сделаться казаком или мещанином. Теперь же, вследствие совместного житья и смешанных браков, религиозная вражда будет смягчаться, и крещение не будет, как прежде, разрывать родственных связей.

Приняв такую важную меру в интересах христианства, областное правление должно было принять вместе с тем и репрессивные меры в отношении ислама, ибо без этого невозможен успех христианства.

Мы далеки от того, чтоб советовать русскому правительству вводить в степь христианство каким бы то [ни было]* энергическим путем, точно так же не предлагаем ему преследовать ислам; подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам. Христианство, вводимое между инородцами сибирскими через наших миссионеров и священников, по свидетельству компетентных людей, идет крайне неуспешно, и — что всего важнее — оказывает на народ не совсем благодетельное влияние. Остяки убегают от православия в леса и так боятся проповедников русской веры, что скорее обращаются в ислам, чем в православие. Кастрен говорит, что остяки потому не селятся по берегам Оби, богатой рыбою, что боятся русской веры, русских миссионеров. Еще князь Щербатов говорил, что инородцы жаловались ему на бесчеловечие и мздоимство попов своих, кои только грабить и мучить их приезжают («Очерки Сибири», «Библиотека для чтения», октябрь, 1862 г.)

Гонение придает преследуемой вере, как замечено не раз, еще больше энергии и жизненности. Русский раскол представляет в этом отношении поучительный пример. Но мы просим и требуем, чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию, и не вводило бы насильственно в степь теологических законов, основанных на страхе и побоях. В силу представленных нами аргументов, достаточно рельефных, для пользы киргизского народа и в интересе самого правительства, по нашему мнению, необходимо принять теперь же по примеру Оренбург-

Рис. 16. Казашки у колыбели

ского начальства, систематические меры, чтобы остановить дальнейшее развитие ислама между киргизами нашей области и чтобы ослабить, а если можно — совершенно устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей, тем более, что предоставляется правительству прекрасный случай сделать важный шаг на этом пути, уничтожив действие мусульманских законов в нашей области, согласно желанию самого киргизского народа. Затруднения при исполнении этой меры не может быть, ибо брак у магометан не есть таинство, а есть частный договор.

Вероятно, причиной, побудившей правительство дела о браках и разводах предоставить муллам, был грубый обычай киргиз — отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большею частию без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели. Нам кажется, что обычай этот мог быть изменен и без участия мусульманского духовенства, следовало только предписать старшим султанам и управителям под страхом ответственности иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали доче-

рей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в брак без личного их согласия и проч. Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалоб, поступающих и теперь по брачным делам, указывает, что мусульманский шариат был совершенно бессилен против укоренившегося обычая. Пользуясь возникшим вопросом о духовном суде, можно было бы предпринять коренные реформы в духовном управлении нашей степи.

1-е. Отделить киргизскую степь от ведомства Оренбургского муфтия, как народ, различающийся от татар по исповеданию веры, и назначить особого областного ахуна, который бы состоял, подобно советнику от киргиз, при общем присутствии областного правления.

2-е. Утвердить в звании мулл только коренных киргиз или киргизских ходжей, если будут настоятельные просьбы о том со стороны народа.

3-е. Не назначать мулл более одного в округе, а должность указных в волостях упразднить.

4-е. Не дозволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии к татарским семинаристам, жить в кочевьях киргиз без определенных занятий, и иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишеских и мистических обществ подобно тем, которые существуют теперь в Баян-Аульском и Каркаралинском округах*).

Но против такого зла, как ислам, недостаточно одних палиативных мер. Отнятие судейских прав не лишит мулл того влияния, которое они будут иметь как священники.

Кроме мулл у нас много и других вредных шарлатанов. Мы говорим о татарах и среднеазиатцах, которые занимаются медицинскою практикою. Если б они пользовали доверчивых киргиз безвредными травками, мы не стали бы об них и говорить. Но дело в том, что господа эти лечат не иначе как насмерть, от всех грудных болезней употребляют они чилибуху**), а иногда и

*) В рукописи «отрядах», искажение переписчика.

**) Чилибуха — корень лекарственного растения.

сулему, от сифилитических болезней дают ртуть и киноварь в такой ужасной дозе, что больные большею частию отравляются. Кровопускание делают всем и каждому без всякой причины потому только, что Мохаммед заповедал это в коране. Наконец, в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравление плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлениями не считаются. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся. Но мы бы мало согрешили против правды, если б сказали, что половина совершеннолетних киргизских девиц, способных к плодотворению, не раз были преступны в детоубийстве. Обычай этот тем более ужасен, что прелюбодеяние в девичьем состоянии у киргиз не составляет большого порока и не приносит грешной такого позора и бесчестия, как в обществах европейских. А что делают киргизы с роженицами? Вследствие ли ранних и излишних половых наслаждений, или по узости таза, что, вероятно, происходит от постоянной верховой езды, роды у киргизок бывают большею частию трудные. Киргизы же ненормальные роды приписывают навождению злого духа и потому бьют, пугают рожениц, тянут им язык. Понятно, что при таких диких понятиях и, наконец, при совершенном отсутствии акушерок и бабок, много беременных женщин умирают от родов или побоев. Много гибнет народу от тифа, от простуд, от сифилиса и других болезней оттого только, что некому подать больному разумную медицинскую помощь. У нас полагается один доктор на округ и, кажется, для того только, чтобы писать медицинские свидетельства и рассекать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их более, чем остяки священника. На доктора киргизы смотрят, как на чиновника и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются.

Написана не ранее 1863 г. Публикуется по рукописной копии ЦГАЛИ, фонд 118, оп. 1. д. 479, лл. 1—8.

Рукопись написана на бумаге в лист; чернила и почерк

копировщика те же, как в «Записке о судебной реформе», т. е. почерк очень похожий на почерк отца Чокана, сохранившийся в официальных документах того времени.

В рукописи имеются вычеркивания и отпечатки пальцев наборщиков, из которых можно судить, что при первом издании этой работы текст набран непосредственно с этой рукописи.

Рукопись публикуется в первоначальном варианте, без учета редакции проф. Н. И. Веселовского.

ЗАПИСКА О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

В последнее время правительство наше деятельно занялось преобразованиями в нашей администрации, в судоустройстве и обратило особенное внимание на народное образование.

Некоторые из этих реформ коснулись и нашей степи, как например реформа судебная. Преобразования в судебной части, вероятно, поведут к изменению прежнего административного строя нашей области и, нет сомнения, что вместо сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса, будет образовано в округах управление более народное*) и на началах самоуправления, которое принято теперь и для русских сельских и городских общин.

Ввиду таких важных преобразований, готовящихся для моей родины, я считаю долгом представить (благоусмотрению вашего высокопревосходительства, как главному начальнику киргизского народа) некоторые мои соображения и заметки (относительно судебной административной реформы и отчасти касательно народного образования)*.

Россия в числе сыновей своих имеет немало народностей иноверческих и инородческих, которые ведут образ жизни, диаметрально противоположный образу

*) Слово «народное» по цензурным соображениям зачеркнуто и надписано рукой Ч. В. «рациональное». Редакция восстановила первый вариант.

жизни коренного русского населения, имеют нравы и обычаи, диметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени. Понятно, что преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, [если будут] всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России.

Вероятно, вследствие этих соображений и был командирован советник областного правления Яценко для отобрания «от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов» их мнений относительно предполагаемых для области преобразований по судебной части.

Но мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято, как выражение действительной народной потребности. На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже*) в обществах высокоцивилизованных,**) бывают, большею частью, враждебны интересам массы, большинства. Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, потому мотив и направление народных мнений зависит от тысячи***) обстоятельств, и от обстоятельств, по-видимому,****) мелких, ничтожных.

Человек дикий и неразвитый подобен ребенку, неумеющему вполне владеть своими внешними чувствами. Ему, как ребенку, трудно согласовать ощущения свои с действиями. Хотя стремление к улучшению внутренних и внешних условий жизни и присуще человеку и было ему присуще во все века и у всех народов, но тем

---

*) «Даже», вместо зачеркнутого «особенно» рукой Ч. В.

**) Слово «неразвитых» зачеркнуто и надписано рукой Ч. В. «высокоцивилизованных».

***) После «тысячи» написано «случайных», которое по цензурн. соображен. зачеркнуто.

****) Первый вариант «по-видимому, самых ничтожных» при авторском просмотре «самых» заменено словом «мелких».

не менее для достижения этой конечной цели нужно, чтобы человек имел настолько знания и сведений, чтобы мог понять всюду, от каких причин может зависеть его благосостояние, отыскивая путь к лучшему, и в этом отыскивании пути понятно, что он больше ошибался, принимая ложь*) за истину, зло за добро. Не понимая ни сам себя и не имея никаких положительных сведений об окружающей его природе, он**) не раз вредил сам себе, не раз поднимал сам на себя убийственную руку. Древняя история представляет нам в этом отношении много поучительных примеров. Племенные условия организма, условия среды, климата и почвы — вот единственные условия, единственные данные для безошибочного решения вопросов о народных реформах. В наше время нет вопроса общественного, который был бы так важен, как вопрос о народных реформах. От удачных и неудачных реформ зависит вся будущность народа, в них заключается его «быть или не быть»***). Реформы бывают только тогда удачны, когда они правильны, т. е. тогда, когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественного организма. Реформа такого рода должна поощрять и ни в каком случае не останавливать.

Все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительств подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие. Современные наши историки недаром все наши общественные болезни и аномалии приписывают сокрушительному и антинародному духу Петровской реформы.

Вообще из сказанного нами не следует думать, что-

---

*) Слово «призрак» зачеркнуто рукой Ч. В. и заменено словом «ложь».

**) Вместо «он» написано «человек младенчествующий», зачеркнутое рукой Ч. В.

***) «Его благосостояние» зачеркнуто рукой Ч. В. и усилено фразой «в них заключается «быть или не быть».

бы мы принадлежали к последователям той узкой [теории]*) народности, которые смотрят на народность, как на нечто предопределенное от начала, и думают, что она...**) должна развиваться только сама из себя. Напротив, мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре. Культура может изменить организм человека к лучшему, как культурный уход улучшает породу домашних животных. Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему. Организм не может принять того, до чего он не дорос***).

В 1822 году Сперанский[69] составил Сибирское уложение, которое было в 1824 году введено в киргизскую степь. Народ неграмотный, кочевой, с своеобразными понятиями и обычаями был подчинен, ни с того ни с сего, бюрократической централизации со всеми ее мудреными инстанциями, атрибутами и называниями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, но и русским.

Вместе с приказами, заседаниями, журналами исходящими и входящими навязывали нам татарских мулл и татарское просвещение. Реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса****).

Мы сочли нужным сделать это длинное и, может быть, несколько докторальное вступление потому, что комитет, составленный при областном правлении для

---

*) Слово «теория» в рукописи пропущено, видимо, по вине копииста.

**) Пропущено одно слово.

***) Этот тезис дописан рукой Ч. В.

****) Начиная от абзаца «Человек дикий и неразвитый подобен ребенку» и до сих пор (лл. 71—72 и 75) подвергнуты значительным исправлениям, внесенным рукой Ч. В., а затем все это вновь зачеркнуто и представлено в другой редакции, пришитой к этому месту (лл. 73—74).

решения вопроса о судебной реформе в области сибирских киргизов, очевидно, был мало знаком не только с теми научными фактами, которые теперь приняты всеми за аксиому, но и вообще с тенденциями и требованиями нашего времени, ибо основал свой вывод на одних народных мнениях, собранных от «знатных»*) киргиз одним из членов комитета советником Яценко.

Народные мнения, как мы заметили выше, есть не что иное, как лепет неразумного дитяти, и потому народы неразвитые совершенно справедливо называются младенчествующими, мнения же султанов и биев еще менее заслуживают уважения, ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия**). Вопросы же о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное — «быть или не быть».

Изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем, принадлежит нам, киргизам. Мы занимаем одну обширную сплошную территорию, между тем как другие инородцы разбросаны среди русского населения. Нас считается в русском подданстве до $\frac{800}{т}$ а с неверноподданными нашими соплеменниками мы превышаем миллион, тогда как всех татар в Европейской России, включая в это число башкир, ногайцев и киргиз Букеевской орды, полагается едва один миллион. Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более не менее, как торговля наша: на

*) Слово «знатных» написано над строкой.

**) Этот тезис написан три раза и восстановлен два раза. Из характера рукописи видно, что эта мысль Чокана смутила его отца Чингиса, очевидно предложившего Чокану несколько смягченную редакцию, которая Чоканом была принята.

Первая редакция гласит: «Что же касается до мнений султанов и биев, то нигде они *не заслуживают* уважения, потому что интересы многочисленного сословия (народа) выше выгод малочисленных султанов и биев».

Второй вариант: «Что же касается до мнений султанов и биев, то они еще *менее заслуживают* уважения, ибо интересы целой нации выше выгод малочисленного отдельного сословия» [курсив наш].

долю Бухары, Коканда и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе. Народ наш, наконец, не так дик и груб, как думает об нем русское общество.

Очень часто случается нам читать и слышать фразы вроде: «Что за киргиз-кайсацкие нравы! Это простительно какому-нибудь киргиз-кайсаку» и проч. Замечательно, что в подобных обидных для нас случаях народ наш всегда называется киргиз-кайсацким, а когда же нас хвалят, то называют просто киргизами или просто кайсаками. Из этого надо думать, что мнение о необычайной дикости и грубости нашей основано единственно на вокальном варваризме слова киргиз-кайсак. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства. В этом отношении мы уступаем только бурятам, но и то потому, что буряты имели счастье принять самое гуманное и высокое учение — буддизм...*).

Народ наш имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств растительную**) литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны *все* наши надежды на будущее. Сверх того мы связаны с русскими историческим и даже кровным родством.

Судьба миллионов людей, подающих несомненные***) надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское — быть или не быть. Отсутствие разумного самозащищения и всякого

*) Зачеркнуты две с половиной строки.
**) Искажение переписчика, может быть «замечательную».
***) Приписано над строкой.

рода пассивность по причине*) неразвитости обязывает правительство в отношении нас быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным.

Только вследствие невнимательности, которая, надо сказать, в отношении нас, киргиз, вошла уже в привычку областного начальства, комитет, бывший при областном правлении, мог принять без всякой критической оценки мнения султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ и только по укоренившейся невнимательности мог утвердить в своем проекте те ненужные и вредные для большинства**) преобразования и изменения, которых добивался привилегированный класс киргизского народа, и которых не хотел простой, или, как выражаются степные аристократы, «черный» киргизский народ. Для правильной оценки народных мнений стоило только комитету вникнуть в сословные отношения киргиз и в отношения их к русскому правительству. Наконец, комитет имел под рукою достаточно исторических и статистических фактов, чтобы поверить эти голословные мнения. Статистика и те данные, которые заключаются в делах областного правления, при всей их скудости***) заслуживают гораздо большего уважения и вероятия, чем мнения невежественных и диких аристократов невежественного и дикого народа.

В этой записке мы берем на себя смелость разъяснить и рассмотреть вопрос о судебной реформе в нашей области на основании более точных фактов и наблюдений****). Мы пользовались и некоторыми*****)

---

*) Слово «по причине» написано над зачеркнутым «вследствие».

**) В первом варианте написано: «те ненужные и ложные преобразования», здесь «ложные» зачеркнуто; во второй редакции рукой Ч. В. написано: «ненужные и вредные для народа преобразования», но по цензурным соображениям слово «народ» зачеркнуто и заменено словом «большинства».

***) Приписано рукой Ч. В.

****) Тезис «На основании более точных фактов и наблюдений» написан рукой Ч. В. в замену фразы: «Именно с вышеизложенной точки зрения».

*****) Фраза написана рукой Ч. В. вместо зачеркнутого «Главным источником для наших выводов будут» и т. д.

статистическими и историческими данными, взятыми из дел областного правления и окружных приказов.

Чтобы дать правильный взгляд на значение народных мнений, чтобы выставить их в истинном свете, я, как помощник и сотрудник г. Яценко в возложенном на него поручении, считаю необходимым начать свои заметки подробным и точным обзором*) всех обстоятельств, сопровождавших род наших занятий. Начинаю с того, как отбирались нами народные мнения и при каких условиях.

Во-первых, показания давали волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками. Народ, т. е. не богатые, не чиновные и не титулованные киргизы, в даче мнений и в совещаниях по этому предмету участвовали очень мало, можно сказать, вовсе не участвовали. Чтобы удостовериться в справедливости этого факта, стоит только посмотреть на печати и тамговые знаки, приложенные к показаниям: там все султаны и старшины. Простые киргизы по отдаленности летних кочевок от мест, где учреждены приказы, приезжают на ревизию только по крайней необходимости и по окончании ревизии, истощив свои скудные запасы, тотчас же уезжают. Удерживать народ для совещаний почетные киргизы, кажется, не старались, по привычке заочно располагать голосами и мнениями своих родичей, да и удержать голодных киргиз было бы для них не так легко. Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года и участвовавшие при первых совещаниях по нашему делу, через день и два уезжали тайно в свои аулы, оставив печати в чужие руки, чтобы приложить их к народному решению, каково бы оно ни было. Затем оставались при приказах, как было уже замечено, одни ордынские чиновники и честолюбивые богачи. И эти лица при чтении проекта обнаруживали непростительное равнодушие, некоторые даже засыпали. Вообще никто из киргиз, за небольшим исключением, не

*) В копии списка написано «образом».

понимал или не хотел понять, в чем дело и чего от них хотят[70].

Причины такого непонятного равнодушия киргиз в этом важном народном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительству. Они сомневались в нашей искренности и думали, что спросы наши делаются для одной только формы или с какой-нибудь другой, невыгодной для них целью. В каждом действии русского начальства киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободу и льготы. И это очень понятно, потому что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих русских заседателей.

Объяснение мое может показаться для многих чем-то крайне сомнительным, пожалуй, найдутся и такие господа, которые будут обвинять меня в клевете на свой народ,— я бы мог представить в оправдание свое множество примеров, где подозрительность киргиз и недоверие их к русскому правительству и к русским чиновникам*) (что в понятии киргиз одно и то же) выражалось в еще более мелочной, в более ребяческой форме.

В сороковых годах поручено было одному из чиновников бывшего пограничного правления Сотникову собрать юридические предания киргиз и их судебные обычаи. Этот чиновник, вероятно, желая начать сборник свой преданиями более древними, стал расспрашивать киргизских родоначальников, предварительно собрав их в приказы, откуда происходит и как сформировался киргизский народ и что значит слово казак? (так сами себя называют киргизы). Киргизы стали рассуждать, к чему все это от них спрашивают и какая может быть польза русскому правительству от знания их происхождения. Какой-то проницательный кайсак заметил, что, вероятно, их хотят обратить в казачество, так как предки их, по преданию, были казаки. Мысль эта показалась для всех до того ясной и вероятной, что они

*) Речь идет о царском колониальном аппарате.

скрыли от г. Сотникова настоящее предание о «казаках и трех сотнях» и показали себя выходцами из Турции или Аравии. Долго в степи ходила молва, что Сотников хотел обратить их в казачество.

Мы с своей стороны не только не могли внушить киргизам должного доверия, но, говоря правду, сами возбуждали в них обычный их скептицизм. Привожу факты: является многочисленная толпа киргиз знатных и незнатных, словом, все киргизы, бывшие в это время в станицах и городах, где расположены приказы.

Во всех округах первый ответ был один и тот же и выражался всеми собравшимися единодушно: «Суд биев и съездов их, говорил народ, существует у нас издавна и заключают в себе все начала мирового суда, предлагаемого ныне русским правительством. Суд этот, продолжали собравшиеся киргизы, вполне удовлетворяет условиям нашего народного быта, поэтому суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме». Это, очевидно, было решение народа en masse*), решение кругов. Но г. Яценко, вероятно вследствие правительственных инструкций и указаний, замечал, что в мнениях своих они должны соображаться с основными положениями общего проекта преобразования, например: нужно, чтобы число биев было определено положительной цифрой, нужно, чтобы бии были по выборам и проч.

Киргизы смущались, недоверие быстро овладевало толпой, начинались споры, совещания, и народ просил отсрочки. С шумом киргизы уходили на улицу, собирались в новые круги и через несколько времени возвращались к нам в другой раз, но в гораздо меньшем числе. Второе показание начиналось, обыкновенно, добавлением, что «... суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме, допустив некоторые применения и дополнения сообразно духу времени и обстоятельствам».

Добившись этой уступки, мы читали им пункты «проекта» относительно правила избрания и относительно обязанностей мировых судей.

---

*) Т. е. в целом, массовое, большинства *(франц)*.

Киргизы на каждый пункт делали свое мнение и всегда противоположное смыслу первого своего показания, т. е. не добавляли и не применяли, а прямо разрушали и уничтожали суд биев, о сохранении которого всецело просили сами. Мнения эти выражались устами нескольких биев и чиновных лиц, а остальные почетные ордынцы ограничивали свое участие одними одобрительными жестами. По временам возникал в среде представителей народа крикливый диспут. Биям хотелось, чтобы их избирали на более продолжительный срок, чтобы им предоставили право принятия и решения дел по личному усмотрению и право участвовать в исполнении решений; хотелось биям, чтобы решения их в известных случаях не подлежали обжалованию, словом, корпорация киргизских судей стремилась к тому, чтоб киргизского бия, судебного практиканта, обратить в мирового судью, судебного чиновника. Волостные управители, по инстинкту самосохранения, горячо противились биям, видя в них прямое посягательство на чиновническую власть, принадлежащую теперь им.

После взаимных уступок дело при посредничестве старших султанов улаживалось таким образом, что бии не могли мешать управителям, управители — биям а управители и бии — султанам. Почетные ордынцы — не чиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплуатировать простой народ.

Из приведенного очерка наших работ по судебной реформе в области Сибирских киргизов можно ясно усмотреть, что желание большинства массы народной заключалось в том, чтобы оставить суд биев в древней народной форме, а личный интерес чиновных, титулованных и богатых киргиз, напротив, в том, чтобы изменить суд биев в его основе.

Факт этот требует особенного внимания при дальнейшем рассмотрении вопросов судебных реформ в степи и знаменателен еще тем, что дает нам поучительные данные, как бесцеремонно богатые и почетные киргизы относятся к небогатым и непочетным

своим родичам. Красноречивый пример бесцеремонности почетных киргиз к непочетным я имел случай заметить в Каркаралах. Там бии и султаны дали мнения свои, не посоветовавшись с «черным народом», и, между прочим, показали, что для их округа нужно назначить четырех главных биев, каких-то биев над биями. Мнение это, как оно ни было нелепо, я должен был внести в записку, и когда записка эта переписывалась в приказе, квартира моя была осаждена многочисленной толпой конных и пеших киргиз. Народ требовал уничтожения статьи о «биях над биями» и до тех пор не расходился, пока требование его не было исполнено. Дело в том, что двое каких-то почетных старшин, имевших должности: один заседателя, а другой управителя, были удалены за лихоимство по просьбе народа от занимаемых мест, и вот киргизские власти, вероятно, желая показать участие к собрату и пренебрежение к народу, решились для этих лихоимцев выдумать должность «бия над биями» и тем самым вызвали демонстрацию со стороны простого народа.

Мы надеемся, что всех этих acta et facta*) достаточно, чтобы видеть всю фальшивость и ложность знаменитых народных мнений. Комитет видел в этих мнениях потребность реформ и преобразований в суде биев, который, по показанию знатных ордынцев, не вполне будто бы удовлетворяет современному социальному развитию киргизского народа; но мы же, считая себя в этом случае в качестве очевидца более компетентными, видим в этих мнениях интриги и низкие побуждения, с одной стороны, равнодушие и пассивность — с другой, невежество и дикость — с той и другой стороны.

Упрекая киргизскую знать в голословности, мы сами не будем голословны. С этой целью мы рассмотрим теперь суд биев в его сущности, чтобы увидеть смысл и характер этого института. Затем, на основании статистических и других достоверных фактов, постараемся определить, в какой степени суд биев удовлетворяет

*) «Актов и действий» зачеркнуто, дано acta et facta, т. е. на латинском языке.

или не удовлетворяет современному развитию киргизского народа, и в заключение для окончательного вывода сравним, насколько суд биев согласуется с главными началами проектированного русским правительством мирового суда и в какой мере последний применим к быту киргиз (или не применим вовсе)*.

СУД БИЕВ В ДРЕВНЕЙ НАРОДНОЙ ФОРМЕ

1. Возведение в звание бия не обусловливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное*) звание. Чтобы приобресть имя бия, нужно было киргизу не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всему и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов**).

Мы можем представить многочисленные примеры такой наследственности звания биев в киргизском народе. В каракисецком роде Средней орды в конце XVII века***) был известный бий Казбек[71], потомство его до сих пор носит звание биев.

Казбек
↓
Бекбулат
↓
Тленчи
↓
Алчинбай

*) Надписано рукой Ч. В.

**) Здесь рукой Ч. В. поставлен знак Nota bene «в этой же строке». Очевидно, он хотел дополнить свои тезисы другими данными.

***) «... и в начале XVIII столетий» зачеркнуто.

Впрочем из этого вовсе не следует думать, чтобы звание биев было у киргиз когда-либо наследственным. Бий Чорман, сын богатого и знатного киргиза Карджасского рода, но не бия, Чорман, у которого предки никогда не были биями, тринадцати лет приобрел это звание, выиграв важный родовой процесс на одном народном сейме, и до смерти своей назывался Чорман-мальчик. Мы знаем много киргиз, которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания.

2. Закон родового быта, по которому члены одного рода считались как бы членами одного семейства, был причиною [того], что бий — однородец в процессе своего родича с членом другого рода мог быть только адвокатом у своего однородца, но не судьей его. Понятия родства распространились у киргиз и в отношении отдаленнейших поколений. Например, Средняя орда разделяется на шесть главных родов: аргын, кыпчак, конрад, найман, увак и кирей, которые находятся между собой в отношении братьев, посему истец конрадского племени в процессе с ответчиком из племени аргын имел полное право отстранить от суда всех биев Области Сибирских киргизов, как однородцев, следовательно, и приверженцев своего ответчика, исключая биев баганалинских, кипчаковских, уваксих и киреевских, составляющих всего около пятнадцати волостей в области. Эта особенность родового быта киргиз послужила основанием права свободного выбора со стороны тяжущихся для разбора своего дела биев из всех лиц, носящих это звание на пространстве всей киргизской степи, чтоб доставить им полную возможность выбрать вполне беспристрастного судью.

Так, в 1758 году султан Барак, один из сильнейших владельцев Средней орды, убив Абулхаира,[72] хана Меньшей орды, избрал для суда над собою четырех биев из биев всего киргизского народа. В числе его судей были: Тулебий от Большой орды и Айтек — от Малой.

Кочевой образ жизни, способствующий быстрым передвижениям с места на место и частым столкновениям одних родов с другими, привычка киргиз к разъ-

ездам и путешествиям, беспрестанные съезды биев и других почетных ордынцев*) из отдаленных мест на поминки, байги и на другие народные собрания и сборища — давали и дают теперь киргизам легкую возможность отдать свое дело на суд инородного бия или на суд какой-нибудь проезжей известности. Вообще киргизы любили и любят судиться у проезжих биев или у лиц, совершенно им не знакомых, чем у биев соседственного племени, с которыми у них есть частые сношения, следовательно и родовые счеты.

3. Из воззрения на дело суда, как на дело частное, относящееся только до интересов тяжущихся, явился обычай за труд, принимаемый на себя бием, в известных случаях вознаграждать его штрафом, «бийден бийлегі»**), с тяжущегося, признанного по суду виновным.

4. Этот же взгляд на бия, как на частного практиканта, а на суд, как на частное дело, было причиною того, что киргизские бии могли принимать к своему производству и решению дела не иначе, как по просьбе тяжущихся или по сообщению административной власти и по той же причине не могли участвовать в исполнении своих решений.

5. Понятно, что такой свободный взгляд на суд и на судью не мог ограничивать право обжалования, и киргизам предоставлялось это право в самых широких размерах.

6. Но самую замечательную черту суда биев составляет, конечно, следующий обычай когда: нет***) против обвиняемого****) явных улик, но есть только*****) сильное подозрение, то бии прибегают к посредничеству частных родовичей, которые присягой обвиняли

*) Написано рукой Ч. В. вместо зачеркнутого «киргиз».

**) Бийдің бийлігі — вознаграждение за решение бия.

***) Все глаголы в шестом пункте переправлены автором в прошедшее время.

****) Слова «против обвиняемого» восстановлены по второму варианту этой записки. См. ЦГАЛИ СССР, фонд 159, оп. 1, д. 179, л. 124-об.

*****) «Только» дается по тому же варианту, л. 124-об.

или оправдывали подсудимого. Число этих «присяжных» и круг для*) их выбора обусловливался важностью рассматриваемого дела. Таким образом, присяжные выбирались иногда из близких соплеменников подсудимого, а иногда из целой волости или из целого округа.

7. Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру. Он был в таком уважении у народа, что не требовал и не требует до сих пор никаких дисциплинарных мер.

Вот суд биев, бывший в степи до основания окружных приказов в кочевьях Средней киргиз-кайсацкой орды.

Рассматривая внимательно суд биев, действующий теперь у киргиз нашей области, мы видим, при всем нашем желании найти что-нибудь новое, прививное, те же формы, те же начала древнего народного суда, которые мы изложили выше. Суд биев, несмотря на пятидесятилетнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть, за тысячу лет до нас. Стало быть ни внутренняя инерция народа**), ни влияние русских учреждений и законодательств не могли изменить его древних и простых форм, хотя русское правительство не раз думало дать ему более прочную, более официальную организацию. С этой целью был издан закон 1854 года, которым было поставлено: «звание биев оставить за теми, кто им пользовался до 19 мая 1854 года; на будущее же время предоставить оное только султанам и аульным старшинам, прослужившим в этих должностях не менее 6-ти лет и отправлявшим какие-нибудь должности или чем-нибудь всемилостивейше награжденным, и не иначе, как по выбору общества и с утверждения окружного приказа». (94 ст. том II, часть 2. «Учр. об управлении иногородцами»). Этот неудачный закон, имевший целью возвысить звание биев***), дав им чиновничье значе-

---

*) «Для» также по второму варианту, л. 124-об.

**) Слово «народа» вставлено рукой Ч. В.

***) «Дать биям» зачеркнуто, исправлено рукой Ч. В. «...возвысить звание биев, дав им...»

ние*), но прямым**) последствием которого было бы то, что звание биев***) перешло бы непременно в руки честолюбивых богачей, положительно не сведущих в народных обычаях и правах,— к счастию киргиз, не имел никакого влияния на их народный суд, потому что число лиц, бывших биями до 19-го мая, оказалось и оказывается до настоящего времени достаточным для отправления у киргизского народа правосудия. Таким образом, древнейший суд биев действует и поныне в киргизской степи на тех главных началах, на которых действовал он до принятия киргизами русского подданства.

Если сорокалетнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства (например, законодательство 1854 года); ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа.

Удовлетворительность суда биев****) самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно, незначительностью жалоб на первоначальное решение биев и почти совершенным отсутствием просьб от киргиз о производстве дел, подлежащих ведомству биев, по русским законам.

По справкам из дел окружных приказов видно, что в Каркаралинском, Кокчетавском и Баян-Аульском округах жалоб на несправедливое решение биев и просьб о постановлении решений по русским законам в приказы этих округов*****) в течение последних трех лет вовсе не поступало, хотя судом биев было

---

*) «...передать звание биев в руки честолюбивых» зачеркнуто, и исправлено рукой Ч. В. в другой редакции: «Но последствием которого было бы то, что [звание биев] перешло бы непременно в руки честолюбивых богачей».

**) Слово «прямым» восстановлено по втор. варианту л. 125—об.

***) «Звание биев» — то же л. 125-об.

****) Тезис «Самым блистательным образом доказывается официальными источниками» приписан рукой Ч. В.

*****) Слова «этих округов» приписаны над текстом.

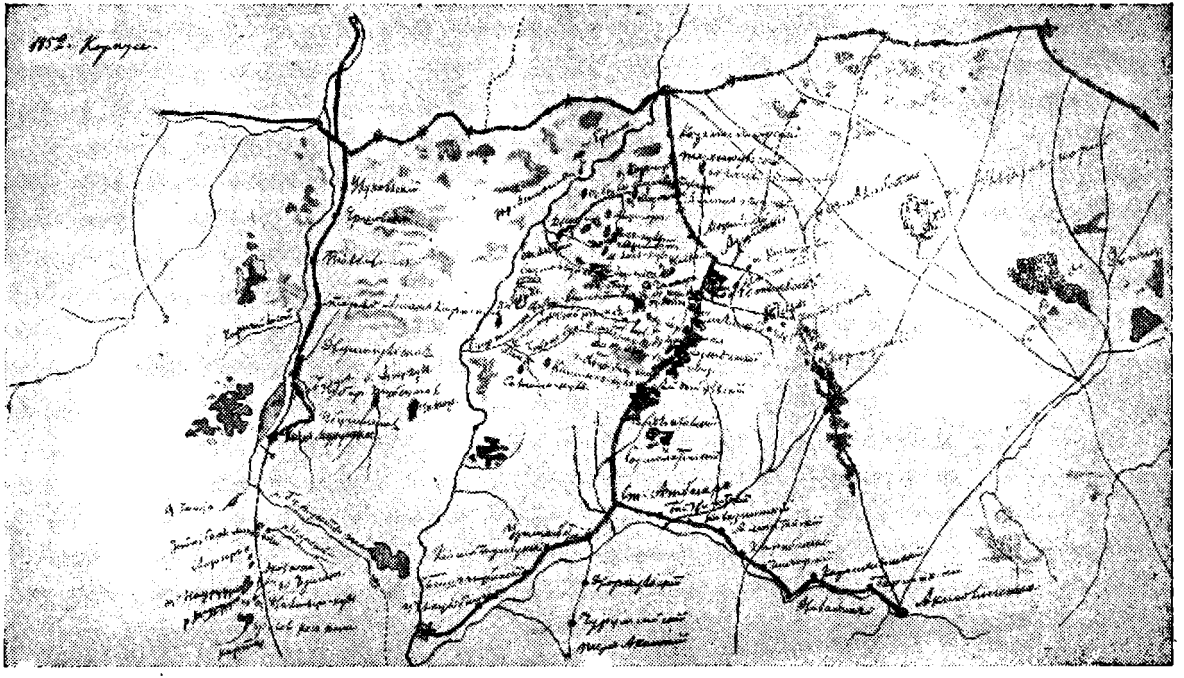

Рис. 17. Схематическая карта степных округов.

окончено в Каркаралинском округе: в 1860—72, в 1861—77 и в 1862—22 дела. В Атбасарском приказе в 1861 году была только одна жалоба и с просьбой русского суда, но жаловался, впрочем, не киргиз, а казак. Всего более неудовольствий на решение биев встречаем мы за последнее трехлетие в Акмолинском округе, в границах которого проживает наиболее всего русских, татар, ташкентцев и других иноплеменников. В 1860 году в Акмолинский приказ поступило две жалобы, одна из них сопровождалась просьбой русского суда, в 1861 г.—3, 1862—4. В сведениях, доставленных Акмолинским приказом по этому предмету, к сожалению, не показано племя и происхождение лиц, подававших жалобы. Надо думать, что просители были не киргизы.

Мы знаем, однако ж, несколько примеров, что киргизы действительно желали русского суда, но просители эти были ордынцы, заклейменные народным презрением, люди вполне безнравственные*), которые надеялись незаконными путями, через русских чиновников, исправлять проигранное на народном суде дело. Им было нечего терять. Так просил Коджук, известный кушмурунский конокрад, так просил Баубек, содержавшийся два года на гауптвахте в Атбасаре по многократным жалобам киргиз своего и Кокчетавского округов. По суду биев этот хищник, бывший некогда сподвижником Кенесары, был приговорен к уплате нескольких сот лошадей, но совершенно отказался от уплаты и, посаженный на гауптвахту, просил русского суда.

В пользу суда биев мы можем привести еще один крупный факт, говорящий сам за себя. Это то, что русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию**). Нам известно достоверно, что в Кокчетаве в нынешнее лето было решено несколько (десятков такого рода дел***).

Теперь мы приступаем к главнейшей задаче по вопросу о судебной реформе в Киргизской степи Сибир-

*) В рукописи — «безграмотные»—искажено переписчиком.
**) Последующий тезис написан заново рукой Ч. В.
***) Слова, заключенные в скобках, восстановлены по второму варианту, л. 127-об.

ского ведомства, именно: к сравнению главных элементов киргизского суда биев с основными началами мирового суда, проектированного для русских губерний. При первом общем взгляде на эти два, по-видимому, разнохарактерные учреждения чувствуется, несмотря на то*) большое сходство, много общего в идее; но, разбирая каждый пункт отдельно, мы видим одну только разницу. Сходство заключается, например, в словесности и публичности делопроизводства, но здесь есть разница, если пускаться в тонкости: мировые судьи решения свои постановляют на бумаге, а бии не всегда; мировые судьи делают разбирательства свои публично только по делам гражданским, а бии по всем без исключения делам, подлежащим их ведомству. (Тонкости эти заимствованы нами вместе с статьями законов из комитетского проекта).

Разница заключается: а) *по судоустройству*:

1) Бии существуют в неопределенном числе, мировые же судьи полагаются по нескольку на каждый мировой округ.

2) Бии никем формально не избираются и формально никем не утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе**) поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гёте считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительства и не на формальных выборах народа. Для выбора в мировые судьи существует определенный порядок и ценз.

3) Бий тогда только судья, когда к нему обращаются тяжущиеся, обращаются же к нему — пока он пользуется хорошим репоттée***); только потеря авторитета лишает его бийского звания. Мировые судьи избираются на три года и, пока служат, пользуются постоянными правами и обязанностями.

4) Бии не получают никакого содержания ни от казны, ни от народа, но берут «бийдің бийлігі», а ми-

*) «...несмотря на то» приписаны рукой Ч. В.

**) «... у них» зачеркнуто, над ним написано рукой Ч. В. «в Европе».

***) Авторитет, престиж *(франц.)*.

ровому судье полагается из земского сбора определенная сумма на содержание его самого и на расходы его по канцелярии.

5) Съезды биев бывают не периодичные, а случайные, а на съезды же мировых судей назначается определенный срок.

6) Мировой судья решает дела единолично, а суд биев одноличен может быть только тогда, когда тяжущиеся принадлежат к одному*) роду с бием и сами пожелают одного судью.

б) По судопроизводству

1. Мировым судьям подсудны: по уголовным делам: маловажные преступления и проступки, означенные в 19 ст. Судопр. Угол., и по гражданским — иски на сумму не свыше 500 руб. (ст. 1, Гражд. судопр.). Биям же подведомственны все уголовные преступления и проступки, исключая означенных в *1167* ст., XV т., 2 кн. Угол. Законов, прилож. к 183 ст. того же тома, 1 кн. Улож. § 1, пункт 2 и дополнение к этому пункту по 2 продолжению, и все дела гражданские киргиз между собою и с лицами иноплеменными, в случаях, когда последние, будучи истцами, подчинятся сами суду биев (1177 ст., XV т., 2 кн. Угол. Зак. и 1133 и 1134 ст., X т., II ч. Граждан. судопр.).

2. Бии приступают к разбору дел только по жалобе частных лиц или по сообщениям полицейских и других властей. Мировые судьи, кроме этих случаев, разбирают дела по преступлениям и проступкам и по личному своему усмотрению и дознанию (24 ст., пункт 3 Угол. судопр.).

3. Бии разбирают и решают дела на своем языке, по своим обычаям и законам, мировые же судьи хотя и делают разбор дел на местном наречии, но решают по совести или на основании общих законов империи (28 ст. Уголов. суд.).

4. Решения биев могут быть всегда обжалованы, решения же мировых судей, в известных случаях, счи-

*) Описка, написано «по одному», следует «к одному».

таются окончательными и не подлежат обжалованию (30 ст. Угол. зак. и 3 ст. Гражд. судопр.).

5. Бии все дела разбирают публично, мировые судьи делают разбирательство публичное только по гражданским делам (5 ст. Гражд. судопр.).

6. Во всех делах, решаемых судом биев, допускается адвокатура, в мировом же разборе упоминается о поверенных только по делам гражданским (5 ст. Гражд. судопр.).

7. Мировые судьи заносят решения свои в установленную для сего книгу, у биев подобной книги нет.

8. Решения биев приводят в исполнение султаны, управители и старшины, а окончательный приговор мирового суда исполняет сам мировой судья.

9. В суде биев бывают случаи, допускающие участие «присяжных» для решения так называемого вопроса о факте (question of fact); мировой же суд обходится без присяжных.

Из этого сравнения киргизского суда биев с судом мировым очевидно, что мировой суд, несмотря на большую разницу в частностях, в общей идее и по практической цели своей имеет много общего с судом биев у киргиз, только мировой суд изобилует большими формальностями и имеет более бюрократических атрибутов. По нашему мнению, суд биев — и [это] неудивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим,— имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз; мы бы сказали — абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении.

Вообще говоря, суд мировой не есть еще суд идеальный, лучше которого нельзя было бы и ожидать. И в Англии, в этой образцовой стране мирового суда, по свидетельству новейших исследователей, много юристов и государственных людей, которые не совсем довольны современным состоянием английских мировых учреждений. Блекстон, Гнейст и Шарль Конт в сочинениях своих указывают на некоторые положительные недостатки британского мирового суда.

Главное достоинство суда биев, по нашему мнению,

заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значение бия основано на авторитете, и звание это есть как бы патент на судебную практику. Тяжущимся киргизам предоставляется свободное право обращаться к любому из лиц, пользующихся судейским renommée, как у нас больные обращаются к медицинским авторитетам, а подсудимые — к известным адвокатам. Официальные выборы никогда не могут удовлетворять этим высшим условиям, а у нас же в степи выборы под влиянием закона родового быта в настоящее время ограничиваются одними родовыми интригами и служат только к удовлетворению тщеславия богатых киргиз и к обогащению русских чиновников, отлично умеющих в мутной воде рыбу ловить.

Если согласно своекорыстному желанию киргизских чиновников и богатых табуновладельцев, избрание биев подчинить формальным выборам, то отправление правосудия в степи неминуемо перейдет при помощи денежных сделок и разных низких интриг, что случается у нас сплошь да рядом, в руки табуновладельческой и торговой знати, положительно не сведущей в наших судебных обычаях и в наших юридических правах. Свободный выбор судей из всех лиц, носящих звание биев, предоставленный тяжущимся, вполне заменяет выборы и даже более достигает той цели, с которой обыкновенно производятся выборы. Бий у нас теперь занимается своей профессией по призванию и имеет причины дорожить своей репутацией. Сделавшиеся же выборными чиновниками, они во всем будут походить на наших управителей, которые тянут со всех и всем сами платят.

Неблагонамеренный судья при настоящем положении дел, без всяких скандалов, может быть обойден: к нему никто не будет обращаться — и дело кончено. Если же этот неблагонамеренный судья будет выбран официально и на срок, то киргизам придется сносить все его гадости до выборного термина. Наконец, если судья будет человек богатый, то и выборы, пожалуй, не избавят народ от его несправедливостей*).

*) На полях рукописи приписано рукой Ч. В. «Киргизы наделены чертовским терпением».

Преимущество имеет суд биев и в том отношении, что он редко бывает единоличен; в нем допускается безграничная публичность, а иногда и нечто в роде участия присяжных; решения его подлежат обжалованию, между тем как мировым судьям в этом отношении дается большая власть, тем более опасная, что*) суд может руководствоваться во многих случаях одними законами совести, без всякой другой гарантии.

Суд биев в отношении киргиз выигрывает окончательно потому, что другие статьи общего проекта неприменимы к быту кочевника, особенно главные статьи по мировому судопроизводству. Например, киргизы не могут быть судимы по русским законам. Причина очень простая. Во-первых, от киргиза при другом племенном организме и при других условиях среды и стихии, нельзя требовать одинакового понимания и взгляда на преступления и проступки, как от русских и других европейцев, и, наконец, киргизы не знают и не могут знать русских законов, хотя при следствиях они наравне с русскими не могут отзываться незнанием закона**). Киргиз, не понимающий ни одного русского слова, не может отзываться незнанием русских законов! (Нелепость и рутинность этого требования очевидны). Это китаизм, так сказать, возведенный в перл создания. Выходит, что правительство наше сознательно требует от своих подданных невозможного, как нечто очень возможное.

Нет никакого сомнения, что тот закон хорош для народа, который более ему известен, закон родной, под которым человек***) вырос и воспитывался, как бы закон этот ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее и яснее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху. Между тем, обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться****), имеет более гуманных сторон, чем законода-

*) Последующие строки исправлены рукой Ч. В.

**) На полях рукописи приписано рукой Ч. В. «десятков такого рода дел».

***) «Человек» приписано рукой Ч. В.

****) Мысль вписана рукой Ч. В.

тельство, например,*) (мусульманское, китайское и)* русское по Русской Правде. В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответствуют за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы.

Начатие дел по личному своему усмотрению также неудобно применимо к киргизским биям. Это право**) обратило бы киргизского бия, судью, в полицейского сыщика, который бы стал невыносимо придирчив, чтобы получить побольше «бийдің бийлігі»***), а участие в исполнении решений дало бы ему (исполнительную, так сказать)****) предержащую власть. (Вследствие чего он [от] частного судебного практиканта обратился бы*****) в полицейского...******). Такая посторонняя фикция прямо противоречит основной идее суда биев.

Из приведенных нами фактов и доказательств видно:

1. Что начала мирового суда, проектированные для русских губерний, во многих началах своих положительно неприменимы в отношении киргизского народа.

2. Суд биев, действующий у киргиз теперь, при господствующем у них родовом быте и родовых отношениях, вполне удовлетворяет развитию народа, как продукт, непосредственно выработанный самим народом (из прошедшей [его] жизни, из продуктов его развития и)* под влиянием особенностей страны.

3. Что суд биев имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз.

---

*) Далее зачеркнуто рукой автора.

**) От слова «также» до сих пор приписано рукой автора.

***) Термин сильно искажен переписчиком.

****) Взятое в скобках зачеркнуто и заменено фразой «до известной степени».

*****) Т. е. «превратился бы».

******) Пропуск в рукописи, должно быть «сыщика».

4. Что желания большинства, массы киргизского народа, при отобрании от них мнений по вопросу судебной реформы было выражено в пользу древнего суда биев без всяких изменений и дополнений.

Принимая во внимание все вышеизложенные причины*) и руководствуясь той истиной**), что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащищение, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 года, а закон этот, как рожденный под влиянием бюрократических идей единственно в видах формализма и порядка, следует отменить. В наше время на регламентацию и формализм следует смотреть не иначе, как на анахронизм, или как на десять тысяч китайских церемоний. Формализм и бюрократическая рутина обусловливали собой один только застой (и неподвижность)* и служили до сих пор китайской стеной для всякой полезной общественной деятельности, останавливая свободное течение тех всечастных и вседневных преобразований и улучшений, которых требует живая народная сила. Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособлена к национальному характеру того общества, для пользы которого она предпринята. Всякое нововведение вне этих условий может быть только безусловно вредно, и как явление анормальное может порождать (одни неизлечимые)* общественные болезни и аномалии.

Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам и составляли предмет особенного правительственного наблюдения. «Уголовными преступлениями в

*) «Вышеизложенные причины» вписано рукой автора вместо зачеркнутого «эти выгоды».

**) «...той истиной» искажено переписчиком и исправлено рукой Ч. В.

отношении к Сибирским киргизам,— гласит 1167 ст. Зак. уголов. судопр. XV т., II часть. изд. 1857 года,— считаются: «измена, убийство, разбой, баранта, возбуждение своих соплеменников против правительства, явное неповиновение установленным властям, преступления по должности, подделка и умышленный перевод фальшивых государственных бумаг и монеты, поджог и принятие ложной присяги по делам, судимым на основании общих российских законов; за сии преступления, а также за преступления и проступки, учиненные киргизами не в местах кочевья их, а в городах и селениях, они приговариваются к наказаниям по общим законам империи». Мы находим, что за убийство, грабеж и хищничество непременно следует судить по русским законам, так как киргизские судебные обычаи в этом отношении крайне неудовлетворительны, оценивая жизнь человека во сто лошадей и в шесть*) хороших вещей. Но относительно баранты следовало бы сделать некоторое смягчение и уступки. В наших судах**) слово баранта имеет какое-то (несвойственное самому акту роковое)***), страшное значение и считается самым важным преступлением после измены и убийства.

Между тем важность баранты основана****) у нас на одном только предании, предрассудке*****). Криминал заключается не в факте, а в зловещем звуке этого слова. Спрашивается, что называется в нашей криминалистике барантой? Вопрос о баранте не выяснен, и ответа положительного не может быть. Областное правление [уже] несколько лет требует от приказов разрешения этой загадки и не может дождаться[73]. Стряпчий областного правления г. Кондратович объясняет******) баранту словом: угон с убийством, но

*) Ошибка переписчика, должно быть «девять» — число, освященное народной традицией и символизирующее полноту возмездия или подарков.

**) Написано над зачеркнутым «у нас».

***) Все это по цензурным сообр. зачеркнуто.

****) Написано рукой Ч. В. в замену зачеркнутого «обусловливается».

*****) Падежные окончания этих слов исправлены Ч. В.

******) Зачеркнуто, написано «толмачит».

объяснение это не более не менее как остроумная догадка. Мы постараемся объяснить баранту, как понимают его сами киргизы. У киргиз баранта допускалась иногда и законом. За воровство, грабеж, угон полагается аип*), а за баранту — ничего. Барантой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг — калым или кун**). Случалось в старину, что сильный племенным родством киргиз не платил куну за убийство, или аип за оскорбление, нанесенное им какому-нибудь менее сильному киргизу, или же, совершив убийство или кровную обиду,***) не хотел идти на суд. Тогда, по решению родового сейма, оскорбленные и униженные шли на баранту и, сделав чувствительный захват, принуждали гордого****) обидчика дать законное удовлетворение. После примирения убарантованный скот возвращался сполна, но без всякого аипа.

Баранта производилась явно, т. е. днем, *****) и с насилием в случае нужды, или же тайно, воровски. Понятно, что при явной баранте барантачи встречали готовый отпор, случались драки, убийства. Но все это может случиться и при угоне, который, однако ж, не считается уголовным преступлением.

Угон — это просто набег, разбой, хищничество, когда без всякой причины и повода, с одной лишь корыстной целью нападают и угоняют табуны оплошных киргиз. В наше время баранта производится за долг, за неуплаченный калым и большей частью тайно, воровски.

Баранта, какая бы она ни была, как самоуправство, конечно, не может быть терпима нашим правительством, но, принимая во внимание взгляд народный на баранту и силу обычая, мы думаем, что правительство наше поступает слишком строго и, пожалуй, не совсем******) справедливо, придавая баранте первосте-

*) А и п — штраф, взыскание.
**) К у н — выкуп за кровь [за убийство].
***) Написано над зачеркнутым «оскорбление».
****) «Гордого» приписано Ч. В.
*****) «Т. е. днем» приписано Ч. В.
******) «Не совсем» вписано рукой автора.

пенную важность. Мы думаем, что баранту тайную, воровскую следовало бы передать суду биев, как род воровства, а на баранту открытую смотреть более снисходительно. Впрочем, почему бы и ее не передать в ведомство биев, если она не сопровождалась убийством, ведь это то же, что угон.

Но что бы ни было с барантой, остается немало других уголовных преступлений и проступков, за которые киргизы судились и, конечно, будут теперь судиться по общим уголовным законам Империи.

Устройство судебных мест для киргизских областей*) представляет некоторые затруднения, вследствие особых местных условий, которыми мы теперь займемся. Киргизы при отобрании от них мнений об этом предмете старались только об одном, чтобы уголовный суд был от них как можно дальше. Опираясь на то, что у них бывает очень мало дел, подлежащих уголовному производству, они предположили**) основать суд этот в Акмолах. Некоторые указывали, впрочем, на Омск, но г. Яценко это не одобрил***).

Действительно, уголовных дел, подлежащих судебному решению, в нашей области,****) до сих пор было очень мало.

В течение последнего трехлетия поступило на решение областного правления дел:

В 1861 г.	— 45
62 г.	— 27
63 г.	— 39
Итого	111

Из этого числа поступило в	1861	1862	1863
из Кокчетавского приказа	31	7	13
из Атбасарского „	1	3	2
из Акмолинского „	3	5	4
из Баян-Аульского „	2	5	4
из Каркаралинского „	8	7	14
Итого	45	27	39*****)

*) Слова «Области Сибир. Киргизов» зачеркнуты.

**) Написано рукой Ч. В. вместо зачеркнутого «предлагали».

***) Это место целиком переделано рукой автора.

****) Написано вместо зачеркнутого «в степи».

*****) Описка, должно быть 37.

Из 111 дел*) решено:

в 1861	— 34
в 1862	— 35
в 1863	— 34
Итого:	103

(Мимоходом считаю не лишним заметить, что)**) в зарешенных делах обнаружено преступление едва по 43 делам. Notez bien cela***).

Но устройство суда в Акмолах для киргиз и для русских жителей степных станиц, по крайней незначительности дел, подлежащих ведомству суда, будет только излишней и бесполезной тратой денег; если же суд этот будет, как предлагали некоторые, разъездной, кочевой, то сверх траты казенных денег, он будет невыносимо обременителен для киргиз. Ямская повинность, как известно из опыта, была в прошлом столетии одной из главных причин неудовольствия русского народа на правительство. Сибиряки и сибирские инородцы до сих пор жалуются на тягостную для них выставку подвод под исправников, заседателей и попов. У киргиз же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по сорок и шестьдесят лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам, кроме зуботычин****). Последнее*****) делают и частные лица, (берут не более двенадцати лошадей)*.

Случается нередко******), что некоторые «майоры»*******) (так киргизы называют русских чиновников) не возвращают хозяевам взятых ими в подводы лошадей (без зуботычин).

По всем этим соображениям мы думаем, что нет

---

*) Написано вместо зачеркнутого «из этого числа».

**) Восстановлено по второму варианту. Там же, л. 136-об.

***) Хорошенько заметьте это *(франц.)*.

****) Исправлено рукой автора вместо первоначального «не платят подводчикам».

*****) Написано над зачеркнутым «то же самое».

******) То же вместо зачеркнутых «бывали примеры», «был факт».

*******) Вместо зачеркнутых два раза «господа», «чиновники».

никакой особенной надобности устраивать особый суд для нашей Степи. Омск, где, вероятно, будет одна какая-нибудь степень суда, по географическому положению своему находится в условиях не менее выгодных, чем Акмола*).

Если для баганалинцев и таминцев, кочующих по Чу и Сарысу, он будет значительно дальше Акмолов, зато для других, более населенных округов, он будет ближе и удобнее. Во всяком случае для киргиз гораздо выгоднее ездить в Омск на суд, чем принимать правосудие**) в своих волостях.

Еще вопрос — о выборе присяжных. Признаться, мы не ручаемся за беспристрастный выбор этих лиц и большие влияния знатных***) ордынцев и родовых симпатий и антипатий****). Чтобы избегнуть этого неудобства, нам кажется, что можно бы выбор присяжных производить при суде, взяв список всех биев, решавших в предыдущем году какие-либо дела и избрав из них по жребию присяжных. Содержание присяжных во время сессии суда, конечно, ничего не будет стоить, если принять в расчет ту экономию, которую приобретает казна, не учреждая для степи особого окружного суда.

Оканчивая свои заметки по судебной реформе, я не могу пройти молчанием другой не менее важный народный вопрос, вопрос о религиозном принципе, тем более, что вопрос этот получит теперь некоторую связь с судебным.

При даче мнений по судебной реформе киргизы всех округов нашей области, исключая, впрочем, Кокчетавского, просили: «Дела о браках и разводах, находящиеся теперь в ведомстве мулл, предоставить попрежнему суду биев». Причины, вызвавшие эту народную протестацию, объясняются некоторыми историческими фактами — фактами, которые мы теперь и рассмотрим.

---

*) В копии — «Акмоллы».
**) Вместо «разъездной» суд.
***) Вместо «чиновных».
****) Речь идет о влиянии знатных ордынцев на результаты выборов.

Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени и составляли в магометанском мире особый суннитский раскол*). Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов.

Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом.

Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах (См. Особое Учреждение Управлений инородцев, именуемых Сибирскими киргизами, Св. законов изд. 1857 года, т. II, часть 2).

Нас поражает это обстоятельство, особенно потому, что тот же Сперанский говорит в своем учреждении, что киргизы—мусульмане только по имени и что их легко обратить в христианство и проч. Что же, спрашивается, заставило этого замечательного, умного человека быть распространителем такого невежественного и дикого учения? Надо полагать, что в то недавно прошедшее время признать народ, входящий в состав Российской империи, не имеющим веры или признать верноподданных России официально за раскольников, хоть и мусульманских, находили не совсем приличным, а принять меры к обращению киргиз в христианство находили не совсем политичным по времени. Времена те миновали, прюдеризм**) не в моде.

Оренбургским пограничным начальством уже давно приняты меры, чтобы препятствовать развитию ислама в подведомственных ему степях; там запрещается татарам не только быть муллами, но и жить долго в степи между киргизами. У нас же в Сибири правительство до сих пор держится в отношении мусульманства прежней покровительственной системы и бла-

*) Сунниты — мусульмане, признающие, помимо основной догмы корана, дополнения и толкования к нему [Сунна].

**) Показная, фальшивая, мелочная «справедливость», окрашенная ханжеством.

годаря этому ислам делает в наших областях исполинские шаги. Вся степь наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатическими выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых. С некоторого времени стали появляться в пограничных округах дервишествующие курды, ногайцы и турки. Личный интерес иностранных мусульманских странников и особенно татарских семинаристов (которых я считаю за самых фанатических поклонников пророка) заключается в том, чтобы довести киргиз своим влиянием до того слепого религиозного изуверства, при котором так легко живется всем этим*) старцам, паломникам**) и дервишам.

Пропаганда эта во многом уже успела. В Баян-Аульском и отчасти в Каркаралинском округах киргизы предались ханжеству с ревностью, свойственной только новообращенным. Там живет под покровительством местных туземных властей много ишанов, ходжей из Бухарии и Коканда и ежегодно приезжает и уезжает немало этой сволочи. Татарское духовенство, которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ. Что татарское духовенство постоянно содействовало шарлатанству странствующих мусульманских пустосвятов и составляло с ними одну общую ассоциацию идей, может служить доказательством дело о Мансурове. Все указные муллы были с ним в переписке, многие признавали себя его мюридами. Нужно знать, какие люди у нас в степи занимают священнические места, кому вверена нравственная паства киргизского народа и суд в отношении такового трудного общественного вопроса, каков брак. У нас большая часть мулл из татар, и все они без исключения плуты. Это народ невежественный в высшей степени, едва знающий свою грамоту, но зараженный мрачным изуверством и диким суеверием.

*) Вместо зачеркнутого «разным».
**) Вместо «иммигрантам».

Во всех отношениях [это] темное царство*) (в самом обширном смысле)*.

Правда, чтобы быть муллой, надо выдержать экзамен, который производится татарским муфтием**), живущим в Уфе. Но успех экзамена зависит не от степени знания экзаменующегося, а от количества денежного пешкеша***). Мы не знаем, есть ли где-нибудь на свете такие жадные лихоимцы, как наше русское мусульманское духовенство. К самому муфтию, этому высшему мусульманскому духовному лицу в России, нельзя иначе обращаться с просьбой, как приложив деньги в прошение. Вот что рассказывает один башкир о магометанском духовном собрании в Уфе: «Здесь надобно задобрить всех служащих, начиная с муфтия, секретаря, казы и писарей. Иногда приходится задабривать служителей и приближенных муфтия или казы. (Заметка башкира о башкирах; Совр., 1863 г., № XI, ноябрь)****).

В татарском народе ходит много анекдотов и поговорок, подтверждающих то, что мы теперь сказали о татарских муллах. Но при всем том очерк наш вышел не так рельефен, как нам хотелось, мы не могли охарактеризовать и в сотой доле все то невежество, изуверство, шарлатанство и подлость, которые господствуют среди татарских попов. Впрочем, как бы ни была слаба наша характеристика, но факты говорят сами за себя.

Теперь мы будем говорить о состоянии народного образования в области Сибирских киргизов, которое в настоящее время находится бесконтрольно в руках мулл. Это прибавит еще несколько крупных черт к тому, что сказано нами выше о мусульманстве и о его священнослужителях. Почти в каждом ауле нашей области есть кочевая школа, где учители по большей части татарские муллы или семинаристы. В Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском округах преобладают та-

*) Весь абзац исправлен заново рукой автора.

**) Муфтий — глава мусульманского духовенства, дающий заключение по духовным и юридическим вопросам.

***) Пешкеш — подношение, подарок.

****) Рассказ башкира приписан на полях рукописи.

тары. В Баян-Аульском и Каркаралинском они в последнее время вытесняются среднеазиатцами. Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспитывает киргизское юношество, мы приведем один только пример: больше не нужно. В мусульманском населении города Петропавловска возник вопрос: грешно ли играть в карты и если грешно, то в какой степени? Обратились к одному мулле, известному по своей глубокой учености. Этот казуист, справившись со своими «темными книгами», объявил, что играть в карты мусульманам между собою — великий грех, но играть с русскими и с намерением обыграть их — дело похвальное, как род джихата*), подвизания за веру, которое завещал пророк своим последователями в непременную обязанность. Профессор Березин в своей популярной статье о мусульманстве, напечатанной в Отечественных записках пятидесятых годов, доказал, как дважды два — четыре, на основании текстов из корана и из книги преданий, что мусульманство и образованность — понятия несовместимые, даже враждебные, одно другое вытесняющие. Например, Магомет**) говорит, что [существует] семь небес (т. е. планетных сфер), следовательно верующий магометанин должен отвергать все астрономические открытия со времен Птоломея, иначе он не будет правоверным.

Магомет все современные ему космогонические, медицинские и другие предания и предрассудки, ввел в свое учение как догмат и тем самым остановил движение опытных наук. (Правда, арабы упражнялись изрядно в математике, потому что Мохаммед не знал арифметики и не ввел ее в свой коран. Арабам нравилась философия Юркевича, нравилась потому, что она удобно применима ко всему, даже к учению Мохаммета).

Учение Магомета**) не может быть очищено, как думают некоторые защитники ислама; в нем невозможна никакая реформация. Какого можно ожидать воз-

*) Т. е. джехад — вид борьбы за веру.

**) Вариант «Мохаммет» зачеркнут и написано рукой Ч. В. «Магомет».

рождения от религии, которая имеет основанием своим дикие и варварские предрассудки кочевых арабов шестого столетия, предания спиритуалистов, жидов и разные фокус-покусы персидских магов того же периода. Если таков ислам турков и персиан, то каков должен быть ислам татарский, составляющий в мусульманстве нечто в роде пуританизма.[74] Татары отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушениями для слабого человеческого ума, и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой. На татарском языке нет ни одной книги, которая не имела бы характер мракобесия. Понятно, что*) татары воспитывают в киргизской степи подобных им факиров но, свежая народная сила нелегко поддается мертвящему их влиянию.

Непосредственные сношения со среднеазиатскими владениями и, наконец, знание татарской грамоты дает киргизскому юношеству возможность читать романы, повести, поэмы и сказки на джагатайском наречии тюркского языка. Эпические и беллетристические произведения джагатайской литературы или пахнут учением Шамиля (героические поэмы, имеющие сюжетом войны арабов с Греческой империей), или напоминают оды Горация к Лигурину (роман о любви Мавлеви-Джами к прекрасному мальчику Мирзе-Хамдаму), или же вовсе не имеют смысла (поэма о любви соловья к розе, повесть о китайском принце, влюбленном в призрак светлой девы, которую он увидел во сне).

Конечно, никто из благомыслящих людей не станет оспаривать, что чтение педерастических романов безнравственно и вредно и что чтение утопических книг, затемняющих здравый смысл фантастическим сумбуром, не может быть полезно. Но никто из них не будет предполагать, что чтение героических романов может быть еще вреднее. В Бухаре во времена эмира Мир-Хайдара было запрещено публичное чтение героической поэмы Абу-Муслим, потому что слушатели в фана-

*) Написано рукой Ч. В. вместо зачеркнутого «таким образом».

тическом экстазе отправлялись толпами в Персию, чтобы там в войне за веру принять блаженную смерть шеидов (мучеников).

Вот те плоды, которые может дать киргизам татарское просвещение. Чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли. К этим вопиющим явлениям для полноты картины нужно присоединить еще то обстоятельство, что вся эта (мертвечина, долбление текстов из корана на арабском языке без всяких комментариев и переводов и заучивание на память всякой схоластической ерунды)*) вбивается киргизским детям не иначе, как палкой. «Тело твоё,—говорят обыкновенно киргизы муллам, отдавая детей своих в учение,— кости мои».

В «Северной пчеле» 1860 года один молодой киргиз г. Бабаджанов описал необыкновенно ярко учение в татарских школах Букеевской орды. Факт этот замечателен, тем более, что г. Бабаджанов в качестве потомка Магомета и корреспондент «Северной пчелы»,— ярый магометанин и, по-видимому, не враг татарского просвещения.

Начальство наше до сих пор мало обращало внимания на умственное образование киргиз и, жарко преследуя баранту, конокрадство и вообще дисциплинируя киргизский народ, не имело времени следить за действием мулл и странствующих дервишей. Но дело еще можно поправить, и реакция еще возможна...**)

Принимая во внимание изуверство и невежество татар, исключительно занимающих должности мулл в нашей степи, вредное влияние всякого ультраклерикального направления на социальное развитие народов, мы находим, что для ослабления влияния мулл, для умерения религиозного фанатизма***) следует, согласно просьбе народа, дела о браках и разводах предо-

---

*) Этот важный тезис целиком зачеркнут другой рукой и заменен словом «ерунда».

**) Здесь текст обрывается, пришита концовка из другого варианта.

***) «...для умерения религиозного фанатизма» приписано рукой Ч. В.

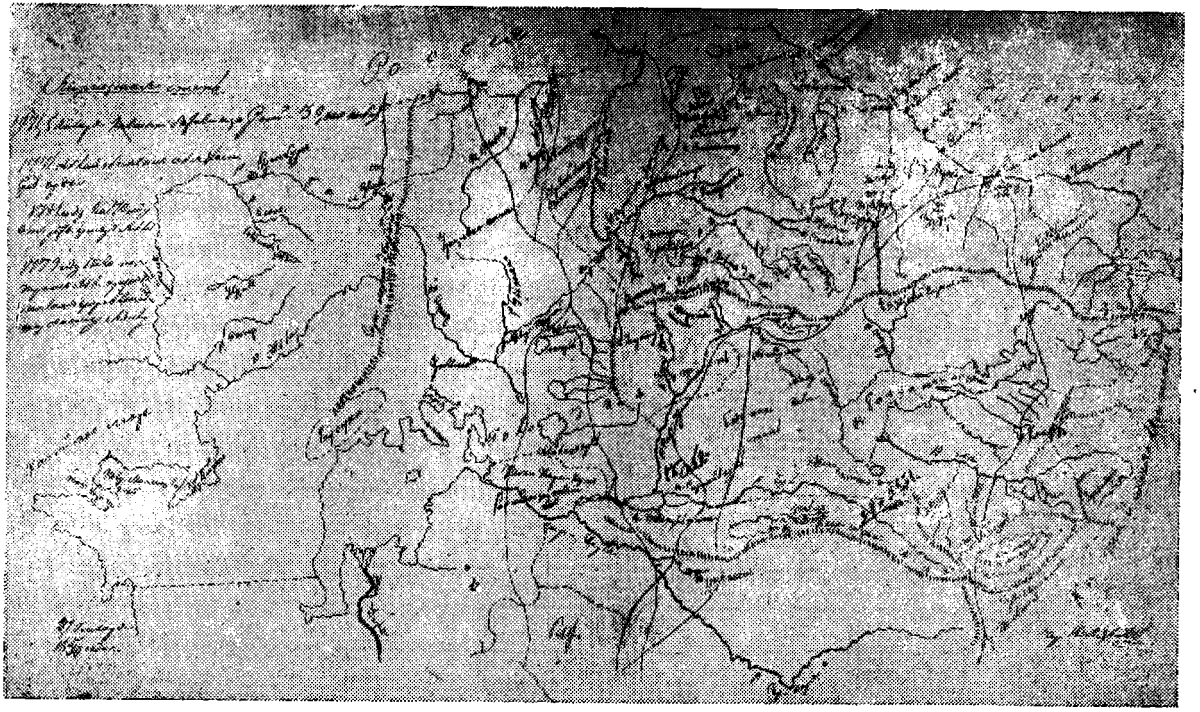

Рис. 18. Схематическая карта степных областей, составленная Ч. Валихановым.

ставить по-прежнему суду биев, тем более, что брак у магометан не есть таинство.

Преобладание теологического духа и в Европе проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

Об административной реформе пока еще нет речи, и потому мы не будем теперь затрагивать этот, по многим причинам, щекотливый для нас предмет. Административный вопрос для (нас), киргиз, имеет слишком большой интерес, чтобы говорить о нем вскользь. Мы полагаем, однако, что самоуправление*) Оренбургской степи при административной реформе наших областей может быть с большей пользой принято в соображение, как уже испытанное в продолжение многих лет. Оренбургское начальство, вероятно, имело время заметить его достоинства и недостатки. Самый капитальный недостаток Оренбургского степного управления, конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по усмотрению пограничного начальства. Право выбора самих властей, предоставленное нам, среднеордынцам, есть такое право, которым мы не можем не дорожить, хотя пользуемся им теперь и дурно и нечестно**). Неправилен с научной точки зрения и тягостен для народа кибиточный сбор, собираемый с зауральских киргиз. Хотя налог этот не выдерживает самой поверхностной критики, но некоторые наши пограничные администраторы, по каким-то узким соображениям, увлекались им до того, что думали ввести подымную [подать] и в нашу степь. Нет сомнения, что ясак, платимый сибирскими киргизами по числу скота, есть единственно возможная и вполне правильная, по новейшим теориям налога, подать, которая может быть без отягощения наложена на кочевников.

28 февраля 1864 г.***).

Омск.

---

*) ... «само» зачеркнуто чужой рукой, сверху написано: «частное».

**) Вслед за этим поставлен знак NB и приписано рукой автора «В этой же строке».

***) Дата и название г. Омска написаны рукой Ч. В.

Работа закончена 28 февраля 1864 года. Написана на основе двухлетнего изучения Валихановым юридических обычаев казахов. Имела несколько рукописных копий, из которых две и часть третьей хранятся в ЦГАЛИ СССР, фонд 159, оп. 1, д. 179, лл. 70—110, 111—140, 171.

Для настоящего издания взята более ранняя редакция, написанная на бумаге в лист, чернилами и проверенная автором. В ней имеются многочисленные исправления и вычеркивания, внесенные рукой Ч. Валиханова. В начале и в конце рукописи вшиты под общей нумерацией четыре листа, взятые из другого варианта этой записки.

Рукопись публикуется в первоначальном авторском варианте, без учета редакции проф. Н. И. Веселовского, опубликовавшего другой вариант. По цензурным соображениям профессор Веселовский смягчал ряд положений Валиханова, допускал большие пропуски, иногда целые абзацы. Заключающая часть записки в издание Н. И. Веселовского совершенно не включена, видимо, из соображения, что она имеет много общего с другой работой Чокана («О мусульманстве в степи»).

ДНЕВНИК ПОЕЗДКИ НА ИССЫК-КУЛЬ

[*1856 г.*]*)

18 апреля из Семипалатинска мы отправились на Аягуз. Дорога через казачьи пикеты (они же и станции) лежала в солонцеватой безводной степи. Здесь мы впервые увидели зелень. День, в который мы выехали, был теплый; жаворонки пели свою обычную песню. В водяных лугах встречались нам утки разных пород и особенно часто известная на Каспийском море порода, называемая турпан или атайка: она любит солонцеватую воду и в подобных степях встречается часто, живет не стадами, любит уединение — самец и самка. Из растений показывалась только обыкновенная кормовая трава, морковник (дикий укроп) и одуванчик. Таволожнику и карагану (дикая акация — Caraganis sibiricum**)) довольно рослого было много, но листья еще [только] распускались.

Все пикеты по аягузскому тракту пользуются водой из колодцев: до Аягуза их шесть — (.....)***).

Эта солонцеватая местность постепенно к Аягузу возвышается и образует возвышенную пику (сопку) Аркат, оттоль начинает понижаться. Во всяком случае, аягузский склон выше иртышского. Живописные зубча-

*) Поездка на Иссык-Куль Ч. В. была совершена в апреле—июле 1856 г.

**) Т. е. Caragana sibirica. Неточно, очевидно, Caragana frutex.

***) В авторских скобках пропуск 2-3 слов.

тые синевы аркатские виднеются довольно далеко и разнообразят скучную и пустую дорогу. Горы аркатские славятся кормом и потому в них сосредоточены зимовки найманских и уваковских волостей Аягузского округа. Здесь кочевали, и кочевали в мой проезд до ста и более юрт сартов. Они, как говорят сами, кочуют тут более семидесяти лет. Сначала их вызвала к бродяжничеству необходимость: торгуя через Семипалатинск азиатскими произведениями, для отправления караванов они должны были иметь своих лошадей и своих верблюдов — надо было их пасти, к тому же они любили кумыс — вот и наняли в аренду земли у киргиз-[кайсаков] и переселились несколькими семействами в юрты. Кочевая, вольная жизнь, свойственная всей Азии, понравилась им, и в короткое время они увеличились пришельцами до 150 кибиток. Генерал-губернотор, подозревая их в укрывательстве беглых и по контрабандной части, приказал [им] оставить Аркат. Они должны [были] или записаться в мещане с вступлением в российское подданство, или же отправляться восвояси. Они, кажется, решились на последнее.

Ночью 20 числа*) я приехал в Аягуз. Аягуз — маленькая станица, в нем и окружной приказ для управления найманских родов. Основан он [в] 1824 [г]**). Из всех станиц киргизской степи Аягуз, кажется, самый невзрачный на вид, впрочем, говорят Кокпекты***) не лучше. Маленькая крепость, форштадт, где несколько деревянных домов, мечеть в татарской слободке и землянки. По новому положению, с основанием Семипалатинской области, он называется городом, и несколько шалаказаков составляют его гражданство. Шалаказаками — т. е. полуказак (киргизы называют себя казак) — называются выходцы из среднеазиатских владений, вступившие в русское подданство с записанием в киргизские волости на общих с киргизами правах. Их очень много в округах восточной части

*) Апреля 1856 года.
**) Гор. Аягуз основан в 1831 году.
***) Т. е. Кокпекты.

степи: Аягузском, Кокпектинском и в Большой орде, Имя это может не раз встретиться в наших записках, а потому за малое отступление просим простить.

P. S.*) О наймановских родах Аягузского округа

Вечером мы оставили Аягуз и, переправившись через проток реки Аягузки, называемый Тумурза, по правому берегу реки через крутые, каменистые береговые холмы к ночи приехали в первый пикет Копальского тракта — Старую Аягузку.

По Аягузке мы заметили более жизни в природе. Вся степь была покрыта светлым ковром зелени. Листья на карагане, таволге и тальнике были уже распущены, да и самое солнце грело более теплым, южным огнем. Морковник покрывал все лощины между гор и был уже в росте. Берега реки, густо окаймленные кустами жимолости, черемухи, тальника, между которыми высоко возвышались тополи, производили чрезвычайно приятное чувство после трехдневной езды по солонцам**), где не было ничего, кроме белых кочек чия, местами в черноземных оазисах — карагана и таволги. Прибрежные луга были богаты кормовой и сенокосной травой, а береговые леса представляли хорошую защиту от зимних буранов и метелей. Недаром в преданиях киргиз воспевается благословенное течение Аягуза. При пустынности и безводности окружающих его степей действительно Аягуз может казаться раем. Левый возвышенный берег его, покрытый лугами и лощинами с травой, был, нет сомнения, местом постоянной кочевки киргиз в оны***) дни, когда не было русских и их пикетов. Киргизы боятся соседства казаков. Не можем сказать, основательно ли это чувство, но вообще чувство самосохранения есть чувство похвальное. Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть поэтическая легенда о любви прекрасной

*) Post scriptum *(лат.)* — написанное после.
**) Против этого на полях рукой Ч. В. NB.
***) Т. е. в те дни.

Рис. 19. Каменные изваяния у могилы Козы-Корпеш и Баян-слу.

Баяны к золотоволосому Козу-Корпеч, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная к тому причина.

Возвратимся к дальнейшему течению нашей дороги. На пикете № 2 мы переправились на правый берег. Это было ночью. В 10 верстах не доехав до четвертого нумера, стоит знаменитая в киргизских поэмах *могила* Козу-Корпеч. Мы хорошо изучили поэму и потому хотели непременно осмотреть и их могилу. По времени нашего выезда из [пикета] № 2 мы должны были проехать через Кызыл-Кийский пикет ночью. Но нам хотелось...*) там в утро и на могиле напиться чаю: приятно в дороге пить чай и особенно на развалинах, на древних могилах. Думать о прошедшем и заботиться о настоящем. С этой целью ямщику приказано было ехать так, чтобы только утром при восходе солнца, когда жаворонок поет первую свою песнь, когда с од-

*) Одно слово не разобрано. Можно прочесть: «встать».

ной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой — с востока*) восстает утреннее багровое солнце и свет приятно освещает верхи деревьев, воду каким-то чудным светом, чтобы в этот поэтический час он был у могилы.

Человек предполагает, но бог располагает. Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шажком. Только усиленное хлопанье бича и фырканье усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя. Скверная была ночь, и скверно было ехать. В тревожном сомнении, чтобы дождь не помешал задуманному плану, я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: «Ну что, не разъяснело?» Ямщик, промокший до костей, брюзгливо отвечал: «Нету»,— и потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: «Эка погода! брр...» — и стряхи[ив]ал набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщика — если б ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баяны.

Так мы ехали час.

— Ваше благородие,— отнесся ямщик — вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за густых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел, как прежде, замылившиеся лошади едва тащились по грязному солончаку, направо за рекой виднелся через верхи тополей остроконечный шпиц могилы: она была (казалось) красного кирпича. В такую погоду нечего было думать о чае и комфортабельном осмотре киргизского антика[75].

— Кажись, и река в разливе, ваше благородие: непереедете,— заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль**).

— Ну поезжай вперед, посмотрим в обратный путь,— сказал я и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок и закрыл глаза, чтобы уснуть.

---

*) В подлиннике описка, написано: «с запада».

**) Из этого видно: Валиханов ехал левой стороной р. Аягуз.

На Юз-Агачском*) пикете я пил чай. Левый берег реки образует степь, покрытую солонцами и разливной водой. По трактовой дороге, которая идет по берегу Аягуза, за разливом реки ехать было нельзя. Мы поехали объездом. Перед нами лежала ровная солонцевато-грязная степь. Белые кусты чия (род злака) росли отдельными кочками, и его было много. Там и сям росли колючие кусты ченгеля (род карагана), баялыша (из той же породы), облепихи, джигдовника и кокпека. Так мы ехали верст 25. Наконец доехали до вершин хребта Арганаты. Здесь растительная природа местности совершенно изменилась. Склон хребта с более прочным грунтом был обросшим сплошным зеленым ковром морковника и травы, совершенно на него похожей, называемой казаками — дикая редька. В середине этих гор стоит пикет, получивший от него свое название. За пикетом сзади рос морковник и дикий тюльпан желтого цвета; туда, к Лепсе, по склону хребта — дикая редька и ревень, а далее по довольно ровной глинистой степи, которая отсюда открывается,— дикая редька, во множестве ревень и лук, джусан и кокпек. Ревеню было так много, что вся степь издали казалась красной. В местах возвышенных (при приближении к станции) попадались таволга, караган мелкий и желтый тюльпан. Кормовой травы, как за Арганаты к Аягузу, так и от него к Лепсе, совершенно не было. В этих местах кочевники не могли жить и стоять, это совершенно доказывается отсутствием единственного памятника, [остающегося обычно] от номадов — могил, обилие которых по Аягузу, по Лепсе и по другим рекам доказывает благоприятное значение их относительно скота.

На половине (впрочем, ближе к Лепсе) станции,**) от пикета Арганатинского к Лепсинскому идет всхолмленная гряда холмов, за ними характер местности совершенно изменяется. На южном склоне этой гряды лежит озеро, покрытое камышом. Летом оно высыхает, весною через разлив Лепсы, сообщаясь с ней, бывает довольно полно водой.

---

*) Джуз-Агачский.
**) Т. е. расстояния.

Мы приехали туда под вечер. Крик гусей, которых было там во множестве, и особой породы лягушек (колокольчики) так неприятно раздирал слух, что мы принуждены были заткнуть себе уши. По берегу реки, к горе, по направлению к устью Лепсы, виднелись киргизские могилы. Им не было счета. Следы зимовок видны были по дороге, и при нас тут были аулы. Места эти, как видно из могил, были сборным кочевьем родов. В настоящее же время киргизы зимуют в камышах Балхаша, а [на] лето уходят в горы — здесь же останавливаются на отдых и непременно пребывают дней десять. За этим озером до самой Лепсы (это пространство верст в десять) все лежат пески. Пески подвижные. Камыш, чий во множестве, кокпек, ченгил, актасты*) местами — вот растительность. В песках этих очень много черепах и змей**).

Тут открылось течение Лепсы. Лепса берет начало из склона Алатауских гор и впадает в Балхаш. Вода в ней глубока. По берегу ее растет довольно густой лес — тополи, осиновый тальник, джида, жимолость. Устье же покрыто густым и высоким камышом. В камышах этих бывает много разных птиц и попадаются тигры. Однажды тигр ночью искусал часового на пикете.

Климат его***) значительно разнится: в конце февраля там не было снегу, и в страстную неделю к рождеству****) они*****) лакомились гусиными яйцами. Уверяют, что в его долине есть фаланги и скорпионы. Несколько лет тому назад река эта была границей русских владений на юге, и переход через нее под строгой ответственностью был воспрещен, но теперь... Теперь другое дело!

Ночью проехали через Баскан и только к утру приехали в Аксу. Через Аксу, как и через Лепсу, устроен перевоз.

---

*) Очевидно, имеется в виду актаспа.

**) Против этого на полях рукой Ч. В. «О Аягузе общегеографич... NB».

***) Имеется в виду течение р. Лепсы.

****) Описка, имеется в виду пасха.

*****) Т. е. жители пикета.

Речка Аксу имеет течение довольно быстрое, берега ее покрыты местами топольником. Берега ее ровны: гладкая степь идет к Лепсе и такая же степь до гор Кийсык-Ауз.

С Аксу мы увидели снежные верхи Алатауских гор. Дальняя синева этих гор пестрела высоко, соединясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч, восходящее солнце разливало на них багрово-блестящий свет. Картина удивительная. Кийсык-Ауз сравнительно с Алатау казался травой, растущей под столетним дубом. Степь, по которой [мы] ехали, была ровна, как бы убита [ногами] и на ней, кроме юсану, ничего не было. Направо и налево от дороги виднелись могилы в виде крепостцы с бастионами или сфероидального вида, большей частью были первой формы. Попадались по дороге табуны лошадей, баранов и вдали белелись киргизские юрты. Увидевшие нас киргизы спешили скорее убраться, и, когда мы остановили пастуха, чтобы узнать, где кочует султан, то бабы в ауле подняли шум. Аул зашумел. Из одной юрты в другую шныряли бабы, звали кого-то по имени, должно быть, бия.

— Моего барана они взяли,— говорила одна крикливая марджа, должно быть, по предчувствию,— не моя ведь очередь,— визжала она.

Мы поехали дальше, и аул начал успокаиваться. Только далекое шавканье упомянутой бабы доходило до нас — нет сомнения, она благодарила аллаха, что он спас своим всемогуществом ее барана от русских.

Мая 15. Ночлег на реке Чилике*).

Река Чилик берет начало из центральной возвышенности Алатауских гор, которая дает тоже начало Талгару, и потом посреди гор течет на запад до впадения речки Джинчке**) и потом течет на северо-восток***) до впадения в Или. В него впадают, или лучше [сказать], его составляют справа речки: *Кугантёр*, *Делекарагай-булак*, *Суттубулак*, *Учбайсары*, *Кудорге*,

*) У Ч. В. это название написано по-разному: Чилек, Челик, Челек, Чилик.

**) В рукописи в большинстве случаев — Джинчке, но иногда Дженчке.

***) Описка, течет на восток, затем на ССЗ.

Курмекты, два Сарыбулака (Кульды-Сарыбулак, Асу-Сарыбулак), *Чатлы* (Сатлы) и *Карабулак*. Слева: *Учбулак, Тикжол, Джинчке, Сарыбулак* и *Асы*. По течению Чилика имеются следующие проходы или асу: по течению Кугантёра, Деле-карагай и всех других речек, впадающих в Чилик, справа проходят верховые асу. Только через Курменты в июле и августе проходят верблюды. Чилик имеет течение довольно быстрое, воды в нем во всякое время года довольно, и разливается [он] на довольно значительное пространство. Разливается он в конце июня от таяния горных снегов и продолжается [разлив] до августа, как киргизы говорят, до сбора проса. Верхнее течение Чилика служит постоянным зимовьем для киргиз, в прежние времена от Карабулака до Учбайсары занимали сарыбагыши, теперь же там зимует албановский род кызыл-борк. Особенно в отношении к сохранению скота в зимнее время славится урочище *Бакалы*, в горном плато между речкой Джинчке и Сарыбулаком. *Бакалы* — значит лягушечье место. Дикокаменный киргиз из рода сарыбагыш уверял меня, что когда манап их Умбет-Али зимовал там, то в одном роднике всю зиму квакали лягушки. Он говорил также, что те лягушки имеют белую кожу и величиной в ладонь. То же говорят и киргизы. Хотя по верховью Чилика, кроме кипеца, не растет никакой другой травы, но тем не менее жестокой зимы, большого снегу, падежа и буранов никогда не было, по крайней мере старики 80 лет не помнят. Горы алатауские по Чилику и его притокам покрыты еловым лесом в изобилии. В долине, по берегам Чилика, особенных кормовых трав нет, кроме юсану и дикого маку (кызгалдак), зато берег реки богат тальником, джигдой, таволожником, джингилом, барбарисом, жимолостью. Эти кустарники образуют по сторонам реки густую зеленую аллею. По средине течения реки из окружающих ее тальников образуется высокий лес, называемый киргизами — Бау-Агач. При впадении в Или он покрывается камышом и саксаулом. Угол, образуемый Чиликом и Или до Каратурука, поблиз берега, как говорят туземцы, хорошие сенокосные места. В этом же пространстве к горам растет только чингил и чий. На пути

от Каратурука к Чилику на левой руке лежит водянистый лог, называемый киргизами по могиле одного батыра — Корам. Он проходит параллельно дороге. Конец его к Чилику образует болото и около имеет много сенокосной травы. На другом, сухом конце его лежат развалины крепостцы, или, лучше [сказать], остатки рва, около вырыт колодец. Предание киргиз гласит, что тут был калмыцкий пикет и что хан Аблай разрушил его и очистил долину Чилика от неверных. На самом Чилике выше Бау-Агача, к верховью лежат остатки другого более обширного кургана. Рассказывали мне сарыбагыши, что когда покойный Урман-батыр кочевал тут, то бабы и дети находили там жемчуг, коралл, бусы и другие вещи. Что касается до меня, то я сам лично нашел в первом кургане черепицы*) от глиняных ваз и горшков. От Чилика на озеро Иссык-Куль караванная дорога идет через Темирлик на Каркару, другая дорога, менее удобная для переездов, идет через верх Чилика, по горам Соготы, через асу того же названия, через горы Турайгыр, оттуда через три Мерке на Каркару; по долине Чарына на Каркаре путь Темирликский соединяется с Меркенским и идет через единственный (в отношении больших караванов) проход Санташ. Темирликская дорога более удобна, даже проходима колесными экипажами. Одно препятствие — лог, образуемый течением речки Темирлика. Через Соготы и Мерке путь хотя и проходим для верблюдов, но труден для колес. Так как при нашем отряде была одна телега и одна маленькая горная пушка, то мы избрали проход Соготы, как более кратчайший, навьючив на верблюда пушку и телегу.

Мая 16-го — ночлег на горах Соготы при ключе Карабулак.

От Чилика параллельно его течению мы направились на проход Соготы. Соготы есть ущелье, разделяющее на западе гору Соготы от горы Бугуты, что примыкает [к] восточной стороне его. Название *Соготы,* как объясняли мне киргизы, происходит от глагола сукмак — дуть. Там дуют постоянно сильные ветры. *Бугуты* —

*) Т. е. черепки — остатки гончарных изделий.

происходит от слова бугу — олень. Там много оленей.

Итак, мы шли прямо на юг, имея перед собой в центре гору Соготы, направо ущелье, через которое протекает Чилик, проламывает горы, отделяя Соготы от горы Асы и Саускандык. В этом же месте впадает в Чилик слева река Асы, отделяя собой гору Асы от горы Саускандык. Асы берет начало из западного склона одной из отраслей Алатауских гор, с северо-восточной стороны которого выходит Тургень. Верховья Асы по выходе из горного склона образуют небольшую горную долину, известную под названием «Летней кочевки Асинской», Асы-джайлау или Арал-тюбе. По долине Чилика, к горам, растет один только юсан на глинистой почве; несмотря на то, киргизы усердно вспахивали эту неблагоприятную почву. Проход через ущелье был от сильных дождей взрыт и испорчен. Мы должны были поехать через другой путь на самую гору через ключ Карабулак и ключ Уйтас. Проход этот был крут и труден для колес, но отряд наш и верблюды не находили большого препятствия. На северном склоне его есть одно крутое место и одна тропинка параллельно косогору. Вообще при небольшой работе его можно бы сделать очень удобным для телеги. Мы ночевали на южном его склоне около вершин при ключе Карабулак. В горах было много *ргаю*, *сары-агачу*, были также и *яблони*. День был дождливый и холодный.

Мая 17. Сторона терской горы Турайгыр. Асу Аир при ключе того же названия.

С горы Соготы через горное плато с большим склоном на Турайгыр прошли мы на асу Аир, при самом входе в который дождь заставил нас остановиться. Мы ночевали в горах Турайгыр, хотя по расстоянию мы могли бы переехать на сторону кунгей. Терскей есть общенародное имя северного или [северо-]западного склона гор, кунгей — южного или [юго-]восточного склона. В этой узкой между гор долине к горе Соготы было много *ревеню*, между тем к склону на Турайгыр рос один юсан и кипец. Ревень уже был отцветший, даже листья были уже красны. На правой руке параллельно нашему пути тек Чилик. Это течение, т. е. те-

чение его между Соготы и Турайгыром киргизы, как урочище, называют *Бартугай*. Налево шел параллельно же нашему пути по долине *Чарын*. Течение Чарына между окончанием гор Бугуты и Турайгыра киргизы называют *Сары-Тугай*, а течение его от впадения 1-й Мерке до Сары-Тугая — Ак-Тугай. Вечер был в этот ночлег холодный, и дул как осенний ветер. Всю ночь шел снег так сильно, что все пространство от Алатауских гор до равнин илийских белелось как зимой. Холод был сильный, мы все сидели в шубах, и в юртах развели огонь. Холоду было на 5° по Реомюру.

Турайгыр — значит гнедой жеребец. Предание киргизов говорит, что когда киргизы изгнали из этих мест калмыков-зюнгар, то на этой горе нашли гнедого жеребца. Турайгыр есть лучшее зимовье албанов. Говорят, что снегу там почти никогда не бывает, если и бывает, то небольшой и скоро проходит. Скот при самой дурной зиме и бескормии выходит в теле, питаясь одним только ягелем — так сильна трава и блага почва. *Джугумды эр**) (благое место) — говорят киргизы. В мае месяце привел нам бог застать в этом благом месте снег. Снегу было так много, что нужно было три солнечных дня для совершенного его растаяния — для нас время было дорого, и мы на следующее утро выехали и сделали небольшой привал на кунгейскую сторону горы на урочище Сулу Кара-Чокы.

18 мая. Кунгей горы, Турайгыр. Ключ на урочище Сулу Кара-Чокы.

Хотя асу, проход, Аир не так крут, как Соготы, но огромные камни, лежащие по дороге, делают его невозможным для всякого перехода телег и арбы. Камень, составляющий основу утесов этой горы, был песчаник, весьма хрупкий, тот, которым в Финляндии убирают шоссе. Ргаю, жимолости, вереску и других горных кустов было много. Здесь я встретил в первый раз особый род щавеля, называемого киргизами раваш, или рау-аш.

Растение это имеет пустой сочный стебель, наполненный приятно кислым соком. Листья его имеют фор-

*) Т. е. жер — земля, урочище, место.

му листьев обыкновенного щавеля, но гораздо большего размера. Вкус его напоминает гранат.

По выходе из гор перед нами открылась возвышенная к юго-западу [и] к горам Куулук долина. Долина эта ограничивалась на юго-востоке горами Куулук, на юге проходит Мерке, далее, на юге — горы Алатау, на юго-западе — ущелье Чилик и Джинчке, на западе — хребет Уч-Кумбель и на севере — хребет Турайгыр.

По правой руке от нашего ночлега протекал Чилик. Ущелье его, которым он рассекает Алатау, и ущелье речки Джинчке, тут впадающей в Чилик, виднелись перед нами. На левой руке мы имели Чарын, собственно его [долину] Актогай и от него впереди на юго-востоке возвышенный мыс, которым Куулук соединяется с коренным хребтом и по которому текут три Мерке, впадающие в Чарын. Мы шли на эту плоскость. Долина постепенно к Мерке возвышалась. Она вся была покрыта травой, называемой киргизами «чытыр». Трава эта двух видов: одна имеет желтый цвет[ок] крестом, продолговатые стручки с зарубками, как бы витые и прямые листья, другая же — цвет[ок] белый, головчатый, стручки ровные цилиндрические, но загнутые в виде бараньего рога, и зубчатые листья. Как первая, так и вторая порода идет в корм, и скот от нее полнеет, особенно бараны. В долине этой водятся во множестве антилопы, известные под названием джирен*). Киргизы называют это животное кара-куйрук (черный хвост). На Кавказе и в Даурии ее называют дайран. Дикокаменные киргизы и илийские калмыки называют джирен. Они плодятся в мае.

Киргизы поймали несколько козлят, и мы за нашим походным столом имели котлеты из этой дичи.

19 мая. Река Первая Мерке.

Когда мы поднялись на возвышенный перешеек, соединяющий горы Алатау с хребтом Куулук, перед нами открылась расщелина, высокий утесистый лог. По дну его в виде тонкой ленты извивалась довольно бы-

*) Т. е. джейран.

Рис. 20. Ночлег экспедиционного отряда на р. Мерке (1856).

страя речка Мерке. С высоты течение реки было живописно: по зеленому и ровному логу синелась речка, берега ее были окаймлены с обеих сторон в виде аллеи ивами. Мерке (их три) впадают в Чарын, берут начало свое из Алатауских гор и текут по *всей длине* перешейка, образуя глубочайшие ущелья, и впадают в Чарын, который, проламывая, только *по ширине*, этот же перешеек, огибает Куулук и далее, повернув на север, впадает в Или. Мы ночевали на Первой Мерке близ впадения ее в Чарын.

На Мерке очень много аркаров и диких коз. Я охотился за ними, но безуспешно. Аркары плодятся рано, еще на Капале я видел маленького козленка. Козы же, судя по козлятам, которых мы видели, бросают [их] в конце апреля. Вообще Алатауские горы славятся козами, аркарами, маралами. Каракуйруки попадаются только в долинах. Здесь я видел из птиц: галки, дикие голуби, черный ворон, называемый киргизами...*), рябчики, называемые кеклик, губоноски (аир вуклек), горные скворцы (с красными перьями) и сорокопуды**). Из хищных птиц на месте нашего ночлега парили коршуны и особая порода [орлов] из рода ягнятников, белая, как лунь, концы крыльев черные, ноги красные.

20 мая. Ночлег на речке Чирганак.

На Первой Мерке мы должны были очищать снег, чтобы ставить юрту. К вечеру, хотя небо и очистилось от туч, но был резкий северо-восточный ветер и было холодно. Утром мы снялись. Снег покрывал все пространство. День был хороший и солнечный. Мы не могли смотреть: отражение солнечных лучей на белом ярком снеге было ужасно нестерпимо для глаз. Как ни трудны были переходы через лощины трех Мерке, но при усиленном и всеобщем содействии отряда артиллерия была благополучно поднята на лямках.

Удивительный ландшафт представляет Чарын между утесных берегов при впадении Второй Мерке. Крутые берега, обставленные громадными утесами, пира-

*) Оставлено пустое место для вставки казахского слова «құзғын».

**) Т. е. сорокопуты.

мидальные ели растут под скалами и на скалах. Внизу с шумом, пенясь, струит свои зеленоватые волны Чарын.

Вторая Мерке гораздо уже и течение имеет очень слабое. Переход через нее и подъем не так крут, как первый. На Третьей Мерке мы дали отдых лошадям и обедали. Долина, образуемая течением Третьей Мерке, довольно широка и болотиста. Речка глубже даже Первой [Мерке], воды более. Ивы, растущие по берегу ее, гуще других. Здесь растет одно кустарниковое растение, по листьям своим похожее на тал, но с колючками, как боярышник, и кора его походит на боярышник, впрочем, несколько темнее. Киргизы его называют черганак. Дерево имеет красноватый цвет, почему киргизы из него делают стволы*) для ружей. Ягоды его очень походят на облепиху. Подъем Третьей Мерке очень легок. На скалах между Первой и Третьей Мерке растут следующие кусты: ргай, сары-агач, роза с желтым цветом и мелкими листьями, караган довольно высокого росту с очень мелкими листьями (киргизы называют его бор-караган), вереск, жимолость, кизилча (вроде хвоща с толстоватым стеблем. Пепел его туземцы кладут в нюхательный табак). В горах около вершин Мерке, вплоть до Асы, впадающей в Чилик, растет под снежной линией ель, годная для построек. Во время прохода нашего через возвышенный, как мы выразились, перешеек, налево лежит Куулук, направо — основной хребет Алатау. Окончание Куулука огибается Чарыном, который берет начало с восточной стороны его. Три Мерке впадают в Чарын на этом перешейке. Проход, который образует Третья Мерке своим истоком с Алатау, называется Тубулды Асу. Это один из трех главных проходов дефиле**) на озеро Иссык-Куль. В наш проезд он остался в стороне, мы должны были быть на Каркаре, где кочевал род бугу. Тубулды Асу, говорят, труден для колесной езды. Дорога идет по густому еловому бору, который, конечно, тогда был покрыт снежными сугробами. После подъема с Третьей

*) Имеются в виду ложа.

**) Теснина, ущелье или узкий, тесный проход.

Мерке дорога делается более удобной. Три незначительных спуска через логи и два ключа, последний спуск при камне Тиек-таш открывает луговую ровную долину Чарына. Долина эта соединяется с долиной Каркара. Тиек-таш — ущелье, которым Чарын прорезывает северный нос Куулука и отделяет его от перешейка Третьей Мерке. Долина Чарына налево ограничилась Куулуком, направо небольшим и невысоким продолжением подошвы столового перешейка. Со впадения в Чарын реки Чирганакты, где мы ночевали, открывается круглая долина, называемая Каркара, по имени речки того же названия, которая протекает по самой ее середине и впадает в Чарын.

21 мая. Речка Каркара.

Река Чарын составляется из следующих речек. Собственно ее начало — Чон-Каркара из гор Каркара, при урочище Кокжар, Турук. В нее впадает Джель-Каркара, которая берет начало из сев-зап. склона горы, которая дает начало речке Сарыжаз, почему и называется Сары-Джазнен Тау; речка Кегень берет начало из солонцов, называемых Кеген и Кок сазы и из солонцов Ильчен-Буйрук саз по западной стороне гор Куш-Мурун (которая есть окончание хребта Темерлик), течет на гору Куулук, где, соединяясь с Каркарой, называется Чарыном. В Кегень со стороны Куш-Муруна впадают ключи: Чибжын-булак, Курайлы. Из самого носа Куш-Муруна вытекает *теплый ключ.* Кроме этих речек и ключей, независимо [от] системы Чарына, из горы Каркара течет Чулак-Каркара, которая, не доходя до Чон-Каркара, теряется. С Куулука на Кегень течет речка Чибдженке, которая также, не доходя, теряется. От Куш-Муруна на SSO лежит отдельная сопка или курган, называемый Манасненбозтобе. Предание туземцев говорит, что богатырь их Манас (герой замечательного в народе эпического сказания) имел на ней свой лагерь во время войны с калмыками.

Долина Каркара ограничивается на севере проходом через Темирлик. На NO*) имеет проход трех

*) Описка. Нужно NW, т. е. северо-запад.

Мерке, на SSW — проход Сан-Таш в горах Киргизского Алатау, на NO — хребет Куш-Мурун, на ONO — горы Лабасы и от OSO на SO — горы Уч-Каркара. Между Лабасы и Куш-Муруном за китайскими караулами виднеются горы *Сумбенен-тау и далее Кеушен-тау*, пик Арткан с проходом того же названия. В самой долине от впадения речки Сарыяза в Кегень идет холмистая гряда, называемая киргизами Тасма-джон, и оканчивается у речки Каркара. Направление она имеет с северо-востока на юго-запад. На восточной стороне этой гряды в лощине лежат соленые ключи, называемые Каркаранен-Кайнаткан-туз. При выходе своем ключи образуют резервуар, покрытый сплошной отвердевшей массой солонцеватой грязи. Посреди этой коры, *уповательно*, от действия подземного (говоря же в строгом смысле — под словом земля разумеется нами верхний солонцеватый дек) родника образовалась правильная кубическая масса этой же материи, высота ее 2,5 саж., длина — 3, ширина — 2,5 саж. За горами Лабасы на юге лежат горы Текес; из которых вытекает река того же названия, составляющая истоки Или.

Другое соленое *озеро*, называемое Бора-Дабысын, лежит на восточном склоне Лабасы. Озеро это через лог соединяется с кегенскими солонцами. Все места от Чилика вплоть до Санташа, как сказывают бугу, принадлежали прежде калмыкам. Лет тридцать тому назад на Турайгыре кочевали калмыки, зимовали в Куулуке. Пограничные пикеты их стояли на Первой Мерке и на соленых ключах Каркаринских. В настоящее время китайские калмыки рода зургансуун и аргын-суун кочуют за горами Куш-Мурун и Лабасы. За горами Сумбе находится город и ламайский хит. При Куш-Муруне есть поселение для добывания свинцовой руды. Разработкой занимаются шампань — преступники, сосланные из внутренних губерний. Урочище Каркара есть летнее кочевье. Кочуют на нем албаны и дикокаменный род бугу. Долина славится своим благоприятством скоту: здесь нет [ни] оводов, ни комаров. Вообще в долинах алатауских насекомых

встречали мы мало. Вообще воздух здесь холодный, особенно ночи.

22 [мая]. Второй ночлег на реке Каркаре.

С Чирганакты мы шли на юго-восток и по течению Каркары; сделавши несколько верст, остановились при той точке, где холмистая гряда Тасма, оканчиваясь у берега реки, образует яр. Ниже этого места берег реки лесист, покрыт довольно густо тальником (ивой) и кара-черганаком. На берегу, на песках, попадается нередко *саксаул*. В реке водится мелкая порода рыбы, называемая туземцами *чабак*, русскими — *османка*.

23 [мая]. Там же, ночлег. Джидели, бугу.

Носился слух, что пишпекский фарманчи (губ[ернатор]) с 1 500*) человек пришел на Кутемалды. Манап сарыбагышей Умбет-Али будто взят в плен, скот его разграблен. Говорили некоторые болтливые бугинцы, что бии их распустили этот слух ложно, чтобы мы не шли на озеро, занятием которого свобода их может навсегда уничтожиться. Другие говорили, что четыре человека ташкентцев находятся теперь в ауле у Бурамбая, влиятельного манапа всего рода бугу, и что они приглашают их к себе для решения [распри] с сарыбагышами. Для бугу решение это, конечно, было бы выгодно: они дали уже 30 лошадей зекету, между тем как Урман разрушил ташкентские курганы, а преемник его Умбет-Али не явился к ним по требованию. Понятно, что бугу хотели бы отделаться теперь от русских, от их подвод и могли бы победить через участие сартов, сарыбагышей. Впрочем, все это слухи. Мы решили во что бы [то] ни было идти на озеро.

24 [мая].

Были у нас представители рода бугу. Влиятельный старший манап — подполковник *Бурамбай Бекмурадов, Мурат-Али Берназаров* (старший по летам), *Казибек Ширалин, Карач* (чон) — бий отделения салмеке. Не были из влиятельных: представитель рода арык — *Токсаба Олджабаев и Хакимбек*, брат его. Из черной

*) В подлиннике «С 1500 т.». Буква «т» нами опущена как явная описка.

кости бий *Телекмет* происходит из рабов Мурат-Али, и *Омар-Батыр*. Албаны решились с бугу.

25 [мая]. Ночлег на реке Тюп*) при проходе Сан-Таш.

Все утро 25-го числа шли переговоры между дулатами и бугу. Отправлены 10 казаков в аулы рода арык для сбора подвод. После обеда отряд снялся и пошли на северо-восток на Сан-Таш. От верховьев Каркары местность ровна, кормы обильны, вообще растительность самая богатая: высокая трава, как говорят киргизы, достигающая осенью до стремян всадника, разные широколиственные растения росли густо как по лугам, так по скату и вершинам гор. Особенно замечательны были растения: мята (английская) и род камыша с листьями, как на джугаре (сахарном тростнике). Киргизы это растение называют ак-кургашен, дикокаменные же — оленье ухо (марал кулак). Уверяли, что сок этого растения ядовит и производит опухоль. Скот его не ест до августа, когда он делается желтым и теряет сок. Запах имеет коровьего кала. На горах, по левой руке, росли кусты: тальника, рябины (особая порода, имеет гладкую и совершенно красного, карминного, цвета кору). Судя по снегу, который лежал в лощинах и на горах (горы же Санташ очень низки), можно полагать, что долина Каркара чрезвычайно возвышена. По выезде из ночлега направо [мы] имели небольшую возвышенность, продолжение гор Тубулгы-Асу направо**) — продолжение гор Каракара. Горы эти, как мы уже заметили выше, низкие. Дорога идет по болотистому логу, из гор направо и налево идет множество ключей, которые соединясь, образуют реку...***) впадающую в Каркару ниже впадения Джель-Каркары. Речка эта имеет направление с юго-запада на сев.-восток****). За этими ключами в логу лежит озеро (верстах в двух), которое в жаркие лета

---

*) У Ч. В. нередко встречается написание «Туп».

**) Описка. Нужно: «налево».

***) Пропущено одно слово. Нужно — Ир-су.

****) Направление течения реки Ир-су указано верно только относительно ее среднего течения.

высыхает. В озере видели мы гусей, называемых туземцами иртышскими. Эта порода имеет серо-пепельный цвет, на белой голове две поперечные черные линии, верх шеи и низ имеют темные повдольные полосы, разделенные между собой белыми тонкими полосами по бокам ее. Крылья этого гуся черны, ноги — желты, клюв — тоже. [Иртышский гусь] величиною меньше обыкновенных гусей и больше гагы.

В двух верстах от озера лежит течение реки Тюпа. Тюп имеет течение с юго-востока или (OSO на WNW) на сев.-запад. Речка Тюп имеет течение довольно быстрое, дно каменистое, берега ее покрыты ивой, чирганаком и *балгыном* (род саксаула). В реке попадаются рыбы. Наши казаки брали в невод рыбу, похожую на маринку. Киргизы называют ее кара-балык. Говорят, что ближе к устью в Тюпе много рыбы.

Тюп впадает в озеро Иссык-Куль. Параллельно течению Тюпа идет гряда низких гор, покрытых еловым лесом, называемая Тасма. За Тасмой течет речка Джиргалан, тоже впадающая в Иссык-Куль.

Сан-Таш — счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана саж. в 3, окружность саж. 35. Предание гласит, что когда Амир Темир-Курген (Эмир-Темир-Куркан*), так называют на Санташе Тамерлана) отправился в Китай для взятия себе в гарем дочери императора Каан-Чина (каан-чин есть титул императора китайского [по-тюркски] хакан-чин, император Китая,— [титул] обращен киргизами в собственное имя), то приказал каждому из своих воинов положить в одно место по камню. По возвращении своем, он велел всем солдатам взять по камню назад и положить на другое место. По оставшимся неподнятым камням он судил о своей потере. Место прежнего кургана лежит возле и теперь.

Исторические известия совершенно противоречат этой легенде. Тамерлан действительно шел на Китай, но при самом выезде из Самарканда умер в городе Отраре. Впрочем, во всех среднеазиатских легендах

*) По-казахски — Амир-Темир-Куреген.

Тамерлан играет первую роль, как в средние века в рыцарских поэмах Карл Великий и в русских сказках Владимир Красное Солнышко. Все мечети, все древние водопроводы Туркестан приписывает своему завоевателю Эмир Темиру Сахиб Керан (победителю мира). Во всяком случае, для сооружения сан-ташского кургана нужно было много людей и много труда и, конечно, он есть памятник, завещевающий грядущим дням какой-нибудь знаменательный факт в жизни какого-нибудь из прошедших [здесь] народов.

Кстати, другое предание о происхождении названия речки Каркара.

Киргизы в один из набегов на калмык захватили на этой реке двух молодых девушек, дочерей зайсана*). Аул их только что снялся на кочевку. Они остались на месте, чтобы заняться туалетом и явиться на кош — сборное место — в нарядном и праздничном виде. На головах своих они имели перышки, султаны. Киргизы перья эти назыв[ают] каркара. Вот и начало названия Каркары и легенда о том.

P. S. Дикокаменные киргизы насыпь Санташа приписывают киргизскому хану Ишиму, как памятник его победы над калмыками-зюнгарами. Это имеет более вероятия. Ишим действительно был на этих местах и действительно одержал победу над Хон-Тойдзием.

26—27 [мая]. Были там же.

28 [мая]. Ночлег на реке Тюпе, на южном конце прохода Санташ, при урочище Кенсай.

Двумя верстами ниже нашего ночлега горы, направо и налево окаймляющие долину Санташа, начинают приближаться к самому берегу, почему и дорога становится трудною. Весь путь лежит по косогору. Впрочем, пушка наша была перевезена [на верблюде]. Верблюды идут легко. По берегу растет много деревьев. Кустарники окружают берега реки густо и покрывают склоны гор. Кустарники эти: черемуха, черная смородина, называемая киргизами *кислица*, барбарис, вереск, жимолость, тальник — особенно обилен, на камнях ползет вереск и ак-тасба. На левом берегу растет,

*) См. прим. 97.

как на горах, так и на берегу, ель. Трава здесь хоть не так роскошна, как при входе в проход, но корму много. Мята — преобладающий habitus*). На горах около ночлега (25 числа)**) было много пионов. Я ездил в горы с ружьем. Попадалось много серн (иген), но стрелять их очень трудно. Из птиц видел: из семейства хищных коршуна, белоголового орла, мышеловку. Есть в горах голуби красновато-темного цвета. Дикокаменные киргизы наз...***). Уверяли киргизы нашего отряда, что они видели на вершинах медведей, оленей и кабанов. Говорят, что на Иссык-Куле и [в] его окрестностях тигр— не редкость. Далее в середине пути, направо от течения речки, проходит широкий лог, открытый на озеро, называемый Кенсу. Он вначале образуется впадением Тобулготы в Тюп. Тобулготы выходит из южного склона той же горы, откуда течет Третья Мерке. Ущелье их образует проход Тобулготы, о котором уже нами было сказано.

26-го числа [мая] был у меня певец, дикокаменный киргиз (рчи)****). Он знает поэму «Манас». Язык поэмы гораздо понятливее разговорного. Манас, герой поэмы,— ногаец, вот бесстрашный охотник до сбора жен. Вся его жизнь состоит в драках и в искательстве красавиц. Только нрав его не совсем восточный — он часто ругает своего отца, угоняет у него скот, вообще обращается с ним очень и очень неделикатно. Это странно. Вообще все кочевые народы уважают старость, и *аксакалы* (белобородые) пользуются [у них] большим почетом.

В этой поэме сталкиваются на Чу, Ташкенте, Или и озере Иссык-Куль три народа: ногайцы, кайсаки и киргизы. Кажется, сближения их не могло быть, да и приход их на озеро, как говорили они сами, не далее, как 70 лет [тому назад]. Дикокаменным ордынцам небезизвестны ногайские предания: они знают Едигея и рассказ [их] похож на киргизский. Они также говорят:

---

*) Вид (лат.).
**) На полях против этого рукой Ч. В.: «к 26 числу.».
***) В рукописи пропущено 1—2 слова.
****) Собств. ырчи — певец, сказитель.

كچه كـــى اون سان نوغاى بلكاندا
اورمانبت بـــى اولكاندا
اوردنك قراجغاچى
اسمانغه اوچوپ كتكاندا...*

Странно, [что] ногайцы замешаны во все предания всех кочевников среднеазиатских. Ногайцы «ташкентские» упоминаются в «Манасе». Джаныбек, Асан-Кайге[76] известны и здесь. Пестрый жеребенок (двух лет) — [ала] тай, наделавший столько бед, занимает и киргизов. Будет о ногаях.

С долины Тобулготы открылся нам так ожидаемый Иссык-Куль, предмет нашего *риска.*

В наш поход 28-го числа [мая] открылись в первый раз овод, комары. Дни с выходом нашим с Санташа на озеро делались заметно жаркими. Со вступлением в горы мы не видели ни одного хорошего дня. Насекомых мы видели очень мало, почти не видели. В ночлег 28-го числа мы видели много куркурии. Здесь днем очень жарко, но ночи очень холодны. Говорят, что в долине озера всегда стоит жара. Киргизы говорят, что они всегда принуждены бывают «призывать» дождь.

У них есть шарлатаны, которые заклинаниями призывают дождь, они называются «джайчи». Это поверие, впрочем, древне-тюркское: восточные историки говорят о каком-то камне — джаде, имеющем силу призывать дождь, и говорят, что он был дан богом Яфесу[77], отцу тюрков, в знак особого своего благоволения его потомству.

29 числа [мая]. Ночлег при урочище и речке Карабатпак (Черная грязь).

С Кенсу отряд наш снялся в 4 часа 5 минут и пришел в половине десятого на ночлег. Мы шли по широкой долине, вдающейся клином с иссык-кульской равнины на Санташ. Начало этой долины, как уже было сказано, образуется впадением Тобулготы в Тюп. Мы шли на SW, имея налево низкую гряду *Тасмы,* напра-

* Когда разорялись вчерашние десятисанные [сан — неопределенно большое число] ногаи. Когда умер Урманбет-бий, Когда «взлетели на небо» черные леса орские...

во — южный склон Алатауских гор. Дорога идет все по самой подошве гор. Трава здесь бездельная*), но для скота, как корм, растительность превосходная. Мы проехали много речек, впадающих в Тюп, которые истоками своими, прорезывая горы, образуют проходы — асу. Вот их названия: речка Корымды — верховья ее выходят из южного склона одного и того же белка, из которого течет Третья Мерке. Она имеет асу, называемую *Корымды*. Проход этот идет сначала по течению Мерке до урочища Бишкарагая (пяти сосен) и оттуда на речку Корымды. Через этот проход могут пройти только всадники. Речка *Джинчке-су* в соединении с течением Второй Мерке образует тоже проход для верховой езды. Проход называется Второй Меркинский. Речка Талды-су. Она с противоположным течением Чон-Мерке имеет верховой асу. Речка *Чаты* (Саты)**). Она тотчас по выходе из гор разделяется и впадает в Тюп несколькими рукавами, их пять. *Чаты* имеет асу, который выходит на верховья Чилика и через верховья Джинчке и Асу***) (впадающих в Чилик) соединяется с проходом Тургеня. Проход этот хотя в общем и удобен для караванной езды, даже для колесной, но есть одно трудное место, саженей 15, где дорога идет по узкой тропинке, проложенной на крутом косогоре. Внизу имеется бездонная пропасть. Деревянные перила ограждают пропасть. Проложение тропинки и постройку перил приписывают батыру *Атеке* (отцу Джантая). В междуусобной вражде сарыбагышских манапов Исенгула и Атеке последний должен был укрыться от внезапного нападения врага и прошел с кочем своим первый через Чаты. Но, впрочем, были примеры, что на хороших, сильных и молодых верблюдах в экстренных случаях проходили кочи и караваны.

На дороге мы видели в первый раз дикокаменные могилы. Между Талду-булаком и Первым Чаты, ближе к первому, есть одно кладбище. Там есть следы двух

---

*) Т. е. «не возделываемая».

**) Это название киргизы произносят: *Чаты*, казахи — *Саты*. Ч. В. сохраняет оба произношения.

***) Т. е. — «Асы.

валов в виде маленького квадрата (могилы киргизов строятся в виде курганов)*) — это, как говорили киргизы, могила Кара-Бека, сына манапа *Атеке*. Он был убит при нападении Аблай-хана на сарыбагышей, аул которых был на верховьях Чилика. Ближе к Чаты есть другое кладбище. Если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил.

По всей степи разбросаны остатки могил, сделанных прочно из выжженного и покрытого глазурью кирпича. Могилы эти заставляют думать по своей архитектурной замечательности, что в степях их был народ оседлый, знакомый, в известном роде, с искусством. Но, принимая в соображение страсть киргизов воздвигать молельни и строить курганы, более или менее затейливые и трудные, при их образе жизни и невежестве, можно полагать, что развалины зданий в степи есть тоже могилы или молельни. Вот примеры, подтверждающие это предположение.

Киргизы, киргизы прошлого века**) непременно обязаны были место успокоения***) какого-нибудь батыра ознаменовать потомству или большой земляной насыпью, или стеною в виде крепостцы, или уступчатой башней. Все это они делали, смотря по средствам, из жженного или земляного кирпича. Громадность — эмблема могущества покойника. Подобные могилы попадаются повсюду в Большой Орде. В найманских родах делаются до сих пор.

Люди богатые выписывали из Туркестана мастеровых и платили им дорого за постройку монумента. Так строили Сюку (в Большой Орде). Джантай, манап дикокаменных [киргиз], заплатил кашгарцу за постройку могилы четыре девятки скота, сто баранов. Девятки состояли: 1-я раб и 8 лошадей, 2-[я] — верблюд и 8 лошадей, 3-я — лошадь бегунец и 8 лошадей, 4-[я] — вол и 8 коров. Могила эта действительно сделана хорошо—

*) Было написано: «Следы двух [курганных] вала в маленьком квадрате». Затем исправлено, как в тексте.

**) Описка. Вероятно, следует читать: «Киргизы и киргиз-кайсаки»...»

***) Т. е.— «упокоения».

имеет форму затейливую, вообще же напоминает разв[алины] в степи.

В степи развалин городов нигде не видно — отдельные кашены (станы), находимые в степи, по форме своей не что иное, как могильный монумент. Знаменитый монумент Козу-Корпеч, по преданию, поставлен как могила.

На этом основании я имею повод думать, что развалины, лежащие в юго-восточной полосе степи, суть только остатки могил — и от народа *кочевого*. Но не об этом здесь место говорить.

Могилы у дикокаменных [киргиз] не так хороши как у киргиз-[кайсаков]. Насыпи небольшие, несколько камней, просто палка, воткнутая в землю*), показывает на место как на последнее жилище человека. Могилы в виде стены по косой ставке**) кирпича скоро разрушаются и нет в них формы. Есть, впрочем, у дикокаменных киргизов несколько великолепных (в своем относительном роде) [могил.]. Такова могила *Ногая* из рода салмеке в роде бугу и сына Джантая из рода атеке-сарымша. Последний монумент лежит при устье Тюпа — снимок с него прилагается при сем.

P. S. Она построена кашгарцем и потому дает понятие о кашгарской архитектуре могил.

Могила эта выбелена очень складно, внутри имеет роспись разными цветами в восточном вкусе, кирпичи для здания нехорошо выжжены и сложены без извести, почему [в стенах] оказались трещины. На стене сделаны воздушные окна.

30 [мая]. Ночлег там же.

Мы ездили на устье Тюпа и в заливах бросали невод. Взяли несколько штук маринки, называемой киргизами кара-балык, язей, называемых киргизами *каңылтыр*, подъязей***) и чабаков (маленькая порода, попадающаяся в Иртыше). В заливах озера было так много рыбы, что дикокаменные киргизы [в] камышах

---

*) Зачеркнуто «могилу», написано «землю».

**) Имеется в виду узорчатая кладка стен.

***) Видимо, это чебак иссык-кульский (Leuciscus Schmidti).

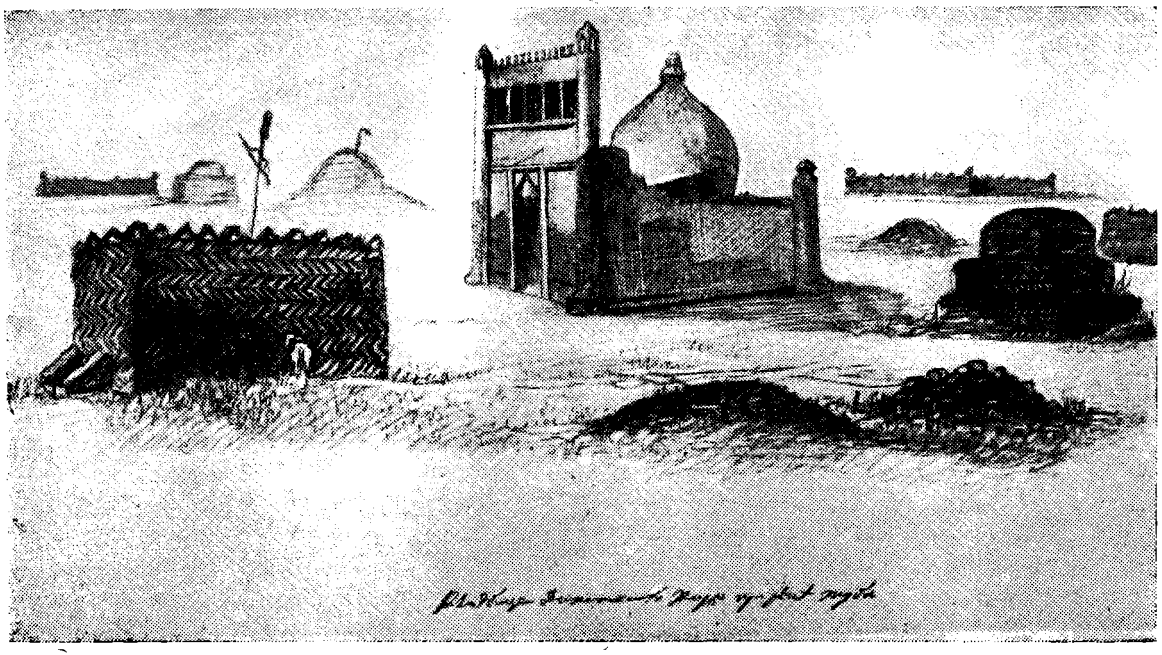

Рис. 21. Архитектурные сооружения иссык-кульских киргизов.

рубили [ее] саблями и в наших глазах карачевские*) киргизы поймали таким способом несколько штук рыб. В этот день казаки делали новый большой невод.

На берегу Тюпа и самого озера было много мелкого чирганака. Киргизы говорят, что несколько лет тому назад нельзя было проехать через эти леса. На озере водятся из птиц: утки, гуси, бакланы черные маленькие и черная цапля-рыболов. Бакланов киргизы называют кара-каз, а черную цаплю карабай**). В моей юрте убили трех змей. Их много.

1 [июня]***) я отправился в аул *Бурамбая* с Казибеком. Аул его стоял, как говорили киргизы, на Джиргалане, верстах в 35 от нашего ночлега. Я проехал через брод Тюп почти при его устье и потом поднялся на возвышенную гряду *Тасма*, разделяющую долину Джиргалана от Тюпа. Наконец, в полдень открылось перед нами течение речки и аулы в виде белых точек. Их было много. От киргиз, встреченных нами на дороге, узнали, что Бурамбай укочевал дальше.

День был жаркий, солнце палило, как на экваторе, нужно было отдохнуть и при вечерней прохладе, как говорят казаки, по *салкинчику* отправиться далее. С этой целью [мы] повернули в близкий аул. Хозяин аула, молодой человек, вышел ко мне навстречу и сказал, что он сын Бурамбая, имя ему *Клыч* (сабля). У Клыча стояла палатка — мы поместились в ней. Нам, как почетным гостям, принесли чаю, заваренного с солью в кувшине, вроде калмыцкого затурану. Потом подали кумыс. Мальчишки и киргизы со всего аула собрались около палатки в ожидании полакомиться бараньими костями. Ожидания их были тщетны — я освободил хозяина от этой миссии****), да и обедать было не вовремя.

Надо сказать, что женщины вообще нас боялись и долго не выходили из своих юрт, только при отъезде нашем показалась молодая баба в полосатом бухарском халате и девка в белой рубахе (это заменяет пла-

*) Имеется в виду манап Чон-Карач.
**) Карабай — [каравайка, Plegadis falcinellus].
***) В рукописи ошибочно «мая».
****) Т. е.— «обязанности» [раздать кости].

тье) и в красной остроконечной шапке с кисточкой. Впрочем и они скоро скрылись. По свидетельству киргизов, у них, как известно всем бывшим [в] степи, взор быстрый и дальновидный (в буквальном смысле). Баба была очень недурна собой, но очень худа, а девка, говорили они, была вполне красавица — разумеется, в их вкусе. Красота женщины у киргизов состоит: в округленности и степени полноты тела, в лунообразном шаровидном овале лица и в красноте щек, которые поэты их сравнивают с кровью, упавшей на белый снег.

Поехали дальше. На дороге попадались беспрестанно аулы, но живого существа нельзя было видеть — все бросались в юрты с криком: Урус! Урус! (русские, русские). Чтобы отстранить подозрение и завлечь любопытство прекрасного пола, я предложил нашим киргизам затянуть киргизскую песню и сам оделся киргизским *салом* (франтом). Уловка эта, действительно, увенчалась полным успехом. Все бабы посыпались из юрт, даже одна из них затеяла похоронный плач, адресуя к нам, как к правоверным.

У дикокаменных киргиз, как и у наших, жена должна в продолжение года оплакивать с криком смерть мужа. Когда проезжают мусульмане, словом *свои,* они должны петь. По расспросам мы узнали, что плакальщица лишилась в сарыбагышском деле мужа. Черный флаг, повешенный на юрте, указывал на это событие, указуя также на степень лет, возраста покойника. Если на юрте развевается какой бы то ни было флаг, вы должны понять, что юрта лишилась одного из своих членов. Если флаг этот красный — умерший был молод, черный — средних лет, белый — старик. У нашей *аяч* (киргизская женщина) муж был средних лет.

Мы остановились и слушали элегию бедной матроны. Слов мы не могли расслышать, только по временам крики «ох!» и «кокй!» доносились к нам ясно. Один киргиз, бывший прежде в этой орде, сообщил несколько стихов, слышанных им прежде, и по ним мы могли заключить о характере этих песен. Вот одна из них:...*).

*) Опущены две строки киргизского текста.

Общий характер *плача* — жалоба богу, что с ней будет, и обращение к покойнику с вопросом, кто будет исполнять ее обыденные нужды, кто будет шить сапоги, кто будет с нею разделять просяную кашу и так далее. С окружавшими нас киргизами мы вступили в разговор. Узнавши, что я сам киргизский султан и потомок ханов, они сделались доверчивее, а пожилые *аячи* с участием смотрели на мое худое тело и безрумянное лицо и выводили резонное заключение, что я, бедняжка, наверно скучаю по матушке, и очень сожалели, что такого мальчика, как я, в такой дальной стороне, кто может приголубить, кто может очищать его белье от докучных чужеядных насекомых. Последние наивные их слова меня рассмешили. «Что за добрые и простые люди!» — думал я. Одна старушка принесла мне в чашке кумысу. В взоре и в словах [ее] было так много истинной доброты и участия, что я разом осушил чашу, чтобы только сделать ее довольной.

В следующем ауле уже нас ожидали. Несколько мужчин встретили меня с приветствием «алла-яр», как султана, и объявили просьбу, которая меня сначала поразила.

— У нас есть одна несчастная аяч, говорили они, одержимая джинами (бесами). Мы слышали, что белой кости человек может их выгнать.

— Как же я выгоню этих господ? — сказал я.

— Очень просто,— объявили киргизы — надо бить плетью нещадно нечистую храмину (под этим именем разумели субъекта, тело больной) — и все джины уйдут.

Как я ни старался уверить просителей, что все это вздор, никаких бесов нет, что она больна, ее надо лечить не побоями, а душевным спокойствием, но все это было попусту. Киргизы с неудовольствием отошли, как бы подозревая меня в жестокости: человек одним ударом может изгнать бесов и не хочет.

Делать было нечего. Я рекомендовал им одного киргиза, как султана, своего брата. Рекомендованный батыр быстро помчался в аул с поднятой нагайкой, приняв марсовский вид. Несколько баб держали не-

счастную жертву. Киргиз с криком бросился на нее и с особенным удовольствием начал свое дело. Несчастная начала визжать и при большом усилии вырвалась и бросилась бежать в юрту. Ее опять схватили.— Бей, бей! — кричала мать.— Бей! — повторяла толпа. Я не мог вытерпеть, подъехал сам к бедной аяч и запретил киргизу его лечение. Comme de raison*), что родные больной были недовольны моим вмешательством. Злобные взгляды всех устремились на меня. Только сумашедшая, увидев во мне спасителя, бросилась на шею, называя меня разными нежными названиями.

قالقالاين اكاكاى, الدينكنان كيتاين اكاى**

Когда все успокоились, я стал рассматривать больную. Ей было, по-видимому, не более 15 лет, хотя двухпрядная коса говорила, что она замужем. Она была очень и очень хороша. Большие черные глаза с особенной болезненной живостью блуждали во все стороны, как бы ища кого [то]. Лицо было бледное и худое. При всем этом она была очень хороша. На ней не было вовсе платья, кроме дырявого халата внакидку и исподн[и]чного***) платья. Я пробовал с ней говорить, но на все мои вопросы она отвечала отрывисто — одними именами: «Джамбек! Чон-отец! Кара-джан,— и пр. и потом, боязливо указав на одного молодого киргиза, прибавила: — Мое зеркало... он изломал... воротник разорвал»... и, сказав это, с особенной поспешностью спрятала свой головной платок, озираясь, чтобы никто не заметил. По дальним расспросам [я] узнал, что имена, которые она говорила,—суть имена ее родных. Замужем она год, и муж ее — молодой киргиз, тот, на которого она указывала пальцем. Тогда все стало ясно. Муж ее бил, разбил у неё зеркало, разорвал рубашку. В доме родителей она была единственная дочь, следовательно, любимица отца и полная госпожа своих прихотей. От жестокости мужа, от деспотического обра-

*) Как и следует, само собой разумеется *(франц.)*.

**) Да буду я защитой твоей, дяденька! Да умереть мне раньше тебя, дяденька!

***) Искаженное слово «исподнее» — нижнее.

щения она помешалась на прежней своей свободе. И вот причина, почему она все называла их имена.

Уверив ее и родных, что она теперь будет здорова, мы уехали дальше, заказав мужу не ломать более зеркал и не рвать рубашек, если он хочет видеть жену здоровою.

На месте, где указали нам аул Бурамбая, мы [его] не нашли. Долго блуждали, сделали верст сорок лишних и только к вечеру напали на пастуха, который и привел нас в ущелье, где на самой высоте на снежной линии [мы] увидели вечерние огоньки киргиз. Нам поставили юрту, дали чай и, в заключение, закололи барана. Через несколько времени явился сам Бурамбай и после обычного приветствия начал общий разговор о сарыбагышах — у кого что болит, тот о том и говорит.

2 [июня]*). Аул манапа из рода бугу Бурамбая Бекмуратова при урочище Тулпарташ.

Юрта поставлена была для нас на возвышенном месте, почему утром мы с высоты начали наблюдение. Внизу в лощине были рассыпаны киргизские аулы. Обычного шума и лая собак и движения, как бывает в киргиз-кайсацких аулах, не было — все было чинно и мертво. Низкие юрты стояли отдельно на определенной дистанции, образуя в совокупности круг. Внутри аула, в середине его, были привязаны жеребята, и доили кобыл, там же бродили коровы и бараны. Я хотел видеть юрту самого манапа. Бурамбай сначала отговаривался, говоря, что его юрта мала, что все его имущество разграблено сарыбагышами, но неотступная молитва**) моя победила его упорство. Бурамбай согласился и просил дать несколько минут на приготовление. Наконец нас позвали. При входе моем сидели в юрте несколько киргиз. «Уда-коб!»***) „أودا قوب!“ — крикнул хозяин, и сидевшие встали. Я прошел на почетное место юрты. Madame****), пожилая женщина с длинными зубами (так что губы при всем с ее сторо-

*) В подлиннике ошибочно: «Мая».
**) Слово «молитва» вместо «мольба».
***) Встать разом.
****) Госпожа *(франц.)*.

ны усилии не могли их закрыть), в пестром халате сидела на бараньей шкуре, заменявшей ковер... Я сказал ей несколько приветственных слов, осведомился об ее драгоценном здоровье и о благополучии скота — на все это она отвечала киванием головы и при каждом кивке скалилась, обнаруживая полный ряд длинных зубов... Заметив, что вопросы мои причиняют много беспокойства, я оставил madame в покое и начал осматривать юрту. Направо от дверей была перегородка из чия. Около стены юрты не было правильно сложенных сундуков, покрытых ковром, как у киргизских султанов. Наместо н[их] лежала груда войлоку. Несколько подушек, покрытых китайкой, были брошены на них. Подо мною был ковер очень недурной. Огонь теплился в юрте и около...*) очаг, два чугунных кувшина с водой. Между тем хозяйка достала из сумки вроде нашего sacvoyage**), сделанного из телячьей кожи, две китайские чашки и налила кумыс. Киргиз-прислужник принял напиток и, выпивши сам, поднес одну чашку ко мне, другую — самому Бурамбаю.

По приходе в свою юрту я приказал оседлать лошадей, чтобы ехать назад: цель моей поездки — видеть дикокаменных киргизов — была достигнута.

Бурамбай был особенно предупредителен при отъезде. Я его расспрашивал о родах, о манапах, и он заключил, что все это делается по повелению белого царя для дачи им наград. И действуя под этим впечатлением, почтенный манап предложил мне, как подарок, лошадь и кусок шелковой материи, говоря, что отпустить гостя *без ознаменования* — дело нехорошее. Я его уверил, что и без подарка я уже достаточно ознаменован и что его гостеприимство никогда не забуду — буду хранить в сердце. Мы простились добрыми друзьями, хотя через два дня после возникли недоразумения, ненормальные в отношениях не только друзей, но вообще знакомых людей.

Я выехал от Бурамбая в самом благоприятном рас-

---

*) Одно слово не разобрано.
**) Дорожный мешок *(франц.)*.

положении духа. Расположение это тем более поддерживалось, что обитатели попадавшихся аулов оказывали [нам] внимание, особенно женщины — они были очень благосклонны.

Мы поехали дальше...

В ауле уже знали, что я киргизский султан. Дочь одной почтенной старушки была в замужестве за киргизским султаном найманских родов. Так как здесь считают всех султанов почти за одно лицо, то и весь аул ожидал нас с нетерпением, чтобы узнать о судьбе своей родственницы. Я счел за нужное объявить себя не только знакомым этого султана, даже его родственником, и на вопросы их отвечал положительными фактами, выставляя их родную как любимую султаном ханшу. Говоря эту невинную и утешительную ложь, я имел в виду благое намерение сблизиться с народом и приобресть их родственную любовь. Ответы мои на некоторые чрезвычайно трудные вопросы, как-то: как зовут султаншу, сколько у нее детей, были так согласны с имеющимися у них сведениями, что я сам удивлялся своим надувательным способностям. Нечего говорить, что я сначала ловко выведал все им известное и дал уже ответы, сообразуясь с ними. Как бы то ни было, юрта, где я сидел, наполнилась молодыми и старыми бабами, и начался между нами доверительный разговор. Мы шутили с молодыми аяч и они, аячи, в ответах своих обнаружили неожиданную развязность и остроту.

Имея полную коллекцию разных женских костюмов, я начал их рассматривать. Дикокаменные женщины, замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным шелком. Верхнее одеяние их составляет обыкновенный халат такого вида и покроя, как носят мужчины. Они носят пестрые халаты, кроме синего [цвета] (который есть траур). Разница костюма и туалета замужней женщины от девки состоит только в головном уборе и в уборке волос. Женщины навертывают на голову два белых платка, один около щек, другой на голову в виде чалмы. Девицы же носят остроконечный белый фес с маленькой кистью. Волосы же женщины заплета-

Рис. 22. Женщины иссык-кульских киргизов.

ют в две косы, конец их соединяют в одну тонкую прядь, и убирают монетами, ключами, занкирами*) и другими подручными вещами. Девки расплетают волосы на множество тонких прядей, убирая их около ушей жемчугом, кораллом или бусами, смотря по средствам. Длина волос считается первой красотою, почему все женщины носят фальшивые косы. Натирания и другие косметические прикрасы в большом употреблении.

Говорят что в прежние годы девицы носили корсеты (затягивали [ими] груди), называемые кокузбек (كوكزبك). Носили также нагрудники, убранные жемчугом, монетою. Называют их *ала-тамак*. Все это было в старину.

Молодые женщины в торжественные случаи носят *саукале*, белый головной убор.

Внимательность *аячей* по выходе из их аула вызвала от наших киргиз много анекдотов уморительных по языку. Один господин рассказал, как бывают находчивы дикокаменные девицы на rendez-vous**), добровольно назначенные...***).

3-е июня ночевали в ауле дикокаменных киргиз рода джелден, у подножия Эмена. Случилось одно неприятное по последствиям происшествие.

Вечером 3-го числа я остановился на обед у старого знакомого *Клыча*. 4-го вечером приехали в отряд, расположенный на новом месте на реке *Кудурге*, проехав по прежней дороге через Тасму и Тюп. Тасма — гряда гор, разделяющая долину Джиргалан от долины Тюпа. Речка эта берет начало из горы Сырт, из которой [вытекает] и Тюп, только из южного склона. Течение имеет довольно быстрое, при исходе из гор не имеет даже брода. Берега ее покрыты ивой, жимолостью и другими кустарниками. В Джиргалан впадают справа из горы Санташа речка Кызылкия, слева с Алатауских гор — речка Тургень-Аксу, другие мелкие ключи не имеют известного названия. В горах растительность богата, склоны их покрыты еловым лесом, всюду и по тескею леса эти идут до речки Тычкан.

*) Занкиры — побрякушки.
**) Свидание *(франц.)*.
***) Опущен отрывок на киргизском языке.

По Тасме растет кипец, трилистник, читыр и юсан. На Тасме видны следы древних арыков, валов и рвов. Киргизы говорили, что по всему протяжению Тасмы идут следы арыка, по преданию сделанного калмыцким ханом Бака Манджу. Тасма мысом вдается в озеро. Мыс этот называется Коке-Холасун*). По ту сторону Джиргалана, при его устье, стоят две сопки Бур. Из них в устье Джиргалана впадают три ключа, называемые Уч-Джергеч.

Около Карабатпака к озеру лежат болотистые места. От нашей стоянки при последнем Чаты Карабатпаке далее в недельном от него расстоянии текут два ключа, называемые Сарыбулак; местность от Сарыбулака до речки Курменты камениста, повсюду лежат огромные куски камней. Тут я нашел вошедших в половину в землю *баб* (камни с изображением человеческого лица).

Удивительно было, что на месте их нахождения не было кургана, к[ак] это попадается в Малороссии, Сибири. Не определено до сих [пор], что означали эти бабы и кем поставлены. Виденные здесь мною изображали лицо с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаз напоминает монгольский тип**).

Растит[ельность] этих мест была очень слаба. Зато за Курменты к реке Ишаната (ايشان تا) корма были очень богаты. Здесь я видел *ебелек. Ишаната* есть собственно название осиновой рощи при устье реки. Так как на озере нигде нет осинового леса, то в роще этой видели сверхестественное явление, называя святыней. Все ветки были убраны жертвами, лоскутами из...**) волос и от платья. На долине реки Курменты происходила знаменитая свалка сарыбагишей с бугу. Аул первых был под святой рощей, а бугинцев — на Сарыбулаке, почему причиной своего поражения бугу считают пристрастие святой рощи к своим соседям. На берегу Ишаната много зеленых насыпей, курганов

*) Коке-Кулусун.

**) Речь идет о тюркских каменных изваяниях.

***) Одно слово не разобрано. Можно прочесть: «ко[нских]», «чел[овеческие]».

Заливы озера при устье Сарыбулака и Курменты, протоки, соединяясь, образуют полуостров, имеющий сообщение с долиной через малый перешеек. Остров этот называется Кара-булун, он считается неприступным. Между Ишаната и *Кудургой* лежит маленький ключ, называемый Каранджарды-булак. Кудургой называется тоже мыс, вдающийся в озеро по правому берегу речки. Здесь отряд имел ночлег.

2 июля. Дневка тут же. День троицы[78].

На пройденном нами пространстве лежали через горы следующие проходы — асу: первый — проход *Курменты* образует река Курменты, впадающая в озеро Иссык-Куль. С северного склона этой же горы течет другая речка, называемая также Курменты. Она впадает в Чилик, потом через проходы речки Джинчке на проход Кзыл-Асы, на Асы, а там по Тургену на долину Или. Кудурга имеет также проход, но неспособный к другим переездам, только к проходу барантовщиков. Курменты же один из лучших проходов в Алатауских горах. Через него идут даже караваны.

4-го [июля]. Отряд двинулся далее через три ключа, называемые Урюкты, и стал на третий. Дорога от Карабатпака через все речки удобна к езде всякого рода, даже колесной. Долина кунгей от Сарыбулака постепенно заметно суживается и имеет ширины только на 2,5 версты*) — здесь же долина имеет ширину верст на пять. В верховьях этой Урюкты, при самом выходе ее из гор, стоят остатки древнего кургана. Курган этот сохранился еще заметно. Он имеет в окружности [около] квадратной версты, окружен тремя стенами — внутренние выше внешних—и имеют возвышение вроде бастиона; на углах ее**), обращенных к юго-востоку, стоит большое возвышение вроде тех, какие ставят калмыки для караулов.

Следы зданий видны везде. Немного ниже лежат *курганы* еще древнее по виду и имеют ширину на *версту*. В реке мы нашли чугунный котелок.

Ниже третьей Урукты лесов хвойных вовсе нет. По

*) В рукописи: «Имеет только ширины на 2½ версты».
**) Т. е. на углах стены.

всей долине до Кутемалдов лежат камни, затрудняющие не только колесную езду, но даже лишающие ног лошадей. Чтобы поставить лодки, мы возвратились к 5-му [июля] на Первую Урукту, где жил я до 12 числа. Байсерке с сарыбагышами отправились с Третьей Урукты.

Числа...*) июля я решился оставить Иссык-Куль. Все, что нужно было мне видеть и знать, уже было кончено. Дело же сарыбагышей пошло в долгий ящик.

Простившись с добрыми сотоварищами по походу, я поехал обратно, имея в виду опасный и трудный проход Чаты. Через хребет Кунгей-Алатау, как вам должно быть известно по дневнику, существует много проходов. Самый важный и удобный для езды всякого рода — это Санташ. По нем проходят караваны. Все другие способны только к верховой езде. В проходах этого разряда, нет сомнения, Чаты занимает первое место, второе — Курменты, Байсаурук и Каскелен. Чаты открыт во все времена года, даже и тогда, когда в обильную снегом зиму и Санташ делается непроходим. Курменты, Байсурук [и] прочие открываются только в августе, когда снега горных глетчеров начинают уменьшаться. Они тогда бывают гораздо удобнее Чаты... А потому я решился ехать через Чаты, тем более решился, что он есть самый опасный и трудный. В качестве туриста я искал приключений. Проехали обратно по пройденной прежде дороге до впадения Чаты в Тюп без приключений, только убили змею на Кудорге и затравили кабанов при Курменты. Земляные курганы, о которых [я] уже говорил, лежат по левому берегу Ишан-ата, а бабы—как между Ишаната и Курменты, так и до Сарыбулака: места эти — самые обильные остатками прошедшего. На этих местах есть могилы или насыпи четырех родов, по-видимому разных времен: первая — это холмистые насыпи, затем были современные им, конечно, могилы в виде четырехугольника, — ряд камней, торчащих из земли в виде столпа в форме четырехугольника. Они уже совершенно заросли, но видны следы. К стороне, обращенной на восток,

*) Число не проставлено.

стоят большие камни, в некоторых же к парадной стороне также. Затем следуют могилы, насыпанные из кусков гранита и других камней в беспорядке. Вход в ущелье Саты сначала очень обширен, и подъем не крут. Мы шли вверх по Саты в направлении на SNS*) до впадения притока в Саты, потом повернули на N, сделав несколько подъемов, пошли на NS**), потом на N, поднялись на снежный верх гор. При самой подошве гор на каменистом грунте растет кипец, юсан, полынь. С подъемом вверх растительность делается разнообразней. Разные широколиственные растения, зонтичные, полузонтичные и метельчатые стебли только начинают подниматься и цвести. Все это густо и перепутывает ноги лошадям. На нижних горах растут разные кусты шиповника, жимолости, сары-агача, но в незначительном количестве, только ель растет «изрядно»***). Постепенно же с подъемом выше растительность начинает редеть: только один *вереск* густо покрывает верхи, почти до снегов, распространяясь на северном склоне по преимуществу. На самом же верху лежат снега, и в местах обнаженных только что начинают пробиваться листья и там же на северном склоне — цветы вроде астры, лук и одуванчик. Когда по снегу, который был еще так крепок, что поднимал нас с лошадьми, мы вышли на самый верх, воздух был здесь заметно холоден, ветер резок, так что я надел на себя шубу. С высоты открывался вид на озеро Иссык-Куль. Озеро, сияя чистейшим кобальтом, сливалось с сиянием неба и дальним рельефом снежных гор, жаркое зноепалящее солнце бросало на долину кругообразные от облаков тени. Мы же стояли на вершине, где было тепла не более как на шесть или семь градусов. Обыкновенная дорога, вследствие бывшего перед нами в горах снега, была закрыта, и мы шли по крутому кряжу гор, рискуя изъяном шее****). Мокрая от снега земля была скользка, лошади наши катились по ним, скользили, бросая копытами в овраг камни, которые с шумом катились

*) Описка. Нужно ONO — восток-северо-восток.
**) Описка. Нужно NO — северо-восток.
***) Кавычки автора.
****) Т. е.— сломать шею.

вниз, следуя по всем ложбинам и, не переставая катиться, терялись из наших глаз. Казаки должны были спешиться, между тем как привычные киргизы спокойно, бросив поводья, напевали песню. Несколько раз падали и скользили лошади... казалось, вот покатились вниз, но благодаря аллаху скоро оправлялись и шли далее. Круглые 1,5 часа мы перебирались по этому кряжу и, наконец, попали [на] прежнюю дорогу и стали спускаться. Спуск гораздо круче и более неудобен, нежели подъем. Если б не болотистый грунт земли, по которому мы, увязая, с трудом шли вверх, то даже колесный экипаж можно бы поднять вверх. Снег лежал более на северном склоне, но, несмотря на это, растительность здесь начинается в параллели выше, чем на южном. Спуск идет по течению всей Чаты, она здесь, соединяясь с притоком с левой стороны, делалась более обширною и, протекая по узкому проходу, была довольно быстра. Начались еловые леса, и растительность начала разнообразиться и густеть, только дорога, следуя по одной буквально тропинке, сделалась более неудобной. В некоторых местах крутые горные дефиле так близко сжимали речку, что мы должны были итти по руслу реки вниз по течению, имея до колен воду. На дороге всюду лежали наклонно срубленные деревья, и под ними мы проходили, как под яром, ложась на гриву коня. Далее тропинка поднялась выше. Внизу в тридцати саженях бурно катила свои волны Чаты, вверху громоздились гранитные обнаженные скалы, местами покрытые елями. Кстати: основная порода Алатауских гор есть гранит: черный, серый и белый. На северном склоне по течению Чаты является порфир и...*). Мы приближались к самой трудной тропинке, которая должна была идти по самому краю отвесного обрыва саженей на сорок высоты. Еще не доходя до страшного места, случился со мной казус. На дороге лежала огромная еловая колода. Я пришпорил лошадь. Лошадь поднялась на дыбы, но задела копытом о дерево и упала. Силою падения меня выбросило в сторону, и я стал на ноги. Лошадь же, поте-

*) Одно слово не разобрано. Можно прочесть «аспид».

ряв равновесие, рухнулась вниз по обрыву, я только мог услышать глухой рокот и только увидел свою лошадь в реке, где между камней торчала голова и седло. К счастью, обрыв был отлогий, и лошадь, покатившись на 30 саженей, осталась жива. Случай этот имел свою хорошую сторону — нет худа без добра. За мной он упрочил во мнении киргиз смелость и ловкость. И так, лавируя по тропинке, дошли до знаменитого обрыва. По убеждению киргиз и по внушению рассудка, мы сошли с лошадей и прошлись пешком. Это место — огромный гранитный утес, вдавшийся навесом в реку. Тропа лежит на самом обрыве, налево же поднимается другой утес. Несмотря на эту трудность, Саты есть самый любимый проход. Со времени первого прохода Атеке тут не было несчастий. В переход Атеке один мальчик с лошадью, говорят, упал в обрыв, но на полете платье его зацепилось за ель, и он благополучно висел до тех пор, пока не сняли его арканом. Зато много верблюдов и богатства погребено в пучине Саты. По обрыву, не менее опасному, но несколько отлогому, шли мы долго, до полуверсты, пока не выбрались на склон его по Чилику, где гора, освободив реку из своих гранитных объятий, дает [ей] маленький простор. До этой долины, где берег речки уже покрывается ивовым лесом, мы все шли между еловым лесом. Урочище Тогайлы — мы тут ночевали — есть место зимовок кызыл-боркского отделения рода албан*). Далее дорога была безопасна, и мы, вышедши из опасности, и после...**) езды верст восемьдесят с отсутствовавшим прежде аппетитом напились чаю и проспали таким сладким сном, что никогда его не забыть.

...***) июля. Мы поднялись по направлению на с.—з. через оголенный****) кряж и, пройдя верховье Чилика при самом его сгибе с запада на север, поднялись на плоскую горную возвышенность *Джаланаш*, которая составляет удобное летнее кочевье — джайлау,

---

*) После слова «адбан» дописано «Алимкул».
**) Одно слово не разобрано, можно прочесть «быстрой».
***) Число не проставлено.
****) Можно прочесть также «маленький».

Подъем на эту гору невозможен для колес по своей крутости. В этом проходе есть сколочная [?] пещера, как [будто] сложенная рукой человека. Асу называется...*) по имени одного охотника, который первый зимовал в числе трех путников при этом ущелье.

Оленей, архаров, серн и др. дичи здесь было, говорят, несметно и, действительно, валяющаяся на каждом шагу падаль этих животных свидетельствует эти данные. В этих горах стояли албаны рода айтбозум. Сверху этих гор открывается вид на все окрестные взгорья. С запада на восток и, огибая там Джаланаш и направляясь на север, течет Чилик. При Джаланашском асу впадают в Чилик Асы, Кольдыбулак, Курменты и другие известные реки. Горы же Джаланаш, составляя отрасль Алатауских гор, разветвляются от высшей точки гор, откуда течет Чилик, Джинчке и Асы. Джаланаш лежит между верхним течением Чилика и Джинчке. Северный склон его, имеющий маленькое разветвление, идущее параллельно и соединяющееся с Джаланашем, называется Аркалык. Между Джинчке и Асы идет хребет Первый Асу, восточный конец его при впадении Джинчке в Чилик называется *Бакалы* и есть лучшее теплое зимовье. (См. Дневник, стр. первая, Чилик)**). От Джинчке к горам *Асы* местность возвышается и прорезывается ключами, которые имеют перпендикулярное течение, под прямым углом впадают в Джинчке. Они называются Уч-булак. Асы через три Асы называется Кызыл-ауз. При Кызыл-аузе и далее до реки Асы стояли аулы. Киргизы здешние не менее дикокаменных киргиз боятся русских. Дети и бабы поднимали вой при нашем приближении. Асу этот возможен для колес. После спуска с гор открылась маленькая, узкая, верст на двадцать длины и шесть ширины долина. Вся она была покрыта аулами дулатов. На северной окраине долины Тек-Асу, посередине дола, стояли две сопки, почему и называется она Арал-тобе.

В этот день, сделав опять около 80 верст, мы ноче-

*) Оставлено пустое место для названия.
**) Настоящее издание, стр. 241.

вали у султана Али, у мужа зело глупого. На другой день, поднявшись на гору через асу Тургеня, имея направо гору и асу, называемые Кунбель, потом по течению речки прошли на Иссык, где я и ночевал у киргиз-хлебопашцев. Иссык имеет при выходе из гор водопад. С верховьев Тургеня места делаются более теплыми и более растительными. На берегах Тургеня начали попадаться осина, тал, яблони, крушина, урюк, смородина, тополь, клен, сары-агач, даже наши зеленые березы. Когда же спустились на долину, то растительность была так густа, что препятствовала [ходу] лошадей, и трава доходила до колен. В верховьях Талгара мы видели остатки кургана, называемого киргизами Рустемовским. Курган этот был в свое время очень крепок, даже в настоящее время в него есть только два входа. Он имеет три крутых и глубиною в 6-ть саженей рва. Плац, на котором стоял курган, возвышен от земли на 8 саженей. Во рву и на плаце растут во множестве яблони, [а также] барбарис и другие кусты. Все пространство, по которому ехали, и до подошвы гор были аулы. Дулаты, чапраштинцы, как дикокаменные киргизы, при нашем появлении бросались в горы — должно быть, казаки дали им хороший урок.

Около Талгара на долине много курганов, насыпей и киргизских пашен.

...*) июля вечером приехали в укрепление Верное Здесь [я] узнал, что от сарыбагышей сарты требуют за выкуп Умбет-Али его дочь, и с этим требованием 300 сипаев находятся там. Часть сарыбагышей укочевала поэтому на Козу-баши, что от Верного на два дни езды.

...**) числа [июля] выехали в обратный путь. К заилийскому пикету растительность принимает совершенно степной характер. Юсан, эбелек, чий растет во множестве, дикая рожь *ярица*. Мак был уже в отцвете. На дороге попался нам караван — около 100 верблюдов.

---

*) Число не проставлено.
**) Число не проставлено.

В первый [раз] караваны идут по этой дороге. Причиной тому*) было беспокойство и боязнь аргынов.

В долине Семиречья везде распространяется известная пестрая порода...**). На Иссык-Куле и в горах его [их] вовсе нет.

На Илийский пикет приехали к утру и поехали на *Тамгалы-Яр*. День был жарок (как обыкновенно бывает здесь всегда). Проездив целый день, измучился донельзя, только к вечеру приехал назад. Ниже впадения Талгара, где стоит пикет, ниже Каскелена берега Или возвышены, скалисты, места эти называются Капчагай.

По Или растительность бедная, всюду пески. Растет эбелек, ярица, бурьян, чертополох, кизилча, чий, местами кипец. Вода в Или иловата и неприятна. У китайцев существует предрассудок, что вода Или вредна и от нее будто бы худеют. Зато вода реки *Дорджи* (называемой киргизами Чучкалы) считается за целебную, и все чиновные китайцы города Кульджи пьют эту воду.

***) июля проехали под вечер через Чингельды, где [я] осмотрел водопровод и взял от него трубу. Проехали ночью пикет Кара-Чоксай, не доехав пять верст к которому находится единственное месторождение известного здесь камня калыпташ. Место имеет в окружности несколько сажен. Нынче открыли красный и серый калыпташ. Проехали Коян-Куз и к утру приехали на Алтын-Эмель. Алтын-Эмель — название монгольское. Здесь много мест, которые до сих пор носят калмыцкие имена. Цоган-Бугу (белый олень), Чоль-тепе, Лабасы и проч.

Рассказывали киргизы мне предание, желая объяснить происхождение. Хан-тайдзи выехал на охоту и стал с беркутом на возвышенной точке Алатау, при верховьях Талгара, при Тау-Чокы. Беркут стал рваться, увидев *барана* (точку). Хан пустил [его] и на тулпаре (баснословный по быстроте конь) следовал за ним. Беркут на Цаган-Бугу взял белую лань, на Чоль-тепе—

*) Т. е. того, что караваны до этого не ходили.
**) Одно слово не разобрано. Соек? Солянок?
***) Число не проставлено.

козла. В этот чабу*) лошадь хана перескочила через Или и задела копытом воду. Хан заметил это и изрек: этот ручей надо взять к сведению. Рассказчик говорил мне, что на Тау-Чокы сохранились следы чародея хана тайдзи, и громадные *шахматы* его валяются до сих пор.

В Алтын-Эмеле, узнавши, что Тезек стоит аулом при Крунбеле, недалеко от пикета Терс-аккан, поехал к нему.

В первый мой проезд от Алтын-Емеля до Или вся степь была покрыта красным маком. Теперь же цвет этот был в отцвете, зато ярица, ковыль, эбелек, чытыр были в росте. От Илийского пикета к Чингельдам дорога идет по берегу реки.

Берега Или в среднем его течении почти повсеместно представляют ряд песчаных, но небольших возвышенностей, характеризующихся скудной степной растительностью. По обнаженному прибрежью видно, что основание его составляет гранит с крупными зернами полевого шпата. От впадения реки Каскелен вниз он изменяется: его образуют высокие крутые массы гранита, изредка переслоенные глинистым сланцем.

Берег Или справа имеет песчаные наносные бугры, основанием которых служат гранитные скалы. Около берега росли: джида, тал, балгын, (называемый киргизами божье дерево), сары-агач, жимолость, таволожник и кусты *кизылчи*. В Илийской степи много вредных насекомых, как-то: фаланг, скорпионов, [а также] змей. Из животных в степях ее ходят стадами каракуйруки, сайги (ак-букен), попадаются куланы. Волков много. Из птиц попадаются весною гуси, утки; в скалах — голуби, грачи, рябки и в лесах — во множестве фазаны.

У Тезека я пробыл пять дней. При мне были у него в ауле три байги и один той.

...**) июля в 9 часов выехал от Тезека. Пространство между Каргалы и Агны-катты называется у киргиз Чубар. Эти речки впадают в Терсакан множеством

*) Бег, поход, нападение. Ч. В. употребляет также написание «чапу».

**) Число не проставлено.

протоков. Пространство это усыпано камнями и чрезвычайно неприятно для езды. *Торе-сазы* — название солонцеватой местности от Агны-катты к горам. Места от Коксу к Уйгенташу и по долине Куренбель составляют летнее кочевье албанов и джалаиров.

На Торе-сазы косят казаки траву. Через Коксу имеется мост и при нем полагается быть станице, в которой также предполагают [открыть] ярмарку. Долина Коксу холодна. Хлеб здесь часто вымерзает. Снег сходит здесь гораздо позднее, чем в других местах Семиречья. Зато на Теректе [и] Уйгенташе снегу и в зиму не бывает. Албаны зимуют в местности от Уйгенташа до Кульджи, платя китайцам за пользование землей в год 60 лошадей. Все султаны их имеют китайские чины. Покойный Хаким-бек был гун*) с темнокрасным шаром, степень его наследовал сын султан...**). Тезек имеет голубой шарик штаб-офицера.

Выехавши из Коксу, ночевал у султана Камбара Аланова. Дорога от Джангиз-агача на пикет Суковский гориста. Растительность здесь горная — широколиственные и зонтичные растения.

Приехавши на Капал, я был обрадован, узнав, что приятель мой Д. Е. проехал в Верное и скоро должен быть [здесь]. На Капале почти никого не было. А.***) уехал на Кысык-ауз для взрыва скалы под новую дорогу — было страшно скучно. Через два дни приехал ожидаемый джентельмен — очень рад своим открытиям: первое — взорвал удачно скалу, употребив на то несколько фунтов пороху, и открыл отличную глину для черепиц. Я видел опыт, и [он был] очень удачен. Отлично хороша глина, может быть со временем очень и очень полезна. Приехал Д. Е. и Ковригин. Ковригин едет на китайские прииски, что на урочище Иргайлы около Тентека. Мне хотелось видеть Ой-джайлау, лучшее место в степи, как говорили многие, и, пользуясь случаем, взялся [я] сопутствовать господину Ковригину.

---

*) Китайский титул, князь.
**) Пропуск одного слова автором.
***) Очевидно, под инициалом «А» скрывается Абакумов.

...*) июля выехал под вечер. Ночевали на Арасане. В этот день был у нас знаменитый в Семиречье батыр и барантач Тынеке. Тынеке, несмотря на свои разбои, имеет большое влияние на свой род каптагай в Матаевцах и был волостным управителем. Мужчина он среднего роста и плотный донельзя. Странно: он рыжеват, имеет большую бороду и замечательный по величине нос. При этом острые, маленькие и плутоватые глаза делают его физиономию чрезвычайно неприятной. Он хотел с нами ехать, но напился так пьян, что четыре ушата воды не подействовали на него нисколько. При этом я заметил явление: у Тынеке все тело густо покрыто волосами, как у первобытного человека по Бюффону[79]. Товарищ его, султан Худайменде, наскучил нам донельзя своими глупыми ужимками. Он хочет казаться цивилизованным, потому то и дело делает глупости. Несносный господин, все просит водки.

...**) июля, проехав благополучно Кысыкауз, мы переменили лошадей на Караузе и с конвоем из шести казаков при уряднике, на киргизских подводах поехали на горы по дороге на Чубарагач. День был несколько жарок, пить — нет кумысу. Одно утешение — купаться в холодных водах горных рек. Проехали Аксу, сделавши верст 30, к ночи добрались на Баскан. Аллах в милосердии своем не хотел, чтобы его грешные слуги лежали без пищи и крова: [к] ночи [с] гор спустились аулы и наткнулись на нас. Хотя они и рассчитывали на ночлег, но, увидевши русских, дали тягу. Последний аул сделался жертвой. Все наши старания обласкать батырей и женщин были тщетны—они были до того запуганы, что не хотели брать наших подарков, боясь *последствий.*

Давши нам успокоиться, они появились и остановились верстах в трех от нас. Пока ставили нам юрты и [мы] были в невольном соседстве, они очень беспокоились, кричали и из благоразумия удалили всех девок вперед, а которые из них не успели уехать, оделись в изорванные халаты и измарали лицо грязью, чтобы

*) Число не указано.
**) Число не указано.

быть хуже! Так запугали бедных кочевников казаки и заседатели.

Теперь время снимать хлеб. Все эти аулы с этой целью с гор спускаются на долины, где их пашни, соберут [хлеб] и пойдут в конце августа на Балхаш в пески на зимовку. Всю ночь шли мимо нас кочевки. Утром, когда мы встали, все еще шли вереницы верблюдов, ведомые нарядно одетыми женщинами и девками. Мужчины шли возле, гнали баранов или верблюдов. Найманы, как было видно из их кочевок, гораздо беднее аргынцев. Большая часть юрт были навьючены на быков, и степные амазонки имели под собою этих скакунов. На всех были дырявые халаты, сапоги и пр. пр. Коч верблюдов, о котором я сказал прежде, принадлежал султану, который узнавши, что тут русский чиновник, счел за обязанность явиться и, чтобы не прийти с голыми руками (таких очень не любят заседатели), привез кумыс. Султан объяснил, кто он, причем заметил, что приехать с пустыми руками он счел неприличным, а [так] как халаты навьючены, лошадей при нем нет, то и привез бурдюк кумысу. Просил извинить.

После долгого и миролюбивого разговора султан, как неглупый человек, смекнул, что мы чиновники так себе, выродки между чиновниками, возвысил голос и продал в тройной цене барана, которого прежде предлагал даром. Казаки, нас сопровождавшие, потешались между собой, косо посматривая на нас, и один остряк заметил кстати капралу, что «смирного Миколу телята лижут». Этим он намекал на нахальное поведение султана, который прежде, когда они ездили с заседателем, не смел даже при них дышать.

При нашей переправе начинаются горы Суук-джайляу. Тут лежал проход Кия. От Караузского пикета до брода на Баскане будет верст 50, по дороге переезжают реку Саркан, впадающую в Аксу. Все пространство по подошве гор на долину покрыто пашнями киргиз. Степь глиниста (от разрушения полевого шпата). Растет на ней юсан, мальва, иручец [?], ковыль и полевой мак во множестве. Множество киргизских могил доказывает, что места эти составляли хорошую кочевку

илиатам*) и были хороши для скота. С трудом переправившись через Баскан, мы шли по подошве горы верст 20, где через проход *Биш-баны* поднялись на горы, на ключ. Основание гор этих составляет глинистый сланец, кварц и гранит, на берегу реки заметно во многих [местах] влияние железной окиси. Перешедши через два маленьких ключа, мы остановились на Теректы в ауле.

От Баскана до ночлега верст 40.

На другой день перешли речку Теректы, впадающую в Лепсу. Берега этой реки покрыты тополем. Она быстра, и вода чиста. С подъемом дорога делается трудною для всех проходов. Киргизские лошади, непривычные к упряжке, мучили нас страшно. На другой день с урочища *Алмалы* (так называлось место нашей стоянки) пошли на Чубарагач. Места от Теректы начинаются превосходные во всех отношениях. Растительность превосходная. Луковичные цветы во множестве (калмыцкое мыло). Горы обильны еловым, березовым, топольным [лесом]. Чубарагач — едва ли не лучшее место в хозяйственном отношении во всей юго-восточной половине степи. Переправа через речку Агныкатты представляет много неудобств по чрезвычайной быстроте ее. Станица стоит в долине, окруженной со всех сторон горами. В середине долины я видел курган вроде Санташ. Станица основана в 1854 году, дома только строятся, там водворена была сотня 10 [-го] полка, теперь же пришли до трехсот семейств крестьян из Тобольской губернии.

Работа написана в 1856 году. Публикуется впервые по рукописи автора, хранящейся в Архиве Академии наук СССР, фонд 23, оп. 1, д. 2, листы 1—22.

Рукопись написана на гладкой бумаге в лист, чернилами, имеет небольшие исправления и дополнения рукой автора. Рисунки сделаны автором пером по ходу текста.

Сохранность рукописи хорошая.

---

*) От слова «илет» (елет) — племя, народ, союз племен.

КИРГИЗЫ

ВВЕДЕНИЕ

Дикокаменные киргизы сами себя называют просто — «киргиз», и под этим именем известны у всех среднеазиатских мусульман. Только киргиз-кайсаки иногда придают им приличные прилагательные: белошапочных (ак-калпакты) — [эпитет], характеризующий их костюм, и *черных* (қара). Последний эпитет требует пояснения. По генеалогическим воспоминаниям киргиз-кайсаки принадлежат двум разным началам: белой кости, благородному происхождению от воплощения солнечного света, и черному—происходящему от смертного человека без участия всякой сверхестественности*) или, как называют, кул-кутаны**). Султаны, составляющие дворянство, белую кость, имеют сверхестественное начало, как воплощение солнечного света, и простой народ (черная кость) считает своим родоначальником смертного человека Алача. У дикокаменных киргиз как владетели, так и киргизы, имеют одного общего родоначальника и по происхождению составляют нераздельное тело — народ (demos). Очень понятно, что замечательная особенность [киргизов] обращала [на себя] особое внимание кайсаков. Эпитеты ди-

*) К этому слову поставлена сноска и под тем же знаком написано на полях: «О Аланкуа и о (слове белый черный)». Аланкуа — легендарная мать Чингис-хана.

**) К у л-к у т а н ы — рожденные от рабыни.

кокаменные, закаменные даны им русскими для отличия от киргиз-кайсаков, а также характеризуют орографические свойства, особенности их земли. Китайцы без всякого участия туземцев дают, присваивают совершенно неизвестное им название бурут и разделяют на бурутов восточных и бурутов западных.

Племя киргизское в своем распространении занимает огромное пространство Средней Азии и далеко распространяется на юг. Поколения дикокаменных киргиз разбросаны своими кочевьями от Иссык-Куля до Гиссара и Бадахшана и от Сузака до Аксу и Уч-Турфана. Имея свои уединенные стойбища в неприступных долинах Болорского хребта и его отростков в пределах земель, принадлежащих Китаю, Коканду, Каратегину, Гиссару и Бадахшану, они не имеют никакого политического единства, и даже родовые отношения за отдаленностью потеряли силу. Киргизское племя в своем распространении представляет замечательный факт.

Распространяются они, следовательно, по направлению и положению горных хребтов, и потому [местом] централизации большей части их поколений является горный узел, Альпийская страна верхнего Сыра и Аму, хребет *Алай*. Оттуда на север по системе Тянь-Шаня и Ала-Тау они распространяются на севере и по вершинам Мустага, Белурдага углубляются глубоко на юг до поперечной системы Гиндукуша.

Определить степень народонаселения всего киргизского племени при современной неизвестности и недоступности земель, ими обитаемых, совершенно невозможно. Даже сами киргизы не знают [ни] названия, [ни] числа главных поколений своей орды. Иссык-Кульские поколения не имеют никакого сообщения со своими юго-восточными родовичами, знают друг о друге понаслышке и имеют самые темные и сбивчивые понятия.

РАЗДЕЛЕНИЯ НА СОСЛОВИЯ: МАНАПЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Орда, как на сословие, разделяется на две касты: владетелей (манапов) и простого народа (кара-бухара). Манапы, как прямые потомки древнейшего родоначальника орды, имели первоначально патриархальное право отца семейства, но постепенно с течением времени власть эта увеличивалась и обратилась, наконец, в деспотические отношения господина и рабов. Власть их в настоящее время в роде неограниченна: он полный господин черного народа, может их продавать и убивать. В этом отношении они представляют резкую противоположность с киргизскими [кайсацкими] султанами, которые по историческим воспоминаниям народа хотя и имели первонач[альные] юридические права владетелей, но были всегда ограничены советом старейшин, представителей черного народа. Право равенства у киргиз имело противоположный результат — рабство. Стало быть, манапы имеют власть, и название черных (в смысле равных, свободных), которым так гордится орда, есть только несоблюдаемая форма, предание. Все тяжкие по понятиям киргиз преступления, как-то: убийство манапа, увоз девки, растление, третичное воровство — наказываются смертной казнью. Урман, манап сарыбагышей, имел на реке Каскелене виселицу, на которой ежегодно висел вор для внушения вящего страха. Мы уже сказали, что неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью от-

ца семейства, бия, как назывались манапы прежде. Первые манапы ([манап] по объяснению туземцев [значит] — сильный, недоступный, деспот) явились недавно—и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый *тиран*. Манапство понравилось биям других родов, и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения орды. При всем том, в роде бугу народ имеет больше значения, и сам Буранбай говорил мне, что у них в строгом смысле нет манапов. Положительных доходов с народа манапы не имеют, кроме так называемого *кормового сбора*, и то получается ими в виде добровольной помощи. Уважение простого народа к манапам безгранично: никто не может мимо юрты родоначальника ехать на лошади, и в присутствии манапа свободные выражения не терпятся даже в шуточном тоне. Особенно был знаменит своим манапством Урман, родоначальник сарыбагышей, умерший в 1855 году, и сын его, Умбет-Али, наследовавший его власть в роде. Последний расстрелял любимую жену за то, что она заставила его повторить какое-то приказание два раза.

Мрачность характера и недоступность доставляют манапам большую знаменательность. Жестокость называют они великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя.

[Пользуясь] слабостью кокандцев, он*) успел себя поставить в такое отношение, что сам собирал с других племен своей орды зекет**) и другие налоги, будучи, в сущности, совершенно независимым. Из всех племен среднеазийских сарыбагыши в эпоху правления Урмана были едва ли не первые по силе. Повиновение народа главе и единодушие [с ним] делали этого манапа чрезвычайно опасным для Коканда. Урман разбил их курган на Кутемалдах и сжег замок хана. После смерти его, пользуясь безначалием народа, кокандцы делают большие притеснения, уводя всю волость на Талас. Вообще же расположение их лежит к России.

---

*) Должно быть, манап сарыбагышей Урман.
**) Зекет — налог, подать с имущества.

Род бугу, считающийся в нашем подданстве, несмотря на свою многочисленность, не так воинственен и в отношениях своих к соседям боязлив. Недоверчивость их превосходит все границы. Роды саяк, солту и весь отдел сол почти совершенно приняли законы Коканда, а сол — даже язык и обычаи. Роды, не подчиненные Китаю, смотря по месту кочевок в Джунгарии или Кашгаре, подчиняются общим законам империи. Первые — как калм[ыки], вторые — как кашгарцы... Да в настоящее время влияние Коканда отражается более или менее на всех родах. Действуя фаталистическим духом корана, они часто напоминают им, что они мусульмане, выставляют принципы корана, относящиеся до войны с неверными — «джихада». Хотя киргизы Большой Орды, наши подданные, хорошо знают цель кокандских прокламаций и говорят, что мусульманства и в самих ахунах и муфтиях не видно в Коканде, погрязшем в страшный разврат, где не токмо что заветы корана, но и законы самой природы нарушены, где гаремы полны мальчиками, бача, но при всем том находятся такие легкомысленные люди, которых, надо сказать, между киргизами много, что, увлеченные пышными фразами и храбростью речей, производят замешательства или бегут за Чу. Сами дикокаменные киргизы по природной своей склонности к набегам как нельзя лучше пользуются этими наставлениями и беспрестанно делают чапу на наши степи. Самый южный пункт наших водворений в Средней Азии, укрепление Верное, лежит у подошвы Киргизских — Алатавских гор в четырех днях езды по ближайшим, но трудным проходам на озеро Иссык-Куль. Все же течение Или с юга [на север] открыто совершенно до реки Коксу и Каратала, где основано в 1848 году поселение, обращенное в 1853 году в город.

При таком порядке нет возможности пресечь наперед вредное влияние и сношения, неприязнь кокандцев и вредное [их] сношение с враждебными племенами наших киргиз. Следствием этого было то, что большая часть дулатовских родов бежала в 1853 году на Чу, а шайки дикокаменных киргиз и отложившихся дулатов тревожат наши улусы, делают угоны и грабят по боль-

шим дорогам караваны и транспорты. Всего более влияние Коканда поддерживается тем, что честолюбие влиятельных биев и султанов находит более пищи. Пожалованные в достоинство парваначи илятия (кочевого губернатора), они пользуются наружными знаками почтения, как и сами кокандские узбеки. Русские же чины и должности хотя дают им более существенную власть и положительное значение владельца родов, но мало льстят самолюбию. Мне часто жаловались султаны, что всякий русский считает себя выше их и всякий казак обращается с ними с видом покровительства, занимает почетный угол в юрте и треплет султана по плечу говоря: «Ну что, *Аблеска**), покажи мне свою жену». Действительно, нахальство и злоупотребления казаков и толмачей из этого сословия превосходят границы.

НАРОДНОЕ БОГАТСТВО – СКОТОВОДСТВО

Единственный источник народного богатства всех кочевников есть, без сомнения, скот, разведение которого составляет его единственный и главный промысел. На благополучии скота основано его счастье.

Народные приветствия, сколько мы заметили, чрезвычайно как характеризуют нацию. Ленивый и флегматичный турок осведомляется—в кейфе**) ли вы? Турки славятся как лентяи. Персияне, которые славятся во всей Азии веселостью нрава и остроумием, предлагают фигуральный вопрос, в каком состоянии ваш благовонный мир? Срединный цветок или надворный Китай, где люди едят для того, чтобы жить, и живут для того, чтобы есть, по красе слов сих со временем выразился и в...***) привете: «Чели фани маю?» — говорит узкоглазый сын Поднебесной империи, встретясь с вами во всякое время дня и ночи, т. е.— сыт ли ваш желудок?

---

*) Аблес — старший сын султана Али, управлявшего племенем дулатов.

**) Кейф — отдых, приятное препровождение времени.

***) Одно слово не разобрано. Можно прочесть: «ор[иги]наль[ном]».

Не менее оригинально приветствие киргиза — здоров ли твой скот и семейство?

Очень понятно, что скот, как источник благополучия и счастья киргиза, гораздо более значит для него, чем семейство. «Жена — в скоте, дети — в тебе»,— говорит киргизская пословица. За скот можно купить жену и иметь детей. Мы нисколько не удивляемся понятию киргиз в этом отношении — оно в порядке вещей, если взять в соображение вседневную обстановку его жизни.

Предмет скотоводства в Дикокаменной орде составляет разведение лошадей, верблюдов, баранов и рогатого скота. Хотя скотоводство есть и общий промысел орды, но численность скота невелика в сравнении с киргиз-[кайсаками] Большой и Средней орды. Самый богатый дикокаменный манап не имеет лошадей более 3000, между тем как у наших киргизов богачи считают табуны в 15.000 голов, а один богач айдабульского*) рода, Баян-Аульского округа, Азнабай имел 25.000, Акмолинского округа бий Сапак — 18.000. Верблюдов дикокаменные киргизы не держат, по неспособности их к горной езде, более 30, а во время кочевок все вьючат на лошадей. Число баранов у самых зажиточных туземцев не превышает 3000, только рогатый скот держат сравнительно в большом количестве, и число его простирается**) от 50 до 100. Самые богатые роды в орде — это бугу, затем сарыбагыши, другие же имеют лошадей по стольку***), сколько нужно им для езды и кумыса. Рогатый скот заменяет у киргиз отделения сол как лошадей для езды, так верблюдов для вьюка. Хороший вол, украшенный колокольцем и в богатом седле, заменяет памирским киргизам лучших бегунцов.

Лейтенант Вуд имел редкий случай видеть дикокаменную амазонку, гарцевавшую на рысистом быке, как Европа, похищенная Юпитером.

Лошади в этой орде малорослы, но очень способны к горной езде и довольно красивы. Верблюды попадаются как двугорбые, так и дромадеры. Бараны, хотя

---

*) Точнее каржасовского рода.

**) В рукописи: «и простирается их от 50 до 100».

***) В рукописи «на столько».

и одной курдючной породы, как и у кайсаков, но шерсть имеют более нежную, и преобладающий цвет их белый. Калмыцкая порода овец, называемая туземцами малиш, разводится у бугу, кочующих в соседстве с Китаем. Молодые барашки этой породы дают белую*) и тонкорунную мерлушку. Рогатый скот, хотя здоровый и сильный, но дает мало молока. Только монгольская порода як (кодас), разведенная также у бугу, имеет в отношении молока большое превосходство над коровой обыкновенной породы. Коз разводят в незначительном количестве. Падеж скота, несмотря на долгую сравнительно с Илийскою стороной зиму и на ее суровость, случается редко. Сибирской язвы (fièvre corbanculeuse), от которой так много погибает скота в нашей степи, нет; только другая болезнь на рогатый скот, называемая здесь сарп**), производит ужасное опустошение. Если причина язвы есть, как предполагают киргизы, сухое лето и сухая трава, то скот, находясь постоянно на горах под прохладою снежных белков, защищается от действия привития***) самою природою. Определить, хоть приблизительно, численность скота при недоверчивости и дикости орды нет никакой возможности. На вопросы же в подобном роде отвечают уклончиво и ложно, представляя вам итоги, диаметрально противоположные с истиной. Но кайсаки, бывшие долго в плену у бугинцев, примерно показали: лошадей до 100 000, верблюдов до 10 000, коров до 50 000.

Любимый корм киргизских лошадей составляет кипец (stipa), у киргиз-[кайсаков]—бетеге и колючая трава эбелек, которая созревает только в сентябре месяце и потому составляет осенний подножный корм. Лошади в эти два месяца находят много этой травы и чрезвычайно как жиреют. Кипец растет по подошвам гор и около озер. «Человек без мяса не обойдется, лошадь—без кипца»,—говорит киргизская пословица. Верблюды питаются здесь листьями облепихи, которая растет во

*) Зачеркнуто: «похожую на наши».
**) В рукописи «сапр». Сарп—ящур.
***) Т. е. — от заражения язвою.

множестве около озера. *Кокпек*, корм верблюдов, и юсан (полынь), любимый баранами, здесь не растет, но, несмотря на это, от зимы, которая бывает, впрочем, не очень продолжительна, бараны выходят в теле, питаясь стручковой травой, называемой чытыр, и листьями.

Других промыслов, как-то звероловства, рыболовства дикокаменные киргизы вовсе не знают. Охота за дикими баранами, козами, сернами составляет только забаву. Единственное поощрение к звероловству составляет ценность молодых, с кровью, рогов оленя в Китае, как медицинская специфика, под названием лужун. В Кульдже за хороший спелый рог платят целую ямбу (слиток серебра, ценою от 300 до 500 руб. сер.) и рысьих шкур, которые берут сарты среднеазийцы за 5 баранов. С некоторого времени в горах начали ставить ловушки и капканы на куниц, мех которых очень выгодно меняют торговцам-татарам. Но все это в самом незначительном количестве.

Рыбы в озере Иссык-Куль много, но жители ловлею ее не занимаются, рыболовных снастей не имеют, только в виде потехи саблями рубят рыб и ловят копьями, разумеется, выбирая для того мелкое устье реки или залив. Богатые манапы в прошлые времена, как говорят старики, для обнаружения своего богатства в год раз бросали в озеро шелковые неводы, но это, как я сказал, делалось от одного тщеславия. В настоящее время даже снастей из верблюжьей шерсти, как у наших киргиз, [они] не имеют. Только земледелие составляет общенародное занятие. Каждый киргиз сеет хлеб и—относительно потребности номада в этом продукте—в большом количестве. Почва земли вполне благоприятствует этому занятию: кап*) зерна пшеницы дает 10 капов урожаю. Ежегодно засевают все киргизы рода бугу до 15000 капов. Сеют они по преимуществу *пшеницу, ячмень и просо*. Нечего говорить, [что] все это ограничивается собственным употреблением хозяина.

---

*) Кап — мешок.

[Из] проса выгоняют бузу*), а из бузы — водку, которую пьют они в ужасном количестве.

Южная долина по реке Аксу до урочища Барскаун и до реки Тычкан занята пашнями; на всех речках устроены у них водяные мельницы. Буранбай, манап бугу, устроил было фруктовый сад, в котором были посажены: виноград, абрикосы, яблоки, персики, груши и другие фруктовые деревья**), завел было и огород, но все это погибло в междуусобной баранте с сарыбагышами. Способ орошения полей здесь такой же, как и в Западном Китае и Коканде,— посредством ирригации. Вот все промышленные занятия дикокаменных киргиз.

Из произведений народных рук славятся в этой орде выделка войлоков, знаменитых своею прочностью. Для домашнего употребления женщины валяют из козьего пуха белые колпаки и бурки, называемые кебенек.

---

*) Буза — алкогольный напиток, вид самогона.

**) В подлиннике: «другие фрукты».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ДИКОКАМЕННЫХ КИРГИЗ

Дикокаменные киргизы, как и все кочевые племена Средней Азии, сохраняют в виде семейных воспоминаний множество исторических преданий, легенд и поэтических сказаний, *как* о своих первых родоначальниках, так и о подвигах своих батырей. Хотя сказания эти не имеют сторогой системы и часто баснословны, но все взятые вместе представляют краткую историческую картину прошедшей жизни народа.

Самое древнее и замечательное предание дикокаменных киргиз, нет сомнения, есть предание о своем происхождении. Родоначальником, отцом своим они единогласно считают *красную собаку*, но обстоятельства такого необычайного явления они объясняют разно. Вообще же [эти] объяснения по духу своему происхождения позднейшего и произошли под влиянием мусульманства.

Вот обстоятельства собственно первоначального предания: дочь какого-то хана имела обыкновение в сопутствовании 40 девиц-прислужниц делать дальние прогулки. Однажды, возвратившись домой после обычной прогулки, царевна, к великому своему удивлению и страху, видит одни только остатки своего аула — все было разбито неприятелем. На месте аула они нашли одно живое существо — красную собаку. Обязанность красной собаки при сорока родоначальницах дикокаменной орды довольно темна, но как бы ни было и от каких причин ни было, царевна, за ней ее 40 прислуж-

ниц сделались матерьми, имея в товариществе один только мужской соблазн — красную собаку. Потомство 40 девиц, кырк-кыз*) начало называться по числу своих матрон народом *киргиз*. Это, как я уже заметил, собственно неизмененное преданиe. Вот комментарии:

Первое. Одни говорят, что в количестве 40 девиц состоял в качестве девицы молодой человек, любимец царевны, одетый, разумеется, в женскую одежду. Он был самый близкий телохранитель и исполнял обязанность щекотателя пяток и других раздражительных частей царского тела. На востоке особы знатные, привыкшие к неге, любят на сон грядущий операцию ломания суставов**), щекотания и других приятных ощущений, производимых в болях. Все это делается для изнеможения, дабы лучше спать.

Вот другое более сложное и более хитрое объяснение, происшедшее очень недавно и, конечно, не без участия грамотных мулл: жил был один дервиш, дивана по имени Мансур и была у него сестра по имени Халаль, чистая. Как брат, так и сестра, *влюбленные* в величие бога, проводили дни свои в уединении, в посте и молитве. Сестра его имела более святости и ночи проводила в душеспасительной беседе с ангелами, подкрепляя свое слабое тело и душу для дел благих райским нектаром[80]. Соседи, заметив ночное исчезновение восторженной Халаль, вывели, как и бывает всегда при подобном поведении обольщенных девиц, непохвальное заключение. Скоро толки дошли до слуха брата. Хотя он и не верил толкам, но, повинуясь мудрым словам корана: «осторожность не мешает»,— начал следить и застал сестру свою в обществе небожителей, попивающую райский нектар. Ангелы предложили ему, как брату их собеседницы, чашу райского напитка. Халаль, зная чрезвычайно восторженную натуру своего брата, и боясь, чтобы, выпивши райскую воду, он не дошел до самой высшей степени апогея, *восторга*—до безумия, до божеского забытия, противилась. Но брат *испил* и сделался тем, что предугадала сестра. Мансур,

*) Сорок девушек.
**) Вид массажа.

забыв людей, забыв себя, взял посох странствователя, надел лебяжью шкуру на голову (непременная принадлежность факиров), с именем аллаха в устах отправился, куда глядят глаза. Много земель, много городов прошел Мансур, много видел он народов, много прошло лет, когда он явился в город Андижан (в Коканде). В городе была моровая язва, был голод. Увидевши Мансура, они*) схватили его, как колдуна, как виновника всех несчастий своей земли, и убили. Воля всемогущего исполнилась! Мансур, умирая, сделал одно только завещание; он обратился к другу своему Тазче-паршивцу и сказал ему: человек должен сделать для мира, потомства что-нибудь, это его непременная обязанность. При жизни я не сделал ничего. Возьми мое тело, сожги и брось в озеро, а там да совершится его тагдыр (предопределение). Тазча исполнил. Озеро взволновалось, запенилось... Все утихло. Только на берегу озера осталась выброшенная волнами пена в виде белого большого шатра. Дочь хана гуляла по берегу в сопровождении сорока девиц — фрейлин. Увидевши белую пену, царевна полюбопытствовала (любопытство сгубило род человеческий, и Ева, женщина, была причиной!) и, взяв на палец, положила в рот, чтобы узнать вкус. 40 девиц сделали то же. Но представьте удивление их и отцов их, когда по прошествии нескольких месяцев они без особой причины забеременели. Отцы заподозрили дочерей сильно и, как прелюбодеиц предосудительного поведения, прогнали в степь, на север, за реку Чу. 40 девиц, видя в царевне первую виновницу своего несчастья, начали укорять и довели ее до того, что она на одной хилой кобыле бежала от своих подруг на север. За ней, невесть откуда, последовала красная собака. Три брата (родоначальники трех орд киргизов) нашли в степи эту красавицу, и один из них на ней женился. Когда умер отец, дети стали делить наследство, скот. Плод от морской пены, названный в память 40 киргизских девиц *Киргизом*, как старший, хотел иметь больше. Тогда другие дети, рожденные от человека, в гневе за дерзость, спросили, кто

*) Т. е.— жители города.

его отец. Киргизбай не смог ответить. Братья рекомендовали ему, как отца, красную собаку, намекая, что мать его до замужества с их отцом имела соседство только с одной собакой. Доказав ему несправедливость требований, они дали ему 47 лошадей из 1000. Киргизбай бежал в Андижан, не оставляя, впрочем, свою претензию на старшинство, что и доказал похищением из материнской юрты узды и колотушки для *сбивания кумысу*. Узда и колотушка по понятию степняков есть эмблема старшинства. От этого Киргиза произошел народ киргиз. От сорока же оставшихся девиц произошли *отуз-уул-ичклик*, народ, обитающий теперь за Андижаном к Коканду. Последнее повествование носит на себе явные следы корана*).

[Предание племени бугу]

«Бугу» значит олень. О происхождении этого названия в народе существует замечательный миф. Кара-Мурза и Асан (см. выше), охотясь за оленями на горах Ала-Мышык, увидали в стаде маралов прекрасную девочку и мальчика с оленьими рогами. Они убили мальчика, схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата и долго неутешно плакала. Предание гласит, что вследствие проклятия рогатой девицы Асан и Кара-Мурза не имели потомства.

Родоначальник Мурза-Кул, которому представили чудесную деву, отдал ее в замужество за своего внука Яманкула. По свидетельству потомства, эта родоначальница была женщина не простая (в смысле сверхъестественном) и прославилась своей необыкновенной мудростью под именем *Муюз-байбче* (рогатой матери). Говорят, что впоследствии она лишилась необыкновенного украшения своего черепа и, омывая голову водой, приказала служанке выливать воду в места, где не ходил человек. Служанка, исполнявшая эту миссию, из любопытства, может быть, не находя соответственного

*) Об этой легенде см. ниже, стр. 308.

места, решилась выпить заветную воду и от этого зачала сына и [дала] имя ему Джелден (от ветра).

Дикокаменные киргизы до сих пор свято чтят память этой рогатой матроны и в горестных случаях своей жизни приносят ее памяти жертвы рода с мольбами к ней.

Она считается покровительницей озера Иссык-Куля и, по мнению народа, дух ее витает над Иссык-Кульской долиной.

* * *

Дикокаменная орда не имела с самых древних времен ни ханов, ни султанов, ни беков, а управлялась своими старейшинами патриархально. Предание гласит, что однажды они, киргизы, просили хана (имя и из какого народа неизвестно наверное; некоторые называют его Джаныбеком) дать им на княжение младенца-сына своего Джучи. Хан согласился и, посадив сына своего на детское седло (ачамай)*), вручил его на руки посланцев. Но по**) дороге в Дикокаменную орду молодой хан попал в стадо куланов и, увлеченный ими, был убит. [С этим событием народные предания связывают грандиозный ров, который] начинается у р. Коры, составляющей вершину***) Каратала, и, прорезывая все горы, направляется через горный проход Ихлас на р. Или и проходит далее к Кашгару, а оттуда склоняется.

Есть еще одно предание, замысловато дополняющее это событие: за Алатавскими горами по кашгарской стороне сохранились следы глубокого рва, который находится на истоке реки Чу, где образует круг в окружности верст на сто при урочище Хан-Тагы (Ханский трон). Ров этот [по преданию] был сделан отцом погибшего от куланов молодого хана. Лишившись единственного сына, он решил отомстить куланам жестоко и вырыл длинный и глубокий ров. Собрав всех своих подданных, он рассыпал их по всему пространству Заала-

*) А ч а м а й — собственно, вьючное седло.
**) В рукописи: «на».
***) Т. е.— верховье.

тавской*) степи и все стада куланов погнал на этот ров. Куланы падали в ров и погибали в таком множестве, что [только] последние два кулана (жеребец и кобыла) выбежали по телам их через ров и прошли в голодную степь, где и размножились опять. Вот отчего теперь нет куланов за Алатавскими горами и водятся [они] в западных частях киргизской степи.

Со времени несчастной потери этого хана дикокаменные киргизы более не пытались возобновлять просьб и остались без ханов. *Аксак-Кулан-Джучи хан* был первый и последний хан этого народа.

Кочевали они искони около города Андижана, что лежит между Кокандом и Ташкентом. Они в самые отдаленные времена вели войны с калмыками и туркестанцами. Известно по преданию, что потомки Абила и Кабыла имели междоусобную войну. Дети Кабыла, будучи сильнее и численнее абиловских, делали им притеснения.

Распря эта кончилась, наконец, победой детей Абила, и они, чтобы навсегда уничтожить, унизить врагов, положили законом для последующего потомства кун: цена за убитого Кабыла назначена девятью головами меньше перед абилидскими. Кун же у дикокаменных киргиз — в 100 голов**). Далее из преданий известно, что при отце Тагая они имели какие-то неприязненные отношения к какому-то хану *Ир-Иче****) и впервые дали заложника, аманата. Этот первый аманат был Тагай. Иностранка, жена его, мать саяков, была дана ему в его пребывание ханом Ир-Ичей*****).

Киргизы до сих пор, основываясь на этом обычае, дают киргизским султанам******) аманатов (ак уйли)[81] детей из почетных фамилий, но киргизские султаны им не дают. Первое междоусобие и вражда сарыбагышей с бугу начались при Белеке (из бугу) и Булате (сарыбагыш). Булат был щедрый и благочестивый манап.

*) В рукописи «за Алавской».

**) За убийство взрослого человека из знати.

***) По другому произношению «Ер-Еже».

****) Т. е. Тагай получил жену от хана Ир-Иче во время пребывания в его орде.

*****) Т. е.— «казахским».

Все свое имущество и скот роздал он бедным и дошел до того, что когда жена его родила сына, он не имел барана, чтобы сделать обед. Булат пришел к жене Белека и просил барана. Дикокаменная матрона отвечала оскорбительно, намекая ему, что он может иметь баранов, и она не обязана снабжать его обедом. Оскорбленный Булат (он был так беден, что приехал на воле), собрал свой род и при проходе Кудоре напал на *коч**) бугинцев. Сарыбагыши заставили бугинцев проходить гусем мимо и выбрали девять красавиц, во главе которых была дочь Тугузбая манапа, почему и эти девять девиц известны в преданиях под именем девяти дочерей Тугузбая (توغز بايدناك توعز قز). Вот начало вражды и превосходства сарыбагышей, их манапства.

Манап значит сильный, превосходный. Мы выше говорили, что дикокаменные киргизы вели постоянные войны, лучше [сказать] имели постоянные взаимные набеги с киргизами и калмыками. Во время зюнгаров перевес всегда был на стороне калмыков, и в памяти народа сохранился со всеми ужасами разрушительный набег Галдан-Черена, принудивший их оставить реку Чу и бежать в Гиссар и Бадахшан, а кайсаков — [к] пределам Бухары. Этот бой был в 1723 году. Кайсаки лишились Туркестана — столицы своих ханов.

С киргизами отношения их в те времена были более дружны и миролюбивы. Ишим хан (живший около 1630 [г.]**) имел в своем распоряжении родоначальника бия Кукема چونك باعدش كوكم بى при покорении которого ему удалось низвергнуть Турсуна Катаканского и Чанчклийского. В память союза киргизов и казаков Ишим построил в Ташкенте башню, которая существует до сих пор и называется ***) كوك كومبز كوكسم ناك

А Тауке, сын Джангира, внук Ишима, управлял киргизами на положении бия (имел в своем распоряжении) их [бия] Тиеса. Тауке-Тиеса признают вместе

---

*) К о ч — кочевка.

**) В рукописи «1360» — описка.

***) Көкемнің көк күмбезі — Синий купол Кукема.

как владетелей всего рода. Эпоху же переселения их с Андижана и Чу на озеро Иссык, на нынешние места кочевок, старики определяют временем разрушения царства хон-тайдзиев, времен смут зюнгаров. После смерти Галдан-Черена они с юга, киргиз-[кайсак] с севера начали вторгаться на Или и изгнали калмыков за реку Чилик и Чарын. Приход их, по исчислению стариков, участников эмиграции, начался в 1774 году.

Набеги хана Средней Орды Аблая в разные годы на их улусы еще свежи в народных преданиях. Аблай разбил род солты и саяков на Сарыбеле, на урочище Карабалта-Сукулук, где и убил знаменитого батыра, родоначальника солты Джаила. Особенно славится поход Аблая 1770 года, [ког]да решалась судьба дикокаменных киргиз. В этой битве были все киргизы *он* и *сол*. Эта битва называется Джаилнын кыргыны — Джаиловское побоище*), а место битвы получило название Туйскен**). Хан из Ташкента возвратил пленных. Сарыбагыши были им разграблены в горах Алатавских при верховье Чилика, а бугу — на озере Иссык-Куль. [Там был и] Атеке-Джирык, герой дикокаменных [киргиз] и др.

Киргизы терпели много поражений от Аблая, особенно памятен для дикокаменных киргиз набег Аблая в 1770 году, [в] котором выразился решительный перевес кайсаков и утвердились те отношения, которые теперь между ними и киргиз-[кайсаками] Большой орды существуют. Султан найманский Барак (Кукджал)***) جالدو باراق или كوك جال براق сделал набег на дикокаменных киргиз. Не находя никакого сопротивления, избалованный счастьем, он сделался слишком беспечным и, гордясь силою, осквернил святыню дикокаменных киргиз — могилу Кошкар-ата. Дикокаменные киргизы, озлобленные его жестокостью, тайно условив-

---

*) На полях рукой Ч. В. „جايل نك قزى بكم جان" [Дочь Джаила Бикем-жан], т. е.— «об этих событиях существует песня, сложенная дочерью Джаила Бикем-жан».

**) Т. е.— «поле битвы».

***) Буквально: «синегривый Барак» или «гривастый Барак», в переносном значении сильный, могучий Барак.

шись, собрались и ночью напали на его стан*). Непобедимый Барак без всякого сопротивления бросился в бегство, оставив весь свой лагерь, и был преследован до Или. جاندو براق قاچقاندا، بايفاق بى اولگاندە (**)

Киргизы приписывают это неожиданное бегство заступничеству святыни.

Аблай с сильным войском из аргынов, найманов и уйсунов для отомщения за поражение Баража перешел через верхние притоки Таласа Уч-Кошай и под горою Крунбелем разбил сборные аулы солту и саяков, и с несметной добычей и пленными на возвратном пути через Кзылсу, Шамши, впадающие в Чу, встретился с несметными полчищами киргиз он и сол. Дело происходило на Чу, в долине при впадении Аксу и Кыз-Тугана. Сопка Токташын Кара-тубе была средоточием ставки кайсаков. Кайсаки остались победителями, хотя киргизы дрались насмерть, чтобы освободить своих пленных. Родоначальник солту Джаил с двумя сыновьями Усен и Теке пали на поле. Дикокаменные киргизы понесли ужасный урон: из рода чон-багыш остались только два аула, а из отделения чон-талкан только 40 человек. Плач дочери Джаила Бикемжан بكم جان бывшей женой Атеке, поется киргизами до сих пор, и воспоминание об этой битве еще свежо под названием Джаиловского побоища.

Депутаты от всех дикокаменных родов отправились вследствие этой битвы в Кокчетав, прося мира, и впервые обязались не убивать друг друга и дали заложников: сам Исенгул — сына своего *Наймана* — от бугу, из рода арык — Джанбалу, от рода асык — потерь его нет, дали одного. Эти три рода были самые сильные. Солту тогда ничего не значили.

От Аблая они [киргизы] оставили Или и заняли нынешние кочевья. По миру решили: от озера до Чу — кочевья киргизов, а от гор на Или — кайсаков.

---

*) Одно слово не разобрано.

**) «Когда гривастый Барак бежал, когда умер Байнак бий»...

ИСТОРИЯ ОРДЫ

Народные предания о происхождении дикокаменных киргиз. Исторические известия о народе киргиз. Дикокаменные киргизы—старожилы Восточного Туркестана.

История племен кочующих и вообще народов, не имеющих писем, [больше] заключается в их полубасословных преданиях, нежели [основывается] на фактах. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии. История нам говорит о них мало, а о других совершенно ничего. К числу последних относятся казаки (киргиз-кайсаки) и описываемый нами народ *киргизы* (Дикокаменная орда). Хотя китайская история и говорит подробно о народах хякач, ки-ли-чу и киргизцах, принимаемых многими учеными за *киргиз,* обитающих исстари [в этих местах], при всем том они отличают их от нынешних.

Древнейшая их судьба покрыта мраком неизвестности. Может быть, китайские летописи и сохранили о них что-нибудь, но по чрезвычайной запутанности имен и особенному, принятому Срединным царством способу тонического переложения иностранных названий, нет возможности достигнуть истины, тем более, что все кочевые народы как древние, так и современные нам, под влиянием одинаковых условий пастушеской жизни имеют много общего как в образе жизни, так и в обычаях. Собственно, о народе под именем киргиз упоминают как китайские, так и монгольские ист[оч-

ники]*) XIII века, говоря о народах, обитавших в Монголии до Чингиса. Киргизы [в это время] жили в Южной Сибири. Посему всеобщее мнение ученых было то, что народ, известный ныне под именем *киргиз*, один и тот же народ, который обитал в конце XVII столетия в Южной Сибири по Абакану и Томи (Левшин, Фишер). Китайцы же нынешних дикокаменных киргиз называют *бурут* и говорят, что они искони (со времени династии Тан) жили около Луковых гор. Отец Иакинф в сочинении своем «История Ойратов» отличает киргизов сибирских от киргизов (бурутов) и, конечно, основываясь на китайских источниках, говорит, что первые были одно из отоков [поколений] ойратов, а вторые были народ тюркский и живут на нынешних местах с древнейших времен. Дикокаменных киргиз, которых они называют бурутами и считают за старожилов Андижанских гор, производят от каких-то полу, обитавших еще при Танской династии около Куэн-лунских гор. Мнения ученых: Фишер, Клапрот, за ними и Левшин стремятся согласовать эти сказания, принимая бурутов, дикокаменных киргиз за киргиз андижанских, якобы переселенных джунгарами.

Русские при завоевании Сибири, действительно, имели столкновения еще в конце XVII в. с непокорным народом киргиз, кочевавших в Южной Сибири по Абакану и Томи.

Риттер в замечательном творении своем: «Erdkunde von Asien»...**).

Во всяком случае достойно исследования — действительно ли народ, называемый теперь киргизами, тот самый, который в XVII столетии обитал в Южной Сибири и делал набеги на Томск и Кузнецк, тем более, что из народных преданий Дикокаменной орды видно, что они жили в горах около Андижана и на юг распространялись до Кашгара с незапамятных времен. Решить этот трудный вопрос мы не беремся — это дело ученых, более знакомых с историческими источниками,

---

*) Или ист[орики].

**) Приписка карандашом на полях рукописи далее стерлась, не разобрано несколько слов.

мы же постараемся привести все исторические данные, известные нам об этом народе, представим собранные нами предания народа о своем происхождении.

Единственный вспомогательный источник для объяснения этого вопроса — это изустные предания народа о своем происхождении и героические саги о подвигах своих родоначальников батырей. Любовь к старине и обилие преданий отличают народы кочевые монгольских и тюркских племен от оседлых их собратий. Простота и естественность [этих преданий] делает их высоко интересными в историческом отношении.

Хотя предания дикокаменных киргиз не так разнообразны и многочисленны, как у кайсаков*), но тем не менее имеют несколько исторических сказаний и одну эпическую сагу «Манас». Предания их по характеру своему чрезвычайно древни. Одну из характерических черт преданий древних среднеазиатских народов составлял миф о происхождении их от какого-нибудь животного или зверя. По свидетельству китайских летописей род[оначальником] народа гао-гюй (иначе телэ или чилэ) был волк. Тюгу (дулцы) происходили по женской линии от волчицы, а поколение туфан — от собаки (стр. 336). Батачи, родоначальник монгольских ханов, (по свидетельству той же книги) был сын «голубого волка»**) и «прекрасной лани». Тибетцы, как известно, и теперь считают себя потомками *обезьяны.* Ясно, что этот род преданий между кочевниками был самый древний и, по-видимому, почетный. Дикокаменные киргизы также считают предком своим *красную собаку* (кизил тайган), собственно—красная борзая собака***).

Матроной считают какую-то царевну. О времени не помнят, но говорят, что это было очень и очень дав-

---

*) Зариант Ч. В. в скобках: «... хотя дикокаменные киргизы в этом отношении уступают казакам, особенно щеголяющим этим достоянием».

**) Борте-чене.

***) Предание это напоминает такое же у тюгу, дулцев (*Ч. В.*)

но*). Таково предание в первоначальном своем виде, [но] как мусульмане, у которых собака считается одним из самых нечистых животных**), дикокаменные киргизы при помощи некоторых басен и аллегорий стараются объяснить этот странный факт. Комментарии эти носят на себе, несомненно, следы новейшего стиля и, очевидно, составлены под руководством мусульманских мулл или ходжиев...***).

Из этого и других преданий ясно, что народ считает себя старожилами андижанских гор и совершенно не помнит о переселении своем или движении. Трудно предположить, чтобы такой важный факт, как эмиграция из родной страны и в такое короткое время, как двести лет, могло совершенно изгладиться из памяти народа, сохраняющего предания гораздо древнейшие. Рассмотрим этот вопрос по возможности, т. е. представим данные в пользу того и другого мнения, избегая решительного суждения, что было бы слишком опрометчиво при той запутанности данных, как увидим ниже.

Абулгази, историк преимущественно народов монголо-тюркских, говорит, что киргизы — народ тюркский. «Керкезы или киргизы كركز يعنى قرغز, — говорит он,— происходят от внука Огуз-хана Киргиза,— и делает тут же замечание: — Но в настоящее время киргизской породы людей мало: от монголов и других родов (выходцы) по недостатку «огня****) и воды» (т. е. в пастбищах и кочевках) пристали к киргизам, соединились и приняли имя киргиз, но сами не знают, из каких они родов» (стр. 27. Histoire de Tat. et Mong. Румян-

*) Плано Карпини, бывший в 1246 году у монгольского хакана Куюка говорит, «что Cyngis сап [Чингиз хан] после покорения буру, тибетов послал отряд на восток [вернее, на запад] через землю kergis, который не покорил ее, а дошел до гор Каспийских (Caspias montes). Известие это, по-видимому, заимствовано им из того же источника, как [и] рассказ о вине красной собаки — родоначальника *(Ч. В.)*.

**) Звездочка для авторского примечания, которого в рукописи нет.

***) Пропущена одна строка.

****) «Огонь» — неточный перевод. Омоним «от» еще означает траву; «от-су» — травы и воды.

цевское издание). Они жили в соседстве с кем-кемджутами, которые разделились на два поколения и «сидели» по Селенге и Икар-Муруну.

Киргизы владетелей своих называли инал. При Чингис-хане иналом был Урус. Он покорился Чингисхану и с посланным от монголов Буру отправил белого сокола с красными глазами и ногами. Китайская история подтверждает это известие и говорит под 1207 годом нашей эры, что Чингис-хан послал двух чиновников своих Алтана и Бору к поколению кир-цзис и что вследствие того Идир-Нэрэ и Алдар (должно быть, имена старейшин киргизских) послали лучших соколов. (История четырех ханов из дома Чингисова, стр...)[82]. Рашид-ад-дин относит их к числу лесных народов, обитавших в стране «Борхуджин Тукум» (Ж. М. Нар. Просв., 1843, май). При разделе империи после Чингисхана они достались в удел Тулую. Монах Вильгельм Рубруквис (или Рейсбрук)[83], отправленный Людовиком IX в 1254 году*) к монгольскому хану Мунке, говорит, что киргизы живут на север от Каракорума. Так как Икар-Мурун был предметом долгих споров ученых, то Фишер (Сибирская история), полагавший его за Хуанхе (Желтую реку), думал, что киргизы переселились в Южную Сибирь гораздо позже Чингиса. Klaproth в «Mémoires relatifs à l' Asie» опровергнул эту мысль, приводя выписки из истории династии Юань (1280—1367), где в описании земли народа ki-li-ki-zse (читай kirgis**) узнаем Енисей и Ангару. Как бы то ни было, существование народа киргиз в Южной Сибири—факт, не подлежащий никакому сомнению, где бы ни был и как бы ни был спорен Икар-Мурун. Буряты все курганные насыпи по Онону, Шилке и Аргуни до сих пор называют не иначе [как] киргиз-гэр (киргизские дома). Очень может быть, что в эпоху своей силы киргизы распространяли свои кочевья до пределов Аргуни (см. ЖМВД 1852 г., январь, кн 1-я). Последующая история этого народа неизвестна, какую роль играли

*) Точнее — в 1253 году.

**) В истории четырех ханов, которая также есть перевод истории династии Юань,— «кир-цзис» *(Ч. В.)*.

они в истории монгольских племен и какое имели отношение к соседств[ующему] союзу племен, ойратам, мы не знаем. В начале XVII столетия, когда русские казаки распространяли свои завоевания до Томи, мы находим их на Абакане, Чуе и Томи в соседстве с двумя сильными владениями монголов — Урянхайским и Джунгарским. В течение всего XVII столетия в сибирских летописях мы встречаем их беспрестанно: то нападают они на Кузнецк и Томск, то соединяются с телеутами и с урянхайским алтын-ханом или с дзюнгарским хонтайджием. В 1606 году князь их Немча просил подданства [России] и отправил для этих дипломатических переговоров княгиню. Киргизская матрона повела дело не совсем удачно: ее оскорбили, и киргизы в отмщение сделали набег на Тару и Томск. В 1607 году они были подданные русские, [в] 1642 — поддались зюнгарскому владельцу *Батору*, а в 1657— алтын-хану урянхайскому Лобзану. Кочевали они тогда по Белому и Черному Юсам, Абакану, на запад до Томи, на восток до Енисея и на юг до саянских гор*) (см. Фишера «История Сибирская», Иакинфа «Историческое обозрение четырех ойратов»)**).

В исходе XVII и в начале XVIII века вдруг исчезает имя этого народа и более не упоминается в сибирских летописях. Фишер полагал, что они *переселены* зюнгарским тайджием, но куда — он не знал. Но, основываясь на слухах, также полагал, что новое место их жительства должно быть около границ Тибета и гор Гиндукуш. Г-н Левшин (Описание кир-кайс. орд и степей) говорит, что шведские офицеры первые внесли в историю это событие и утверждает, что переселение их было вследствие особого договора между русским двором и джунгарским хон-тайджием. Если известие это заимствовано им из современных документов и если упоминаемый договор действительно существовал, то вопрос решается сам собой, и нам остается, как говорилось в старину, положить все упование на ал-

*) В Монголии на границе ее с Джунгарией есть озеро «Киргиз-нор» на юг от озера Лобсы, на восток от Кобдо *(Ч. В.)*.

**) Иакинф. «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV века до настоящего времени». СПБ, 1834.

лаха и сказать: маш аллах! Если же этого договора [не было и] предположение Фишера о переселении киргиз было основано только на известии, что около Гиндукуша живет народ *киргиз*, и было гипотезой, объясняющей странное исчезновение сибирских киргизов,— в таком случае мы считаем необходимым сказать несколько слов в пользу другого положения, подтверждаемого преданиями самого народа.

Очень может быть, что первое открытие существования народа *киргиз* в горах андижанских затронуло ученых, занимающихся исключительно сибирской и монгольской древностью, каковы были Фишер и Klaproth, и послужило им фактом для объяснения потерянных [в] сибирской истории киргиз (Klaproth, Journal Asiatique, 1823 г.)*).

Отец Иакинф первый стал отличать сибирских киргиз от киргизов дикокаменных**), принимая первых за оток или ноток (поколение) калмыков, вторых же считал за тюрков и для отличия от киргизов назвал их *кэргизами*. Сибирские казаки, говорит он, имели дело с одним калмыцким отоком, который назывался киргиз***). В этом предположении, как и во всем, он основывался на китайских источниках, которые нынешних киргизов называют *бурут*, в том предположении (заметьте, предположении), что они происходят от народа булу, обитавшего в Луковых горах (Куэн-Лунь) при династии Тан. Китайская география «Дай-цин-и тунчжи» говорит: «Пулу сходно с булу, следовательно, полу — *буруты*» (Клапрот, «Magasin Asiatique»). Отец Иакинф в объяснениях к переводу китайского сочинения «Описание западного края» повторяет то же, но от своего имени: «Нынешние киргисцы прежде обитали по южную сторону хотанских гор, неподалеку от северных пределов Тибета, и уже в IV веке появились на нынеш-

*) В преданиях киргиз, как мы заметили выше и будем более подробно говорить ниже, не находится, кроме безусловно отрицающих, никаких легенд или сказок, если не прямо говорящих, то по крайней мере напоминающих на прежнее жительство их в Сибири. Правда, в поэтической саге «Манас»... *Ч. В.*). Примечание не закончено.

**) Т. е. тянь-шанских.

***) Иакинф. «Историческое обозрение ойратов».

них местах*) под китайскими именами: *болу*, *булу* и *болюй*. Болу или булу сходствует с словом *бурут*, следовательно бурут есть древнее имя кэргисцев, которым китайцы и монголы и доныне называют их» (Описание Джунгарии и Восточного Туркестана, объяснение, стр. XXVIII).

Мнение отца Иакинфа, что киргизы сибирские были ничтожный калмыцкий отоК, даже не стоит опровержения. Из сибирских летописей очевидно, что киргизы были народ довольно сильный и совершенно отдельный от джунгаров. Если они добровольно вступили в джунгарское подданство, [то] точно так же свободно переходили от них к России и к алтын-хану. Доказательством того, что они говорили тюркским языком, служит то, что кайсаки (которые называют себя казак) получили название «киргиз» от русских потому, что наружностью и языком очень походили на киргизов. Нельзя отрицать существование калмыцкого нотока с подобным именем, но оно решительно ничего не доказывает, ни к чему не ведет: между башкирами, кубанскими ногайцами и кайсаками есть поколение, называемое «киргиз»**). Вообще собственные мнения отца Иакинфа, при всех его ученых заслугах, как-то тяжелы и напоминают своими формами прагматические замечания, приложенные к китайской летописи *Ганьму* (Тунцзянь-Ганму) для вящего назидания потомству.

Что же касается до мнения китайской географии о происхождении киргиз, принятое в Срединном царстве в этом отношении за авторитет, и притом оно, как основанное на созвучии слов *булу* и *бурут*, не может быть

---

*) За средоточие земель дикокаменных киргиз отец Иакинф принимает пространство между Кашгаром и Андижаном, что, впрочем, совершенно справедливо *(Ч. В.)*.

**) У киргиз в Майлибалтинской волости Кокчетавского округа есть два рода, называемые *яна* и *бай киргиз*. Они образовались из военнопленных «есырей», захваченных Аблай-ханом и переселенных в степь. Эти киргизы теперь составляют подрод Атыгаевского [рода], а в отношении родовых прав считается наравне с 12 сыновьями (поколениями) рода атыгая (главного рода). У башкир они могли образоваться по тому [же] закону. Что касается до ногайских киргиз, то это другой вопрос, достойный более серьезного обозрения. См. ниже *(Ч. В.)*.

принято за факт, тем более, что сами дикокаменные киргизы совершенно не знают слова *бурут* и удивляются сами, почему и откуда взяли китайцы такое слово.

Мне кажется, слово бурут имеет такое [же] происхождение и отношение к киргизам, как данное русскими кайсакам название киргиз.

Доказательством существования народа киргиз в нынешних местах Дикокаменной орды служит замечательный факт, переданный Абелем Ремюза и выписанный нами в извлечениях из риттеровой Erdkunde*).

Абулгази, кроме вышеприведенного, решительно ничего не говорит о киргизах, и только раз в числе беков Джагатайской орды упоминает киргизского родоначальника Бек-Баглы бахадура بەرعزبك باعلى بهادر, اويشون باقلى ميرزا, который вместе с уйсунским Баклы-мирзой открыл заговор найманов на жизнь Араб-Мухаммед хана. Мухаммед хан вступил на ханство в 1011 году гиджры, следовательно, событие это относится к тому времени, когда киргизы сибирские были еще на своих местах. При всей краткости этот факт есть единственное указание существования киргизов и в Мавраннагре; (основываясь на этих данных и на показаниях самого народа, который совершенно опровергает это, не знает и не помнит о движении своем и единогласно считает своей родиной горы андижанские —невольно приходишь к заключению, что не были ли киргизы андижанские? Действительно, что дикокаменные киргизы живут на нынешних местах, т. е. в горах от Кашгара до Андижана, издавна. Народное предание сохранило даже имена двух родоначальников, которые подчинились влиянию киргиз [-кайсацкого] хана Ишима, жившего в Туркестане около 1630 года.

Абулгази в своей истории не обратил никакого внимания на казаков [кайсаков], ногайцев и киргиз, хотя по-видимому, хорошо знал их обстоятельства. Изгнанный из Хорезма, он пользовался гостеприимством киргизского хана Ишима)*.

Историю свою Абулгази писал именно [в] 1074 году

*) Эта выписка из А. Ремюза хранится в архиве Ч. Валиханова, ф. 23, оп. 1, д. 15-б.

гиджры, следовательно, почти современно с предполагаемым переселением киргиз. Думать невозможно, чтобы Абулгази упустил из виду такое важное событие, как эмиграция целого тюркского народа. Да и трудно предположить возможность насильственного переселения целого воинственного и энергического*) поколения народа, каковы были киргизы, из мест, где они родились и вскормились. Джунгары даже в эпоху своего могущества при Галдан-Черене не могли совершенно подчинить своей власти нынешних дикокаменных киргиз. Если бы и в самом деле переселение это существовало, то могли ли дикокаменные киргизы забыть такой важный и знаменитый факт! В каждой песне, сказке отзывалось бы оно, и тысячи поэм явились бы, оплакивающих долины и равнины Абакана и Юсу. В эпической саге их «Манас», правда, говорится о движении «ногайских» родов после смерти известного Кукотай-хана на север, к Черному Иртышу, но движение это относится к ногаям и было *с юга на север*. В ней упоминается Хангай и Алтай и хан калмыков. Это единственная легенда, косвенно напоминающая Алтай, где была орда Алтын-хана урянхаев и хаангай—средоточие монгольских племен халки. Собственно же поэма эта имеет предметом своим описание подвигов ногайского мирзы батыра Манаса[84]. Сами *киргизы* и казаки представлены в ней в виде двух соседственных и дружественных с ногаями, но отдельных народов. Кочевья их сконцентрированы на юг, по Чу, Таласу и далее на восток (см. ниже). (Доказательством старожительства дикокаменных киргиз в Восточном Туркестане служит еще то, что они говорят одним и тем же языком — тюркским)**).

К числу преданий, доказывающих их старожительство [в горах Тянь-Шаня], принадлежат так называемые «Ногайские предания», относящиеся по слову и характеру своему к XV веку.

Другой не менее замечательный и отрицательный***) факт преселения в преданиях дикокаменных киргиз — это предания о *ногайцах*, как о народе с ним

*) Можно читать «героического».
**) Порван край рукописи в две строки.
***) Т. е.— отрицающий.

соседственном и дружественном. *Ногайцы*, надо сказать, в преданиях всех нынешних среднеазиатских кочевников: кайсаков, киргиз и каракалпаков, занимают почетное место. Множество легенд, поэм, относящихся к этому народу, заимствованные в те времена по соседству, сохраняются до сих пор.

Ногаями они называют татар Б[елой] орды и собственно ногайцев. У них, как и [у] кайсаков, *Идигей* (золотокудрый вождь) имеет свою сагу и знаменитый плач на разрушение спокойствия ногайцев — «когда 10 т. ногайцев*) пришли в смятение, когда умер Урмамбет-бий, [когда] черные леса орские загорелись, [плач], существующий у киргиз-[кайсаков[и башкиров, поется и их песнопевцами, рчи.

Предание это относится к приходу калмыков, которые с Ори стеснили ногайцев и выгнали их за Яик. Мне случалось после слышать от старых калмыков все эти легенды о походе Хо-Урлук[85]. Обстоятельство это относится к тому времени.

Поэма «Манас», собственное произведение и единственная рапсодия**) *киргизского* народа, имеет, как мы уже заметили выше, героем ногайского батыра Манаса. Хотя эта эпическая сага и, очевидно, позднейшего происхождения[86], и подвергалась вставкам в позднейшее время, что ясно из упоминаемых в ней солонах и шариках на шапке, но все-таки сюжет ее или основание, конечно, имеет собственные задушевные воспоминания киргизского народа, судя по чрезвычайной любви и уважению их к этому степному эпосу.

В преданиях дикокаменных киргиз ногайцы кочуют по Чу, Таласу и на озере Иссык-Куль. В преданиях кайсаков они доходят до Аягуза. В «Манасе» герой поэмы кочует на Чу, Таласе, называемом иногда Андижанским, иногда даже Самаркандским. Вообще во

*) 10 тысяч (он сан) означает у них — народ. Должно быть, первоначально народы монгольские и тюркские выше этого не имели счета. В Китае под 10-тью «тысячами» также разумеют слово народ. Императору желают «10» тысяч лет — ваньсуй. Они говорят: император имеет 10 тысяч вещей, т. е. все, сколько ему нужно *(Ч. В.)*.

**) Песня рапсода, странствующего певца.

всех этих преданиях кайсаки и киргизы предс[тавлены] в виде отдельных народов, но менее сильных. У кайсаков о временах их соседства с ногайцами говорится, как о золотом веке. «В счастливые ногайцев и казаков времена», — говорят их эпосы в начале всякого сказания. Ногайцы (Б[ольшие] ногаи) кочевали в XV и в начале XVI века, как известно, от Эмбы и Ори на юго-восток (см. «Книга Большому Чертежу»)[87] в нынешней киргизской степи вместе с кайсаками (слияние).

Абулгази ногайцев называет всегда манкит. По его повествованию Едигей был из белых манкитов, Кочум был убит манкитами. Границы земель их на юго-востоке нам неизвестны, но о нападениях их на Ташкент сохранились записи.

Нельзя отвергать вообще показания преданий кочевников о распространенности кочевьев ногайских. Согласно им, нынешние кочевья Большой орды (Семиречье), Иссык-Куль были занимаемы их родами. Знаменитый в народных воспоминаниях кочевой философ «Асан Горемычный» по преданиям киргиз кочевал на Джиргалане. По свидетельству Абулгази, в XIV веке нынешние земли дикокаменных киргиз принадлежали к Джагатайской орде и после — к уделу кашгарских ханов. Исен-буга, первый государь этого удела, получил в удел: все города Малой Бухарии, уйгурскую землю, Алатав и Могулистан (это, конечно, нынешняя Джунгария). Сын его Темир Туглук, принявший ислам, кочевал при реке Или, в сердце Джунгарии. Могила этого государя находится в 35 верстах на северо-запад от Кульджи и известна у туземцев под названием: Мазара Туглук Тимур-шаха. Следы влад[ычества] мусульман являются здесь всюду. Я сам видел несколько монет, принадлежавших этому государю, найденных в окрестностях его гробницы. Кроме того, в Семиреченском крае найдены были разные вещи, в числе коих и золотой перстень с мусульманской надписью «Арслан». Ногайцы около этого [времени], распространив свои кочевья по степям до Сыр-Дарьи и Чу, могли занять эти места и после перенесения орды ханской в средоточие оседлых владений, в пространстве между Яркендом,

Кашгаром и Хотаном, что произошло тотчас после смерти Т[углук] хана, и занять Иссык-Куль и Семиречье, обильные пастбищами и благоприятные для скотовода. Ойратство четырех монгольских поколений образовалось в горах Южной Сибири, Или, Тарбагатае. Движение их на юг, конечно, относится к тому самому времени, как переселение Тушти хана хошоутов в Хухунор и движение Ухорлыка*) торгоутов на север. Как бы то ни было, киргизы, согласно преданиям, кочуя около Андижана (в верховьях Сыр-Дарьи), были в соседстве с ногаями, которые, как известно по «Книге Большому Чертежу», жили в нынешней Киргизии от *Ори до Сыр-Дарьи.*

К этому периоду времени относится предание о первом и последнем хане Дикокаменной орды *Джучи-хане* по прозванию Алатай, который был сыном Джанибека, называемого некоторыми ханом ногайским, другими же — казачьим. Джанибек был по преданию первый хан казаков из дома чингизидов — джучиханидов. Абулгази, подтверждая эти предания, детей его называет казакскими ханами**).

Сын Джанибека Касым[88] был убит в [войне] с знаменитым узбекским завоевателем Мухаммед Шейбани[89] ханом, завоевавшим Мавраннагр около 1505 года и убитым персидским шахом Исмаилом [в] 1510 [г]. Следовательно, согласно этим преданиям, в XV и XVI вв. киргизы были в горах Андижана.

Народное предание сохранило имя двух своих родоначальников, которые подчинились влиянию кайсацкого хана Ишима, жившего в Туркестане около 1630 года (см. Абулгази) — следовательно, тоже ранее предполагаемого переселения, ибо в 1356 г. ***) киргизы упоминаются еще в летописях. Итак, предания [киргизского] народа, с точностью, достойной вероятия, отрицают господствовавшее мнение, почти фактически подтвер-

---

*) Так называли казахи Хо-урлука.

**) О ногайцах и о происхождении киргиз-кайсаков я имею в виду поговорить более подробно в другой раз *(Ч. В.)*. (См. Киргизское родословие. Сочинения Ч. В., ЗРГО, т. XXIX, СПб, 1904, стр. 286—305).

***) Описка, нужно «1635».

жденное многими учеными о них, как о переселенных сибирских киргизах. Было ли это переселение действительно или нет?

В этом кратком обзоре мы представ[или] по возможности все известные нам исторические данные о киргизах, как о народе, обитавшем в Южной Сибири и переселенном на нынешние места кочевок в конце XVII века, и мнения противные ему, высказанные некоторыми учеными и, наконец, заключение, согласно преданию народа и некоторым уважительным данным, представленным китайской историей и Абулгази.

По мнению нашему, предания народа в этом отношении заслуживают уважения, если упоминаемые [достойным нашим ученым г. Левшиным, труды которого относительно истории средне-азийских кочевников будут всегда драгоценны, известия о договоре заимствованы от неофициальных современных источников. Впрочем, каждому представляем судить об этом согласно тем указаниям, которые мы собрали. В следующей же статье представим [этот вопрос] в порядке исторического обзора Дикокаменной орды на основании народных сказаний и показаний старейшин.

Вот данные в пользу второго предположения. Во всяком случае, как кажется мне, совершенно отделять его*) от киргизов древних, как [делает] отец Иакинф, нет достаточного основания, а напротив — непременная связь их по одному только имени — уже очевидна. Это не пустое этимологическое сходство и созвучие. Существование киргизов как народа тюркского, возводится восточными историками в баснословную эпоху тюркской истории Огуза. Китайцы же под именем ki-li-czu, кили-цзи-еу и кир-цзис также знали их давно. Юстиниан еще в (568) году получил в подарок от владетеля алт[айских] турок невольницу родом kirgis.

Южная Сибирь была постоянным местом их первобытного кочевания. Это неоспоримые факты. История кочевых племен с наидревнейших времен представляется нам в виде отливов и приливов из одной стороны в другую. Всякий политический переворот, война — про-

*) Т. е. киргизский народ.

изводили движение, перемену кочевок. Части разных поколений, увлеченные потоком общего движения, смешивались с другими поколениями и являлись на противоположных краях от старых своих кочевок. Примеры подобных явлений беспрестанны и повторяются с кочевниками до сих пор. Очень может быть, что отделение нынешних киргизов от сибирских собратов принадлежит к одному из подобных движений, происходивших давно, может быть, до Чингис-хана, в эпоху движения уйгуров с Икар-Муруна или же при нем. Хотя из истории монголов и по современному жительству поколений Южной Сибири и видно, что они живут на тех же местах, где были при Чингисе, но из существования рода *боргут* между бухарскими узбеками и *киргизов* между ногайцами и *толенгутов* между казаками — нельзя сомневаться в участии их, хотя, может быть, и в ничтожном числе родов, в военной эмиграции монголов. В Южной Сибири, в Томской и Красноярской губерниях, мы и теперь между разными самоедскими поколениями находим бургутов, кэнтанни [кэнтанденг], урянхайцев, туленгутов и хорин (хоринские буряты) и другие племена, населявшие по Рашиддину лесную страну Бурхуджин-Тукум.

Что касается до сибирских киргизов, то в существовании их и теперь в Томской и Красноярской губерниях мы, [на] основании некоторых данных, не сомневаемся. Известно, что сибиряки всем инородцам дают свои имена. Бурят они называют братские, якуты — называют себя *саха*, чулымские татары — корзагал и проч. В «Статистическом обозрении Сибири»*) «...составленном из официальных источников», мы видим, что в числе инородцев томских есть буруты и какие-то черневые татары. По крайней мере около 1825 года еще были в Сибири киргизы—и под своим именем киргиз. Г. Языков[90], пользовавшийся для примечаний к своему изданию «Путешествия к татарам» трудами г. Спасского[91], знатока сибирской истории и народов и издателя замечательного [журнала] «Сибирский Вест-

*) Ю. Гагемейстер. Стат. обозрение Сибири. I—III. СПб, 1854.

ник», говоря о древних киргизах...*) обитавших, якобы, близ реки Кянку, впадающей через Абакан в Енисей, говорит: «... *теперь живут там* киргизы, между коими есть одно племя, называющееся кереитами**)». Исчезновение же их в конце XVII века со страниц сибирских летописей, которые они пополняли изрядно своими набегами, могло произойти по тому же закону вымирания кочевых племен, как знаменитые алтайские урянхайцы***). Они существуют теперь в лице двух нотоков, известных у нас под названием двух *двоеданнических волостей.* Одного только страшного набега достаточно, чтобы обессилить навсегда кочевой народ, лишить его скота, т. е. силы, обезоружить.

Быстрое их исчезновение, падение самой *Джунгарии* служит разительным примером внезапного исчезновения (сибирских киргизов). Еще сильные при Галдан-Черене, умершем в 1745 году, в 25 лет [ойраты] падают совершенно, и старинное имя ойратов исчезает не только из истории, но и из воспоминания соседей, и остатки их, как самые ничтожные варвары, пасут маньчжурский скот, раздробленные по разным концам обширных своих земель. В один год (1763) погибло до миллиона народа (Описание Джунгарии и Восточного Туркестана) и на пространстве лучших их кочевьев от Тэмиртунора (Иссык-Куля) до Тарбагатая не было ни одной кибитки. Примеров же условного разумного переселения в истории монголо-тюркских племен совершенно не видно. Ни сильные хунну, [ни] тугю и монголы не прибегали к подобной мере, хотя непокорные и строптивые поколения окружали их всюду.

При всем том развить этот вопрос до известной ясности, принимая первое—дикокаменных киргиз за один и тот же народ с сибирскими киргизами, но переселившийся до Чингис-Хана или современно ему в Восточный Туркестан; второе, что сибирские киргизы исчез-

*) Одна строка рукописи испорчена.

**) Д. И. Языков. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV вв. СПб, 1825, стр. 282, примеч. 67.

***) Ч. В. имеет в виду царство «Алтын-хана» урянхайского. урянхайского.

ли не от переселения, как поняли прежде, а исчезли вследствие разных неблагоприятных [обстоятельств], [остатки их] живут на тех же местах, где жили прежде. Впрочем, все это нами сказано как предположение. Разъяснение этого, пока темного, предмета мы оставляем времени и новым изысканиям.

Народ киргизский, как племя от общего тюркского корня, упоминается у всех восточных и китайских историков. Абулгази говорит: *Киргиз* родоначальник киргизов, был сын Огуза (родоначальника тюркских народов) и проч. и т. п.

Невозможно полагать, чтобы дикокаменные киргизы, будучи потомками енисейских киргиз, могли в такой короткий период времени забыть о эмиграции своей на юг. Удивительно также то, что в преданиях своих о Манасе, герое ногайском, они с древнейших времен ставят себя в Андижане, даже отца своего *красную собаку**) قزل تا يغان производят оттуда. О родстве своем с кайсаками, узбеками и татарами, как народами, происшедшими от Золотой орды, говорят все их саги: у них также, как и у кайсаков, Едигей имеет свою сагу, где воспеваются его деяния. Даже на падение кочевой Ногайской орды у них существует *плач*, который начинается так: «когда 10 тысяч ногайцев взволновались, когда Урманбет бий умер, когда черные орские леса загорелись...»

О пребывании на Енисее они решительно ничего не знают. В «Манасе», например, являются ногайцы на Чу под названием ташкентских, как в преданиях киргиз [кайсаков] ногайцы кочуют на Аягузе. Но, впрочем, в «Манасе» кайсаки и киргизы представляются в виде отдельных народов, в общих интересах связанных с ногайцами. Отношения между ними чрезвычайно дружественны, даже родственны. У киргиз тоже о временах единства ногайцев и кайсаков говорится как о золотом веке. «В счастливые ногайцев и казаков времена»,— говорят их эпосы в начале каждого сказания.

Понятно, что киргизы и кайсаки, кочуя с ногайцами вместе почти соединенно (см. «Книга Большому Чер-

*) Кызыл-тайган.

тежу») и происходя из остатков Золотой орды, могли быть дружны, как связанные общим происхождением, языком, преданиями. Но удивительно, чтобы киргизы, народ, не имевший никаких отношений с ногайцами, живший внутри Сибири на грани, в сношениях с калмыками урянхайцами мог потерять все свои коренные предания и позаимствовать от других. Предположить это трудно, тем более, что ни с киргизами, ни с узбеками дружественные отношения у них не были*). Мнение отца Иакинфа**) о разности *киргиз* сибирских от *кыргыз* андижанских согласно с преданиями последних имеет основание. Хотя также трудно предположить, чтобы калмыки в период своего могущества не могли управиться [с] одним отоком, и, наконец, чтобы такой народ, как киргизы, умевший сохранять свои права от русских, зюнгар и Алтын-хана, мог за несколько лет совершенно исчезнуть. Решить этот вопрос нет никакой возможности. Род *киргиз* в башкирских волостях и волости киргиз между ногайцами также намекают на родство их с ногайцами. Род киргиз между ногайцами никак не мог произойти от военнопленных, как произошел он у кайсаков. В те времена, когда ногайцы кочевали в степях, называемых ныне киргизскими, киргизы (буруты) были на Томи. Следовательно делать такие дальние набеги ногайцам не было ни[какой] возможности. Они должны были проходить через улусы зюнгаров, через Иртыш и через тысячи других препятствий. Наконец, сказание свежих преданий об отношениях биев, родоначальников их к хану киргизскому Ишиму, царствовавшему в Туркестане около 1636 года, определяет время их исчезновения.

В 1646 году объявили зюнгары претензию на *барабинцев*, киргизов и *карзагалов* (Ист. ч. ойр. с. 57)***).

Со смертью Батора хон-тайдзи [1654] сношения наши с зюнгарами прекратились, а потому и о дальней-

---

*) На полях рукой Ч. В. даны 2 строчки из известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины»: «Когда листы твои сплетали Солима бедные сыны».

**) Иакинф. «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени». СПБ, 1834.

***) Там же.

шей участи киргиз [мы] ничего не знаем. Известие же Фишера о переселении киргизов в пространство между Кокандом и Кашгаром могло действительно быть основано на созвучии слов.

О названии бурут, которые дают дикокаменной орде китайцы, народ совершенно не знает, даже рода с подобным названием между ними нет, хотя китайский географ и говорит тоном положительным о бурутах, как о потомках народа пулу, обитавшего искони веков на местах кочевой орды. (Klaproth. «Magasin Asiatique»). Судя по генеалогии предков народа, орда эта была невелика численностью, и сами они говорят, что сильнейший их родоначальник Кукем, современник хана киргизского Ишима, имел 500 человек.

* * *

История племен киргизских и вообще народов, не имеющих письмен, [более] заключается в их полубаснословных преданиях, нежели [основывается] на фактах, [и] представляется нам в виде хаотических противоречий, заимствованных из китайских и восточных историков, или же в простой и понятной для всех, но многознаменательной форме, [так] что древнейшая судьба их покрыта мраком неизвестности. Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии. История нам говорит о них очень мало, о других совершенно ничего. Самые отдаленные письменные известия о судьбах древних поколений кочевников монголо-тюркского племени мы находим в китайских летописях, а с XI века в сочинениях восточных историков. А потому история их представляется нам или...*).

Обширные и привольные степи Средней Азии, обильные пастбищами и водой, были населены в наидревнейшие времена бесчисленными ордами отдельных кочевых поколений. Поколения эти, беспрестанно ме-

*) Пропуск в оригинале.

няя места своих кочевок, являлись под разными именами: то под родовым названием своего поколения, то под коллективным именем сильного, влиятельного рода. Одно племя усиливалось, соединяло все другие и давало им свое имя. Таковы были союзы племен—хунны, ойхоры и монголы. Миграция одного поколения, стесненного другим, порождала всеобщее движение, всеобщую перемену кочевок. Это-то обстоятельство и составляет величайшую трудность при исследовании происхождения современного нам кочевого поколения, тем более, что единственные для того источники — китайские летописи и восточные хроники не отличаются последовательностью и точностью. Самый способ тонического переложения иностранных имен на китайские иероглифы через какие-нибудь китайские слова, по звуку близко подходящие к настоящему имени, недобросовестность китайцев, которые жертвовали при этом точностью для того, чтобы выразить своими иероглифами злую насмешку, наконец, непоследовательность, с которою следили китайцы за переворотами орд варварских, особенно в период между династиями *Тан* и *Юань*, делает вопрос этот далеко не так ясным, как бы следовало ожидать от множества фактов, сохраненных их историей.

В истории династии *Юань* являются кочевники, может быть, те же самые, которые были и прежде, но под другими названиями. Восточные источники, заимствованные из более точных источников, из преданий народа, из рассказов очевидцев и из официальных документов монгольских ханов, по повелению которых [они] и писались, относительно истории монголов и племен, из которых составлялся этот союз, конечно, имеют преимущество перед китайскими, которые, по-видимому, для Юанской истории заимствовались фактами из их хроник. (См. Ист. Чет. Ханов)*).

Связь истории Юанской с историей династии Тан совершенно прерывается.

Когда империя монголов разделилась на орды меж-

*) Н. Я. Бичурин. «История первых четырех ханов из дома Чингисова». Перевод с китайского, СПб, 1829.

ду детьми Чингиса, и когда эти орды после долгих смут разделились еще на мелкие уделы между ханами, эмирами, в Средней Азии являются два новые элемента жизни — городской и кочевой, составившиеся из соединения победителей и побежденных. Кочевники эти являются или под совершенно новыми именами: узбеков, ногаев, казаков, или под именами поколений, бывших еще до Чингиса, как например: *киргизы*, *манкиты* (или каракалпаки) и урянхай. Эти новорожденные орды из союза монголов или орды, временно участвовавшие в коллективе племен монголов, чтобы опять встретиться под старым родовым именем, не имеют никаких историй, кроме преданий. Абулгази, историк монголо-тюркских племен, писавший свою историю после возрождения этих народов и сам принадлежавший к узбекам, не старается нисколько разъяснить этот факт.

Вот три источника для истории среднеазиатских номадов, три источника, бессвязно разорванные двумя периодами в несколько десятков лет. Согласовать сказания одного с сказаниями другого, чтобы иметь связь и последовательность, составляет труд, если не неодолимый, то по крайней мере тяжкий и почти невозможный без предположений и догадок. Китайские летописи, благодаря трудам знаменитых ориенталистов Клапрота, Абеля Ремюза, Сен-Мартена — разъяснены до замечательной ясности. Сказания восточных историков*) тоже нашли многих комментаторов и разработаны Д'Оссоном[92] и проч. Только народные легенды, поэмы оставались до сих пор не затронутыми, может быть, по скудности источников и по малоизвестности и дикости современных кочевников. Нет сомнения, что предания, как источники вспомогательные, чрезвычайно важны для объяснения исторических сказаний, довольно темных и отрывочных.

Дикокаменные киргизы или буруты, как называют их китайцы, принадлежат к числу современных кочевых народов Средней Азии. О происхождении их существует множество мнений, писано очень много по двум пер-

*) Имеются в виду китайские, монгольские, арабские, персидские, среднеазиатские и армянские источники.

вым источникам, но тем не менее история их есть вопрос не решенный. Все ссылки на китайскую летопись относят их к числу самых древних поколений Средней Азии, где еще за*)... до р. х. [они] были известны под именем кян-куней, хякасов и киликидзи. Клапрот объяснил их кочевья из записей времен династии Тан и находит, что это был Енисей; Абель Ремюза и Visdelou причисляют их к числу 6-ти голубоглазых рас и считают за племя индогерманское. Риттер считает их за племя, происшедшее из смеси индогерманских усуней с тюркским хойху. Между тем сами китайцы отличают нынешних бурутов от киликидзи и называют их бурутами, производя [их] от народа полу, обитавшего при династии Тан в горах тибетских. Восточные историки, Абулгази, Рашид-ад-дин говорят о киргизах, обитавших по Икар-Муруну (по Клапроту—Енисей, по Фишеру — Хуан-хе). Русские в XVII столетии застали в кузнецком округе беспокойное тюркское племя киргизов, которые нападали на Тюмень, Кузнецк. В конце XVII [в.] вдруг исчезает это поколение и не слышится более имени их. Фишер утверждал, что они были переселены по мирному договору русского двора с джунгарским ханом в кочевья киргизские и нынешних алатавских и болорских киргиз (считал за киргизов енисейских)*, Левшин разделял его идею, Клапрот тоже, так что и Риттер принял это положение в своем сочинении: «Землеведение Азии», отец Иакинф первый опровергнул это и принял за авторитет позицию китайской географии...**) и считал нынешних киргиз, по его правописанию кэргзов, за племя тюркское, а киргизов енисейских за оток, поколение джунгар. Сами же дикокаменные киргизы не знают имени бурут и не помнят никакого переселения, а единогласно утверждают, что они старожилы Андижанских гор***).

Единственный письменный источник для рассеяния этого мрака, бесспорно — китайские летописи, уже

*) Пропущены одно-два слова. Нужно: «сотни лет».

**) Пропуск полстроки.

***) За этим следует незаконченное предложение «В китайских летописях династии Юань и в Абулгази мы нашли указание...». Мы его опускаем, т. к. по контексту видно, что автор при редактировании текста забыл его выбросить.

признанные за авторитет многими европейскими учеными. Хронографическое изучение современных кочевых народов, их быта, обычаев, законов, преданий и языка представляет второй источник, который может служить к разъяснению первого.

* * *

К числу народов, подвергнувшихся исследованию и толкованию, принадлежат киргизы, известные в китайских летописях под именем кян-ку, хагас и кили-ки-дзи. Киргизы обитали еще до времени династии Тан в горной стране, на Кеме или Енисее (около 648). Vis-[delou]. в «Oriental», Ab. Remusat «Recherches sur la ville de Karacorum», Klaproth «Mémoires relatifs á l'Asie», p. 163) впервые упоминаются при династии Хань кян-куни в соседстве с голубоглазыми дин-линами, обитателями северной страны Ма-хин. При династии Тан мы видим кян-куней, которые соединяются [с] ха-кадзы и динь-линь и они назывались иначе кэу-вэй или кие-ку (Риттер, стр. 3.). «Имя кян-кун,— говорит Риттер,— было изменено в кие-ку по древнему восточному обычаю, как [делали] в Китае при каждой перемене династии; еще позднее изменено в почетный титул: хэ-ку, хе-куцзы (т. е. хекос) и ха-кацзы (т. е. хакас). Ха-кадзы, в сокращении хакас, на языке хойхэ значило желто-красные лица. Хакасы были высоки ростом, имели красные волосы и зеленые глаза (Клапрот «Mem. relat. á l'Asie», 88 и «Tabl. hist.», 168); по Визделу — голубые (Bibl. orient., Suppl. 1780, p. 78—80. art. Kie-kia-sze).

Абель Ремюза считает их за один из шести голубоглазых народов Передней Азии и причислил к породе готской (Rech. s. les langues Tartares...*).

Клапрот, согласно филологическим своим изысканиям, причислял хакасов к восточно-тюркским народам**) и говорит, что хакасы говорили одним языком с тюрками хой-ху (Tabl., 169).

Риттер***) в гениальном труде своем «Erdkunde von

*) Одно слово не разобрано.
**) Можно также прочесть «нациям».
***) Между строк три слова не разобраны

Asien» считает хакасов, согласно филологическому исследованию (Tabl. hist. de l'Asie) за племя, происшедшее из смеси индо-германских усуней с тюркским хойху, ибо хакасы говорили тюркским языком. Первые сношения китайцев с хакасами начались при династии [Тан] в 648 году, когда сильные хойху начали слабеть. Император принял посольство их благосклонно и для того, чтобы иметь в них союзников, пожаловал резиденции хакасского владетеля титул кян-кун-фу. В этот период кочевья их распространялись от Ян-ки (Харашара), где было стойбище их хана, до Орхона и Толы, до Холина (Каракорума), столицы ойхоров*). Владетель хакас был от империи пожалован тоже в должность ту-ту (дуду) провинциального губернатора и в достоинство командира левого фланга императорской гвардии. Сношения их с Китаем продолжались до 759 года, когда хой-ху, усилившись снова, оторвали их от непосредственных сношений с Китаем. Хакасы, беспрерывно воюя с хой-ху, [в] 840 году выдерживают окончательный перевес: разбивают стойбище ойхоров, убивают последнего их государя Ай-динли Мон-му-Мишихэ-хана, и их аже или оже принял для себя титул кахана, для супруги хатун, вместо бий *кятунь-кие кинь***) которым они пользовались от уйгуров. (Отец Иакинф. История о народ. Ср. Азии, отд. II***).

Хакасы, усилившись на местах северных хой-ху, перенесли свое ханское стойбище на верховья Онона и распространились на юге до Тянь-Шаня, завладели уйгурскими городами Ан-си (Куча) и Бей-Тинь (Урумчи). Могущество хакасов продолжалось недолго. В 976 году они возвратились опять на верхний Енисей, а усиление Западных хой-ху и потом владычество киданей ниспровергло их в то же прежнее политическое ничтожество.

---

*) Хой-ху.

**) Примечание: Клапрот объяснил этот титул хакасских владетелей так: кие-кинь (князь) бий и катуни. Бий слово древнетюркское и употребляется до сих пор почти у всех народов тюркских, под формой: бий бек, бэй в смысле родоначальника, судьи и князя *(Ч. В.)*.

***) Иакинф [Н. Я. Бичурин]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб, 1851.

Имя их является в истории снова только при возрождении монголов под новым именем кили-кицзы.

Древние хакасы имели сношения кроме Китая с аравитянами на западе и тибетцами на юге. Аравийские купцы начали посещать [хакасов] в VIII веке. Первый географ Эдризи[93] упоминает о народе Torie Odhcos в стране terra nigra около гогов и магогов, который исповедовал мусульманство, имел мечети и знал арабский и персидский язык. Государей их называли хаган Одкос. Дегинь принял этого государя за кагана ойхорского. Френ (Frähn: Jbn-Foszlan's und anderer Araber...) принял вместо Одкос Онгиш и Онги и считает, [что] под этим именем должно признать Хагана хойху *Оние*, царствовавшего [в] 846—848 [г)], Риттер же считал хакана Одкос за владетеля хакасского, который тогда властвовал на Тянь-Шане, Кокая по Ирдгизу [Эдризи].

Клапрот говорит, что нравы древних хакасов были не так дики, [они] имели письмена и торговлю с аравийскими, бухарскими и хозарскими купцами.

Доказательством существования письменности [у] хакасов служит [то, что] в 874 [г] при посольстве в Китай они просили императора прислать им календарь и классические книги*).

---

*) Изложение главы Валихановым не закончено.

ДРЕВНОСТИ

Все пространство земель от Днепра, Урала до Амура и Зунгарии-Ола представляется нам открытой голой степью, где бродят и переходят с места на место кочевники. Пространства этих степей, представляя все удобства для азиата-номада, для которого скот есть все, были постоянным летом — яйлаком и зимой — кишлаком.

Кочевой степняк ест и пьет и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой *скот* и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует [его] более нежели целые страницы [описаний].

Итак: с древнейших времен и до сих степи эти обитаются одним[и] тем[и] [же] народам[и]. Какие памятники своего существования могут оставить эти народы, снискавшие свое пропитание скотом, живущие в подвижных палатках и защищающие себя луком и стрелой? Что мог оставить недвижное этот подвижный народ, кроме своих могил?

Древнейший обычай ставить насыпи на могилах людей, отличавшихся доблестями физическими и нравственными, конечно, был свойствен для всех диких народов. Немного нужно искусства, чтобы навалить громаду земли. Греки ставили тоже курганы, в Северной

Америке находят также подобные насыпи. Китайские историки говорят о подобном же обыкновении у хуннов. В степях Южной России, Сибири и Средней Азии идут целые ряды этих остатков старины, и [они] были не раз предметом ученых изысканий. По открытиям в них делали разные заключения: одни представлялись жертвенниками, другие, якобы, имели военное сторожевое значение, но большинство открытий и опровержений доказали их могильное значение. В киргизской степи существует множество такого рода курганов. В них открывали человеческие кости, кувшины с пеплом и иногда кости животных. Все это могло быть принадлежностью могил, на которых доныне режут скот, поминая его*) [и устраивая] тризну, да и самый обычай степняков был такого рода, что любимая лошадь покойника погребалась вместе. Старинный обычай монголов зарывать жен покойников и рабов в качестве соумирающих, и маньчжуров — хоронить вместе [с покойником] несколько свиней — был подобного рода. На некоторых курганах попадаются плиты с изображением лиц. Подобные плиты ставятся зюнгарскими калмыками и теперь на могилах знатных людей. Но кроме этих камней существует в киргизской степи еще несколько памятников формы другого рода. Находят в киргизской степи развалины зданий, башен и проч., которые заставляют думать, что южная ее часть была населена когда-то оседло. Но, основываясь на современных обычаях киргизского народа, мы имеем повод думать, что и эти развалины — суть тоже посмертные монументы. Для того, чтобы представить этот предмет с надлежащей ясностью, мы скажем несколько слов о современных киргизских могилах или молах**).

---

*) Т. е. умершего.

**) Намерение рассказать о надгробных сооружениях автором выполнено здесь не полностью, даны лишь короткие тезисы следующего содержания: «Киргизские могилы, обычай киргиз ставить по возможности богатые памятники — предположение, что это — обычай общий всем кочевникам. В дикокаменной орде примеры. Описание древностей озера Иссык-Куля и Присырских стран».

Западный край Джунгарии, нынешний Илийский округ, Семиречье и озеро Иссык-Куль, как прекрасные стойбища для кочевых народов, конечно, были любимыми кочевьями их с древнейших [времен]. По китайским историям через эти места проходили [и] на сих местах утвердились сильные орды. За 220 лет*) до Р. Х. с границ северо-западного Китая, с Долгой стены[94] двинулись на запад юечжи и заняли эти места, вытеснив народ сэ. Вслед за тем являются усуни и, изгнав юечжей, основывают здесь свою орду. Усуни были народ сильный, владетели их имели в супружестве китайских принцесс. Семь столетий жили здесь усуни. В VI веке утвердились тут гаогюй и после дулцы. Китайская история сохранила нам много известий об этой стране и, конечно, известий достоверных, ибо со времени государя Ву-ди[95], при котором начались сношения с западными народами, Китай имел беспрестанные сношения с усунями, а при династии Танской китайские войска проникли до Или. Ван-фан-и разбил [усуней] при реке Или. Стал лагерем**) при реке Ие-хэ***) и при Теплом море (Же-хай)****).

Здесь были города Чигу — столица усуней*****), Тысяча ключей, Северная и Южная орды Хынлос, Суйечен, Гун-юе и другие дулские города. Отыскивать их теперь нет возможности, ибо указания на места их сбивчивы. Чигу в 610 ли от Выньсу (Аксу) на северо-запад, от Тэмурту нора******) на северо-восток. Потом здесь были ойхоры. В период Чингис-хана, конечно, через долину Или шел Чингис на Туркестан. Около [этого] года мы находим в Абулгази эти страны под

---

*) В рукописи описка: «За 2200 лет до Р. Х.»

**) Здесь сделана выноска для примечания, но его в рукописи нет.

***) Ие-хэ — китайское название реки Чу.

****) Же-хай — китайское название озера Иссык-Куль.

*****) В подлиннике «уйсунов».

******) Тэмурту-нор — монгольское название озера Иссык-Куль.

именем Алатава в числе владений уйгурских ханов. По-видимому разные поколения джи монголов*) кочевали на сих привольных местах. Разные вещи, находимые здесь, кольца с мусульманским именем Арслан, наконец, гробница Т[углук] [Тимур] хана, умершего здесь, доказывают, что в...**) веке он принадлежал владетелю семи городов. Неизвестно, когда места эти заняли джунгары, вытеснив другие поколения, но как бы то ни было, до XVI столетия они были на озере Иссык-Куль и занимали его вплоть до своего падения. Сколько здесь прошло народов — один только бог [ведает]. Конечно, все движения кочевников из песчаной Монголии должны были проходить этим путем, где столько отличных пастбищ, воды. Сколько тысяч табунов паслись, может быть, на них еще прежде!

---

*) Т. е. джете моголов.

**) Одно слово не разобрано. Можно прочесть «7-мом».

ЯЗЫК

Дикокаменные киргизы говорят наречием тюркского языка, весьма близким к диалекту, господствующему в Восточном Туркестане. Наречие это, называемое некоторыми ориенталистами уйгурским, разделяется на письменное и народное. Письменное имеет большое сходство с джагатайским, между тем как народное содержит в себе множество своеобразных слов, может быть, древне-тюркских, а также немало монгольских. Дикокаменные киргизы говорят несколько проще и имеют [в языке] еще более монголизмов. Кайсаки понимают их с трудом: кроме множества чуждых для кайсаков слов, даже одинаковые слова имеют разное значение, часто диаметрально противоположное.

Для любопытства*) изучающих тюркские языки представляем небольшой словарь:

[у киргизов] у кайсаков

купмак — встать.

Слово это, хотя и существует у киргиз-[кайсаков], но не употребляется в разговоре, а заменено глаголом— турмак.

Муштамак — бить — урмак.

Чугылмак — собраться. У киргиз [кайсаков оно] есть, но не употребляется.

Саймак — колоть, у кайсаков — чанчмак**.

---

*) Зачеркнуто «сравнения».

**) Также и саймак.

Аяч — женщина — хатун.

Чон — большой, великий — улкен, улуг.

Мала — время. У киргиз [-кайсаков] мало употребительно, встречается в древних песнях, обыкновенно употребляют арабское *вакыт* и персидское — *заман*.

Инек уй — корова.

Кона — бык — угуз.

Масат — поговорка — макал.

Калп — ложь — утрук.

Нарк — обычай, закон — زاناق

Тан — не знаю (монгольское) — билмеймен [также тан]*.

Шульджен [шылдын] — насмешка — келемеж [шолжын].

Эрр [ыр] — песня — улен [жыр].

Эррчи [ырчи] — певец — уленчи [жырчи].

Комуз — балалайка — домбура.

Кияк [кыяк] — род кобзы — кобыз.

Аил [айыл] — аул — аул.

Кышык — [қышық] — кривой — клый [қысық].

Тугер — хромой — аксак.

Дулой [дулөй] — глухой — санрау [дүлей].

Асты — перед, начало. У киргиз [кайсаков] это слово имеет противное значение и означает низ и конец.

Названия же предметов и вещей совершенно различны:

Мык — гвоздь — чеге [шеге].

Тулга — очаг — [түлға, ошақ].

Кибяз [қағаз] — бумага.

Шуру — корольки — марджан.

В выговоре замеч[аются] следующие особенности: *к* переходит в *қ*, вместо куль — озеро, они говорят қул, *б* часто — в *м* буун, и наоборот: *д* в *т*, даус — тагыш.

Букву *ш* произносят так, как татары, и не упускают подобно кайсакам. Повелительное наклонение во втором лице имеет окончание *гын*: вместо бар — *баргын*.

---

*) В квадратных скобках дано правильное произношение слов.

Отрицание в третьем лице выражают частицею *лик*, прибавляя к корню глагола. На вопрос — пришел?— ответ كيلدى — киля-лик. К особенностям языка относится тоже ничего не значащая частица иле, беспрестанно вставляемая между словами, и вспомогательный глагол *иймек*. Кроме разницы, заключающейся в словах, и самые обороты фраз отличны от общетатарских. Также бросается в глаза отсутствие арабских и персидских слов, вкравшихся во множестве во все тюркские языки. Мне случилось слышать всесветное мусульманское приветствие в таком изуродованном виде и употребляемое так некстати, что трудно было его признать: «А салям-алейкум» приняло форму «салау да салау малик», а слово «лягнат» — проклятие — под формою «нанять». Неизбежные с исламом восклицания: «Машаллах!», «Барек алла!» и прочие не успели еще утвердиться среди киргизского народа и не знать их простительно. *Куки* (крик отчаяния), айдай — *учала* — *похвалы*, ауба (согласие). Клятва дается ими не арабским: уллахи, бел[л]яхи, уа тагллахи, а фразой «майнеке булаен»*) (значения которой я не мог добиться от самых знающих старейшин) и *таш-тартаин* — буду возить камни.

Идея, сила сверхъестественного, благодетельного для человека свойства, заключающегося, по мнению кайсаков, в некоторых предметах и животных, каковы: храмы, гробницы святых, одинокое дерево, сова и пр., выражаются у дикокаменных киргиз тюркским словом *туксан*, что значит девяносто, между тем как наши киргизы прибегают для выражения этого понятия к арабскому «хасият» и финскому *керемет*.

Из этого краткого обзора очевидно, что дикокаменные киргизы сохраняют в языке своем много первобытных форм тюркского языка, и изучение его для ориенталистов, занимающихся родственным м[онголо]-тюркским языком, принесло бы много пользы.

*) Будь я трижды проклят.

САМОРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Древние киргизы, по свидетельству китайцев и мусульманских писателей, имели письмена и стояли, сравнительно других кочевников, в высшей степени культуры. Черные киргизы в этом отношении представляют факт, совершенно противоречащий законам свободного прогресса. В какой степени их предки, знаменитые изобретатели «не более 12 зверей», превосходили своих современников, так и нынешние киргизы далеко превосходят своих соседей невежеством и дикостью. Во всей орде нет ни одного грамотного человека, даже человека, знакомого с первыми правилами своей религии. Полуграмотные ташкентцы и татары теперь только явились у немногих манапов в качестве мулл и отправляют религиозные требы, разумеется, с грехом пополам. У одного родоначальника в колене бугу, сколько я слышал, дети начинают учиться грамоте — известие утешительное.

Единственный памятник умственного развития народа составляют изустные эпические сказания в формах прозаической и в стихе. Роды народной поэзии киргиз суть: первое *сказки* (джумак) جومق и предания о происхождении народа и о замечательных случаях из жизни знаменитых родоначальников. Сказки большею частью касаются мира духов и отношения его к миру действительному. Великаны (алпы), людоеды (ялмауз) и злые ведьмы (яланкыч) враждуют с человеком, который всегда выходит победителем*). Герой сказки обыкновенно единственный сын какого-нибудь хана или богача и растет, как и в русских сказках, не по дням, а по часам. Он имеет не менее чудесного коня, который во время процесса сказания из годового жеребенка делается шестилетнею лошадью. Лошадь богатыря владеет даром говорить (арбу) и во всех случаях служит господину добрым советом. 20 [-ти] летний богатырь с жестокостью оставляет рыдающую мать, старика-отца и отправляется искать приключений. Битвы с великанами подземного царства и алпамыс (существа

*) На полях рукой Ч. В. «Бой за детей».

вроде царя Кащея) и освобождение красавиц, томившихся в неволе [у] великанов, суть главные сюжеты сказок. [Вообще] дикокаменные сказки чрезвычайно сходны со сказками татар. Сказки имеют форму прозы, но говорятся всегда известным образом принятых выражений и разных прибауток. Исторические предания тоже не чужды фантастического элемента. Киргизские семейные воспоминания тщательно сохраняются из рода в род, из века в век.

Второй род [народной поэзии] составляют эпические рассказы о войнах племен, о подвигах богатырей, род поэм или героических саг. Из них нужно отличать собственно народные и заимствованные от кайсаков. Эпические *эрр* имеют размер и рифму. Хитрость стихосложения состоит в созвучии сравнений, т. е. в подборе созвучия начальных слов первого и второго стиха. Гоняясь за этим двойным рифмованием, они делают удивительно простые сравнения, чтобы только удовлетворить требованиям закона метрологии. Например, одна песня в «Манасе», песня о поминках Кукотай-хана, начинается так:

Алтын эрден каши икан.
Ата юртын баши икен,—

т. е.:

Был лукой золотого седла,
Был отец для всего народа,

или:

Кук дунонын басы бар,
Кукотай ханнын асы бар,—

т. е.:

У серой лошади есть голова,
По Кукотай хане есть тризна.

Здесь золотое седло — алтын эр и серая лошадь — кук дунон упоминается для того только, чтобы доставить созвучие словам: аты, юрт и Кукотай хан.

Нет сомнения, что главное и едва ли не единственное произведение народного гения дикокаменных киргиз в стихотворной форме есть сага «О Манасе». «Ма-

нас» это энциклопедия, собрание всех сказок, повестей, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, [приуроченное] к одному времени, и все это сгруппировано около одного лица, богатыря Манаса. «Манас»— произведение целого народа, выразившее плод, созревавший в продолжение многих лет — народный эпос, нечто вроде степной Илиады. Следы позднейших добавлений и украшений видны в ней с очевидною ясностью: может быть, самое сложение ее из прозаического дж[умука] в поэтическое — всеми чертами есть произведение позднейших времен*). Трех ночей недостаточно, чтобы послушать «Манаса», столько же нужно для «Манаса II-го», его сына**).

Третий род [народного творчества] составляют песни, обыкновенно краткого содержания, употребляемые для напевов и в играх, и песни обрядовые. Таких песен очень немного, и все [они] большею частью имеют двусмысленное содержание. Степных певцов, импровизирующих приличные к торжеству похвальные песни, как у кайсаков, нет. Вообще начатки поэзии в этом более воинственном народе гораздо слабее, чем у кайсаков...***).

---

*) Т. е. прозаическое повествование существовало раньше. нежели поэтическое его переложение.

**) Т. е. «Саметея».

***) Рукопись обрывается.

[ВАРИАНТ*)

Дикокаменные киргизы не имеют письмен, во всей орде нет ни одного грамотного человека, только молодое поколение начинает обучаться у ташкентских мулл и от беглых русских татар. Надо заметить, что письменный язык у всех народов кочевых принимает отличный от разговорного характер. Он, смотря по тому, кто был учитель, или приближается к киргизскому наречию, или же к джагатайскому.

Народную словесность этого народа составляют разные эпические сказания в формах прозаических и в стихе, воспевающие отдаленную старину и игорные**) песни. Вот роды народной поэзии дикокаменных киргиз.

Первое — сказки (джумак) جومق и предания старины. Сказки большей частью касаются мира духов и его отношений к миру действительному. Великаны (алпы), людоеды (яланкыч) и злые ведьмы (упыри) враждуют с человеком, который всегда выходит победителем. Герой сказки вырастает, как и в русских сказках, не по годам, а по часам, с жестокостью оставляет рыдающую мать и отправляется в страну чудес, чтобы прославиться батыром. Освобождать пленных красавиц из рук подземных алпов есть главнейший сюжет их. Деяния знаменитых родоначальников — всегда в фанта-

*) В рукописи следует непосредственно за предшествующим текстом.

**) Т. е. «игровые».

стических красках — составляют также предмет сказок. Все сказки имеют форму прозы и отличаются от обыкновенного рода только известным принятым образом выражений и разными прибаутками.

Второе составляют эпические рассказы, род поэм или героических саг. Из них нужно отличить собственно народные и заимствованные. Саги их имеют форму стиха и рифмовку, как в окончании, так и сходстве начальных букв. Вообще хитрость стихосложения состоит [в] подборе сравнений, первая буква которого была бы одинакова с первой же буквой сравниваемого. Гоняясь за этим двойным рифмованием, они делают удивительно уродливые сравнения, чтобы только удовлетворить этому требованию. Пример:

كوك دونانك باسى بار
كوكەتاى خاننك اسى بار(*)

Собственно принадлежащее [им] поэтическое произведение этого народа есть единственная их сага «Манас». «Манас» — это огромная поэма, нечто вроде степной Илиады. Трех ночей недостаточно, чтобы прослушать «Манас», столько же нужно для «Манаса II», его сына. Следы позднейших добавлений и украшений видны в ней очевидно, и, может быть, самое сложение ее из прозаического джумука в одно целое есть произведение позднейших времен. Во всяком случае она бесценна для нас, как образчик нового, почти неизвестного ориенталистам наречия тюркского. Да и народный быт киргиз с их понятиями и обыкновениями очерчен с удивительным художеством. Я имею одну только главу этой поэмы: «Поминки по Кукотай-хане», замечательную по живому описанию этого знаменательного для степняков обыкновения — тризны и конских ристалищ в честь покойника. Есть между дикокаменными киргизами *рчи* — степные рапсоды, которые знают и Идигэ и Ир-кокче, но они заимствованы от кайсаков.

Третье. *Игорные обыкновенные песни.* Песен у дикокаменных [киргиз], как и поэм, сравнительно с неис-

*) У Серко есть голова,
По Кукотай-хану есть тризна.

черпаемым богатством кайсаков, мало *). Импровизаторы здесь редкость, их почти и нет. Несколько старинных песен сохранилось у них для пения во время игр девушек при случаях вроде русских свадебных и хороводных песен. Вот для любопытства перевод одной из них**).

Киргиз-кайсаки наделены от природы живым умом и удивительно впечатлительны... У них в каждом роде есть импровизатор, воспевающий***) подвиги султанов и старину. У них много героических эпосов, легенд и сказок, и киргизы любят песни и музыку. У алатауских же киргиз песни совершенно не в употреблении****), только эпосы их из времен Золотой орды во всем сходны с киргиз[-кайсац]кими. Только поэма *«Манас»* как по языку, так и по характеру есть произведение их народного ума. Манас, сын Якуб-бая, бия одного ногайского поколения, кочевавшего по Таласу и Чу.

Манас рос не по годам, а по дням, и 16-ти лет сделался батыром. У Манаса чрезвычайно чувствительное сердце, он очень любит хорошеньких женщин. Чувствительность его превосходит границы. Получение руки ханской дочери Канкея, у которой «... лицо бело как снег, и румянец ланит так красен как кровь, упавшая на снег», не остановило его. Узнав, что у хана калмыцкого есть красавица дочь «с волосами, доходящими до пяток», он отправил своего отца-старика сватать красавицу. Хан оскорбился и дал следующий ответ: «Руби, руби лес, возьми себе топливо — с равным себе сватайся. Вези, вези связками топливо — с подобными себе братайся. Моей дочери приличен ханский сын, твоему сыну прилична бийская дочь». Разумеется, что такого батыра, как юный Манас, сын Якуба, многим ногайцам глава Манас, угроза ханская не могла устрашить, он начинает войну и с оружием в руках добывает *длинноволосую*. Сбор красавиц этим не оканчивается. Манас

---

*) Речь идет о малочисленности лирической поэзии киргизского народа.

**) В рукописи перевода нет.

***) В рукописи описка — посвещающий.

****) Имеются в виду лирические — напевные.

начинает еще войну с каким-то ханом какого-то наро-да. Яблоком раздора по обыкновению — опять красавица, «... имеющая 15 лет возрасту, с запахом, подобным мускусу и с зубами, как жемчуги». Словом, вся поэма состоит в восхвалении*) беспорядочного поведения какого нет повесы Манаса, жадного до похищения красавиц. В конце поэмы у Манаса в гареме собирается до 100 царевен разных наций, которые от слишком близкого столкновения, разумеется, начинают междоусобную войну, подражая в этом бранолюбивому духу времени. Странно и непонятно в поэме одно обстоятельство. У дикокаменных киргиз старики вообще, не только отцы, пользуются уважением молодежи. Но Манас же, герой поэмы, с отцом своим поступает слишком жестоко**). Старик Якуб исполняет все трудные его поручения: он сватает красавиц, бродит для отыскания новых из страны в страну. И что же в награду за все это? Единородный сын его, Манас, за неуспешное сватовство наказывает его жестоко—угоняет у него скот и оставляет старика-отца [и] старушку-мать до приобретения нового скота без кумысу и мяса. Обращение же к отцу всегда бесцеремонно: «Я нагляделся уже довольно [на] народы и земли, я вошел в возраст. Скажите отцу, чтобы он отыскал красавицу в народе». Якуб с послушностью, достойною сына, седлает лошадь и рыщет из страны в страну до тех пор, пока лошадь его не высохнет, как ргаева палка, и известное плотоядное насекомое»***) его не сделается величиною с воробья». Всех встреченных пытает Якуб такою речью: «Я отец громкого от Таласа до Чуя храброго Манаса Якуб-бай. Я не хан, но не хуже я хана — хан Якуб я. Единородному Манасу не находя приличную пару, весь горизонт я обошел.

---

*) В тексте описка.

**) Мотив борьбы отца с сыном характерен для ряда поэм, возникших в эпоху раннего средневековья («огуз-намэ»). Главный мотив борьбы — институт экзогамии, запрещающий брак внутри рода. В этой борьбе сын, как представитель новой эпохи, выступает против экзогамии семьи.

***) Зачеркнуто «вошь» и надписано «тутоядное насекомое».

Замучил меня непреклонный Манас, не видел [ли] ты в народе красавицу?».

Вот общий характер поэмы. Она замечательна в отношении языка и по чрезвычайно правильной географии описываемых местностей. В отношении историческом она любопытна, как картина прежних нравов и понятий дикокаменных киргизов, по упоминанию в ней разных народов, обитавших от Таласа до Или и до Кашгара. В Манасе на Таласе и Чу кочуют ногайцы, в Андижане — дикокаменные киргизы, и по Сары Су — кайсаки, на Или же и озере Иссык-Куль кочуют калмыки. В набегах на калмыков сталкиваются все народности, но отношения ногайцев, киргиз и кайсаков дружественные. Кроме «Манаса» других поэм нет.

Музыкальные инструменты их такие же, как у всех ордынцев: балалайка (комза), дудка и чебызга (род флейты). Играющих на них очень мало, только молодые девицы любят импровизировать разные арии на дудке. Во время похода дикокаменные киргизы употребляют трубку, издающую резкий крик,— сорнай — обычай этот собственно их; кайсаки военной музыки не знают.

Работа «Киргизы» написана не позднее 1857 года непосредственно после поездки на озеро Иссык-Куль (1856 г.) и к алатауским киргизам (1857), еще до поездки в Кашгар. Автором не озаглавлена. Ранее не публиковалась. Сохранилась в виде недоработанной автором рукописи в архиве Академии наук СССР, фонд 23, опись 1, дело 6.

Здесь напечатаны избранные отрывки.

СМЕРТЬ КУКОТАЙ-ХАНА И ЕГО ПОМИНКИ

(Отрывок из героической саги дикокаменных киргиз «Манас»)

То была лука золотого седла — то был отец многих народов, то был лукой серебряного седла — был отцом густого, как темная ночь, ногайского народа. Кукотай-хан собирался оставить наш свет.

«Сын сары-ногаев, густочупринный Яш-Айдар чора! Садись на Манекеря*)-коня и от начала до конца пройди густой и черный улус Ногайский:[96] скажи уйсунскому Амату[97], Амат-кулу яйсангу, скажи биям с отвислыми животами и толстобрюхим богачам, скажи рыжебородым и густоусым, скажи молодцам с раздвоенными бородами и малыми усами, скажи всем и всем. Скажи также мурзам, пьющим мед из чашек весом в батман[98], мурзам, шатающимся на ногах от много и много выпитого меду, скажи темному как ночь ногайскому народу, что Кукотаю стало дурно, что Кукотаю пришел конец. Баймурза, сын богатого отца! Я молодых кобыл велел привязать и кумыз, подобный меду, собрал. Хороших кобыл привязал — крепкий кумыз я собрал. С закрытыми ребрами (т. е. жирный) скот — для обеда их готов. Желтоногие кобылицы, недоенные в зиму,— зарезаны. Изрезанное мясо уже на блюдах. Собирайте всех: многочисленный и черный юрт ногайский обойдите от конца в конец; я хочу исполнить пер-

*) Собственное имя богатырского коня.

вый мой долг — поминки и второй долг — произвольный завет сказать».

Солнце затмевающая густая толпа ногайцев с гулом упала на Белую Орду — ставку хана Кукотая.

«Многочисленный народ мой ногайский! Сердцем моим овладела болезнь, силы меня оставили, я должен оставить жизнь и вас, мой добрый народ! Я прожил 199 лет, и челюсть моя изгнила».

Поставили мясо величиной с гору и сделали подливку, обильную как море. Так должную поминку сделал и так должные слова начал говорить.

«Народ! Когда меня не станет (когда мои глаза закроются), кумызом меня омойте, острой саблей оскребите, в панцырь оденьте и, кожею обвивши, под голову белый саван положите и головой на восток обратите. Навьючьте красное сукно на красного нара (дромадера), на черного нара—черный бархат и с караваном на 40 верблюдах прийдите на мой сруб (могила)[99]. Кучами бабы придут,— кусками раздайте им сукно. А черный сарт, начальник каравана, пусть сделает кирпичи на жире 80-ти коз. На перекрестке больших и малых дорог подобный месяцу белый сарай соорудите, как голубое небо — голубой купол поставьте. Подобные дороге желоба привесьте, завитками и карнизами оденьте.

В первую пятницу поставьте верблюда на приз и, загнув потники, пустите кунанов*) на бег.

Народ! Сослужите мне службу и будьте распорядительны. Нет больше слов и нет больше заветов. Будьте здоровы и счастливы, народ! Будьте счастливы и здоровы, народ! Батыр Баймурза, сын богача! Приложи ухо и обратись ко мне: мышеловку выучил я ловить птиц и сделал птицей. Собрал шатающихся и обратил их в общество. Степного луня употребил на охоту и бродяг обратил в народ. Когда меня не будет, мышеловку не презирай и прежде шатавшихся бедняков не распусти опять, и бродяги пусть не разбредутся опять: паси и держи их. Батыр! Когда меня не будет: пеше-

*) К у н а н — лошадь-трехлетка.

ходным беднякам — лошади нужны для езды, голотелым беднякам — сними халат с плеча. И летом и зимою пусть течет кумыз рекою для этих бедняков. Пусть льется айран для бедных людей. Когда меня не будет: Бук-Муруна (сопляка) — найденыша пестрым щенком не называйте, ублюдком не попрекайте; давайте ему, сироте, хорошую лошадь, приличное платье и сытную пищу. Близко сказать через год, много сказать через два он поднимется и будет человек; возмужавши, будет он батыр и с батырскими детьми равен. Тогда постелите шелковый ковер и на мое место поставьте его ханом. Богача сын, батыр Баймурза! Обратись сюда еще и приложи ухо: когда будешь давать мою сороковую поминку — большеносому батыру Кунурбаю хитайцу, Кунурбаю, называемому гордецом, к нему прикочуйте всем улусом и там от долга сороковой моей поминки освободитесь. А когда нужно будет праздновать великую тризну, то отправляйтесь к тому батыру, который в Андижане отжирел, спелые андижанские что грыз яблоки и ел недопеченный хлеб, который двенадцати лет пускал стрелу, тринадцати разбил народ и ограбил юрту — словом, отправляйтесь к сыну Якуба юному Манасу, только что начинающему отличаться, к храброму Манасу, Манасу, который в лощинах разбивает аулы и через высокие горы угоняет скот, у которого насуплены брови и холодно лицо, кровь черна, но тело бледно, живот пестрый и хребет синий, к высокорослому ступайте Манасу. Спросите меня: каков батыр Манас? Он подобен синегривой щетинистой гиене. К этому-то кочуйте, у него мой главный завет, который, исполнив, свалите с плеча. Там должны собраться кяфиры*) и мусульмане; среди их великий праздник задайте и тем от заветов моих успокойтесь».

У Кукотая хана глаза закрылись, и душа, устремляясь к вечности, оторвалась. Темная как ночь толпа ногайцев зарыдала-заплакала и измяла верхи урюковых дерев, заревела-закричала и изломала ветви яблонь. Горе погоревали и обряды исполнили: кумызом

*) Инаковерующие с точки зрения мусульман.

омыли, саблей оскоблили и сделали все, что завещал старый хан. Наелся народ и рвали сукно обильно. Подобно месяцу белый и с куполом небесным поставил народ большой памятник, покрыв его красками, украсив завитками и привешенными желобами, как по горам идут тропинки.

Много сказать шесть тысяч, мало будет пять тысяч кунанов пестрослякотной весной пускали в бег, и теперь только, на холодную осень, показалась пыль возвращающихся скакунов. Семью мешками зерна каждый день кормленный, родившийся в горах и выросший на камнях в обществе с диким козлом, в песках кормившийся с диким куланом, железокопытный и медноногий, не знающий поту, ргаю подобный Серко — вышел первый первым. От рождения не показавший спину батыр Иркокче сын Айдархана, сына Камбархана, подобно серопегому бегунцу, схватил коня первый из первых, заплатил за него одну девятку скотом, верблюжицу с жеребенком и рабыню дал с сыном, и юрту дал, крытую сукном. Текече-батыру принадлежавшего железокопытного и медноногого, с шеею, подобною высохшему ргаю, так приобревши, Иркокче-батыр уехал в свой улус.

Все лето кочевали: стояли на Чибранчи — табунами кобыл вязали, на Ибранчи стояли — Манекерь-конь не сходил с коновязи. Баймурза, сын богатого отца, открыл для всех свою сабу*), и кумыз полился рекою для бедных людей, полил айран ручьем для бедных же людей. Сосредоточенные на летних кочевьях многочисленные и густые волости ногайцев, единодушно поднявшись, к ястребиноносому Кунурбай-батыру хитайцев целым улусом прикочевали. Пестроголовый иноход и чубарая лошадь были поднесены в дар батыру Кунурбаю. Так кончилась сороковая поминка и с ней первый завет Кукотая.

Многочисленный народ ногайский, плотно юртами окруживший себя у белой сопки, пупа земли, остано-

*) Саба — бурдюк, кожаный мешок для хранения кумыза.

вился, и, собравшись, все держали совет. Бии с отвислыми животами, толстобрюхие богачи были на этом совете. Но Бай-Мурза, сын богача, не мог управиться с народом. Однажды в один день заметили, что у шестилетнего сопляка оседлана лошадь и семилетний Бук-Мурун обучался у муллы. Белым седлом с золотою лукою коня Манекеря оседлал; рожденный для власти Бук-Мурун, оседлавши, сел и, в густую толпу собравшихся ногайцев въехав, дал голос: «Брат старший, сын богача, Бай-Мурза! Каждый день ты держишь совет, о чем идет дело? На кольце твоем золото, и лука у седла твоего золотая; подхвостник твой из литого же золота, уздечка твоя убрана чистым золотом! Старший брат! Есть у нас толстогубый серый жеребец, на него я сесть тебе не позволю. Есть поминки по отце моем — распоряжаться тебе ими не позволю. К отжиревшему в Андижане, что грызет андижанские спелые яблоки, к самаркандскому сарту Манасу, карноухой рыжей собаке Манасу для поминок народ свой не пущу и сам не пойду, ты же сам к нему можешь идти, если хочешь. Я твердо решился: завтра я подниму свой улус; без шума отвяжут бабы жерди, что на юрте, без клокоту поднимут на руки беркутов, баранов погонят рано, чтобы не блеяли, навьючат тихо верблюдов, чтобы не ревели, детей поднимут тихо, чтобы не плакали. Так подниму многочисленный народ ногайский! Огни, что остаются на очагах, велю погасить, пеших наделю лошадьми, нищих — платьем и пойду вперед... На болотах Кузи-Башских остригу я овец, на большой Актам как прийду — исправлю я кибитки. Оттуда вперед я поднимусь, через Тиек-таш я пройду, на Джаланаше-реке оставлю табуны, озером и по течению реки, реки Или широкой все пойду вперед, оставив там хлебопашцев. У Калкана я пройду через реку, на лодках и плотах я переправлюсь, на Ак-Терскен поднимусь, здесь дам отдых лошадям, не снимая седел. Через Турген-Аксу переправлюсь — верблюдам дам я отдых, не снимая вьюков. Когда приду на соленое озеро, наварю соли и, 60 верблюдов навьючив, я пойду к кочующему на солонцах Бутанын-саз, каждый день азартно-играющему, неверному хану храброму Джузаю,

у которого шапка как черный котел огромна, который властен над всеми, имеющими жизнь и кровь. К этому-то неверному хану Ир-Чолану с улусом прикочую я. Возле стану ставкой и буду как родной, вместе стану кочевать и буду как единородный брат. Поднесу я ему пестроголового иноходца и чубарого коня. Золотую курму надену и буду настоящий вельможа; на шапку красный шарик надену и павлином украшусь — видимо тогда буду знатный вельможа. С калмыками, покрывающими Алтай, буду вместе кочевать, с калмыками, наполняющими Катан, вместе буду улусами стоять. С знатными буду знаться — всех коней подарю, с малыми буду знаком — халатами награжу. И оттуда поднимусь; подкую серебряною подковою белую лошадь, по течению реки пойду, по течению верхнего Иртыша днем и ночью буду идти. В верховьях Иртыша через Биштерекские хребты спущусь, через воду Джурги*) перебредши, через ханскую гору**) пройду, на Мула-Хургой направлюсь и там на верхнем Иртыше под Бурун-Талом остановлюсь***). Шесть дней будет — лошади отдохнут, семь дней пройдет — усталый народ пусть отдохнет. А оттуда после на 90 верблюдах рис вьюками получу, 90 иноходов выберу, пойду к внутреннему хану****) и там кукотаевские поминки устрою на весь мир. Кукотаеву белую орду подниму я на дорогу, кукотаевы многочисленные стада пригоню я для нужной требы. Устрою очаги, изрывши землю, и над ними соберу табун, без счету буду резать, и мясо будет горой чернеть. Шесть тысяч молодцов с лицами

*) Джурга — приток верхнего Иртыша.

**) Ханская гора — Хан-тау — одно из древних названий Чингисского хребта.

***) До сих пор дано яркое описание кочевого пути древних киргизов, пролегавшего от Иссык-куля до Алтая и верхнего Иртыша.

****) Под «Внутренним ханом» [ічкі хан], очевидно, скрывается область Верхней Оби и Енисея. То, что за Иртышом на восток казахи раньше называли «ішкі жақ» (іш) — внутренняя сторона, т. е. область юго-западной Сибири. В XVII—XVIII вв. казахи говорили «жылқы іште жатыр» — табуны находятся во внутренней тайге (в зимний период). В XIX в. употребляли термин «ішке айдалды» — сослан в Сибирь. Отсюда понятно, что под словом «іч-іш» понимается Сибирь (тайга).

и руками белыми, как луковица, скромных, как ходжи читающие намаз*), я соберу и, давши им в руки андижанские ножи, заставлю мясо крошить; чтобы у них не замозолились пальцы, я шелком оберну и кожею обтяну, а чтобы крошители мои не уставали, для питья им полный котел черного чая поставлю. Так я дам кукотаевы поминки, и неверных, и мусульман для этого соберу»!

Постлали шелковый ковер и на место Кукотая, рожденного для власти, Бук-Муруна избрали, и собравшаяся темная как ночь толпа ногайцев подняла хана.

Рано утром поднял Бук-Мурун весь ногайский народ. Отвязали без шума бабы жерди в юрте, подняли на руки беркутов без клокота. Навьючили верблюдов — верблюды не ревели, бараны не блеяли, дети не плакали. Пешим дал Бук-Мурун коней для езды, бедным дал одежду. Погасили костры, оставшиеся после снятия шатров, и снялся улус ногайский на кочевку. Как сказано — так и сделано... Стал, наконец, он на верхнем Иртыше.

Поставил белую юрту Кукотая, зарезал кобыл жирных, сложил гору из их мяса и изрыл землю на 10 верст под очаги, подобрал 6 тысяч крошителей, и был готов праздник; нужно собрать алпов-великанов, батыров храбрых и коней ретивых для бегу. Стал разъезжать Бук-Мурун по темным, как туча, улусам ногайским, стал искать глашатая — посланца. Сын сары-ногаев густочупринный Яш-Айдар Чора ловкий он был, хитрый он был раб. Вызвал его сопляк.

— Сын сары-ногаев батыр! Ой, Яш-Айдар густочупринный! Если ты дома — дай скоро голос, не лживо и живее. Я даю кукотаевы поминки и зарезал уже скот для того. Пригласи же ты батыров на поминки и бегунцов приведи!

— Для власти рожденный Бук-Мурун, мой тюрэ!**)

*) Мусульманская молитва.
**) В данном случае — господин.

Не пойду я к батырам твоим, не пойду я за бегунцами конями. Не хочу я умереть от великанов твоих! Кочевали мы вместе, бараны наши зимовали в одной ограде, пашни наши были вместе, верблюды и лошади паслись на одном поле, и охотились мы вместе. Вижу я теперь, что за ребяческие игры и за шалости мои ты стал рабом меня считать. Два месяца места 60 дней; пока я обращусь шесть раз, шестидесятилетний отец не оставит ли мир сей? Семь концов земли нужно семь раз обойти, то верная старушка мать не умрет ли в это время? Я к алпам твоим не пойду и за конями бегунцами идти не могу!

— Густочупринный Яш-Айдар мой Чора! Если ты не пойдешь к батырам сильным и за конями быстроногими, я сам пойду к батырам, сам призову их; я пойду за конями быстрыми и сам их приведу. Пока меня не будет при устройстве поминок и байги, какая беда? Ты будь распорядителем. Когда же я возвращусь, тебя, Чора, поставлю я главным призом первому коню; старого отца и старушку мать также поставлю на байгу на последний приз!

Дома у себя дерзко и важно ходящий густочупринный Яш-Айдар лишился ума от страха, сильно задрожав.

— О мой господин! Укажи мне лошадей в дорогу — на лучшую я сяду и пойду на твою службу; на детские мои шутки напрасно ты, Бук-Мурун тюрэ, расходился. На шутки, сказанные из любви, напрасно ты раскудахтался. Скажи мне, какую мне надеть шубу,— я надену ее. Скажи мне приметы коням — я выберу себе в дорогу.

— Есть у меня 60 коней-аргамаков — любого выбирай. 80 есть крепких коней — на любого садись; 70 скакунов, обгоняющих ветер, — возьми одного из них. Много у меня в табунах золотистых коней, но золотоголовый саврасый лучше всех, хочешь — возьми его. Отец ездил на большом, как шатер, Серке, матушка ездила на игривом Серке, сестра моя Кар-

лыгач, ездила на резвом коне с выгнутой, как постель, спиною, — из них можешь выбирать. Есть во всем табуне первый, жеребец есть белый, о жеребце белом, если хочешь знать его достоинства, расскажу тебе их: ребра его, как щит, крепки, хотя хан все лето ездил — не закроет их; под хвостом его колодезь, целому стаду куланов может быть водопоем, на голове его котловина, если ее наполнить водою, то стадо маралов не испило бы. Езди на нем, не сходя, 6 месяцев—он не отощает вырежь кусок мяса на спине и тогда не будет подпарины. Словом, нет возможности быть им недовольным; пустив его в бег, он первый бегунец, для работы он крепок. Во всем моем стане этот вислогубый белый жеребец лучший конь и славная лошадь. Хочешь? Поезжай на нем.

— Рожденный быть властителем, храбрый господин мой, Бук-Мурун! Лучше я умру от тебя, нежели на жеребце твоем умирать от великанов-алпов. Под тобою, султан, Манекерь-конь, дай Манекеря, я поеду к великанам всем и за конями для скачки, глашатаем!

На Манекеря сел и белый панцырь надел.

— Густочуприннный Яш-Айдар-Чора! Под тобою Манекерь, я его не испытал и достоинств его не видел. Если высокие встретятся горы, он цепляется как архар, — не скатись с седлом назад. В глубокие овраги он ныряет, как утка,— не упади через голову его. Не испытал я его и не знаю я его. Знаю только, если хочешь знать; мы шли когда через Талгар, Талгар тогда был в разливе, когда вода Кин-мичинская выступила из берегов, когда все переправлялись на лодках, — я переправился на нем, не прижимая ног. Вот что я только знаю о достоинствах его. Когда недавно мы вторглись в Самарканд, то из тысячи был первым — этот из тысячи один, что под тобою конь. Недавно, когда в Куркуль мы вторглись, из толпы людей и коней он вышел в беге первый — он, красивейший Манекерь. Когда в Туркестан мы вошли, когда тьма людей храб-

рых и лошадей быстрых в сборе были — первым тогда был, что под тобою, бесценный конь Манекерь! Больше его не знаю и достоинств его не ведаю! Погоди еще, густочупринный батыр мой, Яш-Айдар! Поддержи поводья коня своего, я хочу сказать еще несколько слов, хочу я сказать признаки алпов и лошадей, которых ты должен пригласить. Мы стоим улусом среди неверных, как блоха в густой гриве яка; собрать их поблизости могу я сам. Отсюда ты иди к тому батыру, который на Улутаве кочует и золотоглавого коня Мадьяна постоянно на привязи имеет, к Иркосаю ты иди, который есть отец народа, к Иркосаю, подобному воротнику на халате и подкове для ног лошади, к Иркосаю, который открыл запертые двери в рае и открыл остановившийся путь в Турфан, к тому Иркосаю, который остановившемуся базару дал новую жизнь. Когда неверный хан Мес-Кара, в темницу заточив Джангырова сына Белерека, что был родом из ходжей, когда никто из мусульман не отважился восстать — он, храбрый Кошай, храбростью устрашил и освободил того ходжу. К этому-то храброму батыру Кошаю ступай и скажи, чтобы сам был на моих поминках и лошадь на моей байге. Если сам не будет на поминках и лошадь на байге, то пусть не показывается перед мои очи, и не обращается больше ко мне. Кукотаево золотоцветное красное знамя будет развеваться над его юртой — этого пусть он ждет. Если я красные вьюки его не разобью, краснохвостых наров не навьючу его же добром, если черные полные возы добычи не добуду, если развесистые сады его не опустошу, если я его корень и происхождение не оскверню, если не изрою могил его предков, если не сделаю добычей жен его, детей, которые в пеленках и которые могут уже пасти баранов, если скакунов его, которых он не отдавал другу, не отниму я силой, если красавиц дочерей, которых он не отдавал за большой калым, не повлеку я дерзко за белые руки и не привяжу их к хвосту лошади,— пусть будет проклято мое, Бук-Муруна, имя и не буду я Бук-Муруном больше!

От него ты пойдешь, держа ровно повода; иди ты к кочующему на Кичи-Таве горе батыру, имеющему

вороного вещего коня. Вещий конь его подобен соловью, что живет в рощах, и черен, как погасший уголь. К сыну плешивого Ак-Торе, к храброму Урбэ ступай, Урбэ, который, один будучи, добыл себе богатство и силу, который никому не дал и паршивую кобылу, как не дает никому вымолвить слово. Батыр — Урбэ по прозванию, а по имени Мунку, пусть придет сам особой своей и чародея коня пусть приведет для бега. Если сам не придет и коня не приведет — кукотаево красное знамя пусть ожидает в гости. Разобью вьюки с богатствами его, разметаю по полю прах отцов его и сравняю с землею сад его цветистый... Не сделаю этого — не буду я Бук-Муруном! И его сильно напугав и как иссык-кульские воды взволновав, от него ты пойдешь поводами ровно. Камбархана сын, Айдархан, Айдарханов сын, храбрый Иркокче, не знающий*) бегства Иркокче ты скажи: родившегося в горах с козлом горным вместе, на песках который гулял с куланом вместе, железокопытного и медноногого Серко пусть приведет на байгу; если конь на бег выйдет, то получит приз, не выйдет — то пусть посмотрит на наше веселье. Его также напугав и взволновав, как Иссык-Кульское озеро, собери. Оттуда ты пойдешь, повода держа ровно, к Агышу с Хожашем, Алеке с Баубеком, Бетчу и Четчу, скажи им всем то же, скажи золоточупринным хватам и серочупринным мужам, скажи батыру Чугунное ухо, Дуюр-кулаку, то же. Есть саврасая кобылица Ирку и есть владелица ея Урунха[й] хатун, богатырь-баба. Всем им скажи, чтобы все были на поминках у меня,— не будут они, то увидят красное знамя Кукотая у себя. Всех их тоже напугать и, как Иссык-Куль, взволновать.

От них поедешь, держа ровно повода. Есть батыр Идне, Ичкиев сын. Ноги он сильно упирает в стремя, а длинное копье в небо. Есть у него серопегий конь — бегунец, рожденный от двухгодовалого жеребенка, славная то лошадь, пусть приедет с ней на поминки наши.

---

*) Очевидно — «не знающему».

От него ты пойдешь дальше, поводами ровно. На Семиреках, что кочевье имеет, Джебекеров храбрый Багыш, говорят — батыр, разбивший ойратов, а лошадь его саврасый кунан, хороший, говорят, конь. Скажи ему, чтобы привел коня и приехал сам. От него ты пойдешь дальше, к батыру Карачу, под которым черная гора — не гора под ним, а черная лошадь, по прозванию «Гора». Славный конь, говорят, карачевский Тау-Кара. Пусть придет сам и коня приведет. От него как пойдешь, повода держи ровно.

Плод нечестивого мужа и незаконной жены, гибкий стан которого колышется, как бай от тяжести пояса, с длинными ногами, обутыми в сапоги, с каменным сердцем, с жилами из металла — есть батыр Джаналы, в гордости подобный богу. Скажи ты этому Джанале, что огнерыжий конь его — скакун-лошадь. Пусть придет сам и лошадь приведет. От него ты иди дальше и повода держи ровно. Есть батыр, родившийся по долгим молитвам многих угодников и по просьбе угодников на свет происшедший. Младшему из девяти сыновей старого отца, богом любимому храброму Тустуку скажи: конь его Пламя-хвост верная лошадь, чтобы сам приехал и коня привел на бег. В средоточии мусульманских и неверных улусов стою я ставкой, пусть будет хозяином поминок, которые я даю по отце, по Кукотай-хане, пусть выберет лучший кусок мяса — почетную грудинку.

От него ты пойдешь: за ближними горами по ту сторону их, под большими горами по сю сторону их, среди двух хребтов, ты увидишь сына вонючего старичишки, который всю жизнь доил вонючую березу, батыра Алпай-Мамета, по прозванию сизый заяц, ты увидишь. Белый заяц его бегунец конь — пусть приведет он на байгу мою. Скажи ты всем алпам — лошадей пусть ведут и сами пусть придут; выйдут кони — получат байгу; не выйдут — посмотрят на игры. Если сами не придут и коней не приведут, то увидят они красное знамя Кукотая хана среди своих аулов... Всех и всех напугать, как Иссык-Куль взволновать.

Оттуда ты пойдешь поводами ровно... Буюн-хан, от Буюн-хана Чаян-хан, от Чаяна — храбрый сын Якуб,

Якубов сын юный Манас! Двенадцати лет он уже стрелял из лука; тринадцати лет в руках копье имел, врагов уже колол; из седла уносил детей, красавиц девиц похищал много; четырнадцати лет разбивал аул, юрты брал в добычу, и храбрые от него кричали: куки! Пятнадцати лет был властителем сильного народа. К этому-то Манасу ступай и скажи ему, что конь его, покрытый золотым седлом, в беге точно серна, скакун с копытами в обхват, с ушами точно камыш, скошенный пером, его желто-саврасый, от ветра происшедший конь-бегунец, лошадь. Пусть приведет для скачки скакуна своего, пусть посмотрит на жилище мое. Ставкой я стою в средоточии мусульман и неверных — кяфиров. Пусть выберет он лакомый кусок и пусть будет он хозяином, распорядителем там.

Для детей разных отцов (разным родам) нужно дать пестроголовых иноходов и чубарых коней и нужно мне по достоинству и старшинству раздать им соответственные части убитого скота, поднести им обед и байгу нужно устроить. Проси его (Манаса) быть распорядителем. О густочупринный Чора! Не тяни перед ним крепко удила, не жалей ты талантливых слов своих, хорошие говори ему речи! Мягкоговоряший ретивый Яш-Айдар Чора! Хорошие говори ему речи! Чтобы тебя не убил он и Манекеря не зарезал. Сойди с лошади, отдай ему селям, подойди к нему пешком и с поклоном отдай ему селям.

От него ты пойдешь дальше... С полным прибором, лук при бедре, на самаркандских горах кружится, Кожатай-Сайдак при нем — на бухарских горах кружится. В белой чалме, огромной, как котел, с посохом в руке, в устах его *призыв* и сам на *божьей дороге*, на стороне, где заходит солнце, на великом Джулане есть золотобородый ходжа по имени Ай-Ходжа. Ай-Ходже тому скажи, чтобы белого Айбана на скачку бы пустил и сам бы приехал с благословением для нас. Для Манекеря коня ты возьми от него белую в ладонь бумагу: пусть напишет он на ней письмо. На холку ты прикрепи то письмо. Хочу знать число алпов и число коням. Много алпов на земле, подземных много, не перечтешь их, скажи всем, которых я сказал. Шесть концов Коль-

кея*) шесть раз оберни, семь концов земли семь раз обойди и скоро воротись.

Сдержи еще голову коня: остановись! О байге я еще не сказал. Головой, что будет на моей байге, я скажу тебе: 9 шуб парчовых я выставлю, 90 рабов я ставлю, тысячу ставлю рабынь, тысячу верблюдов молодых, тысячу золотоглавых кобыл. Не буду пересчитывать последующие призы, мне домой надо идти. Что будет в хвосте, я скажу: пестроголовый иноход, 60 рабов на 60-ти конях...**) верблюд и с ребенком рабыня-ногайка и юрта, крытая сукном! Будь здрав и невредим, мой Чора, и скоро возвращайся, чтоб не соскучились мы и чтоб не испортилось зарезанное для гостей мясо».

На твердую как камень спину подобного Манекеря коня впилась крепкая богатырская нагайка: сбросив...***) свой с жеребенка весом и сделался тонок, как борзая собака, сбросив еще с барана кусок, и сделался легок, как заяц степной. Открывал рот точно змея — дракон, кровавая пена забелилась под ребрами коня. Кой где виднелся — инде растягивался, как синеватый дым. Топ, топ,— копытами стучал, под собою пыль крутил.

Приехал, наконец, [к] кочующему на Улутаве-горе отцу народа старому Кошаю.—Да будет мир с тобою, храбрый Кошай-отец! — И над тобою тоже, сын мой, густочупринный Яш-Айдар Чора. Здоров ли ты и хорошо ли живет сын? Манекеря-коня по ногам течет пот и по шее струится — почему и зачем ты ездишь, сын?

— Старший в народе, отец мой, Ир-Кошай, здоров и аман****) живу я—узнать о тебе приехал, счастлив живу я — соскучившись по тебе, приехал. Старший в народе храбрый Кошай, подобный воротнику халата, подкове подобный Кошай. Есть голова у серого мерина, есть поминки по Кукотай хане; есть голова у воро-

*) Колькей — нечто огромное, несуразное (о богатырских сапогах). В издании 1904 г. «6 концов камня на 6 раз оберни».

**) Пропущено одно слово, очевидно, «нарядных».

***) Тоже, очевидно, «жир».

****) Аман — благополучно, без беды.

ной кобылицы, есть тризна по батюшке хане. Нужно сыновьям разных отцов поднести пестроголовых иноходей и приличные куски мяса, следует тарелки прилично поставить и нужно устроить при них байгу. Если не будешь сам на моей байге и коня не приведешь, то не показывайся на мои глаза (смотри угрозы Бук-Муруна).

Старший в народе храбрый Кошай, преважно шагавший у себя дома, услышал Бук-Муруновы слова, лишился чувств, задрожав.

— Густочуприннный Яш-Айдар Чора! Званый я поеду и незваный я поехал бы; от угроз его я еду, без угроз бы его поехал.

Старейшнй в юрте Кукотай жил 199 лет, и челюсть его была ослабевши. За ним следующий старший есмь я. Как ты говоришь мне такие (грозные) речи, густочуприннный Яш-Айдар Чора! Такие речи говори только мне; есть алпы с сильною властью, от гнева их можешь умереть.

— Старший в народе, Ир-Кошай отец! А скажу тебе, какие призы будут на байге: 9 шуб парчовых стоят 90 рабов и 90 рабынь и пр.*).

---

*). В рукописи пометка Ч. В. «См. выше».

Написана не позднее 1857 г. Публикуется по рукописной копии ЦГАЛИ СССР, фонд 159, оп. 1, д. 179, лл. 15—22. Копия написана на бумаге в лист, чернилами. Сохранность хорошая. Имеются незначительные поправки, внесенные рукой молодого Валиханова.

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

Дневник путешествия
Записки и исследования

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ГОРОД КУЛЬДЖА

(ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ 1856 ГОДА)

1-го августа 1856 г.

Китайский пограничный пикет Борохуджир*).

Случай привел меня в Китай. Вот уже 6 дней, как я выехал из Капала и ожидал у Т[атаринова]**) товарищей по путешествию. Проход Югенташ***), нет сомнения, есть один из самых благоприятных проходов во всем Алатаве, исключая разве Санташа, который еще более удобен. Югенташ значит буквально: каменная насыпь. Название это происходит от маленького кургана, сложенного из булыжника, как делается много могил у киргиз; курганов, подобных которому в степи тысяча. Но, как бы ни было, Югенташский курган славен и дал название целой горной долине и проходу; народное предание основание его относит одному из джунгарских ханов, хон тайджиев, кажется, *Батору*.

Югенташская долина есть горное плато, образованное течением на западе речек Агныкатты, Каргалы; на востоке Усека, Борохуджир, который при впадении называется Тургень. Это—низкая болотистая котловина на горной возвышенности, покрытая множеством ручей-

*) В оригинале написано по-разному. Мы взяли преобладающую транскрипцию.

**) О Татаринове см. ниже, прим. 19.

***) Т. е. Уйген-Таш.

ков или родников, называемая *саз**). На севере идут снежные горы Алатава, на восток к Китаю при Югенташе отделяется ветвь, известная под разными названиями: Хабырген**)... и проч. На запад идет ветвь: Қызылкия, Сатлы до реки Қоксу. Через Югенташ эта цепь связывается с горами Алтын-Эмельскими. Путь по Югенташу не представляет никаких особенных затруднений, кроме нескольких довольно крутых логов, образующихся течением ключей, впадающих в Каргалы. В 1852 году полковник Ковалевский***) проходил через него с отрядом казаков при орудии. Первый, самый трудный лог, называется Қескен-терек. Он отделяет сопку Арал-тюбе от Югенташской возвышенности. Югенташ не представляет особенно картинных видов, как другие горные проходы Алатава, и не производит на десятую долю того впечатления, которым наполняется ваше сердце при проезде через Санташ при реке Тюпе. Направо, налево виднеются серые сплошные громады гор, покрытые редкими лесами или же вовсе голые. Только ровная поверхность самого прохода, сплошной зеленый ковер мягкого *кипеца*****) подзадорит вас, если вы охотник до колких растений, промчаться по нем стрелой и поджигитовать порядком. После однообразных горных видов, беспрестанно торчащих скал, немолчно шумящих ключей, густо заросших цветов—этот дивертисмент как-то приятно действует на человека. Все нам надоедает: живем на широкой и гладкой Руси—рвемся на Кавказ, где стоит белоснежный Казбек, хочется видеть Альпы, нужны горы, «столпообразные руины» и «звонкобегущие ключи»*****), а как бросит судьба в такую местность—сначала восхищаешься, потом все это начинает надоедать: и «столпообразные руины и звонкобегущие ключи», и опять хочется на свободу, на дол, на ровную степь, где растет

---

*) Саз — сырая, глинисто-солонцеватая долина.
**) Пропущено несколько слов.
***) См. прим. 20.
****) Кипец (типец)— Festuca sulcata — овсяница, злак.
*****) «Столпообразные руины» и «звонкобегущие ручьи» — поэтические образы, цитируемые Ч. Валихановым из поэмы Лермонтова «Демон», ч.I, песнь IV.

береза белая, родная сосна. Там дыхание как-то свободнее, и мысли текут шире, там как-то привольнее... Все безгранично, как степь: и желания и дела. Угрюмые, дикие виды гор, хоть живописные, как-то заботят, отягощают вас: то вас поражает великолепный водопад, вы как-то усиленно напрягаетесь мыслями, то какая-нибудь пропасть устрашает вас своей теснотой, громадные скалы, ревущие реки — все как-то сердито во всем...*), и вы настраиваетесь под этими впечатлениями к какой-то лихорадочной деятельности. Вам все чего-[то] недостает. Нет возможности жить в горах и быть народом веселым, беззаботным. Только степняк может знать цену золотой лени, он только может жить без горя, без печали, не думая о будущем... Только степняк может быть беззаботно счастлив. Он знает цену наслаждения и покоя. В горах могут воспитаться черкесы. Он, рождаясь, борется с природой, каждый шаг его есть риск. Вокруг стоят твердые, угрюмые скалы, внизу пенится, шумит, ревет, ворочает камни какой-нибудь Терек. Вот его учители. Какие примеры! Какое хищничество в зверях и в птицах гор! Тяжелый гриф терзает окровавленный труп, хищный ястреб нападает на беззащитного фазана, а орел отнимает его добычу. Медведь, тигр наполняют ужасом лес и делают беспрестанный набег на бедных оленей. Совсем другой ландшафт, другая природа окружает степняка. Там свобода, счастие и между зверями и птицами божьими. Широкая река или необъятное озеро тихо струят свои гладкие и светлые воды; утки, гуси, лебеди гордо плавают на водах, поднимают гомон, шум, но все это дружно... Никто никому не мешает. Легкая чайка роскошно купается в лазури небес. Степной жаворонок поет свою песню на высоте и сладко трепещет крылами. Во всем беззаботность и лень. Беспредельная, как море, степь покрыта тысячами разных трав, бедные цветочки, тонкие и нежные расстилаются зеленой скатертью. Ветер ли пробежит — ровно зарябят и тихо зашумят травы. Всюду жизнь: пчелы, бабочки парят с цветка на цве-

*) Одно слово стерто, начинается с буквы «с». По смыслу фразы можно читать «сказочно» или «сокровенно».

ток. Я сам степняк и увлекся степью: пора обратиться к предмету.

После перехода через Югенташскую насыпь начинаются ручьи, которые сливаются и в виде дуги тянутся от холма Куш-Мурун до возвышенности Койтас. Эти ручейки, по сырости местности, называются *сазом* (солонцом), хотя в сущности совершенно не солоны. С Куш-Муруна через Койтас мы вступили в холмистую местность: это последние холмы от Алатава к степи, открывающиеся на Или. По ущелью Карасай мы переехали эту гряду и вступили в узкую долину Борохуджира. Речка эта имеет, как все речки Семиреченского края, быстрое течение и каменистое дно. С возвышенности, по которой ехали мы, открывалось все течение речки. Она тонкой полосой струилась по узкой щели. Направо и налево окаймляли ее серые голые куски скал. Все было пусто и каменисто; только густая рощица красивых тополей приятно синела на этой пустыри, как тенистый оазис в песчаной степи. Вокруг паслись лошади и доказывали собой присутствие человека. Это был китайский пикет, заключенный в естественный покров зеленых листьев. Часовой, стоявший на ближайшей горе, при нашем приближении заревел громко: *«Боран!»* (человек). Несколько бритых голов с хохлами на макушке выглянули из-за глиняной стены и тотчас же спрятались. Любопытство выражают только варвары, просвещенному китайцу не должно ни в чем уподобляться *левополым**). Мы в церемониальном порядке, устроенном по китайским правилам приличия и сознания своего достоинства, подъехали к берегу речки, имея впереди вершника, неизбежного в китайском этикете, и в благородном отдалении от караула стали разбивать свой стан. Когда мы устроились хозяйством и вошли в юрту, из караула показались китайцы. Один из них ехал впереди и, как должно порядочному *лое*, господину, опустив повода, ступал самым тихим аллюром. Около шли другие посетители. Вверив свою лошадь попечительству какого-то оборванного калмыка, мандарин скоро вошел в юрту и, стоя

*) В смысле не китайцы, люди иных наций.

с наклоненным вперед корпусом, начал, скребя горлом, как ученый скворец, свои приветствия. Во-первых, осведомился о состоянии наших желудков «чи[ляо-фан?»] — обедали ли? Потом спросил или, как говорят китайцы «понюхал» наше здоровье от имени цзян-цзюня и его товарища хе-бе ланбы*), спросил о дороге, «понюхал» еще о чем-то и еще. Во все время речи крепко держался принятой позитуры, только по временам разводил руки. Его просили сесть. Красный и усталый от жары, он вынул грязную тряпку и начал утирать свое лицо. Отдохнувши, он объявил в дополнение к сказанному, что он, как манджу по происхождению, прислан самим цзян-цзюном в качестве вожака для нашей встречи и препровождения в Кульджу и что он служит при торговом дворе в должности ду-лая, рассыльного. Он знал немного по-татарски и объяснялся с нами уморительной смесью слов китайских и тюркских; все длинные слова он сокращал или отделял на несколько однозвучий и произносил своим китайским прононсом. Ду-лая или, как его называли попросту дулай, был мужчина хоть куда. Физиономия у него довольно приятна и более походит на тип нашего башкира, нежели китайца. Полное его лицо не так скуласто, как у кигайца, узкие и выдавшиеся шишкой глаза расположены на прямой линии, а нос у него даже слишком поднят для субъекта племени монгольской породы. Редкие, но длинные усы зачесаны прямо и закрывают губу. Он, по-видимому, ими занят, ибо беспрестанно гладит щеткой и спускает прямо на рот, или же он старается ими закрыть черные и гнилые свои зубы. Одет он был в темно-синюю шерстяную курму, под которой виднелся серый, приспособленный к верховой езде халат с разрезом как спереди, так и сзади. Черная суконная шапка с двумя собольими хвостами доказывала, что он в командировке, а белый матовый шарик — его обер-офицерскую рангу. Между тем, как ду-лай занимал нас ученым разговором и тонким обхождением своим доказывал нам, варварам, свою обтертость, пришел солонский[100] офицер и от имени цзян-

*) Точнее — хебе-амбань. Пояснение этого чина Ч. В. дает ниже.

цзюна*) предложил дары. Уморительно было видеть, как поражались китайцы нашим отказом и как усиленно старались вразумить нас в тонкости обычаев и церемоний, представляя подарки эти выражением доброго расположения двух дружественных наций и доказывали, сколь было несогласно вежливости и достоинству большого человека (так называли они нашего...**) не принять *дары*.

Китайское правительство, как всякое азиатское государство, устраивает подобные подарки на счет народа, а офицера обязывает непременно доставить их по назначению, ибо снабжать гостя съестными припасами есть старый обычай империи. В случае отказа, т. е. непринятия даров, бедный офицер подвергается ответственности, неудачу приписывают неумению офицера поднести должным образом. Принимая в соображение это обстоятельство и еще чистосердечное признание китайца, что «лицо его перед цязнь-цзюном будет *черно*», мы приняли двух баранов, 10 ф. рису и столько же муки. У китайцев, как и у других азиатцев, черное лицо значит бесчестие, то же, что руи сиях у персиян.

2-число [*августа*]. От Борохуджира до р. Усека лежит песчаная голая степь, около Борохуджира всхолмленная и при третьем пикете обращающаяся в равнину, которая идет до самой Кульджи. Грунт земли глинист, состоит из рыхлых слоев песчанистой глины и мелкого мусора. Течение воды, весенние снега обрушили эти холмы, образовали яры и канавы. В степи нет никакой растительности, кроме *юсану* (мелкая полынь), *полыни* (Artemisia absinthium), чернобыльника (Artemisia vulgaris)***) *эбелеку*****), колючих кустов мелкого карагана (Caragana) и *ченгилю*******) (той же породы). Около речки растительность была более разнообразна: на берегу Борохуджира мы видели кусты

---

*) В тексте иногда цзян-цзун.

**) Одно слово неразборчиво. Возможно — «генерала».

***) По-казахски «ермень».

****) Эбелек — кормовое растение. (Ceratocarpus arenarius).

*****) Ченгиль (шенгиль) —колючее (Halimodendron argenteum].

китайской конопли) и чию**).* Кажется, одни ящерицы да змеи были хозяевами этих мест. Первые — во множестве разных пород, зеленые и быстрые на бегу, последние — короткохвостые, скользят всюду под ногами. Из птиц мы встречали только жаворонков и степную породу рябчиков (Syrrhaptes paradoxus Pall.).

День жаркий, нет ни малейшего ветра, и солнце нагрело землю так, что нет возможности ступать ногой. По такой степи и в такой жар мы брели ровно 25 верст, пока не приехали к первому арыку от реки Усека. Усталые и томимые жаром, мы с особ[енным] удовольствием воспользовались тенью нескольких серых ив, которые росли тут, и отдыхали в ожидании верблюдов наших, шедших позади. Мы ехали прямо на Усек, оставляя на правой руке за логом китайский пикет № 3. Китайские офицеры, сопровождавшие нас, тоже остановились, но выбрали местом отдыха шалаш хлебопашца-солона, где, как признались после, успели перекусить луку и выпить свою вонючую водку, джу, разумеется, за счет хозяина. Покончив свою трапезу, они, по-видимому, к великой радости бедного солдата, которого безвозмездно разорили чашкой кислого молока, приехали к нам и предложили сделать привал на Усеке, до которого, по их уверению, было только 3 версты. Так как вода в арыке была мутная и около не было корму для лошадей, мы, разумеется, с большой неохотой сели на коней и опять, положив все упование на аллаха, подставили свои головы жгучим лучам китайского солнца. Странный и печальный вид имеет подобная изнуряющая поездка. Кони, повесив головы, ступали мелким***) шажком, всадники сидели как-то вяло и, распустив поводья, думали бог знает о чем. На людях и скотах равномерно заметны были усталость и нехотение. Наши китайцы и тут действовали по правилам этикета и тут устроили процессию, впереди которой тощий солон, вооруженный луком и стрелами, исполнял должность неизбежного *динь-ма*—гвоздь-человека. Гос-

*) Чий (ший) [Lasiagrostis Splendens] — степное растение, употребляемое на плетение циновок и укрепление построек.

**) Вид дикой конопли [Cannabis ruderalis].

***) Допустимо чтение «ловким».

пода чиновники на своих широких, как стул, седлах сидели бессмысленно и курили свою медную гонзу. Черная из грубой дабы*)... тряпка заменяла им уже шляпу; блином накрытая на голову, как у имеретинцев *папанаки,* она была обвита косой, чтобы не падала, а спереди нависшие на лоб углы [?] бросали обильную тень. Сколько, подумаешь, должностей имеет эта бедная тряпка и что она ни заменяет китайцу? Надо сказать, что какой бы богатый ни был человек в Китае, но в голенище сапога его, или заткнута за пояс грубая и грязная тряпка. Он ею утирает лицо, в нее сморкает свой нос, постилает ее вместо скатерти в походе, и она же у него шапка!

И тут степь была тоже гола и песчана. Только по течению речки росли деревья, чему мы очень обрадовались, представляя себе, что под тенью их можем спокойно отдохнуть. Но увы! — тут открылось, что остановиться на Усеке нет возможности за неимением корма. И действительно: всюду был песок и булыжник, ни одной травы**), даже чистого места для ставки юрты не могли отыскать при сильной рекогносцировке. Однако ж, мы решили тут, под деревьями, остановиться и подкрепить себя, т. е. желудок, на малую толику. В приятном ожидании предстоящего обеда я отправился для купанья к реке и люди стали заниматься приготовлением чая и закуски. Несмотря на это, жажда мучила так сильно, что я лишился последнего терпения и начал пить теплый кумыз. Жажда увеличилась еще более. Я пробовал охладить напиток и приказал привязать бурдюк в реку. Пил кумыз с водой, но все напрасно. Наконец, подали ожидаемый чай. Удивительный и незаменимый напиток этот китайский лист в жаркое время: ничто, решительно ничто не может утолить жажду, как чай. Слава аллаху! Отвели душу! Да так успокоились, что были в состоянии выпить водки и закусить китайской уткой, которую вместе с несколькими курицами и огурцами купили по дороге у хлебопашца-солона. Жар

*) Род материи, бумажной ткани. После этого пропущено пять слов.

**) В значении «ни травинки».

был так силен, что одна из птиц наших снесла тут же на песке яйцо.

Пока мы проводили время под ивовым кустом и совершали свою походную трапезу, верблюды успели переправиться через реку и направились на речку Бурхан-су, обильную кормом и водопоем. Надо было, наконец, и нам садиться опять на коней. Подкрепленные чаем, мы бодро сели на коней и поехали шибко. Степь от Усека начинает несколько изменяться. Открылось огромное пространство, усеянное лесами; направо была Или, а впереди синели [?] низкие песчаные долины. Странно: здесь, где только проходит вода, там является и усиливается растительная жизнь. По Усеку уже росли, кроме чингиля и таволожнику, довольно высокие стволы *серой ивы* (Salix cinerea) *жигдовнику* (джида)*), а несколько далее на арыках стали являться красивые стволы илена**) с ярко-зелеными листьями и *барбарис*. Чем далее, тем более степь оживает: печальный и безжизненный характер ее смягчается зеленью деревьев, которые делаются все гуще. По арыкам, которых здесь тысячи, растительность густа, высока. Разные колокольчики, васильки и высокие прямые стволы мальвы с большими, белыми или розовыми цветами, оселодки***), низкий тростник и другие растут густо, как около каналов так и на местах, где проходили прежде каналы. Вообще здесь заметно более жизни, хотя грунт тот же, как в безжизненной степи, окружавшей нас за Усеком. Еще более разнообразят и придают жизнь местности огромные поля, засеянные пшеницей, просом кунаком****) и джугарой (гаоляном)*****). Особенно красивы высокие кривые колосья джугары с своими широкими, лоснящимися листьями яркого цвета. Смотришь и удивляешься: эту песчаную солонцеватую степь, на которой нет совершенно чернозема, которая

---

*) Жигдовник (джида) — Elaeagnus angustifolia. Лох узколистный, пустынное ягодное растение.

**) Илен — Ilmus pumila — декоративное растение.

***) Т. е. солодка — Glycirrhiza — лекарственное растение.

****) Кунак — злак, известный чаще под назв. итальянского проса, кит. чумиза.

*****) Гаолян (джугара) кукуруза.

сама по себе производит только горький юсан, колючий эбелек, бедные кусты терновников, кусты карагана и ченгиля, эту в высшей степени неблагодарную почву китайское терпение умело победить настойчивым трудом и заставило ее произвести то, что хотел он. Надо было быть китайцем, чтобы только подумать о возделывании такой пустыни. Но тем не менее, он достиг своей цели и достиг легко Выбрал земли без всякого предварительного удобрения, посеял и пустил по ним каналы, полные водой. Жгучему южному солнцу и живительному влиянию воды он обязан своим существованием. Вот пример для наших земледельцев Астраханской и Оренбургской губернии, где такие местности считаются совершенно негодными и остаются без разработки. Посреди этих нив мы ехали и удивлялись, а земледельцы-солоны удивлялись нам и нашему узкому платью. Они оставили работу и смотрели и делали свои замечания. Особенно мы занимали детей. Загорелые от солнца, с черным, как китайская канфа*), телом, эти мальчуганы бегали голые и, болтая своими хохолками на бритой голове, бросались к матерям, которые сами, тоже полные удивления, с трубкой в зубах, говорили «улус»! (русский). Жизнь кипела всюду: там и сям стояли временные шалаши солонов, около сидели грязные бабы в китайских рубахах, голые дети жарились на солнце, между тем как муж, покрытый только шляпой в длинном исподнем платье, молол**) хлеб, сидя на лошади и волоча запряженный в нее валек. По дороге также ехали их обозы. Огромные телеги на двух громадных колесах, наваленные разным хламом, глубоко изрывали песочную дорогу, оставляя от колес неизгладимый до большого дождя след. Погонщик, сидя на облучке странным китайским грибом, погонял лошадь длинной палкой, издавая какой-то дикий, протяжный звук: угу... угу... Иногда попадались одноколки, полные пассажирами, от 6 до 10 человек, запряженные в 6 или 7 коней, на корню был всегда один, а другие запрягались впереди первого. Мы было чуть не

*) Канфа — китайский атлас (ткань).
**) Описка, нужно — молотил.

заблудились: за деревьями нельзя было видеть, где остановились наши ставкой. Тут-то мы стали обозревать окрестность. Налево, очень близко от дороги, шла холмистая гряда, направо вдали виднелась широкой лентой Или и около нее темнели силуэты городов и окружающие их рощи. Это был город Тургенкент, стоящий при впадении Борохуджира в Или. Впереди пестрели отдельными рощами деревья, растущие по арыкам и по прибрежью рек, и пестрели густо, к Или они делались реже и, наконец, совсем исчезали, так что угол, образуемый впадением Усека в Или, был открытой степью. Зато около самой Или виднелись густые и темные леса. Пока мы смотрели в трубы и различали в отд[аленных] рощах белые пятна от городских стен, один из наших киргизов увидел между деревьями наши белые юрты. Мы ударили в нагайки и буквально помчались к своему стану, утешая себя перспективой долгого покоя. Среди кустов илена (Ulmus campestris)*), густых ив расположились наши юрты, возле проведен был арык, окаймленный густой зеленью цветов. Облегченные от вьюков верблюды лениво дремали, а лошади, отпущенные на корм, стряхивали гриву, как бы не веря своему счастью и желая испытать, не сидит ли еще двуногий мучитель. После утомительного и жаркого дня, полного труда, как особенно приятно в прохладный вечер лежать в юрте, в свободной одежде или лучше без одежды и, поднявши вокруг юрты войлок для свободного течения ветра, отдыхать. Это своего рода высшее удовольствие, доступное не всякому. Одно только воспоминание о прошедшем и пережитом усугубляет его во сто крат. Одно досадно — комары, мошки и другие *гнусы* не дают возможности вполне наслаждаться степным комфортом и делать кейф. Не помню почему, но этот вечер остался в моей памяти по своей чрезвычайной приятности, как лагерь наш при Кудорге во время иссык-кульской экспедиции. Что-то особенно приятное, успокаивающее было в самой природе. Не холодно и не жарко — умеренная благая середина, чистый воздух, приятные виды и, наконец, эта

*) Вероятно, имеется в виду Ulmus pumila.

живописность в самом расположении походного нашего стана. Поднятые, почти сквозные решетки белых юрт, возле костра и вокруг — группы казаков с трубками, киргиз, готовящих на угле «тостик» — грудинку или хлопотящихся*) около котла с мясом. Под тенью деревьев в различных позах отдыхают казаки, набросив несколько шинелей на ветви для тени. Возле них стоят копья конусом и ружья на сошках и разбросана амуниция. Около отрядного скарба, мешков с мукой, разных кулей лениво ходит часовой и завистливо посматривает на отдыхающих комрадов**). *Счугуренные* (так принято киргизами на степном языке их называть лежащих верблюдов) верблюды лежат рядком, жуют жвачку и от их тяжелого дыхания и от шкуры поднимается синяя струйка пара. Между кустами разбросанно щиплют траву стреноженные лошади, подпрыгивая всем корпусом, чтобы идти далее. Вся эта картина освещена ярким, чудно розовым светом заходящего солнца; вода, листья на деревьях, летающие жуки, мухи, комары — все это блестит, светится тем же колером***). Спал жар, и оживилась природа. Воздух наполнился шумом тысячи разных насекомых, послышалось пение пташек в прительниках... Послышались крики гусей, уток и перепелей в соседних пашнях. Началась какая-то шумная, хлопотливая, полная веселия жизнь, всюду жизнь, противоположная мертвой тишине дня. Вечер возвратил к самосознанию и наших китайцев, которые все время спали под деревом, точно убитые. Дулая явился опять с товарищем своим и опять привели двух баранов и опять рису. На татарском языке, по своему обыкновению лаконически, он понюхал здравье большого человека и стал опять доказывать, что подарки непременно следует взять. Вот для редкости образчик его джинголизма:—«Большой—человек... дорога далёкая... спроси... хорошо спал. Цзяньцзюнь, хэбэ-амбань... скажи... большой человек... юсун бар есть обычай... есть бараны... есть рис... кое-что есть.

---

*) Так в рукописи. Следует — хлопочущих.
**) К о м р а д — по-английски товарищ.
***) Цветом. Лат.— color, франц.— couleur.

Белый царь хуаньди... хамиту чидандэ... равны, друзья...» При этом он сложил два больших пальца и сказал: шу янзы (шу — татарское слово *вот*, янзы — китайское *сорт* — подобного сорта), оканчивал: «ступай... большой человек... скажи... юсун бар есть обычай!»

На этот раз домогательства дулая были уважены в последний раз — баранов у нас было много и своих, а взявши их подарки, нужно было отдаривать и их. Чиновники были так довольны этим принятием, что с радости молодецки начали пить ром, который мы им предложили, и напились до того, что пустились в изъявление своего расположения и дружбы, выражая это особенно сильно складыванием равно двух больших пальцев.

Дуньчи, переводчик, состоявший при них, предложил нам спеть свою песню и просил только дозволения офицерства. Сначала чиновники, действуя согласно этикету, не хотели, но потом сами стали подтягивать артисту. Дуньчи пел по калмыцки, по-таранчински и, наконец, хватил импровизацию по-киргизски. Солоны живут вместе с киргизами и хорошо знают язык татарский. Всю ночь слышались около скрип телеги и пение калмыков, солонов и удивительный их ямской крик. Китайцы поют довольно приятно, но зато калмыки ревут и пищат бог знает что.

3-число [*августа*]. Весь проезд мы ехали по лескам и по арыкам. Беспрестанно попадались пашни, земледельцы и местами одинокие фермы мызников. Направо мы оставили города Яркенд, Тыган, место пребывания *сибо-зангги* — полкового майора (киргизы называют его чибчжани) и шли прямо на Аккент. Мы ехали все по лесу, состоящему из илен, джигдовнику и ивы, мелкий чингиль покрывал эти места также густо. Кроме растений, попадавшихся на ночлеге, по деревьям вились разные вьюны: хмель (Numulus lupulus), плющеобразный вьюн с белыми волосообразными*) лиловатыми цветами покрывал кусты

*) Возможна описка автора: не *волосообразными, а колосообразными* [соцветиями].

ченгиля так густо, что казался кучей собранного льна. Изредка попадался барбарис, шиповник (Rosa cinnamonea). Грунт и здесь был тот же, даже местами обращался в сыпучий песок, но вода, обильно разлитая всюду, поддерживала своей влажностью растительную силу этих Habitus'ов. Сделавши верст 15, мы увидели густую рощу высоких вязей, ив и красивых пирамидальных тополей, между стволами которых белели стены глиняных домов. Город довольно чист по наружному виду, окружен стеной. Через деревянный мостик, брошенный на ров, мы въехали в город. На улицах, внутри оград домов — всюду росли илен, ива и тополь, раскинув длинную тень. В городе была невозмутимая тишина, казалось, что мы въехали в необитаемый, оставленный антик. Только из-за угла показавшаяся китайская девушка с двумя мальчуганами доказала истину. Солонка была очень смугла, но приятна лицом, на голове торчали какие-то цветы, волоса были убраны á la chinois*) назад. На ней было синее китайчатое платье с широкими рукавами, убранными в два ряда белой тесьмой; дети были голы, головы их были «оголены». У одного из них, который был больше, на макушке торчала маленькая коса, а [у] маленького были оставлены очни виски и, заплетенные, они походили на рога. Дух империи — необщительность и замкнутость — выражался в первом городе: каждый дом стоял отдельно и был окружен стеной,— казалось, что хозяин заперся и был в четырех стенах, как вассал средневековой Европы, для того, чтобы не видеть соседей, не говорить. На улицах было очень пыльно. По большим огородам, которые были за городом и в которых работали женщины и дети, и по пашням видно было, что солоны народ трудолюбивый и зажиточный. Храмина их была окружена садом из одних только пирамидальных тополей; резные врата и драконы служили вывеской. Что за красивые деревья эти тополи со своими белыми и прямыми стволами, как приятно рябит ветер их серебристые листья. Так и хотелось бы под тенью их раскинуть

*) На китайский манер *(франц.)*.

шатер и уснуть. Странное желание, подумаете вы! Но кто бывал в утомительно долгих дорогах, тот, конечно, поймет всю прелесть этого простого, даже грубого желания. Выбравшись за город, в 3 1/2 верстах от города мы стали на ночлег и принялись за чай. В городе наши люди успели купить дыней, арбузов, яблок и лакомились ими. Всю ночь нас сильно беспокоили комары.

4-го [*августа*]. Рано: «подъем», ударил барабан. Нам нужно было переехать наносные пески, образующие всхолмленную гряду, идущую до самой Или. Мы решили этот трудный для лошадей переход сделать при утренней прохладе или, как говорят казаки, по *салкынчику**). Через три версты оставили мы лесистое урочище *Чубарагач,* которое идет от Усека до гор, и вступили в сыпучий песок. От ночлега нас провожал китайский офицер с пикета. Мы стали от нечего делать разговаривать с этим старым воином. Он был родом солон и из *бокшей* — урядников, был произведен цзян-цзюном во второй чин и был в этой ранге уже полтора года. Старик рассказывал, что они, солоны, служат все в войске и получают чины, смотря по отличию. Сам он был в нижнем чине восемь лет и говорил, что сын его должен также начать службу с солдата. Это правило распространяется и [на] потомство их амбаня. Только умершие на войне могут передать свою пенсию сыну. На нем был камышовый колпак конической формы с красным волосом. Это виц-кивер, который служит только на местной службе. Командированный в другое ведомство, он надевает черную шапку с собольим хвостом и пером. Таким образом разговаривая, мы въехали в глухую средину песков. Здесь они так глубоки, что образуют довольно высокие холмы. Странно, каким образом песок этот мог образовать целую цепь, вроде поперечной стены, как бы насыпанной рукой человека? Пески эти идут перпендикулярно к течению [реки] на протяжении 50 верст и в ширину имеют верст 10. Что за пустынные виды! Кроме громады

*) Салкынчик — по-казахски прохлада.

песку вы не видите ничего: какой-то голый куст степного растения, называемого киргизами *юзген**), покрывает его там и сям. Куст этот коленчатый, без листьев, нижние стволы серебристо-белого цвета, а тонкие веточки — зеленого. На нем есть что-то вроде цвета — высохшие листочки, совершенно круглые, в несколько рядов. Местами попадается юсан и какое-то желтое уродливое растение с шишковатой иглистой головкой и еще какой-то злак — более решительно ничего. Следы змей, ящериц и крыс переплетаются и образуют хитрую и замысловатую сеть. Несмотря на то, что было рано и холодно, но короткохвостые ловкие ящерицы шныряли тысячами, а в одном месте лежала огромная черная змея. Видно было, что пресмыкающийся гад был полный и единственный хозяин этого страшного места. Хорошо, что мы воспользовались утренней прохладой и прошли благополучно эту маленькую сахару. Верблюды любят песок: мягкие и мясистые их ноги ступают на уступчивые пласты песка, как на ковер, но и они заметно устали от беспрестанных подъемов. Много песков в Киргизской степи. Есть пески страшные, на несколько сот верст, но такой мертвой местности нет нигде. На берегах Или, Сыра и Сарысу лежат на огромных протяжениях песчаные пустыни, но жизни в них более, по крайней мере — более растительности: саксаулы, джингилы, чий и другие кусты образуют целые леса.

Слава аллаху! Наконец, вышли на твердый материк. Удивительно заметный переход спускает с последнего песчаного холма, и характер местности резко изменяется: нет последовательности и переходов. Опять открылась ровная степь, но с другими растениями и с другим оттенком. Грунт сначала был каменистый — из галек и мусору. *Джингиль* — растение из породы божия дерева, с неизбежным в степях ченгилем разнообразило местность своими красивыми кустами. Чем далее, тем степь принимала характер, сходный с прежде пройденным; но деревьев илена и джиг-

*) Юзген, собственно жузген — Calligonum aphyllum, сочная трава, растущая в полупустыне Казахстана.

довнику было мало, если и были, то в виде мелкого куста. Переходя реку Хоргос, мы терпели сильное нападение от бесчисленных полчищ комаров, которые своей многочисленностью образовали над нами густую тень. От усливающейся жары другая тень была бы очень кстати, только не та, которую образовали комары. Нисколько не преувеличивая, смело можем сказать, что при Хоргосе мы чуть не сделались жертвами кровожадности этих насекомых. Густые камыши и береговая растительность, увлажненная водой, скрывала и рождала этих «нарочито гнусных тварей». За рекой стоял китайский пикет, офицер которого встретил нас и провожал до ночлега. В виду грязных стен среднего поста мы разбили шатер, напились чаю и уснули глубоким богатырским сном, хотя под головой у меня был просто погребец, углы которого сильно врезались в затылок. Я ничего не чувствовал и спал непробудно, как бы султан на мягких диванах своего гарема, уткнувшийся в роскошные и нежные формы какой-нибудь «розы наслаждения». Действительно, мне грезилось что-то в этом роде. Я чувствовал давление под головой, но мне снилось, что [это] была белоснежная рука красавицы, обнявшей мою голову. Я чувствовал жар, но мне казалось, что это ароматичное дыхание моей временной собеседницы. Нечего говорить, что мне было страшно досадно, когда разбудили и сказали, что верблюды уже на ночлеге.

Чем далее [мы] углублялись в Китай, тем более заметно было жизни и населения. Так, теперь перед нами прямо и налево виднелись несколько китайских городов и селений или, правильнее, синели рощи, в которых, в буквальном, в тождественном смысле слова, были погружены эти города. Надо отдать справедливость китайцам в этом случае: если б среди гладкой голой степи торчали бы одни стены их земляных низких домов, то и самый путь для странника, утомленного пустынной окрестностью, был бы во сто крат несносен и труден, как поездка по какой-нибудь Нубийской долине. Зато что за удовольствие чувствуете вы, подъезжая к этим зеленеющим оазисам, после той открытой для палящих лучей солнца безотрадной степи.

Мы имели удовольствие проехать около одного из таких, так сказать, купающихся в роскошной зелени садов городов — *Хоргоса*. Направо оставляли в 2 [верстах] расстояния город *Чифанзе* с гостиницей для путешественников. Направо же, вдали, около гор, виднелось много подобных зеленых точек: то были селения солонов и сибо—Купчан верхний, средний и нижний. *Хоргос* есть главный город поселения; в нем живет полковой командир из сибо, называемый *хожуртай*, старший по амбаню, [подчиненный] бригадному генералу, который живет в Или*) при цзян-цзюне. Он состоит из трех отдельных садов, т. е. форштадтов, отделяясь на версту один от другого. В *Чифанзе* есть сады и огороды. Там купили наши люди яблок, персики и разные овощи. Замечательно, что в поселениях мы ели огурцы, похожие на наши, большие и сочные, нисколь не походящие на китайский уродливый, тонкий к и я р**). В трех верстах от города, на реке, обросшей камышом, мы стали на ночлег. Около нашей стоянки был мир [?]: пешие, верховые китайцы, китайцы в разнаряженных экипажах, запряженных в разнородные животные, переезжали взад и вперед беспрестанно, подобно муравьям, хлопотящимся***) в муравейнике. Всю ночь слышен был скрип их огромных, должно быть, худо смазанных кунжутовым маслом колес и крик погонщиков. По временам праздный сын Среднего Цветка****) затягивал свою песню... и немилосердно терзал наше ухо. В числе проезжавших особенно обратил наше внимание какой-то л о я*****) — не столько сам он, сколько его экипаж. Мы второй раз увидели китайскую господскую одноколку. На двух колесах был посажен кузов вроде миниатюрного домика с окнами по сторонам. Он был обтянут синим холстом, и колеса были окрашены под тот же цвет. В корню и к нему, как говорится, *г у с е м* (иначе не ездят в Китае) были запряжены два лошака, увен-

*) Китайское название города Кульджа.
**) Сорт огурца.
***) Так в рукописи. Следует — «хлопочущим».
****) Имеется в виду китайское государство.
*****) Л о я — господин.

чанные колокольцами. Над коренной стоял зонт из четырехугольного куска холста. Он был прикреплен одним концом к верху кузова, другим — к двум сошкам, перпендикулярно воткнутым к концу оглобель. Впереди ехал, как и всегда, вершник, передовой, сзади был конвой. Кучер шел, как подобает сану всякого порядочного человека, возле экипажа пешком с длинной палкой [и] по временам пугал лошаков. Вообще ехали тихо, с достоинством. В первый раз это нас занимало, но впоследствии [мы] увидали столько чудес в подобном роде, что не раз клали палец удивления в уста и все упование возлагали на аллаха. Машаллах!

Комары были здесь так же неугомонны, как на Хоргосе, так что, вставши утром, [мы] чувствовали страшный зуд и изъян по всему лицу. Весь вечер я ходил с ружьем, но был ужасно несчастлив: слышал под ногами крик перепела, а найти не мог.

5-е число [*августа*]. С камышистой речки, которая, между прочим, ознаменовалась открытием водяных змей, мы по направлению W S W прошли через пикет на деревню Урда-Хоза, где в тени огромного илена, покрытого множеством воробьиных гнезд, разложили ковер и стали отдыхать под нежное воркование голубков, которых было тут довольно.

Надо сказать о дороге. Направо около гор мелькало множество рощиц; чем ближе к Или, [тем они] делались гуще и гуще. Одна из этих рощиц есть оболочка мусульманского городища Темир-Кутлу-хан, со знаменитой гробницей этого хана, который считается святым. Дорога, по которой ехали мы, идет через засеянные кукурузой, кунаком и другой культурой поля или же по кочковатой и изрытой местности, по которой обильно растущие бурьяны, чертополох (Cirsium lanceolatum), подорожник (Plantago major) и остатки разных злаков доказывали, что и по ним ходила соха. При нас подняли фазана, но старания наши отыскать его были тщетны: он бегает быстро и скоро исчезает в густой траве. Огромные стволы дерев и разрушавшиеся стены оставленных мыз угрюмо смотрели на наш проезд. Под одним деревом сидели му-

сульмане-пахари и ели свою скудную лепешку. От влияния ли солнца, под которым они жарятся круглое лето, или это заключается в породе, как бы то ни было, туркестанцы шести городов чрезвычайно черны и имеют афганский тип лица. Впалые, углубленные глаза, тонкий и изогнутый, как турецкая сабля, нос, узкие губы и бедренная худощавость отличают их от других среднеазийцев. Влияние Китая отразилось на них как нравственно, так и наружно. В противоположность жителям Западного Туркестана, славным на мусульманском востоке своим фанатизмом, столица которых, Бухара, называется священным именем «неугасаемого светильника истинной веры» и которая в сущности есть притон, вертеп ханжей-улемов, ишанов*)-серебянников, спорящих в продолжение нескольких лет только о наружных обрядах веры, и которые из недр своих медресе**) изрыгают на всю территорию мусульманства мулл-изуверов вроде мансуров,***) кази-мулл и других в этом роде лицемеров. Так, в противность мусульманам назв[анным], они более веротерпимы и не так привязаны [к] внешней рутине обрядности. Хотя, конечно, шаткость и нетвердость [в] вере ведет иногда за собой и нравственную деморализацию, но кашгарцы в основных, коренных принципах веры, может быть, сильнее какого-нибудь мевлеви. К числу хороших сторон кашгарского нрава надо отнести свободу женщин, которые участвуют во всех публичных собраниях и даже более — без них не может быть собрания меджлиса. Что же касается до наружного влияния китайской цивилизации, то оно ограничилось тем, что украсило бедро каждого таранчи ножом, палочками для еды и голову — китайской шапочкой с кистью. Народ этот никогда не пользовался совершенной свободой; влияние этого рабства и зависимости положило на их лица печать какой-то угрюмой и печальной безнадежности.

---

*) Мусульманское духовное звание.

**) Мусульманская школа.

***) Мусульманское духовное звание. Подробно о духовных званиях и чинах см ниже — «Описание Алтышара», глава «Правительственная система».

Обратимся к нашему рассказу. Между тем как мы, сидя под деревом, скинув сюртуки, наслаждались прохладной тенью листьев, любопытные китайцы собрались около костра, где нам готовили обед. Более правильные лица солонов заметно отличались от совершенно монгольского типа шанбанов. Шанбанами*) называются ссыльные на поселение и в каторжную работу преступники из внутренних губерний. Эти истые потомки династии Хань (так называют себя китайцы), имели удивительно узкие с косоватым разрезом глаза, плоский, едва выдающийся нос и широкие скулы. Росту они были среднего, худощавы. Редкие клочки волос едва заметно торчали над широким ртом и на остром подбородке. Маньчжуры, сибо и солоны высоки ростом, плечисты, сложены очень плотно и тонки в талии. Лицом они походят более на наших башкир, чем на китайцев. Между ними нередко попадаются лица довольно правильного овала и с поднятыми носами. У нашего приятеля дулая даже замечается в носе излишняя массивность. В числе глазевших был один бохшо, урядник из солонов, человек, по-видимому, зажиточный, судя по платью, и неглупый, принимая в соображение замечательную толстоту желудка. В Китае вместилищем разума принимается желудок: если у вас замечательной величины брюхо, то очевидно, что у вас и замечательный ум. Это факт, в истине которого со времени династии Цинь**) ни один китаец не смел сомневаться, да и смешно было не верить тому, что $2 \times 2 = 4$. Этот бохшо, повидимому, сильно тщеславился своим «умом» (как же не гордиться явным выражением своего превосходства!). Он пристально всматривался в наши желудки, чтобы узнать степень нашей мыслительной силы и, увидевши поджатые наши субъекты, он презрительно отвернулся и особенно гордо заковылял, из чего было ясно, что о нас, русских, составил мнение самое невыгодное относительно умственной силы.

*) Это слово Ч. Валиханов пишет по разному: Шамбань — шанбань — шампань — шампонь, очевидно, учитывая его произношение в разной среде.

**) Династия Цинь 246—207 гг. до н. э.

В числе свиты гениального бохши был шампань, старичок с плутовскими глазами. С ним были две резвые молодые девушки, его дочери. Маленькие шалуньи бегали около нас, скакали и резвились, точно егозы. На них были коротенькие китайские рубашки, исподнее платье и башмаки. Лоб был обрит, а остальные волосы были убраны назад. Какие-то цветы, вроде астры, были кокетливо приткнуты на их маленькие головки. Девушки были очень недурны собой, разумеется, в китайском смысле. Я взял в руки сахар и стал их манить, повторяя единственно мне известное китайское слово — хауле! хорошо! Мои китаянки продолжали егозить и махали мне руками, приглашая к себе. Отец маленьких узкоглазых нимф, увидевши нашу эту сцену, как человек бывалый и высокопрактичный, живо сообразил, что всякое подаяние благо*), и потому, взяв дочерей за руку, он подошел к нам и сказал: «хауле! Здорово — бухе». Он сел и стал рекомендоваться, что он уроженец Гандуна (Кантона), и потом показал на свои *скулы*, обращая наше внимание на синие пятна, клейма, которым был отмечен при ссылке. Мы хорошо поняли, как он попал в Западный Край.

Между делом я начал было пантомимный разговор с юными красавицами, но решительно ничего не мог сказать. Китаянки очень забавлялись и при каждом моем жесте звонко хохотали, приговаривая: Хау! Хорошо! Мне чрезвычайно нравилась детская простота и естественная веселость этих безыскусственных детей природы. Как они были рады и как весело грызли данный им сахар! Одна из них даже погладила меня по голове сказав: хороший господин русский. П[еремышльский][101] дал им две серебряные монеты. Господи! Как непритворно радовались они блестящему металлу, как жадно побрякивали их в руках и показывали отцу и хвастали: одна говорила, что у ней лучше и новее, другая, что у ней. Отец улыбался и благодарил нас низким поклоном. «Улюс славный человек», — кричали

*) Несколько измененные слова из молитвы — («... всякое даяние благо»).

дети, подбегая в толпу, и для совершенного удостоверения слов показывали деньги. О золото, золото! В Китае и дети знают твою цену*).

Шампаны народ трудолюбивый: по дороге с поля и с пашен шли они беспрестанно. Одетые легко, в широкополых блинообразных шляпах, они несли на себе то срезанный мусуй, то чий или камыш для цыновок. Вообще праздных было мало. Зеваки, смотревшие на нас, составляли исключение. Это были или народ чиновный, как «умнобрюшной» бохшо, или старики, или же дети.

Наш казак, посланный вперед в Кульджу, приехал назад и отрапортовал, что «консул изволит де ожидать вас в деревне в 10-ти верстах». Не знаю, как мы проехали деревню: пыль, поднятая на улице перевозчиками каменного угля, была так же густа, как всякий непроникаемый мрак. Запах от луку, перцу и дым трубок носился в этой стихии на земле и не давал дохнуть, крик погонщиков то долгий оу, оу, оу... а то вдруг резкий — пур, пур, пур — слышался всюду. Казалось, что сейчас попадешься под одно из этих громадных колес и сделаешься так же мягким, как избитые куски мяса для beef steaks' у**).

Урда-хоза — деревня чисто китайская: в ней есть все, что должно быть в каждом порядочном местечке Поднебесной империи: есть в Урде-хозе целый ряд харчевен и ресторанов, есть оборванные шампаны, есть трубный дым, лук, и все это как следует покрыто густым туманом пыли, и по улице стоят телеги и слышатся крики. Словом, уличная [жизнь] кипит и в разгаре. Весь народ сидит под навесами ресторанов и пьет на последний ярмак [102] чай и суп с луком и стручковым перцем.

Сколько рож проходило мимо нас! В конусообразных шляпах и в шляпах наподобие блина шампани, голые телом, несли снопы гаоляна или воду, курили свой ждин-дой и улыбались, иные же хитро подмиги-

*) Этот эпизод в несколько измененной редакции повторяется и в другом месте (л. 8 рукописи).

**) Бифштекс *(англ.)*

вали, как будто говоря: вы что за люди, вот посмотрите на нас. Непостижима уму самоуверенность китайца. Он никогда не похвалит все, что не китайское. Попробует шампанское и спрашивает, где мы купили их джу, рисовую водку.

Селение это было самое грязное. Под навесами домов сидели оборванные сыны Среднего цветка, пили чай. На улице стояли огромные фуры с каменным углем. Волы, запряженные в уродливую таратайку с колокольцами, поднимали густые облака пыли, так что не было возможности видеть едущих подле. Дикий крик погонщиков раздирал ухо. Наш чиновник дулай гордо объявил, что это сборное место для всех проезжих и что дом под навесом, где чаевали, есть гостиница, и спросил, есть ли у нас такие заведения. Сделавши верст 15 по степи песчано-глинистого свойства, мы доехали в другую, более опрятную деревню. Налево около подошвы горы виднелись две рощи. Это был город Гомту, называемый Темир-Кутлук-Хан. Там погребен какой-то мусульманский угодник. Ближе к нам осталась деревня Чучкалы. Деревня, в которую мы приехали, называлась Торджи. Она населена шампанами и таранчи-кашгарскими переселенцами. [Посевы] хлеба и джугара, мусуя здесь были лучше и обширнее других мест. Черные, как угли, с правильными чертами лица мусульмане в белых рубахах пололи хлеб и пугали криком стадо ворон, которые летали в таком множестве, что затмевали солнце. Среди деревни протекала речка, образующая пруд, где купалось несколько мальчиков. Они не обращали на нас особенного внимания. Русские ездят с матой, и русские им не в диковину. Здесь ожидал нас консул, и мы отлично провели вечер. На лугу около деревни дикие гуси подняли страшный крик и зазывали наших охотников к себе. Пока мы пили чай, на яру собрались китайцы, закурили трубки и на почтительном расстоянии начали с высоты обозревать нас, не выражая, впрочем, особенного удивления*).

---

*) В верхнем правом углу оборота листа 8 рукой Ч. Валиханова написан знак «нота бене».

Китайский офицер, встретивший нас от имени цзян-цзюня, и другой, доставлявший провизию, провожали нас в дороге. Они имели на голове черные колпаки с хвостом соболя и с шариком. Черный колпак означает дальнюю командировку. Караульные офицеры, провожающие от своего поста до следующего, напротив, ехали в конусообразных соломенных шляпах. Это значило, что они исполняют местную службу. Впереди всегда ехал один солдат в халате с луком и колчаном. Это передовой, вершник, называемый китайцами динь-ма, гвоздь-человек, неизбежный провожатый всякого порядочного человека. Офицеры же ехали верхом, согласно официальной 10 тысячной церемонии, тихо и курили ганзу. На Борохуджире мы ходили в пикет и обозревали его достопримечательности. Пикет окружен глиняной четырехугольной стеной. На западной и восточной стороне его посажены деревья, так что самого пикета за деревьями нельзя видеть. На восточной стороне был вход через восточный садик. В саду стояла тумба и на ней что-то вроде клетки для птиц. Офицер манджу объявил, что это храм бога земли, и действительно, в клетке сидел деревянный божок в образе женщины. При входе в ворота нас поразил страшный запах чесноку и особенный приторный запах, похожий на запах погреба.

Несколько собак поразило нас после вступления в зеленую ограду стражи своим враждебным расположением, но меры, принятые солоном-солдатом, остановили дальнейший ход их. Впереди стоял ряд домов с черными крышами, это был офицерский флигель. Направо и налево стояли казармы и при них солдатская кухня. Большие двери, огромные окна со множеством клеток, оклеенные бумагой...*) карнизы...**) отличали их своеобразие.

Внутри на голой земле были устроены нары, где в беспорядке валялась солдатская амуниция: сапоги, обвертки и другие принадлежности обиходного употребления. Офицерский флигель отличался от казармы

*) Не разобрано одно слово.
**) То же.

только маньчжурскими надписями. Мы вошли в первую тесную комнатку — это была приемная. Офицеры просили взойти на нары, и один из них для указания дороги взгромоздился на свое седалище и, поджав калачом ноги, начал рукой колотить по твердому потнику, заменявшему постель. Делать было нечего: уселись [и] мы. Обменялись трубками. Офицер приказал подать чай. Солдаты, собравшиеся тут для увеличения компании, принесли медный кувшин и чашки, украшенные сотнями запаек, налили черный густой кирпичный чай. Из вежливости мы начали хлебать.

Вечером в 7 часов, накануне Преображения, т. е. 5-го августа, мы въехали в Кульджу. От первовго караула Борохуджира до Кульджи тянется степь самая бесплодная, пустая, песчаная. Нам, русским, не пришло бы в голову иметь в этой пустыне селения, мы не знали бы, как можно устроиться тут, не подвергая лишениям переселенцев. Но китайское терпение победило все. На всем этом пространстве заселено много жителей; стоит 8 городов и несколько деревень, в которых путнику, разумеется, не заходя в дом, приятно отдохнуть под тенью высоких деревьев, пирамидальных тополей, осеняющих город, который весь спрятан в этой роще. Дома все глиняные, с виду опрятные, улиц не существует, но каждый дом говорит за всю империю и характеризует ее сомкнутость*) и несообщительность**). Всякий дом обнесен, как весь город, глиняной стеной и, кажется, загородился для того, чтобы не видеть своего соседа и не говорить с ним.

По прибытии нашем в Борохуджир нас, по повелению цзян-цзюня, встретил чиновник торгового двора ду-лая, рассыльный, что-то вроде чиновника особых поручений, он имеет белый шарик. Потолковав, мы расстались с чиновником, воспользовавшись двумя баранами, 10 ф. рису и так[им же] количеством муки. Наутро, в сопровождении китайского и своего конвоя в церемониальном порядке, во вкусе китайцев, дви-

*) Т. е. «замкнутость».
**) Т. е. «необщительность».

нулись далее. На всяком ночлеге офицер наделял нас провизией, от которой нельзя отказаться и которую нужно отдарить впятеро.

7-го числа нам сделали визит один генарал, два подполковника и несколько офицеров, с которыми [мы] помучились ровно три часа. Решено 11-го августа начать переговоры*).

От нечего делать я начал осматривать комнатку. Направо была дверь, а на полу на камне курился огонь. Черный, как трубочист, солдат с засученными рукавами стоял у дверей и курил трубку. Должно быть, он исполнял должность кашевара. Дверь налево была полуотворена, и по тесноте можно было полагать, что это кладовая. Мы стали просить, чтобы нам показали божницу. Офицеры с живостью согласились и с трубками во рту отправились в западный сад, отворили калитку. В саду стояла храмина, окруженная стеной, с воротцами, разукрашенными надписями и фигурами. Перед храмом стояли два столба; направо у ворот, под навесом стоял на пьедестале колокол, налево бубен. Два солдата начали бить палочками, один — в колокол, другой — в бубен, должно быть, для предупреждения Фо о приходе гостей.

В самой божнице было три двери, завешенные занавесами, посредине стол с солью, чашкой. На резной полке прямо в нише в широком шелковом халате сидел жирный бог Гуань-Лоя**) с золотым лицом, китайским типом лица, длинные, узкие усы, борода и бакенбарды доходили до пояса. Грудь его была открыта. Направо у стола стояла белая узкоглазая богиня и держала чрезвычайно нежно меч, или лучше — на руках был перекинут меч. Налево стоял черный,

*) После этих слов на л. 9 следует весь абзац о биографии Гуань-Лоя и Шикья Муни. Абзац перенесен ниже согласно сноске, сделанной Ч. Валихановым.

**) Гуань-Лоя был знаменитый рыцарь Срединной империи в эпоху 8-х царств. Жил он около III века до Р. Х. Для коварных китайцев, нападавших на врага ночью или из-за угла, благородная храбрость Гуань-Лоя показалась нечеловеческой: он нападал на врага, уведомивши его, как русский Святослав — «Иду на вас», так что он был включен в число богов. Особенно пошел он в ход со времени воцарения маньчжурского дома. Перед покорением

как китайский кауговый*) [?] сапог, бог с большими навыкате глазами и злобно улыбался, обнаруживая ряд гнилых и длинных, как у кабана, зубов. В правой руке пучеглазый Фо держал алебарду, хитро разукрашенную, левая нахально упиралась в бедро. Одет он был в куртку и вообще был страшно дерзок. Богиня была вполне женственна, кроткое лицо хотело как бы спать, сабля, лежащая на руках, сильно ее тяготила. Сибо и солоны, занимающие караулы, исповедов [али] религию фо, и храм этот был их фо. Сибо и солоны занимают все пограничные караулы Западного края составляют народ военный и получают жалованье, вроде наших казаков. Солоны переселены были из Даурии и из провинции Сахалянь-Ям еще при первом покорении Джунгарии, а сибосцы присоединились к ним после кашгарского бунта для подкрепления.

Военные поселения их расположены от Кульджи на север по Или до пограничного караула Империи. Они управляются бригадным генералом *Абебу,* который в качестве одного из колдаев — советников живет в Или. Хожуртай есть полковой командир, родом из сибо. Сибо и солоны делятся на 8 полков, а полки управляются зангями, имеющими степень синего шарика (штаб-офицер). Солоны занимают места близкие к Или, а сибо — к горам. Лучший и самый воинственный народ в империи это, конечно, они: постоянная служба и отношения с киргизами и калмыками поддерживает их дух. Годичная служба [проходит] в Тарбагатае и Кашгарии (шести городах).

Китая одному из старшин маньчжурских явился Гуань-Лоя и обещал победу. После покорения Китая маньчжуры его, как своего патрона, возвели в степень императора хуань-ди, и он есть теперь бог военных людей и защитник фанз. Кстати, о вере в Китае: в Китае веротерпимость в высшей степени. Почитает он и фо (шаманского бога) и буддийских бурханов, но все-таки под именем истинной веры разумеется философское учение конфуциево. Есть здесь любопытный бурхан — Шикья-муни (анахорет из дома Шикая). Божок наслаждается блудом: на коленях у него сидит женщина (*Ч. В.*).

*) Кауговый — очевидно от казахского слова «каута» — кожаное ведро, переносно: сыромятный.

Каждый сибо и солон обязан служить и службу начинает солдатом. По-киргизски они говорят все чрезвычайно хорошо, и многие утончены до того, что импровизируют стихи в чисто киргизском духе. Вот название 8 поселений сибо и солонов...*).

С Чупрджи мы решились вечером ехать в Или—Кульджу через степь, изрытую арыками и покрытую пашнями гаоляна, проса и кустарником илена, тополя, чия, высоким ковылем. Мы ехали мимо илийских садов в пыли и провожаемые консулом к Кульдже. От Чучкалы к горам до Сайрам-Куля, где кочуют калмыки, чохоры и торгоуты, рощи учащаются садами. При приближении к берегу Или поднимаются песчаные холмы, совершенно голые; лошади с трудом, падая, выносят ноги, и песок засыпает глаза. В этот [день] мы сделали верст 50 и въехали ночью в факторию.

Вот наглядная карта проехавшей местности**).

Русская фактория основана в Кульдже и Чугучаке в 1852 году для выгод нашей прежней***) торговли. Китайцы отвели для наших строений песчаный берег Или за Сарыбулаком, считая его невозможным для поселений. Надо отдать справедливость консулу, что он сумел из такой местности сделать то, что представляет теперь его прекрасная фактория. Фактория состоит из огромного каменного, с мезонином консульского дома, дома для секретаря и прислуг, гостиного ряда, торговых номеров, бани, разной службы, двух казарм. Все это окружено множеством стен с входами в китайском вкусе. Так как рабочие были китайцы, то невольно замечается в фактории пестрота и смешение европейского с китайским. Так, например, дом консула имеет ставни разноцветные, и на крыше сидят два страшных дракона. Крыши всех других домов глиняные в китайском вкусе, с резными желобами и украшениями. Мебель сделана из илена, в общих формах напоминающая европейский рисунок, но [в]

*) Пропуск в тексте.

**) Так в рукописи, следует читать: «... местности, которую мы проехали». Карту см. стр. 392.

***) Чтение сомнительное. Можно читать «пограничной».

Рис. 23. Маршрут Ч. Валиханова при поездке в Кульджу.

частностях, в отделке ножек заметна китайская угловатость. Чистота бросается в глаза после грязного Или, где дом цзян-цзюна есть не что иное, как калоша. Китайцы все удивляются искусству русских, и цзян-цзюн завидует заметно. При фактории есть сад,

устроенный консулом для испытания китайских огородных овощей и плодов. К несчастью, песчаный берег Или обрушивается ежегодно, и теперь до консульского дома остается 40 саженей. Жаль!

Мы приехали в Кульджу 5-го числа, 7-го имели удовольствие видеть китайских чиновников, с которыми надлежало нам иметь дело.

Туде-жень или попросту туголдай — 1-й торговый пристав, коголдай — его помощник, штаб-офицер по части снабжения войск провиантом, блюститель благочиния, число[м] 6 человек въехали в церемониальном порядке на своих кабриолетах в факторию. Нечего говорить, что неизбежный гвоздь-человек торчал перед каждой арбой и каждая арба конвоировалась двумя солдатами. Все арбы были запряжены на мулах; когда подъехали к воротам, гвоздь-человек подставил скамейку, и слепой туголдай, поддерживаемый двумя господами, сошел и, подходя к консулу, согласно китайскому выражению степенства, искривил свое лицо, выказывая зубы; это значило, что он делает физиономию радушия. Гортанные звуки — маньчжурское привествие — доходило до наших ушей. Мы стояли в мезонине и по этикету должны были представляться после. Когда чиновники уселись в зале и обнажили головы (т. е. сняли шляпы), [мы] вошли. Они живо соскочили и, покрывшись шляпою, начали подавать руки, между делом, нюхая наше здоровье. Осведомившись о здоровье государя, ...*) Г. Г. они спросили, какова дорога и сыты ли мы в настоящий час. Быть сытым означает степень нашего здоровья, ибо больной человек не имеет аппетита. Уселись по местам. Принесли чай и фрукты. Туголдай бывал у консула и потому щеголял перед нами знаниями русского языка; вместо китайского «буцо» он всегда говорил по русски «короши», а потом вынул из голенища сапогов трубку не столько для курения, ибо с чаем китайцы не курят, но для того, чтобы спросить по-русски огня. «Огню!» — закричал тонкой фистулой старичок, и, довольный сам собой, смеялся, похваливая сам себя по-рус-

*) Пропуск в тексте.

Рис. 24. Совещание Ч. Ч. Валиханова и И. И. Захарова с представителями Китайского правительства (1856). И. И. Захаров вручает туголдаю грамоту на манчжурском языке.

ски, — «хороши, хороши». Все гости начали курить, или лучше вонять: курить китайский табак — это значит курить «ассу фетиду»*). Пока мандарины пили и разделяли один кусок на два, подавая половину нам, а половину проглотив сам, я стал их осматривать.

Туголдай — худощавый старичок с подслеповатыми узкими глазами, украшенными огромными очками, с ястребиным носом. Рот у него был несколько крив, и верхняя губа имела вид треугольника, основанием которого служили концы, а вершиной — средина. На этих губах торчали несколько волосков, и острый и сухой подбородок был гладко оголен. Крошечные и замечательного сочетания синебуров[атого] цвета с кофейным зубы выглядывали из-под губ. Он не по летам жив и чрезвычайно разговорчив. Одет он в шелковый халат, опоясан черным пояском, на котором висят мешочек с табаком, веер. Коголдай бледен, голова его лишена вовсе затылка, плоска как доска,

*) Асса-фетида — Ferula assa foetida — лекарственное растение. Казахск. «сасыр»

на лицевой стороне которой приставлены глаза, нос, рот, а на другой прикреплена коса. Он как будто не успел оправиться от испуга. Глаза как-то болезненно живы, и они блуждают то направо, то налево, как глаза кошек, которыми украшались старинные стенные часы...*).

Он был студентом философии. Остальные господа имели лица удивительно глупые, недостойные внимания. Напившись наших вин, как было заметно по выражению узких глаз, не без удовольствия, почтенные мандарины после 3 х-часового визита отправились по домам. Надо сказать, что туголдай, под влиянием винных паров, декламировал стихи: На небе есть рай, на Усоле — Шанхай.

Мы проводили их до дверей.

7 число. От цзян-цзюня через дулая получили подарки. Дулай, как человек не без образования, понимающий дело, тотчас устроил процессию. Впереди шел сам с реестром подарков, написанном на красной бумаге. За ним шел китаец и держал вверх ногами на палке связанную свинью. Бедное животное так было измучено дальней дорогой и необычайной позитурой, что только похлопывало длинными ушами. Второй человек нес на руках, согнувшись, как бы великую тяжесть, горшок с пастилой, третий — корзину с плодами, четвертый — мешок рису. Процессия в этом порядке стройно вошла на крыльцо, где они были положены на показ, также по старшинству: свинья занимала первое место. [Перемышльскому] следовало непременно войти и посмотреть. Подарки китайцев стоят втридорога: нужно было их отдарить. Чиновник манджу не решился сам принять и поехал с докладом к цзян-цзюню и, пришедши от него, объявил, что цзян-цзюн и хэбэ-амбань его товарищ (китаец, если говорит цзян-цзюнь, то непременно присоединяет к нему хэбэ-амбаня, и в бумагах своих ставит рядком) готовы принять наши подарки, ибо русские и Срединное царство находятся в дружбе. При этом дулай, по обыкно-

*) 13 строк не разобрано.

вению своему, сложив два больших пальца ровно, тем выразил практически свои идею.

8 [*августа*]. Скука здесь страшная: представьте, что вы заключены в четыре стены, хотя и свободны, но не можете располагать собой, некуда идти и нечем заняться. Сегодня за обедом Иван Ильич*) рассказывал о синологах**) наших, образов. в Пекине***). Китайцы Пекин называют Бе-цин, что значит Северная столица. Архимандрит Каменский[104], живший с миссией 18...****) года, был пострижен в монахи из чиновников при отправлении миссии.

Он со дня отправления в путь вел путевой журнал, в который записал все свои впечатления, мысли, выборки из читанного и назвал его «Мешок». По возвращении своем из Пекина он отдал его в Азиатский департамент, где он покоится поныне. В этом «Мешке» было все. О[тец] К[аменский] в досужий час перевел стихами китайскую религиозную мистерию Ин-Ян, т. е. мужское и женское начала в природе, в таком роде: Ин захочет, Ян и вскочит, Ин тому рада, и им взаимная отрада.

Отец Иакинф был побочный сын М. Амвросия, который происходил из дворянской ф[амилии]*****).

Будучи 26 лет архимандритом, Иакинф вел жизнь разгульную, буйную, так что Амвросий ходатайствовал об отправлении его в Пекин, думая, что он среди дальнего народа не будет иметь возможности шалить. Известно всем, как кончилось его пекинское поприще. Лишенный сана, он попал в Волоколамский монастырь,[105] где прожил 15 лет. По ходатайству Азиатского департамента и барона Шиллинга[106] он был освобожден******) для оставления при Министерстве Иностранных дел. Отправившись с бароном Ш[иллингом] в Кяхту, он начал хлопотать о снятии с него

---

*) Захаров Иван Ильич[103].

**) Китаеведы.

***) Очевидно — «получивших образование в Пекине».

****) Пропуск в тексте.

*****) Пропуск в тексте.

******) Одно слово не разобрано Можно прочесть «прок[уром]».

рясы, чтобы сделаться светским человеком. Но упорство прокурора и сената, которые подняли опять его дело, остановили успех его намерений, и он остался при Министерстве. Отец Иакинф, по свидетельству синологов, знал хорошо китайский язык, и факты, сообщенные им, заимствованы из официальных документов Империи. Сами китайцы не имеют...*) К несчастью, отец Иакинф имел слабость впускать в текст свои мысли и догадки, не отделяя их от китайских данных. Спор его с Клапротом о восстановлении правильного чтения китайского тюгю-дулгас и тюко (тюрки). Иван Ильич обещает это разъяснить с надлежащей ясностью по возвращении в Петербург.

Отец Аввакум, говорят, — человек замечательный, прямой и честный, чуждый искательства чести и чванства. Он обладает большими знаниями и делится ими со всеми, которые обращаются к его советам. Господин Васильев**) тоже имеет сведения разнообразные и подготовил много материалов.

9-го [*августа*]. Китайский язык состоит из односложных звуков у, ау, дау, хау, мау, зау и пр. Каждый из этих звуков имеет несколько значений. Есть слова, имеющие 500 значений. Например, звук—хой, встречающийся часто в китайском разговоре, имеет 214 значений. Китайская грамота и язык — вещи отдельные, без той связи, как у нас. Каждое значение, а не звук, имеет свое письмо. Звук хой имеет 214 разных письмен, обусловливающих 214 его значений. Посему можно читать китайские книги, не зная языка.

При переводе встречаются очень часто слова, употребляемые не [в] прямом значении. Например, вы читаете правитель 10 т[ысяч] семейств. Не все китайцы постигают тонкость исторического рассказа, чтобы сказать, что это тьма народа, управляемая темником.***).

Страсть к созвучию слов существует и в Китае.

---

*) Одно слово не разобрано.

**) Речь идет об известном синологе акад. В. П. Васильеве.

***) Начальник 10000 войск.

К[алиновский]*) говорил, что он недавно читал путевой журнал какого-то китайца, ездившего в Аксу (один из семи городов Туркестанских). Он пишет: «В Юаньской истории сказано, что монголы покорили асов Кинчу (Кипчак), нет сомнения, что асы Юаньской династии, суть Аксу — один из семи городов Восточного Туркестана».

Сегодня за обедом был сом, странно, что присутствие его у нас на Или не было замечено. От Кульджи вверх он попадается, по свидетельству рыбаков китайских, очень часто.

Кстати о провизии: мясо здесь дешево — фунт скотского стоит 4 коп. сер., баранины — 5 коп. Покупают наши у хой-хой (китайские мусульмане). Китайские курицы породы, известной у нас под названием голландских кур, бывают весом до 10 ф. Известные китайские гуси**) с хрящевым красным рогом на носу, невкусны, имеют мясо грубое. Утки обыкновенные и не отличаются от наших. Из плодов здесь преимущественно разводятся персики трех пород. Один из них величиной бывают с большое яблоко, с пухом, другие же малы, кожица гладкая и цвет красноватый, третий — плоский, чрезвычайно вкусен. Его нет даже в Пекине. Первый получил свою величину от прививки, а последние вкуснее. Груши хороши: бергамоты уступают нашим. Яблок много, но нехорошие. Груши кульджинские очень вкусны и напоминают французские жюльетки. Гранаты и вишни редки. Абрикос разводится в садах и во многих местах растет дико, созревает совершенно в июле. Виноград разных пород: белый, большой продолговатый, другой же грубый, имеет цвет пурпурово-фиолетовый, и еще мелкой породы, называемой на востоке кишмиш. Есть также коринка (коринский виноград, черный, мелкий). Из огородных овощей есть здесь дыни желтые и кашгарские зеленые с ароматом. Зеленые дыни считаются лучшими (комульские), есть еще белые и так назы-

*) И. Г. Калиновский — консульский секретарь в Кульдже (1856).

**) Гусь сухонос — Cygnopsis cygnoides.

ваемые зимние. Они могут пролежать до марта — всю зиму и удобны для перевозки. Арбузы желтые и нехорошие; замечу, что от грунта почвы и красные перерождаются.

Огурцы имеют вид стручковый, но при солении изменяю вид, делаются желтыми. Китайский вьющийся картофель растет большими корневищами. Луковица сараны, род лилии или тюльпана, имеет вкус, похожий на картофель, но более нежный. В Монголии он употребляется всеми в пищу. Есть у китайцев странный плод от прививки абрикоса с жужубом*) — китайскими финиками, называемый ши-цза...**) высушенный этот плод вкусом напоминает наши винные ягоды, имеет два семени***), вроде бобов.

10-го [*августа*] был у нас китайский купец, имеющий торговлю с русскими купцами. Он говорит, конечно, с неизбежным у китайцев носовым прононсом по-русски. Он все записывал, что слышал. Кстати анекдот, слышанный мной здесь: один любознательный китаец увидел шарманку и захотел узнать, как она называется по-русски. Ему сказали — орган. Он вынул живо мазилку, мазнул по кусочку туши и написал по-русски аркан, сделавши своими каракулями объяснение, что так русский называет...****).

— Кохо вы здолов,— спрашивал он нас. Когда же мы спросили его, как чувствует он себя, он отвечал: «Молодец! Улус (русский) хоро-ши чи-ляу-вик»,— говорил он, льстя по-азиатски. Рассказывал что-то о своем императоре, но за обильными вставками слов чисто китайского словаря и по особенному способу его выражений, нельзя было понять: «Импелятол цирдзил на голофу отшик-ни ляудно! Ву-и... сказал в Или пошел...— бедный ло-хань (старик) на войни выл, ханту жил в Беджин, хорошо янзы (роду) чиляувик» и проч. Какой-то главнокомандующий за поражение от инсургентов был сослан в Или, лишен шарика, и при нас получен был указ богдыханский о

*) Ж у ж у б — (Ziziphus jujuba).
**) Не разобрано одно слово.
***) Вероятно «две семядоли».
****) Пропущено одно слово.

возвращении его назад. Китайцу понравилось, видимо, складное зеркальце, и он начал его вертеть в руке, умильно рассматривая и похваливая: «Хороши янзы! Москоу янзы...а ?» Когда же я предложил зеркальце ему, он этикетно отказывался и вместе с тем уверял меня, что у меня умное сердце. Я отвечал ему в китайском вкусе, что у него добрый желудок.

11-*числа* [*августа*]. Сегодня начались переговоры. Привезли они с собой обед, который состоял из 100 блюд. Повара привезли с собой печь и у порога резали продукты и готовили, выражая тем, что все это целое и свежо. За подобную предупредительность они получают награждения. Бог знает, что тут было: поросенок занимал первое место, каракатица и пауки, пирожки, утка, сваренная до безвкусия nec plus ultra*); все это было в излишке приправлено перцем и луком. Я был болен и не имел удовольствия участвовать на этом обеде.

О Шикья Муни: Бурхан его, хотя и в грубочувственной форме, но выражает высокую (разумеется, в будущем) идею вечного блаженства. Что есть будущее блаженство и чему оно подобно? Шикья Муни говорил на это, что блаженство это есть *ничто*, бытие не бытие, и в объяснение этой превыспренно хитрой идеи приводил причину в наглядном примере чувственного слития мужчины и женщины. В момент исхода семени мы не чувствуем, [но и] не забываемся; это—что-то безотчетное, это—бытие и небытие, это-то *ничто* есть подобие вечного рода. Бог тоже, по толкованию Шикья Муни, *ничто, бытие не бытие*. Глупцы те, которые представляют его в формах и тем ограничивают его силу. Идея о слиянии в христианстве и буддизме достойна внимания: в Александрии, где была школа философов и где изучались все религии, конечно, знали и буддизм и христианство,—бывший и воспитывавшийся в Египте мог позаимствоваться. Особенно поразительны обеты монашества и их уставы.

15 число [*августа*]. Все эти дни я страдал ужасно: болели зубы. Для испытания [я] обратился было к ки-

*) В высшей степени, в самой крайней степени *(лат.)*.

тайской медицине: из аптеки привезли какой-то белый порошок вроде золы: листья и корень какой-то пахучей травы, но помощи не было. Как я страдал! Это ужасно. Мне кажется, что нет болезни более мучительной, как эта проклятая боль зубов. Вчера ездили в город.

Начнем рассказ последовательно. Поехали мы верхом, впереди ехал урядник в качестве нашего динь-ма, гвоздь-человека. При самом выезде через речку Сарыбулак (китайцы называют ее Ша-хе-цзя) направо увидели большое здание мао-тин-цзя и налево кладбище. Нет в мире народа более неприхотливого относительно выбора последнего помещения для умерших, как китайцы. Могилы их в виде низкого конуса разбросаны повсюду: около нашей фактории, на улицах, на берегу, под мостом, словом — везде. А для кладбища отведено место, окружено большой стеной и двумя разукрашенными вратами. Мусульмане в этом отношении представляют диаметрально противоположный контраст китайцам. Никто столько не заботится о великолепии могил, как они. Приятно смотреть на мусульманское кладбище и на памятники, красиво отделанные, испещренные надписями из корана, на луну и чалму, украшающую их. Все это в зелени, кладбище — это сад. Оттого-то на востоке местом прогулок служат кладбища. Не помню, как мы въехали в улицу. Улица была узка, тесна и грязна. Направо и налево были стены, в которых местами стояли открытые ворота, в перспективе которых виднелся двор, дом с неизбежным навесом, под ним с сморщенным, оливкового цвета лицом сидела китаянка, курила трубку, и у ней волосы были убраны назад, и у ней были шпильки. От страшной духоты не было возможности ехать. Казак повернул на главную улицу. Улица эта сравнительно была шире других. Направо виднелись зубчатые стены крепости с бойницами вроде наших китайских беседок, налево она составлялась задними стенами китайских домов. Окна многоклетчатые, расположенные безо всякой симметрии, бросались в глаза. Под стенами домов шел ров, наваленный сором и навозом... Наконец въезжаем на базар.

Базар китайский не есть площадь, как у нас, это — улица с той разницею от улиц обыкновенных, что здесь передний фасад домов смотрит на улицу, а там задний. Словом это огромная улица с лавками или навесами по обеим сторонам. Посредине улицы во всю ее длину сделано возвышение шириной для одной телеги и около проведены перила. При самом входе в улицу под навесом одного дома стояло на короткой привязи несколько лошаков и лошадей. От нетерпения бедные животные грызли дерево, на которое были положены их головы, топали ногами и, увидевши нас, или лучше наших лошадей,— праздные мулатры*) из дома толстокожих подняли дружный крик. Китайцы кормят лошадей в день только два раза, дают одну меру малую, а все остальное время они стоят на привязи с поднятыми высоко головами. Удивительно тонко воспитаны эти лошади и без ведения в принципах 10-тысяч церемоний: tel maître — tel valet**). Гортанные крики разносчиков, мелких торговцев, скрип телег, топот коней, бубенчики и пронзительный звон колокольцев — все это сливалось в один дикий и шумный гул. Пестрота была ужасна. Под навесами домов были лавки с мелочью, с готовым платьем; огромные флаги, вроде наших церковных хоругвей, развевались над некоторыми лавками. В качестве вывесок на одной из [них] был изображен страшный по величине сапог с белой подошвой, возле стояли тоже рисованные синие надраги, как называл их Петр Петрович***), род чулок выше колен. Перед лавками сидели еще торговцы: на столах стояли корзины, полные винограда разных сортов, синего, белого, яблоки невкусные, груши, абрикосы и персики громоздились также на корзинах. Арбузы, огурцы, длинные, тонкие безобразные извивались уродливо, точно исполинского размера бобовый стручок; дыни довольно вкусные, — все это было положено горой. Торговец сидел под огромным зонтом, в острой

*) Мулатр — помесь лошади с ослом.
**) «Каков господин, таков и слуга» *(франц.)*.
***) Семенов-Тян-Шанский.

своей шляпе и, что называется, казал товар свой лицом. Несколько спелых арбузов и дыней были разрезаны и стояли на виду — хозяин беспрестанно помахивал над ними веером из конского хвоста. Над ним стоял огромный зонт, укрепленный на жердях в три сажени длины, и, смотря по течению солнца, он склонялся все косо и косо*). Под навесом в рядах стояли столы, заваленные кругом разными мелочами: китайские трубочки, кисеты, чубуки, табаки, веера, разные бляхи, зеркала и другие мелочи. Вокруг их все кипело народом. Сколько было тут разнообразных лиц, сколько одежд! Сидел тут под навесом купец в курме и сером длинном халате, и был тут и андижанец — так называют здесь всех среднеазиатских азиатцев в чалме—с круглой, черной, как воронье крыло, бородой и с правильным лицом. Чанту-кашгарец в белой рубахе и в одном аракчине угрюмо смотрел из-под насупленных бровей. Глаза у него были темные, нос у него был изогнут так, точно дамасская сабля. Оборванный таранчи, земледелец из мусульман, выселенный в эти провинции для службы китайским чиновникам, для возделывания им земли, с наслаждением сосал только что купленный арбуз. Он был черен, как негр, а зубы у него белы, как жемчуг. Маньчжур с жирными заспанными глазами; храбрый китаец, сосланный из южных губерний, с узкими глазами, с плоским носом, с черными и...*) зубами, в белой короткой рубахе, засаленной до того, что казалась она лощеной клеенкой; кривоногий калмык в меховой рысьей шапке и стянутым поясом — все мелькало тут, все шли куда-то, у всех на лицах забота, все как-будто заняты, в руках у всех звонят китайские монеты — ярмаки, нанизанные на нитку, и тряслись точно наша колбаса. И все это курит, все смеются и приветствуют. Манджур меняется трубкой со своим родовичем и говорит ему: ганзафина, акху. Китаец, как скворец, работает горлом и глотает звуки. Менду!— кричат калмыки. Явление наше произвело не мало движения: все заговорили.— Улус!

*) Так в оригинале.
**) Одно слово не разобрано.

Улус! — слышалось всюду и пошли толки и разборы, как странно одеваются варвары. Особенно понравилось мне замечание одного *чампаня*, каторжного, который, увидевши металлические пуговицы форменного сюртука, заметил своему товарищу: посмотри, говорит он, сколько на русском лое (господине) ярмаков. Часто сталкивались мы на своей узкой плетенке*) с колымагами, в которых сидели дамы. Узкоглазые дщери Поднебесной Империи были разукрашены и ужасно набелены: кокетливо водили своими глазками и нежно помахивали веером, или же некоторые, вероятно, из цеха тех красавиц, которые известны в Китае под названием разрушительниц городов, вдруг начинали хохотать и так сильно, что цветы, венчающие их головки, колыхались и падали — как бы сильным ветром сорванные с корней.

Доехали мы наконец до гостиного дома, где нам нужно было купить кое-что: гостиные дворы устроены тут же. Направо и налево вы видите во все протяжение крылец двери — это входы в гостиные дворы. Вошли в узкий двор, убранный кирпичом. Несколько оседланных лошадей стояли тут же на привязи. Очень красивы на вид эти дворы, но только нечистоты**) и имеют свой запах. Широкие узорчатые окна, разукрашенные карнизы, огромные двери, разные надписи, пестрота и легкость всего ensembl'a***) производят приятное впечатление. Тростниковые двери особенно красиво подняты и пропускают свежий воздух: матовая бумага, заменяющая стекла, дает тоже какой-то мягкий и приятный для глаз отсвет. Хозяин встретил нас у дверей и просил садиться. Внутри магазины их довольно чисты. На стенах стояли зеркала, картины с изображением какого-то старого мандарина с длинными донельзя усами и бородой. Висели также длинные свитки с маньчжурскими надписями. В другом месте висели трубки, мохнатки****). На гвоздях висели счетные книги. Впереди был устроен нар, на котором валя-

*) Чтение сомнительное.

**) Так в рукописи. Вероятно — нечисты.

***) Ансамбль, целое, совокупность (*франц.*).

****) Мохнатка — шапка шерстью наружу.

лась постель — кошомка, коврик и грязная подушка. Перед наром стол, в средине которого утвержден медный таз с углем,— это заменяет печь. На очаге*) этом стоял китайский медный кувшин с чаем. На другом столе стояла чашка с табаком. Направо от дверей был длинный стол, как у нас в лавках, за столом были котлы, старательно закрытые занавеской. На этом столе лежали китайские счеты, на которых они действуют с неподражаемой скоростью. Говорят, что они на счетах своих делают все четыре правила арифметики. Над столом была перекинута жердь с ножницами и перламутровым ножом для разреза бумаги, в которую завернуты вещи. Мы уселись частью на нарах, частью на уродливых креслах. Подали чай с леденцом. Все вещи, которые мы просили, они вытащили из-за драпри**). Оказалось, что у них решительно нет ничего. Вследствие внутренних беспокойств и бунта обеднели. Между тем хозяин стал нас просить дойти к нему в другую половину и выпить чаю: мы согласились — любопытно посмотреть на китайское угощение. Мы вошли в другую половину, менее нарядную — это было его жилье. На низком столе, что на нарах, были уставлены чашки с разными фруктами и овощами, подали трубки, кальян***) и чай. В жилье видно было более беспорядочности, следы постоянного пребывания отразились на нем особой атмосферой и особой неурядицей: засаленные аракчины, кисеты****), трубки, курмы*****) висели в беспорядке. Хозяин был очень внимателен; беспрестанно подливал чаю, просил нас, чтобы принатужиться. «Хе! Хе! Пей, — говорил он, указывая на чай, — зи! — и указывал на арбуз. В числе фруктов поставил он китайских фиников — жужубу, род орехов, внутри которого есть семя с мясом. Орехи эти, называемые ли-чжи, двух родов: одни мужского рода, коричневые с призматической шишкой и называются собственно

*) Можно читать: «На огне».
**) Занавески.
***) Прибор для курения табака.
****) Чтение предположительное.
*****) К у р м а — китайская верхняя одежда.

ли-чжи (Liri chini), другие желто-табачного цвета и гладкие, называются драконовый глаз (лунь...)*).

Хозяин был до того радушен и гостеприимен, что просил нас у него обедать и хотел послать за «разрушительницами городов». Без этих нимф в Китае не обходится ни один обед. Они поют песни, играют на трехструнной лютне, а главное — своим влиянием поддерживают веселость компании. Вы не хотите есть — она начинает вас просить, обвивает вашу голову, говорит нежно и музыкально. Кто же может противостоять этим красавицам. Они затевают игру, и проигравший ее должен непременно пить вино. Как ни заманчива была для нас новизна подобного обеда, но мы отказались: нам нужно было на этот раз осмотреть базар. Между тем пришел какой-то разбитной господин с живыми манерами, в очках, говорил много и сильно, смеялся непринужденно и делал, смотря на нас и указывая на нас, какие-то замечания, должно быть очень юмористического свойства, ибо все присутствующие заливались общим смехом. Остряк уподоблял кого-то из нас англичанам, которых он видел в Кантоне, и сказал, что у него на голове огонь. Видно было, что это столичный франт, щеголяющий перед губернской сволочью. В других магазинах было то же, с малым отличием только в комфорте. В магазине фарфоровых вещей мы попали в общество таких нахалов, которые бесцеремонно дергали, щупали нас и заглядывали в лицо так близко, что спиртуозная атмосфера рта с прибавкою лучного запаха била в вас, как отрыжка шампанского. Особенно надоедал один сухопарый господин из провинции Киан-си. На нем была короткая белая рубашка выше пояса, тонкие ноги его были обтянуты в узкие надраги так искусно, что сзади исподние его висели хвостом, как длинный курдюк отощавшего крымского барана.

Наконец мы предприняли обратный ход восвояси и выбрали улицу Ашбузумов, как называется здесь она на смешанном языке китайско-татарском от татарского слова аш — обед и китайского — фузул. Такие

*) Пропуск в тексте.

смешения здесь встречаются часто. От китайцев услышите нередко худа джен-де — бог даст, бог поможет. Слово худай они позаимствовали от мусульман. При самом въезде в эту часть города нас поразил далекий шум, гул и жаркий удушливый запах кушаньев.

Вся улица обставлена домами, которые со стороны улицы не имеют стен и открыты. Народу здесь было как в муравейнике, кишмя кишели, как говорил мой учитель татарского языка[107].

Здесь был весь город, исключая из этого числа манджуров-чиновников. Замечательно: китайцы живут, как римская чернь, площадной, уличной жизнью, он с утра до вечера бьется на базаре, там он обедает на ярмак сытно и там же спит. Если бы не эта дешевизна и не эта доступность, то нет никакого сомнения, что все оборванцы и бедняки, которыми так обилен Китай, вымерли бы давно от голода. Народу тысячи, и все это народ рабочий, дельный, трудолюбивый, но что же делать? — Нет работы. Сколько рабочих рук пропадает даром! Сколько полезного народа. Труд здесь ставится в ничто. Китаец за 100 рублей складывает каменный дом, который бы стоил у нас 300 рублей. Вот до чего не ценят они труд и время. У вас избилась посудина, вы бросаете, ибо она не способна ни на что. Нет, китаец, возьмет, отдаст починить. Мне случалось видеть маленькую полоскательную чашечку, на которой было 150 мелких металлических скобок — на это нужно было непременно труда несколько дней. Это стоит ему несколько грошей. У нас за такую работу, конечно, никто бы не взялся и задаром, впрочем, никто бы не отдал, ибо чашка эта сама по себе стоит 20 коп.

Лето для китайца рай: он может ходить голый и спать где ему угодно, тень садов представляет ему прекрасный ночлег; но зимою он страдает сильно: здесь не то, что в Китае*) — стужи и бураны свирепствуют сильно, и всегда после них несколько хохлатых голов торчат из-под снега и лежат так до лета, пока

*) Имеется в виду Кульджинский район по отношению к Центральному Китаю.

обнаженный труп не бросят в Или, и[ли не] зароет тут же полиция. Вот оттого тут беспорядок, в каком встречаются могилы.

Обратимся к нашему рассказу. Под навесом этих домов устроены лавки*), и на них сидят тысячи человек и обедают. Несколько поваров, как угорелые, вертятся около котла, жарят, парят, кипятят. Около средины улицы, близ подмостков под зонтами тоже устроены рестораны: стоит очаг, и на нем варится суп с вермишелью, жарится свинья; рис, приготовленный кашей, стоит на блюдах — это делается для проезжающих и для соблазну их глаз. Действительно, эти рестораны так близки [к] дороге, что вам остается только протянуть руку, чтобы получить хорошую порцию супу, заправленного до чрезмерности луком и перцем. На нас это имело другое влияние — не было возможности дохнуть от горячих паров супа, от жару очагов, а главное—от запаха китайского чеснока. Красные, как бураки, морковь, бобы, горох, арбузы, огурцы предлагаются тоже к вашим услугам. Мусульмане — китайцы хой-хой**) имеют свою кухню и кормят мясом чистых животных своих собратьев и приезжих мусульман. Их гостиницы имеют более порядку — по крайней мере здесь нет того облака дыму от вонючего китайского табаку, как там. Наконец мы обрадовались отменно, когда выехали из этой кучи народа, из вавилонского смешения языков. На обыкновенных улицах совершенно нет народу, только женщины бредут уточкой на своих копытцах и дети бегают взапуски. Мальчики и девицы китайские очень хороши в молодости.

Улицы эти представляли нам немало затруднений. Весь сор со дворов был выброшен и сложен на улицу, так что в некоторых местах он достигал довольно большой степени развития, и нам нужно было пробираться через него осторожно. Лошади то и дело оступались в этот рыхлый навоз. Столько впечатлений

*) В значении «скамейки».

**) Под словом «хой-хой» понимаются китайские мусульмане — уйгуры и дунгане. См. текст несколько ниже.

Рис. 25. Китайская чайхана в Кульдже.

новых, но нельзя сказать приятных, вывезли мы в первый свой визит внутрь города.

На дороге при возвращении попались нам уже все наряды семейства таранчи. Черный чанту*) ехал с дражайшей своей половиной, не менее его черной. Дочь недурна лицом, но также смуглая и слишком объемистая или, как говорят сами чанту, слишком красивая, бойко сидела на коне, закрывая и заполняя собой все существо его, кроме головы и хвоста. На Ануше был пестрый халат с прямой широкой на груди тесьмою, как на в[е]нгр[ах] **) шнуры, под ним был короткий жилет вроде курмы и также с тремя шнурами. Голова красавицы была обернута в ситцевый платок.

18-е [*августа*]. На днях было 2 [ое] совещание. Удивительно хитрый народ «китаны». Слово мандарин дано португальцами: трудно узнать, от какого китайского слова взято. У китайцев, как на сословия, весь народ разделяется на мин и чен. Мин — это чернь, а чен — все служащие, собственно оно значит— слуга царя. Кстати: от чего происходит русский чиновник? Одни говорят от церковного *чиновник* (мальчик, читающий перед архиереем), что означает обрядчик, урядчик. Другие же производят его от китайского чен.

Или, или, как называют мусульмане, Кульджа, по официальным актам китайцев есть главный город Илийской провинции. Здесь сосредоточено все управление Западного Края, т.е. провинций Тарбагатая, Или и семи городов***).

Цзянь-цзюнь есть вице-король или генерал-губернатор края и главный начальник всех войск, здесь расположенных. Хебе-анбя****) есть его товарищ и советник. Тарбагатаем управляет губернатор. В Или есть, кроме китайских властей, и туземные чины —

*) «Чалмоносец». Объяснение см. у Ч. В. в «Описании Алтышара».

**) Мож. быть — «на в[е]нг[е]р[ках]» — род куртки или кителя с поперечными шнурами в некоторых кавалерийских полках.

***) Под словом «Семи городов» имеются в виду города турфанского оазиса.

****) Вернее хебе-амбань.

хаким-беки. В мусульманском городе Старая Кульджа есть хаким-бек, в Урумчи — тоже, в Куруме — тоже. Семь туркестанских городов управляются своими хаким-беками, один из них имеет достоинство вана. Он происходит от того Исхака...*), который помогал китайцам при убиении Джангира. Торгоутские тайши управляются через китайского пристава, но один из них имеет тоже наследственный титул вана и свои права. Под председательством цзянь-цзюня состоит главное илийское правление, и торговые дворы под председательством приставов.

Народонаселение Или составляют: туземные мусульмане, кашгарцы и таранчи. В городах живут маньчжу — чиновники и китайцы. Сибо-солоны составляют военное население. Около Сайрамкуля кочуют калмыки из рода чахар, а на Текесе роды из колена ölет. Мусульманские поселения здесь основаны еще во времена джунгаров для снабжения их хлебом. Первое поселение есть Кульджа Старая. Сибо-солоны — переселенцы из Маньчжурии. Солоны — народ родственный с дахурами**) из пограничной линии из округа Сахалян-ола, суть смесь маньчжуров с дахурами, а сибо—среднее между собственно маньчжур и солонами. Они переселены сюда со времени завоевания края.

Таранчи***) (что по-маньчжурски значит пахарь) суть крестьяне, переселенные из Восточного Туркестана****). Они обязаны заниматься хлебопашеством, снабжать им войско. Материалы для этого они получают из казны: соху, плуг, быка. Ужасно положение этих бедняков. Калмыки считаются в военной службе и состоят при пикетах пограничных в качестве табунщиков по 10 человек.

Китайцы илийские — или купцы, поселившиеся для торговли, или мастеровые, пришедшие на время, или же ссыльные. Последние под названием шамбань населяют многие деревни, обрабатывают рудники, со-

*)Одно слово не разобрано.
**)Также и дауры.
***)Таранчи — одно из названий уйгуров Вост. Туркестана.
****)В данном случае из Кашгарии.

стоят при городах для работ. Это народ отчаянный, буйный, люди, ничем не дорожащие, для которых, что называется, жизнь-копейка. Несколько раз шамбань производили бунты, называемые здесь по-азиатски джанджал*). В прошлую зиму в Кульдже произошло восстание, но маньчжуры, предуведомленные прежде, начали преследование и избили их несколько тысяч. Половину перевешали, часть потопили в реке, часть же их убежала на юг, к границе с Киргизской степью к горе Калкану и, говорят, укрываются там до сих пор. Между китайцами есть мусульмане, называемые хой-хой. Это потомки тюрков, переселенных в Китай еще за три столетия. Они утратили свою народность, носят китайское платье, косу, говорят по-китайски, но имеют свои мечети и содержат намаз. Мечеть построена как китайская кумирня, и китайская надпись глаголет, что это храм божий. У них свои муллы, называемые *ахун*. Бога вместо аллах они в своем разговоре называют *фоя*, а Мухамеда — *Мемети*.

В китайской истории под именем хой-ху, хой-хор, хой-хой известен народ чужеземный, давший династию Хой-хор и впоследствии занявший нынешний Восточный Туркестан. В восточных источниках народ этот известен под именем уйгуров. Нынешние жители семи городов называются китайцами *чанту* (чалмоносец) буквально — обернутая голова — говорят наречием тюркского языка, который назван Клапротом уйгурским**). Действительно, язык этот, хотя и тюркского корня, но отличен от его известных диалектов. Он имеет в себе много слов монгольских и много таких, которые по однозвучию напоминают тибетский. В грамматических изменениях и в произношении слов много различия. Язык дикокаменных киргиз есть его отрасль.

Уйгуры были мусульмане еще при Чингис-хане, имели тогда еще свое письмо и, как народ более образованный, употреблялись монголами для письмо-

*) Джанджал — скандал, ссора, распря.
**) Клапрот составил словарь этого языка (*Ч. В.*).

водства. Образцов древнемонгольского письма, известного под именем уйгурского, я не нашел, несмотря на все мои усилия. Китайцы, имея в соседстве уйгуров-мусульман, название их обратили в значение мусульманина, но впрочем отличают некоторые народы по именам. Всех среднеазиатцев называют андижанцами*). Османов — хункар, знают русских — улус, монголов—тойцзы, киргизов—хасаков и дикокаменных киргиз — бурутов ставят в ничто, как презреннейших варваров.

Лошади в Китае большую часть дня стоят на привязи под навесом дома. Они привязываются так, что голова лежит на брусе и держится всегда поднято,— это делается для приучения лошади держать [голову] хорошо[108]. В день два раза кормятся мусуем (Linaria). По свидетельству китайских историков, семена этой травы и вся порода были вывезены из Ферганы в царствование дома Хань — около 100 л. до Р. Х.

20 августа. Странное явление. Сегодня купили для обеда черную курицу. Суп от нее вышел черный, и кости птицы покрыты черной пеленой. Ив[ан] Ильич**) рассказывает, что действительно здесь замечено, что черные курицы имеют *даже и мясо* черное, грубое и невкусное. В Китае продают птиц, всегда зарезав и ощипав, потому что раз отощавшая курица в продолжение года не может вполне отжиреть. Свиньи китайские все вообще черны и бывают удивительно жирны. Есть такие скоты, которые волочат сосцы по земле. Китайцы удивляются и не верят, что есть свиньи другого цвета. Мясо этого животного они очень любят. В продаже отличают они кнутовое и тележье мясо. Последнее отменно вкусное и напоминает кабанов.

21 [*августа*]. На Востоке Китай известен под названием *Чин* — под испорченным названием первого монархического императорского дома Цинь, царствовавшего 221—206 до Р. Х., родоначальником которого был Цинь-Ши-Хуан [-ди]. Дом Цинь во втором колене

*) Андижан — город в Кокандском ханстве. (*Ч. В.*).
**) И. И. Захаров.

погиб от внутренних междуусобий. Сами же китайцы не имеют общего для своей империи названия и называются по династиям, как всех других народов называют по имени сильных родов и отдельных ханов. Впрочем для отличия от маньчжур они называются *Хань*. Хань была вторая историческая династия 206 до Р. Х. по 25 г. по Р. Х[109]. Основателем ее был деревенский староста Бак-Лю-гаоди. Хань значит млечный путь, то же, что маньчжурские сунгоры. Одно имя для империи, употреблявшееся всегда, есть Джунго — Срединная и Небесная, Тянь-Сянь. За беспорядочное управление дом Цинь подвергнулся поношению истории, но несмотря на это, как основатель прочности империи, родоначальник цинский почтен жертвой. В просторечии для отличия китаицев называют минг — чернь и маньчжуров...*) знамя. Каждый маньчжур принадлежит знамени.

В историческом повествовании китайцев замечательны разные выражения, характеризующие пустую формальность и рутину. В прагматической истории *Ган-Му* относительно китайцев и варваров одно и то же слово имеет разное значение. О смерти царствующего государя говорят *бын* — треснул, подразумевая, что треснула гора для принятия его праха; о князьях китайских говорится *дзу — преставился*. О иностранцах и вообще об умерших — *сы-ле*, что значит относительно человека — умер, скота — издох и пр.

Восточный Туркестан издавна, еще до Р. Х, известен китайцам: он состоял из городов, которые имели своего владетеля. К какой породе [относилось] и каким языком говорило это первоначальное население — неизвестно. Потом он принадлежал к Согдиане[110], которой столица была в Туркестане. О Бишбалыке, которое китайцы называют биши-бали, существует толкование, которое принимает слово *бали* за *бель*—хребет и потому доказывает, что «бишь-бель»—пять переездов, означающее пять переходов через горы. О происхождении слова Алтышаар — шесть городов — китайцы не говорят ничего положительно. Что за народы, известные у китай-

*) Пропуск в тексте.

цев под именем тюгу (дулу), жужань-юечжи. Кара-Хитай восточный, есть, по мнению некоторых синологов, дом Кидань, а алтын-ханы китайские дом *Жочжю*. Под именем *юечжей* разумеют они, как уверяет Иван Ильич, гетов, массагетов[111].

Замечательно, что в китайских источниках до Р. Х., говоря о каком-то народе, сказано, что они служили *ногаям*. Нужно справиться у отца Иакинфа (О народах Средней Азии)[112].

Кстати, об этой книге: она написана бог знает как, идеи и предположения автора идут заодно с подлинными, а что за невежество в гипотезах — противоречие и себе и данным. Иван Ильич уверяет, что ошибка главная при составлении состоит собственно в программе и в выборе источников. Об этом предмете существует летопись какого-то...*). Алень, замечательная по последовательности изложения. У консула есть Сананг-сэцэн**) в китайском переводе. Не другой ли то список?

22 [*августа*]. В Китае хлеб белее, нежели у нас, это зависит от того, что они при молотьбе вымачивают [зерно] водой. Действительно, подобный способ приготовления муки дает белизну, но испеченный хлеб скоро черствеет. Во внутренних губерниях присоединяют для белизны кукурузу. Китайцы имеют мельницы, движение жернова производится конской силой — запрягают двух или трех лошаков. Водяные мельницы попадаются нередко, но и устроены так, что оборот жернова, соответствующий оборотам крыла, [равен] шести колесным...***).

Молотят хлеб китайцы несколько иначе: они мнут его каменным цилиндрическим вальком, запрягая [в] него вола или лошадь. Во внутреннем Китае для молочения снимают только верх колосьев, чтобы не оставались даром зерна. Солому снимают отдельно и употребляют на покрытие крыш, делают циновки, шляпы и пр.

Китай своей площадной жизнью, своей языческой

*) Пропущено одно слово.

**) Сананг-сэцэн — монгольская летопись эпохи Чингис-хана.

***) Пропуск в рукописи.

философией и эгоистическим себялюбием и, наконец, дряхлостью и слабостью своих внутренних сил и осторожной уклончивой политикой вне совершенно напоминает древний Рим в период перед его падением. Читаешь историю Китая, и сходство делается еще поразительнее. Варвары теснят Китай. Китай не может противиться и прибегает к [хитрости], свойственной бессильным,— задабривает дарами, платит им дань и гордо называет его жалованием, принимает в службу, одних выставляет против других и льстит их тщеславию, награждая достоинством князей, ванов, гунов, как Рим раздавал титул патрициев. Платит еще позорнейшую дань — княжен, подобно тому, как византийские императоры выдавали своих княжен за русского Владимира, за варвара — монгола Ногая, брата Берке, и потом в виде величайшего счастия — за турецких султанов. Удивительно то, что держит и крепит Китай: в том смысле, как Рим, он не раз делался добычей инородцев, но он падал только в лице династии, а Китай, как государство, стояло. Варвары приходили, завоевывали Китай — и сами делались китайцами, так сильно влияние китайской цивилизации. Отчего образованный Рим не мог подчинить своему влиянию варваров? Рим был уже разрушен, разрушен христианством, которое не могло вкорениться в римлян, но тем не менее успело уже повергнуть язычество. Римляне были без веры, следовательно — без путеводителя. Не варвары, а христианство разрушило этот железный колосс древнего мира.

В Китае было совершенно другое. Здесь вера играет второстепенное значение. Вера может быть у всякого своя. Вот отчего варварам нельзя было не уважать китайскую цивилизацию, ибо им не было причины их *ненавидеть и презирать*. Народы, покорявшие Китай, были сами веротерпимы. В Европе германцы, как все новокрещенцы, предались новой вере с жаром, с фанатизмом и, видя развратный и безверный народ римский, глубоко возмущались душой, презирали; все римское и языческое образование, несогласное с духом христианства, должно было непременно пасть. Германцы были сами причиною падения, чтобы со

временем быть причиной их возрождения, только в другой одежде, под влиянием другого путеводителя — креста. Если бы Китай был покорен народом мусульманским или христианским, он пал бы, и вся эта всемирная глубокая его образованность или уничтожилась бы без следов, или же пошла бы вперед, сделавшись только средством к новому возрождению.

Я заговорился слишком. Обратимся к тому, что именно хотел сказать. Травля животных и дичи занимают и китайцев. Императорская охота, описанная Марко Поло, показывает все утонченне их. Петушьи бои, травля кошек и проч. ведет за собой огромные пари — это азартная игра. В числе драчунов замечательны *сверчки полевые*. Кроме драки, они знаменуют счастие, если в первый день нового года встретят своей песней. Так как насекомое это принадлежит к разряду однолетних, то и существуют в Китае особые мастера, которых ремесло состоит в воспитании до нового года сверчка. Путем тяжелого и многолетнего опыта достигнут в Китае способ продолжать жизнь этих насекомых. Микробиологи в этом отношении сделали в Китае удивительный шаг. В новый год непременно должен являться придворный воспитатель сверчков, имея под пазухой в особой коробочке из тыквы это насекомое, и заставить петь хвалу императору. Покойный император удивительно любил этих сверчков и всегда при себе имел коробочку со сверчком счастья. Вообще воспитание птиц и зверей находится в Китае на высшей точке развития: есть маленькие породы птичек, вроде воробья, которые, не будучи телом велики, обладают удивительно духом, и одна из них, пущенная в стадо воробьев, причиняет им такой же урон, как знаменитый рыцарь *Гуань-лоя* один разбивал несметные полчища врагов. Мал золотник, да дорог!

23 [августа]. Сегодня было третье заседание. Шумели и пили чай. Некоторые почтенные мандарины так интересовались делом, что со'ли за лучшее дремать. В Китае...*) свои понятия о вежливости.

У консула есть генеральная карта империи, состав-

*) Небольшой пропуск в рукописи.

ленная в Пекине. Отделка ее очень чиста. Главные реки окрашены темно-синей краской, второстепенные, впадающие — зеленой. Горы рисуются в профиле конусами. Две главные реки Китая — Хуанхе и Янцзыцзян, называемые китайцами *жилами* государства, рельефно выставляются на первом плане. Есть у него также атлас Западного края, т. е. Джунгарии, Тарбагатая и Восточного Туркестана. Территория внешняя ограничивается Балхашом и Иссык-Кулем, который назван Тэмэрту-нор и Тус-Кул. Г[осподин] Девис (China during the war and since the peace etc...) о китайских картах говорит: «Китай был топографически снят иезуитами, на основании тригонометрических начал (?) с такой точностью, что за исключением английских владений Индии, ни одной части Азии не имеется такой точной съемки, как Срединная Империя».

В Западном Крае глава буддийского духовенства есть *хамба* в значении хутухты[113]. Он живет в...*) в 15 верстах от Кульджи. В Монголии, в Тибете считается до 72 хутухты, по числу учеников Шикья Муни, которых они и есть преемники или лучше в строгом смысле — возрождение, *кубилган*. *Хутухту* значит всесовершенный. Ургинский хутухту в священной буддийской иерархии есть лицо высокое. Далай-Лама[114] в приезд его в Тибет для обучения священным книгам служит вершником. Западный Тибет имеет своего хутухту с *титулом — банчжан-эрдэн***. Так как хутухту, подобно далай-ламе, есть суть возрождения не нисходящее апостолов буддизма***), то избрание его подобно, как и далай-ламы. Китайское правительство сделало это предметом своих политических видов, а чиновники—средством для добывания денег. Правительство для поддержки своей старается поставлять в эти места людей более преданных, преимущественно из Кама****) (страна, лежащая между Тибетом и Ки-

*) Пропущено одно слово.

**) Т. е. панчэн-эрден—один из духовных глав буддизма в Тибете.

***) Так в рукописи.

****) Очевидно, нынешний Сикан.

таем) или же ставят людей ничтожных, глупых. Во всяком случае, старается разными средствами, не разбирая их качества, ограничивать их умственное развитие. Эти живые боги бывают окружены женщинами, и, предавшись страсти, делаются жертвами ее последствий. Чиновники же при выборе кандидатов успевают от богатых домов набрать поболее вещественных доказательств, а потом решают жребием. Политика Поднебесной империи старается об одном, чтобы дети монгольских ханов не избирались в эти звания, а в случаях противных — сильно противится. Вообще старанием и родительским попечением Сына неба — тибетский далай-лама [и] хутухты недолговечны, между тем, как их собрат банчэн-эрдэн, страна которого подчинена Империи только номинально, живет уже 80 лет. Власть Китая в Тибете только наружна. У нас у бурятов есть хамбу и ламы и своя консистория. Они тоже хотели иметь хутухту, но им *отсоветовали.*

Откуда происходит слово *урга*, название ставок монгольских князьков? Местопребывание хутухты носит это нарицательное имя, как имя собственное, неделимое. Маньчжуры его называют *курень**) от чего происходит и китайское *кулюнь*. В Китайской истории то, что известно у восточных историков и называется теперь кочевниками ордой,— ханская ставка. В тесном смысле его юрта называется *тинь-чжан*, становище.

25-е [*августа*]. Вчера я ездил за город: нет возможности дышать городским воздухом китайских городов. Кроме пыли, решительно нечем питать себя. Для прогулки я, по совету консула, избрал шалаш рыбака, в 15 верстах от города на берегу Или. Ехали мы по береговым песчаным дюнам, внизу расстилался зеленый роскошный ковер илийских лугов. На дороге встретили двух китайцев-охотников. Браконьеры имели длинные и тонкие фитильные ружья с маленьким, загнутым вниз прикладом и двух гусей и одного фазана в тороках, как трофеи охоты [?]. Один из них предложил купить ружья и запросил около 150 рублей на наши деньги, уверяя, что он не запрашивает. Другой

*) Ставка, стоянка, стан, становище. См. также сноску, стр. 184.

хотел, для меня только, продать пороховницу, грубо сделанную из верблюжьей кожи, и просил 6 рублей серебром. За ружья я дал 15 ланов ярмаками, а [за] пороховницу 1 лан. Китайцы странно завертели головой, испустив звук отрицания э! и уехали.

Мой товарищ по экскурсии, консульский секретарь, несколько раз подкрадывался с ружьем и всякий раз выстреливал бог знает куда. Наконец вступили на берег Или в луга. Что за свежесть сравнительно с голыми песками, на которых стоит город и по которым мы ехали. В песках нет ни капли растительности, кроме голых и тощих кустов *юзгеня,* какого-то колючего растения вроде чертополоха, стебель которого китайцы употребляют как лекарство.

А тут, в лугах, только что спустились на иловато влажный грунт, как буквально утонули в высокой траве. Камыши, в которых, по уверению Б., укрываются тысячи фазанов, осока, молочай, что-то вроде астры, высоко росли, доходя до колен всадника. Осолодка*), мальва, китайская конопля, мелкий кипец покрывали землю так густо, как борода кашгарского муллы. На этих-то пажитях паслись маньчжурские стада, между тем как конюхи лежали под тенью огромного вяза. Наконец [мы] добрались до хижины мужика. С. распорядился устроить бивак в живой беседке развесистых джигдовника и илена. Хижины китайских рыбаков столько разнятся от хижин русских рыбаков, как узкоглазая его физиономия с несколькими клочками волос на бороде от косматой и огромной головы русского мужика. Хижина была выбита из сырого кирпича с крышей, перед ней был устроен неизбежный навес. Над дверями и около навеса висели камышовые шторы. Множество корзин больших и малых, разнофигурных валялись всюду. Жалкая таратайка с двумя огромными колесами довершала картину. Так [как] мужика не было в хижине, мы имели в виду застать его на реке [и] отправились далее. Вдруг встречаем на берегу еще хижину, которой не было прежде, как говорит К[алиновский].

*) Т. е. солодка.

Перед шалашом бегал жирный мальчуган с торчащими рожками волос*) на двух висках. Чтобы узнать о рыбаках и, главное, чтобы посмотреть на хозяйку, мы завернули в шалаш. Около дверей спиной к нам сидела китаянка, и по движению локтей очевидно было, что она чем-то занималась. Она не обратила никакого внимания на наш приход, не удостоила ответом С., который осведомился, где рыбаки, и продолжала свое дело с невозмутимым хладнокровием, как будто бы никого не было. С. повторил свой вопрос и прибавил, кажется, какое-то нравоучение, что неприлично-де так встречать гостей. Китаянка вдруг обратилась к нам, странно замахала руками и начала что-то кричать, употребляя с особенным ударением слова «мамаде пфи»[?]**). Мы были так озадачены этой выходкой рыбачки, что, говоря по восточному, положили все упования на аллаха и терпеливо стали дожидаться, когда стихнет буря. Рыбачка была недурна собой и, главное, имела такие крошечные ножки, что обуянное гневом ее тело чуть-чуть держалось на этих слабых поддержках. Я не мог удержаться от смеха, когда китаянка влезла опять в свою берлогу и продолжала ворчать. Мы решительно ничего не понимали, хотя по слову мамаде пфи, значение которого мы с первого дня знакомства нашего с китайцами хорошо постигнули, и знали, что она бранит нас, но за что? — этого не могли себе представить при усиленном желании. Между [тем] китаянка, довольная нашим смирением, или довольная своей храбростью, что порядком сожгла всех прадедов русских, вышла из шалаша и стала обозревать вокруг, не едет ли муж. Я счел нужным воспользоваться минутой и представить, сколь несообразно женщине, особенно женщине образованнейшего в мире государства, каков Срединный цветок, употреблять такое гадкое слово, как проклятый мамаде пфи, которого добрую дюжину она заставила нас съесть. Имея в распоряжении своем китайское слово нюйжень — женщина, хао — хорошо

*) В рукописи — «... с торчащимися в виде волос рожками».
**) Какие-то искаженные китайские слова.

и бу-хао — худо, я решил расположить их так искусно*), чтобы она при помощи моих объяснительных жестов и умильного выражения лица живо бы постигнула мою мысль. Принявши гордый вид оскорбленного человека, я начал: нюйжень-хау... и, помолчав немного, прибавил — Нюйжень-тррр... бу хау. Этим я хотел сказать: женщина — хорошая штучка, но бранить — что за неимением слов выразил очень удачно звукоподражанием,— нехорошо. Не знаю, от обезоруживающего действия моих слов или от другой причины, она разразилась таким звонким и веселым смехом и лицо ее осветилось так приятно, что я вдруг почувствовал к ней особенное влечение... [но] явился рыбак и разрушил все мои благие намерения. Я, признаюсь, немного опасался, чтобы муж не вздумал пить уксус, и заблаговременно уселся на коня. Китаянка вошла в шалаш и со своей подругой, которая прежде не показывалась, начала хохотать, бог знает как.

Муж тоже утешился, получив за проданную рыбу несколько мысказов серебра, и был вежлив до того, что принес несколько извинений, если жена его не умела как нас принять.— Баба,— говорил он,— дрянь, а петух,— так называл он себя,— другое дело и знает свет.

Так мы простились с рыбаком и его женой, которая приняла нас черт знает как, и в конце обнаружила отменную доброту сердца.

Житель Старой Кульджи Ш. уверил нас, что все дочери Поднебесного царства кажутся недоступными, но в сущности суть скромные «разрушительницы городов».

Возвратившись в беседку, мы напились с неизъяснимым наслаждением чаю: действительно, прекрасные места берега Или; густая джида, илен, ива образуют над вами свод; барбарис, джингиль и дикие розы переплетаются вместе. Красные кисти ягод красиво висят, переплетенные белым пухом какого-то вьюна. Розы были тут трех пород — с круглыми, красными, черными ягодами, с большими...**) и проч.

---

*) У Ч. В. «искусственно».

**) Одно слово не разобрано.

Устроив загородное гуляние и порядком учинив [?] ристалище, мы к вечеру возвратились домой, будучи чрезвычайно довольны происшествиями дня.

Китайского императора подданные китайцы называют Хуан-ди или сыном неба — Тхянь-цуй. Мусульмане же и киргизы — *Иджен-ханом*, заимствуя это слово от монгольского *Бодо-иджан*. Знаменитый восточный фагфур происходит от слова фарфор.

* * *

К какому племени принадлежал народ, составлявший первоначальное население Восточного Туркестана и упоминаемый китайскими историками задолго до Р. Х.? Города Уш*), Аксу, Куча, Урумцы (Пулэй), Пичан (Хуху), Хотан (Юйтянь), Яркенд (Согюй), Кашгар (Сулэ) и проч. имели своих государей и составляли каждый отдельное государство. Известно из китайских же данных, что исповедовали они религию Будды, так что многие китайцы ездили в Хотан для изучения догматов и философии Шикья Муни. Не знаю, в какой степени справедливо мнение некоторых ученых, что основателями этих городов были индейцы**) и что Хотан есть испорченное санскритское слово *Куса-Тана*, т. е. пупок земли. Предположение подобное имеет некоторое вероятие. Тибет, будучи в соседстве, мог иметь сношение с Тураном и передать ему веру Будды. По лицу же своему туркестанцы напоминают тип индоперсидский и очень походят на среднеазийских таджиков (народ персидского корня и говорит этим языком), которые считают себя аборигенами страны еще до прихода турок. Бронзовый или же кофейно-черный цвет кожи, углубленные глаза, прямой крючкообразный нос и худощавое сложение делают их совершенно отличными от народов тюркских или монгольских. Если уйгуры, занявшие эту страну в VI веке, были монголы, то каким образом могли так измениться физически, тогда как монголы Джучиевой Орды***)

---

*) Т. е. Уш-Турфан (Уч-Турфан).
**) Т. е. индийцы.
***) У Ч. В. «Джичевой орды».

и узбеки сохранили свой монгольский тип в Мавераннагре. Еще замечательно то, что во всем Восточном Туркестане говорят тюркским языком, и *таджиков* как отдельного сословия между ними нет. «Ум становится коротким в рассуждении этой материи».

Знаменитая буддийская энциклопедия, известная под названием гучжуро-дачжуро, состоит из 520 томов, из числа которых 20 составляют алфавитный указатель. Во всех монастырях имеется эта громада книг и при перекочевывании в монгольских аймаках*) 52 верблюда посвящаются только перевозке гуджуро-дачжура**). В нем заключаются все обряды, догматы веры, философия, история, грамматика. Говорят, что в него входит и санскритский словарь; кажется китайский император подарил одно богатое издание этой книги Российской миссии, и часть ее уже перевезена в Россию.

30 августа. Вчера у нас происходило нечто вроде торжества. Мы праздновали именины нашего консула. Мы были очень рады, что скучно однообразная жизнь разнообразилась этим случаем. Китайский фейерверк «сто-раз», фонтан и другие были пущены для потехи. Фейерверки китайские очень милы и стоят какие[то] пустяки. Весь вечер пускали то фонтаны, то что-то вроде наших конгрых***) и всего было только на 5 руб. серебром.

Сентябрь 3. Сегодня у китайцев тоже какое-то торжество. Страшный звук *пуреня* (рог из морской раковины) и гром пушек целый день раздается с крепости. Фейерверки «потешные огни» светят и трещат днем: для китайца все равно, что день, то и ночь для фейерверков. Фу-Шан-Лун, знакомый мне купец, принес мне пирог благополучия с таинственным клеймом. Я из вежливости хотя и пробовал эту китайскую сладость, но увы! не мог проглотить и первого куска: так сильно пахнет и отзывается свиным салом.

---

*) В то время — племенная территория, соответ. районному делению.

**) Так в оригинале.

***) [?] Вид фейерверка, очевидно так. наз. «Конгревовы ракеты».

4 [*сентября*]. Сегодня на лугу китайцы производят военную экзертицию*). В палатке сидят колдаи и курят свои джен-даи, между тем как оборванные маньчжуры с луками и одним выпуском стрел в колчане немилосердно вонзают [их] в циклопическую мишень. Впрочем, надо признаться, из лука китайцы стреляют хорошо и редко дают промах, зато пушки им не даются. Кстати *о колдаях*. Колдаями здесь называют штаб-офицеров, в Китае же, как говорил наш консул, о колдаях знают только ученые. Колдай — монгольское слово, при династии Юань оно употреблялось в Китае. В русских летописях упоминается *колдай*. В Или официально каждый чиновник носит название по чину или должности. Генералы называются *анбань* или *да-жень*. Анбань название маньчжурское, а *да-жень*—китайское и буквально значит — большой человек, вроде русского вельможи. Все китайцы зовутся по чинам, а обер-офицеры — лоями, штаб-офицеры и генералы да-женами, для отличия прибавляют начальный звук имени. Имена таким образом называются: Ту-да-жен, Ка-да-жен, Саголдай, Ка-голдай, Бу-голдай и пр.

В Китае вместо русского ура существует крик привилегированный: Хуан-ди — это «10000 лет», Ван-суй, т. е. здравствуй**) на многие лета. Иногда государя называют просто *Ван-суй-э*, господин 10000 лет. Для наследника престола такое название: 10000 осеней, *Цянь-Су*; Вань-суй, Жан-суй, Вань-нянь-суй! Вот народное приветствие императору. Нянь-суй есть год гражданский, просто суй — годы жизни каждого индивидуума отдельно.

В Китае нет многого, что есть у нас, и есть много того, что следовало[бы] перенять нам. Трудолюбие, народная гордость, прямолинейность — суть вещи, зависящие от обстоятельств и характера народа; по постановлениям китайским, например, после каждой династии учреждается комитет для составления ее истории, заимствуя все из официальных источников. Государственный стряпчий есть лицо, которое заменяет все,—и суд

*) Т. е. военные упражнения.
**) В оригинале «дравстуй».

уголовный, где судится преступник до тех пор, пока сам не изъявит согласия на справедливость приговора. У нас с идеей китайского богдыхана связана мысль, что это — азиат-деспот, властный над головами всех своих подданных и, выражаясь, как ходжи бяби*) злейший враг всех людских пят. Ничуть не бывало. Он ограничен в своем управлении. Он не имеет своего имущества или, как у нас, уделов. У тебя все есть,— говорит народ,— что нужно: все достанем, к твоим услугам 10000 вещей, зачем же тебе имущество, когда ты обеспечен вполне. Ты не торгаш, чтобы заниматься своим имуществом и пускаться в обороты, ты должен думать о подданных, которые составляют [для тебя] имущество, а не о своем добре. Да посмотрите, вникните в китайскую систему поземельной собственности: она основана на идеях, до которых Европа дошла только в наш просвещенный век.

6-го [*сентября*]. Ездил в сады. Кульджа стоит, как известно, на реке Или, не знаю, известно ли, что она стоит при впадении в Или речки Сарыбулака (Ша-хецза) и более растянута по течению последней. На 4 версты растянут собственно город и на столько же в ширину, до половины песчаных и скалистых холмов. Дома в Кульдже глиняные, хотя в З[аписках] Г[еографического] общества один татарин уверяет, что дома деревянные, каждый дом составляет нечто отдельное и тоже загорожен стеной. Деревянных домов никогда не было, и во всем Китае не знают о возможности подобных строений, кроме бамбуковых шалашей. Крыши на домах большей частью из камыша или соломы и вымазаны глиной, только один главный храм покрыт зеленой черепицей. По всем нашим справкам тесовых крыш в Срединном царстве не существовало со времен достоверной династии Хо и Шунь, почему заподозреваем правоверность рассказчика в нарушении заповеди последнего пророка, который обещал таковых повесить за язык. Конечно, распространять географические сведения дело полезное и благое, никто против этого не спорит — но желательно бы, чтобы *распростра-*

*) Хаджи баба.

няли сведения, а не рассказывали бы басни. В последнее время, благодаря неусыпной полезной деятельности Географического общества, сведения наши об Азии и распространялись быстро и широко, но, вместе с тем, по естественному ходу вещей вкралось и несколько сомнительных повествований о том, чего нет и чего [не] может быть, маш аллах! господа, и не будет. Ничего нет удивительного, если необразованный татарин мог насказать чудеса — ему можно извинить: он так понимал сам или ему говорили так, или же увлечение азиатской, как всеобщей восточной, слабостью преувеличить и представить вещь в более лучшем или худшем виде, нежели она есть. Маш аллах! Он тоже некто и знает свет. Конец концов, что он за собака, чтобы при случае не примениться к образцовым сказаниям сахароустого попугая и не сказать нечто чудное. Я знаю многих почтеннейших мусульман, людей солидных и достойных доверия. Побывав в Питере или Москве, он является к своим родовичам с полным запасом разных удивительно затейливых повестей из запаса слышанного и виденного. Когда он начинает свой рассказ, вы видите ясно по его ухмыляющемуся и довольному лицу, что он просит от вас похвалы и жаждет извлечь крики удивления вроде: Барак-Аллау*), афром[ай!]**), дарихай***), мардас и проч. Что может занять кочевника или азиатца, воспитанного на фантастических сказках о Сулеймане, владетеле волшебного кольца. О Сейфуль Малике, царевиче багдадском, который был на острове Пери, добрых духов, видел амазонок, у которых мужья имеют собачьи головы, в которых была влюблена царица обезьян, и что может занять татарина, который верит во все печатное, как в священные страницы несомненной книги. Всякого бывалого человека они засыпают вопросами, вроде следующих: хаджи, вы были в Мекке, проходили по многим землям. Ну что, как приняла вас царица обезьян, и видели ли вы фараона, который обратился в рыбу и всякому путешественнику, высунув голову из вод Черного моря, кричит

*) Восклицание удовлетворения и радости.
**) Восклицание, призывающее защиту, покровительство.
***) Восклицание сожаления: «как жаль».

«Фергаун!*) Конец концов, нет сомнения, порядком вы отдули Язида в Чуле Кербальской**) (да будет над ним проклятие). Правда, что он за убиение Хасана и Хусейна обратился в рыжую собаку с черными пятнами над глазами. Нечего говорить, что ответить на это отрицанием,— значит подвергнуть сомнению свой авторитет. А потому всякий татарин, киргиз, принимая во внимание мудрую поговорку: «приноравливайся духу народа и по его дудке, как иноход***), беги», начинает повторять старую и выдумывать новую ложь. Восклицание «бара-келде, бале» слышится всюду, а чувствительные дамы за своими перегородками, расчувствуются до того, что начинают хныкать, узнав, что собаки ваххабиты****) хотели похитить священный прах пророка и вместо него (не мои уста это говорят, а слова вахабитов, да проклянет их аллах) положить собаку для посрамления всех правоверных. Послушайте рассказы наших киргиз, бывших в Петербурге и Москве. Вы услышите от них такие чудеса, о существовании которых вы бы, живя 10000 лет в Петербурге, не узнали. Следовательно, погрешности рассказа, напечатанного в З[аписках] Общ[ества], т. IX, простительны.

Да и очевидно, что рассказчик человек простой, доверчивый и, главное, близорукий (я говорю в буквальном смысле). Результат его доверчивости это известие, что анбань, китайский чиновник, имеет белую шишку. Почтеннейший Абдурахман, как водилось прежде, до учреждения фактории, попал в *лайтуцу* — грязный приют разных торгашей некитайского происхождения. Непосредственный начальник их, чиновник во 2-м чине, имеющий белый шарик — для вселения своей особе более сильного уважения, хвастнул им, что он анбань, генерал. Простой и доверчивый, поверил этому, как достоверному факту, и передал собирателю. Он близорук — это ясно — черепица очень походит на тес, глиняные стены делаются снаружи, как бревна, и синий

*) Казахское произношение слова «фараон».

**) Речь идет о Язиде — убийце Хасана и Хусейна в пустыне Кербала.

***) Т. е.— «иноходец».

****) Мусульманская секта в Аравии.

прозрачный шарик коголдая (только не колохая) отсвечиванием желтой соломенной шляпы кажется желтым. Ведь грехи эти неумышленны. Но бывают грехи другого рода, особенно когда [вы] доверяетесь авторитету азиатца. По свойственной им подозрительности, он начинает думать: для чего это нужно кафиру? не думает [ли] он что-нибудь во вред делу ислама, не хочет ли воспользоваться моими словами, чтобы из нас, мусульман, сделать нечто менее собаки. Согласно этой arrière pensée*) он говорит вам факт, диаметрально противоположный истине и, возвратившись домой, рассказывает, что против китайца кафиры ужасно грубы. А поэтому желательно было бы, чтобы господа собиратели обращали более внимания на источники и старались бы о их точности, а потом бы уже печатали то, что вероятно.

В Кульдже в ведении полиции сосчитывают до 70.000 жителей, а о поселенцах, которые живут около города, нет возможности собрать [сведений]. Неудивительно, что в Кульдже могил столько же, сколько и домов, если не больше. Гарнизону в городе считается до 8000.

8 [*сентября*]. Китайцы, продавая нам свои безделушки, уверяют, что все это употребляется самим богдыханом, лучший сорт. Досадно: они воображают, что мы — варвары и, следовательно, уважения к государю не можем иметь, как они. Продает ли он чашечку, уже не преминет обязать советом поднести это хану русскому.

10 [*сентября*]. Сегодня предприняли для рассеяния небольшую экскурсию в китайские сады или загородные дачи. Надобно знать, [что] город Кульджа более лежит по Сарыбулаку, нежели по Или. По сю сторону реки идут сады на пространстве в длину верст на 10, на столько и с той стороны. Мы ехали по берегу этой речки. Начиная от угла крепости, который упирается в дельту, обр[азованную] впадением реки в Или, вплоть до самых дальних садов весь берег реки по обеим сторонам буквально усыпан могилами, так же частыми и мелкими, как оспа. Надо знать величину ки-

*) Задняя мысль *(франц.)*.

тайских могил, чтобы вполне понять эту бесчисленность. Китайцы после смерти зарывают [в] землю в особенно уродливом гробе, окрашенном большей частью в красный цвет, вырывают нечто вроде земляных очагов. Над этой ямой насыпают землю в виде конуса. Конус этот окружности не более 4-х аршин и в вышину аршина полтора. Так как здесь грунт земли песчаный, даже пессчный, то неудивительно, что эта маленькая насыпь сносится ветром, и обнаруженный гроб торчит из земли до тех пор, пока весенним снегом не размоется берег и обрушится в воду, снося с собою и гроб.

Вода в Сарыбулаке весной бывает глубока и быстра, почему покойник против воли оставляет отчизну и совершает посмертное водяное путешествие по Или в Балхаш. Когда мы приехали в Кульджу, от разлива реки берег обрушивался очень сильно, и несколько костей торчали в яру. Теперь уже большая часть покойников отправилась в экспедицию на Балхаш, а часть их до сих пор висит на обрыве. Нет места, где бы не было могилы — под мостом, на дороге, на улицах — везде виднеются ходы. Из этого не следует, чтобы у китайцев не было кладбищ, их много и даже очень много, но все они заняты, и каждая фамилия желает иметь свое отдельное помещение. Я не знаю, оттого [ли], что в Кульдже много народонаселения, или нездоров климат, но полагаю, что едва ли есть в России или в Европе город, где было бы столько могил. Обыкновенная форма могил, как я уже заметил, конусообразная насыпь, на некоторых поставлены каменные плиты вроде тех, которые встречаются в киргизской степи на так называемых калмыцких могилах. Однако есть и в Кульдже один памятник, монумент, поставленный какому-то купцу. Он имеет вид четырехгранной призмы и состоит из четырех ярусов на кубическом пьедестале. В первом ярусе (нижнем) есть ниша, обращенная к северу, на втором ярусе — ниша смотрит на восток, в третьем — на запад и на четвертом — на юг. Вот собственно могильный памятник в Кульдже. Киргизы рассказывают, что китайцы после смерти каждого смотрят на стечение планет и приговаривают: похоронить ли, бросить ли в воду и на съедение собак. К[алиновский] говорит, что

это имеет некоторое основание относительно детей. В Китае, как говорили прежде, есть ужасное обыкновение детоубийства — это совершенная ложь. Есть обыкновение, проистекшее из религиозных начал буддизма о метампсихозе[115] души. Когда умирает дитя, то, чтобы он не переродился или не возобновился в том же семействе, стараются его провсдить из дому с видимым пренебрежением — бросают на дорогу, в яму или как-нибудь, чтсбы дух покойника оскорбился. Правительство же, напротив, ежедневно посылает от полиции телегу для сбора умерших детей, чтобы их предать земле. При нас случился пример: у табунщика калмыка в Майтуце умер сын, мальчик лет семи. Отец, привязав к ноге его веревку, приволок и бросил под яр на песок, так что наши торговцы-татары должны были засыпать песком, чтобы не видеть разложения.

На правом берегу устроены в садах огороды, и шампани занимаются их возделыванием. Шампанями здесь называются преступники, оклейменные за убийство и за другие важные преступления и отосланные в ссылку. В западный край ссылают из южных губерний Китая. Надо сказать вс правду, что эти преступники суть лучшие работники в Кулыдже. Трудолюбие их превосходит границы. Они все загнаны по разным рудникам и заводам, но благодаря снисходительности местного начальства, которое, получив небольшую сумму денег, отпускает их даже на свободу, пользуясь их жалованием и отпускаемым на них провиантом. Все каменщики, плотники, слесаря — из них. Маньчжуры же занимаются одним ремеслом, более спокойным — воруют.

На огородах были посеяны: *кунжут*, из которого добывают масло, махровый мак для приготовления опиума, китайский картофель «шань-по», капуста, редиска, свекла, морковь, огурцы, арбузы и дыни, лук, стручковый перец, бобы и сорангу. Беспрестанно попадались загородные хутора, и всюду работали китайцы. Китаец трудолюбив до невероятности. В жарчайший день он ходит на полях своих в одном исподнем платье и плоской, как блин, с широчайшими полями шляпе. Ничто из произведений природы не пропадает даром. Один

китаец сидел и очищал коноплю. Она родится здесь дико и высоты достигает выше роста всадника. Он очищал кору для веревок, а стебли готовил для продажи на покрышку крыш. Другой собрал колючую траву, растущую тут на песках, и жег ее в хитроустроенной печи. Он уверял, что трава эта имеет целебное свойство и что фунт ее он продает за 1 лан и 6 цянь серебра (1 р. 60 коп. сер. на наши деньги). Огромные пространства земли были засеяны гаоляном (тюрк. джугара), сорго, кукурузой, маком и му-суем*) (Linaria). Джугара служит им для выгона водки и употребляется как хлебное зерно. Сорго имеет такое же применение. Не могу судить о значении сорго, как материала для сахара, но что же касается до мнения г-на Калиновского, что листья дают отличное сено, то против этого смело говорю — нет.

Му-суй сеется в год раз, но скашивается три раза. Мы ехали все по арыкам, канавам. Загородные сады или дачи китайцев очень красивы и приятны на вид. Я был в одном из них; хозяин давно не жил в ней, две женщины и один старик китаец, должно быть, управитель, расположились в ней. Прекрасные тополи составляли стройные аллеи. Прекрасный дом с резными окнами, карнизами лепной работы с так называемыми зверями**), волчьим зубом и проч., был очень красив. К несчастью, нерадение владельца привело его в ужасное состояние. По комнатам бродили петухи и курицы, все карнизы были обсажены гнездами голубей и изгажены этими же птицами. Стены были исписаны картинами исторического и мифологического содержания.

Китаянки приняли нас очень радушно и дозволили осмотреть весь дом. На дворе перед галлереей были посажены туя восточная (Thuja orientalis) граб, махровые мальвы и розы. На галерее висели в клетках жаворонки (пиренейские жаворонки), называемые по-китайски *бай-лин*. Вообще в этот день китайцы приняли нас очень радушно, даже женщины...

На берегу мы попили чаю, сделали небольшой кейф,

---

*) М у-с у й — люцерна

**) Можно прочесть — звездами.

смотря на стадо баранов и коз, которые паслись вместе. Возвратились мы домой через город мимо старой храмины с медным резным оконцем, изображающим какой-то знак китайского букваря. В дверях пагоды*) стояли два каменных болвана, образцовые по уродству рож. Нам так наскучили китайцы и их уродливые божки, что мы выбранили фоев**) вслух «олмын херомлуи-шидло». Нам хотелось видеть каменный мост, но, к несчастью, он успел разрушиться. Громада камней напоминала его существование. В эту езду мы встретили поезд знатного китайца. Почтенный старик с белой острой бородой важно ехал на пегом коне. Красный шарик и павлинье перо свидетельствовали о его высоком генеральском чине и военном звании. Сзади ехали два штаб-офицера один за другим. Генерал и его адъютанты одеты были очень опрятно и хорошо. Прибор на конях был шелковый с серебряными бляхами, и под шеей болтались красные и синие буйволовы хвосты, вроде колокольцев. Динь-ма — вершник, увидевши нас, страшно замахал руками, предлагая не пересекать дорогу. Наслышавшись о китайских бамбуках, я было поворотил коня, как старожилы убедили ехать смело, говоря, что это ничего. Генерал, не пошевельнувшись даже головой и, как человек отличного воспитания, сохранил удивительное спокойствие. Зато челядь, его сопровождавшая по два на одном коне, зашумела приветствиями — хау-улус-хау!

12-е [*сентября*]. Фу-Чан-лун, знакомый наш купец, пригласил в свой хуардан***). 12 ч. мы получили извещение, что он, Фу-Чан-лун, жаждет нас видеть. По здешнему обыкновению, мы тотчас устроили цепь и отправились в город, имея урядника впереди в качестве вершника. Ехали мы в хуардан по той же самой дороге, как в первый раз, и без особенных приключений, кроме встречи с одним стариком, который [был], очевидно, не в своем уме...

На этот раз мы были очень счастливы — хорошенькие дети (китайцы только в детстве бывают недурны)

*) Буддийский храм.
**) Статуя буддийских божеств.
***) Жилой дом.

бегали по улицам и простодушно изъявляли свои мнения насчет нас. Мы имели редкое счастье нравиться этим наивным существам. «Русские мальчики едут»,— говорила одна; другая, держа в руках крошечную сестру, спрашивала меня: «Русский лоя, есть у тебя такой брат?» Вообще и простой народ обращал на меня более внимания, благодаря чудному блеску эполет; они от удивления щелкали языком и громко ободряли меня словом хау-лоя! Чтобы не уронить приобретенного в Срединном царстве мнения, я принял марсовский вид, подбоченился в виде ферта и представлял из себя такого, выражаясь по-персидски, Руфияна, что, маш аллах! сам Гуань-лоя, китайский рыцарь, был бы в сравнении с нами ничто. В таком порядке [мы] въехали в ворота хуардана. Чжан гуда, хозяин, одетый по-праздничному, встретил нас у дверей и ввел в свою комнату. После разных взаимных приветствий, удостоверившись надлежащим образом о состоянии наших желудков, мы уселись на нарах, где уже стоял низкий стол, уставленный плодами и китайскими орехами лу-чи и жужубом.

Ободранный малый начал набивать трубки и, закурив на огне, поднес каждому с поклоном. Согласно китайскому церемониалу мы всунули друг другу трубки и начали курить. Между тем, упомянутый малый снял с очага медный кувшин с чаем и налил нам в чашки. К чаю же принесли арбуз. Пока мы пили чай и кушали плоды, чжан гуда вступил в таинственное совещание с секретарем. Мы с любопытством ожидали результатов этих переговоров: дело объяснилось скоро. чжан гуде хочется нас угостить как следует — ему хочется, чтобы сердца наши были бы веселы, словом, ему хочется, как делается у образованных людей (у китайцев), чтобы присутствовала при нашей трапезе*) одна из «разрушительниц городов».

Это необходимо для того, (как уверял он), чтобы у нас было более аппетита и более расположения к приятным разговорам. Принимая в уважение: первое, обычай страны, второе, желание хозяина, третье, желание самих нас познакомиться с срединными камелиями,

*) В рукописи — «страпэз».

мы решили, что чжан гуда должен исполнить все, что ему хочется и что требует обычай Срединного цветка. Хозяин наш был очень рад, видя такую неожиданную им беспредрассудность. Он сказал несколько слов, как оборванцы забегали взад-вперед и исчезли в двери. Прошло несколько минут, как послышался звонкий хохот и приятный голос, несомненно долженствовавший принадлежать прекрасному полу. По мере того, как хохот и голос стал приближаться, чжан гуда стал все значительнее подмигивать и улыбаться.

Наконец, шепнув нам таинственно:—«идет»,—бросился за дверь и явился уже в сопровождении китайской «разрушительницы сердец». Чжан-гуда, хотя казался ужасным медведем, но в обращении с нюйжень показал себя истинным ши-ю, франтом. Он говорил с ней не иначе как с улыбкой, глаза у него в это время как-то странно щурились и голос делался слишком певучим. Сердцепохитительница приветствовала нас поклоном, присев на одно колено и, подошедши к нарам, стала вопросительно озираться, делая, по-видимому, из вежливости, мину, что она конфузится; чжан гуда, согнувшись в дугу, подскочил к ней и, указывая на нашу средину, сказал тихо: цоха идень. Чао-го (яблочко) — имя нашей дамы—взобралась на нары, изгибаясь станом и ковыляя крошечными ножками. Достигнув назначенного места, уселась очень широко, поджав ноги, среди нас и начала отправлять с удивительным искусством свою должность. Сказавши каждому из нас хаулe! и какую-то любезность, которую мы не поняли, она разлила из чайника в крошечные чашки вино и поднесла прямо к нашему рту. Мы с ней разделили вино. После нескольких глотков вина оказалась наша собеседница дамой очень любезной и веселого нрава. Она имела довольно приятное лицо и по китайскому вкусу была очень хороша. Густые черные волосы были убраны назад и там ниспадали до пят роскошной и массивной косой. На голове были искусственные цветы, над которыми порхали бабочки и разные уродливые чучки*). Губы ее были намазаны густо помадой и краснели

*) Так в рукописи.

как коралл, узенькими глазками она управляла мастерски, то поднимая их к небу, то опуская на концы своих копыт, которые, надо сказать, всегда были на виду... Надо сказать, что вообще она одета была очень недурно и опрятно, да и станом напоминала, как говорят китайцы, рисовый колос.

Особенно у ней были хороши ручки, удивительно миниатюрные и стройные. Она сама, по-видимому, хорошо понимала это и занималась ими. Ногти были у ней непомерной длины и тщательно выкрашены в розовый цвет, на мизинце и еще на одном пальце левой руки были золоченые длинные когти. На двух пальцах были золотые кольца, на руках — браслеты, на правой еще была наверчена коралловая нить. Уши были украшены сердоликовыми серьгами, формой вроде русского калача.

К довершению всего костюма и привесок надо сказать о мушках, симметрично налепленных на правый и левый висок. Это делается для уменьшения головной боли...

Сколько нам ни случалось видеть здесь женщин, но ручки и ноги от природы у них очень малы и красивы. Выпивши несколько чашек вина, красавица вытянула из рукавов маленькую дамскую трубку и начала пускать из трех отверстий рта и носа с артистическим искусством разные фигуры дыму и сделалась еще более развязной. Она уверяла нас, что мы все красавцы, и я опять имел счастье, через протеже моего узкого глаза и черных волос, сделаться предметом особенного попечения китаянки. Она, присоседившись ко мне плотно, начала говорить, судя по умильному выражению лица и по действию рук, которыми она гладила мою голову,— нежности.

Чувствуя неловкость своего безгласного положения, я решился «сорвать безмолвия печати» и начал двигать руками, то прижимая пальцы, то выставляя перпендикулярно один из них. Все слова татарские, употребляемые китайцами, и китайские щедро посыпались из моих [уст]. Я начал уверять ее, как делают сами китайцы, подняв один большой палец, что она *хау*! Что

все женщины, кроме нее — дрянь. Эту мысль я выразил по возможности кратко — выставив мизинец, сказал «все женщины» и плюнул. Все слова, которые знал, начиная с чжан-янзы — этого сорта, до лохань — старик, ло-та—верблюд, тоау—голова были произнесены мной с подобающими жестами. Комплимент стоил мне ужасного труда, и когда я кончил монолог энергетическим *«джан-дурля»*, которое имеет тысячи значений: оно значит высшую степень хорошего, пес plus ultra гадости, значит и гнусное проклятие и радушное благословение, вдруг [я] почувствовал одышку и в изнеможении упал на подушку. Китаянка разинула рот и смотрела на хозяина, прося объяснения.

Наш синолог, генеральный консул Ив. З[ахаров] начал свои более понятные комплименты и окончательно ее успокоил, дав серебрянную плиту в 4 ф. сер. С выражением живейшей благодарности она начала припадать на одно колено, благодаря каждого из нас поозь; но представьте наше удивление, китаянка через несколько времени, после совещания с одним китайцем, наглость и выщипанная коса которого бесили нас прежде,— положила назад деньги с замечанием, что порядочные люди должны быть более вежливы. Сказав эту умную речь, она надула свои кровяного цвета губы и уселась одиноко в углу... По всем вероятиям, она была убеждена, что сердца наши уже давно привязаны к ее уродливым подковам и что такие варвары, как русские, увидев истинную красоту Китая, должны дать все свои деньги за такую высокую честь. Мы убедили ее взять эти деньги, ибо [она] может лишиться и их, и спокойно начали между собой разговор... Так [мы] кончили знакомство с китайскими «разрушительницами городов»...

13 [*сентября*]. Вся фактория предприняла поездку на Или, где [находятся] пастбища наших табунов. Отлично провели день на открытом воздухе, под прохладной тенью дерев.

В последние дни здесь были сильные ветры и холода — мы думали, что уже наступает осень. Здесь летом жары бывают сильные, зима бывает умеренная. Снег выпадает большей частью в конце ноября, только в

прошедшем году был в октябре. Зимой высшая точка холода 15°, но это бывает очень редко.

15-е [*сентября*]. Все пишут о европейской организации китайских учреждений, говоря, что в Китае есть прокуроры, что суд китайский есть вещь удивительная. И достойным вероятия мне кажется мнение г. Сенковского[116] [о том], что китайцы, может быть, только в книгах своих, которые никто в народе не читает, имеют организацию, но в существе суть тоже азиатцы, как турки, персияне. Сколько мы замечали — все в Китае относительно государственного управления напоминает Азию. Здешний цзян-цзюнь — это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест на счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики — поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы. Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху. Я имел случай удостовериться осязательно в китайском правосудии. С водопоя вырвалась моя лошадь и с маньчжурским табуном вошла [в] город. На другой день узнали, что лошадь продана какому-то да-жену — барину. Китайцы ответили на требование, что они не знают совершенно. Пересказчики китайцы не решаются сказать, боясь преследования [тех], у кого она, чиновники же, хотя и знают, но свой своему поневоле брат. Ворон ворону глаз не выклюет[117]. Хотя я предъявлял бадрак-кузу*) нашему михмадару**), что с гостями порядочные люди так не поступают, и представил ему неотразимые аргументы: первое, маньчжурскую поговорку: хоть в железные портки навоняй — рано ли, поздно[ли] выйдет запах, применяя это к тому, что она может после найтись; второе,—калмыцкую погов[орку]: один верблюд нагадит, тысяча верблюдов могут на этом месте поскользнуться — выражая этим, что она может повести за собой неприятность! Но увы!***).

15 [*сентября*]. Китайцы никак не могут говорить на

*) Бадрак-көз по-казахски эпитет пугливого зайца.

**) Персидское слово михмадар — добрый хозяин, принимающий гостей, странников.

***) Здесь рукопись обрывается (л. 26-об.). Кульджинский дневник возобновляется на л. 68 того же архивного дела.

иностранных языках. Буквы «*Н*» и «*Р*» непостижимы для китайца. Подчиняя все слова мягкозвучию, они переиначивают их совершенно в другой звук. На Кяхте, как известно, есть свой отдельный торговый язык, составленный из русских, китайских, и монгольских слов. Здесь есть подобный язык, составленный из татарских и китайских слов. Кроме того, несколько татарских слов вошло в местное китайское наречие: напр. слово *бикар* — напрасно, *би-буца* — ничего. Чрезвычайно любопытен для ориенталиста этот смешанный язык. Он состоит из небольшого числа глаголов, которым придают сотни значений, и из нескольких имен существительных. Глаголы эти*) не спрягаются, к ним приставляется слово *бар*—есть; так, если китаец хочет сказать «пойду», «иду», «иди», он выразит одинаковыми словом «килэнбар» كلنك بار. В каком смысле употреблено, вы должны догадываться. Из употребляемых ими многозначащих глаголов замечателен и общеупотребителен *чидамайда* چيدا مايده от глагола چيدامق терпеть. چيدا مايده —значит: не годится, нехорошо и проч. *ташлан бар* تاشلامق —бросать, в значении: дрянь, не согласен, нехорошо и пр. Эти слова они употребляют беспрестанно. Из слов замечательно джандурле جاندر ورله высшей степени похвалы и nec plus ultra худого, обозначают иногда русское идет; чон—большой, *чон кчи* — господин. *Ишмрут—кчи*—бедняк, туло— تولا — *все, абдан* ثابدان —*отлично* и *халас* حالاس чистый, хатун—жена и кулакай чи—вор. Из китайских в большом употреблении *янза* в соединении с татарским *шу*, оно приставляется к каждой фразе и выражает: подобный, так, таким образом; просто же янзы соответствует русскому — ский. *Хитан янзы* — китайский, *касахянзы* — *киргизский*. Здесь вместо харчевни чи-фандзе, говорят *аш-фузул* или *аш-бузум*. Слово это составлено из татарского *аш* и китайского *будзо*.

29 [*сентября*]. С 15 числа здесь начались признаки осени: холода и юго-западные ветры. По ночам бывали

---

*) Над строкой не дописана фраза: «составляются из...».

столь сильные бури, что от свиста их мы пробуждались от сна, как бы от грома.

С 18-го осень почти утвердилась: дни стали холодные, даже при солнце нельзя было ходить без теплой одежды. Тысячи огней, которые прежде возжигались на полях жнецами, тысячи огней столь частых, как массивные плошки, уже не потешают нас своими яркими и желтыми звездообразными кострами на темном фоне гор. Китайцы оделись от шеи до ног в овчины, только голова у них всегда открыта. На каждом из них красуется короткая куртка и штаны — все из овчины. Время для яблок, персиков прошло, зато поспели виноград и груши, которые, надо сказать, отменного вкуса. К[алиновский], который производит постоянно термометрические наблюдения, говорит, что прежде бывали и в октябре хорошие дни. Снег обыкновенно падает здесь в конце ноября: снег бывает небольшой и тает всегда в феврале. Река Или замерзает только в половине декабря, и в феврале уже начинаются полыньи и в марте совершенно тает. Зима 1853 года памятна в этом крае обилием снега, так что караван, отправившись из Кульджи в декабре месяце через Алтын-Эмель [и] Югенташ в конце месяца, пришел в Капал ровно через 30 дней. То же самое было и в Семиреченском и Заилийском краях. Наши тогда были впервые за Или и зимовали при Иссыке, у подножия Алатауских гор. Почта с речки Или шла до Иссыка 15 дней, между тем как в обыкновенные годы расстояние это переезжают в двое суток. Киргизы говорят, что такой зимы они не помнят, и уверяют, что русские возят с собой холод. Степные звездочеты замечают, что в долине Джикё (где стоит Капал), славной своей теплотой, климат заметно охладел с прибытием русских. Впрочем, при такой глубине снега, холода были небольшие, кроме страшных буранов.

Горы вокруг Кульджи уже давно покрыты по самые подошвы снегом и рельефно белеются на темном и зеленом поле окружных салов. Все новоприезжие в Кульджу вынесли какую-то болезнь лихорадочного свойства и с разлитием желчи. Я сам мучаюсь ею вот 8 дней. В этот период времени мы [не] сделали никаких замеча-

тельных экскурсий, кроме двух поездок на Или и на Малый Сарыбулак. Охота наша была неудачна, хотя уток и фазанов было нарочито много. В последней реке, покрытой густо камышом, много выдры, и я сам видел их несколько. Выдра кричит, высунувши голову из воды, точно поросенок.

Во время последней поездки удалось мне ночевать в юртах пастухов-калмыков. Юрты их подобны киргизским, только верх составляется из прямых жердей, у киргиз же он делается выгнутым, почему имеет сфероидальный вид. В юрте был очаг, на нем котел, и в котле варился неизбежный калмак-чай, смешанный с солью и молоком. Калмыки сидели около и курили трубочки, все они были в китайских халатах и в войлочных китайских шляпах. Только калмычки сохраняли в костюме свою народность. Их было две, одна— старуха, имела на голове черный аракчин, испещренный кусками красного, синего и желтого сукна. Девка же с ужасно скуластым лицом была одета более щеголевато: на голове своей она имела старый китайский форменный колпак, убранный корольками[118] и бусами. Белая и грязная рубашка с огромным выкладным воротником была упрятана в синий...*) халат, похожий на китайский, только с разрезом прямо против груди, пола от поясницы уже отделялась в виде отдельного куска и затягивалась у бедра. Волосы были убраны в две косы, и на ушах были серьги. Она курила табак и вместе с тем жевала какую-то жвачку.

Вчера приехали в Кульджу *кзаевцы* и расположились станом около *чарбака*, частокола. Чарбаком или частоколом называется притон торговцев — азиатцев из разных владений Мавреннагра. Это битый [?] частокол, ограждающий каждую юрту, в которых живут торговцы, отдельно и потом всю ставку в сложности. Кибитки эти так часты и в таком множестве. Это грязный *лабиринт* и *Экбатана*[119]. Здесь же кроются все те господа, которые торгуют золотом, служат шпионами китайцам и воруют лошадей как китайских, так и киргизских. Кзаевцы гнали баранов и привезли кошмы для

*) Одно слово не разобрано.

обмена китайцам. Султан их предложил в виде дани известное число баранов, которое и было взято китайцами по выбору. Бедные подданные Срединной империи жаловались, что китайцы на всех пикетах брали у них по барану.

8 октября. Получили давно ожидаемый лист от Дайцынского государства, написанный на 11-аршинном листе и украшенный 23-мя печатями. Утешения для нас сказалось очень мало. Как странны и противоположны обычаи Китая к Европе, так же и странен способ переписки. Один путешественник справедливо заметил эту противоположность.

10 октября. Под горой [по]явились новые коши*) киргиз адбановских, приехавших для размена скота на домашние требы. Отдавши известное количество казне (10 — две головы), меняют их на разные сподручные им кашгарские бумажные материи. Около этого времени приехали наши караваны с новыми товарами и со скотом и разъехались некоторые троицкие купцы с вымененным чаем.

12 октября. Сегодня мне удалось случаем купить образчики нефрита: из Яркенда — горного, называемого туземцами лоуча или биш-бозкаш, нефрита и [из] Хотан-Дарьи (Су-таш), золотую руду из хотанских гор (Кум-таш), добываемую жителями селения Керия, и образчик самородной серы из окрестностей Яркенда из горы Тадера, на ю-в от Яркенда в днях езды по дороге в Тибет, и смолу и камедь из Джигды (Яркенд), называемые тогураковым клеем. *Нефрит* родится только в Восточном Туркестане — и то не везде — и уважается в Китае. Около Яркенда солнообразный нефрит, он находится в реке Юрункаше, и добывание [его] запрещено. Весь лов идет в казну, и при работе наблюдает китайский чиновник. В 230 ли от Яркенда есть гора Мирджай, которая вся состоит из разноцветного нефрита, ее обламывают, предварительно положив дрова. Большие куски отламывать не умеют. В Хотане добывают только солнообразный нефрит из самой Хотан-Дарьи. Сера и нашатырь добываются в Куче. Селитра тоже добы-

*) Кош — в данном случае караванный лагерь, бивак.

вается в ней. Нашатырь ломают в пещерах, где он висит сосульками. Горная сера возится с Аксу и Уча*) в казну по полож[ению] 1786 г. сто гинов в зачет $20^{3}/_{10}$ мешков пшеницы (уложение Палаты финансов). Ежегодно [кроме] нефрита из Яркенда вьюком отправляют ко двору до 10000 гинов *яшмы*. Яркендский и хотанский нефрит добывается из рек Юрункаш к Каракаш и идет в неопределенном количестве к двору. Частная продажа запрещена и строго осматривается.

Одна из ранних работ молодого Чокана; написана в виде дневника в августе—октябре 1856 года; имеет хронологическую связь с «Дневником поездки на Иссык-Куль» (апрель — июль того же года).

Рукопись писана чернилами на бумаге в лист; на л. 68 несколько строк карандашом; на л. л 10, 12— об., 20— об.— зарисовки пером к тексту.

Рукопись имеет механического характера лакуну невыясненного объема: текст обрывается на л. 26-об. и возобновляется на л. 68 того же архивного дела на полуфразе.

Обе части рукописи хорошей сохранности; нижний край отдельных листов порван, чернила последней строки стерты. На бумажной обложке рукой Ч. Валиханова надпись чернилами: «Хой-Юань-Чэн и Си-Юй. Западный край Китайской империи и город Кульджа».

Настоящее издание подготовлено по собственноручной рукописи Валиханова, хранящейся в архиве Академии наук СССР, ф. 23, оп. 1, д. № 4, лл. 1—26, 68—71.

Публикуется впервые.

---

*) Т. е.— Уч-Турфан.

ОПИСАНИЕ ПУТИ В КАШГАР И ОБРАТНО В АЛАТАВСКИЙ ОКРУГ

28-го июня я присоединился к каравану на урочище Карамола, в 30 верстах от г. Капала. Караван был снаряжен семипалатинскими азиатцами и принадлежал семи лицам. Походный состав его был следующий: 1 караван-баши, 7 приказчиков и 34 человека прислуги. При караване было 6 походных юрт, верблюдов 101, лошадей 65 и товаров на 18.545 руб. сер. После совещания с караван-башой я принял имя Алимбая и назвался кокандским подданным, сыном маргеланского выходца. В качестве родственника караван-баши я получил в свое управление отдельную часть и одну походную юрту. Для предупреждения разногласия членам каравана было объявлено мое новое имя и происхождение.

1-го июля караван выступил в поход и в десять умеренных переходов [мы] достигли берегов реки Или. До Алтын-Эмельского*) пикета мы шли по пикетной дороге. Не доходя [до] этого пикета, повернули налево и через проход Якши-Алтын-Эмель прикочевали на переправу через реку Или, которую содержат адбановские киргизы. Переправа производится на плоскодонных судах; способ перевоза общий на всем Востоке: судно привязывается к хвосту лошадей, которые тянут его вплавь. Судно было очень ветхое: один лодочник правил

*) В тексте описка: «Алтынмильского».

рулем, а другие выливали воду, которая втекала через дурно конопаченные войлоком щели. Целых три дня посвящено было нами на перевозку товаров через реку. 14-го числа караван оставался на месте и праздновал курбан-байрам.

С берегов реки Или в 7 дней достигнули мы аулы адбановских киргиз большой орды, стоявших на летних пастбищах по речкам Каркара и Кегень. Шесть городов Восточного Туркестана: Кашгар, Еркенд, Янысар, Хотан, Аксу и Турфан открыты китайским правительством для торговли с соседними азиятскими народами и дикокаменными киргизами. Русские татары посещали эту страну всегда под именем андижанцев*). Кокандцы в Восточном Туркестане пользуются особенными правами. С 1830 года китайским правительством уступлено им право брать в свою пользу пошлины с товаров, привозимых иностранцами, и все иностранцы подчинены во всех отношениях, даже в полицейском, кокандцам. Кокандский хан имеет в Кашгаре особого чиновника, с правами консула и политического резидента. Сношения кокандцев производятся с Кашгаром и другими пятью городами через Теректы-Даван, известный нам более под названием Кашгарской теснины. Пути же, ведущие через Тянь-Шань с долины Иссык-Куля и Текеса, открыты китайцами исключительно для пригона скота из Дикокаменной орды. По этой причине нам для успеха предприятия нужно было продать часть товаров на баранов, тем более, что разные железные и чугунные вещи: котлы-таганы, заступы и проч. портили спину верблюдов, [и] без того сильно изнуренных эпизоотическим воспалением копыт**) (Panaritium).

По принятому обычаю и, наконец, для удобства меновой торговли, караван разделился на части и откочевал в разные аулы. Я со своим кошем попал случайно в аул киргиза, прежде знавшего меня очень хорошо. Вследствие этого в продолжение 12 дней, кото-

---

*) Андижанцами называют в Малой Бухарии кокандцев, бухарцев и других среднеазиятцев *(Ч. В.)*.

**) Нужно — ящур (Aphthae epizooticae).

рые мы стояли в его ауле, я должен был, чтобы не быть им узнанным, не выходить из своей палатки под предлогом болезни.

В первых числах августа киргизы, опасаясь, вероятно, какого-нибудь набега, вдруг снялись с Кегена и форсированными кочевками стали спускаться на Илийскую долину так поспешно, что около 4 августа на Кегене и Каркаре не осталось ни одного аула, хотя пастбища были еще не совсем вытравлены. Торговля наша с киргизами шла успешно, и в короткое время мы успели приобрести до 900 баранов. Число это было далеко недостаточно для нашего каравана. Слухи о высоких ценах на баранов и о большой потребности на них в Кашгаре заставляли желать моих караванных товарищей производить меновой торг в возможно больших размерах.

В этих видах мы направились в улусы дикокаменных киргиз рода бугу, которые кочевали тогда вверх по рекам Кегеню и Текесу. 6 августа караван вступил в крайние волости бугинцев и был очень радушно принят родоначальником племени салмеке—манапом Чон-Карач. Здесь, как и в волостях Большой орды, караван разделился. Главнейшие родоначальники орды, предупрежденные Алатавским начальством*), сами приехали в наш лагерь и развезли нас по своим аулам. На этот раз я был более счастлив: мой кош поступил под покровительство старейшины бедного поколения кыдык, который, не будучи по происхождению своему манапом, не участвовал в народных совещаниях и которого я не знал прежде. Бурсук, наш хозяин, обыкновенно выбирал для своих стойбищ самые отдаленные места от общих кочевок. Во все время нашего пребывания он скрывался в ущельях Мусарта**), по течению верхнего Текеса, между тем как другие племена были в сборе и, раскинув свои аулы на широкой долине Кегена, готовились дать торжественную байгу и пиршество в день годовой тризны старшего манапа Бурамбая, умершего в 1857 году.

---

*) Начальника Алатавского округа.

**) Т. е. Музарта.

Между дикокаменными киргизами вскоре после прихода нашего каравана распространился слух, что мы идем в Кашгар и что в караване есть русский офицер. Замечательно, что слух этот распустили ташкентцы, приезжавшие из Кульджи,— следовательно, они*) в Кульдже были в ходу и, по всей вероятности, доходили до сведения илийских властей. Молодой ташкентец из нашего каравана, имевший в своей юрте железную кровать и самовар, был признан киргизами за лицо подозрительное. В бугу в это время было много кашгарских торговцев, которые все это слышали и конечно с добавлениями, до которых киргизы большие охотники.

В Дикокаменной орде мы жили почти месяц, перекочевывая вместе с ними и производя постоянную торговлю, и выменяли 3026 баранов, 6 лошадей, 11 лисьих шкур и 44 мерлушки.

В последних числах августа кашгарцы покончили свои дела и стали собираться обратно в Кашгар. Киргизские друзья советовали нам присоединиться к каравану кашгарцев, потому что дорога для малочисленного каравана была небезопасна от набегов хищных киргиз. Убеждаясь этим советом и, наконец, по приглашению общества кашгарских купцов мы решились идти с ними вместе. Берег Текеса у подножия прохода Учкакпак был назначен сборным пунктом. Ко 2-му сентября собралось на этом месте до 60 палаток (кош) или, как принято в торговом языке азиатцев, до 60 «огней»**), в числе которых 3 коша принадлежали петропавловским татарам. 2-е число было посвящено на совещание, какой избрать путь предпочтительно.

Караванных путей через Тянь-шань с долины Иссык-Куля в Кашгар и Турфан много. Главнейшие и более посещаемые пути три: первый пролегает через проходы Уч-Какпак и Кокжар по течению Текеса в Турфан; по этому пути считается 10 дней караванного ходу и представляются три весьма трудных перевала: Куялы, Ишагарт и Кайчи. Дорога камениста, и

*) Т. е. слухи.
**) Описка, см. ниже «10 огней».

местами встречаются пихтовые леса; второй, называемый Аксайским, идет через проходы Турген-Аксу, Зауку, Кашкасу, Заукучак, Дунгурома и Барскаун на Тарагай. На этом пути, не считая подъемов, только два трудных перевала: Джетымасу и Чахар-Корум, и один косогор Келин-Тайгак. Чахар-Корум, имеет чрезвычайно крутой спуск. До Кашгара по этому пути нет другого топлива, кроме засохшего помета животных. Третий — через проходы: Алабаш и Джуван-арык на Нарын и Чадыркуль в Кашгар; на этом пути три значительных перевала: Улак-Кол, Баипче и Ташрабад; ходу караванного до Кашгара считалось 16 дней. Топлива на этом пути в обилии, только при переходе между Баипче и урочищем Балгыном нет растений, годных на дрова, но есть кизек. В нагории Сырт все три пути скрещиваются, так что через Учкакпак можно пройти в Кашгар, а через Чадыркуль на Турфан; но все они более или менее трудны. Впрочем, аксайская дорога представляет для караванов, идущих в Кашгар, более удобства: во-первых, потому что до Зауки идет по ровной и плодоносной долине Иссык-Куля, и, во-вторых, потому, что имеет только два перевала. Между тем кашгарцы предлагали идти через Учкакпак, следовательно, без всякой особенной нужды пришлось бы до выхода на кашгарскую дорогу проходить вместо ровной долины Иссык-Куля самыми трудными и гористыми местами. Кашгарцы хотели во что бы то ни стало миновать Иссык-Куль, который все лето оставался не занятым кочевками и потому был открыт для разъездов и набегов сарыбагышей, бывших тогда в распре с бугинцами. По понятиям киргиз сарты*) составляют собственность киргиза, у которого они торгуют. Вследствие таких странных понятий, сарыбагыши, чтобы сделать оскорбление бугинцам, притесняют караваны, идущие из их волостей берут с них большие подарки, иногда и грабят.

Неожиданное обстоятельство вдруг изменило наши намерения. В бугинских родах был в это время коканд-

*) Сартами киргизы называют бухарцев, кокандцев, хивинцев и других среднеазиатцев (*Ч. В.*).

ский юз-баши (сотник), присланный из Пишпека для собирания зекета. Узнавши о сборе большого каравана, юз-баши с 6 своими солдатами явился в караван и потребовал, чтобы ему заплатили полный «зекет»: 1/40 или часть 1/2 процента*) с капитала. Как кокандские подданные, мы дали ему и его свите трех баранов на обед и объявили, что мы в Кашгаре должны будем заплатить пошлину кокандскому аксакалу, но что готовы исполнить и его требование, если он даст нам в том законное свидетельство (патта). На это он не решился и ограничил свое домогательство небольшими подарками. Кашгарцы, не признавая законным требование кокандского юз-баши, отказались от удовлетворения, отвечали насмешками и бранью. Оскорбленный кокандец решился наконец принудить их дать зекет силой.

Кокандцы напали на караванные стада и отбили 300 баранов. Кашгарцы вступили в драку, вооружившись кольями от своих шатров, и очень скоро обратили в бегство кокандцев. Между кашгарцами было много раненных сабельными ударами, а кокандцы, не исключая и юз-баши, были жестоко избиты. Один из них, имевший какой-то маленький чин, получил несколько опасных ран в голову, жизнь его находилась в опасности. Юз-баши обратился к бугинским старшинам и требовал, чтобы они заставили кашгарцев заплатить за кровь раненого солдата, а в противном случае грозили им местью ташкентского парваначи. Киргизы и кашгарцы увидели, что дело принимает худой оборот, вступили в переговоры. Кокандцы требовали огромную сумму, которую кашгарцы были не в состоянии заплатить. Надо было полагать, что дело протянется на несколько дней, а время нам было дорого: приближалась осень, в горах начали падать снега.

Вследствие этих причин мы переменили план пути и решились идти через Санташ на Иссык-Куль, чтобы подняться заукинским ущельем на Аксайскую дорогу. 3 коша татар и несколько человек кашгарцев, не принимавших участия в драке, присоединились к нашему

*) Так в рукописи, следует «2 1/2 процента».

каравану. Таким образом соединенный, наш караван состоял из «10 огней», и число людей увеличилось до 60 человек. С вершин Текеса в два перехода мы перешли проход Санташ, представляющий ровное плато, небольшой перевал Кизилкия и вышли на долину реки Джиргалан. Во время ночлега на этой речке мы дали знать о прибытии каравана казачьему отряду, назначенному для нашего охранения и стоявшему на реке Карабатпак, на северном берегу Иссык-Куля. Чтобы конвоирование каравана русским отрядом не возбудило подозрения кашгарцев и татар, бывших с нами, мы просили начальника отряда идти вслед за караваном под предлогом рекогносцировки мест. От этого ночлега путь наш лежал по ровной и плодородной долине Терской, покрытой пашнями бугинцев. На реке Джеты-Огуз мы нашли наших кыдыков, прикочевавших сюда для сбора хлеба, и еще несколько аулов того же рода, принадлежащих биям Самсалы и Джанету, которые лето провели на Тянь-Шане. Последний из них был известен за батыра и пользовался большой разбойнической славой. При жизни Бурамбая*) он был им преследуем и скрывался между тянь-шанскими киргизами и только после смерти этого родоначальника мог вернуться к своим родовичам.

9-го числа караван, снявшись с реки Кызылсу, вступил в Заукинское ущелье, а отряд возвратился обратно. Через два дня после ухода отряда мы имели первую стычку с киргизами. 9-го числа ночью из каравана потерялась лошадь: наши служители по следу поднялись на гору и в глубине дремучего леса отыскали воров, которые лежали около костра. Несколько человек из них были схвачены, между ними брат известного Джанета, а другие успели бежать — и один из них на караванной лошади. Джанет был в это время в караване. Он показал вид, что сильно огорчен легкомысленным поступком брата, поехал в свой аул с обещанием немедленно привести украденную лошадь, а брата оставил в наших руках заложником. Через два

*) Влиятельный манап рода бугу — см. о нем выше, стр. 443, а также «Дневник поездки на Иссык-Куль».

дня явился Джанет с вооруженной шайкой человек в 70, с двумя значками[120] и атаковал караван в узком проходе. Ружейные выстрелы заставили киргиз отступить. В этой схватке мы взяли трех киргиз в плен, в том числе и одного батыра со значком; с нашей стороны двое татар попали в руки хищников и двое рабочих получили небольшие раны в голову и руки. Дело кончилось разменом людей. Бий Бурсук, взятый нами для охранения каравана, был этим происшествием так сконфужен, что уехал, не прося даже подарков, которые мы ему обещали, и, как мы узнали после, сделал набег на Джанета.

Заукинское ущелье образуется течением реки Зауки: речки Заукучак, Кашкасу, Дунгурома, впадающие в нее, также течением своим образуют проходы. Мы прошли по течению главной реки Зауки. Река Заука поднимается до впадения речки Дунгурома постепенно [и] только в трех местах перегораживается поперечными мысами. Река в этих местах течет по широкой и ровной долине, скаты гор покрыты густым пихтовым лесом, а берега реки — разными кустарниковыми растениями: барбарисом, жимолостью и шиповником. Выше впадения Дунгуромы проход делается крут и теснее и образует террасы с двумя альпийскими озерками. Обломки скал лежат большими массами в хаотическом беспорядке и особенно затрудняют дорогу. Заукинское ущелье оканчивается крутым, около 800 саженей высоты, подъемом. Остовы разных животных, покрывающие этот подъем, свидетельствуют о его трудности.

13-го числа мы ночевали на берегу озера у подножия подъема. Целый день перевозились на вершину прохода, но все-таки не успели, так что часть каравана оставалась внизу, а другая ночевала на небольшом болотистом плато, которым оканчивается Заукинский проход. Снег, шедший в продолжение этого дня, всего более затруднял нашу транспортировку; вьючные лошади и верблюды скользили по мокрым камням и некоторые, сорвавшись на ходу, катились до самого лагеря и разбивались насмерть. На этом подъеме караван потерял пять верблюдов и 2 лошадей.

Киргизы все пространство от Заукинского прохода до Теректы-Даван (в 150 верстах от Кашгара) представляли нам высокой, гористой и холодной страной. Страну эту они называли Сырт (спина) по причине ее возвышенного положения. Киргизы и кашгарцы рассказывали чрезвычайно много о Сырте, между прочим, что там постоянно господствует значительный холод, в летнее время падают снега, бывают продолжительные бураны, которые по нескольку дней задерживают ход караванов; бураны тем более опасны, что на всем пространстве караванной дороги нет другого топлива, кроме высохшего помета животных (тизек)*). Они говорили также, что на Сырте чувствуется особенная удушливость в воздухе, что люди и животные делаются жертвой *тутека***). Советовали для предохранения себя от тутека держать диету, употреблять с пищей как можно более чесноку. По этим рассказам я полагал, что Сырт должно быть большое нагорие, хотя не одинаковой, но весьма значительной абсолютной высоты. Действительно, в верхних частях Заукинского прохода, особенно на плато, которым он оканчивается, было очень холодно, целый день и ночь шел снег, ночью даже был легкий мороз, речка покрывалась тонким льдом, и земля местами была мерзла. Окрестные горы были покрыты огромным слоем вечного снега. Особенной тягости от недостаточного давления воздуха [мы] не чувствовали.

15-го сентября мы вступили в эту негостеприимную страну. День был холодный. Караван шел по болотистой долине с несколькими озерами, и ночевали [мы] на южном склоне прохода Джетымасу. Проход этот имеет незначительную, сравнительно с окружающей долиной, высоту, но был одет до самого подножия снежным покровом. Небольшое озеро, лежащее в средине прохода, по берегу которого проходила дорога, было покрыто льдом, вечный снег в огромных массах лежал на лугах ниже его уровня, на высоте прохода дул порывистый холодный ветер, и термометр

*) Т. е. кизяк.

**) Так называют они это явление (*Ч. В.*). [Тутек—удушье]

Реомюра спустился на 3°. Джетым-асу самое высокое место в Тянь-Шане, которым проходил наш караван. На другой день мы перешли Нарын, исток реки Сыр-Дарьи, и, пройдя плато Тарагай, имеющее радиус около 12 верст, ночевали у входа в горы Джауджурек.

17-го числа караван по сухому руслу поднялся в горы, перешел с большим трудом Чахыркорумский проход, имеющий чрезвычайно крутой и трудный спуск. Горы этого прохода состоят из мелкого конгломерата, который ежегодно все более и более размывается водой. Здесь караван потерял до 200 баранов, которые взошли на высокие скалы и попадали в пропасть. Вечер был теплый.

18-го числа прошли опасный косогор Келин-Тайгак и холмистую возвышенность Кубергенты, покрытую снегом. Здесь берет начало несколько речек, впадающих в Аксу. Дорога направилась по долине речки Калмакучак, имеющей течение на запад. 20-го числа перешли небольшой подъем Геджиге и 21-го числа вышли при урочище Чадырташ на долину р. Аксай.

Аксай течет на восток и в нижнем течении называется Кокшал. В урочище Чадырташ дорога переходит на правый берег Аксая и по подножию гор Коккия направляется на юго-запад, переходит несколько речек, имеющих общее название Кызылсу. Четыре дня караван шел по этому пути; крутые лога, в которых текут Кызылсу, затрудняли ход.

26-го числа, повернувши на юг, достигнули гор Терек-Даван, составляющих южный склон Тянь-Шаня. Подъем на Теректы с высоты Аксайского плато незначителен, но имеет спуск, превосходящий длиной Заукинское ущелье.

От долины Иссык-Куля, от р. Джеты-Огуз до вершины Теректы-Даван караван сделал 11 переходов и прошел расстояние около 175 верст. Пространство от высоты Заукинского прохода до Теректы-Давана представляет нагорие, прорезанное поперечными долинами, значительной абсолютной высоты, имеющими характер небольших плато. Долина верхнего течения р. Аксай от горного озера Чадыр-куля до ущелья Коккия, где Аксай поворачивает на юг и выходит на Мало-Бухар-

скую равнину, образует самое широкое и обширное плоскогорие в нагории Сырт. Проходы на этом пространстве довольно трудны, но проходимы на верблюдах, вода встречается повсюду, только нет другого топлива, кроме кизека. Во все время пути судьба нам, видно, благоприятствовала: дни стояли ясные, хотя было довольно холодно. В урочище Геджиге сделался снежный буран, который продолжался до вечера; аулов дикокаменных киргиз на пути не было, и разбойничьих их шаек не встретили. Еще на втором переходе с Зауки киргизы наши заметили свежий след каравана, прошедшего двумя днями раньше нас; по признакам павшей на ночлеге лошади кашгарцы наши узнали, что это тот самый караван, который мы оставили на Текесе. Они шли усиленным ходом и были так осторожны, что на ночлегах не разводили огней. Мы также принимали меры осторожности. Киргизских путешественников, присоединившихся к каравану, не отпускали до тех пор, пока аулы их не оставались позади нас на такое расстояние, что нельзя было ждать погони. Частые перевалы и холод изнурили наш вьючный скот; лошади и верблюды разбиты были на ноги и отощали в такой степени, что каждый день мы оставляли на пути по одному, а иногда по нескольку животных. Таким образом, из 101 верблюда в Кашгар пришло только 36.

С высоты Теректинского ущелья до китайского пикета Ислык считается около 60 верст, а до Кашгара 135. На таком близком расстоянии от цели путешествия предстояла нам новая серьезная опасность. В проходе Текты кочевал в это время известный грабитель, киргиз племени чон-багыш Атеке, гроза кашгарских караванов, разбивший только что перед нами на большой дороге из Аксу в Кашгар в виду китайского пикета казенный их обоз. По совету кашгарцев, бывших в нашем караване, мы послали гонцов к кокандскому аксакалу с извещением о приходе каравана и с просьбой выслать к нам навстречу несколько человек своих солдат. Опасения наши относительно киргиз были справедливы: лишь только караван спустился в ущелье, как начали показываться группами вооружен-

ные киргизы. Надо сказать, что эти киргизы признают власть кокандского хана, и потому подданным Коканда редко делают притеснения, но зато кашгарцев и татар считают чуть не своими рабами. Киргизы принимали нас за татар, но взяли с нас 8 штук красной кожи, между тем как с предшествовавшего нам каравана взяли большой выкуп за свободный проезд и украли до 500 баранов. Причина такой скромности, как мы узнали после, заключалась в том, что прошедший перед нами караван распространил слух, что вслед за нами идет 200 человек русских и что в сундуках, навьюченных на наших верблюдах, хранятся разного рода оружия. Вследствие этих слухов аулы, стоявшие на большой дороге, откочевали в боковые ущелья.

Отделавшись так легко от самых дерзких и хищных киргиз, караван считал себя вне всякой опасности и шел тихо, наслаждаясь теплотой дня. После входа в Теректинское ущелье мы опять увидели лето: дни были ясные, теплые, и берега реки были покрыты яркозеленым лесом, состоявшим из тополя, из барбариса, розы, гребенщика и разных родов чилига. Между тем киргизы успели одуматься, разъезды, посланные ими на Аксай, донесли, что русского отряда нигде вблизи нет. Киргизы увидели, что они обмануты, и решились нас нагнать. Караван приближался к последнему перевалу Коккия, когда раздался за нами военный крик. Толпа киргиз проскакала вперед и заняла проход. Караван принял оборонительное положение, а толпа киргиз стала более и более увеличиваться.

Занятием прохода киргизы лишили нас возможности сопротивляться, а потому мы сочли за благо вступить в переговоры: киргизы требовали десять девяток красного сукна, кожи, столько же плису, ситца и проч. В эту критическую минуту подоспели к нам из Кашгара 5 человек кокандских сипаев; появление их оживило павший дух каравана, и под покровительством кокандцев мы скоро рассеяли шайку хищников. Токсаба*) собственноручно надел на нас халаты, при-

*) Военный чин (*Ч. В.*).

сланные в знак особенной милости аксакалом, и вручил караван-баши письмо, в котором аксакал-датха выражал свое благорасположение.

27-го числа мы вступили в границы Китайской империи и оставались в 50 саженях от китайского пикета, который стоит при входе в ущелье. Пикет был обнесен глиняной стеной с четырьмя башнями по углам, перед воротами были насажены тутовые и тополевые деревья. Офицера, который наблюдает за входящими караванами, записывает число людей, верблюдов и лошадей, на этот раз не было на пикете, а потому мы, несмотря на раннее время, остановились на ночлег и до 12 часов утра следующего дня оставались на пикете в ожидании офицера. Наконец, бошко*), исправляющий его должность, по настоянию кокандцев и за небольшой подарок дал дозволение каравану сняться. Кашгарец-толмач записал наши имена, число рабочих, верблюдов, лошадей и баранов и, должно быть, за то, что ему не дали подарка, назвал нас татарами, хотя кокандские солдаты и караван-баши показали, что мы андижанцы; притом вместо 57 человек показал только 14, с замечанием, что мы не хотели показать более. Ко всем своим выдумкам толмач присовокупил еще и то, что нас в самом деле более 100 человек, вооруженных ружьями.

Выехав из пикета, караван шел по бесплодной местности, покрытой изредка колючей травой янтак**) и изрытой логами; впереди виднелись гряды низких и песчаных гор. За этой грядой, состоящей из пластов слоистой глины и лишенной всякой растительности, лежит группа селений Устун-Артыш. Устун-Артыш собирательное название нескольких деревень, расположенных по реке Артыш или Тоин. Деревни, составляющие Устун-Артыш, имеют от 30 до 50 мазанок, окруженных садами и огородами. Зеленые рощи, в которых купаются эти деревни среди бесплодной пустыни, производят чрезвычайно приятное впечатление.

---

*) Китайский чин, имеет золоченный шарик *(Ч. В.)*.

**) Янтак или верблюжья колючка обычная; каз.— жантак (Alhagi pseudalhagi).

Переночевав близ деревни Игзек, на следующий день, 29-го числа перешли речку Артыш у урочища Учбурхан. На высоте глинистой скалы у переправы высечены три входа, которые сохранились до сих пор. Туземцы говорят, что это остаток языческих времен и что в скале есть кумирня с идолами. Вход в Учбурхан неприступен и, кажется, никто не интересуется его исследовать. Поднявшись на другую глинистую гряду, мы увидели вдали синеву садов, окружающих предместия Кашгара. К вечеру караван достиг предместия и разбил лагерь у гробницы Куфалла-ходжа в 12 верстах от Кашгара. Караван-баши с некоторыми из наших товарищей поехал к аксакалу отдать салям*). Нелепые слухи, распространенные предшествовавшим нам караваном, и, наконец, донесение пикета не на шутку напугало китайское правительство. Китайский генерал и хаким-бек (туземный правитель) командировали опытных чиновников для исследования и осмотра каравана.

Рассказывают, что после получения донесения пикета на городских стенах поставили стражу, и целую ночь разъезжали верховые разъезды. Кокандский аксакал, лично знавший нашего караван-баши, не обращал никакого внимания на тревогу, поднятую туземными властями, принял наших депутатов чрезвычайно ласково и послал в караван зекетчи (чиновника для взимания пошлин) и сына своего. В то время, когда кокандцы считали баранов и взыскивали зекет, приехал кашгарский чиновник. Поговорив с нами и посмотрев на вьюки и на наш лагерь, он тотчас же уехал обратно в Кашгар и успокоил город, ожидавший нападения. Покончив зекет, на другой день прислугу со скотом отправили в деревню Тозгун, а сами с товарами поехали в город. На половине дороги выехали нам навстречу несколько кашгарских чиновников, одетых совершенно по-китайски; один из них, Измаил-бек, имеющий значительную должность, потребовал развязать вьюки и показать, что хранится в сундуках, а в противном случае грозил, что караван будет отправлен

*) Приветствие.

обратно. Было 8 часов вечера, а потому, по указанию беков, мы расположились на ночлег на поле, засеянном кормовой травой, называемой му-суй, чтобы осмотр начать на следующее утро. За чаем и ужином мы успели сойтись с нашим следователем.

При помощи кокандского зекетчи и, наконец, подарками [мы] склонили Измаил-бека не делать отдельного осмотра вьюкам, а просили его, чтобы при взимании пошлины в кокандской таможне присутствовал чиновник, которого угодно будет назначить амбаню. Утром Измаил поехал в город, уверил начальство, что пришедший караван состоит из андижанцев, торгующих в Семипалатинске, представил примеры, что семипалатинские караваны прежде приезжали очень часто, и исходатайствовал дозволение вступить каравану в город.

Приближаясь к городу, мы перешли реку Тюмень по деревянному мосту. Город окружен высокой глиняной стеной. Издали виднелись одни только стены, и по углам их легкие башни китайской архитектуры. Здания и сады закрыты, не видны. Дорога около ворот уставлена в виде аллей жердями, на которых повешены клетки с головами преступников, казненных после восстания 1857 года[121].

1 октября 1858 года караван вступил в Кашгар, сопровождаемый кашгарскими и кокандскими чиновниками. В воротах нас остановили. Чиновники поехали к хаким-беку и наконец возвратились с известием, что можно войти. Юго-восточными воротами мы прошли прямо в сарай «Андижан», при котором устроена таможня «зекет-хана».

При описи товаров присутствовали аксакал и два кашгарских бека: ишик-ага*) и наш приятель Измаил. Аксакал был чрезвычайно любезен, просил нас к себе и объявил, что он, как представитель хана, будет стоять за нас горой.

Кашгарские чиновники со своей стороны обратили особенное внимание на железные заступы и взяли об-

*) Объяснение слова «ишик-ага» дано Ч. Валихановым в дальнейшем.

разчик, чтобы показать амбаню. Внимание аксакала еще более усиливало недоверчивость туземных властей, потому что с 1825 года кокандцы принимали участие во всех восстаниях. На следующий день, в день джумы*), потребовали нас в канцелярию хаким-бека и спросили, кто мы, откуда и зачем приехали. Ответы наши были записаны, и нас отпустили.

3-го числа потребовал нас дорга-бек**), один из высших чиновников в Кашгаре. Он имеет красный кораловый шарик и известен своим умом и способностями.

В 1857 году после изгнания ходжи дорга-бек исправлял должность хаким-бека, ему было поручено окончательное решение нашего дела. Аксакал был недоволен, что китайцы допрашивают его подчиненных, приказал написать амбаню, что он лично знает всех нас; что мы андижанцы, и за нас во все время нашего пребывания будет отвечать он, а пока послал с нами самых почетных купцов, чтобы они сопровождали нас при допросах. Надо сказать: кокандские купцы принимали в нас живейшее участие и оказали нам чрезвычайно много дружбы и покровительства.

Между дорга-беком и караван-баши был следующий разговор:

— Кто вы такие и зачем приехали?

— Мы андижанцы, уроженцы Маргелана, Ташкента и Бухары; по торговым делам ездили в Россию, продали там свой товар, купили на них русские произведения, и, узнавши о торговых выгодах, поехали в Кашгар.

— Если вы андижанцы, почему поехали не той дорогой, которая открыта для вашей нации?

— Потому, что мы были на Иссык-Куле, чтобы выменять баранов.

— В сколько дней пришли вы из Семипалатинска?

— В 75 дней.

— Зачем вы прошли через пикет без разрешения и ложно показали число людей?

Караван-баши объяснил, что офицера не было на

*) Т. е. пятницы.

**) Дорга-бек — здесь начальник полиции.

пикете, и что исправлявший его должность дал нам пропуск, а число людей мы показали верно, но толмач сам не хотел этого сделать; доказательством ложности его донесений служит то, что он написал число людей наших до 100, между тем как по удостоверению ваших чиновников в караване только 57 человек.

Потом дорга-бек обратился к татарам, приехавшим с нами, спросил их, имеют ли они виды от русского правительства? Татары отвечали, что они родились в Ташкенте от татарских выходцев и в России никогда не бывали. В заключение бек спросил нас, зачем мы привезли так много этого оружия и показал на заступ, лежавший на столе. Китайский ярлычок, привешенный к нему, показывал, что он побывал в китайском суде. Мы отвечали, что это товар для продажи, а один из кокандцев заметил, что если бек опасается за употребление этого оружия, то может купить его. Этим кончился второй допрос. Такое неблагоприятное начало крайне нас беспокоило, особенно когда на четвертый день приехал ишик-ага и несколько других беков и объявил, что нас требует амбань. Оседлав наскоро лошадей, мы последовали за беками и, выехав из городских ворот, увидели несколько палаток и какие-то переклады, весьма похожие на виселицы; нас подвели к дверям палатки, в которой сидели в больших креслах четыре мандарина с красными и светло-синими шариками на шапках. Один из них был главный кашгарский амбань, другой — кашгарский хаким-бек; оба имели красные шарики; два чиновника с синими шариками были китайские пристава.

Нас ввели в палатку. Мы, как иностранцы, приветствовали амбаня, сложивши руки на груди. Амбань, посмотрев на нас пристально, заметил по-китайски: «...это не русские и не татары, а андижанцы— и потом, обращаясь к нам, сделал обычный вопрос китайских чиновников: — благополучно ли приехали, через какие места, какие привезли товары?». Осведомился о спокойствии народов, кочующих на пути, и потом вступил в частный разговор о Кулдже; стал спрашивать караван-баши о знакомых ему илийских мандаринах. На прощанье амбань пожелал нам хорошей торговли и

вообще обращение его было очень ласково. После представления амбаню и вследствие отзыва, данного аксакалом, нас оставили в покое и более не требовали к допросу, хотя не переставали иметь надзора.

Как андижанцы, мы совершенно зависели от кокандского аксакала, который управляет иностранцами, живущими в Кашгаре независимо, и имеет даже свою полицию; а потом нам необходимо было сблизиться с иностранным купечеством и приобрести благорасположение аксакала. Члены нашего каравана были большей частью маргеланцы и бухарцы и нашли в Кашгаре много родственников и знакомых. Родственники и земляки нашего каравана-баши маргеланцы — Найманбай, Саадатбай и Асанджан, бухарец Кори и другие богатые купцы пользовались уважением кокандских и туземных властей. При помощи их нам было легко вести близкое знакомство с аксакалом и кашгарскими беками. Освободившись от допросов туземных китайских властей, мы отправились к аксакалу, чтобы благодарить его за участие и поднести по принятому обычаю пешкеш*). Подарки были незначительны, но превосходили сравнительно то, что обыкновенно приносят кокандцы.

Аксакал принял нас очень благосклонно и обещал свое покровительство. С сыном его, который управлял делами, мы сделались приятелями, делали для него пирушки «базм» в кокандском вкусе, до которых он был большой охотник. Взаимные подарки и угощения сблизили наш караван со всеми более или менее значительными лицами. Кашгарские беки, сохраняя китайскую важность, хотя и не бывали у нас на квартире, но посещали наши лавки и приглашали нас на чай. Таким образом, мы успели приобрести всеобщее благорасположение и почет. Аксакал всякий раз просил нас на обеды и в важных случаях, когда происходили совещания, приглашал нашего караван-баши.

На первой же неделе товары наши были с большой выгодой проданы на серебро и золото, частью на наличные деньги, частью в долг, с условием заплатить их тотчас, когда мы вздумаем ехать. Караван наш занимал

*) Т. е.— «подарки».

одиннадцать лавок в сарае «Кунак»*), кроме того мы имели квартиры на улицах Устэн-буи и Джан-куче.

В Кашгаре и вообще в шести городах существует обычай, по которому все иностранцы на время пребывания в них вступают в брак. Жители Малой Бухарии, хотя последователи учения имама Ханифи, по которому временные браки не допускаются, но тем не менее обычай этот господствует в полной силе. Брак совершается по форме, и от жениха требуется только одевать жену. Чтобы не выходить из общего порядка и по настоянию наших знакомых, мы должны были также подчиниться этому обычаю. В Кашгаре на наши татарские халаты и шапки обращали всеобщее внимание, а потому первым долгом нашим была перемена платья. Мы стали, как андижанцы, носить чалму (кашгарцы не носят чалмы, кроме духовных) и бухарские халаты.

Скот наш был до того изнурен, что нужно было для того, чтобы совершенно откормить его, не менее двух месяцев. Пользуясь этим временем, я решился посетить Еркенд. В караване оставалось непроданной несколько юфти, которую хозяин, бухарец Мухсин Сагитов, и я повезли в Еркенд. Чтобы поездка наша не возбудила подозрения китайцев, мы до времени не рассказывали о своем намерении и получили билеты от аксакала вместе с другими бухарцами, а товар отправили вперед с подрядчиком.

10 октября выехали мы в числе 6 человек, предъявили на станции между Тозгуном и китайским городом билеты туземному юзбеги и ночевали на половине пути на одном лянгаре (хуторе). На другой день в полдень приехали в Янысар. Дорога до Янысара идет по местам населенным, только подъезжая к городу, встречаются небольшие песчаные бугры. Оставив лошадей в Гайчане, где есть особенный сарай для извозчиков, мы въехали в город и остановились у одного нашего знакомого. Так как в городе было много андижанских купцов, с которыми мы познакомились в Кашгаре, то они два дня не отпускали нас далее, делая обеды и вечера. На пятый день после обеда выехали мы далее и ночевали, не доезжая

*) Название караван-сарая в Кашгаре («Гость»).

несколько верст до станции Топлык. 14-го числа, вставши рано, мы стали собираться в путь, чтобы форсированной ездой достигнуть третьей станции Кокрават. Местность от Янысара до первой станции густо населена, дорога идет между рощами, хуторами и пересекается множеством рек и арыков; но, приближаясь ко второй станции Кизыл, население постепенно делается реже, и уже около станции окрестности представляют бесплодную степь. В параллели Кизыла на Восток лежит песчаная степь Кумшайдан, священное место для мусульман; здесь, по преданию, происходило сражение за веру, и предводитель правоверных Арслан-хангази пал шеидом*). Надгробная молельня на могиле этого хана посещается всеми мусульманами, приезжающими в Кашгар и Еркенд. Станция Кокрават есть оазис, осененный купой деревьев, в ней около 30 домов. За Кокраватом начинаются пески, имеющие всхолмленный вид и направление от запада к востоку; на пути встречается много озер с горькосоленой водой, около которых растет камыш. Не успели мы выехать несколько верст от станции Топлык, как [нас] нагнал нарочный из Кашгара, посланный нашими товарищами с письмом, в котором они сообщали о приезде в Кашгар туземного агента с известием о взятии Коканда Малибеком[122] и о тревожном состоянии Кашгара вследствие слухов о бегстве ходжи Валихана-тюре[123] и просили скорее приехать в Кашгар. Мы спешили переездом обратно, чтобы избегнуть столкновения неприятных случайностей.

Еще в Дикокаменной орде носились слухи о сомнительных делах в Коканде. В Теректинском ущелье тяньшанские киргизы окружили наш караван, не боясь последствий. Издавна в Коканде существует обычай, по которому все происшествия в междуцарствие предаются этим правом, происходят в подобных случаях грабежи, называя их хан-талау (ханский грабеж).

Происшествие в Коканде, начиная с ссоры Малибека с братом своим Худояр-ханом, наконец, до взятия

---

*) Т. е. шахид — мученик за веру.

Малибеком Коканда доходили в Кашгар последовательно и своевременно двояким путем: через официальных гонцов Худояра и Малибека и через кашгарских тайных агентов (тан-шан).

В октябре месяце получены были в Кашгаре известия о восстании Малибека. Вскоре прибыли гонцы от Худояра и Малибека с требованиями прислать как можно скорее всю сумму зекета. Положение аксакала было чрезвычайно затруднительно: исполнить волю одного значило бы подвергнуться гневу другого, а дело могло решиться и так и иначе.

В этот нерешительный момент, 15 числа, пришло официальное известие о водворении на ханство Малибека, и аксакал получил ханский ярлык, в котором его оставляли на своем месте с уверениями о благосклонности к нему хана; но это был только обман с целью, чтобы Насырэддин*) не мог скрыть деньги. Через день приехали доверенные нового аксакала Нормагометадатхи, взяли Насырэддина под стражу и забрали решительно все, не исключая и его собственности. В управление вступил Сулейманкул, родственник нового аксакала, недавно только выпущенный из темницы, где он сидел со времени восстания.

Перемены властей в Коканде никогда не обходятся без подобных обманов и унижений, которым подвергает новое начальство своих предшественников. Нас поразила перемена обращения всех кокандцев с бывшим аксакалом и его сыном: все лица, бывшие с ним в самых близких отношениях, уже не узнавали его, и сын его нуждался в деньгах на мелкие расходы. Напротив, Сулейманкул, доверенный нового аксакала, до сих пор никем не замечаемый, вдруг сделался предметом уважения и подобострастия, для него устраивали загородные гулянья, пиршества, и все делали ему более или менее драгоценные подарки. Лазутчики нового начальника тщательно разыскивали, не успел ли Насырэддин спрятать часть своего имущества, и с этой целью у нас также погребовали список подарков, поднесенных преж-

*) Имя кашгарского аксакала.

нему аксакалу. Мы дали требуемый список, не упомянув в нем, по просьбе сына Насырэддина, о часах и пистолете. Туземные власти и купечество были также очень довольны падением Насырэддина, хотя он восстановил спокойствие и был человек прямой и решительный в сношениях с туземными властями и справедливый в отношении к купечеству, не делая различия между богатыми и бедными.

25 ноября приехал новый аксакал Нормагомет-датха и с ним посланник Малибека для извещения начальства Южной линии о перемене правления. Кашгарское посольство, отправленное еще к прежнему хану, возвратилось вместе. По распоряжению Сулейманкула всех иностранцев обязали выйти навстречу нового начальника; более почетные лица, между ними некоторые из моих товарищей, встречали его на первом пикете; китайское правительство выслало с своей стороны ишикага. Аксакал, сопровождаемый своими подчиненными, с полной торжественностью, которой руководствуются кокандские сановники, въехал в город. Впереди кортежа ехал сипай и очищал дорогу криком: «Берегите поводья». А за ним ехали пажи и вели несколько аргамаков в золотой и серебряной сбруе, покрытых богатыми чепраками. На другой день после приезда все иностранцы, в том числе и мы, отправились к саляму с плиткой фу-чаю, которую обязали нас подарить как повинность. Еще прежде взято было со всех иностранцев по штуке этого чаю за радостные известия о восшествии Малибека. Сверх этого мы через несколько дней отправились к аксакалу с подарками собственно от себя. Подарки наши состояли: из бархатного халата, железной кровати, золотых часов, чаю, сахару и проч. Приближенные ему лица также получили подарки.

Новый аксакал был человек обходительный и вежливый в обращении как только возможно кокандцу. Нормагомет имел придворный чин ишик-агасы*), достоинство датхи, и был в 1856 году кашгарским аксакалом, а при ходже—мин-башой. Датха любил горячие

*) «Ишик-агасы» — буквально «начальник ворот» (двора) церемониймейстер.

напитки и веселую компанию, вследствие чего все богатые купцы обращались с ним крайне бесцеремонно. Делами сам занимался мало и ничего не делал без совета купцов и Сулейманкула, с которым мы еще прежде, когда он был частным лицом, были в дружбе. Это обстоятельство способствовало нашему сближению с новым аксакалом. Каждый вечер аксакал приглашал нас к себе или посылал сказать, что он будет у нас. Беспрестанно делал подарки и одному из товарищей наших подарил лошадь с прибором, парчовый халат и военные сапоги, которые выражают то, что он считает его своим приближенным. Подозрения туземных властей к нам переменились уже в некоторую степень доверия, и нам позволялось ходить по ночам, что вообще строго воспрещено.

Между тем лошади и верблюды совершенно оправились, и мы стали думать о возвращении. Ехать через Аксай, т. е. по тому пути, которым пришли, нельзя было, потому что проходы завалены были снегом, и притом совершенное безлесие при страшном холоде и буранах, свирепствующих в этой горной стране, всякое путешествие делает невозможным. Через Коканд мы боялись [ехать], потому что тогда путешествие продолжалось бы слишком долго и, наконец, потому что там могли встретиться люди, знающие меня. Наконец, положились ехать через Уч-Турфан. Собирание долгов замедлило наши путевые приготовления, а билет от китайского правительства на отъезд был получен только в середине февраля.

Между тем некоторые обстоятельства заставили нас отказаться от предположения нашего пути, а думать о том, чтобы скорее достигнуть наших границ. В конце января приехали в Кашгар несколько кашгарских купцов из Кульджи и ташкентцев, выехавших из Семипалатинска после нас. Через них распространились слухи, что при караване есть русский агент. Нормагомет, зная всех нас коротко, не находя в нас никаких данных, оправдывающих эти слухи, смеялся и находил их в высшей степени неправдоподобными; в Коканде между купечества так-

же поговаривали об этом предмете с добавлением, что русский агент находится вне города на хуторе, где мы держали верблюдов, так что кокандский михтар поручил своему чиновнику, посланному в Кашгар, осмотреть хутор и наших рабочих. Слухи эти преимущественно ходили между кокандским купечеством, но никто им не верил, а кашгарцы были заняты новыми известиями о бегстве ходжи Валихан-тюре и о том, что он пошел на Турфан. Ночью по городу разъезжали конные патрули, на стенах и у ворот усилили караулы, и по границам объезжали наблюдательные отряды.

В дынзе (вроде полиции) собирали копья и дротики, и чиновники дежурили на стенах. На нас, казалось, не обращали внимания, но тем не менее нужно было думать о возвращении, пока не были получены достоверные слухи о причине снаряжения каравана.

С февраля началась в Кашгаре весна, а потому в марте можно было надеяться на возможность проехать благополучно через нагорие Сырт.

7-го марта караван выступил из Кашгара по направлению на Теректы, а мы остались в городе, чтобы получить другой билет от китайского правительства на выезд. Наши люди, осмотревши дорогу, приехали с известием, что Теректы совершенно непроходим от снегу, что только открыт путь через кокандское укрепление Куртку. Аксакал убеждал нас остаться до половины марта, когда откроются все пути, но мы решили во что бы то ни стало выехать. Мы хорошо знали, что комендант Куртки, вместе с тем и главный начальник тяньшанских киргиз, имел в Кашгаре своих агентов для наблюдения за нами. Бугинцы, приехавшие в улусы подчиненных ему киргиз, рассказывали с большим преувеличением о нашем богатстве, например, что караван-баши восседает на железной доске, что у нас есть чудесный ящик с золотым деревом, на котором порхает и поет соловей, и другие басни в этом роде. Курткинский датха, не видевши ничего, кроме киргизских баранов, поверил всем этим нелепостям и непременно хотел получить с нас зекет, хотя он имел право брать не зекет, а особенную пошлину по числу вьючных животных.

Наш друг аксакал, узнавши о нашем решении ехать через ведомство Куртки, был так любезен, что дал для препровождения каравана одного из своих воинов и снабдил нас рекомендательным письмом и посылкой Мамразаку, коменданту Куртки, в котором просил Мамразака принять нас как его друзей.

11 числа из дому аксакала в сопровождении огромной толпы народа, провожавших нас, выехали мы из Кашгара.

Приехав в караван, стоявший между селениями Устун-Артыш и китайским пикетом Ислык, мы нашли артышского юз-беги, командированного хаким-беком для препровождения каравана за границу. Обыкновенные караваны не пользуются этой честью, мы были в исключительном положении. Путь наш лежал по течению реки Тоин на караул Тешык-таш, но так как билет был нам дан через Ислык, то мы должны были сделать небольшой круг, чтобы выйти на настоящую дорогу. На пикете китайский бошко—офицера опять не было—сосчитал число верблюдов, лошадей и выпросил юсун (подарок); кашгарский чиновник тоже взял юсун. Караван ночевал в горах в 8 верстах от пикета. На другой день шли на запад по сухому и широкому руслу и, пройдя один маленький перевал, вышли на долину реки Тоин. Дни были очень теплы, природа только что пробудилась; снегу в ущелье оставалось очень мало, кое-где зеленелись травы, и вечером слышны были звонкие крики лягушек. Три дня караван поднимался вверх по течению Тоина по направлению на север и северо-запад и 17 числа ночевал при истоках этой реки в урочище Торгат. Река Тоин имеет широкую долину, путь по ней чрезвычайно удобен. На берегах реки растет тополь, только на первом ночлеге облепиха. На Торгате уже нет кустов. По мере того, как дорога поднималась по течению реки все выше, погода становилась холоднее. В верхних частях река была покрыта льдом, а в логах лежал снег, так что караван должен был разбивать его лопатами, чтобы проложить тропинку.

18-го числа мы вышли на довольно обширную долину горного озера Чадыркуль, окруженную со всех сто-

рон горами и одетую глубоким снежным покровом. Здесь было так холодно, как в Кашгаре не бывало в январе.

Караван пробирался по снежным сугробам с большим трудом и, пройдя по льду озера, ночевал в горах Ташрабат, окружающих долину с северной стороны. Озеро Чадыркуль имеет около 10 верст ширины и около 20 длины, оно должно иметь высокое положение, не менее 7000 футов абсолютной высоты. На следующий день перешли горы Ташрабат и разбили лагерь на широкой и ровной долине реки Атбаш. Проход Ташрабат имеет одно чрезвычайно трудное место для прохода каравана на верблюдах: на спуске тропинка проходит по краю высокой скалы, но подъем незначителен. Так как река, по течению которой проходит дорога, была замерзшей, то мы избегли опасное место и пошли по льду.

Близ выхода дороги из ущелья есть каменное здание Таш-рабат, от которого горы получили свое название. Рабатом называются на востоке здания, устроенные на больших дорогах для доставления крова путешественникам. Они устраиваются с богоугодной целью, как мечети, училища, караван-сараи, фонтаны и колодцы в пустыне. Один из бухарских ханов, Абдулла, особенно любил постройки этого рода, и потому основание этого рабата приписывают ему. Здание сложено из плит глинистого сланца, имеет около 12 сажен длины и около 7 ширины. Длинный коридор ведет в круглый зал (в 5 аршин в радиусе) со сфероидальным куполом, по бокам коридора сделаны маленькие низкие двери, в которые нельзя войти иначе, как сильно нагнувшись; двери эти ведут в маленькие квадратные и продолговатые комнатки. Внутри и снаружи здание это было когда-то выштукатурено; арабески, окружающие ниши, сохранились местами и теперь. По стилю Ташрабат принадлежит к древней архитектурной эпохе. Азиатцы по своей лености и невежеству считают все, что требует большого труда или искусства, сверхъестественным. Таш-рабат имеет также свою легенду, например, говорят, что невозможно сосчитать число [его] комнат, и

если раз насчитать сорок комнат, то, считая в другой раз, выйдет число 41, и так далее. Для дикокаменных киргиз это здание служит предметом поклонения и местом для жертвоприношения.

Нужно сказать, что на ночлеге при урочище Торгате присоединились к нашему каравану два кокандских сипая, посланные в Кашгар комендантом Куртки для тайного наблюдения за нашим выездом. Один из них был родственник коменданта, а другой, по имени Асанбай, служил приставом, иль-беги, в улусах чириков*). Кокандцы в киргизских родах имеют своих чиновников: иль-беги, киргизский пристав, должен кочевать в их улусах и обязан быть посредником в тяжебных делах и собирать с виновных штраф в пользу казны.

На том месте, где стоял наш лагерь, расходятся несколько дорог, между прочим две в Куртку. Более удобная дорога по долине Атбаша была отвергнута нашими кокандцами, потому что в это время на ней стояли чирики, которые, хотя принадлежат к ведомству Куртки, но, по-видимому, мало слушают кокандцев. Асанбай иль-беги так боялся чириков, что киргизских путешественников, бывших с нами, не пустил в свои аулы, чтобы они не дали знать чирикам, и заставил их против воли совершать поездку в Куртку.

В нагории Сырт только на низменных и теплых долинах Атбаша, Арпа и Нарына произрастают пшеница и ячмень. Надо полагать, что в древние времена места эти были населены оседлым или полуоседлым народом, ибо, как говорят киргизы, вниз по Атбашу есть развалины большого города, а на Нарыне мы сами видели следы древнего хлебопашества. Развалины на Атбаше соответствуют по положению своему городу Чигу, столице усуней, которая, по свидетельству китайской истории, лежала на северо-западе от Аксу и на юг от Тэмурту-нора (Иссык-Куля). С берегов реки Атбаша мы направились на север, прошли несколько незначительных перевалов, из коих последний Баипче имеет на южном склоне хвойный лес, а около вод — жимолость, барбарис

*) Киргизское племя.

и другие кустарники. Местность между Торгатом и Баипче безлесна.

21-го марта караван остановился в 10 верстах от Куртки, на реке Актал, около аула киргиз из племени мунулдыр. Вечером приехавший из Куртки солдат привез нашим сипаям радостное известие, что комендант их получил на днях милостивую грамоту от хана, почетный парчовый халат и что чирики возвратились из Коканда безуспешно. Чирики, о которых мы уже говорили, просили хана, чтобы в их кочевьях, на реке Атбаше, основать укрепление и сделать их независимыми от курткинского коменданта. В заключение объявил, что из Андижана приехал зекетчи. Это обстоятельство огорчило наших кокандцев; они боялись, чтобы зекет с нашего каравана не поступил в распоряжение этого чиновника. Куртка принадлежит андижанскому наместничеству, которым управляет брат хана Суфи-бек. Каждый год весною приезжает от наместника сборщик и получает от коменданта весь сбор киргизского зекета.

22 числа часу в десятом караван снялся и, сделавши около 10 верст, остановился на берегу реки Нарына. Так как на реке по берегам еще оставался лед и сообщение с укреплением производилось вплавь (река глубока), то, по усиленной нашей просьбе, чтобы не замочить при переправе своих товаров, нам было сделано снисхождение остаться на этой стороне. В 4-х верстах от укрепления мы разбили свои юрты в соседстве с аулом одного из сильных биев рода саяк — Османа, облеченного кокандцами в звание датхи. На другой день, 23 марта, мы отправились в укрепление, чтобы отдать салям коменданту.

Укрепление Куртка стоит на правом берегу Нарына, имеет поперечник в 200 саженей, окружено с трех сторон стеной, а четвертая опирается в крутой берег. Высота стен около 3 саженей, ширина до 2 аршин, с восточной стороны пробиты в стене главные ворота, а с северной — другие, ведущие к месту, где прежде был домик Джангир-ходжи; там устроена молельня, посажено несколько деревьев и, как на всех священных местах, водружены бунчуки и развешаны в большом количест-

ве рога баранов, принесенных в жертву. Въехавши в ворота, мы увидели войлочные кибитки, окруженные земляными валами, и несколько мазанок. Комендантский дом состоял также из нескольких отдельных мазанок под пышными названиями приемной, гарема, мечети и проч. В середине двора стояло несколько киргизских юрт. На небольшом возвышении из глины сидел смуглый сарт с белой бородой, одетый в бумажный старый халат и в киргизских сапогах из красной кожи. Нам сказали, что это сам комендант Мамразак-датха. После приветствия посланный от аксакала поднес ему письмо и подарки. Прочитав письмо, Мамразак стал расспрашивать об аксакале, который был [его] старый товарищ, потом спросил, сколько мы дали зекету; сказал, что до сих пор он считал нас за татар и слышал от дикокаменных киргиз, что мы осматриваем земли.

Часу во втором приехал в караван сын коменданта в сопровождении одного андижанского купца, который, как видно, пользовался доверенностью датхи и употреблялся им в случаях, требующих ума и сметливости. Напоив гостей чаем и угостив хорошим пилавом, мы приступили к делу. Кокандцы предполагали у нас большие богатства и не хотели верить, что мы в Кашгаре дали в зекет 124 золотых и потом объявили, что будут осматривать вьюки. На другой день, развязав вьюки, нашли только то, что было показано нами прежде, и получили в зекет две ямбы, двадцать ланов серебра и в подарок пять халатов и фунт чаю. После зекета мы опять представлялись датха. Мамразак принял нас благосклонно, поднес по чашке зеленого чаю, пожелал хорошей дороги, дал для конвоирования каравана через подведомственные ему улусы нашего старого приятеля ильбеги Асанбая и поручил нас покровительству бия Наймана, который отправился в свои улусы.

Укрепление Куртка основано в 1832 году, в год дракона, во время хана Мадали, мин-башой Хак-Кулы. Первая половина правления Мадали-хана была ознаменована счастливыми войнами с Китаем, покорением Каратегина, Дарваза и подчинением дикокаменных киргиз. Два полководца: мин-баши Хак-Кулы, узбек из племени юз, и кушбеги Ляшкар, из персидских рабов,

подчинили все киргизские племена. Хак-Кулы усмирил и обложил ясаком восточные племена дикокаменных киргиз, а кушбеги Ляшкар — киргизские и кайсацкие племена, кочующие от Чу до Или. Хак-Кулы в 1832 году разбил саяков, предводителя их Атантая и Тайлака взял в плен и привез в Коканд, обложил ясаком чириков, бассызов, монулдыров и основал Куртку. Укрепление Тогузтарау, было построено еще прежде. Атантай и его брат Тайлак не хотели подчиниться кокандцам и после освобождения из плена откочевали на Или к киргизам Большой орды, но впоследствии, разграбленные кайсаками, возвратились на родовые кочевья.

В укреплении считается до 200 человек сипаев, набранных из андижанских киргиз, кокандцев не более 50 человек. Нынешний комендант был первый раз назначен на этот пост в конце 30-х годов, когда андижанским наместничеством управлял Иса-датха, и во второй раз утвердился во времени падения кипчаков. К ведомству его принадлежат: три рода из племени саяк, чирики и небольшая часть рода бугу. Роды саяков, подчиненные Куртке, суть: 1) чора, ими управляет Осман, сын Тайлака, самый сильнейший родоначальник; 2) кульчугач, ими управляет Толеке, сын Ералы; 3) иман, которым начальствует Байтуры Джапалаков*). Эти три рода ведут междоусобную вражду. Чирики разделяются по своим кочевьям на два отдела. Один отдел кочует по Атбашу, Арпе и Аксаю, другой — по реке Какшал**). В первом отделе каждый род имеет своего отдельного вождя; из них более влиятельны Урус-бий, Сасык-Урус, Кондожес и сильнейший Сарыжак; второй отдел признает власть одного верховного бия Турдуке. Турдуке имеет от китайцев красный шарик, известный грабитель, не слушает кокандцев, зекет и подать берет себе.

К ведомству Куртки подчиняются также киргизы колена рода тенымсеит из рода бугу, отделения калмаки, кочующие в верховьях Нарына и на плато Тарагай. Ими управляет фамилия Мамеке Шопак. Из них влиятельнее: Найман, сын Будайша, Алджан и

*) В рукописи описка — «Джалапак».
**) Кокшаал.

Табулды, дети Алеке. Куртка берет также зекет с киргиз монулдыр, бассыз и других родов.

Укрепление Тогузтарау и Джумгал прежде зависели от курткинского коменданта, но теперь из них сделаны отдельные ведомства. Между курткинскими и сипаями этих укреплений очень часто происходят сшибки за зекет вроде тех, как в старой Сибири враждовали за ясак маназейские*) и красноярские казаки. Саяков, подчиненных Куртке, считается до 600 юрт, чириков ведения Турдуке 1500, чириков, кочующих по рекам Атбашу и Арпа,— до 1300 и бугу 1200. Зекет с этих киргиз собирается Курткой двояким образом, или по показанию самих киргизов «улфан»**), или же посредством счисления; в первом случае берут с 40 голов — одну, а при счислении — с 100 голов — две. Сверх того киргизы должны снабжать хлебом гарнизон укрепления. Независимо от зекета; с каждого рода раз в год, а иногда и два раза, берут «салык»***) в неопределенном количестве. В нынешнем году на бугу положили этой подати 60 лошадей. Вообще власть кокандцев между этими киргизами поддерживается лживой и хитрой политикой, к которой нынешний комендант, по-видимому, привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов из хороших фамилий и поддерживает постоянную вражду между родоначальниками. Мамразак возвысил Османа, вступил с ним в родство для того, чтобы посредством его наказывать других киргиз. Для возбуждения ревности он называет Османа пансадом (полковником) и датхой, что очень льстит честолюбию этого киргиза. Осман содержит 500 человек, постоянно готовых к услугам коменданта. С бугу обращается Мамразак осторожно, задабривает щедрыми подарками их биев. Эта политика, как говорит сам Мамразак, основана на долгом опыте, ибо силой с киргизами ничего нельзя сделать по малочисленности гарнизона. Во время кипчаков киргизский родоначальник Алимбек-датха, ныне кокандский визир, враждуя с кипчаками, ушел на Нарын и

*) Т. е. «мангазейские».
**) Точнее «олпон» — подать, налог.
***) «С а л ы к» — подать, повинность.

поднял всех киргиз. Куртка была осаждена, комендант-кипчак вызван на переговоры и изменнически убит. Мамразак сам подвергался неоднократно осаде. В последнее время Турдуке совершенно не стал платить зекет, а другие чирики, хотя и платят, но неисправно. Мамразак два года обращается к андижанскому наместнику с просьбой прислать для наказания киргиз до 700 человек войска, но напрасно. Во время смут в Коканде киргизы совершенно не слушались курткинского коменданта, потому что вместе с переменой хана обыкновенно обновляются и все власти. С возвышением их родовича Алимбека в звание визиря киргизы, надеясь на его покровительство, продолжают беспорядки. Чирики, как мы уже говорили, посылали депутацию с просьбой дать им отдельного начальника; депутация эта вернулась только что перед нами. Мамразак говорил нам, что домогательства их были безуспешны, но тем не менее сильно беспокоился, что чирики не являлись на его приглашение. Киргизы, подведомственные Куртке, сравнительно с бугу и сарыбагышами бедны, малочисленны, а взаимные кровавые раздоры делают их еще более бессильными. Наши бугинцы всегда одерживают над ними верх и несколько раз жестоко наказывали саяков и чириков.

24 марта караван оставил Куртку. В долине Нарына весна открывается в начале марта, между тем как в других частях Сырта, например, на плато Гарагай и Аксай, снег остается до половины апреля. В пребывание наше в Куртке стояли теплые весенние дни. 24 числа на реке уже не было льдов, и поля были покрыты свежими отростками артемизии и тюльпанами. Караван шел посреди киргизских аулов и пашен. Киргизы пахали землю. Осман, предводитель саяков, разъезжал по пашням и разделял их на участки. Увидев караван и зная прежде о его прибытии в Куртку, Осман послал к нам одного из своих рабов с приглашением заехать «в гости» в его аул. У киргизских родоначальников образовались систематические правила, освященные временем, по которым они грабят караван, но грабят *по-своему законно,* основываясь на древних обычаях и правах. Эти обычаи или права суть: 1) караван, проходя через

улусы киргизского родоначальника, должен заплатить зекет; это право отменено кокандцами и *считается* теперь грабительством; 2) должен дать выкуп за свободный проезд; 3) поднести подарки соответственно значению и силе родоначальника; 4) не должен обходить аулов знатных вождей и обязан останавливаться в их улусах для того, чтобы воспользоваться их гостеприимством. 2-й и 3-й пункты этих обычаев не поощряются кокандцами, хотя и совершенно не преследуются, но 4-й пункт сохранил законность, признанную и кокандцами. Заехать «в гости» значит то, что каравану дадут одного или двух тощих баранов на ужин, а на другой день потребуют подарков «за гостеприимство», и если подарки окажутся не соответственными значению родоначальника — хозяина (каждый киргизский родоначальник считает себя первым в роде), то караван неизбежно подвергается штрафу. Вот образчик хваленого восточного гостеприимства! Зная хорошо это обстоятельство, наш караван-баши с соблюдением всех форм среднеазиатской вежливости отказался от предложения Османа, тем более, что мы сделали только 10 верст, и было очень рано. При других обстоятельствах мы на это не решились бы, но, имея при себе чиновника от Мамразака и находясь в 10 верстах от укрепления, мы думали, что киргизы не осмелятся ничего нам сделать, и беззаботно продолжали свой путь. Другой киргиз, посланный Османом, повторил от имени своего господина то же самое приглашение и объяснил, что благородная фамилия их родоправителя с древнейших времен славится своим гостеприимством и дорожит священной славой. Караван-баши опять в отборных вежливых фразах благодарил Османа, объявив, что для нас каждый час дорог и что так рано останавливаться не расчет и в заключение сказал несколько похвальных слов о славе предков Османа и о его собственной храбрости и добродетелях. Караван-баши надеялся на свое красноречие и уверял, что теперь Осман оставит [нас] в покое, но, видно, мало знал киргиз. Не прошло несколько минут, как из одного аула выскочила толпа пьяных киргиз, пивших бузу, бросилась в карьер на наш караван и заставила нас бранью и угрозами повернуть в аул. Осман был

сильно оскорблен: он требовал с каждой палатки по ямбе серебра, как штраф за покушение нарушить силу древних прав его фамилии. Наш кокандец, хотя ездил сам к Осману, но ничего не смог сделать. Кто-то из наших заметил из разговоров киргиз, что Асанбай-ильбеги действовал заодно с Османом. Это показалось нам правдоподобным. Мы, оставив в стороне киргиз, начали действовать на нашего воина. Караван-баши объявил ему, что не намерен ничего давать добровольно Осману, грозил, что будет жаловаться хану на курткинское управление, и, прилагая к слову дело, велел одному из наших товарищей готовиться ехать с просительным письмом к кашгарскому аксакалу. Кокандец наш после этого принял нашу сторону, и дело пошло на лад. К нашему счастию, вечером приехал солдат требовать Османа в укрепление. Кончилось все это тем, что Осман получил от нас подарок ценой не более 25 руб. серебром, но перед отъездом заехал в караван и объяснил нам, что он кокандского хана не боится, но с Мамразаком не хотел бы ссориться, потому что он его родственник и человек ему нужный, и что если он нас не ограбил, то этим мы обязаны Мамразаку. Речь свою кончил словами: «Поезжайте с богом и молите аллаха, дабы он продлил славу мою и родственника моего Мамразака!».

На другой день с восходом солнца снялись мы с лагеря, два дня шли форсированным маршем и на третий день вступили в кочевья саяков, враждебных Осману, а потом в улусы бугу, которых родоначальник Найман был при нашем караване. Несмотря на то, что Найман был при нас, но мы не решились нарушить в другой раз обычай гостеприимства и 26-го числа ночевали в ауле родственника Наймана—Табылды, тем более, что этот родоначальник пользуется славой батыра. Табылды, молодой человек лет 30-ти, но заметно стремится к преобладанию над всеми родами бугу. Он имеет, подобно Осману, отряд джигитов, постоянно готовых к набегу или к преследованию врагов. Этот киргиз два года был в ссоре с Мамразаком, не платил ему зекет, откочевал на Тарагай и, как сам рассказывал, хотел ехать в укрепление Верное, чтобы просить покровительства русских. Вообще тяньшанские бугу

много говорят и расспрашивают об условиях русского подданства и, как кажется, готовы последовать примеру своих иссыккульских родовичей, но не находят случая. Мамразак особенно дорожит этими бугинцами; они сравнительно с другими киргизами его ведения очень богаты.

Ночью в ауле поднялась тревога. Чирики отогнали из соседнего аула несколько сот лошадей. Табылды со своими джигитами отправился по свежим следам в погоню и, как узнали после, нагнал хищников, отбил скот, взял несколько человек в плен и сам поехал в набег на чириков. Аул Наймана был в 8 верстах и в стороне от дороги, но мы на другой день поехали к нему и разбили палатки в недальном расстоянии от его кибитки.

Улусы бугинцев были крайние пределы кочевок киргиз ведения Куртки, и потому и наш коканд ец должен был здесь остановиться. Отсюда начинается страна безлюдная и подверженная разъездам барымтачей. Найман вызвался проводить нас до Иссык-Куля и просил за это подарков на сумму 120 рублей. Мы боялись, что киргизы курткинского управления будут нас преследовать, и потому с радостью согласились на его предложение. Найман, державший себя в дороге очень просто, в ауле своем сделался горд и важен: он заставил нас простоять на месте до 29-го числа потому только, что дни 27-го и 28-го числа были неблагоприятными для путешествия. Асанбай, получивший 30 рублей за службу, сделал с нами еще один переход, по собственному сознанию, для того, чтобы в последний раз поужинать хорошим пилавом.

Выехавши 9 верст из аула Наймана, мы пришли к слиянию Большого и Малого Нарына (Малый Нарын впадает с правой стороны). Отсюда местность получает другой характер. От Куртки до слияния этих рек, по моему расчету, 150 верст. На этом пространстве долина Нарына имеет от 5 до 2 верст ширины, путь ровный и удобный, особенно по левому берегу. На дороге, идущей по левому берегу, есть только в одном месте, против аула Табылды, поперечный мыс Текесенгир; а правый берег от моста (который построен

китайцами и отстоит от селения вниз в 27 верстах), вверх имеет много подъемов и спусков, но незначительных. Боясь полноводия, мы перешли на правый берег Нарына около моста вброд.

В Нарын впадает с правой и левой стороны много речек, образующих проходы. Из впадающих с правой стороны замечательна Он-арча (в 50-ти верстах выше Куртки), образующая истоками два прохода, из которых один через Джуван-арык, впадающий в Кочкар, а другой через Улак-Кол и Алабаш ведут на Иссык-Куль. С левой стороны Нарын принимает Атбаш и Шаркрама. По ущелью этих рек выходил путь на Атбаш и Аксай. Горы, идущие по правому и левому берегам реки, покрыты еловым лесом и богаты зверями. Берег реки сопровождается уремой из облепихи, тополя, ивы и чилига; урема выше впадения Атбаши делается реже, а за мостом вовсе прекращается. От слияния Малого Нарына реки одеваются в скалистые берега, местность делается выше, потому что ель и казачий можжевельник, свойственные в Тянь-Шане высоким альпийским зонам, растут уже на самом берегу этой реки. Течение Нарына от впадения Малого Нарына до плато Тарагай киргизы называют Капчагай (скалистыми)*). Местность здесь гориста, а реки имеют высокое падение и быстрое течение. Дорога идет сначала по правому берегу, потом переходит на левый; подъем и спуски встречаются очень часто и изнуряют вьючный скот. Есть также опасные косогоры и узкие тропы, местами путь перегораживается обломками скал. Капчагай поднимается крутыми уступами — и поднимается заметно высоко. На северо-восточном склоне гор лежит еще снег, а юго-западные испещрены норами альпийских сурков. Река местами покрыта льдом. Горы богаты пастбищами и летом служат кочевками бугу. Три дня (около 70 верст) поднимались мы по трудной для езды и гористой местности; но далее дорога стала более удобной, долина сделалась шире и ровнее, течение реки не так быстро, глубина ее незначительна и окрестные горы безлесны. 2-го апреля караван вышел на

*) Точнее — «скалистая теснина» (ущелье).

плато Тарагай. День был холодный, шел снег и дул сильный северо-восточный ветер. Ночевали в горах Джетымасу, на том самом месте, где стояли лагерем в передний путь. Отсюда караван шел по прежней, описанной нами дороге. На Джетымасу лежал глубокий снег, на Зауку снегу было менее. Спустившись на северный склон заукинского ущелья, мы увидели совершенную весну: кусты барбариса и шиповника уже распустили листья, и поля были покрыты ярко-зеленым ковром свежих трав.

От Кашгара до Зауку мы сделали 23 перехода, около 530 верст. В Куртку пришли мы в 10 перегонов (250 верст), от Куртки до Капчагая около 150 [верст], по пустой местности шли 70 верст, далее до Зауки сделали около 60 верст.

Всего от Кашгара до озера Иссык-Куль, надо полагать по обратному нашему пути, 580 верст. Еще 30-го числа мы встретили на пути маленький караван, шедший в Куртку, и узнали, что Иссык-Куль занят кочевками сарыбагышей. Известие это было для нас неприятно. Найман, узнавши это, отказался идти далее Тарагая, несмотря на условие, и посоветовал послать наперед гонца к Урману или Турегельды и просить их покровительства. Урман, Турегельды и Джантай — три сильнейших родоначальника в колене сарыбагыш; последние двое кочевали в то время на Иссык-Куле. Проходя через киргизские аулы, караван непременно должен прибегнуть к покровительству одного из сильных вождей, иначе в каждом ауле его будут останавливать, требовать подарков и настаивать на праве гостеприимства. Товарищ Наймана за небольшую плату взялся доставить письмо к одному из двух вышеупомянутых родоначальников, аулы которого будут на нашем пути.

Когда караван вышел из ущелья Зауки, к нам выехали навстречу посланные Турегельдой сын его и брат. К крайнему моему удивлению, киргизы эти знали о моем присутствии в караване, и первым словом их был вопрос обо мне. Им ответили, что в караване такого лица нет, но один сарыбагыш, видавший меня в Верном, удовлетворил их любопытство. Турегельды

был самый дерзкий киргиз и притеснял караван более всех из своих собратьев. Он взял подарков на 300 р. и взял самым наглым образом; если ему нравился халат, он говорил: «Эй, сними халат и дай нам». Беспрестанно грозил, что он разграбит караван, а меня отправит в Коканд. В этих видах он несколько дней держал нас в своем ауле и не хотел пускать. К счастию, подошел на Иссык-Куль отряд, высланный навстречу каравана, и Турегельды, будучи в ссоре с кокандцами и Джантаем, боялся русских и потому был принужден отпустить нас добровольно. Чтобы исправить свою неделикатность относительно каравана, он на прощанье подарил караван-баши и мне по одной лошади.

12-го апреля 1859 года я приехал в укрепление Верное. Путешествие мое продолжалось с 28 июня 1858 г. по 12 апреля 1859 г., 10 месяцев и 14 дней.

В Кашгаре мы жили около 5 месяцев, с 1 октября до 13 марта. Торговые операции нашего каравана в этом городе имели вообще удовлетворительные результаты. Из счетов, сообщенных мне караван-баши, видно, что караван при снаряжении имел товаров на сумму 13 т. р. серебром. В Большой киргизской и Дикокаменной орде продано товаров на 3026 баранов (считая в этом числе двухгодовых барашков); эти бараны и остальные товары проданы в Кашгаре на 4.068½ кокандских золотых*). Скорый сбыт наших товаров, и притом на серебро и золото, нужно приписать особенным благоприятным случаям. После восстания 1857 года сношения Кашгара с Кокандом были прерваны, наш караван был первым, привезшим товаров на значительную сумму. Особенно выгодно проданы были бараны по 63 на ямбу; каждый баран стоит более ½ золотого. Принимая во внимание излишние расходы и подарки, большей частию вынужденные, и, наконец, то, что караван по недостатку вьючных животных не мог вывезти оттуда товаров...**) вполне воспользоваться торговыми выгодами кашгарского базара. Расходы ка-

*) Каждый золотой имеет весу 1 золотник 10 долей, по среднему курсу он в Кашгаре идет в 3 р. 70 к. на наши деньги (*Ч. В.*).

**) Пропуск в рукописи.

раванные были следующие: зекету дано в Кашгаре 622 р. 50 к., в Куртке 360 р., подарков дано на 1302 р. Немаловажный расход для каравана составляло содержание прислуги и вьючного скота. Кокандцы и другие народы, имеющие торговлю с Кашгаром, вследствие удобства пути товары свои отправляют с подрядчиками и прислуги более одного человека не имеют, между тем как в караване нашем было 32 человека киргизской прислуги, много верблюдов и лошадей. Прислуга нанята была по усиленным ценам, так что на одежду и в жалованье они получили 1036 р. 13 коп. Содержание и прокормление скота в Кашгаре чрезвычайно дорого. По недостатку подножных кормов животные круглый год довольствуются сухим фуражом, а в нашем караване для откормления до крайности истощенных лошадей и верблюдов давали усиленную дачу корма. Жизненные припасы также недешевы. Таким образом, израсходовано караваном на пищу, на угощения и корм скоту и проч. 4067 р.

От дальности дороги и трудности пути караван до приезда в Кашгар потерял 60 верблюдов и 8 лошадей. Недостаток вьючного скота был причиной того, что караван не мог вывезти из Кашгара дабу, несмотря на видимую выгоду этой операции. В Кашгаре главный предмет вывоза есть чай, по преимуществу зеленый, который не имеет сбыта у нас, а главные туземные произведения: даба, хлопчатая бумага, шелк требуют много вьючных животных и не могут вознаградить убыток от потери животных. Оттого караван вывез 11 ящиков чаю, кокандских полушелковых материй и маты*) всего только на сумму 14.051 р. 75 к. и должен был купить 11 верблюдов. Некоторые вывезли серебро. Из Кашгара вывезено нашим караваном 27 ямб. Принимая во внимание все эти расходы, мы думали, что караван не вполне доволен своим оборотом, по крайней мере не столько имел барыша, сколько бы мог иметь, если бы был при другой обстановке. Присутствие мое, по-видимому, стеснило свободу их действий. Они боялись, чтобы кокандцы не узнали об участии

*) Мата — ткань

русского правительства в отправлении каравана, потому давали подарки там, где обыкновенные караваны не дают, или более, чем дают другие. В Кашгаре все купечество советовало им ехать через Коканд и вывезти товар на всю сумму, ибо из Кашгара до Семипалатинска через Коканд и Ташкент меня могут узнать, тогда как подданные кокандского хана могут лишиться жизни. По этим причинам караван не мог также воспользоваться милостью правительства относительно освобождения его от пошлины, а с 11 ящиков чаю, привезенных им, взяли пошлину.

Что касается до моих действий, то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно точные сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомство с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял показаниями другого. Сверх того я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой некоторых ученых ахунов. Из этих источников заимствованы мною факты, касающиеся влияния ходжей до времен джунгарского владычества и после — до падения страны под иго Китая. Сведения о восстаниях, бывших с 1825 года, получены от лиц достойных доверия: от кокандцев, участвовавших лично в «газате»*) и занимавших значительные должности, и от кашгарских ахунов, бывших свидетелями этих переворотов. Кашгарский аксакал Нормагомет датха принимал деятельное участие в попытке ходжей возвратить независимость отечества. Наш вожатый в Куртку, есаул Тохтар, родом из сибирских киргиз, был в 1857 году у ходжи начальником дворцовой стражи, потом командовал отдельным отрядом при осаде Еркенда. Тохтар уже преклонных лет, но фанатически предан интересам ходжей, участвовал во всех восстаниях с 1825 до 1857 года и готов участвовать в будущих. Я был знаком с одним кипчаком, который в последнее восстание у ходжи Валихана занимал придворную должность удайчи. Что ка-

*) Т. е. «газават».

сается до ходжей и их значения в Коканде, об отношениях их к кокандскому и кашгарскому народу и об их фамильных отношениях, то обо всем этом я узнал от маргеланского купца Найманбая, которого сестра замужем за ходжой Катл-ханом и в гареме его пользуется первенством. Факты, относящиеся к территории шести городов и туземного его населения, приобретены от кашгарских беков, шейхов, ахунов и от моих кашгарских родственников, людей сведущих в этом деле. Имея постоянные и короткие сношения с кокандцами, я получил много данных о состоянии этого ханства и особенно о последних событиях, имевших последствием падение хана Худояра.

Географические сведения, маршруты, собранные мною, имеют значение в связи с существующими исследованиями и требуют предварительного знакомства с источниками, а потому оставляю их, как и сведения о Коканде, предметами отдельной статьи, а теперь прилагаю записку об Алтышаре или о шести западных городах Восточного Туркестана.

Записка разделена мною на 5 частей. Продолжительная болезнь не позволила мне вполне обработать эту статью, но она содержит в себе факты, до сих пор вовсе не известные.

Публикуется по рукописной копии архива МИД СССР, фонд Аз. департ., IV-2, д. 8, л. л. 156—196-об. Написана на бумаге в лист, чернила. В рукописи имеются карандашные поправки, внесенные рукой Чокана Валиханова.

О СОСТОЯНИИ АЛТЫШАРА ИЛИ ШЕСТИ ВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАН-ЛУ (МАЛОЙ БУХАРИИ)

ОПИСАНИЕ АЛТЫШАРА ИЛИ КАШГАРИИ

Введение

Кашгария имеет характер песчаной пустыни, окруженной с трех сторон горными хребтами*), а с четвертой, восточной, стороны замыкается степью Гоби. Из пограничных хребтов самый доступный Тянь-Шань, через который, как уже сказано, ведут три пути.

Из гор вытекает множество рек, из коих одни теряются в песках, другие же составляют систему реки Тарим-Гола, впадающей в Лобнор (Звездное море). Без этих рек по преимуществу бесплодная почва не могла бы быть обитаема; они способствуют искусственному орошению страны и произрастанию хлебных растений.

Из рек судоходна только р. Тарим-Гол.

Из Китая в Кашгарию идет только одна дорога. Она устроена хорошо и в местах пустынных заселена кашгарцами, обязанными почтовой повинностью.

Климат вообще благорастворенный и здоровый как для туземцев, так и для иностранцев, зимы непродолжительны, и снег выпадает на короткое время.

Минеральные богатства края мало исследованы; есть признаки золота и меди**). В изобилии добывают

*) С сев. Тянь-Шань, с зап.— Болар и с юга — Куен-Лун (*Ч. В.*).

**) Западный пограничный хребет, отделяющий Кашгарию от Коканда, изобилует самородками золота (*Ч. В.*).

серу, нашатырь, квасцы и селитру. К самым же замечательным богатствам Кашгарии относится восточная яшма.

Страна производит виноград, хлопчатую бумагу, хлебные и огородные растения.

Лиственные леса встречаются лишь по долинам некоторых рек, а хвойные леса — в горах.

Число жителей Восточного Туркестана доходит до 580 т. Они сосредоточены в шести городах и в ближайших к ним селениях. Города обнесены высокими стенами из глины и глубокими рвами, дома строятся также из глины, с плоскими крышами. Вообще вид городов однообразен и печален.

Первоначально жители Восточного Туркестана были язычники, потом буддисты, и, наконец, с XIV столетия, с появлением ходжей, потомков Магомета, проник ислам, но он не изменил здесь обычаев жителей. Так, например, женщины в Кашгарии пользуются полной свободой. Ходжи и их потомки имеют и до сих пор сильное религиозное и политическое влияние. Ходжи разделились на две враждебные партии — черногорцев и белогорцев; этими распрями воспользовались джунгары и покорили Кашгар около 1750 года. Но вскоре (1758 год) сами испытали ту же участь и должны были вместе со вновь завоеванной страной войти в состав Китайской империи.

Ходжи удалились в Коканд. Недостаток пастбищ и скота вынудил китайцев допустить кокандцев приводить свой скот в Кашгар для обмена на туземные произведения. Это обстоятельство дает возможность жителям, ненавидящим китайцев, быть в постоянных сношениях с ходжами, которые с помощью кокандцев беспрестанно производят восстания в Кашгаре и других городах.

Первое восстание было произведено в 1826 году; китайцы его усмирили и намеревались навсегда воспретить кокандцам доступы в Кашгар. Но кокандцы с оружием в руках потребовали возобновления старого порядка вещей. Успех был на стороне кокандцев, и по миру 1830 года они не только приобрели право свобод-

ной торговли, но и право вмешательства во внутреннее управление краем.

После того в 1847 и в 1857 годах были еще два подобные восстания — и оба с помощью кокандцев. Последнее произведено ходжою Валихан-тюре, который сначала имел успех, но потом, оставленный всеми за жестокость и кровожадность, принужден был бежать.

Несмотря на явное участие кокандцев в этих восстаниях, китайцы не имели сил воспретить кокандцам доступ в Кашгар, и они доныне пользуются в Кашгарии одинаковыми правами с китайцами.

ЦГВИА, фонд 447, д. 235, л. о. 1—15.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ И СОСТАВ ЕГО

Населенность и распределение жителей по городам. Сословное разделение: чиновники, духовенство и народ. Отношение их к китайскому правительству и между собой. Степень образованности. Училища. Нравственные свойства туркестанцев. Китайский элемент и его влияние на туземцев.

На всем мусульманском востоке коран служит основанием учреждений гражданских; им определяются обычаи, законы и все отношения, как общественные, так и международные, отчего управление и жизнь народов в мусульманских странах более или менее сходны. Но Восточный Туркестан представляет замечательное в этом отношении исключение. Здесь мусульманизм должен был подчиняться местным обычаям страны и ослабить свои фанатические оковы; одна уже свобода женщин, явление, которое не встречается в других мусульманских странах, служит достаточным тому доказательством.

Причина неразвития мусульманского фанатизма в Восточном Туркестане, конечно, заключается в условиях географического его положения. Разобщенный непроходимыми горами с своими фанатическими соседями, Восточный Туркестан открыт, напротив, со стороны Поднебесной империи, и население его, свободно сообщаясь с китайцами, усвоило себе отчасти их веротерпимость.

В этой статье мы постараемся представить особенности характера и учреждений малобухарцев и их отличие от общемусульманских. Исходным пунктом наших сравнений будет Коканд и Бухара.

Туземные жители Малой Бухарии общего народного имени не имеют, а называют себя по городам: кашгарлык (кашгарец), хотанлык (хотанец), комуллук (комульский житель)*) и проч., или же просто йерлик — туземец. Китайцы называют их чанту[124] — (обернутая голова), калмыки — хотань, а среднеазиатцы, киргизы и буруты распространяют имя кашгарцев на все население Восточного Туркестана. Коренные жители этой страны говорят особенным диалектом тюркского языка, который известен у ориенталистов под названием уйгурского; физический тип их лица представляет одно племя; но по происхождению, небольшим уклонением в языке и образе жизни [они] разделяются на три народности, которые суть:

I. *Потомки древних уйгуров* в княжествах Хами и Турфан и в селении Лобнор, на берегу озера того же названия; к этому разряду надо отнести и туркестанцев Северной линии, т. е. мусульманское население города Кульджи, лежащее вверх по р. Или, в 40 верстах от китайского города того же названия.

II. *Долоны* принадлежат к ведомству Аксуйского, Еркендского и Харашарского округов. Аксуйские, Еркендские долоны занимают течение рек Кашгардарьи и Еркенд-дарьи; имеют несколько больших селений, из которых замечательны: Барчук, с китайским гарнизоном, и Маралбаши. Харашарские долоны занимают селение Курля**) и Бугур. Долоны были вроде крепостных людей у ходжей, отличаются от других туркестанцев акцентом и тем, что женщины обвертывают головы подобно киргизским и бурутским женщинам белыми платками.

III. *Нюгейт,* полукочевое племя, происходит, как говорят, от бурутов***) поселены в подножьях Музарта

*) Т. е. житель города Хами.
**) В рукописи «Корла».
***) Т. е. от киргизов.

и принадлежат к ведомству Турфанского округа, занимаются скотоводством и летом живут в войлочных юртах; нюгейты обязаны от китайского правительства, как повинностью, вырубать лед в Музартском проходе. Затем остальное население представляет редкое на Востоке единообразие.

Все малобухарцы исповедуют мусульманскую веру ханифитского толка, исключая жителей селения Лобнор, религия которых неизвестна, и ведут оседлую жизнь кроме вышеупомянутых нюгейт.

Из иноплеменных народов в состав народонаселения «Шести городов» входят:

I. Маньчжуры, сибо, солоны, дахуры, китайцы и тунгени*).

II. Дикокаменные киргизы племени турайгыр-кипчак.

III. Азиятские иностранцы и чалгурты (смешанная порода, происходящая от иностранцев и туземных женщин).

Непосредственные подданные Цинского Дома: маньчжуры, сибо, солоны и дахуры и жители Срединной Империи — китайцы и дунгане — суть представители Китая. Маньчжуры все без исключения чиновники или солдаты; высшие мандарины, стоящие во главе управления Малой Бухарии, принадлежат к этому племени. Сибо, солоны и дахуры составляют нечто вроде наших казаков и приходят на годовую службу из военных поселений в Илийском округе, куда они были переселены при начале завоевания Джунгарии с берегов Уссури, Зунгари**) и Амура. Китайцы большей частью солдаты так называемого «зеленого знамени»[125], частью чиновники, купцы, ремесленники и другие частные лица принадлежат к этой нации, и все они уроженцы провинции Шань-си и Ганьсу; дунгане, по-китайски хой-хой,— китайские мусульмане из провинции Шаньси, Ганьсу и Сычуань; все дунгане живут в Малой Бухарии по частным домам, они содержат рестораны (фузул) или же про-

*) Дунгане.
**) Сунгари.

мышляют извозом по подряду для доставки чайных транспортов*).

Китайское правительство после покорения Малой Бухарии основало при всех более или менее значительных городах, на расстоянии от 2-х до 7-ми верст, крепости или цитадели, которые известны у них под названием мань-чэн, а у туземцев под именем гульбана или янышара (нового города). Все солдаты и частные лица из поименованных племен живут в этих крепостях и сообщаются с туземными городами только днем. Кроме того, китайцы, сибо, солоны занимают караулы на пограничных местах и на станциях. В туземных городах состоят несколько человек китайских полисменов и по особому разрешению проживают в них постоянно содержателями винных лавочек.

Бурутский родоначальник Аким за услуги, оказанные империи во время войны 1758 года, был пожалован китайцами в правители (хаким-беки) города Ташмалык. Потомок его Садыкбек получил после восстания 1857 года за верность и усердие красный шарик на шапку и пользуется у кашгарского амбаня большим почетом. Подчиненные ему буруты принадлежат к роду турайгыр-кипчак; садыкбековские буруты единственные представители киргизской расы, находящиеся в совершенном подданстве от Китая на общих правах с туркестанцами.

Вследствие особенных прав, предоставленных

*) Об этом любопытном народе до сих пор было очень мало известно. Члены нашей миссии постоянно смешивали их с малобухарцами и называют обыкновенно туркестанцами. Путинцев и Борнс сообщают о них известия не совсем точные, а потому считаем не излишним сказать о них несколько подробно. Китайцы называют их хой-хой, что значит мусульманин, сами себя они называют дунгена или тунгеня. Переселение этого народа в Китай, как говорят их ученые, происходило в разное время и из разных мусульманских стран, что доказывается тем, что одни из них следуют учению имама Ханафи, другие имама Шафи. Тунгени носят китайскую одежду, имеют китайский тип лица и говорят китайским языком. В своих ли-бай-сы (мечетях) читают молитвы на арабском языке с китайскими комментариями. Тунгени ревностные магометане: подстригают усы, не курят табак, не пьют вина и чувствуют омерзение к свинине; но это не мешает им

иностранцам, и вследствие торговых выгод в Малой Бухарии живет постоянно много купцов, ремесленников и частных лиц из соседних азиатских владений; по численности и значению первое место принадлежит кокандцам, потом бухарцам, затем следуют бадахшанцы, кашмирцы и балти. Последние три народа живут преимущественнно в Еркенде и Хотане. Кроме того много авганов (кабульцы и логаны), евреев (бухарских), индусов, персиян, ширванцев и татар. Все иностранцы, кроме бадахшанцев, кашмирцев и балти, которые имеют своих старшин, все иностранцы известны китайцам под именем «Аньцзи-джан» (кокандцев) и, согласно договору, подчинены кокандскому аксакалу, живущему в Кашгаре, который имеет права резидента и консула. К категории иностранцев по правам принадлежит смешанная порода (métisage) чалгурт, дети иностранцев от туземных женщин и их потомства. Благодаря обычаю, по которому всякий иностранец мусульманской веры может вступать в брак с женщинами туземного происхождения на более или менее продолжительное время, сословие это распространилось до огромных цифр. Чалгурты по языку, жительству принадлежат Малой Бухарии, и все они независимы от китайцев и туземных властей и составляют самое свободное сословие.

Число народонаселения «Шести городов» определить с точностью невозможно. Официальная перепись, сделанная китайским правительством при покорении этой страны, по которой до сих пор получают

вступать в брак с китаянками тем более охотно, что при этом пользуются правом воспитывать детей в своем законе. Дунгане напоминают собой польских татар и подобно им отличаются особенной честностью, так что китайское правительство ими преимущественно замещает полицейские должности. Характерную черту этой нации составляет промышленный дух, развитый в высшей степени. Надо полагать, что общество тунгеней многочисленно, потому что нет уголка империи, где бы их не было. В Кульдже и Чугучаке они составляют значительную массу населения. Миссионер де ла-Брюньер говорит, что 1/3 населения города Ляодун в Маньчжурии магометане. Несмотря на единство религии, дунгане чуждаются малобухарцев и других среднеазиатцев, которые в свою очередь мало отличают их от китайцев. В последнее восстание в Кашгаре резали их на одинаковых правах с неверными *(Ч. В.)*.

подати и налоги, служит единственным фактом для определения численности туземного населения. По ней число семейств в шести городах определяется таким образом: Кашгар 16 т. домов или семейств, Яныcap — 8 т., Еркенд —32 т., Хотан —18 т., Аксу —12 т. и Турфан —6 т. Главные массы населения сосредоточены в городах; селения, хотя занимают и обширное пространство, но мало населены. Самые большие из них, которые китайцы называют городами, имеют незначительное число жителей; например, значительнейшие в Кашгарском округе Файзбат, Хан-арык имеют только до 2 т. домов, Астын-Артыш —1500, Устун-Артыш —500; Еркендской округи: Бай —500, а потому, полагая в семействе круглым счетом 4 человека, а жителей деревень, считая равными половине городского населения и присоединяя к этому до 27 т. долонов (Аксуйского и Еркендского округов), мы получим для всего туземного населения «Шести городов» такую цифру: 570 т[ысяч]. Ташмалыковских киргиз по списку Цзянь-луна считается 500 семейств, следовательно до 2 т. душ.

Население восточных округов еще беднее; Куча считается наиболее населенной.

Китайские гарнизоны расположены в Малой Бухарии в таком количестве: в Кашгаре 5500 человек, в Еркенде —2200, в Хотане —1400, в Аксу —600 и в Турфане —800. Присоединяя к этому гарнизоны в значительных селениях — Бурчуке 300 чел., в Сайраме то же число и, считая команды на пограничных караулах и на станциях, купцов и частных лиц, нужно полагать, что оно не превышает 15 т. Число иностранцев определить еще труднее. Самое большое число их в Кашгаре. При встрече нового аксакала было большое стечение людей этого разряда, и полагали до 6 т. одних андижанцев, не считая чалгуртов. После Кашгара второе место по распространению иностранцев принадлежит Хотану, потом Еркенду, менее всего иностранцев в Аксу и Уш-Турфане. В Кашгаре думают, что число иностранцев равняется ¼ части туземного населения, следовательно, около 145 т. душ.

Жители Малой Бухарии по их общественному положению и значению разделяются на три класса: чиновников (беков), духовных (ахунов) и на простой народ (алвонкаш). Первые два сословия освобождены от податей, а последние разделяются на горожан и земледельцев*). Некоторые из фамилий беков имеют наследственные права, данные им китайским правительством, как, например, комульские и турфанские князья. Другие, хотя положительным законом не определены их права, но вследствие богатства и связей сохраняют во всей фамилии звание беков в продолжение нескольких столетий. Все хакимбеки принадлежат к наследственным родам. Духовенство в Малой Бухарии состоит из наследственных шейхов и должностных мулл; последние, хотя участвуют в земском управлении, но не пользуются там влиянием и обширными привилегиями и уважением, как в других мусульманских странах. Вследствие обременительных налогов за право торговли и вследствие других повинностей капиталисты из туземцев охотнее водворяются вне своего отечества: в Кульдже и Урумчи, или же скрывают свое достояние, потому что в Восточном Туркестане купечество, как сословие, не существует, и так как духовенство не имеет влияния, то между дворянством и народом лежит неодолимая преграда. Дворянство отчуждено от народа интересами, привилегиями и происхождением. Следуя китайским церемониям, оно избегает связи с народом, который, хотя встречает его поклонами и уважением, но ненавидит бесконечно. Податный класс народа находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии. Китайцы***), беки и даже азиятские иностранцы, которые в городах Малой Бухарии составляют по независимому своему положению свободный класс, все равно его презирают и все требуют, чтобы им каждый гражданин и земледелец делал поклон. Китайские чиновники и беки, даже маньчжурские солда-

* Вариант: «... горожан и земледельцев. Разница между ними заключается в том, что горожане платят подать деньгами, а земледельцы — хлебом».

**) Т. е.— китайские чиновники.

ты разделили народ между собой. Каждый из них имеет клиентов. Клиент-горожанин обязан доставлять патрону мясо, сало и другие жизненные припасы, а клиенты из деревень пашут землю и по очереди обязаны являться на службу к своему господину, где исполняют его домашние работы. Чиновники ничего не делают, получают жалованье от китайцев, поборы с туземцев, а народ трудится, чтобы уплатить законные налоги, насытить корыстолюбие китайцев и беков и чтобы не умереть с голоду. Вследствие этих причин чиновники с правами наследственными, другими словами — туземное дворянство имеет большие капиталы, собранные с народа в продолжение многих лет путем притеснений и лихоимства, владеют обширными землями, садами, имеют по несколько домов. Земли и сады разрабатываются бесплатно, дома строятся также бесплатно*) и из даровых материалов. За получение мест правителей дворяне дают китайцам огромные деньги и в год управления успевают их пополнить даже с процентами. Мелкие чиновники обеспечены не менее дворян, хотя родовых имений не имеют. Хлеб, пищу, деньги доставляют им клиенты. Все чиновники, как только достигают до 5-й степени (род чина), тотчас приобретают земли, дома и деньги, при помощи которых их потомки получают наследственность. Народ живет бедно, терпит нужду и трудится вечно. Если бы туркестанцы могли пользоваться плодами своих трудов, то они были бы одним из богатых восточных народов, какими они были прежде. Непомерные налоги, система клиентизма и насилие беков отнимают у них почти все достояние. Вместе с увеличением капитала какого-нибудь лица равномерно возрастают налоги на его личность и притеснения и насилия властей. Оттого всякий туземец, имеющий состояние, оставляет отечество, потому что не имеет средств платить подать, увеличенную в три раза беками против законной, которая сама по себе тягостна: китайцы берут десятую часть урожая. Ду-

*)«Дома строятся также бесплатно»,— восстанавливается по делу 21, ф. 23, л. 94.

ховенство наследственное, шейхи при гробницах святых пользуются доходами с земель, принадлежащих гробницам, и потому они очень богаты. Самым богатым человеком в Кашгаре считался шейх гробницы Сутук-Бугра-хана в деревне Астын-Артыш, шейх гробницы хана, который был первым апостолом мусульманства в Малой Бухарии. После казни, постигшей его в 1857 году, имущество его [было] конфисковано в пользу казны. Шейх-Ахун оставил огромные земли, несколько домов, огромные запасы хлеба и, по уверению туземцев, несколько десятков тысяч ямб. Другие шейхи стали теперь осторожнее и ведут скромную жизнь, боясь подвергнуться участи собрата.

Самое образование кладет между этими сословиями неизмеримую бездну и отчуждает их еще более. В Азии существует образование исключительно религиозное. В бухарских медресе преподаются одни религиозные тонкости, необходимо нужные муллам, потому что большая часть народа, даже чиновники, совершенно не знают грамоты, хотя доступ в медресе предоставлен всем классам. Самый образованный класс в Коканде и Бухаре есть духовенство и потом купечество. Кто исполняет наружные обряды веры, умеет услащать свою речь цитатами из Хафиза,[126] Мавлеви-Джами[127] и знает разные анекдоты и героические повести вроде Абумуслима и проч., считается человеком сведущим и образованным. Для подобного образования совершенно не нужно учиться в школах, а стоит потолкаться на базарах, где дервиши рассказывают все это очень красноречиво. От людей административных и военных, даже от самого визиря требуется иметь хорошего мирза-баши (письмоводителя). Но в Малой Бухарии всякий дворянин должен знать догматы религии, отечественную историю и иметь сведения в китайском и маньчжурском языках. Не имея возможности вполне усвоить китайскую мудрость, беки хватают одни верхи и вследствие полуобразования усваивают одни темные стороны китайской цивилизации, пристращаются к внешним китайским формальностям, научаются ловко приседаниям, делать земные поклоны, чтобы не показаться невеждой

перед китайскими чиновниками. Желая подражать во всем китайцам, они берут пример с чиновников Южной линии, которые большей частью выслуживаются из солдат и проводят дни свои в пьянстве и разврате. В этой школе они получают понятие, что единоверные их подчиненные — нечто среднее между человеком и животным.

Образование народа здесь в таком же упадке, как в Коканде и других владениях Средней Азии. Правда, дети мужского и женского пола ходят в медресе, но, изучив главные начала закона божьего, оканчивают курс наук; только те, которые готовятся к званию ахунов, занимаются персидским и арабским языками. Духовенство знает основательно коран, комментарии и отечественную историю, имеет более правильный и умеренный взгляд на вещи, чем бухарские муллы. Вообще грамотность развита преимущественно в городах; жители же деревень почти не имеют времени для своего образования, и редко можно встретить земледельца, умеющего читать.

Литература ново-уйгурского языка, который господствует в Восточном Туркестане, довольно богата переводами. Незнание персидского языка заставило малобухарцев перевести на свой язык все лучшие произведения религиозного содержания с персидского и арабского языков. Насколько литература Малой Бухарии богата переводами, настолько же бедна самобытными произведениями, нет ни одного поэта и известного писателя из малобухарцев. Самобытные произведения их ограничиваются несколькими руководствами закона божьего, которые, надо сказать, лучшие из всех мусульманских сочинений в этом роде, не заражены фанатизмом и отличаются ненавистью к обрядностям; сочинениями о жизни туземных святых и не сколькими историческими сочинениями. За неимением своих поэтов, в Восточном Туркестане изучают Мир-Алишера. Единственное проявление поэзии — это народные песни: они составляются четырехстишьями, и сюжетами [их] служат политические события или любовь; общий характер песен — уныние и грусть.

Относительно музыки малобухарцы пользуются у

всех среднеазиатцев почетом. Музыкальный хор их составляют: двухструнная лютня — дутар и ситар, последний инструмент имеет 18 металлических струн; на нем играют смычком; гиджак с волосяными струнами, его держат как виолончель; рабаб или калун вроде цимбалов, на которых играют палочками, и маленькие бубны (чермендэ или даб). В Малой Бухарии в каждом городе есть официальная музыка, которая состоит из китайского гонгонга и большого бубна. Во время обеда правителей на особенной башне играет эта оглушительная и крайне неприятная музыка, кроме некоторых дней, в которые, по китайскому календарю, нужно печалиться. На пиршествах всегда должна быть музыка. Один или два певца под ударами ручных бубен читают стихи сначала из Алишера, а потом любовные и патриотические песни.

Говоря вообще, нравственное качество жителей Малой Бухарии заслуживает более похвалы, чем порицания. Китайцы обвиняют туркестанцев в недоверии, лукавстве, лживости, лености и невежестве, азиятцы говорят, что они трусливы, не набожны и развратны. Постоянное порабощение, насилие и несправедливости, которым подвергался этот народ, способствовали развитию многих дурных качеств характера, как например: недоверчивости, строптивости и лживости, но все-таки туркестанцы имеют много прекрасных начал, которых лишены все другие мусульманские народы и которые служат залогом, что при другой обстановке этот народ опередил бы всех своих единоверцев.

Кашгарцы характера доброго, общительного, радушны, трудолюбивы и до крайности вежливы. Все классы педантически соблюдают формы вежливости. Всякий обязан подробно знать и неизменно исполнять уставы приличия, а у беков доходит это до мелочности.

Убийства в Малой Бухарии почти не существуют; воровство — редко. Обвинение их в лености несправедливо; что касается до трусливости, в которой упрекают этот народ, то мы можем сказать, что по мягкости характера кашгарцы не отличаются свирепой храбростью и хвастовством кокандцев, но авганы го-

ворят, что во время восстания кашгарцы казались, на их взгляд, более стойкими, чем кокандцы. Азиаты в суждениях своих руководствуются понятием, общим многим полуобразованным народам, которые считают себя выше всех и порицают все то, что не так, как у них. Кокандцы говорят, что кашгарцы не набожны и развратны; последние обвинения некоторым образом справедливы. В Азии соблюдение внешних обрядов религии доведено до фанатизма. Владетели заботятся об этом и, как говорит Борнс,— «... в Бухаре, законы Магомета точно так же хорошо соблюдаются, как будто под его собственным надзором». В этих государствах существует особенный духовный чиновник, за которым, как за римскими ликторами, носят палки. Он может остановить всякого правоверного на улице и экзаменовать его из закона божьего, в случае незнания — наказать на месте. После призыва к молитве полиция выгоняет всех в мечети, она также наблюдает за благонравием, чтобы не курили, не пили вина. В Кашгаре в мечеть отправляется тот, кто хочет, полиция не обращает внимания на курение хашиша и питья вина, а наблюдает, чтобы не было бесчинства, и арестует пьяных только на улицах.

Всего лучше кашгарская умеренность выражается выгодным положением женщин в домашнем и общественном быту. Женщины в Малой Бухарии занимают почетное место, и многие из них приобрели историческую известность. Жеима, жена еркендского хакима Авдея, в 1765 году установила порядок в Еркенде; Секина-хан, жена кашгарского правителя Юнусвана была казнена китайцами. Женщины принимают участие в удовольствиях своих мужей, и в собраниях присутствие их считается необходимым. Примеры многоженства между туркестанцами довольно редки, потому что жена может оставить мужа, когда ей угодно; если жена желает развода, то не может взять ничего из дому; если же муж, то он должен обеспечить ее существование. Замечательно также одно уклонение от мусульманских обычаев — это временные браки; это тем более замечательно, что кашгарцы суниты ханифитского учения, которым временные браки

не дозволены. Обычай этот — остаток языческих времен. Марко Поло говорит, что комульцы, принимая гостя, оставляли его со своими женами, и чтобы он мог пользоваться совершенной свободой, уходили из домов, и что когда Хубилай*) уничтожил этот обычай, комульцы депутациями своими тревожили этого монарха до такой степени, что он должен был отменить свой эдикт. В настоящее время обыкновение это подчинено мусульманским формам: брак совершается по формам, положенным шариатом, и разводы — тоже.

Временные браки господствуют в области шести городов, которые посещаются иностранцами, а на восток от Кучи обычай этот вывелся, потому что они не посещаются иностранными караванами. Условие этих браков немногосложно: от мужа требуется одевать и кормить свою жену. В Хотане для того, чтобы приобрести жену, нужно сделать расходы на 1 руб. 50 коп. серебром на наши деньги. В Еркенде есть особенный базар, где можно встретить женщин, ищущих замужества, заключить условие; в Аксу и Турфане женитьба стоит дороже. Вследствие этого обычая, хотя предоставлена женщинам полная свобода выбора и чувств, но, по отсутствию образования и понятий о чести, проистекает неуважение к брачному союзу, и женщины в Восточном Туркестане не отличаются особенной чистотой нравственности. Магомет исключил женщин из общества и, запретив вино, думал гарантировать нравственность своей паствы, но из этого источника проистек разврат гораздо сильнейший. Мусульмане вино заменили опьяняющими курениями и экстрактами, которые действуют более разрушительно, чем вино. Среднеазиатцы для того, чтобы подгулять, употребляют хашиш, опиум и кокнар, сок из нарезанных маковых головок. Люди, подверженные страсти к употреблению этих вещей, составляют многочисленное бесполезное сословие — бэнги**).

) [Марко Поло упоминает имя не Хубилая, а Мангу-хана] Марко Поло. Путешествие. Перевод со старофранцузского И. П. Минаева. Л., 1940, стр. 53.

**) Слабоумный, страдающий алкогольным полиневритическим психозом (Корсаковский психоз).

Губительная страсть к одуряющим экстрактам соединяется с физическим расслаблением и особенного рода сумасшествием. Бэнги из низкого сословия делаются для прокормления себя дервишами и живут подаянием. В Кашгаре чрезвычайно много записных бэнги, и весь простой народ употребляет гашиш. Чиновники, подражая китайцам, пьют вино и курят опиум по китайскому способу. Употребление вина и бузы в Кашкаре не преследуется правительством.

Китайцы содержат питейные лавочки, а вне города в нескольких местах устроены заводы для приготовления бузы. Таверны с бузой постоянно полны посетителями. Иностранцы, живущие в Кашгаре, пользуясь свободой местных нравов, необузданно предаются разврату, потому что для них, привыкших к постоянному страху деспотического абсолютизма своих владетелей, вино и женщины имеют особенную заманчивость. Игра в кости распространена между всеми сословиями в Малой Бухарии, даже женщины подвержены этому пороку. Бэнги, курильщики и кумарбаз— азартные игроки, составляют самый буйный и строптивый класс народа и во всех революциях принимают деятельное участие. В Бухаре и Коканде, хотя женщины вообще не отличаются примерной чистотой нравов, но вследствие внешней обстановки, запертые и окруженные ревнивыми стражами, ограничиваются гаремными интригами; публичных женщин там нет, ибо страх наказания удерживает их от распутства: в Бухаре и Коканде за прелюбодеяние избивают каменьями. В Малой Бухарии женщины, как мы сказали выше, свободны в своих поступках, оттого и число распутных женщин, известных полиции, в шести городах развито до таких цифр, что устрашают не только среднеазиатских мусульман, но даже китайцев. Все китайцы имеют содержанок туземного происхождения, приживают детей, которые считаются туземцами. В предместьях городов существует много публичных домов, в которых женщины предаются грязному распутству. Причины значительной цифры павших нравственно женщин в Кашгаре происходят всего более от бедности и нужды.

К числу отличительных и хороших черт туркестанской нации надо отнести общительность. Они любят общество, часто устраивают вечера, на которых обыкновенно бывает вино, музыка и женщины. Угощает обыкновенно хозяйка дома. Вечера эти сопровождаются большими церемониями и бесконечными околичностями, которые ужасно утомляют иностранца. Туземцы исполняют уставы своего этикета педантически и, по-видимому, с большим удовольствием. О многотонной вежливости кашгарцев можно судить по тому, что, подавая друг другу трубки, вино, или что-нибудь, гости беспрестанно соскакивают с места, приседают и говорят условные фразы. В языке туркестанцев есть слово благодарю, «ашкалла», а в нравах — обычай благодарить,— слово и обычай, вовсе неизвестные для среднеазиатцев. Кокандцы никогда ни за что не благодарят, и когда это нужно, то прибегают к околичностям: «Да возвысится твое могущество, да наградит тебя аллах» и проч.

Кашгарские вечера «машреб»*) сопровождаются всегда пляской, в которой принимают участие все гости. Хаким-бек, правитель, на своих вечерах пускается также в танцы. В Малой Бухарии есть особенная профессия женщин-танцовщиц — ача. Туркестанская пляска напоминает несколько лезгинку.

Мы до сих пор ничего не сказали об одеждах малобухарцев. Дворянство одевается совершенно по-китайски, ездит на китайских колымагах, запрягая в них мулов. Чиновники второстепенные и городские жители носят халаты, приближенные покроем и цветом к китайским епанчам. Женский костюм состоит из сорочки, сшитой из шелковой или бумажной материи ярких цветов, из китайских кофточек, из халата с прямым скошенным воротником, как на наших военных мундирах; сверх всего этого при выходе из дому надевают шелковый плащ с золотыми лентами на груди и белую длинную чадру. Черная или белая сетка для закрывания лица составляет также необходимую принадлежность городского костюма, но турке-

*) Вечеринка, гулянка, увеселенье.

станки носят его для виду, и лицо их всегда открыто. Кокандцы и бухарцы требуют от своих жен, чтобы они носили покрывало. Мужчины и женщины летом носят круглые вроде арбуза шапки из золотой парчи или атласа, а зимой меховые шапки с бараньими и лисьими опушками. Высокие шапки из выдры, похожие видом на летние, носят только богатые женщины. Обувь употребляется в простом народе: русские сапоги или татарские ичиги. Женщины носят вышитые сапоги из красного сукна, а летом башмаки из красного же сукна на босую ногу.

Кулинарное искусство в Восточном Туркестане отличается также китайским влиянием. Обед туркестанца состоит из супа с овощами, лапши, мясных пирожков, пельменей и из разных маринованных овощей; последние роды пищи заимствованы от китайцев. Мяса и пилава туркестанцы не употребляют. Китайское влияние в Восточном Туркестане выразилось хотя более внешним образом, но довольно сильно. Туркестанцы научились от китайцев некоторым искусствам и ремеслам и заимствовали много слов. Китайские слова, вошедшие в состав языка, относятся к разным предметам архитектуры, нарядов и предметов роскоши; особенно много китайских слов в канцелярском языке. Нельзя не радоваться победам этой нации над предрассудками ислама и особенно способности, с которой они усваивают все иностранное. Туркестанцы ненавидят китайцев, но это не мешает им заимствовать их цивилизацию.

В заключение всего мы скажем о самой замечательной особенности малобухарцев, которою они всего более выходят из разряда других мусульман,— это патриотизм и политические партии черногорцев и белогорцев.

Публикуется по рукописной копии Архива МИД, фонд главного архива, IV-3, д. 10, л. л. 286—302.

Варианты приводятся по рукописной копии арх. АНССР, ф. 23, д. 21, л. 94.

Написана на бумаге в лист, чернилами. В рукописи имеются поправки, внесенные рукой Чокана Валиханова.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КРАЯ

Китайские власти. Туземное управление. Полиция. Доходы. Военная сила китайцев в Восточном Туркестане. Слабость китайцев. Ненависть к ним туземцев. Притеснения китайских и туземных чиновников. Недостаточность мер для ограждения внутреннего спокойствия. Причины восстания при слабости китайцев и ненависти к ним туземного населения не имеют успеха. Черногорцы и белогорцы. Их принципы. Фанатическое уважение азиатцев к ходжам. Положение ходжей в Коканде. Влияние кокандцев на политическую будущность Малой Бухарии. Отношение правительства южной линии к киргизам. Внешние сношения с Бухарой, Кундузом и Тибетом. Общее заключение и несколько слов о характере ходжей, могущих быть во главе будущих восстаний. Бузурук-хан — сын Джангира.

Восточный Туркестан, как часть Китайской империи, подлежит ведомству Западного края, следовательно и Илийского цзянь-цзюня.

Цзянь-цзюнь есть главноуправляющий Западного края и главнокомандующий там расположенных войск. Он имеет трех советников или товарищей — хэбэ-амбань, из которых один находится при нем, а два управляют: один — Северной, а другой — Южной линиями. Главнокомандующий Северной линией живет в Тарбагатае, а Южной — в Еркенде. В Малой Бухарии китайцы, изгнав верховных владетелей страны — ходжей, остальной порядок управления оставили на прежних основаниях. Для поддержания внутреннего спокойствия и для охранения границ от внешних нападений, поставили во все значительные города и

стратегические пункты гарнизоны, учредили пограничные пикеты и устроили внутренние сообщения. Туземные правители были подчинены начальникам гарнизонов, расположенных в их ведомствах, а главный надзор поручен был хэбэ-амбаню, главноуправляющему войсками Южной линии, который имел первоначально пребывание в Еркенде, потом в Кашгаре; после ушского*) восстания 1765 г. резиденция его была перенесена в Уш-Турфан, а впоследствии опять в Еркенд.

Китайское начальство ограничивается общим надзором за действиями туземных властей, а во внутреннее управление совершенно не вмешивается. Для сношения с туземцами определены пристава и в городскую полицию один офицер и несколько солдат. Только назначение, выбор и утверждение туземных чиновников китайцы предоставили себе, и это составляет предмет особенной их заботливости. Высшие чины даются лицам, испытанным и известным своей преданностью богдыханскому правительству.

Комульские и турфанские князья, которых фамилии обязаны своим значением и богатством Китаю, предпочтительно утверждаются в должности хакимбеков, особенно в города, подверженные внешним нападениям. Хаким-беки — правители, ишик-ага — их товарищи и другие чиновники высших степеней утверждаются богдыханом, а остальные места зависят от цзянь-цзюня и хэбэ-амбаня. Раздача должностей составляет для китайских мандаринов также источник своекорыстных выгод и доходов. В конце каждого года отправляется в Пекин с данью один из правителей от шести городов; назначение депутата зависит от главноуправляющего. Также в начале и в середине каждого месяца все туземные чиновники обязаны являться к китайским амбаням для церемониального приветствия.

В новый год по китайскому календарю беки отправляются к китайскому генералу с поздравлениями и дарами; дары эти отправляются ко двору и в Или. Туземцы с негодованием рассказывают, что в этот

*) Уш-турфанского.

день китайцы заставляют туркестанских беков делать земные поклоны изображению императора.

Относительно туземного управления западные города Малой Бухарии с селениями составляют независимые один от другого ведомства. Шесть городов: Еркенд, Хотан, Кашгар, Аксу, Янысар и Турфан составляют с окрестными селениями шесть независимых один от другого округов. Каждый город имеет свое правительство в следующем составе: хаким-бек, главный правитель округа; ишик-ага — его помощник, шан-беги или газначи-бек — генеральный казначей; эти лица составляют общее управление. Для непосредственного управления отдельными частями и для удобства сбора податей народ разделен на части, которые называются сотнями и тысячами. Сотнями управляют юз-беги, тысячами — мин-беги*). Несколько тысячников подчиняются мираб-бекам, которых настоящая обязанность есть заведывание ирригационными каналами, составляющими предмет ежегодных споров и жалоб.

Для наблюдения за спокойствием и тишиной в городах имеется полицейское управление тын-за, которое составляет китайский офицер — пи-я с несколькими полисменами из китайцев и туземные беки, называемые пачшаб[128].

В Туркестане есть много чиновников, имеющих различных степеней шарики, но без определенных должностей. Они пользуются, смотря по отношениям своим к китайским чиновникам и правителю, участием в правлении, имеют клиентов и требуют почестей. К этому разряду принадлежат тунчи — драгоманы при китайских генералах, дорого-беки (вроде адъютантов), мирахор-беки (конюшие), дворецкие, письмоводители, составляющие штат хаким-беков и других значительных чиновников. Служители их и лакеи принадлежат также к категории лиц, имеющих власть, и под названием *дарога* составляют низший разряд чиновников.

Судебная власть находится в руках духовенства.

*) Юз-беги, мин-беги — сотники, тысячники .

Алим-ахун — глава духовных — есть вместе с тем и генеральный судья; под его ведением находятся несколько кази-ахунов (судьи) и муфтий-ахунов; последние имеют обязанность вроде адвокатов. Собственно класс священнослужителей составляют хатиб-ахуны — священники соборных мечетей, мутавелли-ахуны—сборщики приношений при соборных мечетях, и, наконец, имам-ахуны — приходские священники; последние имеют вместе с тем попечение о воспитании юношества; старшие из них называются мударрус-ахунами (профессор). Большие селения имеют своих правителей: хаким-беков, алим-ахунов, казиев, мирабов, мин-беги и юз-беги, а незначительные управляются мирабами или одними мин-бегами. Земские власти, т. е. чиновники в селениях, подчиняются во всем общему управлению округа. В Кашгаре и его округе должностных, т. е. чиновников, получающих жалованье и имеющих определенные обязанности, считается 61, а духовных — 55; в Еркенде чиновников 136, а духовных 95. Этот состав чиновной иерархии существует в Малой Бухарии с древнейших времен, с той разницей, что центральная власть, находящаяся теперь в руках китайцев, принадлежала сначала ханам, потом владетельным ходжам. До вступления в подданство Китая хаким-беки избирались народом, с согласия владетеля; народ имел право по прошествии года, смотря по желанию, сменять, даже предавать смерти. В свою очередь хаким-беки имели более прав и власти. В наше время все более или менее важные дела представляются на благоусмотрение китайцев, и хаким-бек не может никого лишить самопроизвольно места и не может давать место. В прежние времена беки имели телохранителей и окружали себя восточной пышностью. При торжественных празднествах они выезжали на аргамаках, предшествующие*) навьюченными верблюдами, лошадьми в нарядных седлах, со знаменами, бубнами и музыкой; народ окружал и сопровождал их в подобных процессиях, и они угощали народ в своих домах. Теперешние ха-

*) Так в рукописи. Очевидно, следует «предшествуемые».

ким-беки следуют во всем китайской моде и, когда они выезжают, вершники разгоняют народ с улиц. Из прежних почестей осталась одна официальная музыка. Правители шести городов имеют около своих дворцов особенную каланчу, на которой во время их обедов играют на трубах и бьют в бубны.

Доходы городов Малой Бухарии определить чрезвычайно трудно; они очень сложны и неодинаковы: есть подати, свойственные известной местности. Общий характер таков: туркестанцы, записанные в казенные хлебопашцы, обязаны вносить в казну хлебом 1/2 урожая, а все прочие — десятую часть. Кроме того все обязаны вносить оброк за мельницы, за лавки, за огороды, плантации хлопчатой бумаги и проч. деньгами.

Сверх этого собирается подать золотом, серебром и местными произведениями под названием «дали», которая идет в Пекин; берут иногда дабу или хлопчатую бумагу вместо денег. Определить цифры, сколько каждый город дает доходу, нет возможности, и в этом отношении нужно считать более достоверным статьи из уложения палаты финансов о системе взимания налогов, приложенных к переводу китайского сочинения «Си-юй-вынь-цзян-лу», которое издано отцом Иакинфом под названием: «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана». Цифры о количестве сборов податей с городов Восточного Туркестана, представляемые автором вышеупомянутого сочинения, который долго жил в этих странах и потому имеет право на доверие, несколько различные от тех, которые показаны в уложении. По нашим сведениям, полученным от туземцев, в Еркенде берут в год 61.000 концов дабы, 31.000 мешков пшеницы и в каждый месяц 2 500 тянга[129], следовательно в год 30 000 тянга. Это показание почти согласно с свидетельством автора «Си-юй-вынь-цзян-лу»: по его свидетельству годовой оброк с жителей Еркенда собирается 30.504 мешка хлеба, 57.569 концов бязи, 35.370 ланов[130] серебра; кроме этого, автор прибавляет 1.649 ланов пошлинного серебра, 30 ланов золота, 800 гинов постного масла, 15.000 гинов хлопчатой бумаги, 3.000 гинов меди, 1432

портяных мешка и 1297 концов бечевок, идущих в дань.

Кашгар вносит собственно законной подати 36.000 ланов серебра и хлеба 14.000 мешков. Таможенные доходы китайцев в Восточном Туркестане в настоящее время весьма незначительны, потому что все иностранцы и киргизы платят его не им, а кокандцам. Главный предмет торговли — чай оплачивается пошлиной во внутреннем Китае и Урумчи, а торговля туземцев мелочная. Туземцы за скот и товары, получаемые из-за границы, дают двадцатую часть (5 процентов), с шелковых материй, бязей и кож — 10 процентов. Пошлина берется натурой или монетой по сделанной оценке. При продаже и покупке скота, домов и имущества берут с каждого лана серебра по 3/100 и с пулов[131] по 3/100.

Подати взимаются в Восточном Туркестане посредством раскладки по общинам, для чего народ разделен на тысячи, сотни и на семейства.

Первая опись и вместе с тем раскладка сделана была при покорении страны еще в середине прошедшего столетия; с того времени число семейств в этих общинах подверглось большим изменениям, но подати собираются по прежнему положению, оттого в одних частях на каждое лицо приходится в месяц 6 пулов, 10 пулов и 12, а в других от 1 до 2 и 3 тянга. При том так иногда, что люди достаточные дают 6 пулов, а бедные 3 тянга. В общинах, где на каждое лицо приходится в месяц 6 пулов деньгами в год, податная личность обязана вносить 2 ху[132] пшеницы (3 пуда); в тех общинах, которые доставляют 10 пулов — 4 ху, 12 пулов — 15 ху. Вносящие в месяц 1 тянга обязаны давать в год 10 ху, 2 тянга — 20 ху. Независимо от податей, взыскиваемых китайцами, есть также подать в пользу туземного правительства.

Последний налог распределен таким порядком: податные лица в общинах, вносящие 6 пулов месячной подати, дают в месяц в пользу городских расходов от 1 до 2 тянга, дающие 10 пулов — от 3 до 4 тянга, платящие 1 тянга, вносят 12; 2 тянга —20; 3 тянга —30.

Непомерный сбор китайского и туземного прави-

тельства и неравномерная раскладка податей делаются еще более тягостными от незаконных поборов, которые налагают туземные чиновники в сообществе с китайскими мандаринами.

Хлеб и деньги, получаемые в налог, китайцы употребляют на содержание войск; но этого, по-видимому, недостаточно, и потому на западные провинции отпускает пекинский двор до двух миллионов ланов серебра или 4.544 пуда и 74 фунта серебра; из этого числа, как говорят, до 1/2 миллионов ланов (1136 пудов и 14 1/2 фун. серебра) отпускалось на содержание войск Южной линии.

В последние годы, когда из внутреннего Китая, вследствие внутренних войн, подвоз серебра был остановлен, и в Джунгарии чувствовался сильный недостаток, китайцы Южной линии часть дани, отправляемой прежде в Пекин и Или*), обратили на свои расходы.

Военные силы китайцев в шести городах простираются до 15.000 человек. Туземцы военной службы не носят. Первоначально туркестанцы имели свою милицию, но китайцы, находя это вредным, уничтожили ее, и в Западном крае на всем пространстве ее границ содержат войска из маньчжуров, китайцев, тунгусов и чахар, отстраняя совершенно туземцев от военного дела. Олоты обращены в скотоводов, а туркестанцы— в землепашцев.

Солдаты Южной линии вооружены так же, как и во всем Западном крае — луками и стрелами; только небольшая часть ружьями. Артиллерии, как говорят, мало, что видно из того, что против ходжи она употреблялась очень редко. Пушки заменяют в китайских цитаделях крепостными ружьями, которые имеют прислугу из трех человек. Китайцы, как известно, дурные солдаты: войска, расположенные в Малой Бухарии, еще менее воинственны. Занимая уединенные посты или же заключенные в своих крепостях, они ведут распутную жизнь и все без исключения курят опиум, отчего между ними бывает сильная смертность, физическая и нравственная слабость. При восстаниях ки-

*) Кульджу.

тайцы запираются в своей цитадели и в этом положении остаются до тех пор, пока из Или приходят свежие войска для их освобождения.

Китайцы Западного края до того упали духом, что дозволяют киргизам в двух верстах от своих пикетов безнаказанно грабить свои казенные обозы. В Чугучаке байджигитовцы нападают около самого города на торговые караваны, и когда купцы просят помощи у китайцев, то они обыкновенно отвечают: «Драться нехорошо». При таком состоянии китайцев защита страны от внешних нападений и внутренних беспорядков делается более и более трудной, тем более, что из Или и из внутреннего Китая не могут давать значительных подкреплений. Во время восстания Джангира вспомогательные войска шли из внутреннего Китая и Северной линии. В последнее восстание из внутренних провинций китайцы не имели возможности давать подкрепление; из Или послать войска также нашли неудобным без ослабления Кульджи; оттого и были употреблены в 1847 году ссыльные, а в последнее восстание — калмыки.

Китайцы имеют на случай войны в Малой Бухарии военные запасы в Лянч-чжоу и хлебные магазины в Комуле и Урумчи. Сношение с внутренним Китаем производится: экстренное в месяц, а тяжелое в 4 и 5 месяцев; таким образом после получения известия о восстании помощь и провиант могут быть посланы не ранее 6 месяцев. С Кульджой сношения производятся в 18 и 20 дней, и больших подкреплений из войск Илийского округа ожидать трудно. Между тем неприятель, соединившись с туземцами, имеет все превосходства. Во всех городах, оставшихся верными Китаю, постоянно чувствовался сильный недостаток в жизненных припасах, особенно в животной пище.

Замечательные пункты в Южной линии в военном отношении суть: Аксу, через него шесть городов сообщаются с внутренним Китаем и Или; затем Кашгар, подверженный внешним нападениям; Бурчук, лежащий в центре внутренних дорог, и Бюгур, защищающий дорогу в Китай; около этого города есть только одна тропинка. Горы, окружающие Малую Бухарию,

служат естественным оплотом внешних нападений; а во время зимы, особенно когда выпадают большие снега, все горные проходы, исключая теректинского (см. пути сообщения), бывают совершенно непроходимы*).

Проходы в Куэн-Луне и Болоре трудны и легко могут быть обороняемы незначительными силами. Только линия от Аксу до Янысара представляет более или менее удобные пути и требует искусственной защиты. Г. Кашгар по положению своему должен и мог быть для китайцев прикрытием от вторжения кокандцев и ходжей, но не достигает своей цели: необходимость поддерживать внутреннее спокойствие военной силой заставляет китайцев содержать в многолюдных городах более многочисленные караулы, чем на пограничных пунктах. С 1825 года построены ими для помещения своих войск отдельные крепости. Китайские цитадели и вообще города Восточного Туркестана окружены толстой, вышиной от 6 до 8 сажен стеной из глины и окопаны рвами в 3 сажени и менее глубины. Стены сооружены несколькими башнями, которые походят на китайские беседки. Хотя по недостатку фланговой обороны китайские крепости и города Малой Бухарии не представляют особенной трудности и не могут выдержать правильной осады, но для азиатских войск они неприступны и могут быть взяты только голодом.

Южная линия есть сомнительное достояние Поднебесной Империи. Народ ненавидит китайцев и поддерживает постоянные восстания и упорную борьбу. Только военные силы и строгие меры могут поддерживать спокойствие, и если китайское владычество до сих пор держится и попытки ходжей безуспешны, то

---

*) Впрочем Тамерлан сделал несколько кампаний в Тянь-Шань. Зимовал он обыкновенно в Атбаше или Узгенде; примеры же больших военных предприятий в Болоре в истории редки. Мы знаем, что кашгарский хан Рашид делал поход в Бадахшан и потом ходил священной войной против белуров и в Тибет, но он нигде не встретил большого сопротивления от жителей, и потому его конница боролась только с естественными препятствиями *(Ч. В.)*.

причина этому заключается: во-первых, в несогласии, взаимной вражде туземцев и, во-вторых, во влиянии кокандцев. При отстранении этих причин независимость Малой Бухарии, по крайней мере Шести Городов, от Китая несомненная. Разберем подробно эти причины.

Обременительные налоги, незаконные поборы, лихоимства и притеснения китайцев и беков, поставленных ими, раздражают народонаселение Шести Городов, и они от души ненавидят как китайцев*), так и своих чиновников.

Положение китайцев в настоящее время так критично, что они должны бы стараться всеми мерами благорасположить к себе народ, но китайцы мало об этом думают. Окруженные кругом враждебными элементами, они вымещают свою злобу на народе, который выносит все это терпеливо и утешается тем, что когда явится ходжа, они будут отомщены. Китайцы**), сознавая свое бессилие, сделались подозрительными и злыми. После каждого восстания они неистовствуют, предают все грабежу, насилуют женщин, разрушают мечети и предают казни для внушения страху дервишей и других бедных людей; а лиц же более или менее влиятельных, несмотря на их участие в мятежах, оставляют при прежних должностях, даже дают высшие шарики. Эта политика напоминает турков, которые разбойников делали губернаторами провинции, в которой они свирепствовали. Исключение составляет казнь шейх-ахуна; но это было сделано по представлению хаким-бека и из корыстолюбивых видов, потому что шейх-ахун считался самым богатым человеком в Кашгаре. В обыкновенное время хотя явные грабежи оставляются, но притеснения сильны. Китайцы бьют на улицах всех, которые не сходят с лошадей, отнимают и бесплатно берут товары в лавках и даром обедают в ресторанах. Всякий китайский чиновник получает разные жизненные припасы даром, имеет клиентов из туземцев, которые находятся в

*) Т. е. высших китайских чиновников, эксплуатирующих народные массы.

**) Имеются в виду китайские чиновники.

их распоряжении как рабы. Подозрительность китайцев и туземных чиновников не знает пределов. Полиция бдительна и хорошо знает свое дело. В Кашгаре строго запрещается говорить о ходжах, и это слово подвержено гонению. В туркестанском языке ходжа значит господин, и ко всякому имени прибавляют это слово; теперь же его начинают заменять словом ахун. Патриотические песни также преследуются, но безуспешно. Кашгарские чиновники выбираются китайцами. Высшие из них комульцы и турфанцы; они, будучи чужды народу, которым управляют, заботятся только о собственных выгодах, чтобы составить состояние, и так как власть их зависит от китайцев, то во всем угождают своим покровителям. Усвоив одни дурные стороны китайской цивилизации, они недоступны и важны к своим подчиненным, унижаются перед китайцами и проводят дни свои в пьянстве и в обществе женщин сомнительного поведения, доставляя эти же удовольствия китайским чиновникам, которые приезжают к ним в гости. Мелкие чиновники копируют высших, но более их грубы и дерзки. Беки более китайцев притесняют своих единоверцев, налагают неправильные налоги, берут все даром, бьют на улице народ для показания своей власти. Туземцы, не заплатившие подать, подвергаются наказанию до тех пор, пока не найдут средств удовлетворить или бежать; вообще отговорки не принимаются. С иностранцами чиновники вежливы, но уклончивы и подозрительны. Китайцам хорошо известны злоупотребления туземных чиновников. Автор книги «О Западном крае»[133] долго служивший в Малой Бухарии, говорит: «... сильные притесняют слабых, и беки любят наживаться насилием; если бедный скопит сколько-нибудь имущества, то стараются высосать оное». Зная это, китайцы презирают чиновников, обращаются с ними надменно, но тем не менее поощряют их поступки, ибо это в их политике. Китайцы доверяют только тем, которые притесняют, следовательно, не имеют ничего общего с народом. Они боятся всего более, чтобы чиновники не соединяли своих интересов с интересами народа, тогда они сделались бы для них опасными. Жители

Шести Городов редко занимают высшие места, особенно кашгарцы, которые считаются самыми ненадежными подданными. В Кашгаре был из уроженцев его правителем один Кутлугбек и этот не удержался. Вообще чиновники, поднявшись до шестой степени, не могут служить на родине. Таким образом, китайцы достигают своей цели: чиновники составляют совершенно отдельный класс, отчужденный от народа и совершенно им преданный, только между низшими, особенно в селениях, есть патриоты, каковы были Халыкбек и Таирбек — артышские мин-беги.

Итак, народ ненавидит китайцев и беков. При этом возникает вопрос, если китайцы сами слабы и обставлены в самой Малой Бухарии враждебными элементами, каковы кокандцы, народ, то что же причиной того, что ходжи не имеют до сих пор успеха?

Жители Шести Городов по причинам, объясненным выше, разделяются на две религиозно-политические партии — белогорцев и черногорцев, которые имели своих духовных патронов (пир)[134]; между пирами этих партий происходила борьба за светскую власть над Малой Бухарией. Вследствие чего дух партий принял политическое значение, как и права религиозных патронов заменились отношениями светских владетелей. Вражда между ними постепенно так усилилась, что целью их существования сделался антагонизм. Белогорец должен во всем противодействовать черногорцам, а черногорец — белогорцам. В этом заключается религиозный догмат и политические убеждения этих партий.

В то время, когда в Восточном Туркестане восторжествовала черногорская партия и вступила в борьбу за независимость родины с джунгарами и китайцами, белогорцы соединились с китайцами и, изгнав черногорских ходжей, взяли перевес. Когда в 1758 году белогорские ходжи были в свою очередь изгнаны и начали свои набеги для освобождения отечества, значение партии переменилось. Белогорцы сделались патриотами и теперь ревностно борются за независимость. Черногорцы, как следует, сделались их оппонентами, но так как притеснение китайцев равно

действует и на них, то они из оппозиции к своим врагам представляют только консервативную партию, поддерживающую современный порядок вещей. Первоначально партии эти отличались цветом шапок: белогорцы носили белые, а противники их — черные, отсюда происходят и названия их. Таглык — горец есть нарицательное название, распространяемое на всех малобухарцев для отличия от низовых туркестанцев (кокандцы кашгарских эмигрантов называют таглыками). В настоящее время внешних отличий не существует, и вопрос: какой вы партии? считается нескромным, но тем не менее вражда их все еще сильна. Общеупотребительная брань: проклятие на твоего патрона! — показывает это расположение. В городах число партий неравномерно, но в Кашгаре, Аксу и Куче более белогорцев, а в Янысаре, Еркенде и Хотане — черногорцев. В Кашгаре, собственно в городе и в селениях, лежащих на северо-востоке, более белогорцев, а в селениях на юго-западе — черногорцев. Чалгурты — потомки иностранцев, по языку и жительству принадлежат Восточному Туркестану, но пользуются правами иностранцев и, следовательно, более независимы. Они все принадлежат к одной из этих партий, но равно преданы претендентам и в восстаниях принимают деятельное участие. Говорят, что вообще белогорцы многочисленнее черногорцев, но сила их уравновешивается тем, что все белогорцы, более или менее значительные по богатству, уважению, эмигрировали в Коканд и живут при своих патронах. А последний и самый значительный представитель их — артышский шейх-ахун был казнен китайцами, а имение его конфисковано. Из родовых шейхов этой партии остаются настоятели при гробе ходжи Аппака. Сунуджа-ходжа, главный шейх этой гробницы, употреблялся китайцами как посланник в Коканд, и потому, надо полагать, что он не из числа фанатичных партизан белогорской партии. Черногорцы в качестве консерваторов остаются все на родине и своим патронам, маргеланским ходжам, посылают ежегодно богатые приношения. Представителем же партии в Кашгаре считается ханарыкский Алим-ахун, потомок

одного из шейхов Даниель-ходжи; этот ахун пользуется большим уважением своей партии и поддерживает это уважение ханжеством и таинственностью.

Ходжи из фамилии Аппаков, когда им удается брать Кашгар, тщательно заботятся, чтобы не делать различий, и дают одинаковые права духовенству той и другой партии; но все-таки не могут победить коренных принципов черногорской партии. Китайцы не понимают всей важности этих партий и не пользуются для своих выгод; они черногорцев называют хаймоуза — черношапками; белогорцев — баймоуза — белошапками, но, по-видимому, дурно знают их значение. В высочайшем указе, обнародованном в 1830 году, сказано: «Князь черношапочных магометан пришел со всеми силами своего царства». Эти слова показывают совершенное незнание дела. Вражда этих партий есть главная причина, почему в Восточном Туркестане не может быть всеобщего восстания, и почему ходжи не могли иметь больших успехов, а также причина, почему в этой стране не может быть никогда спокойствия. Во всех странах, подверженных революциям, является особенный класс людей, любящих мятежи и беспокойства без всяких убеждений, так сказать, из любви к искусству.

В Кашгаре и вообще в Малой Бухарии подобный класс составляют: дервиши, курильщики хашиша, азартные игроки и салтаны (пролетарии); они первые поднимают оружие при восстаниях и режут всех беков и китайцев, а при бегстве ходжей грабят дома его сановников и помогают китайцам. Таким образом, настоящая внутренняя политическая обстановка Восточного Туркестана одинаково неблагоприятна как для владычества китайцев, так и для ходжей.

Теперь обратимся к влиянию, которое имеют кокандцы на политическую будущность этой страны, и рассмотрим правила, которыми они руководствуются в отношениях своих к правительству Южной линии.

Влияние кокандцев на Восточный Туркестан основано, главным образом, на том, что в этом владении живут потомки кашгарских ходжей, претендентов на владычество над Малой Бухарией. На мусульманском

востоке потомки Магомета пользуются особенным уважением и под именем: сеидов, шейхов, ходжей, эмиров составляют особый привилегированный класс вроде духовного дворянства. Духовенство в среднеазиатских государствах двух родов: родовое, пользующееся фанатическим уважением народа и имеющее влияние на владетелей, и сословие мулл, или улемов, которые соединяют в себе обязанность священнослужителей, юристов, судей и педагогов. К первым принадлежат: потомки Магомета (сеиды и ходжи), потомки халифов и разных святых мужей (шейхи). Родовое духовенство имеет свою иерархию. Во главе их и вообще всего духовенства стоит один ходжа-калян*), несколько ишан-накибов**) и ишан-сюдуров***). Эти лица должны быть исключительно из сеидов.

Сословие улемов[135] составляют: один шейх-уль-ислам,****) два казы-каляна (генеральные кадии), один казы-аскар, заведывающий судной частью в войсках, один райс*****), наблюдающий за благоверием, несколько кази-кузатов******), алямов, муфтиев-иль-аскаров, простых казиев и муфтиев. Собственно священнослужители и вместе с тем народные педагоги суть: имамы, халфе, хатибы и муллы.

Среднеазиатцы суеверны и фанатичны: сеиды, пользуясь их невежеством, успели приобрести в народе благоговение; ученики и мюриды их рассказывают о чудесах, ими произведенных, и всему этому верят. Избавленные от смерти на основании слов Магомета: «Почитайте моих потомков, если бы они и не были того достойны: этим почтите меня», и, основываясь на фанатической преданности народа, который видит в них чудотворцев, они безбоязненно вступают в борьбу с владетелями, делают им упреки, и те выслушивают, как добрые мусульмане, с подобострастием, и сами верят в их сверхестественность. Таким образом,

*) Ходжа-калян — «великий ходжа».
**) Ишан-накиб — глава суфийского ордена.
***) Ишан-сюдур — один из главных ишанов.
****) Шейх-уль-ислам — глава мусульманской общины.
*****) Раис — глава, начальник, управитель.
******) Кази-кузат — верховный судья.

сеиды ограничивают деспотизм, а духовенство, как исполнители закона, имеют сильное влияние на управление. Борнс прекрасно охарактеризовал управление в Бухаре[136].

По влиянию на правительство и народ весьма важно родовое духовенство, а потому считаем не излишним сказать подробно об известных фамилиях сеидов и шейхов, преимущественно о живущих в кокандском ханстве.

Самая влиятельная фамилия сеидов, по слепому уважению среднеазиатцев, есть фамилия Миянов[137], иначе называемые Фарухи или Сахиб-задэ; фамилия эта ведет род свой от халифа Омара, в ближайшем колене от имама Раббани, а по женской линии от Фатимы, дочери Магомета. Фамилия эта вышла в весьма недавнее время из Пейшавара. Представители этого почетного рода суть: в Бухаре — Миян-Фазыл-Улема-Кадыр; в Коканде — Миян-Бузрук, известный под названием Каттэ-азрета, брат предыдущего, и родственник их ишан-Миян-Мухамед-Халиль, бывший в 1842 году посланником при нашем дворе. Сын бухарского Сахиб-задэ, рожденный от принцессы ханской крови, живет в Акче и имеет большое влияние на авганского Досмагомета. Титул, присвоенный этой фамилии,— азрет (владыка).

2. *Кашгарские ходжи.* О происхождении этой фамилии мы говорили не раз; они живут в Коканде и Маргелане. Живущие в Коканде происходят от Сарымсак-ходжи и принадлежат к так называемой белогорской линии. Маргеланские происходят от Абдулла и Патшахан-ходжей и принадлежат черногорской линии; титул, присвоенный этой фамилии,— тюря (принц).

3. *Туркестанские ходжи*, они принадлежат, как кашгарские, к чистой породе сеидов, т. е происходят от Фатимы. Ходжи эти живут в городе Туркестане или Азрете и распространены между киргизами. Многие из них кочуют и по невежеству своему потеряли уважение оседлых среднеазиатцев.

4. *Кассан-хаджи* живут в Кассане и Намангане. Фамилия эта чрезвычайно многолюдна.

5) *Майдан-ходжи*—в Андижане. Фамилия много-

численная. Майданы разъезжают между дикокаменными киргизами, занимаются оспопрививанием и потому известны также под названием чикме-ходжей (оспопрививателей).

6) *Омари* — потомки шейха Антавуры, в Ташкенте. Кроме этих, много других незначительных фамилий, имеющих притязание на название ходжей. Шейхами в Коканде и Бухаре называются настоятели при храмах, воздвигнутых над могилами святых. Шейхи эти — или потомки мужа, прославившегося подвигами веры, при прахе которого [они] живут неотлучно, или потомки учеников этих святых. Шейхи пользуются приношениями многочисленных поклонников, привлекаемых из дальних мест религиозной ревностью, и все чрезвычайно богаты. Надгробные здания мусульманских святых, мазары, хранят такие же богатства, как средневековые христианские монастыри. Мазару принадлежат обширные земли, деревни и крестьяне. В Средней Азии более известны гробницы: Палван-Ахмед Чжамши в Ургенджe (в Хивинском ханстве); Пахаведдина-Накшбенди в окрестностях Бухары, ходжи Джагана — в Гиждаване (в Бухарском ханстве); Зенги-баба, ходжи Ахрар-Вали в Ташкенте и ходжи Ахмед-Есави — в Туркестане. В Кокандском ханстве, собственно в Ферганской долине, есть несколько мазаров, изобретенных воображением фанатических мусульман или корыстолюбием духовенства.

В горах Алай, на юге от Маргелана, лежит богатый мазар Шаимардан; место это составляет одно из 11 мест, где предполагается похороненным Али. Али, как известно, был убит в Куфской мечети, но тело его, как говорят мусульмане, было взято небесным верблюдом, который потом исчез. Около Оша есть камень, называемый Тахты-Сулейман «Соломонов престол», гробница Асафа, который, по восточным преданиям, был визирем этого пророка, и гробница пророка Юнуса (Ионы). Мы сами читали книгу о святых местах в окрестностях Оша. Из нее видно, что Магомет знал о существовании этого города и заповедал всякому правоверному, хотя раз в жизни посетить ошские святилища. Эти гробницы всего лучше характеризуют грубое неве-

жество и суеверие среднеазиатских мусульман. Шейхов при Шаимардане называют ходжами, они живут в Маргелане, в кварталах Мешхет. Шейхи ошские также многочисленны. На поклонение в эти места приезжают ежегодно пилигримы с семействами из Коканда, Маргелана, Андижана и других городов Ферганской долины.

Ходжи или сеиды, как сказано выше, изъяты во всех случаях от смертной казни и от телесного наказания, которому на востоке подвергаются и визири, и освобождены от всех повинностей и налогов. Мияны[137] и кашгарские ходжи пользуются предпочтительно известностью боговдохновенных, и потому им предоставлены особенные почести. Мияны все одарены способностью делать чудеса и пользуются божественным откровением пророчить и [от]того их боятся владетели, воздают почести, не предпринимают ничего без их советов и благословения, считают себя в числе их мюридов и «послушников», а народ благоговеет бесконечно. Члены этих двух фамилий могут вступать в родство с бухарским эмиром, кокандским ханом и другими владельцами. Они занимают высшие духовные должности. Бухарские ходжи-калян происходят из фамилии Мианов, кокандский Сабирхан-тюря — из кашгарских ходжей. Ишан-Миян-Халиль, бывший в 1842 году кокандским посланником при нашем дворе, имел звание ишана-нагиба. Сеиды стоят во главе управления, употребляются на важные, даже дипломатические посты. Кокандский посланец, бывший в 1829 году в Петербурге, был ходжа и имел звание ишана-сюдура. Сахибзадэ и кашгарские ходжи чрезвычайно богаты, они постоянно получают приношение от набожных мусульман, имеют обширные земли и деревни, отданные им в пожизненную аренду. Другие ходжи бедны и для прокормления себя прибегают к разного рода мелким шарлатанствам, лечат бедных, продают талисманы и собирают приношения.

Кашгарским ходжам предоставлен титул тюря, присвоенный одним принцам ханской крови. Представители старшей их линии Махтуми азяма имеют права на почести, равные с ханскими.

В настоящее время число членов фамилий кашгарских ходжиев, живущих в Коканде и Маргелане, считается более двухсот человек. Каратавские ходжи, живущие в Маргелане, не предпринимали до сих пор попыток произвести восстание. Причины этого надо полагать в том, что среднеазиатцы не признают их прав на светскую власть и, наконец, потому, что не имеют около себя партизанов и потому, что белогорцы сильны и многочисленны. Белогорские ходжи имеют последователей между кочевыми узбеками, киргизами, которые готовы во всякое время содействовать им. Кроме того, в Кокандском ханстве много кашгарских эмигрантов белогорской партии; они живут в деревнях около Андижана, Шахри-хана и Карасу в числе 50.000 семейств под названием таглык. Кроме того, живет их много и в городах. Около Ташкента есть целое селение кашгарских эмигрантов Янги-шаар. 56.000 таглыков преданы своим ходжам, составляют общество, готовое содействовать имуществом и собой. Все богатые и влиятельные белогорцы живут в Коканде. Следовательно, ходжи сильны вещественно; что касается до нравственного их значения, то это выражается тем, что падение дома Бадахшанского приписывают гневу пророка за убийство ходжей. Борнс, сообщая это известие, говорит: «Пока здесь будет существовать подобное мнение в пользу фамилии ходжей, члены ее останутся опасными соседями для китайцев».

Дикокаменные киргизы убеждены, что одно из их поколений — машак — потому обеднело и рассеялось, что глава их способствовал китайцам захватить Джангир-ходжу. На месте, где Джангир имел домик, кокандцы устроили молельню и во имя его приносят жертвы. Азиатцы считают каждого члена этой фамилии одаренным божественным вдохновением. Убеждение это так сильно, что самые пороки, которые они обнаруживают, принимаются за религиозное исступление, и на пьянство и разврат их смотрят с благоговением. Основываясь на таком авторитете, молодые ходжи шатаются по улицам, бьют собак, заглядывают под покрывало женщин, и никто не осмеливается их остановить. Преданность кашгарцев, т. е. белогорской

партии, к этим ходжам не знает пределов. Они считают их непогрешимыми, как католики папу.

Китайцы знают хорошо влияние и значение ходжей на Восточный Туркестан. Бадахшанским владельцам давали ежегодно пенсию за то, что Султаншах убил Бурханеддина и ходжу Джагана, и остановили выдачу пенсии, когда страной овладел кундузский мир*). Пекинский кабинет, надменный с иностранцами, поддерживает постоянное сношение с Кокандом, посылает кокандскому хану и его министрам постоянные дары, не говоря об официальной уступке пошлины. Не знаем, как называют китайцы свои отношения к Коканду. Предоставляя Коканду обширные привилегии, богдыханское правительство требует от них одного — иметь надзор за ходжами и не дозволять им предпринимать газат. Как кокандцы исполняют свое обязательство, видно из исторического очерка. Первое сношение Китая с Кокандом и Средней Азией началось тотчас после покорения Восточного Туркестана. Ердене и Нарбута, как пишут китайцы, признали их владычество. Впоследствии, когда ходжи переселились в Коканд, китайцы начали входить в более тесные переговоры. Посланники китайского двора посещали Коканд, а кокандцы сносились с хэбэ-амбанем Южной линии и получали богатые дары. С 1825 года отношения изменились. Кокандцы, увидев слабость китайцев, воспользовались ходжами и в 1831 году заключили договор, по которому им были предоставлены пошлины с товаров, привозимых иностранцами, и все иностранцы подчинены ведению Кокандского аксакала. Эта должность отдается кокандским ханом, как все должности в государстве, на откуп. Первоначально в это звание назначались купцы, но в последнее время замещали по преимуществу военными. Последние два аксакала были из сипаев в чине датхи. Главный аксакал, имеющий права резидента, живет в Кашгаре, при нем состоит зекетчи — сборщик податей, газначи—казначей, мирзабаши — правитель дел и несколько сипаев для разных поручений. Назначение аксакалов в другие города за-

*) Т. е. правитель.

висит от него, и он, в свою очередь, отдает эти должности на откуп по цене, смотря по торговому значению и доходу города, в который нужно определить аксакала. В этом отношении Коканд, как главный пункт мануфактурной производительности и место оптовых закупок, имеет высокое значение; говорят, что доходы, получаемые кокандцами с этого города, равняются доходам пяти других городов. Место кокандского аксакала стоит 16 ямб, аксуйского—8, еркендского—6, турфанского и янысарского—4; кроме того аксакал назначает в разные селения для полицейского надзора и для сбора податей диван-беги, а в улусы киргиз рода чонбагыш, ему подчиненные, ильбеги — приставов. В Кашгаре он имеет курабашу — полицеймейстера, казиев — судей и имамов. При аксакале находится маклер, назначаемый ханом и потому называемый хан-даллаль. Этот чиновник получает за посредничество при торговых делах иностранцев, если купля производилась по ямбу, то с одной — по 3 золотых, если на золото — с десяти — 1; за выходящие из Кашгара караваны он берет с каждого вьючного животного по 2 тянга. Даллаль или маклер обязан платить ежегодно в казну 1200 штук фу-чаю, т. е. около 3600 руб. серебром. Так как доходы его слишком обширны сравнительно с тем, что вносит он в казну, то аксакал назначает ему товарищей. Доходы самого аксакала определить очень трудно, потому что они слишком сложны. Аксакал собирает пошлины 1/40 часть с товаров и со скота, принадлежащего мусульманам, с евреев и индусов — 1/10. Кроме этого аксакал пользуется подарками от купцов; требует от всех своих консулов также подарков; с андижанцев и чалгуртов, имеющих дома и хозяйства, он собирает подать на тех же основаниях, как в Коканде; с хлебных полей и с хлопчатобумажных плантаций берет с 10 батманов по одному; с садов, огородов и искусственных лугов сбор производится не с произведений, но с земли; мерой служит танап — 0,375 десятины. С фруктовых садов за каждый танап берет 10 тянга, а с огородов и искусственных лугов — 5 тянга. От киргизов берут с 40 голов скота по 1. О значительности годового дохода аксакала может служить то, что при нас в один день

собирали пошлины до 900 тилля[138] — 4500 руб. серебр.; несмотря на то, аксакал дает хану в год только 800 или 1.000 тилля, посылает ему и его министрам подарки (тартуг). При нас Нормагомет датха отправил ко двору 30 лошадей, зеленого чаю и 9 девяток, которые составляли 18 ямб, 18 шуб, шелковые материи и фарфор.

Все иностранцы подчинены кокандцам, чалгурты тоже. Это обстоятельство в совокупности с влиянием кокандцев на предприятия ходжей дает им то замечательное значение на территори Шести Городов, которыми они умеют пользоваться как нельзя лучше. 1/4 часть населения шести городов, около 145.000 душ, зависит во всех отношениях от кокандцев, и это делает их крайне бесцеремонными как в сношениях с китайцами, так и туземными властями. Кокандский аксакал на официальном китайском языке носит титул шань-я (торговый старшина), но в сущности есть отдельный губернатор. Сначала туземные хаким-беки, которые называют себя шахами, тщеславные, как азиатцы, недоступные, как китайские мандарины, обращались с аксакалами надменно, говорили им *ты*, особенно когда аксакалы были за купцов. Со времени назначения Байхана, покровительственный тон изменился на отношения лиц равных. Байхан был чиновник и получил место аксакала из ошского зекетчи. Приехав в Кашгар, он запретил всем андижанцам сходить с лошадей перед туземными чиновниками, потому что это не в обычаях кокандцев, и от туземцев стал требовать, чтобы ему оказывали, согласно их этикету, те же церемонии, какие хаким-беку. Между ним и правителем Кашгара началась пикировка. Байхан побил какого-то кашгарского чиновника, не сошедшего перед ним с лошади, и потом, встретившись с хаким-беком, несомым на носилках, проскакал мимо, и один из его свиты задел носилки; обиженный бек приказал своим телохранителям схватить виновного. Кокандцы сделали драку, народ принял участие, так что в городе началась общая свалка. Андижанцы устроили баррикады для защиты своих кварталов и разгорячились до того, что стали рубить саблями и стрелять из ружей. Китайцы, узнавши о ката-

строфе, вступили в посредничество и, чтобы смягчить кокандцев, грозивших выездом и войной, обвинили хакимбека и лишили его места. Таким образом, аксакалы завоевали себе внешние почести, равные с правителями.

В Кашгаре иностранцы составляют почетное сословие и приобрели уважение народа. Есть народы, в сношениях с которыми уступчивость есть величайшая ошибка, которых, как говорится, нужно держать в черном теле и действовать страхом: при малейшей уступке, и еще хуже, если заметят слабость, то делаются требовательными и дерзкими. Кокандцы принадлежат к разряду таких народов. В 1845 году во время кипчаков кокандским аксакалом был Намедхан, из ташкентских купцов. Дикокаменный киргиз из рода найман Тилля, преследуя своего врага киргиза Акимбека, который, недовольный кипчаками, бежал на Тянь-Шань — Тилля, преследуя Акимбека, с шайкой через Кызыл вторгнулся в границу китайских пикетов, чтобы кратчайшим путем пройти на Терек. Китайцы были так перепуганы этим движением и, не имея средств остановить [Тилля], обратились к кокандскому аксакалу с большими дарами, чтобы он запретил киргизам входить с оружием в границы. Намедхан после этого стал сам возбуждать киргиз к подобным действиям в надежде получить еще подарки. Доказательством, как кокандцы пренебрегают отношениями к китайскому правительству, служит то, что все кокандцы, служившие ходжам, живут спокойно в Кашгаре под покровительством аксакала. Китайцы, хотя знают участие этих лиц в мятеже, но не смеют их преследовать. Кокандцы как бы на зло дают им должности в Кашгаре. Аксакал, назначенный Малибеком,— тот самый, который служил ходже и был у него мин-башой. В пребывание наше в Кашгаре было два аксакала, и мы, будучи с ними в близких отношениях, знали хорошо их действия с китайскими и туземными властями. Первый аксакал, Насырэддин-датха, был человек энергический, прямой и, как истый узбек, грубый; все деятельные участники последнего восстания находились при нем. Михтяр-Валихан был у него сборщиком податей; удайчи,

казначей, ходжи и многие другие, служившие ему, находились при нем. Насырэддин, будучи в разладе с хаким-беком, делал ему беспрестанные неприятности и в сношениях с китайцами был дерзок и угрожал ходжой. По старой привычке китайцы и калмыки продолжали бесчинствовать на улицах, толпами разъезжали в базарные дни, немилосердно наказывали нагайками всех тех, которые не успевали отстраниться и очистить дорогу, и еще при нас гоняли ослов, навьюченных дровами, в свою крепость, и потом, взявши дрова, их пускали, так что бедные погонщики по целым неделям отыскивали своих животных. Насырэддин остановил эти бесчинства, воспользовавшись следующим поводом: пьяный сибо, въехав верхом в кокандский караван-сарай, за что-то ударил нагайкой почетного кокандца. Кокандцы сбросили его с лошади и, избивши до полусмерти, отнесли в дынзу. После этого и другого подобного случая, явные насилия и буйства китайцев были остановлены. Насырэддин позволил себе вмешиваться и в дела туземцев: по его требованию были закрыты несколько публичных домов и запрещено распутным женщинам въезжать в город. Как ревностный мусульманин, он сокрушался пренебрежению, которое кашгарцы оказывают обрядам религии, и убедил хаким-бека назначить одного ахуна в звании раиса — блюстителя благоверия. Когда этот чиновник появился на площади со знаками своего звания, в чалме, с цепью на шее, [то] возбудил в народе шумное удивление. Существование его было непродолжительно. Хаким-бек хотел, чтобы он, раис, как духовное лицо, мог наказывать и андижанцев. Аксакал же не хотел и слышать о подобном деле и справедливо выразился, что хаким-беку хочется выместить через раиса свою старую злобу на андижанцев; предположение это совершенно оправдалось, потому что на третий день раис исчез и более не появлялся. Преемник Насырэддина Нормагомед-датха, был человек гуманный и вследствие долгого пребывания знал характер туземцев и соблюдал наружный этикет, который у кашгарцев считается признаком образованности. С хаким-беком и туземными чиновниками в

частных делах он был дружен, обменивался подарками, представляя амбаню (чего ни за что не хотел его предшественник), а в день китайского нового года послал амбаню подарки. Одно обстоятельство ставило его в щекотливое положение. В последнее время против кокандского аксакала явилась сильная оппозиция бухарцев. Большей частью бухарцы имеют свою торговлю в Еркенде. Купцы этой нации, пользуясь восстанием 1857 года, совершенно отделились от кокандцев, избрали своего аксакала Камиля и вместе с кашмирцами с бадахшанцами деятельно помогали туземному правительству против ходжи. Когда после бегства Валихана все андижанцы были арестованы, бухарцам сделали исключение; с другой стороны Садыкбек, правитель селения Ташмалык, присоединил к своему ведомству несколько душ горных таджиков, которые прежде платили зекет аксакалу. Насырэддин-датха и Нормагомет на основании трактата, по которому все иностранцы на территории «Шести Городов», были подчинены кокандскому аксакалу, требовали выдачи бухарца Камиля и возвращения в их зависимость таджиков. Китайцы не могли отказать прямо, но медлили исполнением. Кокандский посланник Мядкеримбай, приехавший в Кашгар вместе с новым аксакалом, настоятельно требовал исполнения и грозил, что прервет всякие сношения. Неизвестно чем кончилось это дело, но, должно полагать, что не в пользу бухарцев как по причине их малочисленности, так и потому, что китайцы не имеют с бухарским эмиром официальных сношений. Подобный случай был прежде в Хотане, и виновник его был прислан в Кашгар к аксакалу в кандалах и под стражей. Эти два случая показывают, что китайцы, хотя косвенным путем, хотели бы ограничить ту власть, которую вынуждены были дать кокандцам. После джангировского восстания китайцы думали наказать кокандцев и, прервав торговые сношения с Кокандом, послали в Бухару посла просить содействия эмира и восстановить его против кокандцев. Эмир уклонился от прямых сношений, предложенных китайцами; говорят, что эмир, как правовернейший монарх, счи-

тал неприличным иметь дела с идолопоклонниками,— мы же думаем, что отдаленность Бухары и необходимость проходить его послу через враждебные владения Коканда и кундузского мира были настоящей причиной этой умеренности. С Кундузом китайцы также думали завести дружбу, и от Муратбека приезжал посол; но как этот владетель не может иметь влияния на ходжей, то и сношение прервано. Происшествия 1830 года показали китайцам всю опасность для них кокандцев и привели постепенно к настоящим результатам. Китайцы до того запуганы кокандцами, что предоставляют им полную свободу действий, переходящих иногда все границы умеренности, хотя хорошо знают ничтожность этого владения. Китайцы об азиатских народах знают очень мало, как о варварах, не стоющих внимания. Мусульманский Восток известен им под названием хой-хой-бу, начиная от Малой Бухарии до Мекки. Все среднеазиатцы носят имя андижанцев, включая сюда персиян, кабульцев и проч. Связь Коканда со спокойствием Южной линии заставила их обратить внимание на этих дикарей и следить за ходом событий в их землях. Теперь они отличают Бухару — Айвухань от Коканда — Аньцзы-чжень. Внутренние распри этих владений хорошо им известны, тем более, что сами кокандцы мало это скрывают. Один из кашгарских аксакалов был казнен, а другие подвергаются при смене истязаниям и побоям, так что китайцы очень часто входили с просьбой о человеколюбии. Знакомство китайцев с настоящим положением Коканда имело только тот результат, что они переменили церемониал в сношениях. В прежнее время посланниками в Коканд посылались китайцы, и кокандских послов принимал хэбэ-амбань. Последний китаец в Коканде был при восшествии Ширали-хана; он приезжал для сожжения траурного костра по убитом хане Мадали и привез новому хану 200 ямб, шелковые материи и фарфор. С этого времени стали посылать послами туземных беков или духовных лиц, и кокандских посланцев принимает кашгарский амбань. Употребление духовных лиц в том отношении выгодно

для Китая, что им в Коканде более оказывают уважения, между тем как посланцев из китайцев подвергали разным унизительным церемониям, и хан, разговаривая с ним, не иначе относился, как словом кафир. Кокандский посланец, бывший при нас, жил в посольском доме около дворца хаким-бека, который продовольствовал его и его свиту. Кокандцы мало обращают внимания на внешнюю церемонию и этикет, а заботятся о подарках, которые получают так же исправно, как и прежде. Вообще нельзя не удивляться терпеливой политике китайского правительства относительно кокандцев, которые, пользуясь такими привилегиями, сами пренебрегали своими обязательствами и имеют дерзость настаивать о точном исполнении договора 1831 г., нарушая беспрестанно основные пункты этого союза. Во всех восстаниях кокандцы принимают деятельное участие, и первые из передававших город ходжам были представители кокандского хана — аксакала. При таком порядке спокойствие Восточного Туркестана никогда не может быть установлено. Правительство кокандское мало обращает внимания на это, потому что это не разрывает их сношения и не мешает им пользоваться прежними правами; что же касается до сущности, то прямая их выгода требует поддерживать настоящий порядок вещей. Когда китайцы после долгого спокойствия начинают забывать или уменьшать дары и ограничивать их привилегии, они не препятствуют или даже желают, чтобы ходжи предпринимали газат, как в 1847 году; и когда ходжи усиливаются, и восстание принимает народный характер, когда ходжи отстраняют их вмешательства, — они стараются произвести несогласие в войске и своим бегством расстраивают ополчение ходжей. Китайцы им обязаны скорым погашением всех восстаний. Таким образом, они в мирное время пользуются китайскими дарами и пошлиной, а во время восстания производят грабежи и берут подарки от ходжей. Держать в постоянном страхе китайцев и туземных владетелей и поддерживать надежду возвратить свободу родины — в ходжах и кашгарцах есть основной их принцип. Китайцы хо-

рошо это понимают и от души ненавидят кокандцев. Когда мы поехали для покупки чаю в китайский город, народонаселение его встретило нас так недружелюбно, что мы должны были скрыться скорее в магазин, — это было первое посещение кокандцами китайского города после восстания. Всюду слышались брани и особенно часто слово «вор». Туземные чиновники также не любят кокандцев, потому что они пренебрегают ими и, главное, не отдают им поклонов. Несколько раз при нас были стычки с туземными беками. В нашем сарае один кокандец поспорил со знатным беком: кашгарец поднял нагайку, чтобы ударить, но получил сам плюху от авгана, стоявшего возле; на помощь чиновнику бросилась его прислуга: дароги, лакеи, конюхи и другие лица, причастные к категории чиновников, сбежались со всех сторон. Мы отразили нападение, причем отличались с особенным усердием авганы, и заперли ворота. Толпа не снимала осады и бросала через стену камнями. По настоянию аксакала, виновник драки — чиновник с синим шариком и еще несколько других были наказаны розгами. В Янысаре кокандский аксакал этого города побил ишик-агу и со своими подчиненными осадил дом хаким бека, куда скрылся ишик-ага от побоев. На этот раз также обвинили туземного чиновника. Переводчики амбаня, молодые люди хороших фамилий, в нетрезвом виде поколотили двух кокандских извозчиков за то, что они не хотели исполнять коленопреклонение. Аксакал принял в этом деле, по настоянию всего иностранного общества, горячее участие и хотел донести амбаню. Переводчики при посредстве одного богатого и влиятельного кокандского купца едва отделались, заплатив 6 ямб штрафу, и публично просили извинения у аксакала. После этого очень понятно, что туземные власти не любят кокандцев. Народ же имеет противоположное чувство, он видит в кокандцах оппозицию против властей, которых они ненавидят, и привыкли видеть в них начальников, потому что при восстаниях кокандцы стоят во главе управления; кроме того, родственные связи по бракам соединяют народ с иностранцами. Туземцы, если имеют чины или деньги,

делаются недоступными, между тем как самые знатные кокандцы ведут знакомство со всеми слоями общества.

В связи с отношениями Коканда к Китаю находится также и участие, которое принимают дикокаменные киргизы в действиях ходжей. Киргизы своими кочевками огибают границы Восточного Туркестана от Аксу до Хотана и по соседству принимали участие во всех смутах, потрясавших эту страну с XVI века.

Все дикокаменные киргизы, хотя по месту своих кочевок принадлежат к пределам разных государств, но признают власть кокандского хана; в этом отношении исключение составляет род бугу, находящийся с 1852 году в нашем подданстве, но продолжающий платить кокандцам зекет и китайцам дань, и небольшое поколение в 500 юрт, кочующее около селения Ташмалык и совершенно зависящее от Китая. По отношениям к Коканду киргизов можно разделить на подданных Коканда и на признающих его власть; первые пользуются одинаковыми правами с узбеками, служат в войске и занимают военные и гражданские места. Другие платят зекет и обязаны давать вспомогательные войска в случае надобности. Относительно гражданского управления и в военном отношении кокандское ханство разделяется на несколько наместничеств или военных округов.

Дикокаменные киргизы по месту своих кочевок приписаны ведомству округов: Маргеланского, Ошского, Андижанского, Наманганского и Ташкентского. Киргизы, которые кочуют в Ферганской долине, вносят налоги правителю города, около которого кочуют, записаны в войска этих округов и находятся в совершенном подданстве Коканда. К этому разряду принадлежат племена: алгене, ичкилик, мундус, мунолдар и частью найманы; а поколения же, признающие только покровительство, принадлежат ведомству андижанского и ташкентского наместников. К этому разряду принадлежат киргизы, кочующие на Памире и Куэн-Луне. Для наблюдения за киргизами кокандцы имеют в их кочевках укрепления и особых чиновников, ильбеги, которые живут в их улусах.

Киргизы, кочующие в нагории Сырт и по р. Нарыну, подчинены андижанскому правителю, который заведует и укреплениями: Куртка и Тогузтарау на Нарыне, и Джумгал на реке того же названия. Кочующие по Таласу и Чу подчинены ташкентскому наместнику; для наблюдения за ними и кайсаками построены укрепления: Чулак-курган, Аулиэ-Ата, Соли-курган, Мерке, Пишпек и Токмак. Болорские киргизы имеют в своих кочевках два укрепления: Бустан-терек и Ташкурган на Памире. В отношении этих киргизов, которые распространяются кочевками до Хотана, еще не установили правильных отношений. Для сбора зекета разъезжают в их улусах то маргеланские, то ошские сипаи. Чонбагыши платят зекет кашгарскому аксакалу. При всем том власть Коканда над киргизами слаба, и они мало слушаются хакимов, особенно в последнее время.

Малибек взошел на престол при помощи киргизов и кипчаков. Алимбек-датха, теперешний кокандский визирь, есть дикокаменный киргиз; в хакимы и начальники войск назначено много киргизов.

Киргизы издавна принимают участие в восстаниях в Кашгаре.

Киргизы худые мусульмане: о догматах веры имеют самое темное понятие, сохраняют шаманские обряды и грамоте не учатся, потому участие их в предприятиях ходжей нельзя объяснить ничем другим, как жаждой добычи; впрочем, чем более народ религиозно невежественен, тем более суеверен. Мы встретили на Тянь-Шане фамилию киргиз из племени калмаки, которые были богаты. Они объяснили, что богатство их происходит оттого, что предки их Мамеке и Шопак служили братьям Бурханеддину и ходже Джагану*) и что ходжи дали им благословение. У них как святыня хранится железный треног, принадлежавший одному из этих ходжей. Киргизы уверяли нас, что когда у них заболевает лошадь, то стоит надеть этот треног, чтобы излечить животное.

*) Эти слова искажены в текете.

Как бы то ни было, киргизы были и будут деятельными участниками ходжей. При Джангире киргизы саяк, черик, бассыз и бугу были партизанами ходжей, а чонбагыши сносились с китайцами, но тайно. Один из родоначальников их Измаил по ненависти к Джангиру получил прозвание черногорца. Главные партизаны ходжей киргизы, кочующие на Тянь-Шане,— бугу, сарыбагыши и солту — не принимали прямого участия.

В 1846 году Тавеккель-ходжа, собирая приношения для предположенного газата, посетил аулы этих родов. Его всюду принимали с почтением и обогатили приношениями. Киргизы знают страх, внушаемый китайцам ходжой, и пользуются этим для корыстолюбивых целей; один из родоначальников чериков, Турдуке, кочующий со своими родами по р. Кокшал около Турфана, был недоволен амбанем этого города; чтобы заставить его быть уступчивым, схватил какого-то сарта, навернул на него чалму и подступил к стенам Турфана, выдавая чалмоносца за ходжу; только красный шарик и ежегодные дары успокоили этого киргиза. Киргизы существенной пользы хотя приносят ходжам очень мало, но важны для них в том отношении, что всегда готовы к их услугам. Замечательно то, что при появлении ходжей киргизы считают отношения свои к Коканду не обязательными и не слушаются кокандцев, а исполняют только волю ходжей. Киргизы, которых мы встретили на пути, только и говорят о газате и с нетерпением ждут, когда Бузрукхан*) сядет на коня. Китайцы участие киргизов в восстаниях считают в связи с влиянием Коканда, и это еще более увеличивает в их глазах значение кокандского хана; но стараются подарками склонить киргизов на свою сторону и имеют в их улусах своих агентов.

Отношение китайцев с Тибетом дружественное; здесь они обращают все свое внимание и бдительность на то, чтобы не дозволить англичанам проникнуть в

*) Бузрукхан — единственный сын Джангира. Он еще не предпринимал газат (*Ч. В.*).

свои владения. Еркендский амбань принимает часто посольство от Гильдитов и дарит их чаем, серебром и другими вещами, которые посланники-Гильдиты уносят на своих плечах.

Основной принцип империи — не допускать иностранцев в свои владения — распространяется в Восточном Туркестане на англичан и русских, ибо армяне прежде жили в Кашгаре и имели свою церковь. Опасения против англичан тем более сильны, что в Малой Бухарии господствует мнение, что Индийская Компания посылала агентов для того, чтобы вызвать ходжей в Кашмир, и предлагала им свою помощь. В какой степени это справедливо, мы не знаем. Говорят, что в 1855 или 1856 году, хорошо не помнят, англичане приходили в Еркенд и были возвращены обратно. При нас поговаривали, что в Хотан приезжал агент, чтобы узнать о судьбе убитого европейца, которого, судя по времени и обстоятельствам, нужно принять за прусского ученого Адольфа Шлагинтвейта. Китайцы отвечали, что европеец убит инсургентами[139], потому они не знают обстоятельств происшествия. В какой степени русские возбуждают опасение китайцев Южной линии и особенно туземных властей, можно судить по тому, как встретили наш караван в Кашгаре.

Из всего вышесказанного очевидно, что состояние Восточного Туркестана в настоящую эпоху самое плачевное и одинаково неблагоприятно как для китайцев, так и для ходжей. Меры, принятые китайским и туземным правительством, весьма слабы, и вообще их политика не имеет никаких залогов к восстановлению спокойствия и тишины, а ограничивается строгой экзекуцией после мятежей, стеснительными и подозрительными происками в обыкновенное время, мерами, ведущими опять к мятежам. Для того, чтобы ходжи имели успех, нужно чтобы изгладилась вражда между черногорцами и белогорцами, а это очень трудно. Кокандцы всегда будут разыгрывать свою двуличную роль, ибо она для них выгодна. Таким образом, беспорядкам в этой стране не предвидится конца. Последнее событие всего лучше выражает это безнадежное положение Малой Бухарии.

С 1857 года туземными беками были приняты возможные меры к предупреждению внезапных набегов ходжей; китайцы объявили, как говорят, решение, что туземные власти должны защищать свой город от внешних нападений и что все те из них, кои при появлении неприятеля оставят свои посты, будут подвергнуты смертной казни. Если это справедливо, то объявленная мера, без сомнения, будет действительнейшим средством к пробуждению беков от бездействия и беспечности. До сих пор они брали взятки, угнетали народ различными способами, и когда являлись ходжи, беки, не принимая никаких мер, скрывались в китайскую крепость, и только хаким-беки подвергались за нерадение штрафу или временной ссылке в Или*).

Вследствие нового решения беки поставлены в весьма неприятное положение: если ходжа возьмет Кашгар, то им грозит неизбежная смерть — или под ударами ходжи, или же в китайском суде. Во избежание всего этого они предприняли следующие меры: 1) для получения своевременных известий о богатстве ходжей и вообще для наблюдения за их действиями [они] имеют агентов в Коканде и особенно в пограничном городе Ош (Тахт-Сулейман), и всех киргизских родоначальников, кочующих по Теректы, Узгену и Нарыну; 2) составлено ополчение из жителей окрестных деревень, числом до 1000**) человек, из этого 500 человек из селения Астын и Устын-Артыш, Биш-керим и Аргу обозревает черту караулов на северо-востоке и часть в горах по северо-западной границе. Ополчение это вооружено топорами, дротиками и ружьями в таком порядке, что тот, кто имеет топор, не имеет ни ружья и ни дротика, и так далее. Они отправляют службу на своих собственных лошадях и в своей одежде, отличием их звания служат красные лоскутки с китайской надписью, пришитые к левому плечу; 3) наделаны топоры и дротики, которые хранятся у

*) Кульджу.
**) В копии описка «100 человек».

городских ворот и при здании полиции на тот случай, чтобы народ мог вооружаться против ходжей. Все кузнецы обязаны бесплатно сковать известное число этого оружия, а железо доставляет правительство; 4) учрежден постоянный караул на городских стенах, на которые поочередно командируются чиновники и даже муллы. В тех случаях, когда почему-либо ждут нападения, караул усиливается, и почти все беки присутствуют на городских башнях. На шести башнях, говорят, есть четыре пушки, оставшиеся от ходжи, но мне удалось видеть только одну.

С известием о беспорядках в Коканде внимание кашгарского правительства было обращено на эту сторону, особенно когда караваны были задержаны в г. Оше и прямых известий не получалось. В это время беспрерывно приезжали кашгарские агенты с известиями, по-видимому, неблагоприятными; у городских ворот усилили стражу, и один чиновник наблюдал за приезжающими и отъезжающими кокандцами. По ночам по улицам разъезжали с факелами разъезды для предупреждения внутренних беспокойств, и на стенах усилены были караулы. С 1857 года постоянно воспрещается ходить с 9 часов по улицам, и потому в каждом квартале стоят часовые и разъезжают ночные патрули под названием джасакчи. Причиной такой тревожной заботливости туземных властей, как мы узнали после, был слух, что Валихан-тюре бежал в Кашгар.

В числе мер, принятых для устранения беспокойств в народе, особенно памятен кашгарцам указ, изданный 5 марта по следующему поводу: мусульманский праздник барат, который приходится 15 числа магометанского м[еся]ца шагбана[140], издавна праздновался в Кашгаре с особенным торжеством. К баратской вечерне обыкновенно собирались из отдаленных городов и деревень богомольцы к гробнице ходжи Аппака, родоначальника фамилии нынешних ходжей, который в мусульманском мире известен за одного из первоклассных святых. Город Кашгар буквально переселялся в сады, окружающие этот надгробный храм; содержатели

ресторанов, торговцы фруктами, сахаром, пирожными и разными съестными продуктами перекочевывали в это место.

Ночью гробница, мечеть и другие здания были иллюминированы разноцветными фонарями и после службы до другого дня продолжалось в садах гулянье.

Хаким-бек, по приказанию китайцев, для отвращения сбора такого многочисленного народа отдал 5-го марта приказ, чтобы к 15 числу шагбана никто не смел идти к гробнице Аппака. Все обвиненные в нарушении приказа должны были подвергнуться: мужчины — телесному наказанию, а женщины — лишению нарядов, в которые будут одеты; также воспрещалось собираться толпами на улицах и разговаривать.

Мы помним, что из всех стеснительных мер последняя возбуждала неудовольствие всех сословий, и всеобщее убеждение было таково, что святой Аппак не оставит безнаказанно это святотатство.

Китайское правительство с своей стороны после восстания 1857 года ввело только одно новое правило: для скорейшего получения известия о восстаниях кашгарскому амбаню предоставлено право сноситься с цзян-цзюном, что прежде производилось через еркендского хэбэ-амбаня.

Действительно, слухи о бегстве ходжи были справедливы, как узнали мы после.

В октябре месяце Малибек, старший брат хана Худояра, явился в Маргелан и стал собирать войска против брата. Кашгарские эмигранты готовились в это время к газату и были на военной ноге. Тилля-хан, бывший в 1858 году янысарским правителем и начальником еркендского отряда, собрал своих кашгарцев и первый стал под знамя Малибека. Кичик-хан-тюря, пользуясь смутами в Коканде, бежал, чтобы предпринять газат, но увидев, что соотечественники его были вовлечены в дело Малибека, оставил свое намерение и явился в лагерь Малибека в то время, когда он осадил Коканд. Вскоре прибыл к Малибеку и Валихан-тюре, которому он дал бунчук и обещал, что если

возьмет Коканд, то сделает его ходжи-каляном, отдаст в его управление всех кашгарцев, а будущей весной пойдет сам на Кашгар, чтобы помочь ему овладеть этим городом. Когда Малибек сделался ханом и отправил Нормагомета-датху аксакалом в Кашгар, Валихан успел выехать из Коканда, но бегство его было открыто, и его привели обратно под стражей. Вследствие этого, говорят, что Малибек отнял у Валихана бунчук и знамя и передал их Каття-хан-тюре, поручив ему главный надзор и ответственность за своими родственниками. Малибек приказал, чтобы каждый день три раза все члены фамилии Аппаков являлись к Каття-хану на салям, а о том, который не явится, доносить тотчас ему; говорили также, что впредь за самовольные отлучки из Коканда хан объявил ходжам изгнание и тюремное заключение и что Валихана сослал в Туркестан. Достоверность этих слухов была сомнительна, но было верно, что хан принял предохранительные меры против вторжения ходжей и облачил Каття-хана в звание главы семейства; а известие, что хан сослал Валихана в Туркестан, была выдумка аксакала для приобретения выгод при переговорах кокандского посланника с китайцами.

По-видимому кашгарские чиновники мало доверяют кокандцам. В это самое время слухи о бегстве ходжи еще более усилились между народом: говорили, что Валихан находится у дикокаменных киргизов. На всех площадях и в тавернах женщины и дети только и говорили о том, что скоро будет ходжа.

Кашгарцы чрезвычайно боятся Валихана, и когда разнесся слух, что он идет опять на Кашгар, туземцы были в отчаянии. Везде слышались слова: «Что мы будем теперь делать? Господин перережет теперь всех нас» и проч. Когда им говорили, что в таком случае самое лучшее не пускать его и защищаться, они с удивлением спрашивали: — «Разве можно сопротивляться ходже?». Милиция, набранная для защиты города, показывая на оружие, говорила: «Зачем нам его дали? Неужели мы будем стрелять в ходжу? Мы — мусульмане и заботимся о спасении наших душ!». Очень понятно после этого, что если опять при-

дут ходжи, город будет также легко взят, как в 1857 году.

В заключение мы скажем несколько слов о характере и способностях ходжей, которые могут быть в главе будущих восстаний.

Сарымсак-ходжа, бежавший от избиения китайцев, имел трех сыновей: Юсуф-ходжу, Пахаведдин-ходжу*). Старший жил в Бухаре; в 1830 году, вызванный кокандцами, произвел восстание. Второй был убит во время восстания 1825 года, и третий, Джангир, известный претендент, казнен китайцами.

Юсуф-ходжа оставил трех сыновей: Ишан-хан-тюрю, известного более под именем Каття-хан-тюря, Валихан-тюрю и Кичик-хан-тюрю. Старший из них был главой восстания 1847 года, он человек слабый, недальнего ума и время своего владычества ознаменовал сбором обширного гарема. Валихан-тюря, человек энергичный, неглупый, но подвержен курению хашиша и жесток; личность его мы обрисовали прежде. Кичик-хан-тюря не отличается особенными качествами; он несколько раз предпринимал газат, но безуспешно: в первый раз его поймал комендант Куртки и препроводил в Коканд; в 1847 и 1857 году он участвовал в восстаниях, но отдельных постов ему не поручали.

Джангир оставил одного сына Бузурукхан-тюре. Как представитель старшей линии, он носит титул махтуми-азям; 38 лет, считается человеком ученым и святым, характера мягкого; его в Коканде и Малой Бухарии чрезвычайно уважают, так что Валихан взял Кашгар его именем; на него возлагают теперь малобухарцы всю надежду, и киргизы с нетерпением ждут газата, во главе которого будет этот принц. Кашгарцы говорят, что в Пекине есть отрасль ходжей из фамилии Аппак, происходящая от Турду-ходжи, который был взят в плен при покорении Восточного Туркестана. Ходжа этот имел титул гун. В 1856 году привезено было тело одного из его потомков для предания земле

*) В этом месте рукописи имя третьего сына опущено. См. несколько ниже.

в фамильном склепе Аппаков. Наиб этого ходжи, привезший тело, не знал тюркского языка и одет был в китайское платье.

Публикуется по рукописной копии Архива МИД, фонд Глав. Архив IV-3, д. 1, лл. 303—357.

Рукопись написана на бумаге в лист, чернила. В рукописи имеются поправки карандашом, внесенные Ч. Валихановым.

ПИСЬМА

ФЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ДОСТОЕВСКОМУ

Знакомство Ч. Валиханова с выдающимся русским писателем Ф. М. Достоевским (1821—1881) произошло в Омске в 1854 году после отбытия последним четырех лет каторжной тюрьмы по делу петрашевцев. Знакомство это переросло в дружбу, которая поддерживалась во время совместного пребывания в Омске, Семипалатинске и Петербурге, а в периоды между личными свиданиями закреплялась перепиской (1856—1862).

Многоуважаемый Федор Михайлович.

Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только*) ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для [меня] ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это не к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю.

Здесь по приезде в Омск мне предстояла неприятность проститься с лучшим другом Александром Николаевичем Цуриковым,[141] который теперь едет к Вам в Семипалатинск. Рекомендую Вам, добрейший Федор

*) Слово «еще» зачеркнуто.

Михайлович, этого доброго человека: Вы его должны полюбить и чем больше будете видеть, тем более. Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше. Д[уров][142] что-то нездоров. Здесь ему, кажется, не так хорошо с чиновническими крючками*) — все это впрочем Вам может подробно рапортовать Цуриков.

Как провели время в Барнауле с глубокомудреным, в рассуждении...**) человеком? Поклонитесь от меня свету моему, привету, тайному секрету Василию Петровичу[143]. Ковригин на него сердится, что он ничего не пишет. Впрочем долго ли обидеть сироту. Кстати, о сиротах. В последний вечер я занят был любовью по вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно.

Прощайте пока, Федор Михайлович. Скоро я буду писать более подробно и многогласно. Жду я Вашего ответа. Анне Андреевне[144] я отдал Ваше письмо: она, кажется, очень довольна.

Ваш покорный слуга *Чокан Валиханов.*

5 декабря 1856 г.
Омск.

Публикуется по автографу Чокана Валиханова, хранящемуся в РОБЛ. См. Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка. Алма-Ата, 1947.

---

*) Т. е. придирками полицейских чиновников.
**) Одно слово не разобрано.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

Гутковский Карл Казимирович (1801—1867) — начальник Областного Правления Сибирских киргизов. Был близок Ч. Валиханову.

Милостивый государь Карл Казимирович.

Казалось, что все было устроено хорошо, но вышло напротив. Дело мое принимает прескверный оборот. Я совершенно потерялся и не знаю, что делать. Гирей устроил все прекрасно: я купил двух лошадей, сшил платье, белье и нашел товарища из к[иргиз] К[аркаралинского]*) округа, но остановка стала за караваном что менее всего я ожидал, судя по вашим словам. Возможность, что караван может опоздать, занимала меня более всего, но вы совершенно отрицали этот пункт. Вот уже 8 дней, как я живу у Гирея. Аулы все ушли в горы, только его юрта торчит на берегу Аксу**), о караване же нет ни слуху ни духу. Я все еще надеялся: думал — вот подъедет завтра или послезавтра, но надежды на будущее совершенно рушатся. Гирей был сейчас на пикете, видел татарина, едущего из Семипалатинска в Верное, и узнал, что до 23-го числа не вышел никакой караван. Оставаться мне более у Гирея нельзя: кругом ходят горы, и уже по моей милости

*) В издании Н. И. Веселовского «Каркаровского», но и такого округа вовсе не было.

**) Описка — «Аксы».

шим знакомым. Извини за краткость, в другой раз постараюсь быть пространнее.

Валиханов.

Пиши, пожалуйста, адресуй в Кокчетав, через Петропавловск. в Тоб. губ.

Публикуется по автографу Чокана Валиханова, хранящемуся в РОБЛ. См. Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка. Алма-Ата, 1947.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

[Листок без начала]... и дикокаменных киргиз. Уже неудовольствия между зачуйскими и нашими киргизами начались и теперь. Сношения разорваны, всякий перешедший за Чу теряет свободу на том основании, что Суранчи[147] и Супатай[148] выдали посланцев русским. Во всяком случае лучше было бы для нас, какие б мы ни имели виды на Кокандские владения, не возбуждать против себя дикокаменных киргиз, которые после обременительных налогов и зекета, положенного в три раза более против прежних годов, ждут русских, как избавителей. Это верно. З-е, если отпустить Алишира*) и его спутников, не обращая на них особенного внимания,—это самое будет иметь больше нравственного значения, чем речь, которую он выслушает в Омске. Кокандцы все убеждены, что он будет отправлен скоро в Пишпек на том основании, что под Акмечетом все их пленные выпускались очень скоро. Русским, кажется, нечего держать Алишира или другого какого-нибудь среднеазиатца. Для кокандцев личность Алишира не имеет никакого значения, и если б он совершенно погиб, то и тогда не будут считать это большой потерей. Между тем как нравственно — великодушие и сознание своего превосходства — подействует гораздо благодетельнее на кокандцев и на киргиз, чем страх потерять Алишир-датху.

*) Комендант кокандской крепости Пишпек.

Кокандцы в Пишпеке[149] ждут русских, якобы идущих для взятия их кургана в числе 5 т. чел. Народная молва представляет *всех* воинов наших в сажень ростом и одела их в непроницаемые для пуль латы. Здесь всякое обыкновенное происшествие в устах киргиз принимает фантастический характер: качественно — преобладает сверхъестественный элемент, количественно — увеличивает в прогрессе, равносильном действию сильнейшего микроскопа.

Войско это едет под начальством старого вождя с одним глазом на лбу. Кто это мог быть?

Валиханов.

P. S. Перемышельский кланяется Вам и Катерине Яковлевне. Относительно Алишира он соединяет мольбу с моей. Дай бог, чтобы это не было гласом вопиющего в пустыне*).

В.

ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 162—162-об.

---

*) Письмо не датировано. Но событие, связанное с взятием крепости Пишпек и пленением Алишер-датхи, позволяет точно датировать его 1861 годом.

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ БЕКЕТОВУ

Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902)—известный русский ученый — ботаник, ректор и профессор Петербургского университета, редактор Записок и Известий Русского Географического общества.

Многоуважаемому профессору свидетельствует свое почтение киргиз-кайсак Валиханов из Средней Орды и просит прощения за неаккуратность в переписке, причем он, Валиханов, возлагает свое упование на аллаха и надеется, что неаккуратность, как его национальное качество, приносит ему более чести, чем осуждения. С этим согласна вся Средняя Орда и некоторые старейшины Большой и Малой Орд, и все они готовы в удостоверение сего приложить свои родовые тамги, если обстоятельства того воспотребуют. За сим слово его заключается в нижеследующем:

1-е, так как богатство киргиза и других номадов заключается в скоте и при столкновении с народами цивилизованными является у сих кочевников потребность в деньгах, то и Ваш покорный слуга, находясь в обстоятельствах, требующих удовлетворения деньгами, и сам не имея ни раба, ни вола, ни-же осла, желал бы продать некоторое свое призведение о Кашгаре, не имеющее никакого применения в бродячем быту, в Имп[ераторское] Р[усское] Географ[ическое] общество и потому просит г-на профессора, как редактора, известить его, на каких условиях может общество приобрести его «Кашгар». Шутки в сторону. Я в самом деле

желал бы, если это только будет возможно, продать в Общество целиком свои заметки о Кашгаре. Цена будет самая умеренная—50 рублей за печатный лист, исключая из этого числа те главы, за которые Вы при отъезде моем из Петербурга дали деньги.

Ради бога, Андрей Николаевич, похлопочите в Обществе, чтобы выслали мне в степь барометр, психрометр[150] и несколько термометров,— та часть степи, в которой я живу, очень слабо исследована, а в климатическом отношении известно кое-что о Верном, только. Занятия мои в степи идут успешно. Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана*).

Я начал одну статью для общества «О картах географических Средней Азии»**), но по неимению некоторых справочных книг [она] остается неоконченной.

Позвольте теперь поговорить о себе. Здоровье мое все еще плохо, и доктора не позволяют теперь выехать в дорогу, поэтому я остаюсь в степи до лета, до августа. Поэтому прекрасно бы Вы сделали, Андрей Николаевич, если бы выслали заметки ко мне в степь. Адрес мой вот: В Кокчетав, через Петропавловск в Западной Сибири.

Извините, я хочу просить Вас еще кое о чем. Во-первых, нельзя ли будет узнать, где живет г-н Потанин[151], а у него — где г-н Усов[152], казачий офицер, и г-н Ядринцев[153], купец из Тюмени. Тому и другому я остаюсь должным. Если заметки мои будут Вами куплены, то нельзя ли будет Вам удовлетворить того и другого. Ядринцеву я должен 300 р. серебром, а Усову —50 р., следовательно, 350 р., а заметки, я думаю, будут по числу листов превосходить эту сумму, а в противном случае скажите г-ну Потанину, чтобы он отослал этих господ к Петру Ивановичу Лерх[154] (спросить в Академии Наук), которому я поручил их удовлетворить.

---

*) Далее зачеркнуты две с половиной строки, не поддающиеся прочтению.

**) Наброски к картам Средней Азии хранятся в архиве Ч. Валиханова, ф. 23, д. 11, арх. АН СССР.

Дмитрию Ивановичу[155] передайте мой поклон, когда увидите. Достоевскому тоже — я сам скоро буду [ему] писать.

[жду] В'ашу карточку.

Мое нижайшее [почтение] Вашей супруге и целую ваших детей.

Ч. Валиханов, из Средней Орды.

2-го Генваря 1862 [года].
Орда при горе Серимбет*).

Публикуется по автографу Ч. Валиханова, хранящемуся в Архиве Института русской литературы АН СССР, фонд 462, д. 134 (Архив М. А. Бекетовой). Автограф написан на бумаге почтового размера рукой больного Валиханова.

Опубликовано с комментариями М. И. Фетисова:

1. Письмо Чокана Валиханова к Андрею Николаевичу Бекетову. Альманах «Казахстан», 1950, № 21, стр. 89—93;
2. М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, стр. 337—339.

---

*) Чокан много занимался расшифровкой официальных грамот (ярлыков) золотоордынского времени. Благодаря этому он иногда употреблял манеру письма той эпохи

ФЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ДОСТОЕВСКОМУ

Генваря 14 1862
Киргизская степь.

Любезный друг, Федор Михайлович.

Ты, верно, полагаешь, что я давно уже умер, а между тем я жив, и доказательством тому может послужить это письмо. Я до сих пор не писал тебе по разным уважительным причинам, которые будут теперь изложены. Во-первых, я сам думал в октябре быть в Петербурге, потом заболел и оставил это намерение до декабря. Так как здоровье мое и в декабре оказалось очень слабым, то я склонился на совет сибирских докторов зиму провести*) в степи, а теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно,

*) Слово «здесь» зачеркнуто.

принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, *новыми идеями* и опять в Орду к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик Федя? Все это хорошо и вещь очень возможная, если бы здоровье мое несколько поправилось. Правда, и теперь я чувствую себя относительно лучше, но все-таки не так, как бы следовало.

Итак я остаюсь на зиму в Орде, лето проведу также в Орде, чтобы взять полный курс лечения кумызом, и к осени, если останусь жив, явлюсь в Петербург и обниму тебя так здорово, что ты наверное закричишь. В степи, брат, только скучновато, зато ленюсь, как хочу, и никто не мешает. Следуя совету одного доктора сибирского, но человека достойного уважения (ты его не знаешь),— я дал зарок ничего не делать, ничего не пишу, ничего не читаю, одним словом не изнуряю умственных способностей — в этом заключается мое лечение и от этого происходит моя скука. Здесь можно бы найти развлечения другого рода: охота с орлом, с собакой, с ружьем и проч., но проклятое мое здоровье это никоим образом не дозволяет. Лежи, да и только.

Что делает Михайло Михайлович, как идет юное его детище и наш добрый приятель «Время»?[156] Я газет не получаю и потому решительно ничего не знаю. Кланяйся Михайле Михайловичу, Николаю и всем вашим. Майкову и его жене передай мой усердный поклон. Полонскому, Страхову[157] тоже. Если увидишь Николая Курочкина,[158] скажи ему, что собираюсь ему писать.

Теперь моя просьба к тебе. Читать нечего, как я уже сказал. Поэтому высылайте, пожалуйста, «Время», после рассчитаемся за это, да если твои средства позволят, подпишись для меня на «Современник». Адрес мой: в Кокчетавскую станицу, через г. Петропавловск в Западной Сибири.

Не забудь. Вышли мне свою фотографическую

карточку и собирай то же самое со всех моих хороших знакомых, [которые] все мне обещали — Майков, Полонский, Крестовский[159].

Марии Дмитриевне свидетельствую мое глубокое уважение, надеюсь, что [будете] здоровы, и не забывайте нас грешных.

Валиханов.

Публикуется по автографу Чокана Валиханова, хранящемуся в РОБЛ. См. Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка. Алма-Ата, 1947.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

... Кури*) объявляет нам решительную войну. Нет почты, чтобы отец не получил выговора или предписания в резких формах. Нестеров в наших волостях буйствовал, как разбойник, и возбуждал есенбаевцев против моего отца. О выходках Ердена я уже писал. Скажите, пожалуйста, что же это значит? Я не помню даже при Гасфорте ничего подобного. Кури и Нестеров жили тогда очень тихо. Откуда взялась у них свирепость теперь, и неужели все это мы должны терпеть. Все волостные управители, которые не дали Кури в нынешнюю ревизию, уже сменены или же ждут смены. О Кусене уже получено громовое послание. Отец, получив на днях письмо от Фридрихса, который, препроводя копию с просьбы киргиза Малтабарова «о насильственном отобрании» его жены мною, без дальных околичностей приказывает отцу немедленно возвратить этому киргизу жену и удовлетворить его за все убытки, а в заключении делает моему отцу упрек, что он употребляет власть старшего султана для потворства неблаговидным поступкам сына. Я уже писал вам об этом как-то. Кури же, вероятно, хорошо знает, что я жену у этого не отбирал, поэтому мог бы сначала спросить отца, в какой степени все это справедливо; ему также хорошо было известно, что отец

*) Начало отсутствует. Кури (Густав фон) — секретарь военного губернатора области Сибирских киргизов.

мой не принимал в этом деле никакого участия и даже был со мною в ссоре, следовательно упрек сделан намеренно. Я знаю, что Малтабаров находится при Ердене, и он его научил подать просьбу. Очень может быть, что Ерден действовал по наущению Кури. Я Вас покорнейше прошу, дорогой Карл Казимирович, прочитать эту просьбу. Там написано все вздор. Во 1-х, мой отец выгнал этого киргиза с женой и дал ему еще лошадь. Назад его вытребовал не отец, а я через Гафара Мондаева, и вытребовал, потому что он сам, Малтабаров, уведомил меня, что желает развестись с женой. Я в это время был в Кокчетаве, а не в своем ауле, как пишет проситель. Разводную дал он при указном мулле, который внес в метрическую книгу, и при многих свидетелях из почетнейших биев Кокчетавского округа. При них же он получил от меня 200 рублей и одну лошадь. Этого в просьбе нет. Развестись с женой заставило его то, что жена была не вполне законна. Она была вдова старшего его брата, и по мусульманскому шариату она была свободна в выборе мужа до тех пор, пока не будет обвенчана указным муллой и брак внесен в метрическую книгу. Ничего этого у Малтабарова не было. Все остальное в просьбе не более не менее как выдумка. *Я*, во всяком случае, не хотел бы потерять 200 рублей и лошадь напрасно и притом заплатить за какие-то небывалые расходы и похищения. Во-вторых, было бы несправедливо отдать обратно этому негодяю женщину, которая уже свободна юридически через данную ей разводную. В-третьих, история эта при волнении умов в нашем округе будет иметь весьма неблагоприятное последствие для отца. Я прошу *справедливости* и больше ничего. Надеюсь, что вы, Карл Казимирович, примете в этом деле участие и защитите меня от преследований Кури и Ердена.

Через неделю я буду в Омске вместе с отцом и сам объяснюсь с Фридрихсом, а Вас прошу предупредить его и объяснить ему это дело, как есть. Мне больно, что отец получил незаслуженный выговор и грубое письмо, будучи ни в чем не виноват.

Отец думает подать в отставку, и я совершенно

разделяю его мнение: что за приятность зависеть от какого-нибудь Кури. Платить этому негодяю не стоит за мировые блага, а избавиться от него нельзя. Скажите, можно разве служить, когда само областное начальство возбуждает киргиз и интригует в Орде. До свидания.

Валиханов.

NB. Через неделю едем в Омск непременно. Муса Черманович, конечно, будет так любезен, что подождет нас. Что нового из Питера? Нет ли движения планет?

6 февраля, Аул наш*).

ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 155-об, 157—157-об

---

* Письмо не датировано, но его содержание позволяет датировать его 1862 годом.

ФЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ДОСТОЕВСКОМУ

15 октября 1862 года. Кокчетав.

Любезный друг, Федор Михайлович.

Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу. Вероятно, ты думаешь бог знает что обо мне. Не умер ли? Не болен ли? Так? Я, между тем, жив, хотя чувствую себя очень плохо, как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту. Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты.

Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук. Господа эти как областные, так и приказные поголов-

но восстали против этого. Ты понимаешь почему. Областные лишились [бы] нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно, если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру. Видишь, что тут для чиновников своего рода «быть или не быть». Надо заметить, впрочем, что на моей стороне из всех властей русских был один только г. Гутковский, который в это время исправлял должность губернатора и производил выборы. Чиновничество начинает подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев и пугать их, что если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве и отличать вас по роду, богатству, как свой брат *натуральный* киргиз, не будет; пустили в ход и то, что я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде. Понятно, что подобные вещи на народ полудикий и преданный своим обычаям не могли остаться без последствий, особенно когда исходили от русских *майоров* (так киргизы называют всех русских чиновников). Мои земляки, как ты сам знаешь, всегда держатся русских указаний, может быть, вследствие восточной вежливости.

Таким образом, составляются две партии: одна, состоящая из четырех волостей баганалинцев, поколения дикого и кочующего около кокандских границ. Эта дикая толпа не хочет иметь султаном человека, который имеет голову не гладко выбритую и притом не совершающего омовения пять раз в день; при этом баганалинцы выражают опасение, что если меня сделают султаном, то я всех киргиз отдам в солдаты, а детей их в школу. Так им внушено.

Другая партия, преданная мне, состоит из трех волостей староподданнических и из всех султанов этого округа. Начинается выбор, перед тем ночью противная партия посещает секретаря губернаторского, баварского немца, который оставил родной Мюнхен с сестрицей, оканчивающейся на chen, чтобы обирать киргиз в независимой Татарии и на их деньги шить жене «померанцевое платье на цитроновых лентах». На выборах я торжествую. Меня выбирают большинством голосований*) у меня 25, у моего противника баганалин-

ца 14. По закону старшего султана избирают: во-первых султаны и киргизы, имеющие чины или служившие в должностях по округу 9 лет; во-вторых, султан утверждается по большинству голосов и, в-третьих, старший султан избирается по преимуществу из султанов. Противник мой — простой киргиз, это бы решительно ничего, но он человек неграмотный и бывший не раз под судом**). Дело, конечно, решенное: я имею все законные основания и притом, как человек образованный, должен быть бы предпочтен дикому ордынцу, если бы даже был бы избран меньшинством голосов. Губернатор[160] говорит, что «надейтесь, господин Валиханов», я же думаю: еще бы не надеяться, когда закон на моей стороне. Но противник мой не унывает, он по опыту знает, что деньгами можно сделать все, в прошедшую зиму он возил в Омск 3 тысячи рублей и освободил двух арестантов. В этом ему помогал секретарь***), а секретарь говорит ему и теперь: собирай деньги и посылай людей в Омск—будешь ханом. Деньги идут в Омск. Я хоть много читал обличительных статей, но на этот раз думал — постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь. Гордость обуяла. Вдруг получаю известие от Гутковского, что поездка баганалинцев осталась не без успеха и что генерал-губернатор не хочет тебя ни за что утверждать. Оно и правда, что законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов, известно мне также, что генералы больше любят *натуральных* киргиз, потому что в них, знаете, больше этой восточной подобострастности. «Гирей сидел, потупя взор, в устах его...» и проч. Но при всем том, признаться, такого пассажа вовсе не ожидал. Каково, мой друг? Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки нас считают отступниками и неверными, потому что, согласись сам, трудно без убеждения, из-за одной только политики пять раз в день мыть[161] бог знает где, а генералы не любят потому, что [у меня] мало этой

---

*) Т. е. голосов.

**) Речь идет об Ердене Сандыбаеве.

***) Т. е. Кури, секретарь Фридрихса.

восточной подобострастности. Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся.

Пожалуйста, посоветуй, что делать. Просить удовлетворения по-моему то же самое, что просить конституции: посадят, да потом к Макару на пастбище пошлют. Я уже написал к некоторым властям в Петербург, а ты дай этому побольше гласности, расскажи всем нашим друзьям, пусть разойдется по городу. Михайле Михайловичу и всему его семейству передай мой искренний поклон, засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне. Николаю поклонись. Мой поклон вообще, кто спросит.

Валиханов.

Адрес мой, вероятно, ты помнишь, названия сибирские для тебя не так неуловимы, как истому петербуржцу. На всякий случай: в Кокчетавскую станицу через г. Петропавловск, Западной Сибири.

Публикуется по автографу Чокана Валиханова, хранящемуся в РОБЛ. См. Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка, Алма-Ата, 1947.

АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ МАЙКОВУ

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт. Принадлежал к числу петербургских друзей Ч. Валиханова.

Декабрь 6, Кокчетав
в Киргизской степи)*

Давно собираюсь писать к Вам, многоуважаемый Аполлон Николаевич, чтобы поблагодарить вас и все ваше доброе семейство за то участие и благорасположение, которое Вы оказали мне во время нашего знакомства. Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым. Как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров—мы начинаем расходиться. Мои родные — люди добрые, честные и очень неглупые, но все-таки — киргизы и притом киргизы аристократы (дикие аристократы — надо заметить — несколько сноснее образованных, потому что проще их) и потому имеют множество как национальных, так и сословных предрассудков и качеств. Особенно выдается непомерное упорство и тщеславие (последнее качество можно назвать национальным). Понятно после этого, что они имеют слишком высокое мнение о себе, о своем уме и

*) Год настоящего письма см. ниже.

проч. И понятно и то, что всякие советы или споры только раздражают их тщеславие и укрепляют упорство. Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем, и особенно у киргиз, которые до сих пор держатся шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама. Основание этой религии, как известно, составляет боготворение умерших предков, через это все обычаи и предрассудки предков делаются для киргиз священными. К тому же у киргиз много песен (я разумею это слово в том смысле, в каком разумели его в средние века, например песня о Ролланде), бездна поговорок и афоризмов, сочиненных когда-то их умными отцами. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы. Я теперь сам начинаю избегать споров с ними,— это, как я заметил не раз, ставит меня же в смешное положение и возбуждает в них жалость, какую мы чувствуем при разговоре с слабоумными простаками. «Сказки собирает, говорят киргизские старейшины про меня, и слабодушествует» (это говорится про гуманность): я ведь дворянин самой белой кости и потомок хана Аблая. Чтобы видеть всю незавидность моего положения в орде, я приведу вам некоторые стычки, бывшие у меня с отцом и матушкой. А за что? Отец был дружен с одним султаном из оренбургской степи и дал ему слово породниться. Приехал я, грешный. Отец с матушкой решили меня женить: будет ему таскаться. Надо сказать, что предназначенная мне невеста была влюблена в брата моего и писала к нему в это самое вермя частые нежные послания. Я, разумеется, отказался от женитьбы, особенно при таких обстоятельствах, и выразил мой взгляд на супружество. Это совершенно озадачило моих родителей и привело их в ужас. Сын против отцовской воли. Вот на что я воспитал его, роптал отец, не уважил меня и мать на старости. Мать заговорила о своем молоке, даром потраченном. Действительно, с киргизской точки зрения это была ужасная неблагодарность и дурно ставило меня в глазах народа. А как бы я поступил иначе? Отец был так огорчен этим

обстоятельством, что где-то торжественно объявил, что не намерен более воспитывать детей своих по-европейски. Они *портятся* — так говорил он в заключение. С местными султанами и богачами из *черной кости* я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалование и чтобы обращались, как с человеком, в противном случае грозил законом*). Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся.

Об отношениях моих к сибирскому правительству? Вы, вероятно, слышали от Федора Михайловича, которому я писал об одном случае, где со мной поступили как с инородцем. А с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят. Вот мои обстоятельства, любезный Аполлон Николаевич. Скверны они, но я несу крест мой, как Иисус, но только с ропотом. Протестовать следует, хоть и толку из того никакого не выйдет. Вероятно, письмо мое навело на Вас грусть: Вы были всегда так симпатичны ко мне.

Будем говорить теперь о Вас, о Петербурге, о друзьях моих петербургских. Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется хорошо, суля по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их *почву, народность*, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать, или не удается им это примирение. По-моему, что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо исповедывать. Китайская средина не идет теперь к делу. Ведь национальных качеств, как говорит Бокль[162], нет, а образование должно быть общечеловеческое. И оттенок народности оно получит само собою, под влиянием местности, под влиянием языка и нравов наших. Истории, как известно, у нас нет.

---

*) В архиве Чокана хранится письмо невольников, адресованное на его имя.

Интересно было бы узнать от вас некоторые крупные литературные скандалы и ученые критики [?]. Что с «Современником»[163] и как будем делать мы, его подписчики? Я говорю о деньгах за эти 8 месяцев вавилонского пленения*).

Я уже исписал лист вопросами, надо теперь закидать вас просьбами. 1-ое: прошу отвечать мне, чем доставите большое удовольствие вашему инородцу слуге.

2. Я бы хотел быть корреспондентом «С[анкт]п[етер] бургских ведомостей» о делах среднеазиатских и киргизских степей. Нельзя ли поговорить с редактором? Впрочем, вы можете избрать другую газету более близкую вам. Нельзя ли также узнать у «Отечественных записок», можно ли им будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргиз и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой орды и объясняющие причины падения орды. Вот все мои комиссии — прошу извинить меня за докучливость. Я обращаюсь к вам бесцеремонно, зная вашу доброту и снисходительность.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение всем вашим родным и целую ваших детей, особенно мою маленькую приятельницу. Валиханов.

Адрес мой: В Кокчетавскую станицу через гор.
Петропавловск, в Западной Сибири.

Публикуется по автографу, хранящемуся в Собрании архива Института русской литературы Академии наук СССР, фонд 16.743.

CVIIб-д

См. Ч. Ч. Валиханов. Статьи, переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 116—119.

---

*) Речь идет о временном запрещении «Современника». Это позволяет точно датировать письмо 1862 годом.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

Достойнейший Карл Казимирович.

От Вас в последнее время, что называется, ни слуху ни духу. Как Вы поживаете? Здесь слышно, что Вы будто едете в Петербург. Я, признаюсь, этому не очень верю, во 1-х, потому что Вы уже лет 10 как думаете посетить Питер и до сих пор живете в Омске, не выезжая далее Новой деревни, и, [во] 2-х, потому что Дюгамель, вероятно, будет не очень этим доволен и едва ли даст Вам возможность по службе ехать в столицу. Разрешите мое недоуменье. Хорошо было бы, если бы Вы поехали. Я имею из Петербурга много писем. Все мои знакомые узнали случай атбасарского выбора и утешают меня. Некоторые сильные мира сего принимают во мне, как пишет Романовский[164], живейшее участие. От генерала Игнатьева[165] получил письмо. Он пишет мне, что он не раз писал обо мне Дюгамелю и еще прежде получения моего письма был сам удивлен, узнав, что меня [не] выбрали, и спрашивал Врангеля, адъютанта дюгамелевского, что это значит. Тот сказал, что начальство через султанство мое боялось дать большое влияние моим родичам. Не понимаю, что это значит. Далее генерал пишет, чтоб я потерпел немного, «а терпеть вам нужно недолго»*). Романовский сделался редактором «Русского инвалида» и в первых №№ этой газеты на-

*) Намек на то, что генерал Дюгамель скоро будет смещен.

печатает мое *приключение*. Курочкину тоже сообщено мной. Я имею основание думать, что у Вас будут скоро перемены в начальствующих лицах, начало будет с начальника штаба, затем повыше... Скажите, ради бога, что у Вас делается в Областном начальстве. Старший султан рекомендовал начальству Сапака, как скверного правителя, Вы были того же мнения, а теперь он производится в хорунжие. Я видел этого господина в Кокчетаве, он постоянно пьян и мне говорил, что он дал всем в Омске деньги и никого теперь не боится. Когда уберут от нас Кури? Научите, как нам от него избавиться. Подать просьбу на высочайшее имя, что ли? Не можете ли Вы это как-нибудь устроить. Мы Вам соорудим за это памятник и напишем, «благодарные киргизы Карлу Гутковскому, избавителю своему» и проч. Что теперь делает высшее начальство? Не думает ли мстить отцу моему? Все это легко может случиться. Кланяюсь Семочке, целую ваших детей.

Валиханов.

P. S. Забыл, что сегодня 1-е число. С новым годом, с новым счастьем! Дай бог, чтобы старый год пожрал, как Сатурн своих чад,— Дюгамеля и проч. и дал нам новых не спящих, а трезвых администраторов.

1 января 1863 г.

ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 155—155-об.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

Достойнейший Карл Казимирович.

У нас в степях есть слух, что будто Колпаковский назначается киргизским губернатором, а Фридрихсу дают другую должность. В какой степени все это справедливо, Вы должны знать лучше. Я сам нисколько не удивляюсь всем этим слухам и даже готов радоваться, если бы Колпаковского сделали ханом нашим, в той надежде, что он, вероятно, не захочет иметь при себе Кури. Скажите, ради бога, неужели этот господин, т. е. Кури, будет терзать степь вместе с Колпаковским? Представьте, что он теперь делает с отцом. Вчера уехал отсюда Ерден, он жил несколько дней здесь, собирал киргиз и давал им какие-то советы, чтобы сменить моего отца, и *говорил им, что это поручил ему Кури.* В какой степени все это нагло и низко, Вы увидите и без моих пояснений. Я не знаю, что и думать об сибирском начальстве. Дело это кончится скверно для Кури, потому что я намерен совершить *преступление* и объявить, что до этого преступления я был доведен несправедливостью сиб[ирского] правительства и особенно интригами г-на Кури. Вы можете после этих слов подумать, что я не совсем здоров, я же Вас уверяю, что никогда я не чувствовал себя так хорошо, как теперь. Во всяком случае я уверен, что Вы будете до последней степени защищать моего отца, но, вероятно, Вам самим бывает иногда не лучше от разных интриг, чем нам. Здесь кир-

гизы толкуют, что будто Вы не в милости у Дюгамеля и в ссоре с Фридрихсом. Откуда они все это узнают, не могу и понять. Про меня что они сочинили — это потеха! Видите ли, когда меня посылали в Кашгар, я там не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху. Царь, как-то читая мой отчет, видит, что все это неладно, на сказку что-то смахивает. Думает: дай-ка поиспытаю, и послал другого более благонадежного человека в Кашгар. Тот, конечно, был в Кашгаре и, приехавши, донес, что у Валиханова все вздор написано — таких рек там нет и городов таких нет, как у Валиханова[166]. Царь рассердился и говорит: послать Валиханова в Кашгар в другой раз, он отказался больным, тем это дело кончилось. Вдруг Валиханов захотел быть султаном. Царь и говорит: нет брат, ведь ты болен был, когда я посылал в Кашгар, будь и теперь больным. Как это Вам нравится? Эту дичь рассказывал один султан, мой родственник.

В.

Отец мой скоро поедет в Омск, дней через 10. Ибрагимова[167] нельзя ли сделать секретарем в наш приказ.

16 генваря 1863 г.

ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 173, лл. 156—156-об.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

Я, как все, был глубоко поражен, многоуважаемый Карл Казимирович, известием о вашей отставке, хотя удивляться несправедливостям можно бы нам, сибирякам, перестать. Известие это дошло до нас через киргизские слухи, ибо письмо Ваше было в приказе затеряно, чего при прежних обстоятельствах, вероятно, не случилось бы. Но еще более был я изумлен, прочитавши письмо Семена, в котором он вину вашей отставки кладет на какой-то мой *донос,* где я жаловался на дурные дела в области, не упоминая имен виноватых лиц и вследствие этой темности виновником сочтены были Вы. Но этого положительно не могло быть, кто бы Вам ни говорил. Я, действительно, писал статью о несправедливостях, сделанных мне при выборе меня в султаны в «Русский инвалид» — и писал по *приглашению* самого редактора, друга моего, Романовского, следовательно статья моя была более *жалоба* и ни в каком случае не донос, разве с египетской точки зрения жалобы на несправедливость называются доносами. Далее, я упоминал поименно всех господ, которые интриговали против меня и брали взятки с баганалинцев, именно: г. Кури, г. Ивашкевича[168] (пожалованного за эти гадости землей), заседателя Безверхова и, конечно, при этом не похвалил состояние нашей области, ибо это была бы неправда вопиющая. О Вас же я выразился, как и было в самом деле, как о единственном моем защитнике, и даже привел какое-то место из вашего письма (ка-

жется, в этом роде: некоторые господа успели склонить наше светило на сторону неправды и проч.). Из этого Вы можете видеть, что все говоренное Вам — сущий вздор, чтобы оправдать свою личную ненависть, которая, вероятно, побудила избрать Вас в жертву. Но чтобы не было никаких недоразумений, чтобы дело было на чистую, я просил теперь же Романовского напечатать мой донос (пусть так будет), а если этого нельзя, то сообщить копию с моего письма за своим скрепом. А это письмо, если хотите, можете показать тому, кто говорил Вам *о безымянных доносах*. Мне очень жаль Вас, Карл Казимирович, когда подумаю о ваших денежных обстоятельствах: куда Вы денетесь? Пожалейте Вы и нас, оставленных в жертву г. Кури, Нестерову, которые будут возить по степи Ягернаутского идола.

Валиханов.

P. S. Если только мое письмо было причиною вашего увольнения, то я сделаю все, что только возможно к исправлению дела! Я уже написал Романовскому и просил его доложить всенному министру. Коль только позволит здоровье, поеду в Питер и буду просить всех и Милютина [169] и Горчакова [170] и непременно доведу до сведения государя императора. Теперь пишу к Семенову*) и прошу его ходатайствовать через Елену Павловну**). Отец мой свидетельствует Вам и Катерине Яковлевне свое глубокое почтение и просит считать его преданным навсегда. Если будете затрудняться, куда ехать — приезжайте на лето к нам, пока устроитесь.

Ради бога не унывайте, может, будет лучше.

В.

11 мая, Сырымбет***).

ЦГАЛИ СССР, фонд 159, оп. 1, д. 179, лл. 161—161-об.

---

*) П. П. Семенов (Тян-Шанский).

**) Вел. княгиня, известная в эпоху Александра II как покровительница науки и искусств.

***) Письмо не датировано; но из того, что Гутковский уволен в 1863 году, оно хорошо датируется этим же годом.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

(С ПРИПИСКОЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

*[В письме, которое здесь [полностью] не помещается и в котором Валиханов советует Гутковскому познакомиться с Ф. М. Достоевским, сделана приписка к последнему:]**

Посылаю письмо на имя Романовского, чтобы Вы могли передать, как будете в Петербурге. Ради бога побывайте у Семенова*). Этот господин может Вам много сделать. Не забудьте и Слуцкого (?) — он у военного министра, говорят, в милости. Не знаю, как Вас примет Егор Петрович**), но у него тоже нужно побывать. Как служивший некогда в ведении М[инистерства] Иностр[анных] Дел, Вы можете рассчитывать на помощь со стороны Игнатьева. Для этого Вам нужно будет познакомиться с Сакеном***), а это можете устроить через Татаринова****). Но как Вы поедете? С Катериной Яковлевной или один? Во всяком случае, чтобы Вы могли иметь семейный дом, чтобы проводить вечера,— я посылаю на другой стороне сего письма записку к Федору Достоевскому. Валиханов. [Сбоку:]* пишите, если что будет нужно, без церемоний.

20 мая [1863 г. ?]

[Записка на втором листе.]*

Давно не имею от тебя никаких известий, любезный

---

*) П. П. Семенов (Тян-Шанский).

**) Е. П. Ковалевский.

***) Имеется в виду Остен-Сакен Ф. С., секретарь Геогр. общества и сотрудник Азиатского департамента, друг Чокана.

****) См. примечание 19.

Федор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас, живущих и вопиющих в пустыне киргизской. Что со мной и как я живу, узнаешь подробно от Карла Казимировича Гутковского, моего друга, который едет в Петербург по делу, касающемуся отчасти и меня. Надеюсь, что и ты и Мария Дмитриевна примете его хорошо и познакомитесь с его семейством. У них в Петербурге нет никакого знакомства. Гутковские люди очень добрые и без всяких провинциальных предрассудков, которые так шокируют вас, петербуржцев. Я буду в Петербурге с первой зимней дорогой. Кланяюсь Михайле Михайловичу с его семейством, Исаковым, Майковым и всем, которые меня помнят.

Валиханов.

20 мая (1863 г.). Кокчетав, в Киргизской степи.

ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, д. 160.

Ч. Ч. Валиханов. Сочинения, ЗРГО, отд. этнографии, т. XXIX, под ред. Н. И. Веселовского, СПб, 1904, стр. 526—527.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

Добрейший друг, К а р л К а з и м и р о в и ч.

Премного виноват перед Вами и перед Катериной Ивановной*), что до сих пор не писал Вам. Сначала думал ехать в Петербург и там видеть Вас лично, потом обстоятельства изменились, и поездку оставил до мая. Теперь живу в Омске и думаю, впрочем, скоро отправиться в степь к себе домой. Муса Черманович тоже здесь, и мы живем вместе в вашем доме. Здоровье мое зимою было не совсем хорошо, теперь опять поправился. Вел себя, признаться, не совсем хорошо: играл в карты, таскался по клубам и шампанское стал пить. В четыре месяца проиграл около 3-х тысяч и теперь бросил, потому что нет денег, а просить от отца совестно. Если б Вы были здесь, конечно, ничего этого не было бы. У меня, Вы сами знаете, в Омске не было ни одного хорошего знакомого, кроме Вас. С Тыртовым я в ссоре, т. е. собственно с Лизаветой Михайловной. Мы поссорились за чепчик с перьями, который нынче стала носить Лизочка в подражение мадам Шаховской. Я не одобрил этот наряд—и вышла история. Уже более трех месяцев, как я не бываю у Тыртовых, и Лизавета Михайловна со мною не кланяется и продолжает носить перья. С Дюгамелем мы так себе — я имею честь быть

---

*) Очевидно, описка: жена Гутковского — Екатерина Яковлевна, дочь — Екатерина Карловна.

приглашенным на бал, но визиту мадам Д. все-таки не сделал. Только с Лещевыми я нахожусь в более коротких отношениях. Фридрихс дурит по-прежнему, Майдель[171] двуличничает и, вероятно, скоро потеряет всякое значение. Кури выходит в отставку, хотя за него сильно хлопотал Фридрихс. Затем все остается по-прежнему.

Вы, вероятно, помните, что я был приглашен Дюгамелем содействовать г-ну Яценко. Нечего говорить, что с Яценкой я не сошелся. Областное Правление написало проект[172] с целью изменить прежний суд биев. Я подал записку, чтобы оставить суд биев без всякого изменения. Проект мой будет принят, и суд биев останется по-прежнему. Теперь мы хлопочем о том, чтобы Баян-Аул перевести на Бель-Агач*). Не знаю, выйдет ли что.

Майдель, Ивашкевич, Николай Лещев[173] едут в комиссию для разбора претензий между оренбургскими и сибирскими киргизами. Толку, конечно, не будет, и вся тяжесть падет на киргизов. Вот наши новости. Как Вы сами поживаете, как здоровье добрейшей Катерины Яковлевны; что поделывает моя милая Катерина Карловна? Коля здоров ли? Пишите, пожалуйста, обо всем подробно. Вы знаете, как нам интересно все, что касается Вас. Муса Черманович на Вас немного претендует. Вы послали всем своим знакомым свои карточки, а нас забыли. Но тем не менее он собирается с следующей почтой послать Вам свою карточку. Спешу к почте и потому нацарапал Вам так, что едва ли разберете. Прощайте.

Ч. Валиханов.

P. S. Если в мае поеду в Петербург, может, заверну в Оренбург. Шишка на носу уничтожилась давно. Я очень рад этому.

4 марта**) Омск.

ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 158—158-об.

---

*) Теперь колхоз им. Буденного, Ворошиловского р-на, Караганд. обл.

**) Письмо не датировано, но ссылка на записку о судебной реформе (написана 28 февраля 1864 года) позволяет точно датировать его 4 марта 1864 года.

КАРЛУ КАЗИМИРОВИЧУ ГУТКОВСКОМУ

Любезнейший Карл Казимирович.

Завтра мы выезжаем: я — в Аулие-ата, чтобы пожинать победоносные лавры, а—Муса к себе в Баян-Аул, чтобы подвизаться в доблестях гражданина. Думал в Питер, а попал в страну диких и каменных киргиз. Еду я, признаться, для того, чтобы получить чин. Черняев[174], кажется, человек хороший и чина, может, не пожалеет. Еду и для того, чтобы оттуда через Акмечеть проехать на Оренбург. Если б это удалось, было бы хорошо.

Здесь, в богоспасаемом Омске, все по-старому, так что становится даже досадно, что только Крупеников идет все в гору. Нынче он выиграл в Ирбите 70 т. и на радостях купил жене диадему (стремление очевидное к верховной власти), Воинову — шпильку на галстух, Врангелю — красный халат, Струве — бухарскую епанчу и в заключение всего приобрел дом Лещева за 2 тыс. руб. Ал. Н., кажется, рад этому. С Фридрихсом, генералом, случился казус. Он попал в число опальных и скоро, кажется, уедет в Ревель. Кури выходит в отставку. Я, видимо, примиряюсь с мосье Дюгамелем: подал ему записку о суде биев, и он ее одобрил[175], но с madame Дюгамель все еще не знаком. Кто будет нашим ханом— еще неизвестно, одни говорят о Колпаковском, другие — о Майделе. Оба хорошие ребята. Областное правление и канцелярия[176] ведут междуусобную войну. Бойцом от канцелярии выступил Крохолев, и киргизские деньги

прибрал к себе, в правление никто не ходит. Ивашкевич в бешенстве и подстрекает Майделя, который, однако ж, прямо действовать не решается, но, в клубе ругается.

Все ждут новых порядков и пользуются междуцарствием. Берут страшно и явно, сегодня пишут, чтоб подали в отставку, завтра, взяв деньги, отменяют и проч. Отец мой совсем перестал ездить в Омск. Муса бьется как рыба об лед, и туда и сюда, но пристроиться все-таки не может. Вообще все идет скверно. Посылаем при этом письме фотограф. карточки. Я расстегнут, но это лучшая карточка. Надеюсь, Катерина Яковлевна извинит меня. Как Вы поживаете? Напишите ради бога. Мне адресуйте в укр[епление] Верное. Прощайте*).

Чокан.

Омск 24 марта**)

Публикуется по рукописной копии ЦГАЛИ, фонд 159, оп. 1, д. 179,

Издание в Записках русского географ. общества по отд. этнографии, том XXIX. Под ред. Н. И. Веселовского. СПБ. 1904.

Письма к Гутковскому в издании под редакцией Н. И. Веселовского имена ученых и государственных деятелей вычеркнуты, опубликованы только их инициалы. Мы их полностью восстановили на основе рукописных копий.

---

*) В подлиннике письмо заканчивается фразой на казахском языке, в копии ее нет.

**) Письмо не датировано; но из его содержания («выезжаю в Аулие-Ата») видно, что оно написано 24 марта 1864 года.

ПИСЬМА ГЕРАСИМУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КОЛПАКОВСКОМУ

Колпаковский Герасим Алексеевич (1819—1896 гг.) — генерал от инфантерии. Большую часть жизни прослужил в Сибири и Средней Азии. Был начальником Алатавского округа и киргизов Большой Орды, генерал-губернатором Семипалатинской, Семиреченской областей, а затем Степного края. Участвовал в нескольких военных экспедициях и взятии кокандских крепостей, руководил сражением в Узун-Агаче в 1860 г. Оказывал содействие научной экспедиции Пржевальского. Был близко знаком с Ч. Валихановым.

Ваше превосходительство, милостивый государь Герасим Алексеевич.

Вчера вечером Со-Голдай, Панож с 7-мью товарищами опять приехали в аул султана Тезека. Они привезли лист от нового цзян-цзуна, бывшего тарбагатайского хебе-амбаня (старый цзян-цзун по словам Со-Голдая смещен с своего места за самопроизвольное столкновение с русскими в прошлом году и будет судиться в Или); к вашему превосходительству и к султану Тезеку листы эти я посылаю с этим письмом. Со-Голдай приехал навстречу к русским вспомогательным войскам, которые должны, по их ожиданию, придти через 15 дней. В Тургене ими заготовлены провизия и разные вещи, нужные для наших войск.

Я предлагал Голдаю ехать обратно в Кульджу и там ждать известий от Вас, так как Вы уехали в Омск и, вероятно, не скоро будете в Верное, но он обнару-

жил решительное желание видеть Вас здесь и объявил, что это воля цзян-цзуна.

Положение Кульджи крайне плачевное. Последнее столкновение с инсургентами было 8 дней тому назад. Маньчжуры сначала, по словам киргиза очевидца*), успели обратить тунгеней**) в бегство и взяли три пушки и несколько сот верблюдов, но потом были решительно разбиты хой-хоями и лишились всей своей пехоты. Из 1.500 человек чампаней и китайцев вернулись только 300 человек, сибо и солоны спаслись бегством без больших потерь. Дунганей в этом деле убито до 300 человек и это, кажется, преувеличено.

Кульджа находится в осадном положении. Баяндай еще не взят. Из Кашгара, говорят, пришел какой-то ходжа, но это, надо думать, киргизские сказки. Всего более маньчжуры страдают от своих киргиз, которые воруют лошадей, хлеб и почти все в сношениях с инсургентами. Только Башча остался по-прежнему покорнейшим слугой богдоханского величества. Голдай посылает вашему превосходительству большой поклон и просит по секрету передать Вам, что дела их очень плохи.

От Бектаира известий еще нет.

Малбай, Мурат-Али и проч. послали сюда к Тезеку письма и спрашивают, можно ли им вернуться и надеяться на милость вашего превосходительства. Им хочется иметь своего манапа, и потому я ничего им не сказал, заметил, впрочем, что они могут просить Вас обо всех своих нуждах и что они, если просьба их имеет основания, вероятно, будут удовлетворены.

Нужно заметить, что все маньчжуры и сибо, бывшие в Верном, получили высшей степени шарики, точно сделали великий подвиг.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Ч. Валиханов.

20 ноября 1864 г. Тугерек.

---

*) В рукописи описка переписчика.
**) Т. е. дунган

P. S. В числе наград, вышедших киргизам Тезековского ведения, есть золотая медаль и 25 руб. сер. какому-то Усербаю Алибаеву, бывшему в Куртке с г. Проценко*), но такого имени между киргизами-адбанами, бывшими в Куртке, нет, вообще с Проценкой Усербая Алибаева не было. Вследствие этого недоразумения двое адбанов претендуют на эту награду. Один чала-казак Тордубек Абдрахманов, другой Тохтарбай Кемебаев. Первый из них был начальником**) лаучей***) и служил г-ну Проценко в лагере, как служитель, другой ездил с почтой к Адилю, ходил на караул к реке Он-Арча и вообще был на трудных разъездах. Нельзя ли будет разузнать от г-на Проценко, которого он разумел под именем Усербая?

Так как лист цзян-цзуна был, по словам маньчжуров, написан таранчой, не совсем хорошо знающим их язык, и так как в Верном перевод прежнего листа был сделан при их помощи,— они просили меня перевести вместе с ними лист цзян-цзуна. Я осмелился поэтому распечатать и сделать перевод. Надеюсь, что ваше превосходительство не будете в претензии на это самоволие.

Перевод письма цзянь-цзуна

Великого Дай-Цинского государства, управляющего илийскими провинциями цзян-цзуна Минь-сю лист. Великого Российского государства управляющего провинцией и заведующего****) делами киргиз и бурутов генералу.

Письмо Ваше я получил и посылаю ответный лист. В письме, посланном от Вас, видно, что Вы, узнав о бунте илийских хой-хоев от Со-Голдая, посланного нами к Вам с просьбой собрать русские войска, привести их для освобождения города от воров, тотчас собрали начальствующих в крае лиц и, посоветовав-

*) Имеется в виду «Зачуйско-Кашгарская экспедиция» полк. Проценко.

**) В копии «кочевником» — описка переписчика.

***) Лаучи — ямщик, подводчик, проводник.

****) Очевидно, следует: ...«управляющему» и ...«заведующему».

шись с ними, донесли о нашей просьбе Белому царю. Затем Вы пишете, что когда придет разрешение от Вашего государя, Вы с войсками губернатора (?) придете тотчас же, освободите куру (т. е. город). Со-Голдай, благополучно возвратясь, донес мне о всем, и я хорошо понял ваши добрые намерения. Высоко ценя дружбу двух великих государств, я послал к Вам навстречу Со-Голдая, чтобы он принял русские войска.

Если Вы придете и скоро освободите город от хойхойских воров, Вы сделаете дело, которое мы тысячу и тысячу лет будем помнить. Наш народ умеет ценить добро.

Узнав, что построенную Вами на Или факторию воры-тунгены начали портить, я послал наши войска и спас Ваши здания от разрушения. Однако у хранителя фактории взяты некоторые вещи.

Сообщите секретарю, заведывающему делами торговцев верхних мест (?), чтобы он по-прежнему занял факторию и открыл бы там торговлю на прежних основаниях. По вышеизложенным причинам лист написан. Царствования Тун-джи 3 года, 11 месяца 28 дня.

ЦГАЛИ, ф. 159., оп. 1, д. 179, лл. 145—147.

14-го декабря.

Сегодня приехал Ит-бала, который все время находился при маньчжурском войске. Спешу сообщить вам некоторые подробности последних схваток маньчжуров с тунгенами. Это будет дополнением к показаниям бокачевского приказчика. Бегство дунганей из Кульджи случилось 9 числа прошлого месяца. Утром этого числа все кульджинские из соседних местечек хойхои выступили к Сарыбулаку, их подкрепляли таранчи в числе 400 человек под начальством какого-то сарта, которого они называли ходжой. (Впрочем, этот ходжа не из тех, которые претендуют на Кашгар, и, надо думать, что он уроженец Или). Китайцы стояли у городских стен и стреляли из пушек и фальконетов[177]. Таранчи, однако ж, занимались более маневрами, чем делом. В рукопашных схватках в этот день было убито немало тунгеней, но потерю чампаней и хамбыней (китайских солдат) считают до 800 ч. В то время, как маньчжуры были отвлечены бесполезной для них стрельбой, жены и дети дунгеней со всеми своими вещами беспрепятственно выходили из своего предместия. К вечеру, когда последние верблюды тунгеней выступили из города, тунгени стали отступать, оставив для прикрытия отступления до 500 ч. конницы. Но дело этим не кончилось. Чампани, узнав о бегстве дунгеней, бросились в их предместия, думая найти там что-нибудь, но здесь их встретила засада, и чампани после кровавого боя бежали, потеряв убитыми до 300 чел.

Дунгени, отступив из Кульджи, стали у каменоугольных копей, в 20 верстах от Кульджи. Таранчи увеличились до 600.

11 числа маньчжуры, ободренные бегством врага, выступили из Кульджи для окончательного уничтожения инсургентов. Маньчжуров было 400, хамбыней 300, солонов и сибо левого берега 300, правого берега 800, чампаней 500. К несчастью китайцев, в самом начале сражения дунгени овладели их артиллерией (4 пушками) и захватили все фальконеты (60) и до 200 ружей. Порох китайцы сами уничтожили. Чампани, засевшие в какой-то курган, были сожжены, хамбыни частью перешли к инсургентам, частью были убиты, всего их вернулось человек 10. Поражение было совершенное; начальник китайского войска Чи-Джен, солонский Ухурдай и еще два амбаня были убиты. Дунгени преследовали бегущих до самой Кульджи.

В настоящее время дунгени занимаются осадой Баяндая, жены и дети их в большой мусульманской Кульдже. В Кульдже китайской войска считается до 800, между тем, как к дунгенам пристали все таранчи с новым своим аким-беком*) Магзум Зитом. Наш Сотрук тоже соединился с дунгенами и, как говорят, вместе с таранчами думает взять Куджугур; под именем Куджугура известна группа нескольких селений с сибоским населением. Жители его частью перебежали в Кульджу, частью укрепились в одном из этих селений. Начальник сибосцев правого берега, называемый киргизами Ак-Калдай, взят под арест будто бы за сношения с инсургентами и, вероятно, будет казнен. Кара-киргизы и наши кизил-борки**) совершенно уничтожили калмыков, кочующих на Текесе. Можно положительно сказать, что калмыки лишились решительно всего — жен, детей и всего скота. Киргизы, говорят, не знают, куда девать скот и пленниц. Калмычки попали и на Чилик к Чокан-бию. Это, по моему, не совсем красиво.

В Кульдже чувствуется большой недостаток

*) То же, что хаким-бек в Кашгаре.
**) Поколение казахского племени уйсун

съестных припасов, ибо тунгени сожгли все хлебные запасы и угнали весь скот городской, даже маньчжурам не оставили и свиней. Цзян-Цзун на все солонские городки наложил по 100 капов пшеницы.

Сегодня приехал (несколько часов тому назад, и я сейчас только узнал) в аул к Тезеку один таранча, прежде живший в его ауле. Он привез верные известия о дунгенах, ибо он послан от таранчинских беков к султану Тезеку, чтобы узнать, можно ли им послать посольство к русским властям. Он рассказывает, что ходжа их называется Сеид-Ахмет-хан, он уроженец Маргелана и лет пять как приехал в Или. По его словам все хамбыни пристали к мусульманской инсурекции—и это верно. Из Кашгара и Аксу они ждут помощи. Цзян-цзун им предлагал мир, но они не приняли. Баянтай, как он полагает, теперь должен быть взят. В самом деле, что прикажете делать, если инсургенты пришлют посольство? Если они будут, например, просить нашего подданства? Уведомьте поскорее. Войсками командуют у инсургентов: китайцами — Джун-тань, тунгенами — Па-ту-за и таранчами — Садыр.

Так как в настоящее время производятся беспрерывные реформы и преобразования, то нет основания думать, чтобы киргизская степь осталась забытой. Вероятно, ваше превосходительство, позаботитесь о вашей орде, которая, надо признаться, находится в самом незавидном положении. Во время пребывания в орде мне удалось узнать кое-что неизвестное вам и могущее быть вам очень полезным при ваших соображениях. Я буду говорить откровенно, так как это останется между нами.

Со времени вступления вашего в управление ордой вы были постоянно заняты походами против киргизов и защитой границ, внутреннее родовое управление ордой оставалось по-прежнему, и в этом отношении было сделано очень мало. А родовое народное управление орды представляет ужасный хаос и крайнее безобразие.

1-е. Адбаны. Племя это беднее других и держится более старых порядков. Султан здесь управляет толь-

ко своими туленгутами, которых, правда, очень много, и управляет ими, как плантатор неграми. Для адбанов, кочующих за Или, он почти не имеет влияния: Алимкул и Ширбек зависят от него, как вассалы от барона: по временам приезжают на поклон, принимают хорошо его ясаулов и только. Словом, султан считает себя владельцем, а не чиновником русского правительства, каким он есть в действительности.

2. Джалаиры. Управление в джалаирах представляет диаметральную противоположность с управлением в адбанах. Джалаирские султаны, волостные и проч. похожи на наезжих сибирских чиновников, которые приезжают только затем, чтобы постоять и потом уехать. Между джалаирскими родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ. Я знаю наверно, что эти господа научают татар и проч. подать просьбу в Алматы и потом, получив бумагу из Верного, пугают своих киргиз и берут тогузами*), одну — Султангази, другую — Тынги, третью — Камбар и проч. Подводы в этом роде назад не возвращаются — продаются, и деньги разделяются между вышеупомянутыми лицами. Плата за подводы подвергается той же участи. Вообще поборам нет счета.

3. В дулатах несколько лучше, хотя султан их считается слабым. Там много богатых и влиятельных киргиз, которые могут в случае надобности дать султану отпор.

Прежде было основание церемониться с киргизской властью, теперь же, когда границы наши закреплены, можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100— вернее, полезнее, чем 10. По моему мнению, этого можно достигнуть, только подчинив формальным выборам должность султанов и управителей, ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение *суду биев*. В Большой орде суд биев не существует, дела решаются по капризу властей.

---

* «Девятки» — составная часть подарков, а в XIX в.— взяток, состоящих из девяти предметов.

В Дикокаменной орде аристократического элемента не существовало исторически, точно так же как и централизации родового управления. Там каждый род управлялся своим бием. Случалось, правда, что некоторые манапы, сильные родовичами, успевали приобретать главенство, как Урман и Бурамбай, хотя это было насилие, но люди эти имели несомненные достоинства, один — храбрость, а другой — замечательный ум. Мы же, назначив ничтожного и известного лживостью Сарымбека в звание ага-манапа, случайное явление возвели в постоянное достоинство. Это уже само по себе ошибка. Пользы от ага-манапа мы положительно не имеем, и, поддерживая его значение, мы вредим самим себе, отталкиваем от себя народ и вооружаем против себя других манапов: Мурад-Али, Боли-Карай и проч. ушли не от нас, а от Сарымбека. Кроме того, Сарымбек постоянной ложью от имени русского правительства возбуждает недоверие в народе к нам. Этот господин продавал чирикам русские чины, т. е. русские бумаги — это факт. Сверх того, ни один абсолютный восточный монарх не делает таких насилий, как он. У него содержится одна женщина, под именем *подводной бабы*, если так можно выразиться; он ею угощает приезжих казаков и других лиц, и она взята так же, как берут в подводы верблюдов и лошадей. Эти немногие факты говорят сами за себя.

Я полагаю, что в Дикокаменной орде надо поддерживать древний порядок управления, чтобы каждый род управлялся своим бием. Тогда будет между ними соревнование, чтобы отличиться одному перед другим.

Прошу у вашего превосходительства снисхождения, что я решился написать о том, о чем вы меня вовсе не просили. Как киргиз, я не мог удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно моих страждущих земляков. С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть в[ашего] п[ревосходительства] покорный слуга.

Ч. Валиханов.

P. S. Бектаир завтра выезжает отсюда. Что касается до писем, посланных с Измаилом, я должен сказать, что они все были мной запечатаны моей печатью с литерами М. В. точно так же, как и настоящее письмо.

Ч.

ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 658, л. 1-3-об.

Милостивый государь Герасим Алексеевич

Сегодня приехал в аул Тезека казак Павел Богдашин, остававшийся до сих пор в Кульдже. Так как все торговцы, поселенные китайским начальством в нашей фактории, бежали, то и Богдашин последовал их примеру.

Торговцы принуждены были к бегству постоянными требованиями китайских властей — то лошадей, то верблюдов. В последний раз маньчжуры потребовали 300 лошадей и, когда торговцы отказались от дачи такого большого числа лошадей, цзян-цзун объявил, что он возьмет от них силой. Тогда ночью все обитатели фактории бежали, оставив все свое имущество и товары. Едва торговцы вышли из фактории, как конур-бурковский*) башчи**) Башча с 100 человеками напали на факторию и ограбили все дочиста. Впрочем, и прежде, в начале восстания, таранчи немного пограбили в консульском доме, но взято было немного. На другой день Башча нагнал караван и требовал выдачи Богдашина, но семипалатинский ташкенец Осман не дал. Этот же Осман дал казаку лошадь и во все время нахождения Богдашина в Кульдже оказывал ему покровительство и помощь. Киргизское***) начальство взяло от Богдашина под расписку все железо, бывшее в фактории.

*) Конур-боруk — племя.
**) Т. е. басчи — глава, вождь.
***) Так в рукописи. Очевидно «китайское начальство».

Киргизы, бывшие под протекцией китайцев, сделались теперь заклятыми врагами своих патронов и грабят маньчжуров и солонов, где только можно. Кезенкара напал даже на один солонский городок, угнал до ста лошадей, но сам потерпел потерю с лихвой: до 5 человек его киргиз пали от солонских стрел.

Голдай все еще живет у Тезека и не едет, что хотите.

Сейчас получено еще известие.

Цзян-цзун послал погоню за караулом и особенно за Богдашиным, чтобы вернуть его, но посланные солоны не догнали каравана и вернулись в Тургень.

Если китайцам будет дана помощь, то с известием об этом в Кульджу, надеюсь, Ваше превосходительство, пошлете меня.

Пожелав Вам всего хорошего и успеха в ваших начинаниях, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов.

27 декабря*).

ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, ед. хр. 179, лл, 143—144.

*) Чокан умер весной 1865 г., не дожив до следующего декабря. А потому письмо легко датируется 1864 г. Раньше 1864 г. он не мог сообщить о событиях, затронутых в этом письме.

14-генваря.

Милостивый государь Герасим Алексеевич

Я имел честь послать к Вам в Омск три письма (одно с листом от китайского начальства), но ответа до сих пор еще нет. Со-Голдай все еще здесь, ждет Вас, как еврей мессию. Вообще, все илийские маньчжуры уповают на нас и от нас только чают избавления. Впрочем, по полученному сейчас известию из Кульджи, инсургенты, очевидно, утомились. Маньчжурам удалось их разбить наголову в окрестностях самой Кульджи (20 числа дня 12 месяца по-китайскому стилю, сегодня 28)*). В этом деле убито до 400 человек хой-хоев и таранчей и взято много оружия: ружей, копий и сабель. Эта неудача нанесла хой-хоям такой нравственный удар, от которого они едва ли поправятся. Дело в том, что хой-хой не в ладу с таранчами, которые составляли большинство инсургентов, последние начинают тайно сноситься с цзян-цзуном, который обещал им совершенное прощение. Говорят также, что у оставшихся нет ни зерна пороху, а провизии у них давно не было. Тунгени думают снять осаду Баяндая и перейти на правый берег Или и взять сибоский городок Хиджугур. По крайней мере так писали они киргизам в своих прокламациях.

Снятие осады Баяндая и, наконец, то, что тунгени

*) декабря

стали просить помощи у наших киргиз, бывших в прошлом году под китайской протекцией, доказывает, что инсурекция приходит к концу. Если инсургенты будут стеснены с Или, они, говорят, думают уйти на другой пункт в Аксу или Кашгар. В последнее время тунгени успели своими [эмиссарами]* и прокламациями взволновать большую часть приилийских родов адбанов и всех бугинцев. Башчи [глава] Джузен, Саурук, словом все [чаджи джарты и конурборуки]* явно пристали к тунгенам и дают им лошадей и джигитов. Джетен, Дур-Султан, Кезенкара еще колеблются; преданными нам остаются только Чормак и Кожамбет. Бугинцы тоже портятся, не говоря о тех головорезах, которые на Текесе. Сарынбек, говорят, только и говорит о ходжах святоборцах. Бектаир остался им недоволен, так как ага-манап совершенно отказался собирать киргизский барантованный скот. Киргизы все заговорили о настающих годах мусульманского величия, от тунгеней они чего-то ждут, на бухарцев тоже полагают большие надежды.

При сем посылаю два листа, присланные от цзян-цзуна, одно на ваше имя, а другое на имя «ваших сибирских генералов».

Лист от цзян-цзуна я перевел при помощи Со-Голдая и соображаясь с маньчжурским текстом, так как пакет и сам должен был подпороть. Надеюсь, ваше превосходительство, не будете за это на меня сердиться — и в Омске нужно было бы обращаться к переводчику.

Перевод листа цзян-цзуна: «Великого Дай-цинского государства илийских провинций цзян-цзуна лист. Великого Российского государства генералу, находящемуся в Алматах, посланное для скорейшего прихода русских войск. Прежде сего вследствие войны тунгеней и сартов (хойзя), т. е. таранчей, мы несколько раз посылали письма, прося у Великой державы (России) войска для истребления и избиения воров вместе с нашими войсками, и, кроме того, послали трех наших чиновников на пограничные караулы для встречи Вас, но известий о приходе регулярных войск высокой дер-

жавы до сих пор нет, и мы находимся в чрезвычайном нетерпении.

Между тем наши войска имели дело с ворами, и воры, придя в слабость, бежали и укрылись в город Кульджу (мусульманский город в 40 верстах от Кульджи) и оттуда, выходя в разные стороны, делали грабежи и посылали своих людей в окрестные земли для возмущения и к Тезеку с серебром и чаем, чтобы расстроить согласие двух наших государств, но Тезек, находясь в повиновении у вашей высокой державы, не внял злым наветам их. 12 месяца 19 и 20 числа воры тунгени наступили на лагерь наших войск, наши воины, победив их, убили стрелами до 400 с лишним человек, но истребить и уничтожить их логовище в Кульдже мы находили трудным, чтобы в случае неудачи не было еще больших бедствий.

Вашему великому государству не чужды законы и обычаи, и Вы должны нам сочувствовать. Эти восставшие воры в один час забыли милости и попечения Срединной империи, делаемые им в продолжение 100 лет, и причинили нам много зла. Мы думаем, что и ваше высокопревосходительство, узнав о сих злодеяниях воров, должно придти в немалый гнев. Много лет, как наши две высокие державы находятся в неразрывном согласии. Будучи близки, как язык к зубам, нашим государствам нельзя быть равнодушными к бедствиям друг друга.

Отсюда мы послали эчже-ку-хафина (чин) Сабитуна (манджурское имя Со-Голдая) к Тезеку, чтобы ожидать там прихода войск высокой державы, а кузяйда (чин) Чжа-Чжури (имя) послали в Турген также к вам навстречу.

По сим причинам, посылая спешно этот лист к высокому генералу, прошу по получении этого письма, как можно быстро привести русские войска в Или*) и потом, соединившись с нашими войсками, разбить воров, и, успокоив страну, покрыть себя доброй славой. Еще. Один русский, сарты иностранные и кашгарские купцы, находившиеся в вашей торговой фактории, в

*) Т. е. в Кульджу.

одну ночь по неизвестной причине бежали из фактории и неизвестно, где теперь находятся. В ту же ночь на рассвете (в час пятого джина), киргизы вместе с тунгенями вошли в факторию и ограбили находившиеся там вещи и товары и укрылись неизвестно куда. Остался один старик сарт с женой. На другой день мы собрали оставшиеся вещи и, взяв их в город, поручили надзору старика-сарта, чтобы он после был обличителем. Для охранения фактории мы назначили особый караул из наших войск. Было бы очень хорошо, если бы секретарь по-прежнему занял факторию и открыл бы торговлю.

По сим причинам послал лист. Тунчжи 5 год царствования 12 месяцев 24 дня».

Слышно от китайцев, что в Урумчи пришли халхасцы под начальством цзун-вана, рожденного от китайской принцессы, но от больших снегов они не могут до весны придти в Или. В какой степени все это справедливо, ведает Голубое Небо.

С истинным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов.

P. S. Ваше превосходительство оказали бы большую милость, если бы привезли мне несколько ящиков сигар гаванских от Терехова и один, так называемый, пробный ящик.

В.

ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 148—151. Копия этого письма сильно искажена. Все ошибки и искажения копииста исправлены по изданию проф. Н. И. Веселовского.

Милостивый государь Герасим Алексеевич

Сегодня получил письмо от Бектаира, которое при сем посылаю. Садыкбек, о котором он пишет, есть родоначальник каракиргизского племени тургайгыркипчак и был прежде правителем города Ташмалыка и имел от китайского правительства красный шарик. Надо заметить, что ташмалыкские киргизы были единственные буруты, бывшие в непосредственном китайском подданстве. Предки Садыкбека служили китайцам еще при завоевании Восточного Туркестана и за усердие были пожалованы наследственными правителями города Ташмалыка, Кашгарской округи.

Другое лицо, упоминаемое им, именно Бузрукханходжа или тюре, есть единственный сын Джангир-ходжи, который в 1825 году произвел большое восстание в Малой Бухарии и был потом, пойманный, казнен в Пекине. Ходжи этот пользовался, как я мог заметить в бытность мою в Кашгаре, большим уважением народа, и на него полагали туркестанцы большие надежды.

Что касается до тунгенского восстания, то ничего важного в последнее время не совершилось. Тунгени три раза подходили к Кульдже и всякий раз были выгоняемы с уроном. Но тем не менее, впрочем, китайцы ждут от нас помощи, и Со-Голдай все еще живет у Тезека.

Искренно поздравляю ваше превосходительство с новым назначением и желаю Вам на новом месте заслужить еще больше славы и чести.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

Ч. Валиханов.

30 января 1865 г.

ЦГАЛИ. ф. 159. оп. 1, д. 179. Ошибки и искажения писца исправлены по изданию проф. Н. И. Веселовского.

ПРИМЕЧАНІЯ И УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ
К ТЕКСТАМ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

1. Семенов Тян-Шанский Петр Петрович (1827—1914) — великий русский географ, первый исследователь горной системы Тянь-Шаня, вследствие чего ему присвоено почетное добавление к фамилии (Тян-Шанский). Был фактическим руководителем Русского географического общества, организатор ряда экспедиций по изучению России и Центральной Азии. Автор многочисленных трудов по географии. После встречи с Ч. Валихановым в Омске в 1856 г. был связан с ним многолетней дружбой.

2. Риттер Карл (1779—1859) — выдающийся немецкий географ. Автор классического труда «Erdkunde von Asien», Berlin, 1832—59, частично переведенного на русский язык под заглавием «Землеведение Азии К. Риттера. География стран, входящих в состав азиатской России или пограничных с нею государств», СПб, 1859—1879. Ч. Валиханов неоднократно ссылается на эту работу Риттера. Судя по ссылкам, он пользовался как немецким оригиналом, так и русским переводом тех частей книги, которые были опубликованы при его жизни.

3. Мавраннагр (собств. Мавераннахр) — в переводе с арабского значит «то, что за рекой», «заречье». В данном случае — пространство между реками Сыр- и Аму-Дарьей. Название это употреблялось в арабоязычной литературе.

4. Обсерватория в Самарканде — знаменитая обсерватория XIV—XV вв. Улугбека, выдающегося узбекского астронома, внука Тимура (Тамерлана). Раскопки и изучение этой обсерватории произведены в советское время.

5. Немврод (Нимрод) — легендарный основатель Вавилонского рабовладельческого государства. По библейской легенде, предпринял грандиозное сооружение («Вавилонское столпотворение»), не доведенное до конца по взаимному непониманию строителей, «внезапно» заговоривших на разных языках. Немвродово или Вавилонское столпотворение — символ суматохи, работы, ведущейся без толку.

6. Очевидно, слово «паж» здесь употреблено условно: имеется в виду «бача» — гаремный мальчик у среднеазиатских феодалов.

7. Александр Македонский (Великий), (356—323 до н. э.) — величайший полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии в период ее расцвета. В 330 г. *А.* начал завоевания в Средней Азии, дошел до верховьев рр. Окса и Яксарта (Сыр- и Аму-Дарьи), захватив Бактрию и Согдиану. В Средней Азии сохранилось много легенд, связанных с его именем.

8. Марко Поло (1254—1323) — знаменитый итальянский путешественник. В 1271—95 гг. совершил путешествие в Кашгарию и Китай. Описал южные районы Средней Азии, Памир, Вост. Туркестан и Южно-Китайское море; несколько лет служил в аппарате монгольского хана Хубилая, что дало ему возможность свободных странствий во Внутренней Азии.

9. Гоес Бенедикт (ум. 1607) — португальский путешественник, глава одной из иезуитских миссий. Долго жил в Индии при дворе «великого могола» Акбара. В 1603 г. по поручению «великих моголов» совершил путешествие в Китай (Лагор—Кабул—через Памир—Восточн. Туркестан. Из Яркенда — Аксу—Турфан — Хами — Центральный Китай). Умер, не закончив путешествия, в Су-Чжоу.

10. Записка эта (немецкого путешественника-анонима) в переводе на русский язык и с предисловием Ч. Валиханова хранится в его архиве (Арх. АН СССР, фонд. 23, оп. 1, д. 15).

11. Шлагинтвейт Адольф (1829—1857) — немецкий ученый, географ, естествоиспытатель, путешественник. В 1854—57 гг. провел исследования в Индии и Центральной Азии, собрал обширный материал по географии и этнографии, дал описание своего путешествия. Был публично казнен в Кашгаре ходжой Валихан-тюре. Первые известия о его трагической гибели привез из своего путешествия Ч. Валиханов.

12. Имеется в виду Птолемей Лаг — полководец Александра Македонского, основатель эллинистической династии в Египте (305—30 до н. э.). При нем началось развитие экономической жизни Средиземноморья и стран Востока, с которыми Египет поддерживал оживленную торговлю.

13. Шренк Александр Иванович (1830—1894) — русский академик, ботаник, один из первых исследователей Центрального Казахстана и Семиречья. В 1840—43 гг. путешествовал по Ишимским, Улутауским и Сарысуйским степям, пересекая пустыни Бетпак-Дала, обследовал низовья рр. Чу и Сары-Су. Впервые описал местные архитектурные памятники. Основн. работа *Ш.*, на которую неоднократно ссылается Ч. Валиханов, носит название: «Bericht über eine, im Jahre 1840, in die Östliche Dsungarische Kirgisensteppe unternommene Reise», изд. К. Бэра и Гельмерсена. (См. прим. 17).

14. Вланган Александр Георгиевич — горный инженер, путешественник. Много работал на дипломатическом поприще. В 1849 и 1851 гг. проводил геологические исследования в Вост.

Казахстане и Семиречье. Два раза посещал г. Кульджу: в 1851 г. (с Е. П. Ковалевским) и в 1856 г.—с Ч. Валихановым.

15. Голубев А. Ф. (1832—1866) — преподаватель геодезии в Академии Генерального штаба, географ и геодезист. Известен исследованиями оз. Иссык-Куля и Ала-Куля. Проводил топографические съемки в Семиреченском и Заилийском краях и вокруг оз. Иссык-Куль. Написал ряд оригинальных работ по географии и этнографии исследованных местностей. С Ч. Валихановым впервые встретился в Омске (1859 г.); закрепил дружеские и деловые связи с ним в Петербурге.

16. Хоментовский М. М.— полковник, начальник военной экспедиции по изучению оз. Иссык-Куля и Кунгей Ала-Тау (1856), в которой принимал участие Ч. Валиханов. До 1857 г. пристав казаков Старшего Жуза и Алатавского округа, *Х.* был одним из общих друзей Ф. М. Достоевского, П. П. Семенова Тян-Шанского и Ч. Ч. Валиханова.

17. Гельмерсен Григорий Петрович (1803—1885) — русский геолог, академик. Известен своими исследованиями Урала, Алтая и Казахстана.

Совместно с ак. Бэром издавал «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens», на кот. ссылается Ч. Валиханов и где был помещен упомянутый выше труд А. Шренка.

18. Бэр Карл Максимович (1792—1876) — выдающийся русский ученый-натуралист, академик, директор зоологического музея Академии Наук, а впоследствии основатель кафедры эмбриологии Медико-хирургической академии в Петербурге. Один из самых многосторонних естествоиспытателей нового времени, знаменитый эмбриолог.

Некоторые из экспонатов, собранных Ч Валихановым в путешествиях, находятся в зоологическом музее, созданном *Б.*

19. Татаринов А. А. — доктор медицины, первый русский консул в Чугучаке; долго работал врачом в Пекине. Хорошо знал китайский язык и китайскую медицину.

20. Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — путешественник, писатель, дипломат, по образованию — горный инженер. Член и пом. председателя Русск. географ. общества; директор Азиатского департамента (1856—61 гг.)

На основе материалов, собранных во время неоднократных путешествий по Азии (Прикаспий, Джунгария, г. Кульджа, Китай) составил описание Монголии и Китая. («Путешествие в Китай», 1853). В бытность директором Азиатского департамента много помогал Ч. Валиханову.

21. Карелин Григорий Силич (1801—1872) — русский ученый, путешественник, естествоиспытатель. В 1827—28 гг. путешествовал по западному, в 1840—45 гг. — по центральному и восточному Казахстану и Семиречью. Собрал богатые минералогич., ботанич. и зоологич. коллекции.

22. «Рвы Джанибека» или «рвы Тамерлана» — остатки грандиозных работ, произведенных для облавной охоты, встречаются в разных районах Казахстана. О них существуют мно-

гочисленные легенды, связывающие их происхождение с именами каких-нибудь ханов.

23. Абулгази (1603—1663) — хивинский хан из династии Йолбарса. Знаток истории народов Средней Азии, автор известного сочинения «Шеджраи тюрк» (родословная тюрков)

24. Усуньский куньми (гунь-мо) — глава племенных союзов древних усуней, кочевых племен, населявших в древности Семиречье и Тянь-Шань. Главная ставка куньми — Чигу-чен находилась на берегу оз. Иссык-Куль. Имя У. сохранилось в племенных названиях казахов (уйсунь).

25. Алмалык — город, существовавший в районе Хоргоса в раннем средневековье.

26. Несторианство, монофизитство, якобитство — особые течения (секты) в христианстве, возникшие в период раннего феодализма. Конгрегация — объединение.

27. Жужанский дом — племенное объединение, образовавшееся на территории Центральной Азии в период возникновения ранних феодальных отношений (III—VI вв. н. э.).

28. Ханьская династия (206 до н. э. — 220 н. э.) — вторая по счету династия рабовладельческого Китая. При ней устанавливаются дипломатические и торговые связи Китая со Средней Азией.

29. Клапрот Генрих-Юлий (1783—1835) — известный ориенталист, путешественник, автор многочисленных работ по истории тюркских и монгольских племен. 1802—1811 г. провел в России. В 1805 г. избран членом Российск. Ак. Наук. Участвуя в посольстве гр. Головкина в Китай, изучал язык и быт сибирских народов а также монголов, маньчжуров и китайцев.

Ч. Валиханов в своих трудах неоднократно ссылается на его работы: «Tableaux historiques de l'Asie», Paris, 1823, и «Mémoires relatifs àl'Asie», Paris, 1824—28.

30. Ремюза Абель (1788—1832) — крупный французский ориенталист, профессор Парижского университета, президент Азиатского общества во Франции. На труды Р. по китайскому, маньчжурскому, монгольскому и тюркским языкам ссылался в своих работах К. Маркс.

Ч. Валиханов упоминает сочинения *Р.* «Recherches sur les langus tartares», Paris, 1820 и «Nouveaux Mélanges asiatiques», I—II, Paris, 1829.

31. Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879) — русский ученый и общественный деятель, один из основателей Географического общества. Известен своими исследованиями по истории и этнографии казахов («Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», СПб, 1832).

32. Мейендорф Г. (1798—1865)—офицер генерального штаба, секретарь посольства в Бухару в 1820 г. Ч. Валиханов ссылается на его известную работу «Voyage d'Orenburg à Boukhara, fait en 1820», Paris, 1820.

33. Иакинф Бичурин (до монашества — Никита Яковлевич, 1777—1853) — сын сельского дьячка чуваша, выдающийся русский востоковед, глава церковной миссии в Пекине. Прожив

в Китае 14 лет, *И. Б.* изучал китайский язык, историю и культуру. В 1837 г. был избран чл.-корреспондентом Росс. Акад. Наук и членом Азиатского общества в Париже. В трудах *И Б.* собран богатейший фактический материал, позволяющий детально изучать быт, духовную и материальную культуру народов Китая, Монголии и Средней Азии.

34. Гумбольдт Александр (1769—1859) — известный немецкий ученый, естествоиспытатель, путешественник, один из основоположников географии растений и геофизики. Исследователь Центральной и Южной Америки. В 1829 г. совершил путешествие по Уралу, был в Семипалатинске, восточн. Казахстане и на Алтае, а на обратном пути проводил исследования на Каспийском море.

Итоги его путешествия собраны в его известном труде «Центральная Азия». 1843.

35 Идиотизмы (устар.) или идиоматизмы (общеупотребит. современн.) — обороты речи, присущие только данному языку, неразложимые и непереводимые буквально.

36. Мухаммед Хайдар Дуглати (1499—1551) — историк, автор книги «Тарихи Рашиди», посвященной истории племен Моголистана и эмиров Кашгара и содержащей сведения об узбеках и казахах, а также о событиях в Средней Азии XV—XVI вв.

37. Тоглук-Тимур (ум. 1362) — основатель и хан Моголистана (1347—1362 г.), родоначальник династии, правившей в Вост. Туркестане до сер. XVI в. В 1347 г. провозглашен ханом восточных владений чагатайского улуса.

38. Курбан-байрам (иначе «Большой байрам») — мусульманский праздник в десятый день месяца Зульхыддже.

39. Династия Тан (618—907 н. э.) — династия развития дипломатич. и торговых связей Китая со Средней и Запад. Азией. В истории *Д. Т.* сохранились географические сведения о странах западной Азии. Одним из таких источников являются «Записки» Сюан-цзяня» (см. примеч 133).

40. Рашид Эддин (Рашид-ад-дин, Фазл-Аллах, Абу-ль-Хайр Хамадани. 1247—1318) — историк, деятель государства ильханов (монгольских правителей Ирана и Закавказья). Наибольшую известность получил его труд «Джами ат'Таварих» (сборник летописей), посвященный истории монгольских завоеваний, а также описаниям государств Средней Азии и Закавказья в период господства монголов.

41. Фишер Иоган Эбергард (1697—1771) — академик; историк и археолог, автор истории Сибири.

Ч. Валиханов ссылается на его труд Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen (1768 русск. перев. 1774).

42. Галдан-Черен (Церен) — (ум. 1745 г.) — джунгарский хунтайджи. Вел войны с Китаем и казахскими ханствами. После смерти Г.-Ч. в Джунгарии начались феодальные распри. В 1758 г. Джунгарское государство разгромлено маньчжурскими войсками.

43. Алтын-хан (золотой хан) — прозвание, данное сибиряка-

ми урянхайскими князьям, владевшим землями в областях Южной Сибири. После XVII в. их самостоятельные владения вошли в состав Китая и России.

44. Тьерри Огюстен (1795—1856) — один из виднейших французских буржуазных историков, сторонник либеральной историографии.

Ч. Валиханов неоднократно ссылается на его труд «Histoire d'Attila et de ses successeurs», выдержавший ряд изданий.

45. Хунну — одно из названий гуннов, кочевого народа Центральной Азии, обитавшего первоначально к сев. и зап. от реки Хуанхэ и создавшего в III—II вв. до н. э. на территории Монголии и Южного Прибайкалья военно-племенной союз.

46. Кастрен Матвей Александр. (1813—1852) — финский языковед и этнограф. Занимался изучением народов северн. Европы и Сибири.

47. Сипай — букв. солдат, воин. В данном случае — отборная конница кокандского хана.

48. Неточно: русскими подданными в первую очередь были бугинцы.

49. Т. е. Сырманак. По казахской народной легенде существуют сырманаки и чуманаки — родственные племена, обитавшие на Сыр-Дарье (Сыр-Манаки) и в долине Таласа и Чу (Чу-Манаки).

50. Амурсана (ум. 1758 г.) — влиятельный феодал Джунгарского ханства в национально-освободительном антиманьчжурском движении зап. монголов (1755—58 гг.), которое, однако, было жестоко подавлено. *А.* бежал в пределы России.

51. Здесь простая описка: обыкновенно колчан носят справа, а садак — слева. См. рис. 13.

52. Банзаров Доржи (1823—55) — бурятский ученый, этнограф и востоковед. Важнейшая работа *Б.* — его диссертация «Черная вера или шаманство у монголов» (1846), первая научная работа о шаманизме.

53. Карлейль Томас (1795—1881) — английский реакционный буржуазный философ, историк и публицист, последователь и популяризатор немецкой идеалистической философии и реакционного романтизма. Развивал так назыв. «теорию одежды» (общество, государство, религия—временные изменяющиеся «одежды» вечной божественной сущности) и «культ героев» (противопоставление «героя» и «толпы»).

54. Рычков Петр Иванович (1712—1777) — русский ученый, автор трудов по географии, экономике, истории средневекового Казахстана. Ему принадлежат также работы по истории Оренбурга.

55. По-казахски «ауызның сілекейін алу». Обряд происходит больше всего при продаже или подарке любимого коня и др. животных.

56. О счастливом человеке казахи говорят «жұлдызы жанған» — «горит его звезда».

57. Казахи поклонялись и солнцу. См. Рузбехан. Михманнамэ-и-Бухара. Высказывания о религии казахов.

58. Здесь в переводе вкралась неточность: «көк соққыр» — «пусть покарает небо».

59. Здесь также неточность. Между терминами «джарлык» (объявление, указ, грамота) и «джарылкамак» — помиловать, одарить, сделать добро, кроме созвучия, никакого сходства нет.

60. Собственно, «косак» — привязь овец на обе стороны петлями свободного аркана. Слов «по земле» здесь не нужно.

61. «Сүт көп, көмір аз» — каббалистическая формула, произносимая при случае, когда жизнь человека находится в опасности.

62. Васильев Василий Павлович (1818—1900) — последовательно проф. Казанского, Петербургского университетов, чл. коррес. Ак. Наук, позже — академик, выдающийся русский языковед-синолог. В молодости 10 лет пробыл с духовной миссией в Пекине. Известен исследованиями о буддизме.

63. Ильминский Николай Иванович (1822—1891) — русский педагог и ученый, занимавшийся миссионерской деятельностью, руссификацией и приведением в православие народов восточных окраин России. Прогрессивным явлением в его деятельности было составление алфавитов чувашского, татарского, марийского, удмуртского, якутского и др. Был близок известному казахскому просветителю Ибрагиму Алтынсарину.

64. Гомбоев Галсан (1822—1863) — бурятский востоковед, с 1854 г. работал в Петербургском университете; член ряда научных обществ. Главные труды Г.— переводы на русский язык монгольских и ойротских летописей и литературных произведений.

65. Гипотеза необоснованная: «Қары-жілік» происходит от «кар»— плечо, крыло; «кары-жілік» — плечевая кость. Казахское «кар» то же, что монгольское «гар»; барунгар — правое крыло, жунгар — левое крыло.

66. Все эти формы присяги доисламского периода, сохранившиеся вплоть до конца XIX в. Вместе с этой пережиточной формой древней идеологии казахи, последователи ислама, стали клясться еще кораном.

67. До принятия ислама домашняя утварь и пища погребались вместе с покойником.

68. Юрта без хозяина считалась символом несчастья. В более древнее время ее предавали огню.

69. Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839)—русский государственный деятель, автор проекта государственных преобразований в начале царствования Александра I, принимал участие в редактировании всех важнейших законов первого десятилетия этого царствования. В 1812 по 1821 г. был отстранен от государственной службы в столице и сослан. Постепенно поднимаясь в должностях благодаря удачной административной деятельности в ссылке, С. через десять лет был возвращен в Петербург. Работал по кодификации законов и руководил изданием «Полного собрания законов Российской

империи» и «Свода законов». Участвовал в составлении «Устава о сибирских киргизах», введенного в действие с 1822 г. Устав отменял ханскую власть в Среднем жузе.

70. Эти материалы, собранные комиссией Яценко, теперь хранятся в Центр. Историч. Архиве КазССР. Там представлены тамги и подписи только наиболее крупных султанов и биев.

71. Казбек жил и в первой четверти XVIII в. и является одним из авторов «Свода законов Тауке-хана», дошедшего до нашего времени только в преданиях народа.

72. Дата смерти Абулхаира указана неточно: он был убит в 1748 г.

73. О термине «баранта» собран большой материал и связанные с ним народные предания. Все они теперь хранятся в Центр. историч. архиве КазССР.

74. Пуританизм (от «пуритане» — английская протестантская секта XVI в., ставившая в основу чистоту и строгость веры). Здесь — в смысле крайнего фанатизма.

75. Антик — буквально: старинный, древний. В переносном значении — памятники древнего искусства (архитектуры, скульптуры).

76. Асан-Кайгы («Асан-печальник») — историч. личность, живш. в XVI в. Легенда об *А.-К.*, мечтавшем найти для своего народа «землю обетованную» (жер-уйик), т. е. свободную счастливую землю, широко распространена в устном народном творчестве казахов.

77. Яфес (Яфет, Иафет) — по библейской легенде сын патриарха Ноя, один из родоначальников человечества, возродившегося после потопа.

78. В дате вкралась неточность в указании или числа, или праздника, или стиля летосчисления. Весь дневник ведется в старом стиле, а праздник троицы по старому стилю не может быть позже 20 июня.

79. Бюффон, Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, известный своими работами по описательному естествознанию.

80. Нектар — в древнегреческой мифологии — напиток богов, дарующий бессмертие.

81. Ақ үйлі аманат — «белоюртный заложник», т. е заложник из богатой, влиятельной семьи («белая юрта» в данном случае символ богатства и значительности).

82. Ч. Валиханов имеет в виду книгу Иакинфа Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингисова», СПб, 1829.

83. Рубруквиюс (Рубрук) Вильгельм (ок. 1220—1293) — монах, фламандский путешественник. В 1253—55 гг. по поручению французского короля Людовика IX (1226—70) совершил путешествие в Монголию для привлечения монголов к участию в крестовых походах. После бесплодных переговоров в Каракоруме с ханом Мунке (1208—59, четвертый великий хан империи монгольских завоевателей, основанной Чингис-ханом) вернулся в Европу. *Р.* представил королю отчет о путешествии, содер-

жащий ценные сведения по истории и этнографии монголов, половцев, канглов, уйгур и др. народов.

84. Относительно ногайского происхождения батыра Манаса приходится принять во внимание современное Ч. Валиханову исполнение певцов: в то время это был наиболее распространенный вариант поэмы.

В настоящее время, в послереволюционный период, акын Сагимбай Оразбаков и др. исполнители отвергли этот вариант, как возникший из недоразумения: имя собственное одного из предков Манаса — Ногай — разрослось впоследствии в легенду о племенном происхождении героя.

85. Хо-Урлук (первая четверть XVII в.) — калмыцкий хан из племени торгоутов.

86. Современная наука не разделяет этого мнения: древнее происхождение поэмы «Манас» в наши дни доказано.

87. «Книга Большому чертежу» — полное название: «Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них урочища и на каком они расстоянии». Первое издание Н. И. Новикова, СПб, 1773.

Ч. Валиханов мог пользоваться одним из трех первых ее изданий (1773, 1792 и 1838 гг.), т. к. четвертое издание 1846 г. носило уже иное заглавие.

88. Касым (ум. между 1518—23) — один из султанов Дешт-и-Кипчака. С 1511 г.— хан объединенного казахского ханства.

89. Мухаммед Шейбани (1451—1510) — хан из династии Шейбана (внука Чингисхана), основатель династии узбекских ханов — шейбанидов. М. Ш. стремился к восстановлению распавшегося государства своего деда Абулхаира: захватил Бухару, Самарканд и стал во главе полукочевого феодального государства в Мавераннагре. Завоевательная деятельность *М. Ш.* была прервана его гибелью во время сражения под Мервом.

90. Языков Дмитрий Иванович (1773—1845) — писатель и переводчик; непременный секретарь Российской Академии, академик. Известен его компилятивный переводный труд «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV вв. Плано Карпини и Асцелина» (1822—25) и изданием «Книги Большому Чертежу» (1838).

91. Спасский Григорий Иванович (ум. 1864) — известный историк Сибири Автор ряда статей и исследований в области быта, материальной культуры и истории народов Сибири и Казахстана.

92. Д'Оссон — французский ориенталист, историк, один из крупных исследователей периода монгольского завоевания. Ч. Валиханов имеет в виду сочинения д'О. «Historie des Mongols depuis Tchingis-Khan jusqu' à Timour beg ou Tamerlan», 2-е изд. в 4-х томах, 1834—1835, 3-е изд. 1852.

93. Идриси (Аль-Идриси) Абу-Абдаллах — Мухаммед (1100—1166) — арабский географ и путешественник. Жил при

дворе короля Сицилии Роджера II и посвятил ему географический трактат «Нузхат аль-муштак», в котором содержатся сведения о странах гузов и кангакиши (канглов) — (низовье Сыр-Дарьи, Тургайская и Улутауская степь).

94. Долгая стена или Великая Китайская Стена — стена в северном Китае, грандиозный памятник зодчества древнего Китая, III в. до н. э.

95. Ву-Ди — китайский император династии Хань (140—87 г. до н. э.).

96. Улус Ногайский — одно из феодальных государственных объединений, возникших в конце XIV в. в результате распада Золотой Орды.

97. Амат (Амату, Аматкул) — легендарный родоначальник племени уйсун. Яйсанг (зайсанг, жайсанг) — наследственный князь, представитель феодальной знати.

98. Батман — старинная мера веса у народов Средней Азии, различная в разных местностях.

99. Описанный здесь обряд весьма древний, обнаруживается только при раскопке курганов на Алтае и Семиречье.

100. Солоны (монг.—стрелки) — тунгусо-маньчжурская народность, живущая на севере Маньчжурии, в бассейне р. Нонни.

101. Перемышльский Б. О.— с 1857 г. пристав Большой Киргиз-кайсацкой орды.

102. Ярмак — китайские монеты с отверстием посередине. Их для удобства нанизывают на нитку.

103. Захаров Иван Ильич — русский консул в Кульдже (50-е — 60-е годы XIX в.), ориенталист, профессор Петербургского университета.

104. Каменский Петр (1773—1845) — архимандрит, в 1819—1832 г. возглавлял русскую духовную миссию в Пекине. Ученый ориенталист.

105. Иакинф (Бичурин) был в ссылке не в Волоколамском, а в Валаамском монастыре, причем не 15 лет, а 4 года.

106. Шиллинг Павел Львович (1786—1837) — русский ученый, востоковед. Долгое время работал в Восточном Департаменте, одновременно занимаясь исследованиями по истории и языку народов Азии. Разработал особый способ воспроизведения китайских текстов. Ч.-корресп. Петербургской академии наук, почетн. член ряда научных обществ.

107. Очевидно, имеется в виду Сейфуллин Ташмамет, учитель тюркских языков в Омском (Сибирском) кадетском корпусе (50-е годы XIX в.).

108. Казахи также знают этот вид тренировки и называют её «ат-кергі».

109. Дата приведена неточно. см. наше примечание № 28.

110. Сведения о том, что Восточный Туркестан принадлежал к Согдиане — не совсем точны: там была только согдийская колония.

111. Массагеты — племена, жившие в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи.

112 Имеется в виду книга Иакинфа Бичурина «Собрание

сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (см. изд. АН СССР, М.—Л., 1950, т. 1).

113. Хутухта в ламаизме (секта тибето-монгольского буддизма) — высшая степень духовной иерархии.

114. Далай-лама — верховный правитель Тибета, живущий в гор. Лхассе.

115. Метампсихоз—религиозно-мистическое учение о переходе души из одного организма, по смерти его, в другой. М. является составной частью буддизма и некоторых других религий.

116. Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800—1858) — русский востоковед и писатель реакционного направления. Помимо статей по востоковедению, печатал повести различного характера под псевдонимом «Барон Брамбеус» в журнале «Библиотека для чтения», редактором которого он являлся.

117. Ворон ворону...— соответствующая казахская поговорка — «Карға карғаның көзін шоқымайды».

118. Корольки — мелкие коралловые шарики (пронизь) или мелкие металлические слиточки, служащие украшением.

119. Лабиринт и Экбатана: лабиринт — в древности (Греция, Египет) здание со сложными, запутанными ходами, из которого трудно было найти выход; Экбатана — столица древней Мидии, огороженная во внутренней своей части семью стенами. Здесь употреблено как символ бесконечных награждений, перегородок, запутанных проходов и сложности расположения.

120. Значки носили батыры, командовавшие отрядом.

121. Восстание 1857 года—см. о нем в кратком введении Ч. Валиханова к «Описанию Алтышара или Кашгарии».

122. Малибек — брат Худояр-хана; до взятия им Коканда занимал должность мин-баши (командующего тысячею войска).

123. Валихан-ходжа, иначе Валихан-тюре из рода Аппака, глава белогорцев (политической партии), руководитель восстаний восточно-туркестанцев против китайцев в 1848 (быстро подавленное китайцами) и в 1857 г., когда он овладел Кашгаром. Однако своими жестокостями он оттолкнул от себя приверженцев, а в Европе составил себе печальную славу, как убийца Адольфа Шлагинтвейта. В 1858 г., лишенный народной поддержки, бежал, но был схвачен и по настоянию Худояр-хана предан суду. В дальнейшем не выходил из-под надзора властей.

124. Чан-ту (чанту) — буквально «обернутая голова», чалмоносец.

125. Солдаты зеленого знамени — китайские войска, в отличие от маньчжурских войск, имевших желтые знамена.

126. Хафиз Мохаммед Шемседдин (ок. 1300—1389) — знаменитый персидский поэт-лирик. Прославился своими «газелями» — строфами, имеющими определенные законы расположения и рифмовки строк.

127. Мавлеви-Джами (великий Джами) Абдурахман — таджикский поэт XV века

128. Пачшаб — с персидского «шаб-пас», ночная стража, ночной дозор.

129. Тянга — в Кокандском ханстве и Кашгаре денежная единица, приблизит. достоинства в 20 коп. (Все переводы на русские единицы измерения даются в соотношениях середины XIX ст.).

130. Лан—китайская денежная весовая единица.

131. Пул — медная разменная монета. Стоимость *п.* различна, в основном — полторы—две копейки.

132. Ху—старая китайская мера веса, равная приблизительно 1,5 пуда.

133. Автор книги «О западном крае» — имеется в виду Сюань-цзян (ок. 600—664) — китайский путешественник по Средней Азии и Индии. Среди большого литературного наследства *С.-ц.* наибольшее значение имеет его сочинение «Да Тан си юй цзи» («Записки о странах запада»), законченное в 648 г. Оно содержит подробные сведения исторического, этнографического и географического характера о странах и народах Средней Азии, Восточного Туркестана и Индии.

134. Пиры — главы религиозно-политических партий в Алтышаре.

135. Улемы — высшее сословие мусульманских законоведов и богословов в странах Ближнего и Среднего Востока. Раньше в руках *У.* находились религиозные учреждения, судопроизводство, школы, а также огромные земельные и денежные богатства.

136. Ч. Валиханов имеет в виду книгу А. Борнса «Путешествие в Бухару», 1848—1849 г.

137. Мияны — от персидского «миани» — серединный, средний — кличка среднеазиатских, преимущественно ферганских сеидов, имевших влияние на ханскую власть.

138. Тилля — денежная единица, равная приблизительно 50 руб. серебром.

139. Инсургент — повстанец, участник вооруженного восстания против правительства.

140. Месяц шагбан — восьмой месяц лунного года.

141. Цуриков Александр Николаевич (1824—1899) — друг декабриста Батенькова; работал в Зап. Сибири с 1847 по 1858 г.

Дружба *Ц.* с Ч. Валихановым установилась в Омске и поддерживалась до самой смерти Ч. В.

142. Дуров Сергей Федорович (1816—1869) — поэт, участник кружка Петрашевского. Осужденный к отбыванию каторжных работ, он был в заключении в Омском остроге вместе с Ф. М. Достоевским. С Ч. Валихановым познакомился по выходе из тюрьмы, когда служил в Областном правлении сибирских Киргизов в Омске.

143. Демчинский Василий Петрович — один из общих друзей Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова, с которым познакомился в Омске весной 1854 г., прибыв на службу в один из полков Сибирского казачьего войска (после дела петрашевцев).

Ковригин Н.— ревизор Алтайского горного округа и Семи-

палатинской области, сотрудник «Горного журнала» (1860—1870).

144. Иванова Анна Андреевна — дочь декабриста Анненкова. Много помогла Ф. М. Достоевскому во время его пребывания в Омской каторжной тюрьме.

145. В датировке письма вкралась неточность: 18 июня 1859 г. Чокан Валиханов лишь возвратился из Кашгара в Омск и никак не мог познакомиться с поэтами А. Н. Майковым и Я. П. Полонским. Ф. М. Достоевского в Петербурге еще не было, он только возвращался из Семипалатинска в Тверь.

Письмо написано с пути (из Петропавловска) во время следования Чокана из Петербурга в Сырымбет. Это позволяет уточнить дату началом июня 1861 г.

146. Полонский Яков Петрович (1819—1898) — русский поэт. В 50-годах П. выступал с обличительными стихами, рисуя картины городской нищеты, участи бедняков, выражал сочувствие угнетенному народу. К этому периоду относится его знакомство с Ч. Валихановым.

147. Суранчи — старейшина (бий) рода чапрашты, (герой одноименной поэмы Джамбула «Суранчи-батыр»).

148. Супатай — старшина рода дулат (персонаж той же поэмы). Алишер-датха — комендант кокандской крепости Пишпек. После взятия ее штурмом (1861 г.) Алишер попал в плен и был сослан в Березовку.

149. Пишпек и Токмак — тогда форпосты Кокандского ханства в долине верхнего Чу. Взяты казачьим отрядом под начальством полковника Циммермана (1861 г.).

150. Психрометр — прибор для определения температуры и влажности воздуха.

151. Потанин Григорий Николаевич (1835—1920) — выдающийся русский путешественник, географ, этнограф, исследователь Монголии, Китая и Сибири. Друг Ч. Валиханова с детских лет (совместное обучение в кадетском корпусе). Для осуществления своей давней мечты Г. Н. Потанин в 1859 году тоже переехал в Петербург и при помощи П. П. Семенова-Тян-Шанского устроился вольнослушателем Петербургского университета по физико-математическому факультету. В 1861 г. он принимал участие в студенческих волнениях и за это подвергся аресту.

152. Усов Ф. Н. (1839—1888) — школьный товарищ и друг Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина. Уже после смерти Чокана в 1865 г. У. был арестован и осужден. Его обвиняли в распространении листовок «К сибирским патриотам», которые были обнаружены среди кадетов Омского корпуса. В связи с этим были арестованы Потанин, Щукин и Ядринцев — авторы воззвания. Перу У. принадлежат «Очерки по истории Сибирского казачьего войска» (Омск, 1884 г.).

153. Ядринцев Н. М., (1842—1884)—один из близких знакомых Ч. Валиханова, публицист, исследователь истории народов Сибири.

154. Лерх П. И. (1828—1884) — ориенталист, археолог, хра-

нитель Азиат. Музея, участник посольства Н. П. Игнатьева в Хиву (1858 г.); первый исследователь истории древних городов долины Сыр-Дарьи и Южного Казахстана. Дружеские и деловые связи Ч. Валиханова с Лерхом установились во время пребывания его в Петербурге (1859—1861 гг.).

155. Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий ученый, химик, создатель периодической системы элементов. Ч. Валиханов познакомился с *М.* в Омске, в семье Капустиных, родственников *М.*

156. «Время»—ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1861—63 гг. М. М. Достоевским при участии Ф. М. Достоевского и являвшийся органом группы так наз. «почвенников», близких к славянофилам. «*В*» вело борьбу с журналом «Современник» и в особенности с Н. Г. Чернышевским.

157. Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — русский публицист, критик.

158. Курочкин Николай Степанович — один из друзей Ч. Валиханова в Петербурге; поэт, журналист, публицист, последователь и соратник Н. Г. Чернышевского; писал под псевдонимом Скорпионов и Преображенский. С 1861 г. состоял членом новой партии «Земля и Воля»; находился под секретным надзором царской охранки; уличен по делу «...о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. за связь с группой Герцена и Огарева. После покушения на жизнь Александра II был арестован. Редактировал журнал «Иллюстрация», где поместил ряд картин из быта казахов, полученных им через Валиханова.

159. Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895) — писатель, автор известного романа «Петербургские трущобы».

160. Военным губернатором области Сибирских киргизов в то время был барон Густав фон Фридрихс.

161. Т. е. провести день только за пятикратным омовением, как делают набожные мусульмане.

162. Бокль Генри Томас (1822—1862) — английский либерально-буржуазный историк и социолог-позитивист, автор «Истории цивилизации Англии».

163. «Современник» — боевой орган русских революционных демократов выходивший в Петербурге в 1836—1866 г. В нем сотрудничали многие выдающиеся русские писатели, критики и публицисты.

164. Романовский Дмитрий Ильич (1828—1881) — генерал-лейтенант, начальник Азиатской части департамента Генерального штаба, редактор газеты «Русский инвалид», член Русского геогр. общества, член Степной комиссии. После взятия Ташкента был военным губернатором Туркестанской области. Военный писатель, друг Ч. Валиханова.

165. Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — крупный государственный деятель России 60-х и 70-х гг., отличившийся особенно на дипломатическом поприще. Начал свою карьеру с посольства в Хиву, затем в Китай; автор Пекинского торго-

вого договора, писатель-публицист, востоковед, хорошо знал персидский и тюркские языки, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1861—1865), был в должности генерального консула в Турции, Англии и ряде стран Западной Европы. Деловые и приятельские связи Ч. Валиханова с Игнатьевым установились в Петербурге, когда они вместе работали в Азиатском департаменте. В период присоединения Средней Азии к России Валиханов выполнял ряд заданий Е. П. Ковалевского и Н. П. Игнатьева.

166. В 1862 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство действительно организовало экспедицию под руководством полковника Проценко «...для рекогносцировки путей, ведущих в Кашгар». Цель ее, очевидно, заключалась в проверке маршрутов Ч. Валиханова. Экспедиция дошла до Нарына и через три месяца вернулась обратно в Омск.

167. Ибрагимов Ишмурат Мирасович—воспитанник Омского кадетского корпуса, работал «султанским письмоводителем Кокчетавского окружного приказа» и секретарем, затем переводчиком областного правления.

168. Ивашкевич Виктор Карлович (1806—188...) по национальности поляк; сослан в Западную Сибирь за организацию «тайного общества под названием «Черные братья» и за сочинение «возмутительных писем и стихов, за что... лишен дворянского достоинства». Приехав в Казахстан, Ивашкевич отказался от своих прежних убеждений, стал ловким дельцом и взяточником. Работал сначала при пограничном начальнике (1845—1854), затем в областном правлении Сибирских киргизов в должности чиновника особых поручений и советником. Вмешивался в разные грязные и уголовные дела с целью наживы и грабежа (дела Кадербаева, Арашева, Майлыбаева, проделки во время атбасарских выборов и т. д.).

169. Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — русский военный и государственный деятель.

170. Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — крупный русский дипломат XIX века, государств. канцлер, министр иностранных дел. Знал Ч. Валиханова как ученого путешественника. Прочитав его отчет о поездке в Восточ. Туркестан, он высоко оценил огромную эрудицию молодого ученого и его заслуги в деле изучения Кашгарии.

171. Первый вариант проекта составлен И. Ф. Яценко еще в 1852 г., когда он был назначен председателем комитета Пограничного Управления «для составления свода киргизских законов».

172. Майдель Павел Федорович — чиновник областного правления Сибир. киргизов.

173. Лещев Николай — чиновник областного правления, знакомый Ч. Валиханова.

174. Черняев Михаил Григорьевич (1828—1890) — генерал-лейтенант, руководил экспедицией в Туркестане, взял Ташкент. В 1882—84 гг. был генерал-губернатором Туркестанского края.

175. В период присоединения Южного Казахстана и Сред-

ней Азии к России в Западно-Сибирском и Оренбургском генерал-губернаторстве была проведена большая организационная работа. Главные враги Валиханова были отстранены от работы и посланы в другие области. Отношения Дюгамеля и Валиханова временно наладились и смягчились, но это продолжалось недолго. Вскоре Дюгамель был снят, на его место назначен новый генерал-губернатор — Александр Петрович Хрущев (1865—1869).

176. Имеются в виду областное правление Сибирских киргизов и канцелярия генерал-губернатора Западной Сибири.

177. Фальконет — старинное артиллерийское оружие небольшого калибра, стрелявшее свинцовым ядром.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

1. Аблай. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб, 1861; Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, по отделению этнографии СПб. 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Составление, вступительная статья и примечания Х. Айдаровой, Алма-Ата, 1947.

2. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. Сочинения Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

3. Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. Там же.

4. Дикокаменная орда. «Северная пчела», 1861, № 192.

5. Заметки о шаманстве. Тенкри. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

6. Записка № 1. Там же.

7. Записка № 2. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

8. Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

9. Идиге (джир). Вступление. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

10. Киргизское родословие. Там же.

11. Маршруты, собранные Валихановым во время путешествия в Кашгар. Там же.

12. Маршрут. Там же.

13. О кочевках киргиз. «Семипалатинские обл. ведомости». 1871, № 33; Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

14. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 году. ЗРГО, СПб, 1861, кн. III; Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

15. Очерки Джунгарии. ЗРГО, СПб. 1861, кн. I и кн. II Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского. ЗРГО, 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

16. Письма к К. К. Гутковскому. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

17. Письма к Ф. М. Достоевскому. Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

18. Письма. к Г. А. Колпаковскому. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

19. Письмо к А. Н. Майкову. Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

20. Письмо Чокана Валиханова к Андрею Николаевичу Бекетову. Публикация и комментарии М. И. Фетисова. Альманах «Казахстан», Алма-Ата, 1950, № 21; М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956. стр. 337—339.

21. Поездка Валиханова в Кашгар (По материалам Валиханова, составлено П. П. Семеновым-Тян-Шанским и Ф. Р. Остен-Сакеном), ЗРГО, 1868, т. IV.

22. Потанин Г. Н. Отрывки из киргизского сказания о Едиге, из записей Ч. Валиханова. Живая старина, 1891, вып. 4.

23. Предания и легенды Большой Киргиз-Кайсацкой орды. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

24. Путь от Заукинского прохода и обратно мимо Чатыр-Куля и Верное. ЗРГО, 1868, т. IV, отд. II.

25. Следы шаманства у киргизов. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX; Ч. Ч. Валиханов. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.

26. Сведения об обстоятельствах, способствовавших смерти Адольфа Шлагинтвейта, ЗРГО, 1861, кн. 1, стр. 20—24.

27. Смерть Кукотай-хана и его поминки. Записки Восточного отдела Русского археологического общества, 1903, т. 15, вып. I; Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

28. Уәлиханов Ш. Мақалалары мен хаттары. Құрастырған Х. Айдарова. Орысша аударған Д. Қосанов, Алматы, 1940.

29. Черновой набросок. Соч. Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, ЗРГО, СПб, 1904, т. XXIX.

30. Черновые заметки к статье Аблай-хан. Там же.

31. Шуна-батыр. Там же.

32. Эдигей. Там же.

33. Эпизод Восстания Валихан-тюре. ЗРГО. 1868. т. IV.

34. The Russians in Central Asia: their occupation of the Kirghis Steppe and the line of the Syr Daria: their political relations with Khiva, Bokhara and Kokan: also descriptions of Cinese Turkestan and Dzungaria. By Capt. Valikhanof, M. Veniukof and other Russian travellers. Transl. from Russian by John and Robert Michell. London. Edward Stanford, 1865.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Абакумов 89
Абделкадер (Абд-Эль-Кадир) — (1808—83) вождь национально-освободительной войны алжирского народа 188
Абдул-Рашид — хан 99
Абель-Ремюза Ж.-П. 95, 98, 106, 314, 326, 327, 328.
Аблай-хан 121, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 245, 261, 304, 305, 369
Абубекр — халиф 118
Абулгази — хивинский хан, историк 92, 105, 160, 309, 314, 321, 326, 327, 333
Абулмамбет — хан 122, 123
Абулхаир — хан 209
Аввакум 397
Алджан 473
Александр Македонский 85
Алексей Михайлович — царь 134
Али — халиф 118
Алимбек — датха 115, 474, 475, 534
Алишир — датха 551
Алтын — хан 108, 323
Амвросий — митрополит 396
Амурсана 130
Андрей Николаевич см. Бекетов А. Н.
Аполлон Николаевич см. Майков А. Н.
Аркандар — батыр 128
Асанбай 477, 478
Атантай 473
Атеке — манап 260, 261, 305, 454
Атилла 109
Аюка — хан 135
Бабаджанов 233

Байгозы (Байгузы) — батыр 124, 125, 127
Балакай 183
Банзаров Доржи 144, 145, 146, 148, 150, 151
Барак — султан 131, 134, 137, 209, 304
Батор — хунтайджи 311, 323, 363
Баубек 214
Баян — батыр 122, 124, 127, 128, 129
Баянбай — батыр — 125
Бекбулат — бий 208
Бекетов А. Н. 553, 554
Бектаир 583, 598
Березин И. Н. 230
Богдашин Павел 592, 593
Бокль Генри Томас 568
Борнс А. 500, 520, 523
Бузурукхан-тюре 505, 535, 541, 598
Букенбай батыр 121
Бурамбай Бекмурадов — манап 97, 104, 254, 264, 268, 269, 290, 296, 446, 450, 590
Бурсук — бий 104, 446, 451
Буслаев Ф. И. 162
Бухар-джирау (Бухар-жырау) 121, 122
Бэр К. М. 88
Бюффон Жорж-Луи-Леклерк 284

Валихан (дед Ч. Валиханова) 126
Валихан-тюре 463, 467, 483, 489, 529, 538, 539, 540, 541,
Варджрадарк Мэргэн 145.
Василий Петрович см. Демчинский
Васильев В. П. 160, 397
Вербицкий В. И. 134
Визделу 327, 328
Витовт 111
Вланган А. Г. 88
Врангель А. Е. 570, 580
Вуд 294

Галдан-Черен (Церен) 107, 123, 124, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 137, 303, 304, 321
Гасфорт Г. Х. 548, 559
Гельмерсен Г. П. 88
Герасим Алексеевич см. Колпаковский Г. А.
Гирей 547
Гнейст 217
Гоес Бенедикт 85.
Голубев А. Ф. 88
Гомбоев Галсан 165

Горчаков А. М. 575
Гулагу — хан 107
Гумбольт Александр 96
Гутковский К. К. 547, 548, 551, 552, 559, 560, 563, 564, 570, 571, 572, 574, 576, 577, 578, 580
Гутковская Е. Я. 575, 576, 579, 581
Гутковская Е. К. 579

Дарий 149
Джанак — батыр 123
Джанатай — батыр 121, 128
Джангазы — султан 101
Джангир-ходжа 411, 471, 505, 512, 523, 535, 541
Джанет — бий 450, 451
Джанибек — хан 92
Джантай — манап 260, 261, 263, 480, 481
Джаныбек — батыр 124, 125, 259
Джапалаков Байтуры 473
Джаулубай — батыр 126, 127
Дебачи 130, 131
Девис 418
Демчинский В. П. 546
Дмитрий Иванович см. Менделеев Д. И.
Достоевский Ф. М. 545, 546, 548, 555, 556, 557, 562, 568, 576, 577
Дунар — калмыцкий зайсан 107
Дуров С. Ф. 546
Дюгамель А. О. 570, 571, 573, 578, 579, 580

Егор Петрович см. Ковалевский Е. П.
Едигей см. Эдыгей
Елена Павловна в кн. 575
Емгень Мергень 108
Ералы 474
Ерден Сандыбаев — ага-султан Атбасарского округа 560

Захаров И. И. 396, 397, 413, 415, 437

Иакинф Бичурин 96, 106, 108, 109, 307, 311, 312, 313, 323, 327, 329, 396, 397, 415, 509
Ибрагимов И. М. 573
Иван Ильич см. Захаров
Ивашкевич В. К. 574, 579, 581
Игнатьев Н. П. 570, 576
Ильминский Н. И. 165

Ильчибек — батыр 125
Иса — датха 473
Исаков 577
Исенгул — манап 260, 305
Исет — батыр 126
Ишан-хан-тюре см. Каття-хан-тюре
Ишим-хан 257, 303, 323, 324

Кабанбай — батыр 130, 134, 137
Казбек — бий 134, 137, 208
Казыбек — батыр 124
Казыбек Ширалин — манап 254, 264
Калиновский И. Г. 398, 420, 430, 432, 440
Камбар Аланов 283
Каменский Петр — архимандрит 396
Кара-Бужур — батыр 121
Карасакал 130, 131, 132, 134, 136, 137
Карахан см. Карасакал
Карач — манап 103, 254
Карелин Г. С. 88
Карлейль Томас 146, 147, 150
Карл Казимирович см. Гутковский К. К.
Кастрен М. А. 112, 191
Катерина Карловна см. Гутковская Е. К.
Катерина Яковлевна см. Гутковская Е. Я.
Каття-хан-тюре 540, 541
Кезенкара 593
Кенесары — султан 214
Кичик-хан-тюре 541
Клапрот Генрих-Юлий 95, 106, 307, 310, 312, 324, 326, 327, 328, 330, 397, 412
Ковалевский Е. П. 88, 364, 576
Ковригин Н. 283, 546
Койлубай 183, 184, 185, 186.
Колпаковский Г. А. 572, 580, 582, 592, 594, 598
Конай — батыр 128
Кондратович 222
Конт Шарль 217
Крестовский В. В. 558
Крохолев 580
Крупеников 580
Кури Густав фон 559, 560, 561, 571, 572, 574, 575, 579, 580,
Курочкин Н. С. 557, 571

Левшин А. И. 96, 105, 307, 311, 327
Лерх П. И. 554
Лещев Н. 578, 579, 580
Лизавета Михайловна см. Тыртова

Магомет (Мухаммед) 230, 233, 488, 500, 501, 519, 520, 521, 563
Мадали — хан 472, 530
Майдель П. Ф. 579, 580, 581
Майков А. Н. 557, 558, 566, 568, 577
Малай Сары — батыр 124
Малибек — хан 464, 465, 527, 534, 539, 540
Малля — хан 116
Малтабаров 560
Мамеке Шопак 473
Мамразак-датха 472, 474, 475, 476, 477, 478
Мансуров 228
Мария Дмитриевна (жена Ф. М. Достоевского) 549, 558, 565, 577
Михаил Михайлович (брат Ф. М. Достоевского) 549, 557, 565, 577
Марко Поло 85, 417, 501
Мейендорф Г. 96
Менделеев Д. И. 555
Милютин Д. А. 575
Мандаев Гафар 560
Муравлев 108
Мурат-Али Берназаров — манап 254, 590
Муса Черманович см. Черманов
Муса см. Черманов
Мухаммед Хайдар 99

Найман 305, 473, 477, 478, 480
Насыр-Эддин — датха 527, 528
Неплюев 137
Нестеров 559, 575
Ногай 416
Нормагомет — датха 464, 465, 466, 483, 526, 528, 529, 540

Олджабаев Токсаба 255, 455
Омар — халиф 118, 520
Омар-батыр 255
Осман — манап 471, 473, 474, 475, 476, 477
Оссон д' 326
Остен-Сакен Ф. Р. 576

Перемышельский Б. О. 384, 395, 552
Петр Петрович см. Семенов Тян-Шанский П. П.
Плано Карпини 167
Полонский Я. П. 549, 557, 558
Потанин Г. Н. 554
Проценко А. 584
Птолемей 85, 230

Рашид-эддин — историк 105, 310, 327
Рашид 99
Риттер Карл 83, 97, 116, 307, 327
Романовский Д. И. 570, 574, 575, 576
Рубрук Вильгельм 310
Рычков П. И. 149

Садыкбек 492, 529
Сакен см. Остен-Сакен
Сандык — калмыцкий зайсан 107
Сапак — бий 293
Сарымсак-ходжа 520, 541
Семенов П. П. (Семенов-Тян-Шанский П. П.) 83, 87, 88, 89, 97, 402, 575, 576
Сенковский О. И. 438
Серен — хан 129
Серымбет — батыр 122
Снегирев И. М. 162
Сотников 204, 205
Сперанский М. М. 199, 227
Страхов Н. Н. 557
Султан-Бугра — хан 100
Супатай — манап 551
Суранчи — манап 551

Тавеккель-ходжа 535
Тайлак 473
Тамерлан 98, 111, 256, 257
Татаринов А. А. 88, 363, 578
Татикара- джырау 121
Тауке — хан 303
Тезек — султан 282, 283, 582, 583, 588, 592, 593, 596, 598
Телекмет — бий 255
Тилля — хан 539
Темирджан — батыр 126, 127
Тимур Кутлук 111
Толеке 473
Томача — батыр 126
Туглук-Темир — хан 99, 100, 334
Тулебий — бий 209
Турдуке 473, 474
Турегельды — манап 480, 481
Турсун — хан 303
Тынеке — батыр 284
Тыртова Л. М. 578
Тьерри Огюстен 109

Узбек — хан 119
Уйсунбай — батыр 128
Умбет-Али — манап 244, 254, 280, 290
Уразумбет — батыр 125
Урман — батыр 245, 289, 290, 480, 590
Урус — бий 310, 473
Усен — батыр 127
Усов Ф. Н. 554

Федор Михайлович см. Достоевский Ф. М.
Фишер Иоган Эбергард 105, 307, 310, 311, 312, 323, 327
Френ Христиан Д. 330
Фридрихс Густав фон 560, 573, 578, 579, 580

Хаккулы 472, 473
Харта Идаш 108
Хоментовский М. М. 88, 104
Худояр — хан 463, 464, 484, 538

Цуриков А. Н. 545

Черняев М. Г. 580
Черманов М. Ч. 561, 578, 579, 580, 581
Чингис-хан 109, 117, 158, 307, 310, 321, 326 333, 412
Чорман — бий 209

Шамиль 188, 231
Шигалей 189
Шиллинг П. Л. 396
Шлагинтвейт Адольф 85, 536
Шренк Александр 88
Шуна — батыр 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137

Эдигей 111, 258, 322
Эмир Темир Сахиб Кореген см. Тамерлан
Эрденэ — бий 122

Юркевич 230

Ядринцев Н. М. 554
Яценко 197, 200, 203, 205, 224, 570

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абакан — р. 105, 307, 311, 321
Агныкатты — р. 282, 283, 286, 363
Аир — проход 246, 247
Акмечеть (Кзыл-Орда) — г. 580
Акмолинский округ 214, 229, 293
Акмолы (Акмолинск) — г. 225, 226
Аксай — р. 453, 455, 466, 473, 475, 479
Аксайское плато 453
Аксу — р. 105, 242, 243, 284, 285, 296, 305, 453, 470, 547
Аксу — г. 288, 398, 423, 443, 445, 454, 494, 501, 507, 512, 513, 517, 533, 588, 595
Актерскей — горный хребет 350
Алай — горный хребет 288, 523
Алаколь — оз. 88, 89, 102
Алатау — ряд горных хребтов 101, 122, 166, 242, 243, 246, 247, 249, 250, 251, 260, 272, 274, 277, 279, 281, 288, 292 301, 302, 304, 334, 363, 364, 366, 440
Алатавские горы — см. Алатау
Алатавский округ 444
Алмалы — урочище 286
Алмалык — г. 94
Алмату (Верный, Алма-Ата) — г. 94, 589, 595
Алтай — горная система 106, 107, 108, 114, 132, 351
Алтын-Эмель — пикет 101, 281, 282, 440, 444
Алтышар — 414, 483, 487
Аму (Аму-Дарья) 288
Амур — р. 331, 491
Англия 83, 85, 217
Андижан — г. 107, 113, 115, 299, 300, 302, 304, 307, 322, 345, 348, 350, 471, 520, 522, 523
Арганаты — хребет 241
Аргунь — р. 310
Аркат — горы 236
Арпа — р. 470, 473, 474

Артыш — р. 456, 457
Астрахань — г. 189
Асы — горы 246, 279
Асы — р. 246, 251, 260, 279
Атбасарский округ 229, 563
Атбаш — р. 469, 470, 471, 473, 474, 479
Аулие-Ата (Джамбул) г. 534, 580
Аягуз — станица 236, 237
Аягуз — р. 238, 241, 322
Аягузский округ 238

Бадахшан 116, 288, 303
Байсаурук — проход 275
Бакалы — урочище 244, 279
Балхаш — оз. 89, 91, 92, 242, 285, 418, 430
Барсуки — пески 91
Барскаун — проход 296, 448
Башкирия 135
Баян-Аул — станица 579, 580
Баян-Аульский округ 193, 213, 228, 230, 293
Баяндай — г. 583, 588, 594
Бартугай — урочище 247
Белая орда 347
Белурдаг — горы, см. Болорский хребет
Белый Юс — р. 107, 311
Бельагач — урочище 581
Бишкарагай — урочище 260
Болорский хребет 85, 99, 288, 513
Большая Орда — 96, 97, 117, 118, 209, 238, 261, 291, 293, 302, 446, 473, 481, 553, 589
Борохуджир — пикет 363, 366, 368, 387, 388
Бугуты — горы 245, 247
Букеевская Орда 95, 233
Бухара — г. 84, 201, 228, 231, 303, 382, 489, 497, 500, 502, 505, 520, 521, 529, 530, 541
Бухтарма — р. 108

Верное — укрепление 94, 101, 280, 283, 292, 476, 479, 480, 538, 554, 573, 581, 582, 583, 589
Волга — р. 130, 189
Восточный Туркестан 106, 306, 313, 321, 335, 398, 411, 412, 414, 418, 423, 424, 442, 445, 484, 488, 489, 490, 495, 498, 501, 504, 505, 509, 510, 513, 516, 517, 518, 524, 531, 536, 541

Ганьсу 493
Гиндукуш — горная система 105, 288, 311

Гоби — пустыня 92, 487
Голодная степь — 91, 92

Даурия 249, 390
Делекарагай-булак — р. 243, 244
Джаланаш — возвышенность 278, 279
Джаланаш — р. 350
Джагатайская Орда 110, 111, 119
Джаксы-Алтын-Эмель — (Якши-Алтын-Эмель) проход 102, 444
Джауджурек — горы 453
Джель-Каркара — р. 252, 255
Джетымасу — проход 448, 452
Джетымасу — горы 480
Джеты-огуз — р. 450, 453
Джинчке (Джиншке) — р. 243, 244, 249, 260, 274, 279
Джиргалан — р. 88, 256, 264, 272, 273, 450
Джумгал — р. 115, 116, 534
Джумгал — крепость на р. Джумгале 116, 474
Джунгария 83, 88, 89, 90, 92, 95, 104, 108, 114, 130, 131, 134, 136, 291, 313, 321, 333, 390, 418, 491, 509, 511
Джунгарский Алатау — горный хребет 89, 92, 102
Дикокаменная Орда 96, 103, 104, 115, 158, 293, 301, 106, 307, 445, 447, 463, 481, 590
Дунгурома — р. 451
Дунгурома — проход 448

Енисей — р. 107, 310, 311, 321, 322, 327, 328, 329
Еркенд — см. Яркенд
Заилийский край 88, 92, 441
Западный Туркестан 382
Зауку — р. 105, 451
Зауку — проход 448, 450, 451, 452, 453, 454, 480
Заукучак — р. 451
Золотая Орда 110, 111, 119
Зунгари (Сунгари) — р. 331, 491

Или — р. 92, 102, 126, 128, 243, 244, 250, 253, 258, 274, 281, 282, 292, 304, 305, 333, 345, 350, 366, 371, 373, 377, 378, 380, 381, 390, 391, 392, 393, 398, 408, 410, 411, 419, 422, 425, 426, 429, 430, 437, 440, 444, 445, 446, 473, 490, 506, 511, 512, 537, 582, 585, 586, 588, 589, 594, 595, 597
Илийский пикет 281, 282
Индукуш см. Гиндукуш
Иртыш — р. 106, 114, 125, 263, 323, 351, 352
Ислык — пикет 445, 454, 468
Иссык — оз. 280, 304, 440
Иссык-Куль — оз. 88, 89, 92, 94, 105, 107, 114, 115, 236, 245, 251, 256, 258, 259, 274, 275, 276, 281, 288, 292, 295, 301, 304, 321,

333, 334, 345, 356, 418, 447, 448, 449, 450, 453, 459, 470, 478, 479, 480, 481
Ишаната — р. 273, 274, 275

Казань — г. 112, 549
Кайнак — г. 94
Калкан — горы 92, 102, 350, 412
Калмакучак — р. 453
Кантон — г. 85, 384, 406
Капал — село 250, 283, 363, 440, 444
Карабатпак — урочище 259, 273, 274, 450
Карабулак — р. 244, 245, 246
Каракаш — р. 100, 442
Каракорум — горный хребет 116, 310
Каракум — пустыня 91
Карамола — урочище 444
Карасай — ущелье 366
Каратал — горный хребет 102, 292
Каратегин 288
Каргалы — р. 363, 364
Каркара — р. 103, 104, 245, 251, 252, 253, 254, 255, 257, 445, 446
Каркаралинский округ 193, 213, 214, 228, 230, 547
Каркаралы (Каркаралинск) — г. 207
Каскелен — р. 275, 281, 282, 289
Каспийское море 236
Кату — горы 92
Кашгар — г. 85, 86, 87, 97, 98, 99, 100, 105, 115, 291, 301, 307, 323, 345, 423, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 451, 454, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 466, 467, 468, 469, 470, 472, 480, 481, 482, 483, 488, 489, 493, 494, 497, 500, 502, 506, 507, 510, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 525, 526, 527, 529, 536, 537, 538, 540
Кашгар-Дарья — р. 490
Кашгария 390, 487, 488, 489
Кашгарская теснина см. Теректы-Даван
Кашкасу — р. 451
Кашкасу — проход 448
Кегень — р. 103, 104, 115, 253, 445, 446
Кем (Енисей) — р. 105, 108, 328
Кемчук — р. 105, 108
Керия — р. 100, 442
Кетмен-тупе — крепость на р. Джумгале 116
Кеушентау — горы 253
Кийсык-Ауз — горы 243
Киргизская степь 89, 91, 131, 214, 378, 412, 577
Киргизский Алатау 253
Китайский Туркестан 87
Китай 94, 116, 129, 189, 256, 288, 291, 294, 295, 296, 328, 329, 330, 333, 363, 364, 370, 379, 380, 382, 383, 385, 397, 404, 406,

407, 412, 423, 415, 416, 417, 419, 425, 426, 431, 437, 438, 441, 483, 487, 492, 500, 508, 510, 511, 512, 514, 524, 531, 533
Кия — проход 285
Коканд — г. 84, 87, 115, 116, 130, 201, 228, 288, 290, 291, 292, 296, 299, 300, 302, 323, 438, 463, 464, 466, 471, 473, 475, 481, 483, 488, 489, 490, 497, 498, 502, 505, 517, 520, 521, 522, 523, 525, 526, 529, 530, 531, 533, 534, 535, 537, 538, 541
Кокандское ханство 84, 523, 524
Кокжар — проход 252, 446
Коккия — горы 451, 455
Коксу — р. 283, 292, 364
Кокчетав — г. 214, 305, 550, 554, 557, 560, 565, 569, 571, 577
Кокчетавский округ 184, 213, 226, 229, 510
Корымды — р. 260
Красноярск — г. 107
Кугантер — р. 243, 244
Кузнецк — г. 307, 311, 327
Кукбекты (Кокпекты) — село 237
Кульджа — г. 88, 281, 283, 295, 363, 367, 368, 385, 388, 390, 393, 398, 411, 412, 418, 422, 426, 429, 430, 431, 440, 441, 447, 460, 466, 490, 495, 512, 582, 583, 586, 587, 592, 594, 596, 598
Кума — р. 132, 137
Кунгей-Алатау — горный хребет 275
Курменты — проход 244
Курменты — р. 244, 273, 274, 275
Куртка — крепость на р. Нарыне 467, 468, 470, 471, 479, 473, 474, 475, 479, 480, 482, 483, 534, 541
Куш-Мурун — горы 252, 253, 366
Куулук — горы 249, 250, 251, 252, 253
Куча — г. 423, 441, 501, 517
Куэнь-Лунь — горная система 99, 105, 307, 513
Кызылкия — р. 272, 364
Кызылсу — р. 305, 450, 453
Кяхта — г. 85, 396, 438

Лабасы — горы 253, 281
Лепсы — р. 241, 242, 286
Лобнор — оз. 487

Мавераннахр 84, 424, 441
Малая Бухария (Синьцзянско-уйгурская авт. область КНР) 85, 98, 99, 115, 158, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 497, 498, 499, 500, 502, 503, 505, 507, 508, 509, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 518, 530, 536, 541, 598
Малая Орда 97, 99, 209, 553
Мало-Бухарская равнина (Таримская впадина) 453
Манас — г. 114

Маньчжурия 411
Маргелан — г. 115, 454, 520, 521, 522, 523, 539, 588
Мекка — г. 187, 427, 530
Мерке — р. 245, 249, 250, 251, 252, 253, 258, 260
Мирджай — горы 100, 442
Могулистан (Моголистан, см. также Могул-улус) 99, 100
Монголия 307, 334, 398, 418
Музарт — горный хребет 104, 441, 490
Мустаг — горы 288

Наманган — г. 115, 520
Нан-Лу 85
Нарын — р. 87, 97, 116, 448, 453, 469, 471, 473, 474, 475, 478, 479, 534, 537

Омск — г. 97, 107, 224, 226, 545, 560, 561, 564, 570, 571, 573, 578, 579, 580, 581, 582, 594, 595
Онон — р. 310, 329
Оренбург — г. 579, 580
Отрар — г. 256
Ош — г. 115, 116, 521, 537, 538

Пекин — г. 396, 398, 418, 438, 506, 509, 598
Петербург — г. 135, 397, 427, 428, 522, 556, 557, 561, 565, 568, 570, 575, 576, 577, 578, 579, 580
Петропавловск — г. 230, 549, 550, 554, 557, 565, 569
Пишпек (Фрунзе) — г. 115, 116, 291, 449, 534, 552

Ревель — (Таллин) — г. 580
Россия 83, 85, 87, 104, 124, 131, 132, 134, 187, 189, 196, 197, 200, 290, 313, 424, 430, 460, 595
Русская Джунгария 92, 94

Сагайская степь 108
Сагайская волость 108
Сайрамкуль (Сайрамнур) — оз. 391, 411
Самарканд — г. 84, 256
Санташ — проход 245, 253, 255, 256, 257, 259, 272, 275, 286, 363, 449, 450
Сарканд — р. 285
Сарыбулак — р. 244, 273, 274, 391, 401, 426, 429, 430, 586
Сарысу — р. 226, 345, 378
Сарыджаз — р. 252, 253
Сатлы — р. 364

Саты — р. 276, 278
Саускандык — горы 246
Семипалатинск — г. 236, 458, 459, 466, 483, 545, 547, 548
Семипалатинская область —237
Семиречий край (см. Семиречье)
Семиречье 88, 281, 283, 291, 333, 440
Сибирь 89, 95, 105, 106, 107, 130, 227, 273, 307, 310, 323, 332, 474, 549, 568
Соготы (Сугуты) — горы 102, 245, 246, 247
Средняя Азия — 83, 85, 89, 94, 95, 97, 98, 100, 110, 139, 189, 228, 288, 292, 297, 306, 324, 326, 327, 332, 415, 498, 521, 524
Средняя Кайсацкая Орда (см. Средняя Орда)
Средняя Орда — 96, 97, 117, 126, 208, 209, 211, 293, 304, 553, 555
Сулу-Карачокы — урочище 247
Сумбенен-Тау (Сумбе) — горы 253
Суттыбулак — р. 243
Суукджайлау — горы 285
Сыр-Дарья — р. 97, 378, 453
Сыр — плато 272, 448, 452, 454, 467, 470, 475, 534
Сырымбет 277, 555, 575
Сычуань —491

Талгар — р. 243, 280, 281, 354
Талас — р. 92, 113, 115, 116, 290, 305, 343, 344, 534
Тарагай — плато 448, 453, 473, 475, 477, 479, 480
Тарбагатай — горный хребет 92, 321, 418.
Тарим-Гол — р. 487
Тасма — холм, гряда 253, 254, 256, 259, 264, 272, 273
Тардысу — р. 260
Ташкент — г. 84, 120, 258, 302, 303, 304, 459, 460, 483, 521, 523
Ташкурган — крепость на Памире 116, 534
Ташмылак — г. 116, 492, 529, 533, 598
Ташрабат — развалины древнего караван-сарая 448, 469
Тикжол — р. 244
Текес — р. 103, 104, 115, 253, 411, 445, 446, 447, 450, 454, 587
Темерлик — р. 245
Теректы-Даван — проход 445, 452, 453
Теректинское ущелье 454, 455, 463
Теректы — р. 283, 286, 467, 537
Терсаккан — пикет 282
Тибет —99, 105, 311, 312, 418, 419, 423, 442, 505, 535
Тобулготы — р. 258, 259
Тогузтарау — крепость на р Нарыне 116, 534
Токмак — укрепление (в наст. вр. г.) 116, 534
Томск — г. 307, 311
Томь — р. 307, 311, 323
Торайгыр — горы 102, 245, 246, 247, 249, 253
Торгат — урочище 468, 470, 471
Тогузтарау 473, 474

Тулпарташ — урочище 268
Тургень-Аксу — проход 260, 280, 448
Тургень — р. 246, 272, 274, 280, 363
Туркестан г. 122, 257, 261, 303, 354, 520, 521
Турфан — г. 355, 445, 447, 448, 467, 490, 494, 501, 535
Турция 205
Тюмень — р. 327, 458
Тюп (Туп)— р. 255. 256, 257, 258, 259. 260, 263, 264, 272, 275, 364
Тянь-Шань — горы 87, 88, 89, 99, 107, 288, 319, 380, 445, 447, 450, 453, 479, 487, 527, 534, 535

Урга — г. 107
Урумчи — г. 106. 114, 411, 495, 510, 512, 597
Урюкты — р. 274
Усек — р. 363, 368, 369, 370, 371, 373, 377
Усть-Каменогорск — г. 107
Уссури — р. 491
Уфа — г. 229
Уч-Турфан — г. 288, 423, 442, 466, 494. 506. 507
Уш-Турфан см. Уч-Турфан
Уч см. Уч-Турфан
Учбурхан — урочище 457
Учбулак — р. 244, 279
Учбайсары — р. 243
Учкакпак — проход 447, 448
Учкумбель — хребет 249
Уч-Мерке — р. 102

Фергана — г. 84, 413

Хангай — горный хребет 160, 107.
Хантау — горы 91
Хива — г. 84
Хонакай — г. 94
Хотан — г. 423, 442, 445, 493, 494, 501, 507, 517, 533, 534, 536
Хоргос — г. 380
Хотан-Дарья — р. 442
Хуанхэ — р. 310, 327, 418

Чадыркуль (Чатырколь)— оз. 448, 453, 468, 469
Чадырташ — урочище 453
Чалкуду — р. 104
Чарын — р. 245, 247, 249, 250, 251, 252, 304
Чатлы (см. также Сатлы) — р. 244
Чаты (см. также Саты)— р. 260, 261, 275, 277

Чахыркорумский проход 453
Черный Иртыш — р. 106, 114, 548
Черный Юс — р. 311
Чигу — г. 94, 333, 470
Чилик — р. 243, 244, 245, 246, 249, 260, 261, 274, 278, 304, 587
Чирганакты — р. 250, 252, 254
Чифанзе — г. 380
Чистая — станица 190
Чон-Каркара — р. 2, 252
Чу — р. 91, 92, 113, 115, 226, 258, 291, 292, 299, 301, 303, 304, 305, 322, 343, 344, 345, 473, 534, 551
Чубарагач (Шубарагаш) — урочище 284, 286, 377
Чугучак — г. 391, 512
Чуя — р. 311

Шанхай — г. 85, 395
Шаньси — 491
Шилка — 310

Эмен — гора 272

Югенташ (Уйгенташ) — проход 363, 364, 366, 440
Юсагачский (Джуэагачский) — пикет 241
Юрункаш — р. 442
Юс — р. 105

Яксарт (Сыр-Дарья) — р. 87

Ямышевская станица 190
Янцзыцзян — р. 418
Янысар — г. 87, 445, 462, 494, 507, 513, 517, 532
Яркенд — г. 87, 100, 375, 423, 442, 445, 462, 463, 483, 493, 494, 500, 501, 505, 506, 507, 508, 509, 517, 529, 536.
Яркенд-Дарья — р. 490

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ И ПЛЕМЕН

Адбан (албан) 118, 253, 255, 278, 283, 588, 595
Адгэне 115, 116, 533
Айтбузум (айтбозум) 102, 103
Алтайские калмыки (алтайцы) 132
Армяне 86, 538
Аргын 209. 281, 285, 305

Башкиры 126, 200, 229, 367, 383
Бассыз 115, 474, 475
Бугу 104, 115, 116, 251, 253, 254, 255, 263, 268, 273, 290, 294, 295, 296, 300, 302, 305, 338, 446, 447, 448, 450, 467, 473, 474, 475, 477, 535, 595
Булу 106, 324
Буруты (см. также киргизы) 95, 96, 97, 105, 106, 110, 288, 307, 312, 314, 323, 326, 327, 413, 490
Буряты 201, 310, 419

Волжские калмыки 132, 135, 137

Галча (горные таджики) 97
Гао-гюй 109
Гунны 109, 150, 321, 325, 332

Дахуры 411, 491
Джалаиры 101, 283, 587
Джелден 272
Джунгары (ойраты) 100, 105, 107, 108, 121, 123, 303, 307, 313, 323, 327, 411

Дикокаменные киргизы (см. также киргизы) 95, 97, 105, 106, 109, 115, 126, 151, 161, 163, 166, 249, 255, 257, 258, 261, 263, 265, 269, 272, 279, 280, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 312, 314, 321, 322, 326, 327, 335, 337, 339, 341, 344, 345, 413, 445, 446, 453, 469, 471, 489, 519, 521, 533, 540, 551
Долоны 490 .
Дулаты 118, 255, 279, 280, 292, 589
Дулгасцы — см. тугю
Дулцы см. дулгасцы
Дунгане 491, 583, 586, 587

Евреи (бухарские) 493

Зюнгары см. джунгары

Ичкилик 110, 116, 533

Казахи 95, 96, 97, 106, 110, 111, 112, 113, 117, 119, 121, 123, 125, 126, 129, 136, 138, 139, 142, 144, 145, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 187, 190, 191, 192, 193, 194, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 234, 238, 244, 245, 246, 247, 255, 256, 258, 263, 265, 287, 288, 291, 293, 294, 303, 305, 306, 308, 312, 313, 314, 321, 322, 323, 326, 335, 336, 337, 339, 340, 343, 345, 428, 473, 490, 563, 567, 573, 595,
Казанские татары 189
Кайсаки см. казахи
Калмыки 97, 104, 106, 111, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 136, 247, 249, 253, 257, 291, 303, 312, 345, 351, 366, 375, 390, 391, 403, 411, 441, 490, 512, 534, 587
Каракесек аргын 137
Кара-кереи 131
Кидане 150, 160
Кипчак 110, 116, 209, 475,
Киргиз-кайсаки см. казахи
Киргизы 85, 87, 92 94, 95, 96, 97, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 112, 114, 115, 116, 126, 132, 258, 259, 261, 264, 265, 266, 268, 273, 277, 288, 291, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 310, 312, 314, 323, 326, 327, 328, 338, 343, 345, 363, 375, 390, 413, 430, 440, 447, 449, 451, 452, 454, 455, 474; 475, 476, 478, 480, 490, 492, 505, 510, 519, 523, 533, 534, 535, 537, 587, 592, 595, 597
Кирей (керей) 209

Китайцы 84, 86, 87, 94, 95, 100, 106, 107, 109, 121, 122, 283, 288, 307, 314, 325, 326, 329, 338, 366, 367, 368, 369, 372, 375, 380, 383, 388, 391, 392, 393, 395, 397, 398, 401, 402, 407, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 420, 424, 425, 429, 430, 433, 434, 436, 438, 440, 441, 470, 488, 489, 490, 491, 495, 496, 498, 499, 502, 504, 507, 508, 510, 511, 512, 513, 515, 516, 517, 518, 523, 524, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 533, 535, 539, 541
Команы 150
Комульцы (уйгуры оазиса Комула) 515
Конрад 209
Корелы 112
Крымские татары 189
Кульчугач 473
Курды 228
Кыдык 104, 450
Кызыл-борк 103, 244, 587
Кыпчак см. кипчак
Кытай 110, 116

Маньчжуры 383, 403, 411, 412, 414, 419, 425, 431, 491, 511, 583, 586, 587, 592, 594
Монголы 95, 97, 105, 106, 108, 145, 150, 153, 155, 165, 167, 309, 321, 325, 326, 334, 412, 413, 423
Мунулдыры 471, 473, 374, 533

Найман 110, 116, 119, 131, 136, 209, 285, 305, 314, 527, 533
Ногайцы 96, 110, 111, 112, 113, 117, 119, 200, 228, 258, 259, 322, 323, 326, 345, 349, 452, 415

Ойраты 99, 107, 307, 311, 321
Ойхоры 325, 329
Остяки 191, 194

Полу см. булу

Сагайцы 108
Салмеке 103, 254, 263
Сарты 254, 280
Сарыбагыш 105, 115, 244, 245, 254, 261, 268, 273, 275, 280, 290, 302, 303, 304, 448, 475, 480, 535

Сары-уйсунь 95
Саяк 115, 291, 304, 305, 471, 473, 474, 475, 535
Сибо 380, 383, 390, 391, 411, 491, 492, 583
Славяне 95
Солоны 375, 376, 377, 380, 383, 390, 391, 411, 491, 492, 592
Солту 105, 115, 291, 304, 305, 535
Суваны 118

Таджики 97, 423, 424, 529
Тагай 115
Таранчи 402, 410, 411, 586, 587, 588, 594
Татары 189, 193, 200, 228, 229, 322, 338, 339, 427, 428, 431, 450, 472, 493
Телэ см. гао-гюй
Торгоуты 124, 391
Тунгени 491, 583, 586, 588, 594, 598
Турайгыр-кипчак 116, 491, 492, 598
Туркменцы (туркмены) 112
Туфаны (тибетцы) 109
Тугю 94, 109, 321, 333, 397, 415
Тюгю см. тугю

Увак 209
Узбеки 110, 111, 115, 117, 118, 292, 322, 323, 326, 424, 523, 532,
Уйгуры 412, 413, 423
Уйсуни 95, 96, 117, 118, 119, 120, 305, 327, 333
Урянхайцы 108, 321, 323, 326

Финны 94, 95

Хакасы 95, 105, 106, 327, 328, 329, 330, 413
Хой-хой 398, 408, 412, 583, 594
Хунны см. гунны

Цыгане 86

Чанту (уйгуры) 403, 410, 412, 490
Чапрашты 280
Чирик 115, 472, 474, 475, 476, 479, 535
Чилэ см. гао-гюй
Чонбагыш 115, 454, 525,
Чора 473
Чохоры 391, 511

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАРИСОВОК ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

1. План крепости Куш-Мурун.
2. Аул Сырымбет.
3. План стоянки аула на Яйлаке.
4. Изображение Тамгалы-Тас на р. Или (XVIII в.).
5. Развалины мавзолея Айт-Булат на р. Сары-Су (XII—XIII вв.).
6. 1 — алакан; 2 — нагайка (рукоятка и плетень).
7. Суйыл.
8. Селебе или жеке-ауз (тип кинжала)
9. Буйда печак (нож).
10. Наконечник копья.
11. 1 — саут-бузар, 2 — козу-жаурын, 3— стрела с наконечником.
12. Лук и колчан.
13. Пояс.
14. Патронташ из сайгачьих рогов.
15. Зодиакальный круг.
16. Казашки у колыбели
17. Схематическая карта степных округов.
18. Схематическая карта степных областей.
19. Каменные изваяния у могилы Козы-Корпеш и Баян-Слу.
20. Ночлег русского отряда на р. Мерке (на территории дикокаменных киргизов).
21. Архитектурные сооружения иссык-кульских киргизов.
22. Женщины иссык-кульских киргизов.
23. Маршрут Ч. Валиханов при поездке в Кульджу.
24. Совещание Ч. Ч. Валиханова и И. И. Захарова с представителями Китайского правительства (1856). И. И. Захаров вручает туголдаю грамоту на маньчжурском языке.
25. Китайская чайхана в Кульдже.
26. Схематическая карта Восточного Туркестана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная часть

От составителей 9
Сокращения, принятые при указании места хранения рукописей или документа 14
Жизнь и деятельность Чокана Валиханова 15

Сочинения Ч. Ч. Валиханова. Казахи и киргизы

Очерки Джунгарии 83
Предания Большой киргиз-кайсацкой орды 117
Исторические предания о батырах XVIII в. 121
Шуна-батыр 130
Вооружение киргиз в древние времена. 138
Следы шаманства у киргизов 144
Тенгри (бог) 177
О мусульманстве в степи 187
Записка о судебной реформе 196

* *
*

Дневник поездки на Иссык-Куль 236
Киргизы . . . . . 287—360
Введение . . . . . —
Разделение на сословия, манапы и их значение 289
Народное богатство. Скотоводство 292
Исторические предания дикокаменных киргиз 297
История орды 306
Древности 331
Язык 335
Самородная словесность 338
Смерть Кукотай-хана 346

Восточный Туркестан

Дневник путешествия. Записки и исследования.

Западный край китайской империи и г. Кульджа . . . 363
Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ . 444

О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)

Описание Алтышара или Кашгарии 487
Введение . . . . . —
Народонаселение и состав его 489
Правительственная система и политическое состояние края. 505

Письма

А. Н. Бекетову, К. К. Гутковскому, Ф. М. Достоевскому. Г. А. Колпаковскому, А. Н. Майкову. 545

Примечания и указатели

Примечания к текстам Чокана Валиханова 603
Указатель печатных трудов Ч. Ч. Валиханова 620
Указатели имен собственных 621
Перечень зарисовок Чокана Валиханова 641

Художеств. редактор П. Гаев
Художник А. Сергеев
Техредактор С. Ищанов
Корректор М. Кац

Подписано к печати 15/XI-1958 г. Изд. № 21.
Формат $84\times108^{1}/_{32}=20{,}12$ п. л.—33 усл.-п. л.
(33,5 усл.-п. л. + 1 вклейка). Тираж 20000.
Цена 22 руб. 50 коп.

Алма Атинская типография № 1 Главиздата Министерства культуры
КазССР. г. Алма-Ата, Талгарская, 2. Зак. № 362.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
156		4	возможности	важности
160		5	„Сүт көп, көмір аз“	„Сүт көп, көмір аз“[61]
187		1	киргиз-кітал	кигіз-кітап
237	16—17		Генерал-губернотор	Генерал-губернатор
247		14	Кунгей горы, Турайгыр	Кунгей горы Турайгыр
278		4	„адбан“	„албан“
337		20	учала	учала—коуз
371		5	Ilmus	Ulmus
400	15		ultra	ultra
449	5		1/40 или часть 1/2	1/40 часть или 1/2
563		1	голосований*) -	Подстрочное примечание на стр. 564
629	18		Баян-Ааул	Баян-Аул
635		14	Хангай—горный хребет 160	Хангай — горный хребет 106
639		13	мунулдыры 374	мунулдыры 474